

*Генерального штаба генерал-лейтенант,
профессор Николай Николаевич Головин
в Обществе ветеранов Великой войны.
Сан-Франциско, начало 1930-х годов*

ТРУДЫ II МЕЖДУНАРОДНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ,

посвященных памяти профессора,
Генерального штаба генерал-лейтенанта
Николая Николаевича Головина
(1875–1944)

Белград, 10–14 сентября 2011 года

Создание Русского Корпуса
70 лет
1941–2011

Санкт-Петербург
2012

**ББК 63.3(2)6-8Головин
Т27**

Историко-культурный центр «Белое Дело» и организаторы мероприятия благодарят военно-исторический журнал «Новый Часовой», историко-документальный альманах «Русское прошлое» (Санкт-Петербург), отдел коллекций России и стран СНГ Гуверовского архива Стэнфордского университета (Hoover Institution Archives, Stanford University), программу «Служу Отчизне» (Первый канал) за предоставление историко-документальных материалов и поддержку научной программы II Головинских чтений.

Рецензенты:

*ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института
истории РАН доктор исторических наук А. Н. Цамутали,
доцент кафедры истории
Государственного архитектурно-строительного университета
кандидат исторических наук В. Ю. Жуков*

*Научный редактор:
кандидат исторических наук К. М. Александров*

Составители сердечно благодарят режиссера-кинодокументалиста В. С. Правдюка (канал «Культура», Санкт-Петербург), Д. Н. Васильева, режиссера программы «Служу Отчизне» А. В. Кириченко, И. А. Николаева (Москва), архимандрита Никона (Лысенко) (Таганрог), д. ф. н. С. В. Шешунову (Дубна), Д. Ю. Базанова (Екатеринбург), А. В. Александрову, капитана II ранга запаса Д. М. Гузаирова, М. И. Никифорову, Е. А. Никифорова, Т. В. Савицкую, В. Ю. Савицкого (Санкт-Петербург) за помощь и участие в подготовке чтений.

Труды II международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина. Белград, 10–14 сентября 2011 года. Сборник статей и материалов / Составители К. М. Александров, О. А. Шевцов, А. В. Шмелёв. — СПб.: Скрипториум, 2012. — 432 с.

ISBN 978_5_905011_09_2

На авантитуле — академический знак Зарубежных Высших военно-научных курсов систематического изучения военного дела, работавших под руководством профессора Н. Н. Головина в Париже в 1927–1939 годах.

© ИКЦ «Белое Дело», 2012
© Авторы публикаций, 2012
© Скрипториум, оформление, 2012

И. В. Домнин

Генерал-лейтенант Николай Николаевич Головин — крупнейший деятель военной культуры Русского Зарубежья

Восемьдесят лет тому назад, 31 января 1931 года в Белграде, в офицерском собрании на Дечанской улице, 18, в присутствии более чем 150 русских офицеров состоялось открытие Белградского отделения Зарубежных Высших военно-научных курсов (ЗВВНК) профессора генерала Н. Н. Головина. Через четверть века бессменный руководитель белградских Курсов Генерального штаба генерал-майор А. Н. Шуберский издал брошюру об их истории и деятельности¹. Ей предпосланы строки, которыми и я хотел бы предварить свой доклад:

***Посвящается доблестным русским офицерам,
добровольно пошедшим на трудную долголетнюю научную работу,
не имея в виду никакой реальной перспективы.***

Тема, безусловно, предполагает освещение не только деятельности, но и отдельных биографических моментов, а также оценок личности Николая Николаевича Головина, но лишь в той мере, в которой это необходимо и возможно в данном выступлении. С сожалением замечу: если основные вехи его служебного и научного пути интересующейся публике известны, то более или менее полного, достойного жизнеописания крупного военачальника и выдающегося ученого у нас до сих пор нет и неизвестно, когда появится. Пока наблюдается постоянное перетаскивание одних и тех же биографических сведений из публикации в публикацию. Мы даже не располагаем сколько-нибудь приличными фотоматериалами с изображением Головина, его портретами. Как правило, всюду фигурируют две-три фотографии низкого качества. Между

Домнин Игорь Владимирович — помощник директора Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, заместитель редактора «Российского военного сборника», полковник запаса (Москва).

тем, совершенно немислимо предположение о полном отсутствии таких материалов. В единственной диссертации И. В. Образцова, посвященной творчеству Головина², (и некоторых других его публикациях) биография отражена, но также фрагментарно. Большую услугу отечественной военной истории окажет тот, кто напишет серьезную биографическую работу, посвященную генералу Головину.

***Военная культура Русского Зарубежья,
ее белградская ветвь и генерал Н. Н. Головин***

В качестве базового понятия применительно к деятельности русской военной эмиграции автор настоящего доклада давно использует термин **военная культура** как вбирающий в себя всю многогранную деятельность русского воинства на чужбине в материальной и духовной сферах военного дела, а также уровень и качество результатов данной деятельности. Основными компонентами этой культуры выступают военная организация, военная мысль, военная школа, военная печать, культурно-историческая и мемориальная деятельность. Дифференциация во многом условна, ибо подчас сложно провести строгие границы перечисленных сфер, но именно такое разделение в конечном итоге, на мой взгляд, позволяет наиболее адекватно и полно представить это уникальное явление. Военная культура Русского Зарубежья, зафиксированная в исторических документах и свидетельствах, эпистолярном наследии, рукописях воспоминаний и теоретических работ, печатных трудах, периодике, архивных, библиотечных, музейных собраниях, иных формах важна для нас как совершенно особая часть отечественной военной культуры, как выражение самосознания русской военной эмиграции, показатель ее духовного качества, как творческий акт и результат непрерывной интеллектуальной и душевной работы, совокупность информации, выводов, уроков, идей, как смысл и оправдание ее (своего) изгнания.

Имея редкую, замечательную возможность выступить перед коллегами-исследователями в столице Сербии, коснусь белградской ветви военной культуры русской эмиграции. Напомню, что в Белграде и пригородах в начале 1920-х годов сосредоточились несколько тысяч чинов Русской армии. С образованием в сентябре 1924 года РОВС Белград стал центром IV отдела (начальник — генерал-лейтенант И. Г. Барбович). В него входили десятки союзов и обществ (по принадлежности к полкам старой армии, частям периода гражданской войны, военно-учебным заведениям, по воинским специальностям и т. п.), которые были созданы в первые же месяцы или годы по прибытии воинства в ходе нескольких эвакуаций с Юга России, из Галлиполи, Болгарии и т. д. Еще

до РОВС был создан Совет Объединенных Офицерских Обществ (председатель — генерал от инфантерии Э. В. Экк). Все они с начала и до 1941 года, и даже до «второго исхода» в 1944 году, действовали и были жизненной опорой воинству, катализаторами его общественной и творческой жизни.

Мы уже упоминали Зарубежные Высшие военно-научные курсы генерала Головина, работавшие в Белграде под руководством генерала Шуберского, но в столице королевства существовали и военно-училищные курсы при РОВС, и военная секция Русского научного института... Этот город стал также центром военной печати. Уже в 1921 году усилиями Генерального штаба полковников В. М. Пронина, И. Ф. Патронова, Р. К. Дрейлинга и других офицеров возобновило свою деятельность Общество ревнителей военных знаний, здесь они начали издавать возрожденный «Военный Сборник» — главный военно-научный печатный орган эмиграции до начала 1930-х годов. С 1925 года выходил «Русский военный вестник», затем — «Царский Вестник» (редактор — поручик Н. П. Рклицкий), ставший кафедрой для многих военных авторов, в том числе и для А. А. Керсновского, хотя он и проживал в Париже. Все тридцатые годы параллельно печаталась военно-общественная газета «Русский Голос». Оставили след в истории русской печати на чужбине и журналы «Артиллерийский Вестник», «Осведомитель», «Военный Журналист».

В 1920–1930-х годах поддержанием и развитием военных знаний, военной мысли активно занималось Районное правление Общества Русских Офицеров Генерального Штаба в Югославии. В течение нескольких лет оно проводило Конкурсы на лучшие труды по военно-научным вопросам. Боевые офицеры, генералы, изголодавшиеся по интеллектуальной, творческой работе, несмотря на тяжелые бытовые условия, стремились осмыслить огромный, еще не забытый боевой опыт, выносили на суд читателей десятки работ и даже объемных трудов. Среди победителей назовем генерала от инфантерии В. Е. Флуга, Генерального штаба генерал-лейтенанта В. Н. Доманевского и генерал-майора А. Н. Виноградского, Генерального штаба подполковника Е. Э. Месснера, умудрявшегося представлять на конкурсы сразу по два сочинения одновременно³. Помимо упомянутых лиц в Белграде в те годы трудились на военно-научной ниве генерал от кавалерии А. М. Драгомиров и Генерального штаба генерал-лейтенант В. М. Драгомиров, Генерального штаба генерал-лейтенант В. Е. Борисов, генерал-майоры профессор В. И. Баскаков, И. С. Свищов, Б. А. Штейфон, полковники В. В. Балцар, Б. Н. Сергеевский, И. М. Новиков, генерал-майор В. Н. Полянский и многие другие генералы и штаб-офицеры. Большая работа велась по сохранению памяти о Русской Императорской армии, составлялись

полковые истории и даже музеи, как, например, великолепный Музей Русской Конницы, располагавшийся в одном из помещений знаменитого Русского Дома.

Н. Н. Головин приезжал в Белград как минимум дважды. В последний раз — в конце октября — начале ноября 1933 года для инспектирования своих курсов и оказания методической помощи руководителям, а также чтения лекций по истории Великой войны, «тихоокеанской проблеме» и социологии войны, состоявшихся с большим успехом в переполненном концертном зале нового тогда Русского Дома императора Николая II⁴. Но на протяжении более чем десяти лет он направлял деятельность своих Курсов, с 1925 года состоял главным редактором белградского «Военного Сборника», в котором печатал и свои работы. Именно в Белграде вышел в свет его программный труд «Мысли об устройстве будущей Российской Вооруженной Силы»⁵, изучавшийся всеми русскими офицерами, стремившимися к поддержанию и развитию военных знаний. В Белграде 19 февраля 1944 года, на сороковой день после кончины Н. Н. Головина, в том же зале, где он выступал за 10 лет до того, состоялось траурное собрание, и пять офицеров, считавших себя его соратниками и учениками, выступили с памятными речами⁶. Все это дает повод говорить о постоянном незримом, духовном присутствии Николая Николаевича в военной семье русского Белграда. Впрочем, как и среди воинства многих других центров всемирного русского рассеяния.

Профессор Головин — организатор дела военного образования на чужбине

Две важнейшие заслуги Н. Н. Головина — это создание в эмиграции русской высшей военной школы и написание целого ряда оригинальных, во многом новаторских трудов в области военной истории и теории.

Необходимо задаться вопросом: почему именно Головину генерал-лейтенант П. Н. Врангель и Великий князь Николай Николаевич поручили дело организации высшей военной школы Зарубежья? В Европе находились девять профессоров Императорской Николаевской военной академии (Николаевской академии Генерального штаба), один бывший ее начальник (генерал от инфантерии Д. Г. Щербачёв), целый ряд выдающихся опытных генштабистов. Предложения о разработке проекта академических курсов делались не одному Головину. Так, в апреле 1922 года штаб Главнокомандующего специальным отношением за подписью генерала от кавалерии П. Н. Шатилова предлагал Генеральному штабу генерал-лейтенанту Л. М. Болховитинову (состоявшему при

Кубанском генерала М. В. Алексева военном училище) представить такой проект. И Болховитинов с готовностью отозвался⁷. Но претворения проекта в жизнь не последовало. Между тем, болховитиновская разработка любопытна, особенно в сравнении с осуществленным позже проектом Головина. При многих принципиальных совпадениях в проектах есть и характерные отличия. Например, признание Болховитиновым абсолютно не нужными для изучения в тех условиях военной психологии и социологии, в то время как, по Головину, это важные и перспективные дисциплины.

В 1921–1924 годах и генерал Врангель, и Великий князь Николай Николаевич за бесчисленными жгучими вопросами размещения воинства в беженстве, содействия его выживанию, занятости, сохранения организации не упускали из вида необходимость идейного вооружения и разработки военной доктрины. Подразумевалось создание новых боевых уставов и разработка военной теории, построенной с учетом осмысления опыта, истории Великой и гражданской войн. Оба вождя избрали для реализации этих задач генерала Головина. Великий князь всегда благоволил ему, Врангель помнил его как своего академического преподавателя, профессора-новатора. Именно сочетание реформаторского духа и академической основательности, мощного творческого начала и волевой целеустремленности — вот что предопределило лидерство Головина в этой области. Он взялся за осуществление задачи, дотоле немислимой, не имевшей аналогов в военной истории, — поставить дело военного образования *в условиях изгнания*.

Остудив пыл вождей, мечтавших в начале 1920-х годов об организации военно-академических курсов (и даже Военной академии), Николай Николаевич при их поддержке первоначально создал сеть кружков высшего военного самообразования. В «Письмах о военном самообразовании» профессор писал, что оно «требует постоянного волевого напряжения, тем большего, чем труднее жизненные условия»⁸. Головин подбирал руководителей на местах, снабжал их необходимыми программами, материалами, давал методические советы, поддерживал отчаявшихся, укрепляя в них веру в начатое дело. О том, каких организационных усилий и душевных сил стоила Николаю Николаевичу эта деятельность, можно судить, изучая его переписку с генералами М. А. Иностранцевым, В. В. Чернавиным, А. П. Будбергом⁹ и другими научными руководителями на местах. К середине 1920-х годов в разных странах существовало более 25 кружков, в которых занимались свыше 500 человек. Параллельно велась работа по подбору преподавателей для будущих Высших военно-научных курсов.

Головину постепенно удалось собрать вокруг себя в Париже талантливых специалистов. Среди них — Генерального штаба генерал-

лейтенант Н. Н. Алексеев и полковник А. А. Зайцов, ранее упомянутые нами генералы В. Н. Доманевский и А. Н. Виноградский, генерал-майор В. Г. Баранов и другие. Николай Николаевич привлек к своему делу таких мэтров, как генерал от кавалерии П. Н. Краснов, Генерального штаба генерал-лейтенант А. А. Гулевич, генерал-лейтенант И. П. Ставицкий, контр-адмирал А. Д. Бубнов, профессор М. В. Бернацкий. Генерал Врангель, внимательно наблюдавший за этой деятельностью, 22 мая 1924 года писал генералу от инфантерии А. П. Кутепову о необходимости дальнейшей поддержки Головина: «Работа, возложенная на последнего, приносит несомненную пользу, и тем большую, чем больший круг лиц... будет к ней привлечен»¹⁰.

С 1925 года Н. Н. Головин, имевший редакторский опыт еще со времен издания петербургского журнала Общества Ревнителей Военных Знаний, по предложению П. Н. Врангеля становится во главе редакции «Военного Сборника», публикует на его страницах ряд своих работ, прежде всего «Мысли об устройстве будущей Российской Вооруженной Силы», предназначавшиеся для того, чтобы указать главные ориентиры в потенциальном военном строительстве. Сборник продолжал публиковать труды лучших военных умов Зарубежья, постепенно расширяя круг авторов. К сожалению, в 1930 году, после выхода 11 книг, из-за отсутствия финансирования журнал приостановил деятельность, а фактически закрылся, хотя в его портфеле находилось немало ценных материалов. Правда, в тот же год в Париже началось издание ежемесячной газеты «Русский Инвалид» (с 1924 года выходил один номер ежегодно), в которой генерал Головин согласился занять должность помощника главного редактора (первоначально генерала от кавалерии Н. Н. Баратова, затем — Генерального штаба генерал-лейтенанта М. Н. Кальницкого), по сути, определяя характер и содержание газеты. С этой «кафедры» профессор выступал до 1940 года.

Открытие в марте 1927 года Высших Зарубежных военно-научных курсов в Париже, которые вскоре по настоянию Великого князя Николая Николаевича приняли имя своего создателя и руководителя, продемонстрировало лидерство профессора Головина в военно-учебной и научной работе Зарубежья. А создание через четыре года филиала ЗВВНК в Белграде закрепило эту лидирующую роль. «В далеком Париже виднелся и чувствовался большой русский военный ученый и полный в нашем деле авторитет — наш главный руководитель»¹¹, — писал преподаватель курсов полковник Б. Н. Сергеевский о Головине, снискавшем искреннее уважение русских офицеров в разных странах как известный боевой генерал, ученый и научный руководитель. Артиллеристы в Париже, вдохновленные его лекциями, посвящали ему неприятные, но искренние стихотворные строчки в своем «Артиллерийском журнале»:

За Ваши доклады с сердечным приветом
Я к Вам обращаюсь в собрании этом.
Вы яркими красками нам описали,
Как наши герои в боях умирали,
В местах, где к Отчизне с горячей любовью
Поля оросили своею мы кровью;
Где жизнь за Россию отдать были рады
Солдаты лейб-гвардии Третьей бригады...

.....

И Ваше великое Русское дело,
Что жертву России Европа узрела,
Что подвиги наших дивизий узнала,
Чего не ценила, как должно, сначала...¹²

Когда в 1930–1931 годах Головин выступал с лекциями в Обществе Русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско, приходилось специально снимать в городе большой зал, дабы вместились все желающие — и не только военные.

В 1932 году в Париже и в 1936 году в Белграде выпускники ЗВВНК создали Военно-научные институты, существовавшие при курсах для разработки и освещения актуальных вопросов военной теории и практики. А после Второй мировой войны в Нью-Йорке и Буэнос-Айресе начал свою работу Институт по изучению проблем войны и мира им. профессора генерала Н. Н. Головина¹³. Под их эгидой был издан ряд трудов, в том числе содержащих концепцию «мятежевойны» Е. Э. Месснера, востребованных в России в наше время.

Генерал Н. Н. Головин как военный писатель и ученый

Идейно-творческое наследие Н. Н. Головина значительно и по тематике, и по содержанию. До Великой войны он был известен как молодой профессор Императорской Николаевской военной академии, автор первой диссертации по военной психологии, работ по совершенствованию высшей военной школы, по разным службам Генерального штаба¹⁴. Изучение трудов, созданных в эмиграции, показывает, что в них ученый в значительной степени пытался реализовать методы, замыслы, идеи, которые разрабатывал и вынашивал еще до войны. В начале 1920-х годов Головину пришлось основные усилия сосредоточить на концептуальных проблемах и новых факторах военного искусства. Это нашло отражение в «Мыслях об устройстве будущей Российской Вооруженной Силы», работах «Авиация в минувшую и будущую войну», «Танки в минувшую и будущую войну», «Современная конница»¹⁵ и т. п. Решая педагогические задачи, он публикует соответствующие книги:

«Развитие основных идей современной тактики», «Тактика в задачах»¹⁶ и др. К этой группе отнесем и небольшую книжку «Суворов и его “Наука побеждать”»¹⁷, на страницах которой автор как педагог знакомит читателей со своим пониманием заветов и уроков великого полководца, в том числе на примерах Великой войны.

Следующий блок наследия — четырехтомный труд по истории Первой мировой войны «Из истории кампании 1914 года на Русском фронте», не имевший аналога в Зарубежье и в Советской России¹⁸. Труд военно-исторический, но насыщенный статистикой и военно-психологическим содержанием. Он принес автору известность в военно-научной среде разных стран. Головина пригласили читать лекции по данной теме в военных академиях Франции и США. Не обошел вниманием ученый и гражданскую войну, эту незаживавшую рану изгнанников. Пять томов его «Российской контрреволюции в 1917–1918 гг.» (12 книжек)¹⁹ широко разошлись по эмиграции. Благодаря тому что издание представляло собой приложение к «Иллюстрированной России», его распространение было довольно широким, как и обсуждение, вызвавшее не только восторги и благодарности, но и критику некоторых штатских коллег²⁰.

Головину удалось, хотя и не полностью, реализовать свой давний замысел и свести в один труд свои прежние наработки по социологии войны²¹. Главная идея ученого заключалась в том, что войну следует изучать как явление *социальное*, опираясь на три составляющих: *военную историю, военную психологию и статистику*. По его убеждению, только сочетание этих аспектов дает верную картину, понимание причин, хода и исхода войны. Данный подход и был им применен в фундаментальной монографии «Военные усилия России в Мировой войне»²². Еще одна группа трудов Головина связана с его военно-политической аналитикой, так как он напряженно следил за состоянием иностранных армий и международной жизнью. Такие исследования ученого, как «Тихоокеанская проблема в XX столетии» (в соавторстве с контр-адмиралом А. Д. Бубновым), «К чему идет Великобритания?», «Современная стратегическая обстановка на Дальнем Востоке»²³ и другие работы отвечали на актуальные вопросы военно-политической жизни, вызывая живой читательский интерес.

Генерал Головин с большим вниманием и тактом относился к творчеству своих коллег, особенно младших. Несмотря на колоссальную занятость, он находил время для ознакомления с рукописями работ, которые присылали ему соратники, зачастую писал предисловия к изданиям или отзывы о вышедших книгах. Профессор горячо рекомендовал читателям книги, впоследствии получившие широкую известность в эмиграции: «Душа Армии» П. Н. Краснова, «6-я батарея, 1914–1917» Б. В. Веверна, «Ганненбергская катастрофа» Ю. Ф. Бучинского²⁴ и другие.

Работы Головина по военному искусству, Первой мировой войне, социологии войны, гражданской войне принесли ему широкую известность не только в эмиграции, но и среди специалистов разных стран. Он органично вошел в русскую и международную научную жизнь: состоял членом Русской академической группы в Париже, преподавал во французской столице на Русском историко-филологическом факультете, участвовал в конгрессах социологов, как признанный специалист читал лекции в военных академиях Франции, США, приглашался и в другие страны. Труд об участии России в Великой войне, изданный в США в 1931 году, Николай Николаевич написал по заказу фонда Карнеги²⁵. По-русски и в расширенном виде он увидел свет в Париже в 1939 году под названием «Военные усилия России в Мировой войне». Книги учебного издания на семи языках, чего не удостоился никто иной среди военных специалистов эмиграции (хотя некоторые печатались в изданиях стран проживания).

Несколько слов необходимо сказать о «военно-научной оппозиции» Головину. Некоторые коллеги «по цеху» не разделяли отдельных педагогических идей Николая Николаевича, подвергали критике его военно-философские установки, исторические оценки. В их числе был Генерального штаба генерал-майор Б. А. Штейфон, отчасти — Генерального штаба генерал-лейтенант А. В. Геруа и другие специалисты. В 1937–1938 годах идейная борьба перешла на газетные полосы. Головин, обороняясь, напечатал в «Русском Инвалиде» большой цикл статей под общим названием «Борьба за реформу нашего высшего военного образования». Штейфону предоставил трибуну «Царский Вестник». Эта дуэль военных умов и разновидность извечного спора западничества и славянофильства крайне познавательна, содержательна, поучительна. Но изложить ее историю здесь решительно невозможно. Она может стать темой отдельного доклада на следующих Головинских чтениях.

В плеяде военных писателей, ученых и педагогов эмиграции профессор Н. Н. Головин заслуженно считается нами самой заметной и крупной фигурой. Обладая солидным военно-научным багажом и авторитетом еще в Императорской России, он и в изгнании до конца остался верен избранному пути. Не напрасно Николая Николаевича называли «рыцарем военной науки». Ему, прежде всего ему принадлежит честь создания русской военной школы на чужбине — беспрецедентного начинания в отечественной военной истории. Перу Головина принадлежат фундаментальные труды в области военной истории, военной теории, военной психологии, военно-политической аналитики. Он же смело взялся за разработку основ новой дисциплины — социологии войны, применяя ее методы в своих исследованиях. В своем творчестве Головин универсален, как никто из его коллег. И по количеству изданных

в эмиграции военно-научных трудов равных ему тоже нет, хотя дело, конечно, не в объеме. Благодаря книгам, которые находились едва ли не в каждой из общественных библиотек и во множестве личных книжных собраний Зарубежной России, публикациям в периодике, редакторской и организационно-педагогической деятельности профессора Головина его имя приобрело широкую известность и популярность в разных уголках всемирного русского рассеяния.

Перечисляя эти заслуги и достижения, мы едва ли полностью отдаем себе отчет в том, каким нечеловеческим напряжением, какой непреклонной волей создавались Высшие военно-научные курсы и институты, издавались военные труды, выходила военная периодика, сохранялась, приумножалась русская военная культура. Нельзя забывать, что это подвижничество во имя будущей Армии, будущей России имело место в чужих странах, в кочевых, полунцищенских условиях быта, без малой толики государственной поддержки. Поэтому сегодня, когда в нашей стране положение в сфере военных знаний, военной печати иначе как плачевным не назовешь, крайне важен пример профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина и его соратников — стойких, умных, верных своему делу и долгу людей, преподававших современникам и потомкам урок творчества, новаторства, подлинной педагогики и незыблемой веры в будущее своей Родины.

Примечания:

¹ Шуберский А. Н. К 25-летию со дня основания высших военно-научных курсов профессора генерала Головина в Белграде. Ментона, 1955.

² Образцов И. В. Концепция «социологии войны» в трудах Н. Н. Головина: Автореф. дис. канд. социол. наук, МГУ. М., 1992.

³ Государственный архив (ГА) РФ. Ф. 5945. Оп. 1. Д. 54. Л.271. В данном случае чин Е. Э. Месснера указан согласно архивному источнику: отзыв генерал-лейтенанта В. М. Драгомирова на сочинение «подполковника Е. Месснера».

⁴ Русский Голос (Белград). 1933. № 134. 29 окт. С. 3.

⁵ Головин Н. Н. Мысли об устройстве будущей Российской Вооруженной Силы. Белград, 1925.

⁶ Личный архив автора (ЛИА). Лист-объявление о траурном собрании 19 февраля 1944 г. в Русском Доме, посвященном памяти профессора генерала Н. Н. Головина. Также см.: Русское Дело (Белград). 1944. № 11.

⁷ ГА РФ. Ф. 6038. Оп. 1. Д. 23.

⁸ Военный Сборник (Белград). 1925. Кн. V. С. 3.

⁹ Фонды перечисленных генералов хранятся в ГА РФ и Гуверовском архиве Стэнфордского университета.

¹⁰ Цит. по: Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов XX века. Т. 4. М., 2007. С. 103.

¹¹ Цит. по: Отзывы и отклики // Шуберский А. Н. Указ. соч. С. 42.

¹² Цит. по: Потехин В. Обращение к генералу Н. Н. Головину // Артиллерийский журнал (Париж). 1928. № 1. С. 20–21.

- ¹³ Вестник Общества Русских Ветеранов Великой Войны в Сан-Франциско. 1949. № 183. С. 14.
- ¹⁴ Головин Н. Н. Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. СПб., 1907; *Он же*. Французская высшая военная школа. СПб., 1910; *Он же*. Служба Генерального штаба. Оперативная служба. СПб., 1912, и др.
- ¹⁵ Головин Н. Н. Авиация в минувшую и будущую войну // Военный Сборник. 1922. № 2. С. 184–206; *Он же*. Танки в минувшую и будущую войну. Прага, 1925; *Он же*. Современная конница // Военный Сборник. 1923–1926. № 4–6, 8.
- ¹⁶ Головин Н. Н. Развитие основных идей современной тактики // Военный Сборник. 1924. Кн. 5; *Он же*. Тактика в задачах. Берлин, 1925.
- ¹⁷ Головин Н. Н. Суворов и его «Наука побеждать». Париж, 1931.
- ¹⁸ Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. План войны. Париж, 1936; *Он же*. Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926; *Он же*. Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. Галицийская битва (первый период — до 1 сентября нового стиля). Париж, 1930; *Он же*. Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. Дни перелома Галицийской битвы (1–3 сентября нового стиля). Париж, 1940.
- ¹⁹ Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. I–VI. Кн. 1–12. Tallinn, 1937.
- ²⁰ Мельгунов С. П. Российская контрреволюция. (Методы и выводы ген. Головина). Париж, 1938.
- ²¹ Головин Н. Н. Наука о войне. О социологическом изучении войны. Париж, 1938.
- ²² Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т. Париж, 1939.
- ²³ Бубнов А. Д., Головин Н. Н. Тихоокеанская проблема в XX столетии. Прага, 1924; Головин Н. Н. К чему идет Великобритания? Стратегическое исследование. Рига, 1925; *Он же*. Современная стратегическая обстановка на Дальнем Востоке. Белград, 1934.
- ²⁴ Головин Н. Н. Предисловие // Краснов П. Н. Душа Армии. Очерки по военной психологии. Берлин, 1927. С. 5–26; Головин Н. Н. Предисловие // Веврен Б. В. 6-я батарея, 1914–1917 гг.: повесть о времени великого служения родине. В 2 т. Париж, 1938; Головин Н. Н. Предисловие // Бучинский Ю. Ф. Танненбергская катастрофа. София, 1939. С. 3.
- ²⁵ Golovin N. N. The Russian Army in the World War. New-Haven (Conn), Yale university Press, 1931.

Ф. А. Гуцин

К истории награждения Генерального штаба генерал-майора Н. Н. Головина орденом святого Георгия IV степени в 1916 году

**(по неизвестным материалам Российского
государственного военно-исторического
архива)**

В течение двадцати лет, прошедших с момента крушения советской власти в России, читатели ознакомились с трудами многих блестящих представителей российской военной эмиграции. Особое место в ряду военных писателей Русского Зарубежья занимает Николай Николаевич Головин. Его труды по военной истории, психологии, социологии, другим отраслям военного дела стали классическими, широко известными отечественным и зарубежным историкам. Не обошли вниманием исследователи и военно-педагогическую деятельность Н. Н. Головина как ординарного профессора Императорской Николаевской военной академии и тем более как руководителя Зарубежных Высших военно-научных курсов (ЗВВНК).

Печально сознавать, что боевая деятельность Николая Николаевича на фронтах Великой войны практически не известна не только широкому кругу лиц, интересующихся российской военной историей, но и специалистам по истории этой войны. Не имея возможности детально рассмотреть участие Н. Н. Головина в Великой войне, мы решили посвятить свой доклад обстоятельствам, предшествовавшим его награждению самой почетной боевой наградой Русской Императорской армии — орденом св. Георгия IV ст. Источниками для настоящего доклада послужили малоизвестные документы, хранящиеся в Российском Государственном военно-историческом архиве (РГВИА): «Описание заслуг и.[сполняющего] д.[олжность] начальника штаба 7-й армии

Генерального штаба генерал-майора Головина»¹, составленное его непосредственным начальником, командующим 7-й армией Юго-Западного фронта генералом от инфантерии Д. Г. Щербачёвым, а также составленный самим Головиным секретный «Краткий очерк Язловецкой (на р. Стрыпе) операции VII армии в мае 1916 г.[ода]». Следует отметить, что мы не ставим целью провести подробный анализ боевых действий 7-й армии Юго-Западного фронта во время Луцк-Черновицкой битвы, а хотим лишь описать обстоятельства награждения генерала Головина.

К весне 1916 года Николай Николаевич Головин обладал богатым боевым опытом, полученным им за предшествовавшие 22 месяца беспримерной по размаху войны. За этот период службы, преимущественно на строевых должностях, генерал-майор Н. Н. Головин был награжден семь раз. За боевые отличия в должности командующего Л.-гв. Гродненским гусарским полком — орденом св. Владимира III ст. с мечами за бои с 15 по 18 августа 1914 года на реке Ходель, орденом св. Владимира IV ст. с мечами и бантом — за бой 25 августа 1914 года у деревни Тарнавка, орденом св. Анны II ст. — за бой в октябре 1914 года у Ивангорода и Георгиевским оружием — за удержание позиции у Гурки, близ Опатова 19, 20 и 21 сентября 1914 года и отбитие неприятельских атак в превосходных силах. Кроме вышеперечисленных боевых наград во время исполнения должности генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии Юго-Западного фронта Николай Николаевич заслужил производство в генерал-майоры, а также ордена св. Станислава I ст. и св. Анны I ст.

Однако орден св. Георгия IV ст. генерал Головин, исполнявший тогда должность начальника штаба 7-й армии Юго-Западного фронта, получил не за успешное командование полком, а за решение крупной оперативной задачи — непосредственную разработку и руководство Язловецкой наступательной операцией, проведенной 7-й армией в мае 1916 года на реке Стрыпе в Галиции. Характеризуя Язловецкое сражение, представлявшее собой часть знаменитой Луцк-Черновицкой битвы, А. А. Керсновский метко назвал его «разыгранным Щербачёвым и Головиным как по нотам»². Предыстория Язловецкого сражения была такова.

7 апреля 1916 года³ Главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта генерал от кавалерии А. А. Брусилов в своей директиве № 1048 приказал всем армиям фронта готовиться к наступлению. Каждой армии следовало нанести решительный удар (с прорывом обороны противника) на избранном командармом участке, рассчитывая только на свои силы. Войскам Юго-Западного фронта в общих наступательных планах всей русской Действующей армии по сравнению с армиями Северного и Западного фронтов отводилась второстепенная роль. Подготовку к предстоящей операции требовалось закончить к 28 апреля. Генерал Брусилов дал общие руководящие указания командующим

армиями и начальникам штабов на совещании 5 апреля в Волочиске. Дополнением к директиве указывалось особое значение скрытности подготовительных мероприятий.

13 апреля генерал Щербачёв предоставил Брусилову соображения командования 7-й армии о переходе в наступление на своем участке фронта. Практически они были составлены лично Н. Н. Головиным, который, как писал Щербачёв, «после ряда личных разведок с наблюдательных артиллерийских пунктов и из самых стрелковых окопов, выбрал район нашей атаки»⁴. Учитывая, что армии предстояло осуществить прорыв своими силами, без привлечения подкреплений, следовало ослабить все армейские позиции, за исключением того, на котором сосредотачивалась достаточная для прорыва ударная группировка. Операция требовала самого детального изучения на месте как своего расположения, так и расположения противника. А противник (преимущественно австрийцы в полосе войск 7-й армии), как было известно Головину из донесений разведки, работал над укреплением своих позиций в течение восьми месяцев. Они были усилены кроме весьма развитых проволочных заграждений бетонными казематами и железобетонными покрытиями. Модель оборонительной полосы, которую готовились прорвать войска 7-й армии, выставлялась для обозрения публики в Берлине и Вене как образец совершенства германской фортификации.

Следует учитывать, что генерал Головин отлично знал о плачевных результатах двух недавних наступательных операций русской армии (одной — на той же Стрыпе в ноябре 1915 года и другой — в марте 1916 года у озера Нарочь). Средства прорыва, имевшиеся в распоряжении командования 7-й армии, были довольно скудными: всего 16 тяжелых шестидюймовых орудий (в то время как, например, 2 мая 1915 года при прорыве неукрепленных русских позиций у Горлицы командующий 11-й германской армией располагал сорока тяжелыми орудиями). И все же, несмотря на перечисленные неблагоприятные обстоятельства, первый решающий удар, открывший, по выражению Щербачёва, путь к последующим победам, — прорыв 22–24 мая у Язловца, состоялся и был «обязан удачей исключительно отлично выбранному району прорыва и тщательной подготовке, давшей нам возможность <...> добиться полного успеха»⁵.

В 4 часа утра 22 мая артиллерия 7-й армии открыла огонь по позициям противника. Артиллерийская подготовка продолжалась до двух часов пополудни 24 мая, когда в атаку на австрийские позиции пошли войска II армейского корпуса. В то же время XVI и XXII армейские корпуса нанесли вспомогательные удары на других участках фронта. Вечером 24 мая к месту главного удара подтянулся II конный корпус. Утром 25 мая укрепленная позиция австрийцев оказалась прорвана. Успешный прорыв сильной австрийской позиции дал командованию 7-й армии

возможность нанести удары во фланг и тыл противника, как это и предусматривалось планом генерала Головина. В боях 22–24 мая части 7-й армии взяли в плен 243 офицера и 8711 солдат неприятеля. По свидетельству Щербачёва, «в этой Язловецкой операции и.[сполнявший] д.[олжность] начальника штаба армии г.[енерал]-м.[айор] Головин был моим главным сотрудником. Он же непосредственно руководил всей подготовкой к операции и принял деятельное участие в бою, помогая мне в управлении и руководстве войсками»⁶.

В последующих боях с 29 мая по 3 июня австрийцы, а также подтянутые дивизии, преимущественно немецкие, тщетно старались задержать наступление армии Щербачёва. Но русские войска, следуя основному плану генерала Головина, прорвав оборону противника, ударить во фланг и тыл его позиций, проломил расположение неприятеля на реке Барышке и охватили его правый фланг. Свежими резервами, введенными в бой, враг смог приостановить наступление 7-й армии на реке Монастержиска. В тот момент Головин, предварительно лично ознакомившись с обстановкой на передовой, предложил перегруппировать войска армии, чтобы вывести атакующие части из сферы артиллерийского огня неприятеля и нанести удар в лесистой части района

Николай Николаевич Головин (сидит второй слева) с группой офицеров в музее (Л.-гв. Гродненского?) полка. Конец 1930-х годов. Из архива Ф. А. Гуцина. Публикуется впервые

вдоль Днестра. Этим ударом противник был вновь отброшен, теперь уже за реку Коропец. 15–18 июля войска армии вели бои, в результате которых удалось взять пленными 20 офицеров и 1061 солдата, а также занять выгодное исходное положение для нового наступления. После новой перегруппировки, предложенной Головиным, в период с 25 июля по 1 августа войска Щербачёва нанесли серию новых чувствительных и эффективных ударов. 25–28 июля на реке Коропце русские взяли в плен 174 офицера, 7463 нижних чина, 4 орудия, 42 пулемета. 28–30 июля армия форсировала Золотую Липу — второй сильный рубеж и к 1 августа перешла ее до города Завалува, подойдя левым флангом к реке Хорожанке. Правый фланг армии получил возможность выдвинуться вперед.

В результате за время наступательных боев, начиная с 22 мая, противник оставил все свои позиции на фронте протяженностью в 100 верст, в том числе и зимние, занимавшиеся им более восьми месяцев. Причем к участку в 60 верст, с которого армия начинала наступление 22 мая, ей был добавлен 1 июля еще один, протяженностью в 40 верст, ранее принадлежавший соседней 11-й армии. За весь период с 22 мая по 30 июля войска 7-й армии пленили 1263 неприятельских офицера, 55 158 унтер-офицеров и солдат, захватили 55 орудий, 211 пулеметов, 29 бомбометов и много разных других трофеев, а также склады инженерного имущества, содержимое которых послужило средством для укрепления новых позиций русских войск. Разбитые австрийцы практически уже не могли сопротивляться, и на фронте 7-й армии появились несколько немецких и турецких дивизий. 7-я армия вновь перегруппировалась по плану генерала Головина и 18 августа нанесла очередной сильный удар по противнику. Немцы и австрийцы в беспорядке отошли на запасные позиции, с которых через четыре дня были вновь выбиты. Враг оставил укрепления города Галича, находившиеся на левом берегу Днестра. 3 сентября русские войска новым прорывом обороны противника упредили контрудар шести немецких дивизий против 7-й армии, вновь взяв в плен тысячи германцев, австрийцев и турок. Как следует из «Описания», составленного генералом Щербачёвым, «все эти прорывы совершались на избранных, согласно моих общих указаний, и лично обрекогносцированных генерал-майором Головиным районах; причем генералу Головину, во время своих разведок, приходилось многократно подвергаться действительно артиллерийскому и ружейному огню; удачному выбору этих районов я приписываю значительную долю успешности прорывов»⁷.

Генерал-майор Головин стал главным помощником командующего армией не только в области подготовки и разработки операции, но и принимал деятельное участие в боевых действиях, будучи главным сотрудником командарма в достижении решительной победы. Доклады Головина, основанные на личном знакомстве с обстановкой, позволяли

Щербачёву принимать правильные решения при организации и согласовании боевой работы армейских корпусов. Головин помогал своему командующему в руководстве войсками. Вот как об этом отзывался Щербачёв:

«На основании подобного посещения позиций генерал-майором Головиным, было своевременно решительно подтверждено войскам мое указание о необходимости действительного движения нашей пехоты к атакуемой неприятельской позиции со 100–150 шагов, причем считаю это приказание имевшим капитальное значение для достигнутых армией успехов; кроме того, на основании личного ознакомления генерала Головина с обстановкой и боевой работой войск, мной был дан целый ряд имевших чрезвычайно важное значение для достижения победы приказаний, регулирующих боевую деятельность войск. При этом во время всех этих поручений генералу Головину приходилось многократно подвергаться действительному артиллерийскому и ружейному огню»⁸.

Широко задуманный, тщательно разработанный и твердо проведенный в жизнь оперативный план, несмотря на все усилия противника, старавшегося задержать планомерно развивавшееся наступление 7-й армии в охват его укрепленных позиций и перебросившего за три месяца с разных фронтов шесть германских, австрийскую, две турецкие дивизии, дал отличные результаты. Войска Щербачёва в итоге взяли 1622 офицера, 77467 нижних чинов (из них более 15 тыс. германцев⁹), 68 орудий и 333 пулемета. Массовый подвоз германских и турецких дивизий служил ярким свидетельством того, что летом 1916 года австрийцы были окончательно признаны германским командованием неспособными противостоять русским войскам.

Генерал Щербачёв, завершая описание заслуг своего начальника штаба, отмечал, что генерал-майор Головин «на основании организованных и часто лично им произведенных, с явной для его жизни опасностью, разведок, составил планы Язловецкого и последующих всех прорывов неприятельских укрепленных позиций <...> При выполнении же самих операций принимал деятельное участие в боях и был действительно главным моим сотрудником в достижении решительной победы над врагом»¹⁰. На основании п. 69 статьи 8 Георгиевского Статута генерал Щербачёв ходатайствовал о награждении генерал-майора Н. Н. Головина орденом св. Георгия IV ст. Пожалование ордена состоялось Высочайшим приказом от 9 декабря 1916 года.

Результаты Язловецкого сражения и последующих прорывов, изложенные, как в приведенных выше документах, так и в специальной военно-исторической литературе (русской, германской и австрийской), позволяют нам с уверенностью говорить о том, что к лету 1916 года Генерального штаба генерал-майор Николай Николаевич

Головин был квалифицированным руководителем армейского штаба, способным решать сложные оперативные задачи — прорыв укрепленной позиции неприятеля и создание условий для его последующего развития. Остается лишь сожалеть, что достигнутые войсками армий Юго-Западного фронта успехи во время боев лета 1916 года, за которые Головин вполне заслуженно получил орден св. Георгия IV ст., не позволили решить глобальную военно-политическую задачу и вывести Австро-Венгерскую империю из войны.

Примечания:

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1000. Л. 38–40.

² Керсновский А. А. История Русской Армии. М., 1999. С. 605.

³ Все даты приводятся нами по старому стилю.

⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1000. Л. 38.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 39.

⁷ Там же. Л. 40.

⁸ Там же.

⁹ Количество взятых в плен немцев равно числу захваченных пленными союзниками в судьбоносной для исхода Великой войны битве на Марне в сент. 1914.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1000. Л. 40.

Л. В. Ланник

Место профессора Н. Н. Головина в составе русской военной элиты: в поисках аналога (на примере германской военной элиты)

Основанием для настоящей статьи стал достаточно известный, широко распространенный со времен Плутарха жанр сравнительного жизнеописания, давно ставший «вечным» приемом биографов, хотя он и не всегда соответствует высоким требованиям научного исследования и девизу «Sine ira et studio». Более того, приходится констатировать, что применительно к интересующему нас периоду он применяется также сравнительно часто, хотя проводимые аналогии зачастую сомнительны или неполны¹. Кроме того, как и почти во всех случаях применительно к сюжетам первой половины XX века на анализ огромное влияние оказывают политические аспекты: от пристрастий авторов до взглядов их героев, что особенно неуместно выглядит, на наш взгляд, применительно к изучению профессиональных военных, невзирая на то, что это — общее место не только отечественной, но и зарубежной историографии.

Как и полагается «плутарховскому» исследованию, данный опус не претендует и на исчерпывающий анализ историографии, хотя ни Николай Николаевич Головин, ни выбранный в качестве его немецкого alter ego Ганс фон Сект² не могут пожаловаться на недостаток внимания исследователей. Более того, можно констатировать всплеск интереса к ним обоим, вплоть до некоторого преувеличения или, скорее, намеренной концентрации на их роли в истории военных элит России и Германии первой половины XX столетия, для чего, конечно же, имеются достаточно весомые аргументы. Характерно, что это касается и русско-, и немецко-, и англоязычной историографии, поэтому Н. Н. Головин очевидно становится основным претендентом на место главного военного

Ланник Леонтий Владимирович — старший преподаватель Саратовской государственной юридической академии, кандидат исторических наук (Саратов). Доклад подан заочно.

историка и теоретика российской военной элиты в эмиграции (при его очень значительной роли и в довоенный период), а у Г. фон Секта «титолов» в историографии более чем достаточно: от «создателя Рейхсвера» до «серого кардинала Веймарской республики». Если настойчивый интерес к Г. фон Секту англоязычной историографии, а также историков-марксистов в значительной мере ангажирован, является следствием пристрастного и, зачастую, успешного поиска «корней блицкрига»³ или «генеалогией» германского империализма и милитаризма⁴, то изучение наследия Н. Н. Головина носит в России более объективный характер, а вот на Западе оказалось следствием хронической «болезни» западных исследователей — внимания только к тем трудам русских мыслителей, которые опубликованы не на кириллице⁵. В трудах германских исследователей имя Н. Н. Головина упоминается весьма редко, зато Г. фон Сект многими признанными историками «берется на щит»⁶, его цитаты и оценки выглядят не менее непогрешимыми, нежели, например, бисмарковские и Мольтке-старшего.

Конечно, возражения против формирования «пары» Головин — Сект достаточно очевидны, более того, возникают сомнения в правомерности и оправданности подобного приема в научном исследовании. Признавая массу вполне объективных недостатков избранной методики, тем не менее хотелось бы встать на защиту биографической компаративистики применительно к такому объекту исследования, как военные элиты. Их сравнительный анализ — вполне состоявшееся и развивающееся направление в зарубежной историографии⁷, значительные успехи можно констатировать и в отечественной военной элитологии⁸. Сама специфика военных элит, особенно в условиях так называемых консервативных монархий, особый порядок их формирования и эволюции, предельно жесткий и формализованный характер карьерного продвижения, крайне отличный даже от представителей других элит менталитет, при огромном и крепком *esprit de corps*, которому сложно подобрать аналоги, общие хронические и весьма типичные конфликты внутри них и еще более за их пределами — все это заставляет считать компаративный подход к изучению военных элит возможным и даже необходимым. Что же касается сравнения именно германской и российской военной элиты первой четверти (и несколько в меньшей степени первой половины) XX века, то можно вполне согласиться с мнением Е. Ю. Сергеева, который на основе анализа военных элит девяти государств начала прошлого столетия наиболее близкими полагал именно германскую и российскую⁹. Высокая степень преемственности в германских Вооруженных Силах — заслуга именно Г. фон Секта, и достаточно высокая, по крайней мере, декларируемая, между военной элитой Императорской России и Белого движения соответственно позволяют экстраполировать этот результат и

на деятелей не только довоенной эпохи, но и на тех, чей взлет карьеры пришелся на 1920–1930-е годы (как у Г. фон Секта) или у кого он в этот период должен был быть, исходя из «классического» вида карьеры офицера службы Генерального штаба¹⁰ (то есть у Н. Н. Головина). Сравнение германской и российской военной элит вполне отвечает и куда более глобальной культурной и научной традиции использования России и Германии как двух «зеркал»¹¹, наиболее отражающих друг друга и способствующих познанию не столько Другого, сколько себя самого. Как Сект, так и Головин вполне могут служить примерами, пусть и не самыми показательными, но весьма характерными, этой вечной взаимосвязанности России и Германии, даже и особенно когда они оказываются по разные стороны фронтовой линии.

Возможно, между жизненными путями и этапами карьеры Секта и Головина было бы куда более сходства, не случись в период расцвета их профессиональной деятельности Великая война и революции 1917–1918 годов, не будь гражданской войны в России и вспышек таковой в Германии, не окажись столь богатой и столь трагической политической история обеих стран в послевоенное время. Однако при этом они были бы куда менее интересны как объекты сравнения, оставшись в истории военной мысли незаурядными представителями своей краткой эпохи или одними из многих деятелей, по чьим учебникам когда-то, в течение максимум одного поколения учились генштабисты обеих стран. Тогда избранные герои вообще могли и не попасть в одну эпоху, так как между ними разница в девять лет, а для очень размеренной карьеры военного в мирное время это могло означать дистанцию между генерал-майором и подполковником; они принадлежали бы разным периодам, ведь сверстники Головина — риттер Вильгельм фон Лееб (1876 г. р.), Эрих Редер (1876 г. р.) и Герд фон Рундштедт — ассоциируются теперь вовсе не с кайзеровской армией (флотом) и даже не с Рейхсвером, хотя они служили и там, и там.

Сравнительная характеристика до некоторой степени поможет и в разрешении вопроса о месте Головина и Секта внутри военных элит, их истинном масштабе, возможных перспективах и роли в тех или иных событиях. Было бы некорректно считать Головина «русским Сектом» и еще более некорректно — Секта «немецким Головиным», слишком разными оказались их судьбы и деятельность после Великой войны, однако даже такой «ярлык» мог бы дать представление о возможных вариантах развития событий, сложись судьба обоих перспективных генштабистов иначе. Огромные различия в 1920–1930-е годы не могут отменить факта слишком серьезного сходства в 1900–1910-е годы, а всё последующее в огромной степени зависело от обстоятельств, над которыми ни Сект, ни Головин были не властны. Не впадая в дебри альтернативной истории,

все же можно достаточно легко представить себе крутой поворот судьбы Головина, окажись за ним, как за Сектом, в 1920 году 200-тысячный Рейхсвер, который «неизвестно, надежен или нет, но подчиняется мне»¹². В хитросплетении интриг, полярности оценок, политических наслоениях при рассмотрении профессиональных заслуг того или иного представителя военной элиты (что особенно характерно для взаимных пикировок между военспецами и военной эмиграцией в 1920–1930-е годы) трудно оценить истинный масштаб и возможности не только отдельных представителей, но и того поколения российской военной элиты в целом, которое должно было покрыть себя славой и победить в Великой войне. Возможно, наиболее удачный способ преодоления сложившихся стереотипов в оценках Алексеева, Врангеля, Колчака, Деникина, Корнилова — корректный подбор их германских «аналогов», определение тех, кто мог бы стать «русским Людендорфом, Грёнером, Рейнхардтом, Люттвицем, Гофманом»...

Диалог между военными элитами не прекращается почти никогда, для этого слишком силен их *esprit de corps*. Многие в исходе гражданской войны в России и, в свою очередь, в судьбе кайзеровского правительства Германии зависело от того, смогут ли договориться военные элиты. Примеров их достаточно удачного сотрудничества весной — осенью 1918 года было более чем достаточно: Маннергейм, Скоропадский, Сулькевич, чуть позже Р. фон дер Гольц и Бермондт-Авалов. Однако все они участвовали, пусть и против своей воли в разыгрывании национальной карты, что многие из них рассматривали как временный этап в деле восстановления «единой и неделимой» России. К таковым можно причислить и Н. Н. Головина, согласившегося служить в гетманской армии, несмотря на крайне отрицательное отношение к этому многих его коллег, особенно в Добровольческой армии. Сотрудничество Головина с прогерманским режимом Скоропадского свидетельствует о том, что уже в 1918 году он, ранее столь убежденный сторонник Антанты, был готов к спасению Отечества с помощью кайзеровских войск, невзирая на недавнее смертельное противостояние.

Остановимся подробнее на сходстве и различиях на разных этапах карьеры Г. фон Секта и Н. Н. Головина¹³. Ни тот, ни другой не были *homo novus* в военных элитах своих стран, как, например, Деникин, Корнилов, Грёнер или Людендорф. Оба — сыновья генералов¹⁴, с известным стремлением повторить этапы их карьеры, например, Г. фон Сект начинал служить в полку, которым командовал его отец. Разница между ними в девять лет уже на этом этапе может быть несколько скорректирована, так как для Г. фон Секта военная служба началась в 19 лет, в 1885 году, а для Н. Н. Головина, окончившего престижнейший Пажеский корпус, — в 17, в 1892 году. Оба выпущены в гвардейские части,

причем Секта уже тогда сама судьба сводила с Россией: он поступил в императора Александра гвардейский гренадерский полк.

Оба молодых офицера сделали блестящую штабную карьеру (причем у Головина она идет быстрее), окончив Академию в числе лучших (а Г. фон Сект и вовсе лучшим в своем выпуске), в 1896 и 1900 годах соответственно. Ни тот, ни другой не гонятся за экзотическими командировками или за участием в боевых действиях, поэтому Н. Н. Головин не участвовал в несчастливой русско-японской войне, а Г. фон Сект не попал в колониальные войска, откуда вышли истинные кондотьеры XX века, необычайно жестокие даже по европейским меркам. Долгое время карьера обоих героев этой статьи даже слишком гладкая: Головин уже в 30 лет становится подполковником (Сект — только в 1913 году, то есть в 47)¹⁵, и тому, и другому не приходится часто переезжать из конца в конец империи: Сект почти всю довоенную службу провел в III армейском корпусе, начав офицером штаба дивизии и закончив начальником штаба корпуса, Н. Н. Головин почти постоянно служил в столичном военном округе. Штабная работа чередовалась в установленном порядке цензовым командованием строевыми частями, но только в минимально необходимых пределах. Оба офицера уделяли огромное внимание технике, Головин некоторое время специализировался по железнодорожным перевозкам, однако русским Грёнером, который создал бы лучший из отделов Генерального штаба и тем самым обеспечил бы блестящие переброски войск в 1914–1916 годах, он не стал: увлекла научная и преподавательская деятельность. Подробности довоенной карьеры Г. фон Секта известны достаточно мало, он многое сделал для того, чтобы воплотить в реальность свой же принцип «У офицеров Генерального штаба нет имен».

Н. Н. Головин в довоенный период, напротив, фигура в русской военной элите весьма заметная. Несмотря на его тяготение к исследовательской деятельности и новаторству в обучении, именно ему выпала судьба стать олицетворением бунта молодых офицеров, вождем кружка «младотурок», а на подобное место в Германии мог претендовать только Э. Людендорф, который был старше Головина на 10 лет. Исход шедших параллельно конфликтов с военными министрами и «старой гвардией» в обоих случаях выглядел одинаково, хотя в Германии он касался проектов серьезного увеличения численности кадровой армии, а в России — особенностей обучения офицеров в Императорской Николаевской военной академии: скандал и «ссылка в строй», на должность командира полка, почти одновременно в конце 1913 — начале 1914 года. Так же, как и Людендорф¹⁶, Головин выступил на фронт Великой войны во главе своей части, и первые подвиги оба они совершили как полевые командиры, хотя своего «Льежа» у Головина так и не случилось. Уже 3 ноября

1914 года Н. Н. Головин стал и. д. генерал-квартирмейстера 9-й армии Юго-Западного фронта, вернувшись, таким образом, к штабной работе.

Карьера Секта была куда более размеренной, с началом войны он отправился на фронт во главе штаба своего родного III армейского корпуса. Его звездный час наступил не так быстро, как у русского коллеги и знаменитого напарника Гинденбурга, но создал ему не менее прочную славу в профессиональных кругах. В январе 1915 года спланированное и проведенное Сектом контрнаступление у Суассона, имевшее, конечно, успех ограниченного масштаба, но значительно превышавшее все результаты иных попыток подобного рода, привело к быстрому взлету автора к новым высотам, его произвели в полковники. Уже в марте 1915 года именно Г. фон Сект не без участия Э. фон Фалькенгайна занял должность начальника штаба новой 11-й армии генерала А. фон Макензена, которой предстояло одержать успех такого масштаба, чтобы затмить все нашумевшие победы дуумвирата Гинденбург — Людендорф, так досаждавшего главе 2-го Верховного Главнокомандования. Вопрос об авторстве большой победы, как и всегда в подобных случаях, довольно дискусионен. Но очевидно, что без начальника штаба высочайшего уровня было бы невозможно развитие прорыва, вовсе не столь легкого¹⁷, как принято считать в отечественной историографии. Казалось, военная карьера обоих наших персонажей вступила в самый блестящий свой период, талантливые генштабисты переживали свое акмэ, в 40 и 49 лет соответственно.

Несмотря на то что 1915 год для русской и германской армий получился очень разным, у Головина и Секта опять немало общего: они оказались в составе характерной для Великой войны вообще управленческой двойки из весьма пожилого, авторитетного генерала, бравшего на себя ответственность и всю славу за подготовленные его молодым, блестяще образованным начальником штаба операции. Для Секта таким «отцом-командиром», старше его на 17 лет, стал А. фон Макензен, для Головина (с разницей в возрасте на 18 и 19 лет соответственно) — Д. Г. Щербачёв и П. А. Лечицкий. Оба начальника штаба в воздаяние заслуг уже в 1915 году получили чин генерал-майора¹⁸ и престижнейшие награды (Pour le Mérite и Георгиевское оружие, а чуть позже дубовые листья к нему и орден св. Георгия IV ст. соответственно). И Сект, и Головин к концу 1915 года были одними из лучших начальников армейских штабов, а затем и штабов фронта (группы армий). Более того, за период с середины 1915 и до середины 1917 года судьба не раз сводила обоих героев, порой могло дойти до дуэли лучших генштабистов двух стран, однако этого все-таки не случилось.

Для Секта и Головина открывались перспективы назначений на высочайшие должности в Ставке: карьера даже для Великой войны

получалась на редкость головокружительная. Однако слишком многое противилось такому гладкому пути на карьерную вершину. Секту все чаще приходилось командовать австро-венгерскими войсками: Людендорф опасался нового конкурента, удалив Фалькенгайна, он вовсе не собирався позволить его бывшему протезе обойти себя и Гинденбурга в рамках «параллельного» им проекта с А. фон Макензеном во главе¹⁹. Вслед за опальным Фалькенгайном в конце 1917 года в ходе достигшего высокого накала дискуссии о плане наступления весной 1918 года в доживающую свои последние дни османскую армию отправился и Г. фон Сект. Но к моменту его прибытия одержать победы с такими частями, как турецкие, не смог бы и военный гений. Получив пост фактического начальника штаба Главнокомандующего османской армией, он присутствовал только при разгроме. Выход России из войны несколько замаскировал это крушение. Взоры турок обратились на Закавказье, чему германские военные советники, и в том числе Г. фон Сект, сочувствовали мало, понимая стратегическую бесперспективность участия в подобных авантюрах при приближавшихся из Палестины и Месопотамии английских дивизиях.

Головина забрал с собой на Румынский фронт его новый командующий генерал Щербачёв, хотя весной 1917 года могло состояться триумфальное возвращение Николая Николаевича в Академию Генерального штаба, на этот раз в качестве ее начальника, не состоявшееся по политическим, а возможно, и по личным мотивам. Некоторым утешением стал чин генерал-лейтенанта, однако в роковой 1917 год новые чины, полученные от Керенского и Временного правительства, выглядели несколько девальвированными: слишком много стало молодых генералов и слишком быстро они сменяли друг друга во главе фронтов и армий. Сорокадвухлетний Головин, не избалованный новыми назначениями, оказался даже старше по званию Г. фон Секта, перешагнувшего пятидесятилетний рубеж и не получившего новых чинов в кайзеровской армии. В конце октября 1917 года Головин лишился своего высокого поста, оказавшись на грани отставки — в распоряжении Верховного Главнокомандующего, а затем — начальника Генерального штаба. 1917 год завершился для двух генералов почти катастрофой, полную меру которой предстояло познать в 1918 году.

Годы революции стали страшным горнилом для всех представителей военной элиты и Германии, и России, особенно для тех, кто чувствовал в себе силы спасти гибнущее Отечество. Многие, и среди них Н. Н. Головин, потратили огромное время на то, чтобы разобраться в том, где же их талант и знания смогут реализоваться наилучшим для Родины образом. Сект, отрезанный от решающих событий своей азиатской ссылкой, мог лишь наблюдать за отчаянным и обреченным броском германских

дивизий к Марне, узнавая подробности только во время редких командировок в Берлин. Головин несколько месяцев провел в ожидании назначения, пока его, в 43 года, не оставили и вовсе за пределами армии новой, большевистской России, создаваемой его старым недоброжелателем Бонч-Бруевичем. Головин выехал в Киев, но и поступив в гетманскую армию, он не смог оказаться в составе национальных сил, способных взяться за восстановление России, «которую они потеряли». Гетманский режим опирался на тающую силу германских оккупационных войск. В их командовании не было единства по поводу проектов переустройства авантюрной Брестской системы²⁰. Пойти прямо на восстановление Русской Императорской армии при огромной симпатии к белым германских офицеров и командования они не имели ни возможности, ни полномочий, так как кайзер оказался слишком некомпетентен в российских делах. Судьба обоих наших героев могла сложиться и трагичнее. Однако и Головин благополучно выбрался из большевистской России еще до официального начала красного террора, и Сект после Мудросского перемирия каким-то чудом пробрался из Турции, обязанной выдать всех германских офицеров, через охваченную хаосом крушения германской и австро-венгерской армий Одессу в Германию.

И для Головина, и для Секта в декабре 1918 года должна была начаться новая эпоха. Однако ни командование Вооруженных Сил Юга России (ВСЮР), ни четвертое ОХЛ* во главе с Грёнером²¹ не нашли для них иной миссии, кроме горестной участи бессильных наблюдателей создания Версальской системы²². Оба генерала выполняли свой долг до конца, но не в их силе было исключение Германии и России из списка проигравших. В начале лета 1919 года в судьбе обоих вновь появились признаки возможного выхода на авансцену истории. Головину предлагалось каким-то чудом переформировать колчаковскую Ставку, преодолеть разлад и губительные колебания в обстановке катастрофических поражений. Но уже в октябре 1919 года после первых успехов выяснилось, что последствия контузии и ранения не позволят ему сколько-нибудь серьезно повлиять на исход боев в Восточной Сибири. Сект, избежавший (к сожалению или счастью?) необходимости лично вести свой полк в атаку, столь дорого давшейся Головину, после Версаля смог выдержать необходимую паузу. С октября 1919 года в безнадежной, казалось бы, ситуации создания новой германской армии по лекалам Версальского договора, при разладе и надломе в рядах германской военной элиты, угрозе военного путча или тотального коммунистического восстания он начал свою

* От нем. Oberste Heeresleitung — Верховное Главнокомандование сухопутных войск. — *Прим. ред.*

долгую, методичную и рискованную работу по подготовке ядра будущей победоносной германской армии, получив скромный, на первый взгляд, пост начальника Войскового управления.

За несколько месяцев 1919 года Головину так и не удалось отодвинуть в сторону неудачливых стратегов из окружения Колчака и сплотить вокруг себя талантливое молодое офицерство и боевых генералов. Возможно, на это уже просто не хватало времени. Такая же трагедия бессилия постигла его и в следующем году: в рядах ВСЮР он и вовсе не нашел себе применения, а уж о рывке на Олимп врангелевской Русской армии нечего было и думать. Оставалась только эмиграция... и наука. В то же время Г. фон Сект методично готовил костяк будущего Рейхсвера и ждал, когда на крутых поворотах ранней истории Веймарской республики выйдут из борьбы или дискредитируют себя его конкуренты. Так и случилось: Грёнер стал «черной овцой» — ответственным за принятие условий Версаля от имени военных. Рейнхардт не смог предотвратить капповский путч и слетел с вершины. Люттвиц и командиры фрайкоров оказались слишком радикальны для сосуществования с республиканским правительством.

В апреле 1920 года началась эпоха Г. фон Секта в истории германской армии и ее Генерального штаба. Он на шесть с половиной лет стал их абсолютным лидером, не страшившимся никакой ответственности и не уступавшим собственным пристрастиям там, где должен властвовать холодный расчет. В 1920 году в течение полугода он дважды повышался в чине для того, чтобы исключить всякие кризисы субординации и стал генералом пехоты. Г. фон Сект прагматично полагал, что в интересах побежденной Германии иметь дело с правительством РСФСР, то есть с большевиками. Однако он не позволил себя спровоцировать летом 1920 года на безумную авантюру удара по ненавидимым полякам навстречу войскам Тухачевского. Сект мог позволить себе ждать, последовательно и тайно готовить будущий реванш, рассматривать разные рискованные комбинации, не срываясь в импровизации. Н. Н. Головин таких возможностей не имел. Но, оставшись на чужбине в 45 лет, он не опустил голову, не разочаровался, не ушел в специфическую публицистику. Держась, как и прежде, достаточно независимо, не являясь выдвинутым гражданской войны или ее антигероем, молодой генерал-лейтенант оставался прежде всего ученым.

Казалось бы, на этом исчезает последнее сходство между ними: один — военный историк-эмигрант, державшийся в тесном, но не дружном Русском Зарубежье особняком, другой — могущественный «серый кардинал», державший в своих руках судьбу Германии как великой державы. Тем не менее представляется, что это кардинальное различие вызвано разным исходом водоворотов революции в России и

Германии, закономерным итогом тех событий, которые привели к точкам бифуркации в биографии двух генералов, где каждый из них сделал то, что мог. При этом и Головин, и Сект сохранили веру в конечный успех своего дела, работая на это столь упорно и последовательно, что их преемникам оставалось лишь не загубить им оставленное, не снизить установленную высокую планку.

Головин за годы эмиграции превратился в бесспорного лидера военной науки Белой России, получив широкое признание не только среди его соратников, но и среди французских и американских специалистов. Его труды легли в основу хоть сколько-нибудь известного на Западе русского взгляда на войну, послужив основой для всей последующей западной историографии «неизвестного» Восточного фронта²³. Г. фон Сект, после того как осенью 1926 года спасенная им республика не простила ему приглашения кронпринца на маневры Рейхсвера, ушел в отставку в чине генерал-полковника, благо ему исполнились «подходящие» 60 лет, занявшись тем же, что и Головин, точнее, продолжив то, чем занимался на практике²⁴, в теории. За оставшиеся 10 лет своей жизни, наблюдая постепенное продвижение А. Гитлера к власти, с которым у них были «общие цели, но разные пути к ним»²⁵, он написал несколько крупных работ, в том числе биографию Мольтке-старшего, и труд с характерным названием «Германия между Востоком и Западом». Как и многие немецкие герои Великой войны, «отец Рейхсвера» пробовал себя в политике, став одним из тех блестящих германских специалистов, которые создавали армию для Чан Кай-ши.

Финальной трагедией для двух наших персонажей стала схватка Германии и Советского Союза. Несмотря на то что Г. фон Сект не дождался Второй мировой войны (он скончался, не дожив нескольких дней до 1937 года), многое из того, что он создавал, национал-социалисты использовали вопреки его планам еще при его жизни. Ему довелось наблюдать быстрое развертывание Рейхсвера в конскрипционный Вермахт, проходившее значительно быстрее и куда менее качественно, чем это предполагали и готовили в течение 15 лет. Тогда же последовали шокировавшее убийство генерала фон Бредова в ходе «Ночи длинных ножей», первые отставки учеников Секта, многие из которых, пережив несколько волн столкновений с нацистским руководством, оказались в рядах заговорщиков 20 июля 1944 года²⁶. Армия быстро потеряла все то, что Сект смог поставить на службу Германии, контактируя с РККА.

Профессор Н. Н. Головин ждал от Второй мировой войны шанса на освобождение России от большевизма, ради чего он был готов сотрудничать с германской армией вопреки тому, что его сын сражался против нее в рядах британских ВВС. Тем не менее Николаю Николаевичу

пришлось вновь познать горькую истину: не существовало никакой силы, заинтересованной в восстановлении мощной русской армии, способной выступить альтернативой армии Красной, кроме самого русского офицерства. А разделенное фронтами и границами русское офицерство принуждалось обстоятельствами проливать свою кровь за независимость других стран, но не своей собственной. Многие ученики Головина блестяще применили полученное от него высшее военное образование. Более того, намечалась следующая их волна из советских командиров, присоединившихся к генералу Власову. Это давало возможность стареющему ученому мечтать о создании в будущем небольшой профессиональной армии новой России²⁷, вероятно, немало напоминавшей сектовский Рейхсвер.

Однако Головин так и не добился объединения военных ресурсов Белой России ради борьбы с Советским Союзом вместе с нацистской Германией. Шансов на то, что его надежды оправдаются, оставалось все меньше. Многие белоэмигранты упрекали его за сотрудничество с немцами, не веря в надежды на освобождение России. Крушения Третьего рейха и РОА Головин не застал, ему пришлось умирать в январе 1944 года, незадолго до второй в его жизни победы большевизма над его противниками. Возможно, это и к лучшему. Ведь самому близкому к нему по взглядам лидеру белой эмиграции — П. Н. Краснову — исход был уготован совсем иной. Столь разные и столь похожие жизни двух генералов, Г. фон Секта и Н. Н. Головина, даже длились примерно одинаково: немецкий генерал умер в 70 лет, русский — немного не дожив до 69...

Конечно, проведенное сравнение не дает оснований для того, чтобы категорично считать Головина «русским Сектом», хотя подобное сравнение польстило бы многим военным деятелям, а Секта — «немецким Головиным». Слишком притягателен оказался этот «сфинкс» для историков второй половины XX века, чтобы сравнивать его с хорошо известным (но, скорее, в качестве военного теоретика и историка) русским генералом в эмиграции. Много в судьбах двух наших персонажей наводит на интересные параллели и с другими яркими представителями двух военных элит, несколько примеров мы привели и здесь. Однако представляется, что по совокупности черт, по потенциалу, по истинно профессиональной выдержке в политических водоворотах, наконец, по интеллектуальному воздействию на коллег и на наследников именно эти два генерала могли бы составить наиболее обоснованную «плутарховскую» пару. Возможно, именно такие, пусть и спорные, единичные сравнения позволят чуть более объективно оценить результаты развития военных элит Германии и России императорской и «постимператорской» эпох на примере их лучших представителей.

Примечания:

¹ См., напр.: *Митюрин Д. В.* Гражданская война: красные и белые. М.; СПб., 2004.

² Автор предпочитает следовать сложившейся отечественной традиции в транскрипции, поэтому вместо более корректного «Зеект» сохранено традиционное «Сект».

³ См.: *Корум Дж. С.* Корни блицкрига: Ганс фон Зект и германская военная реформа / Пер. с англ. Е. Дурнева // *militera.lib.ru*.

⁴ См., напр.: *Германский империализм и милитаризм* / Сб. стат. М., 1965; *Ферстер Г., Гельмерт Г., Отто Г., Шнитцер Г.* Прусско-германский генеральный штаб. М., 1968.

⁵ См., напр.: *Higham R. D. S., Showalter D. E.* Researching World War I. Westport, L., 2003; *Golovin N. N.* The Russian Army in the World War. 1931; *Golovin N. N.* The Russian campaign of 1914: the beginning of the war and operations in East Prussia. Fort Leavenworth, 1933.

⁶ См.: *Гёрлиц В.* Германский Генеральный штаб. История и структура 1657–1945. М., 2005; *Cittino R. M.* The path to blitzkrieg: doctrine and training in the German Army. London, 1999.

⁷ См., напр.: *Müller K. J.* Militärische Eliten in Deutschland und Frankreich. Probleme des Vergleichs. Einige einführende Bemerkungen // *Eliten in Deutschland und Frankreich im 19. und 20. Jahrhundert.* München, 1994. S. 207–210.

⁸ См.: *Сергеев Е. Ю.* «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России 1900–1914. М., 2001; *Он же.* Представленческие модели военных элит России и Запада накануне первой мировой войны (сравнительный аспект) // *Европейские сравнительно-исторические исследования.* М., 2002. С. 67–73, 81.

⁹ *Сергеев Е. Ю.* «Иная земля...» С. 87–93.

¹⁰ Достигая к пятидесяти годам важнейших постов в Генеральном штабе или в штабах округов, а затем получая первый и второй генеральский чин, выдающиеся представители военной элиты к шестидесяти годам становились творцами военных доктрин, основателями новых школ военной мысли, авторами блестящих побед. Примеров много: М. И. Драгомиров, А. Шлиффен, с некоторыми оговорками Г. фон Мольтке-старший и др.

¹¹ См. часть проекта Л. Копелева и Г. Кёнена: *West-östliche Spiegelungen («Отражения»): Германия и русская революция* / Пер. с нем. под ред. Я. Дабкина. М., 2004; *Koenen G.* Der Russland-Komplex. Die Deutschen und der Osten 1900–1945. München, 2005.

¹² Ответ Г. фон Секта на вопрос рейхспрезидента Ф. Эберта о том, можно ли рассчитывать на Рейхсвер.

¹³ Подробности биографий взяты соответственно из: *Александров К. М.* «Желаю лишь одного — принести пользу нашей возрождающейся в муках Родине». Жизнь и судьба генерал-лейтенанта Головина // *Труды I Международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина.* Санкт-Петербург, 27 ноября 2010 / Сост. К. М. Александров, О. А. Шевцов, А. В. Шмелёв. СПб., 2011. С. 5–18; *Seeckt H. v., Rabenau F.* Bd. 1. Aus meinem Leben 1866–1918; Bd. 2. Aus seinem Leben 1918–1936. Leipzig, 1938–1940; материалы сайта *www.grwar.ru*.

¹⁴ У Г. фон Секта и дед — полковник.

¹⁵ Темпы карьеры обоих весьма показательны для сравнения русской и германской военной элит, последняя из которых была куда менее избалована чинами, а тридцатилетние полковники бывали там лишь из правящих династий.

¹⁶ Ставший, правда, за три месяца до войны командиром бригады.

¹⁷ Сам Сект писал, что перед войной «подобный прорыв был бы запрещен». Цит. по: *Гёрлиц В.* Указ. соч. С. 169. См. подробнее: Горлицкая операция (сборник документов мировой империалистической войны) // *Катастрофы Первой мировой войны* / Сост. В. Гончаров. М., 2005.

¹⁸ Сект всего через пять месяцев после того, как стал полковником, — редчайший случай!

¹⁹ Имеется в виду едва ли не нарочитое предоставление А. фон Макензену возможностей собирать все лавры за счет операций, суливших огромную популярность, но не самых сложных, например, разгром Сербии и Румынии. Более того, в последней операции

Людендорф отомстил Фалькенгайну, заставив Макензена отобрать лавры теперь уже у бывшего главы ОХЛ.

²⁰ См. подробнее: *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966; Von Brest-Litowsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971.

²¹ См. подробнее: *Groener W.* Lebenserinnerungen. Jugend, Generalstab, Weltkrieg / hrsg. F. von Gaertringen. Göttingen, 1957.

²² Возможно, потому, что Грёнер знал о том, что Г. фон Сект в конце окт. 1918 рассматривался как один из претендентов на пост 1-го генерал-квартирмейстера, т. е. фактически главы германского ОХЛ.

²³ См., например: *Churchill W.* The Unknown War: The Eastern front. N. Y., 1932; *Stone N.* The Eastern Front 1914–1917. L., 1975; *Die vergessene Front — der Osten 1914/15. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung* / hrsg. von G. P. Groß. Paderborn, 2006.

²⁴ Подробнее об огромном внимании Секта к повышению образовательного уровня офицеров и унтер-офицеров Рейхсвера см.: *Корум Дж. С.* Указ. соч. Гл. 4.

²⁵ Фраза Г. фон Секта после первой встречи с Гитлером в марте 1923.

²⁶ См. подробнее: *Дойч Г. С.* Заговор против Гитлера. Деятельность Сопротивления в Германии 1939–1944. М., 2008; *Ферстер В.* Противостояние фюреру. Трагедия руководителя немецкого Генштаба 1933–1944. М., 2008.

²⁷ См.: *Александров К. М.* Указ. соч. С. 14.

В. Ю. Черняев

Книга полковника А. З. Грибова о Новороссийских драгунах: история создания и отзывы генералов Н. Н. Головина и К. К. Вилькмана

В Национальном архиве Финляндии, в личном фонде видного финляндского военачальника, генерала от инфантерии Карла Фредрика Вилькама (Kansallisarkisto. Karl Fredrik Wilkaman arkisto) сохранились отзыв генерала Н. Н. Головина о рукописи книги А. З. Грибова «Новороссийские Ее Императорского Высочества великой княгини Елены Владимировны драгуны: на службе царю и отечеству в 1914–1917 гг.» и переписка А. З. Грибова с К. Ф. Вилькама, позволяющая заглянуть в историю ее создания. Знакомство с этими интересными документами состоялось благодаря дружеской подсказке финской коллеги, историка-архивиста и ныне менеджера развития Национального архива Финляндии Майи-Лиизы Туоми (Maija-Liisa Tuomi), которой автор приносит сердечную благодарность.

Карл Вилькама (27 марта 1876, Гельсингфорс — 15 июля 1947, Хельсинки) — финляндский швед Карл Фредрик Вилькман¹. Его отец семь лет служил на российском флоте, а затем был финляндским «вольным каменщиком» (масоном). Военную карьеру Карл Вилькман начал 30 мая 1889 года поступлением в кадетский корпус в Фридрихсгаме (ныне Хамина). В 1899 году он стал офицером лейб-гвардии Драгунского полка в Петергофе, с 1908 года был ротмистром 3-го драгунского Новороссийского полка в Ковно (ныне Каунас)*. На русской службе он звался Карлом Карловичем, окончил по I разряду Николаевскую академию Генерального штаба в Санкт-Петербурге в 1907 году, затем вернулся в 3-й драгунский Новороссийский полк, с которым уже подполковником вышел на Великую войну 1914 года. Участвуя в боях в Восточной Пруссии и занимаясь военной разведкой, он в октябре 1914 года спас полк от окружения. В начале февраля 1915 года полковник

Черняев Владимир Юрьевич — старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург). Доклад подан заочно.

* В списках полка на 1 янв. 1909. — *Прим. ред.*

Вилькман замещал командира части, осенью был ранен. Позднее он командовал 3-м уланским Смоленским полком в Карпатах, занимал должность начальника штаба кавалерийского корпуса и в 1917 году состоял членом Военного комитета. За службу в мирное время и боевые отличия на фронте был награжден орденами св. Станислава III ст. (1904), св. Анны III ст. (1907), св. Владимира III ст. с мечами (1916) и Георгиевским оружием (1916).

В дни гражданской войны в Финляндии красные финны по настоянию Ленина попытались захватить государственную власть. Проплутав двое суток по льду Ладожского озера, Карл Вилькман добрался 14 февраля 1918 года в красный Гельсингфорс, а затем на север к генералу барону Карлу Густаву Маннергейму. Карл Вилькман командовал восточными частями, участвовавшими в наступлении Белой армии Маннергейма на Таммерфорс (Тампере). Затем «Группа войск Вилькмана» (1-й, 3-й, 4-й, 6-й егерские и Карельский драгунский полки — 7,3 тыс. солдат, 180 офицеров и 430 коней) взяла Выборг. 12 апреля 1918 года за заслуги в войне за независимость Вилькман заслужил производство в генерал-майоры.

Генерал от кавалерии барон Карл Густав Маннергейм² был возмущен прогерманским политическим курсом Сената Финляндии, сделавшим невозможным поход его армии на красный Петроград. Всего через две недели после парада победы Маннергейм вместе с некоторыми соратниками демонстративно вышел в отставку и уехал в Швецию. 31 мая 1918 года армию Финляндии возглавил Карл Вилькман. 12 июля он подписал проект переноса финской границы на Карельском перешейке, подготовленный для переговоров с делегацией РСФСР. Текст проекта составлялся с учетом мнения военного командования Германии, в частности, генерала пехоты Э. Людендорфа, считавшего целесообразным отодвинуть финляндскую границу дальше от Петрограда в обмен на российскую компенсацию иной территорией³. Германии очень хотелось втянуть РСФСР в борьбу против Антанты, однако советско-финляндские переговоры, состоявшиеся в Берлине 3–27 августа, несмотря на все германские посреднические усилия, не дали результата⁴. Еще до их прекращения, 13 августа, К. Вилькман покинул высший военный пост страны.

Во главе армии Финляндии, на посту командующего оборонительными силами, он вновь пребывал с 1 января до 19 июня 1919 года и затем с 12 сентября 1919 года до 7 августа 1924 года. 16 мая 1922 года в связи с четвертой годовщиной победы в войне за независимость Вилькмана произвели в генерал-лейтенанты. К середине 1920-х годов в военной элите Финляндии усилились трения между офицерами-егерями, прошедшими выучку в Германии, и воевавшими на ее стороне в Первую

мировую войну, и бывшими офицерами Российской Императорской армии. В конце апреля 1924 года почти 450 егерских офицеров-финнов, включая Пааво Талвелла⁵, демонстративно подали прошение об отставке в знак протеста против того, что финской национальной армией командуют Карл Вилькман, Оскар Энкель⁶ и другие бывшие русские офицеры, притом шведоязычные⁷. Их считали неподходящими, требовали очистить от них армию. Правда, тогда Вилькман уже носил финскую фамилию Вилькама (Wilkama) вместо родной шведской, что в силу государственной политики финнизации не было редкостью⁸. Однако он сохранял отношения с друзьями и сослуживцами по Императорской армии, помогал им после бегства из РСФСР в Финляндию и имел связи с русской военной эмиграцией. Под благовидным предлогом командировки для повышения военно-научных знаний Карл Вилькама передал свой пост видному деятелю егерского движения полковнику Лаури Мальмбергу⁹ и отбыл в Париж, затем в Рим, где встречался с дуче Бенито Муссолини, потом в Бельгию и Нидерланды.

На высший военный пост Вилькама вернулся 2 октября 1925 года. На сей раз возникли трения с президентом Финляндии Лаури Реландером¹⁰, 21 мая 1926 года Реландер заменил Вилькама молодым деятелем егерского движения Аарне Сихво¹¹, произведенным в генерал-майоры¹². По случаю 10-летия победы в войне за независимость многих ветеранов-военачальников повысили в чинах и 16 мая 1928 года Карл Вилькама стал генералом от инфантерии. Лютеранско-евангелический епископ Хельсинки уговорил Карла Вилькама преподавать в церковной школе, и он демонстративно вел занятия в генеральской форме. С 1930 года он входил в церковный совет Хельсинкской епархии Евангелическо-лютеранской Церкви.

Товарищем по 3-му драгунскому Новороссийскому полку, с которым встречался и переписывался Карл Вилькама, был полковник Александр Захарович Грибов (20 октября 1888 — 11 марта 1943, Париж¹³). Окончив в 1909 году Елисаветградское кавалерийское училище, он служил в двух полках армейской кавалерии: во 2-м Лейб-гусарском Павлоградском императора Александра III и 3-м драгунском Новороссийском, а в белых войсках на Юге России — в 7-м кавалерийском полку ВСЮР и Русской армии. В ноябре 1920 года на транспорте «Корнилов» в составе части он эвакуировался из Севастополя.

Вступив в брак с француженкой, полковник Грибов обосновался во Франции. Посаженной матерью на его свадьбе была шеф Новороссийских драгун Великая княгиня Елена Владимировна¹⁴ — внучка российского императора Александра II, сестра Великого князя Кирилла Владимировича, объявившего себя императором Всероссийским, троюродная сестра и супруга королевича Николая Греческого¹⁵. Великая княгиня

Елена Владимировна, изгнанная из Греции вместе с мужем, с 1923 до конца 1935 года жила в Париже. Тогда она не могла похвастать особым богатством, но все же старалась поддерживать обездоленных соотечественников. Она не раз приглашала супругов Грибовых к себе в отель на чашку чая. Позднее, когда уже в Афинах в 1938 году королевич Николай скончался от разрыва сердца, А. З. Грибов от имени полкового Объединения устроил панихиду и послал соболезнования его вдове.

В январе 1934 года А. З. Грибов из Ниццы поблагодарил К. Вилькама за новогоднее поздравление и рассказал, что уже два года как женат: «Живу я, слава Богу, хорошо, на своей квартире, имею машину, ничего не делаю — это очень скучно — и имею милую жену, с прекрасным и добрым сердцем, любящую меня и любимую мною». Новое письмо Вилькама Грибову вернулось из Ниццы с пометкой: «Отбыл, не оставив адреса». Его нового адреса не знали и бывшие сослуживцы, с которыми переписывался К. Вилькама.

А. З. Грибов жил то в Париже, то находился в разъездах. Три года спустя у него возникла потребность в переписке с К. Вилькама. Взяв его адрес у генерал-лейтенанта И. А. Хольмсена¹⁶, главного казначея и одного из старших чинов РОВС, А. З. Грибов послал из Парижа 12 апреля 1937 года письмо однополчанину. В нем он вновь признался, что судьба «резко изменилась благодаря Господу Богу и благодаря моей счастливой “фее” Великой Княгине — изменилась в лучшую сторону, благодаря моей женитьбе, так что мне не приходится думать об куске хлеба, но и эгоистом я не сделался». По предложению Великой княгини Елены Владимировны почти четыре года он бился над созданием «Полковой семьи Новороссийцев», ездил в Сербию, уговаривал однополчан:

«Начал дело объединения, но натолкнулся на такую стену, что все это рухнуло, и я теперь совершенно от этого отошел. Причины этого неуспеха многие: самая главная то, что я не нашел поддержки у стариков, и даже такие, как прежний ком[андир] полка ген[ерал] Линицкий¹⁷ оказался скорее разъединителем, чем объединителем <...> Теперь Владимиров¹⁸ взялся, но, зная его возможности, можно раньше сказать, что ничего из этого путного выйти не может».

Поэтому, как сообщал далее Грибов, он «занялся более нужным и более интересным делом», созданием книги по истории 3-го драгунского Новороссийского полка: «Работаю я теперь здесь с людьми, где имеется масса всякого материала: русские архивы, архивы нем[ецкие] и австр[ийские], архивы франц[узские] и всевозможные дневники полков пр[отивни]ка, которые были когда-то против нас, и где иногда приходится узнать удивительные подробности. Правда работа тяжелая и довольно дорогая, но у меня есть масса времени, ведь я ничего не делаю, и есть к этому возможность. Но, конечно, для полноты мне нужны воспоминания участников, без них все выйдет сухо <...> Теперь я работаю над 1914–1915 гг. Особенно мне нужны теперь дневники, а потом весь этот скелет покрыть мускулами, личными воспоминаниями».

С такой же просьбой Грибов обращался тогда и к другим бывшим сослуживцам. Полковник Г. А. Гоштовт¹⁹ 24 апреля 1937 года писал К. Вилькама: «Среди иных военно-исторических работ я также совместно с А. З. Грибовым ищу материал для предполагаемого быть очерка о боевых действиях Новороссийских драгун в Великой войне». Задав уйму вопросов о подробностях боевых действий, Гоштовт в свое оправдание назвал «желание помочь увековечить в печатных трудах и действия полков, и славные имена их участников». Судя по следующему письму Гоштовта от 25 мая, ответ Вилькама его обрадовал. 1 мая Вилькама писал Грибову:

«К сожалению, я тебе не могу помогать, т.[ак] к.[ак] у меня нет дневника и заметок личных никаких, у меня остались о войне в памяти только кое-какие эпизоды, но их я помню без числа и точного названия мест. Здесь находится однополчанин по войне, поручик Линдберг, офицер нашего полка по военному времени. Он был у Гусева²⁰ в VI эск[адроне]. У него остались кое-какие заметки, и он написал свои воспоминания о полку в виде романа — но лица, события достоверные (меня только он называет полк[овник] Adlerdon, себя пор[учик] Laanso). — Книга написана на финском языке — его фамилия по-фински Kotsalo, и под этим авторским именем он и пишет. Эту книгу он на днях послал нашему шефу вел.[икой] кн.[ягине] Елене Вл[адимировне] в Лондон, где она в данное время находится — на память. Мы здесь рады, если могли этой посылкой обрадовать бывшего шефа»²¹.

И все же Грибов настойчиво просил у Вилькама не только воспоминания и 25 мая напоминал: «Вся моя работа разделена на периоды, и вот я тебе здесь посылаю первый период: наполни его нужными деталями и пришли *скорее*²² мне». Уже 30 ноября он благодарил:

«Большое спасибо тебе, дорогой Карл Карлович, за твои очень ценные воспоминания, которые, конечно, будут весьма полезны для нашего общего дела, и такое отношение, какое я встретил с твоей стороны и меня подбадривает и дает мне надежду, что мой труд и затраченные средства не пропадут даром и мне удастся довести до конца задуманное дело. Если бы все также мило откликнулось на мою просьбу, как это мило сделал ты, то, конечно, и будущий труд вышел бы и полнее, и красочнее, но, увы, с грустью я могу тебе сказать что этого нет: один обещает, но еще своего обещания не исполнил до сих пор; некоторые, вроде Владимирова, который бы, как и ты, мог мне дать очень много ценного, но он даже не отвечает ни строчки на мои письма и только немногие мне кое-что присылают. Ген.[ерал] Линицкий просил не торопить его, но обещал прислать. Из твоего письма видно, что ты не знаешь, что ген.[ерал] Генрици²³ несколько лет тому назад скончался в Сербии, а полк.[овник] Фон Веттер-Розенталь скончался в Польше, а несколько месяцев тому назад в Литве скончался Костя Сокольский. Уходят от нас многие и, как будто, настает и наш черед... и потомкам надо оставить о себе память, оставить память и о тех красивых временах, которые, увы, уже никогда не возвратятся. Ты меня спрашиваешь, то ли ты

мне прислал, что мне нужно! Конечно, то что ты мне прислал, мне очень, очень ценно и нужно, но я тебя прошу и еще кое о чем. Ответить на мои вопросы из присланных кратких журналов военных действий. Напр[имер], исправь, если дата неправильна или ошибка в месте ночевки полка. Если полк действует не в полном составе, укажи какие, куда и под командой кого пошли эти эскадроны и их действия, хотя бы в общих чертах. Действия отдельных офицеров. Дай мне побольше имен и номера эскадронов, а теперь *возможно скорее*²⁴ пришли мне копию из послужного списка об делах против неприятеля — это мне очень нужно для проверки мною сделанного. Прекрасный труд ген.[ерала] Хольмсена²⁵, который я знаю, не может служить примером моему труду, ибо он все прекрасно описал внешнюю обстановку и общие действия, я же задался целью в общей обстановке и общих действиях подробно описать действия вообще Родного полка и действия отдельных офицеров, т.[о] е.[сть] историю участия Новороссийцев в войне. Общая обстановка как наших соседей, так обстановка наших²⁶ противников составлена и точно, и смею сказать хорошо, но для полноты задачи мне нужны детали Родного полка, которые я могу получить лишь от живых Новороссийцев, и чем эти детали будут полнее, тем и труд будет ценнее».

В том же письме Грибов выразил надежду, что Вилькама займется «и вторым периодом». «Общий скелет» работы готов, признавался А. З. Грибов в письме от 11 декабря, но «нужны воспоминания каждого, что идет очень туго». 28 января 1938 года, поздравляя Вилькама с Новым годом, он сообщал:

«Посылаю тебе очередной краткий журнал и схемы и надеюсь, что ты мне *скорее*²⁷ пришьешь все нужное для успеха нашего общего дела. За присланное тобою я очень, очень тебя благодарю, ибо все это позволило мне исправить кое-какие неточности, но мне самое главное нужны твои богатые личные воспоминания. Дело мое очень продвинулось и осталась одна лишь Добруджа, которая должна выйти также правдиво и хорошо, ибо мне удалось достать дневник нач[альника] болгарской 1-й див[изии], которая была всегда против нас, из которого мне удалось достать очень много ценного материала. В скором времени я приступаю к окончательной отделке, а для этого очень нужны личные воспоминания. Я, конечно, не горевал бы, если бы все так мило, как ты, отнеслись к моей просьбе о помощи и помогли мне в нашем общем деле, но, увы, это далеко не так, и приходится очень много писать, тратить время, чтобы добыться кое-каких результатов, что, конечно, должно отразиться на будущем труде. Вот почему я и еще обращаюсь к тебе, дай мне все возможно полнее».

Своей дальнейшей работой он был доволен, хотя мешало начавшееся дрожание рук, как полагал, от нервности. Да и жизнь в Париже, по его словам, стала «более чем скверной, хочется ее переменить: а где лучше — Господь знает». Уехать готов был хоть на Антильские острова, где тогда жена путешествовала, и «посмотреть, нет ли там хорошего местечка, чтобы перебраться».

2 марта 1938 года Александр Захарович радостно сообщил Вилькама:

«Вот, одна половина работы окончена. Ведь больше года прошло, как удалось только создать общий скелет, и надо сказать он вышел очень удачным. Но еще много работы осталось впереди, но и это с Божьей помощью надеюсь побороть. Об этой работе уже везде знают и волнуются, особенно в Сербии, дескать, Новороссийцы пишут Историю, а почему бы и нам не написать! Что очень хорошо, расшевелили застоявшееся болото. Мне говорили, что Бассен²⁸ тоже что-то делает, от души ему желаю успеха, и здесь меня просили дать собранный мною с такими затратами и трудом материал, и ты поймешь мой законный эгоизм, что все это я делаю прежде всего для своего Родного полка, а вот когда я все это закончу, то они там могут почерпнуть многое и для себя. Здесь я тебе посылаю последний краткий журнал и схему и, прости за напоминание, жду от тебя обещанного. Недавно лишь ген. Линицкий прислал очень ценные свои воспоминания, но вот до сих пор я не могу расшевелить Владимирова, который ровно ничего не дает и не отвечает на письма — согласись сам, что это и обидно лично мне, да и дело страдает <...> Помимо твоих воспоминаний я тебя, дорогой Карл Карлович, очень прошу мне сообщить про наш пробег Ковно — Вильно. Когда он был, что мы делали до него и после него. Его детали и причины, его вызвавшие. Мне кажется, что в это время в Вильне мы узнали об Сараевском убийстве²⁹, т.[о] е.[сть] тогда впервые запахло порохом».

Начав заниматься окончательной редакцией труда, Грибов 17 мая умолял Вилькама подробнее описать боевые действия своей дивизии и помочь разобраться в конфликте, который в ходе атаки на противника возник между подполковником 3-го гусарского Елисаветградского полка М. Б. Небо³⁰ и офицером 3-го драгунского Новороссийского полка Штакельбергом. При этом он отметил: «Дело мое подвигается хотя и довольно медленно, но надо быть очень осторожным, ибо приходится очень много возиться с проверкой по разным источникам, особенно немецким, описание отдельных действий».

Болезнь сердца привела Грибова на курорт «Royal», откуда 14 июля он радостно сообщил Вилькама:

«Я уже закончил отделкой 2-ой период, т.[о] е.[сть] второе наступление в Вост[очную] Пруссию, — это, конечно, не может помешать вписать еще славные дела и эпизоды, если таковые я еще от кого-либо получу, ибо до печатания, которое при благоприятных обстоятельствах будет не раньше будущего года, можно вписать все. Я здесь уже кое-кому читал отдельные выдержки из моей работы, и все в восторге, удивлении и ...зависти. Говоря правду, выходит очень недурно, и я радуюсь за себя. Лично я более доволен чувству зависти, ибо это я считаю при нашем положении единственно полезное дело: не дать забыть дела славного прошлого. А то мы только ссоримся все, а это, возможно, объединило бы всех, ибо дало бы возможность чаще встречаться, делиться сведениями, и этим был бы найден общий язык, которого до сих пор нет: все хотят быть Наполеонами и

спасителями Родины, каждый на свой манер. Работа моя не прерывается, хотя мне еще приходится очень много тратить времени на подготовку карт и схем отдельных боев. Карты я прекрасные выписал из Германии».

В том письме автор просил однополчанина подсказать ему, где «лучше и дешевле» напечатать книгу: «Здесь люди сведущие мне указывали три места: Рига, Ревель и Данциг. Как у Вас это в Финляндии обстоит это дело?» И вновь умолял Вилькама «напрячь память», описать «отдельные случаи»: «Не помнишь ли случая с корн[етом] Чепурновым, который в самом начале войны был послан в разъезд и не вернулся. Кажется он во время своей атаки лихой был зарублен или взят в плен. Также тот случай на р. Ангеран, если не ошибаюсь, Карнович команд[овал] полком, когда полк со штандартом был весь в одном большом дворе, откуда мы все еле-еле выскочили на хорошем галопе».

Посылая 22 ноября 1938 года фотографии, на которых он запечатлен с Великой княгиней Еленой Владимировной, полковник Грибов признался: «Здоровье сильно пошатнулось, все лето разъезжал по разным курортам, денег потратил много, но восстановить здоровье, к сожалению, не удалось». Ему хотелось в январе перебраться из Парижа на Лазурный берег, «купить небольшую виллу и тихонько, скромно жить». Тем не менее он не прерывал работы над книгой и, желая избежать ошибок, занимался перепроверкой фактов «по нескольким источникам». Он сообщал:

«Окончил уже более половины, но много еще осталось работы впереди. Особенно мне теперь ценно не хронология событий, которая хорошо и верно составлена, а недостает отдельных эскадронов, дивизионов и т. п. Вот об этом я и прошу тебя. Ведь до начала печатания все можно и исправить, и дополнить, было бы лишь что. Теперь идет, кроме всего, подготовка карт как общего следования, так и отдельных боев, которыми Новороссийцы могут похвастать: напр.[имер], не часто слышно было, чтобы кавалерия штыковой атакой выбивала пр[отивни]ка из окопов, а вот Новороссийцы на р. Дубеже 15 Мая выбили (5ый эс[кадрон] роту 5го гв[ардейского] пех[отного] полка из только что занятых окопов. Много, много есть славных дел».

Грибов просил Вилькама напрячь память и дать примеры боевых действий подразделения полка под его командованием.

1 января 1939 года полковник П. С. Бассен-Шпиллер в письме из Тарту, в частности, рассказал Вилькама: «С Грибовым мы работаем в контакте, и получил от него кое-какие сведения, а также дал ему всё, что его интересовало». Новогоднее поздравление Грибова пришло с запозданием. 27 января 1939 года он писал Вилькама: «В декабре перенес операцию, а потом снова очень заболел, и вот теперь еще очень слабый лежу в клинике». 23 июля Грибов сообщал:

«В моем последнем письме ты высказал надежду скоро увидеть 1-ую часть моей работы. По многим причинам я решил ее выпустить одной книгой и в этом отношении работал все время. Кажется, почти все кончилось и я ее давал на просмотр ген.[ералу] Головину, — результат этого ты увидишь, прочтя прилагаемую его здесь рецензию. Страдает красочностью у меня Добруджа, — нет почти никаких личных воспоминаний, — помоги мне своими, если что ты помнишь. Нашел я в Польше Андерса³¹, но на мои просьбы я от него не имею никакого ответа, а это очень жаль, ибо его славные дела в полку могли бы очень украсить мой труд. Такие господа вроде Владимирова, Лепехи³² и др.[угих], которым стала безразлична былая слава Родного полка, уже не стали меня интересовать: они, по-видимому, так слабы, что жизнь их заела, и они перестали думать, что были когда-то офицерами славного полка. Получил я от ген.[ерала] Скоропадского³³ много лестного для полка о действиях на Дубиссе. Недавно был в Ницце, где ген.[ерал] Епанчин³⁴ читал, корректировал и был очень доволен моим трудом. Да, по истине, это дело патриотическое, как говорил ген.[ерал] Головин, ибо каждый день мы видим, как уходят в землю наши славные офицеры и часто уносят безвозвратно с собой свои воспоминания, которые нужно сохранить для потомства, для славного будущего».

К этому письму им была приложена машинописная копия отзыва генерал-лейтенанта Н. Н. Головина о его книге. Профессор Головин писал этот отзыв, когда готовилось к изданию второе, дополненное и переработанное издание его собственной книги «The Russian Army in the World War», опубликованное на русском языке в 1939 году в Париже, а ныне переизданное на родине³⁵.

На основе документов, дневников и воспоминаний однополчан и германских генералов полковник А. З. Грибов сумел подготовить к печати книгу с подневным описанием боевых действий в Первую мировую войну 3-го драгунского Новороссийского полка (3-й кавалерийской дивизии) и соседних русских воинских частей, с изображением общей обстановки, дислокации войск и боев, с картами боевых действий, с рассказом о фронтовой жизни. Книга начинается с того момента, когда накануне войны полк разместили в Ковно (Каунасе). Далее подробно освещено участие полка в военных операциях: в Восточной Пруссии в августе 1914 — феврале 1915 года, а затем за Неманом на реках Шешупа, Дубисса, Вента в феврале — июне, в районе Владимира-Волынского в июле — августе, в Полесье в сентябре 1915 — июле 1916 года и на Румынском фронте на левом берегу Дуная в июле 1916 — феврале 1917 года.

Труд А. З. Грибова «Новороссийские Его Императорского Высочества великой княгини Елены Владимировны драгуны: На службе царю и отечеству, 1914–1917» (294 страницы, с иллюстрациями и картами) вышел в свет в Париже в 1940 году. Шла Вторая мировая война. Генерал К. Вилькама служил в Генеральном штабе Финляндии, выполняя отдельные поручения Ставки Главнокомандования в Зимнюю войну

1939–1940 годов и в Войну-продолжение 1941–1944 годов. В 1942 году он наконец получил и прочел книгу Грибова и дал ему свою оценку в письме от 14 июня, также публикуемом ниже. Примечательно, что в годы войны с СССР, в условиях русофобии в Финляндии, когда ее русские жители опасались публично говорить на родном языке, финляндский военачальник, по старшинству тогда следующий после Маннергейма, писал русскому товарищу-однополчанину письмо от руки по-русски, с любовью вспоминая службу в русской армии и Матушку-Россию.

Желая донести до читателя весь колорит отзывов Н. Н. Головина и К. Вилькама, воспроизводим их, как в подлиннике, — по старой орфографии:

Отзыв генерал-лейтенанта Н. Н. Головина на рукопись книги полковника А. З. Грибова³⁶

25 мая 1939

Копія

Парижъ

Познакомившись съ рукописью готовящагося къ печати очерка «Новороссійскіе Ея. Имп. Выс. Вел. Кн. Елены Владимировны драгуны на службѣ Царю и Отечеству въ 1914–1917 гг.», считаю своимъ долгомъ отмѣтить его исключительную цѣнность.

Качества этого труда могутъ быть резюмированы такъ:

а/ Необычайная обоснованность и полнота данныхъ, рисующихъ общую обстановку, какъ съ нашей, такъ и съ неприятельской стороны.

б/ Разработка тѣхъ періодовъ войны, описаніе которыхъ является впервые въ русской военной литературѣ /операций на р. Дубиссѣ, дѣйствія конницы на Волини, въ Полѣсьѣ, въ Румыніи.../.

в/ Подробное и красочное описаніе дѣйствій Новороссійскихъ драгунъ и ихъ боевыхъ сосѣдей.

Всегда отмѣчая, какъ отрадное явленіе и какъ выполненіе національного долга, составленіе историческихъ очерковъ боевой работы нашихъ доблестныхъ полковъ въ Міровую Войну, я долженъ особенно выдѣлить въ этомъ отношеніи разбираемую мною здѣсь рукопись.

Описаніемъ общей обстановки и дѣйствій не только Новороссійцевъ, но и ихъ боевыхъ сосѣдей, въ операціяхъ въ Вос-

точной Пруссіи, въ Ласдененскихъ лѣсахъ, на Нѣмане, на Дубисѣ, на Воляни, въ Полѣсьѣ и Добруджѣ, выпускаемый трудъ послужить для <иныхъ> *многихъ* полковъ скелетомъ для описаній и ихъ боевыхъ дѣйствій.

Изложеніе труда ясное, многія мѣста написаны пряма увлекательно. Посему, съ увѣренностью могу сказать, что книга будетъ читаться легко и съ неослабнымъ интересомъ.

Подписаль: *Н. Головинъ*

Письмо генерала от инфантерии К. Вилькама — полковнику А. З. Грибову³⁷

Helsinki 14 июня 1942

Дорогой Александръ Захаровичъ Грибовъ.

Парижъ.

Давно уже какъ Тебѣ написалъ и от Тебя получилъ весточку или известія о твоёмъ житьѣ-бытьѣ.

Теперь меня заставляетъ написать это письмо чувство благодарности, чувство восхищенія за твой исполинскій трудъ — за написанную Тобою исторію нашего родного полка.

Отъ Александра Леонидовича³⁸ Лепеха изъ Берлина получилъ твою книгу «Новоросіиіскіе Ея Имп. Выс. Вел. Кн. Елены Владимировны драгуны». Прочель я твою работу внимательно, добросовѣстно слѣдя по карте наши незабвѣнные боевыя дѣла и походы съ береговъ Балтиіского Моря до береговъ Черногоже. Я переживаль снова тѣ тяжелые годы в теченіи почти трехъ летъ, имѣль счастье и честь служить в рядахъ полка, изъ нихъ около года вр. командоваль лихими бессмертными верными новоросіиіскими драгунами. — Теперь благодаря твоего труда³⁹ боевыя дѣла наши стали бессмертными.

Сердце каждого новоросіиіца отъ души радуется и поздравляетъ Тебя за твою удачно исполненную работу въ пользу родного намъ полка. Увѣковечиль Ты не только твоими лихими дѣлами въ бояхъ, но и этимъ солиднымъ трудомъ твое имя въ боевой исторіи не только полка, а еще и славной арміи Матушки Россіи.

Воображаю как радуется наш обожаемый Шефъ полка Вел. Кн. Елена Владиміровна, увидѣвъ исторію своего полка, отлично написанную, на великолѣпной бумагѣ, съ чудными фотографіями и рисунками и точными, подробными картами.

Изложены факты, даты и цифры, основаны на цитатѣ, как въ научномъ трудѣ, даже Тобою использованы много германскихъ источниковъ. Это только увеличиваетъ ценность твоего Труда.

Могу себѣ представить сколько труда да и денегъ стоило составлять такую основательную и подробную исторію одного полка въ рамѣ общей картины всей войны. Въ книгѣ даны даже красивые картины о внутренней жизни и о томъ прекрасномъ товарищескомъ духѣ, который во всю войну царилъ въ полку между офицерами и солдатами полка. Спасибо Тебѣ дорогой Александръ Захаровичъ за твой полковой патриотизмъ, за твои красиво, отъ сердца, написанные слова о товарищахъ и молодыхъ драгунахъ.

Незабвенною памятью будетъ у меня въ моей библиотекѣ экземпляръ книги полученной лично отъ Тебя, съ милой надписью отъ автора. Отъ сердца Тебя, дорогой друг, благодарю за все.

Въ данное время мы здесь находимся въ тяжелой войнѣ. Мы, патриоты Финляндіи, не хотимъ быть коммунистами, и такъ какъ весь народъ противъ большевизма управляемо Сталинымъ и пр. «товарищами» — то мы всѣ уверены въ благополучномъ исходѣ войны. Нашъ Главнокомандующій Маннергеймъ былъ съ нами подъ конѣцъ міровой войны 1914–18, въ Буковинѣ, нашимъ командиромъ Кавалерійскаго корпуса⁴⁰. По старшинству въ финской армии я послѣ него старший, но на фронтѣ боевого участка не имѣю. — Туда назначены молодые генералы.

Быль бы очень благодаренъ получить письмо отъ Тебя. Крѣпко жму руку. Искренно преданный и благодарный, твой К. Вилькама.

Примечания:

¹ Автор выражает благодарность Александру Ивановичу Рупасову за дополнительные сведения о К. Вилькмане.

² *Маннергейм Карл Густав Эмиль, барон* (4 июня 1867, имение Лоухисаари, Великое княжество Финляндское — 27 янв. 1951, Лозанна, Швейцария) — генерал-лейтенант русской службы, государственный деятель Финляндии. Аристократ из шведского графского рода, но как 3-й по старшинству сын имел титул барона. Монархист, консерватор. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1889). В 1887–1917 — в русской армии. Участник коронации императора Николая II и русско-японской войны 1904–1905. В 1906–1907 — глава экспедиции в Китай с целью военной разведки. С 1911 — генерал-майор, командир

Л.-гв. уланского Его Императорского Величества полка и в 1912 зачислен в Свиту Его Императорского Величества. С дек. 1913 — командир Отдельной гв. кавалерийской бригады, с которой вышел на фронт Первой мировой войны. С 1915 командовал 12-й кавалерийской дивизией, с дек. 1916 по янв. 1917 — русско-румынской группой войск «Вранча». Георгиевский кавалер (1915). Генерал-лейтенант (25 апр. 1917), командир VI кавалерийского корпуса (31 мая — 9 сент.). С дек. 1917 в Финляндии, во время гражданской войны 1918 возглавил борьбу против красных финнов.

Регент Финляндии (12 дек. 1918 — 26 июля 1919). Стронник участия армии Финляндии в походе войск генерала Н. Н. Юденича на Петроград. На первых президентских выборах 25 июля 1919 проиграл либералу, профессору права К. Стольбергу. С 1922 до кончины — председатель Финского Красного Креста. Почетный председатель Союза скаутов Финляндии. С 1931 — председатель Совета обороны. Фельдмаршал (1933). В годы Второй мировой войны (с 17 окт. 1939) командовал силами обороны, Верховный Главнокомандующий (20 нояб. 1939 — 12 янв. 1945). Маршал Финляндии (1942). Симпатизировал Великобритании, но ход событий вынудил Финляндию воевать на стороне Германии. Отказался от участия в штурме Ленинграда со стороны Карельского перешейка. 4 авг. 1944 избран президентом Финляндии, 2 сент. порвал отношения с Германией, по соглашению со Сталиным прекратил 4 сент. боевые действия против Красной армии. В 1945 составил на русском языке проект договора с СССР о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи (подписан в 1948). В 1946 Сталин сказал финляндской делегации: в том, что Финляндия не оккупирована, заслуга их старого маршала Маннергейма. Суд над финляндскими виновниками войны ограничился его допросом. Трижды отстояв государственную независимость Финляндии, 4 марта 1946 под давлением правительства Ю. К. Паасикиви ушел в отставку. Последние годы жизни провел в Швейцарии. С воинскими почестями погребен в Хельсинки на Кладбище героев среди своих солдат и офицеров.

³ Этот документ сохранился в архиве Генерального штаба Финляндии. Об этом см.: *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия 1918–1920. М., 1975. С. 47. Факт сообщен со ссылкой на кн.: *Polvinen T.* Venäjän vallankumous ja Suomi. 1917–1920. T. 2. Porvoo; Helsinki, 1971. S. 39–40.

⁴ Подробнее см.: *Холодковский В. М.* Указ. соч. С. 47–56; *Рупасов А. И., Чистиков А. Н.* Советско-финляндская граница 1918–1938. Очерки истории. СПб., 2007. С. 20–23.

⁵ *Талвела* [до 1906 — *Торен*] *Пааво* (1897–1973) — генерал пехоты (1966). В 1917 стал организатором шюцкора в Або (Турку), участник Освободительной войны 1918 в Финляндии. С 1919 — майор в отставке. Добровольцем командовал Олонецким экспедиционным корпусом, член Олонецкой директории, командир батальона в Беломорском походе (1921–1922). Полковник (1928), начальник оперативного отдела Генерального штаба Финляндии. С 1930 вновь в отставке. Один из руководителей Лапуасского движения. После его ликвидации занялся предпринимательством, вступил в Национальную коалиционную партию и в 1936 безуспешно выдвигался в члены парламента. С 1939 — вновь в армии, генерал-майор, участник Зимней войны, отличившийся в ожесточенных сражениях в Северном Приладожье и на Карельском перешейке. Посредник в военных переговорах Финляндии с Германией (1940). Во время Войны-продолжения — командир VI корпуса и Карельской армии (1941–1942), генерал-лейтенант (1942). В янв. 1942 — февр. 1944 — представитель маршала К. Г. Маннергейма в Ставке Вермахта, с лета в Восточной Карелии командовал отступлением группы войск «Олоонец», в июле — сент. 1944 — вновь в Германии. Затем крупный предприниматель в Финляндии, с 1946 в Бразилии и Аргентине, с 1949 вновь в Финляндии (см.: Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий / Под ред. Т. Вихавайнена. Хельсинки, 2004. С. 657–660).

⁶ *Энкель Оскар Пауль Карлович* (1878–1960, Хельсинки) — Генерального штаба полковник русской службы (1912), генерал-лейтенант финской службы (1924). Окончил

Финляндский кадетский корпус (1897) и Николаевскую академию Генерального штаба по I разряду (1903). Участник русско-японской войны 1904–1905. С 1907 — помощник делопроизводителя в разведывательном делопроизводстве (отвечал за восточное направление разведки). В 1913–1914 — делопроизводитель Главного управления Генерального штаба. В 1914–1917 — военный агент в Италии, входил в руководящий состав русской разведки. После прихода к власти большевиков служил в Генеральном штабе Сербской армии, в войсках Антанты в Константинополе. В 1919–1924 начальник Генерального штаба армии Финляндии.

⁷ Шведы — вторая по численности после финнов национальная группа в Финляндии. На ее территории финский лишь в 1863 стал официальным языком, наряду с прежним официальным — шведским. До начала XX века шведский был языком высших образованных слоев населения, а также науки и культуры. Дискриминация породила финское национальное движение, которое постепенно приобрело националистическую окраску и враждебность к шведским национальным проявлениям. Показательно, что уже в мае 1918 была переименована крепость, прикрывающая с моря столицу Финляндии: Свеаборг (*шведск.* — шведская крепость) стал именоваться Суоменлинна (*финск.* — финская крепость). По Конституции 1919 государственными языками Финляндии стали финский и шведский. Конституция гарантировала право каждого гражданина пользоваться финским либо шведским языком. Все законы и постановления издавались одновременно на обоих языках, а от государственных служащих требовали владения обоими языками. По Конституции 1919 шведы считались равноправной с финнами группой граждан (в отличие от национальных меньшинств, например, саамов, русских) и обладали культурной автономией. Однако из армии и флота Финляндии власти постепенно вытесняли бывших офицеров русской армии, в основном шведов, хотя те доблестно сражались в гражданскую войну и фактически именно они создали армию и флот независимой Финляндии. Шведский был родным языком и первого главнокомандующего барона К. Г. Маннергейма. Русским языком, в отличие от финского, он владел в совершенстве.

⁸ Даже барон К. Г. Маннергейм некоторое время предпочитал, чтобы в печати его именовали не Густав, а по-фински — Кустаа (*Мери В.* Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. М., 1997. С. 123). Во время Зимней войны и Войны продолжения под приказами, адресованными народу, он подписывался Кустаа Маннергейм.

⁹ *Paasivirta J.* Finland and Europe: The early years of Independence 1917–1939. Helsinki, 1988. P. 281–282; *Юссила О., Хенттия С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии 1809–1995. М., 1998. С. 152.

¹⁰ *Реландер Лаури (Ларс) Кристиан* (31 мая 1883, Куркиёки, Карельская волость — 9 февр. 1942, Хельсинки) — политический деятель. Сын агронома-шведа. Кандидат философии (специалист по агрохимии и экономике сельского хозяйства), в 1908–1917 — ассистент на государственной опытной сельскохозяйственной станции. С 1917 в руководстве Аграрного союза. С 1920 Выборгский губернатор, в 1925–1931 — президент Финляндии. Аграрный союз отказался выдвинуть его на второй срок. Затем ушел из политики, исполнительный директор компании по страхованию сельских жителей.

¹¹ *Сихво Аарне* (1889–1963) — финский военный деятель. В окт. 1916 арестован, отправлен в Петроград в Дом предварительного заключения. От смертной казни за содействие Германии спасен в результате революции 1917. Вернулся в Финляндию. В 1925–1926 — председатель Союза офицеров Финляндии. Генерал. В 1926–1933 и 1946–1953 — командующий Оборонительными силами Финляндии (возглавлял армию).

¹² *Paasivirta J.* Ibidem. P. 283; *Юссила О., Хенттия С., Невакиви Ю.* Указ. соч. С. 153; *Иоффе Э.* Линии Маннергейма: Письма и документы. Тайны и открытия. СПб., 2005. С. 200.

¹³ А. З. Грибов умер в Париже, похоронен на кладбище в Сент-Женевьев де Буа. Некролог увидел свет в русской газете «Новое слово» (Берлин) 4 апр. 1943. См.: *Grezine I.* Inventaire nominative des sépultures russes du cimetière de Sainte-Geneviève-des-Bois. Paris,

1995. Р. 101; Незабываемые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997 / Сост. В. Н. Чуваков. Т. 2. М., 1999. С. 222.

¹⁴ *Елена Владимировна, Великая княгиня* (17 янв. 1882, Царское Село — 14 марта 1957, Афины) — младший ребенок Великого князя Владимира Александровича и Великой княгини Марии Павловны. Выделялась своей красотой. Вопреки желанию матери вступила в брак с королевичем Николаем Греческим. После смерти матери получила в наследство ее бриллианты и жемчужную тиару. Почетная председательница строительства храма-памятника св. Иова Многострадального в Брюсселе. Во время германской оккупации Греции осталась в Афинах, работала в Красном Кресте и помогала местному движению Сопротивления. В 1956 открыла в Афинах для русских эмигрантов приют «Русский дом». Мать королевы Ольги Югославской, герцогини Марины Кентской и графини Елизаветы Терринг-Йеттенбах.

¹⁵ *Николай Греческий, принц* (1872, Афины — 1938, Афины) — сын короля Греции Георга I и Великой княгини Ольги Константиновны, правнук российского императора Николая I, племянник английской королевы Александры, с августа 1902 супруг Великой княгини Елены Владимировны. Во время Балканских войн — генерал-лейтенант Армии Греции. В 1917 после отречения короля Константина в пользу сына по требованию Парламента Николай с женой покинули Грецию. Художник-любитель, живописью зарабатывал на жизнь. В конце 1935 получил возможность вернуться с женой в Афины, умер от сердечного приступа.

¹⁶ *Хольмсен Иван Алексеевич* (28 сент. 1865 — 19 марта 1941, Осло) — Генерального штаба генерал-лейтенант (1919). Военный агент с 1901 в Афинах, с 1906 в Константинополе. С 1913 служил в генерал-квартирмейстерской части Генерального штаба, российский арбитр в пограничном споре между Болгарией и Сербией. В Первую мировую войну — командир бригады 53-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер (1914, 1915). С февр. 1915 до апр. 1917 находился в германском плену. В 1919–1922 — военный представитель Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака в Берлине и Париже и Главнокомандующего генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля в Париже (с 1922). В 1924–1930 — начальник I отдела РОВС, затем до 1938 — главный казначей РОВС.

¹⁷ *Линицкий Александр Иванович* (15 нояб. 1871 — после 1937) — Генерального штаба генерал-майор (1916). Окончил Николаевское кавалерийское училище (1894) и Николаевскую академию Генерального штаба (1901). Офицер, затем командир 3-го драгунского Новороссийского полка, начальник штаба 4-й и 3-й кавалерийских дивизий. После 1917 — в армии гетмана всея Украины (1918), затем в белых войсках Юга России. С авг. 1919 состоял в резерве чинов при штабе Главнокомандующего генерал-лейтенанта А. И. Деникина, с окт. 1919 — член комиссии по рассмотрению положения о прохождении службы и устройстве войск. В начале 1920 из Новороссийска эвакуирован на остров Лемнос. С окт. 1920 — в Крыму, в Русской армии генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля, с нею эвакуировался в Галлиполи. С 1921 — в Бела Црква (Королевство СХС), инспектор классов в Николаевском кавалерийском училище. В 1930-е — начальник группы Общества Галлиполийцев в Крагуеваце (Югославия).

¹⁸ *Владимиров Степан Дмитриевич* (1875 — 22 апр. 1956, Дорнштадт, ФРГ) — полковник 3-го драгунского полка. Окончил Тверское кавалерийское училище. В гражданскую войну служил в белых войсках на Юге России, в Сводно-драгунском полку, командовал дивизионом Новороссийских драгун. Эвакуирован в 1920 в Галлиполи. В эмиграции в Югославии и Германии.

¹⁹ *Гоштовт Георгий Адамович* (15 сент. 1883(1891?), Царство Польское — 8 дек. 1953, Париж) — Л.-гв. полковник. Окончил Пажеский корпус (1910), Л.-гв. ротмистр Кирасирского Ея Величества Государыни императрицы Марии Феодоровны полка. В 1918 — участник монархического подполья в Москве, затем в Северной армии в Пскове, в 1919 — полковник, в Варшаве возглавлял миссию по вербовке в Северо-Западную армию. В эмиграции член объединения Кирасир Ея Величества, товарищ председателя общества

друзей «Часового» и постоянный сотрудник журнала. Жил в Париже, в 1941–1945 член Русского национального движения. После 1945 — секретарь Исторической комиссии Гвардейского объединения и Историко-генеалогического общества. Составитель трудов по истории Л.-гв. Кирасирского Ея Величества полка, автор воспоминаний «Дневник кавалерийского офицера» (Париж, 1931).

²⁰ *Гусев Иван Викторович* (1877–1919) — полковник 3-го драгунского полка. В 1918 — в армии гетмана П. П. Скоропадского, с июля — командир 18-го Новороссийского конного полка. Затем в Добровольческой армии и в ВСЮР, командир дивизиона 3-го конного полка. Убит в апр. 1919 в Крыму под Исламтерекком.

²¹ Письмо цитируется по написанному карандашом черновику.

²² Курсивом выделено слово, подчеркнутое автором письма.

²³ *Генрици Эдуард Эдуардович* (22 июля 1870 — 3 нояб. 1929, Земун, Югославия) — генерал-майор (1916). Окончил 1-й Московский кадетский корпус (1887) и Николаевское кавалерийское училище (1889). С 1889 служил Л.-гв. в Драгунском полку, затем в 3-м драгунском полку. Командовал (с 1916) Л.-гв. Гродненским гусарским полком. В гражданскую войну служил во ВСЮР. В начале 1920 эвакуирован из Новороссийска в Константинополь. В эмиграции с женой и дочерью жил в Земуне (Югославия).

²⁴ Курсивом выделены слова, подчеркнутые автором письма.

²⁵ *Хольмсен И. А.* Мировая война: Наши операции на Восточно-Прусском фронте зимою 1915 г.: Воспоминания и мысли. Париж, 1935.

²⁶ Так в тексте.

²⁷ Слово подчеркнуто автором письма.

²⁸ *Бассен-Шпиллер Павел Степанович* (? — 1 дек. 1962, ФРГ) — полковник 3-го уланского Смоленского императора Александра III полка. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1913), участник Первой мировой войны в рядах полка. К 1917 — командир эскадрона. За конную атаку у д. Добрич в Болгарии награжден Георгиевским оружием. В эмиграции член Союза Императорской конницы и конной артиллерии в Аргентине. Со второй половины 1950-х жил в ФРГ. Занимался военной историей, готовил материалы по истории Смоленских улан, сотрудник журнала «Военная быль» (Париж). Автор публикации: Из воспоминаний старого улана // Военная быль. 1960. № 45. С. 4–9; № 48. С. 16–18; 1962. № 57. С. 27–28.

²⁹ 28 (15 ст. ст.) июня 1914 в Сараево 19-летний гимназист, боевик террористической организации «Молодая Босния» Гаврила Принцип застрелил наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супругу, эрцгерцогиню Софию, прибывших с визитом доброй воли. Племянник престарелого императора Франца-Иосифа Франц-Фердинанд был противником войны с Сербией и Россией, а его убийство вызвало Балканский кризис и послужило поводом к началу Первой мировой войны.

³⁰ *Небо Максим Богданович (Максим Роберт Вильгельм Готтгард)* (4 апр. 1881, Санкт-Петербург — 18 нояб. 1966, Хельсинки) — полковник 3-го гусарского Елисаветградского Великой княгини Ольги Николаевны полка. Окончил Николаевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1901, 1903?), Офицерскую кавалерийскую школу (1913, 1914?), подполковник. После 1917 — на Северном фронте в армии генерал-лейтенанта Е. К. Миллера, начальник штаба Национального ополчения (авг. — сент. 1917). В эмиграции в Финляндии, активный чин РОВС, председатель Общества друзей русских скаутов, член Совета и председатель Совета Общества «Русская колония в Финляндии» (1940–1942), возглавлял Трудовую секцию этого общества.

³¹ *Андерс Владислав Владиславович* (11 августа 1892 — 12 мая 1970, Лондон) — штабс-ротмистр (ротмистр) русской службы, польский генерал брони. Окончил Рижский Политехнический институт (1913) и курсы при Академии Генерального штаба (1917). Офицер армейской кавалерии из вольноопределяющихся 2-го гусарского и 3-го драгунского полков. Георгиевский кавалер. Подполковник штаба Польского корпуса. С 1918 в Армии Польши, участник советско-польской войны 1920, боев с войсками Вермахта и РККА в

1939. В 1941–1942 командовал сформированными в СССР Польскими вооруженными силами (армия Андерса), переброшенными в 1942 на Ближний Восток, затем в 1943–1944 — II польским корпусом в составе 8-й британской армии в Италии, в 1945 — польскими войсками в Западной Европе. С 1946 — Верховный Главнокомандующий и генеральный инспектор Польских вооруженных сил на Западе, член «Совета трех» — руководства польской эмиграции.

³² *Лепеха Александр Александрович* (23 февр. 1890, Полтавская губ. — 1 марта 1974, Фоллс-Черч, США) — полковник 3-го драгунского Новороссийского полка. Окончил 1-й кадетский корпус (1908), Елисаветградское кавалерийское училище (1910). Служил во 2-м гусарском и 3-м драгунском полках. В годы гражданской войны служил во ВСЮР с Новороссийскими драгунами Сводно-драгунского полка, в Русской армии командовал дивизионом Новороссийских драгун в 7-м кавалерийском полку. В нояб. 1920 эвакуирован из Крыма в Галлиполи. В 1941–1945 служил в Русском Корпусе. После 1945 в эмиграции в США, член отдела Общества Галлиполийцев и Союза чинов Русского Корпуса, сотрудник журнала «Военная быль».

³³ *Скоронадский Павел Петрович* (3 мая 1873, Висбаден — 26 апр. 1945, Меттен, Бавария) — праправнук гетмана Украины, генерал-лейтенант (1916). Окончил Пажеский корпус (1893), офицер Л.-гв. Конного полка (с 1893), командир 20-го драгунского (1910–1911) и Л.-гв. Конного (1911–1914) полков. Участник Первой мировой войны. Георгиевский кавалер (1907, 1914). С 22 янв. по 29 дек. 1917 — командир XXXIV армейского (1-го Украинского) корпуса. Возглавил государственный переворот 29 апр. 1918, упразднивший Украинскую народную республику, на «съезде хлеборобов» провозглашен гетманом Украинской державы. 14 дек. 1918 отрекся от власти и был эвакуирован немцами в Германию. В украинской эмиграции возглавлял умеренное крыло. Погиб при бомбардировке союзной авиации.

³⁴ *Епанчин Николай Алексеевич* (17 янв. 1859, Санкт-Петербург — 12 февр. 1941, Ницца) — генерал от инфантерии (1913), военный историк. Окончил гимназию К. Мая (1874), 1-е военное Павловское училище (1876) и Николаевскую академию Генерального штаба по I разряду (1882). Участник русско-турецкой войны 1877–1878. В 1895–1900 начальник штаба 1-й Гв. пехотной дивизии, в мае — сент. 1900 — командир Л.-гв. Преображенского полка, затем директор Пажеского корпуса. С 1907 — начальник 42-й пехотной дивизии, с 1913 — командир III армейского корпуса, герой сражения 7(20) авг. 1914 под Гумбиненом на Северо-Западном фронте. К началу февр. 1915 — начальник Вержболовской группы войск, в которую входил 3-й драгунский Новороссийский полк. После военных неудач уволен 14 февр. 1915 Великим князем Николаем Николаевичем (Младшим) без права ношения мундира на пенсию. В янв. — марте 1917 — начальник 5-й Финляндской стрелковой дивизии, затем зачислен в резерв. Эмигрировал в 1920 в Германию, с 1923 жил во Франции; почетный член Союза пажей, Союза преображенцев и Союза офицеров участников Великой войны, с 1931 начальник Военно-учебных курсов РОВС в Ницце. До конца жизни был глубоко обижен своим увольнением в 1915. Поэтому генерал К. Вилькама выдал Н. А. Епанчину, которому шел 79-й год, заверенное печатями «свидетельство», рукописную копию которого сохранил в своем архиве:

Свидетельство.

Симъ свидѣтельствую, что будучи в началѣ февраля 1915 года съ 3-мъ Драгунскимъ Новоросійскимъ полкомъ подъ начальствомъ начальника Вержболовской группы Генерала Н. Епанчина мы имѣли постоянную связь какъ съ начальникомъ группы, такъ и его штабомъ во все время нашего нахождения непосредственно подъ его командованиемъ. Генераль Епанчинъ лично управляя вверенными ему войсками въ штабѣ группы в Кибартахъ, не оставляя войско ни безъ управления, ни безъ связи.

Когда я лично былъ въ штабѣ группы, наблюдалъ, что работа въ штабѣ шла спокойно и сознательно и начальникъ группы заботясь обо всемъ лично принималъ участіе въ всей дѣятельности чиновъ штаба. Ни суеты, ни паники въ штабѣ не видаль.

Гор. Гельсинки 2 декабря 1937 года

Вр. командующий 3-мъ Драгунскимъ Новороссійскимъ полкомъ въ началѣ февраля 1915 года

Полковникъ Вилькманъ нынѣ генераль Вилькама

³⁵ Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 томах. Париж, 1939; переиздано в одном томе: М., 2001.

³⁶ Машинопись, копия. Курсивом выделены слова, вписанные от руки, в угловые скобки взято вычеркнутое в машинописи слово.

³⁷ Рукопись, подлинник.

³⁸ Ошибка памяти, настоящее отчество — Александрович.

³⁹ Так в тексте.

⁴⁰ VI кавалерийским корпусом генерал-лейтенант барон К. Г. Э. Маннергейм командовал с конца мая 1917. Он сильно повредил ногу при падении коня в яму, требовалось лечение с постельным режимом, поэтому лечился в Одессе и с 9 сент. 1917 числился в резерве чинов Одесского военного округа.

П. Н. Краснов

Новый исторический труд профессора генерала Н. Н. Головина

Профессор генерал Н. Н. Головин только что закончил свой новый капитальный труд: I. «Русская контрреволюция». II. «Война белых и красных». Труд этот выходит на английском языке, в издании «Института изучения Русской революции» при Стэнфордском университете в городе Пало-Альто, в Калифорнии. Институт изучения Русской революции избрал и сделал профессора генерала Головина своим членом.

Мне удалось прочесть и изучить это описание одного из самых кровавых, тяжелых и интересных периодов мировой истории по русской рукописи. Чувство досады и грусти, недоумения и злобы охватывало меня от сознания, что этот капитальнейший и единственный труд о Русской революции по недостатку средств для издания будет надолго закрыт для русского читателя, а между тем ему-то именно, как никому другому, и надо знать и изучать этот отрадный и далеко не законченный еще процесс жизни русского государства.

До настоящего времени имелись две истории русской революции: «Очерки Русской смуты» генерала А. И. Деникина и «История Русской революции» П. Н. Милюкова.

Та и другая написаны почти сейчас же вслед за происшедшими событиями, при полном отсутствии исторической перспективы, при недостатке материалов, кроме личных наблюдений и впечатлений и тех письменных источников, которые случайно оказались под рукой. Вследствие этого ни та, ни другая не имеют исчерпывающей полноты, нужной для серьезного исторического исследования. Но главным недостатком этих двух трудов является то, что они написаны людьми, лично принимавшими большое — у генерала Деникина — первенствующее — участие в событиях Русской революции. От этого и в той, и в другой много личного, случайного и так естественного неправильного изображения

Неизвестная ранее статья (машинопись) генерала от кавалерии П. Н. Краснова из фондов Гуверовского архива Стэнфордского университета (Hoover Institution Archives, Stanford University (HIA). Collection gen. N. N. Golovin. Box 14. Folder: Krasnov, gen. P. «New Historical work of professor-general N. N. Golovin»). На первом листе машинописи автограф Н. Н. Головина: «Из архива ген. Н. Н. Головина письменный отзыв о моем труде “Рус. контр-революция” ген. Краснова. Напечатана не была». Публикация К. М. Александрова.

фактов и лиц и одностороннего освещения событий. Громадный труд генерала А. И. Деникина — 5 больших томов — полный документов, карт, схем и фотографий — и не претендует на историю. Он назван — «очерками» и по характеру изложения приближается к воспоминаниям. Это более материал для истории, но не исторический труд.

Книга генерала Н. Н. Головина — первый серьезный труд по истории Русской революции и контрреволюции, ибо, как увидим дальше, одна неразрывно связана с другой. Отойдя на пятнадцатилетнее удаление от совершившихся событий, генерал Головин тем самым приобрел историческую перспективу. За эти пятнадцать лет вышло много книг, воспоминаний, статей, записок, обнародовано множество документов, как в советской республике, так и за границей, в Русской эмиграции. Таким образом перед генералом Головиным как перед историком оказалась целая библиотека — архив Русской революции, и он мог приступить к своей работе, как подлинный летописец — «добру и злу внимая равнодушно», сличая документы и проверяя одно показание другим и, таким образом, отыскивая истину. Но особенным достоинством его труда является и то редкое для историка обстоятельство, что, изучая события по документам, работая над воспоминаниями участников того или другого события, — генерал Головин не был им совсем чужд. Почти всех деятелей контрреволюции, ее вождей, рядовую ее массу, офицеров и солдат, саму народную толщу, в которой события совершались, генерал Головин знал лично, события наблюдал непосредственно, да еще имел случай близко быть к двум главнейшим фронтам контрреволюционного движения — Южному — Деникинскому и Восточному — Колчаковскому.

Отсюда явилась та отточенность характеристик, та глубина исследования психических движений народных масс, та яркая четкость описаний, которая составляет особенную ценность и прелесть труда генерала Головина.

«Русская контрреволюция...» Она началась почти в тот самый день, когда началась и Русская революция. Глава I труда генерала Головина говорит об отсутствии противодействующих сил в начале революции. И точно: революция явилась, с одной стороны, как результат длительной подготовки верхних слоев Русского народа — его интеллигенции — к мысли о необходимости изменения режима управления, о даровании подлинной конституции и ответственного перед народными избранниками министерства, с другой, как результат усталости и растерянности власти перед навалившимися на нее небывало тяжелыми событиями мировой войны, и с третьей, как результат воздействия иностранцев.

23-го февраля появились первые признаки рабочих беспорядков в Петрограде, 27-го февраля вспыхнул солдатский бунт в частях Петроградского гарнизона, а 2-го марта Государь Император Николай II без

борьбы отрекся от Престола. В одну неделю случилось величайшее событие — Российская Империя перестала существовать.

Многие думали (да и хотели этого), что это только дворцовый переворот. Замена Государя, не могущего справиться с событиями, — другим, более способным. Перемена системы управления — самодержавной на конституционную... Потому-то наверху власть, начиная с самого Государя Императора и кончая его министрами и старшими военачальниками, так легко пошла на революцию.

Манифест отречения Императора Николая II «был продиктован чувством глубокого его патриотизма», пишет генерал Головин.

«Он уходит от власти для того, чтобы в решительные дни жизни России ...облегчить народу нашему тесное единение и сплочение для скорейшего достижения победы. ...Как велик должен был быть психический перелом в душе императора Николая II для того, чтобы он отрекся. В самом деле — вера в Царскую власть “Божиею милостью” никак не могла бы мириться с противопоставлением Царя и Отечества: интересы обоих с вышеупомянутой точки зрения могли быть только абсолютно тождественными. Это неразрывное и полное тождество и выражалось в словах “За веру, Царя и Отечество”, начертанных на всех знаменах Императорской армии. Таким же логически вытекающим следствием из понятия Монархии “Божиею милостью” должен был бы являться и другой вывод: защита своей Царской власти является священным долгом самого Монарха».

«Вот почему, — заключает генерал Головин, — акт отречения Императора Николая II мог воспоследовать только после утраты им самим веры в традиционные основные идеи Царской власти»...

Нельзя, однако, согласиться с этими выводами генерала Головина. Акт отречения Государя Николая II последовал не вследствие «утраты им самим веры в традиционные основные идеи Царской власти», если бы это было так, Государь не передавал бы власть своему брату Великому Князю Михаилу Александровичу. Государь отрекся от Престола вследствие особенностей своего характера и крайней душевной усталости под бременем правления. Историк Головину, занятому контрреволюцией, не было ни времени, ни места, ни возможности углубиться во все прошлое царствование Императора Николая II, чтобы вполне оценить те глубокие причины, которые вызвали самый акт отречения. Напомним вкратце: Император Николай II не готовился с малых лет царствовать, он не любил «царствовать» и лишь во исполнение долга заставлял себя нести бремя управления, над ним висел мистический фатум, в который он верил: ...«родился в день Иова Многострадального»... Ходынская катастрофа в день коронации, Японская война — Порт-Артур и Цусима, революция 1905-го года, болезнь Наследника, Великая война, неудачи

на фронте и — как довершение всего — общая измена верхов!.. Какую личную силу воли и характера надо было иметь, чтобы *самому* защищать Царскую власть! Государь этот свой долг вполне сознавал, но *сам* рубить головы крамольникам, как некогда Петр I рубил головы непокорным стрельцам, он не мог. Ему говорили: «если вы не отречетесь от престола — фронт будет открыт — и немцы победят Россию»... «если вы не отречетесь — ваша семья будет убита»... На него давили, как на полководца, ответственного за успех войны, как на монарха-патриота и как на любящего мужа и отца... Каким героем надо было быть, чтобы пренебречь всем этим и *в полном одиночестве* пойти напролом.

И с кем?!

Государь отрекся «для скорейшего достижения победы»... Он отрекся для продолжения войны... И та интеллигенция, которая готовила и поощряла солдатский бунт, делала это под лозунгом: «война до победного конца»...

Глубоко прав генерал Головин, говоря, что Царская власть к началу 1917 года находилась в моральной изоляции. И не только сам Государь, но именно *вся власть* в самом широком понятии этого слова, то есть правящий аппарат как власть фактическая и вся Русская интеллигенция как власть моральная, в том числе и громадное большинство офицеров, отошли от народа. Государь отрекался от власти, интеллигенция руками восставших солдат брала эту власть во имя победы, во имя *войны*. Уставший же от войны народ, слишком малокультурный для понимания общих целей войны, устраивал революцию и свергал Государя во имя мира «без аннексий и контрибуций», во имя немедленного мира «по телеграфу» и раздела земли.

Таким образом, в тот самый день, когда началась революция, пути интеллигенции и народа разошлись, и народ, устроивший революцию, пошел не туда, куда хотели идти те, кто его подготавливал и натравливал на революцию, но в противоположную сторону. Началась революция народа против новой власти и защита эту властью революции, началась контрреволюция.

Это превосходно, тонко и глубоко изложено и фактами подтверждено генералом Головиным.

Расхождением между народом и захватившей власть интеллигенцией воспользовались социалисты, и уже 27-го февраля в Петрограде появляется совет солдатских и рабочих депутатов.

В то время, как правительство князя Львова отличается крайнею вялостью и непротивлением злу, боится скомпрометировать белые ризы великой «бескровной» Русской революции и ставит высокие цели продолжения войны во что бы то ни стало, совет ставит своей целью — «углубление революции и превращение совершившегося политического

переворота из буржуазной революции в социальную». Начинается чистейшая демагогия, которая приводит к лозунгу: «долой войну».

По всей стране появляются самозванные «земельные комитеты» и становятся во главе аграрного движения. Волной поднимаются крестьянские беспорядки, колеблется фронт, сплошной массой солдаты дезертируют из армии. В столь прославленной и восхваленной революции создается угроза ее основному лозунгу, который она выкинула и под которым шла: «война до победного конца».

Революцию в значительной своей части приветствовало офицерство, в это время мало уже отличавшееся от общей массы русской интеллигенции. В ней оно видело оздоровление государства и мира через победу. Но скоро оно должно было убедиться, что революция пошла не по тому пути, и это в офицерстве в первую очередь зародилась мысль о противодействии революции — о контрреволюции. Армия под влиянием разрушительного действия Временного Правительства и совета солдатских и рабочих депутатов быстро теряла свою боеспособность. Попытка вернуть таковую путем наступления и предполагавшейся победы окончилась небывалой катастрофой, и даже те, кто продолжал верить в спасительность революции, должны были призадуматься.

Описав и, главное, самым тщательным образом разобрав и проанализировав, как военный стратег и как психолог человеческих масс, июльское наступление 1917-го года, генерал Головин переходит к описанию самой контрреволюции.

Контрреволюция пошла из армии, именно из офицерской ее среды, — надо было спасти Армию, а с нею спасти и Россию.

Основными идеями, зародившимися в офицерской среде армии, были:

- продолжать войну во что бы то ни стало;
- правительство должно поставить ставку на офицера, а не на солдата;
- учредить для этого военную диктатуру.

Так формулировал выход из создавшегося положения генерал Деникин в своей речи 16-го июля 1917-го года в Ставке на совещании министров и главнокомандующих.

Июльская катастрофа заставила и русские интеллигентские круги примкнуть к этому и примириться с мыслью о неизбежности военной диктатуры.

На многих страницах необычайно ясно повествует генерал Головин, как вследствие полного отрыва от народа и непонимания того, что происходит, от слишком, может быть, книжного, идеального, нежизненного представления о сущности русской революции произошел окончательный отрыв народной массы от интеллигенции и эта последняя невольно толкнула народ в объятия большевиков.

Московское совещание, «заговор» (которого не было) Корнилова, провокация Львова и Керенского, сдача Временного правительства — привели Россию от «февраля» к «октябрю», от правительства князя Львова к правительству Ленина.

И теперь часто приходится слышать недоуменные вопросы: «Да как же это произошло? Как могло все это случиться? Откуда такое безумие?»

Можно ли было продолжать войну во что бы то ни стало, когда солдаты (народ) и крестьяне (народ) ни за что не хотели воевать?

Генерал Головин в своей книге, разбирая все события, имеет мужество сказать: этого нельзя было делать. Народ пошел за теми, кто посулил ему мир, возвращение «домой» и раздел земли.

Можно ли было поставить ставку на офицера, проигнорировав солдата?

Трезво посмотрев и разобрав этот вопрос, как военный специалист генерал Головин смело отвечает: «такое решение привело к окончательному отрыву офицера (интеллигенции) от солдата (народа) и повело уже к *классовой* — гражданской — войне «белых и красных».

Военная диктатура оказалась в руках демагогов — большевиков, тех, кто «больше» давал народу, кто обещал мир и землю.

Контрреволюция обратилась в классовую гражданскую войну.

С самых первых дней революции заволновались окраины. Отделилась от России Финляндия, и ее отделение было признано Временным Правительством. Оккупированные немцами области — Эстляндия, Лифляндия и Малороссийские губернии — подняли головы и стали готовиться к полному отделению от России и самостоятельному от нее существованию. Движение это было поддержано немцами и... союзниками. Началось областническое движение на Юге России, на Волге, на Кавказе, в Сибири и в Казачьих областях.

Областнические тенденции в скрытом, потенциальном состоянии существовали всегда на окраинах России. Они были и при Императорском правительстве. В пределах возможного Императорское правительство шло им навстречу. Постепенно ослаблялись преследования малороссийского языка на Украине. Выделенная в особое Киевское генерал-губернаторство Украина зависела от личности генерал-губернатора, и в ней давно шла скрытая работа для устройства полной автономии. Немцы, воспользовавшись военнопленными малороссийского происхождения, повели пропаганду в пользу полного отделения Украины от России. Временное Правительство, стремясь к оздоровлению армии, пришло к несчастной мысли создания национальных украинских частей и тем подготовило самое отделение Украины.

Казачьи области всегда жили жизнью, обособленной от жизни остальных губерний Российской Империи. Казаки отбывали воинскую

повинность по особому закону, имели свои казачьи части — полки, батареи и дивизии со своим офицерским составом.

На Кавказе со времен его покорения было установлено «Наместничество», до некоторой степени создававшее иллюзию особого существования Кавказа.

Наконец, это в Сибири впервые зародилась мысль о создании из государства унитарного — государства федеративного, своего рода Российских Соединенных Штатов, и сибирская интеллигенция много поработала в этом направлении.

Как только произошла революция и власть ослабела, началось отделение от России ее окраинных областей. С приходом к власти большевиков это движение усилилось. Окраины поголовно начали восставать против советской власти и с оружием в руках повели войну против нее. Оккупированная немцами Украина отделилась от советской федеративной республики, от нее отошел Калединский Дон, увлекший за собою Кубань и народы Северного Кавказа, стали подниматься Оренбургские и Уральские казаки, заволновалась Сибирь.

Областническое движение шло под лозунгами мирного устройства своего самостоятельного впредь до освобождения России от власти большевиков существования. Их руководители в громадном большинстве в будущем ничего другого не хотели, как только автономное управление, но все они сходились в невозможности быть под большевиками. Мир с немцами, окончание Великой войны, мирное устройство своих дел своими силами и борьба со всеми теми, кто этому будет мешать, — вот что одушевляло эти новые образования.

До сих пор никто еще так четко, ясно и подробно не нарисовал всей сложной картины того, что происходило на окраинах России в пору зарождения Белого движения, как это сделал в своем труде генерал Головин. Медленно, внимательно, глубоко и тщательно изучая все многочисленные документы этого времени, генерал Головин пришел к ясным выводам и к осуждению политической программы Добровольческой Армии и Сибирских Правительств.

В сложную обстановку шовинистически настроенных казачьих кругов и рады, считающих, что Великая война бесповоротно окончена, попали создатели и руководители Добровольческого движения и с первых же шагов оказались оторванными от той почвы, на которой они должны были работать.

«Мудрый генерал Каледин, — пишет профессор Головин, — понял спасительную силу “местного патриотизма” в те минуты, когда имперский “патриотизм” переживает кризис. Опираясь на этот “местный казачий патриотизм”, он и вышел победителем из конфликта с Керенским; в нем он искал опору для борьбы с выросшей после неудачи выступления

генерала Корнилова анархии в среде неказачьего населения области, особенно сильно бушевавшей в городах, где стояли совершенно обольшевичившиеся солдатские запасные части»...

В эту-то среду пробудившихся к самостоятельной и *мирной* — во что бы то ни стало мирной жизни и деятельности казачьих областей, готовых на мир даже с большевиками, явились так называемые «Быховские узники» — генерал Корнилов, Деникин и Лукомский с готовой своей Быховской программой. В этой программе стояло: «установление правительственной власти, совершенно независимой от всяких безответственных организаций — впредь до Учредительного собрания». И Круг, и атаман являлись помехой для организаторов Добровольческой армии. До некоторой степени они были для них «безответственными организациями». В пункте 3 программы значилось: «война в полном единении с союзниками до заключения скорейшего мира, обеспечивающего достоинство и жизненные интересы России», в пункте 4 — «создание боеспособной армии» и т. д.

В эту пору немцы беспрепятственно занимали Север и Юг России. Никто не оказывал им никакого сопротивления. Почти все боевые запасы занимаемых полос, огромное количество артиллерии переходило в руки немцев. Каждому казаку было понятно, что в том состоянии, в котором находилась Россия, она воевать с немцами не может, и потому Добровольческая армия, явившаяся к казакам с программой войны с немцами, не встретила должного сочувствия. В борьбе с большевиками, которую казаки повели совместно с добровольцами, начался серьезный и все углубляющийся надрыв.

Нельзя без глубокого волнения, порою без слез досады и отчаяния читать подробнейшее, сопровождаемое множеством ссылок и документов изложение того, как при полном взаимном непонимании вступали в борьбу с большевиками — интеллигенция, в лице руководителей и офицеров Добровольческой армии, в лице Временного Сибирского Правительства, эсэровского комитета учредительного собрания в Самаре (комуча) на Волге и т. д., и «народ» — казаки, Приуральские заводские рабочие, крепкие Заволжские и Сибирские старожилы крестьяне. Руководители говорили на разных языках с руководимыми, правительства не имели под собой опоры, всегда надо было опасаться заговора и измены, создававшиеся правительствами армии были ненадежны.

Интеллигенция шла под знаменем верности союзникам, она *продолжала войну*. Она сносилась с иностранными англо-французскими миссиями, она пыталась использовать принятые под французское покровительство чехословацкие легионы, стоявшие на Волге, для войны не только и не столько с большевиками, сколько с немцами. Она серьезно думала о создании противогерманского фронта — на Волге, на Урале, за

Уралом — в Сибири. Народ, ею управляемый, казаки и крестьяне считали, что революция прежде всего окончила войну и потому ни о каких новых фронтах не может быть и речи. Союзники действовали не дружно, их распоряжения были нерешительны и противоречивы... Чехословаки определенно не хотели драться и тянули «домой».

Прибавьте к этому — земельный вопрос. Народ приветствовал революцию, потому что видел в ней прежде всего — мир (свободу) и землю. Решение вопроса о земле в правительствах, захваченных эсэрами, проводилось по трафаретной социалистической программе, и это было там, где как у казаков, у сибирских и заволжских крестьян, где помещиков было мало, где не знали земельной тесноты, где сами казаки и крестьяне давно были собственниками, жили как бы маленькими помещиками, где общинное владение землею (общие сенокосы, выгоны и т. д.) было установлено давно и освящено обычаем. Напротив, там, где, как например на Украине, народ с нетерпением ожидал укрепления за ним земельных владений. Там этот вопрос откладывался до созыва Учредительного собрания. Правительства не считали себя правомочными решить его в ту или иную сторону.

Вот в какой сложный «переплет» событий и настроений попало Белое движение. Сколько интереснейших вопросов до самых далеких глубин психологического их анализа затронул генерал Головин в громадном своем труде. В нем мы найдем самые точные и верные ответы на вечно тревожащий нас вопрос — почему? Почему Белое движение потерпело такое тяжелое поражение?

Книга генерала Головина, несмотря на свою фундаментальность и документальную точность, написана легко и читается с неослабевающим интересом. Да и как может быть это иначе, когда яркими и выпуклыми портретами, живыми образами встают в ней умершие и живые герои и деятели этого так недавнего и такого страшного времени. Князь Львов, Родзянко, Керенский, Корнилов и точно прячущийся за ними, темный, точно «инфернальный» Завойко, Каледин, Алексеев, Деникин, Колчак, Миллер, Врангель, Неженцев, Марков, Дроздовский, Кутепов, Скоропадский, Махно, Юденич, Родзянко, казачьи атаманы, главы иностранных миссий — словом, все действующие лица страшной Российской драмы 1917–1920 годов, драмы, по существу еще далеко не оконченной.

Ведь война между Антантой и Германией не кончена. Версальский мир никого не удовлетворил. Перед нами не мир, но перемирие. История говорит нам о семилетней, тридцатилетней, столетней войнах — и это не значит, что семь, тридцать, сто лет дрались изо дня в день. Эти войны прерывались значительными и долгими промежутками напряженного, но мирного стояния. Такой напряженнейший период переживаем мы теперь.

Отрыв русской интеллигенции от народа, происшедший как результат контрреволюции и Белого движения, продолжается. Интеллигенция и народ стоят на разных берегах вырытого между ними, по выражению г-жи Кусковой, рва, и попытки засыпать этот ров не привели ни к чему. Эти попытки все время делались с партийным, политическим подходом, между тем как мы стоим перед небывало глубоким разделением классов. Давно нет настоящего дворянства, и вот уже пятнадцать лет, что пролетариат стоит у власти, но рознь, лютая злоба и ненависть к несуществующему классу дворян не утихает. Офицер, просто образованный человек взят под подозрение озлобленным, натравленным на них народом. Как в шестидесятые годы прошлого века наша передовая молодежь «ходила в народ», чтобы развращать его, так близок день, когда этой молодежи придется идти в него, чтобы «засыпать ров», вырытый в дни Корниловского выступления и все расширяющийся и углубляющийся и донныне.

Как же пойдет эта молодежь без основательного знания причин ужасной размолвки между членами одной Русской семьи? Как пойдет она, если детально не будет знать, как и почему все это произошло, и не будет знать ответа на все больные вопросы о причинах крушения Белого движения?

Вот почему оканчиваю тем, с чего начал. Если книга генерала Головина, в которой около 800 страниц, не считая многочисленных приложений весьма интересных документов, очень нужна для вдумчивого и любознательного англичанина или американца, желающего детально ознакомиться с кровавой Русской контрреволюцией, то во много раз она интереснее, поучительнее и *нужнее* для русского.

Вырастает новое поколение. Революция захватила его в младенческие или детские годы. Подрастают люди, родившиеся и вовсе после революции. А между тем, именно им-то и придется выправлять все, содеянное их отцами. Им надо будет не повторить тех ошибок, которые были сделаны во время контрреволюции и во время войны «белых» и «красных». Обширный и совершенно беспристрастный труд генерала Головина дает эту возможность детального изучения интереснейшего и напряженнейшего времени Русской истории. Это как бы история болезни, преподносимая врачу. Как же не желать увидеть эту книгу на русском языке? Как же не издать ее для того читателя, которому она нужнее всего?

Скажут: издать дорого. Издание не окупится. Такие книги, как труды генерала Головина по истории мировой войны и особенно этот последний его труд, — книги вечные. На них — спрос всегда. Издание такой книги, возможно, не окупится в один год, но со временем эта книга даст издателю и прибыль. Значит, тут уже дело не в меценатстве, а в умном

расчете дать хорошую книгу, сделать ценный вклад в дело образования Русской молодежи. По глубине исследования затронутых вопросов книгу генерала Головина можно сравнить с такой работой, как известное сочинение Д. И. Менделеева «К познанию России» — тоже книга, как будто бы и не ходкая на вид, но ох как нужная всякому Русскому, любящему свою Родину.

М. Самарджич

Кто был кто в Королевстве Югославия в 1941–1945 годах?

Если опираться на официальную историю, написанную в социалистической Югославии, постановка вопроса, который вынесен в заглавие доклада, окажется неправомерной, так как, согласно традиционной коммунистической версии, Королевства Югославия в ходе Второй мировой войны *не существовало*. Точнее, Вооруженные Силы этой страны капитулировали в Апрельской войне против войск Оси в 1941 году, король и правительство эмигрировали, а Королевство перестало существовать. Тогда, как уверяют нас социалистические историки, началась борьба за «новую Югославию». В их версии существует временной вакуум, охватывающий период с апреля по 22 июня 1941 года, когда коммунисты и немцы находились в союзнических отношениях, но историография социалистической Югославии обходила этот скользкий вопрос стороной. Поэтому вначале необходимо сделать несколько замечаний, касающихся драматических событий апреля 1941 года.

Дипломат Третьего Рейха Г. Нойбахер писал в своих мемуарах¹, что Гитлер во время одного из своих обычных истерических припадков, который произошел во время совещания в Верховном командовании Вермахта, внезапно принял решение о нападении на Югославию. Гитлера вывел из себя путч 27 марта 1941 года в Белграде, в результате которого было свергнуто правительство, двумя днями ранее подписавшее соглашение о присоединении Королевства к Тройственному пакту. Верховное командование Вермахта выступало против вторжения, поскольку в результате использования войск на южном направлении откладывалось проведение операции «Барбаросса». Так это в действительности и произошло. Немецкое нападение на Советский Союз состоялось только

Самарджич Милослав — исследователь истории четнического движения в годы Второй мировой войны (Крагуевац, Республика Сербия). Автор следующих трудов по теме: Генерал Дража Михаиловић и општа историја четничког покрета. В 5 т. (Крагујевац, 2004–2010); Сарадња партизана са Немцима, усташама и Албанцима (Крагујевац, 2006); Фалсификати комунистичке историје (Крагујевац, 2010); Истина о титовим партизанима (Крагујевац, 2011); Срби против Вермахта: непозната немачка документа (Крагујевац, 2011), и др. Перевод с сербского И. А. Николаева (Москва).

22 июня, вследствие чего немецкие танки не успели достичь Москвы до наступления зимы. Поэтому следует считать, что именно *путч 27 марта*, а не какая бы то ни было другая военная операция стала главным вкладом сербов в победу антигитлеровской коалиции во время Второй мировой войны.

Силы Оси напали на Югославию 6 апреля 1941 года. С самого начала ситуация развивалась по наихудшему для Королевства сценарию, так как хорватская часть Королевской армии практически сразу перешла на сторону агрессоров, которые и без того имели превосходство в численности и вооружении. Через девять суток Верховное командование Королевской армии уполномочило делегацию во главе с генералом Д. Калафатовичем «исключительно вести переговоры о перемирии, но не подписывать его»². Следовательно, делегация *не имела полномочий* для подписания даже перемирия, тогда как о капитуляции речь вообще не шла. До начала каких бы то ни было переговоров случилось так, что 15 апреля в Сараеве немцы захватили в плен генерала Калафатовича и других членов делегации. Таким образом, полномочия делегации оказались автоматически аннулированы, поскольку военнопленные согласно международному праву не могут никого представлять и вести переговоры.

Именно поэтому немцы сразу начали оказывать давление на Калафатовича. Он поддался и отдал делегатам приказ начать переговоры. Но Калафатович как военнопленный не имел права вести эти переговоры от лица Королевства Югославия, не имел он и права приказывать делегатам вести переговоры от ее имени. В событиях участвовал еще один человек, чьи действия компрометируют переговоры в гораздо большей степени. Им был генерал Р. Янкович, которого Калафатович «наделил полномочиями». Он также уже какое-то время находился в плену. Еще одним «уполномоченным» Калафатовича стал А. Цинцар-Маркович, на тот момент политик без должности и каких-либо служебных функций. Более того, 27 марта он лишился своего поста как раз за подписание двумя днями ранее пакта с Германией. Ввиду указанных обстоятельств документ, называвшийся «Решение о перемирии между немецкими и югославскими вооруженными силами»³, который 17 апреля 1941 года в Белграде подписали генерал Янкович и Цинцар-Маркович, не может считаться юридически состоятельным.

Позже немцы подготовили еще один документ, подписанный Калафатовичем в Сараеве 18 апреля. Объявлялось, что данный документ имеет силу только на немецком языке — это также исключает его юридическую состоятельность. Самая важная для нас часть документа гласит:

«Заключено перемирие между Королевством Югославия и Силами Оси. Первым днем перемирия считать 18 апреля с 12.00 часов. Перемирие заключено на следующих условиях:

С подписанием Договора о перемирии югославские вооруженные силы немедленно капитулируют и отводятся в плен. <...> По отношению к солдатам, по заключении перемирия оставившим свою воинскую часть, будет применена смертная казнь»⁴.

Поскольку очевидным образом были нарушены правила капитуляции государства и армии как таковые, мы рассматриваем процитированный документ в качестве лишь небольшой иллюстрации, которая позволяет нам судить о творившемся беззаконии. К примеру, поскольку немцы назвали его «договором о перемирии», пункт о капитуляции допускалось интерпретировать как признание *безоговорочной капитуляции*, а не как капитуляцию в правовом смысле⁵. Так или иначе, нацисты сразу пустили в оборот лозунг «конец Югославии», подхваченный только коммунистами, бывшими тогда их союзниками. Между тем, о формально-правовом «конце Югославии» речи в документах сил Оси не шло, поскольку носитель суверенитета король Пётр II Карагеоргиевич не находился в плену, так же как и члены Королевского правительства. В действительности оккупанты не смогли захватить в плен целиком и Вооруженные Силы. Они продолжали вести борьбу как внутри страны, так и за рубежом. И не думая о капитуляции, король Пётр II в обращении по поводу необходимости своего отъезда из страны⁶, помимо прочего, утверждал 16 апреля 1941 года:

«Будучи принужденным сильным врагом оставить свою землю, Я не думаю прекращать борьбу. Честь национального флага спасена, но свобода народа под угрозой. Я призываю Мой любимый народ не склоняться под ударами судьбы и сохранять веру в будущее. <...> Уверен, что Господь Бог будет на нашей стороне, на стороне правого дела. Я восклицаю: “Да здравствует Югославия и ее свобода!”»

Правовой статус югославской власти как «правительства в изгнании» утвердили все противники Оси, а после 22 июня 1941 года и Советский Союз. Министр иностранных дел Великобритании А. Иден еще 16 апреля 1941 года заявил югославскому посланнику в Лондоне о своей искренней надежде, «что югославское правительство, хотя бы и находясь за границей, будет продолжать борьбу при посредстве своих союзников Англии и Греции, и оно остается для английского правительства легитимным представителем Королевства Югославия, и что Югославия примет участие и в окончательной победе»⁷. Такая же оценка правовой ситуации справедлива и по отношению к Польше, Чехословакии, Франции и другим оккупированным странам. Королевство Югославия, как и ни одна из перечисленных стран, не подписывало договор о капитуляции. Оккупация рассматривалась в качестве временного состояния, и после освобождения должно было быть восстановлено довоенное

государственное и юридическое положение страны. В случае немецкой оккупации Великобритании приют «правительствам в изгнании» могла предоставить Канада.

В годы Второй мировой войны существовали следующие военные формирования (далее — ВФ), созданные из югославских граждан:

1. Югославская армия

Единственная легитимная и полномочная военная организация на протяжении войны. Верховное командование Королевской югославской армии в количестве свыше 1000 человек (в основном из ВВС и ВМФ) в апреле 1941 года эвакуировалось на территорию, контролировавшуюся союзниками. На территории страны уже в мае 1941 года возникло Командование четнических отрядов Югославской армии, так как в случае прорыва фронта планировался переход к *герилье*⁸. Возглавил командование полковник Генерального штаба Драголюб (Дража)⁹ Михайлович, занимавшийся до войны разведывательной деятельностью и специализировавшийся по ведению герильи («четнической войны»).

В конце 1941 года Верховное командование, находившееся тогда в Каире, официально провозгласило фактическое разделение армии Югославии на три части: войска за рубежом, войска в плену и войска на родине. Тогда же четнические отряды Югославской армии были реформированы в Югославскую армию на родине.

В июне 1942 года король и правительство решили перенести Верховное командование на родину, провозгласив Главный штаб Михайловича Верховным командованием Югославской армии. Тем временем Михайлович занял должность военного министра Королевства Югославия. В обращении к иностранцам по отношению к своим подразделениям, находившимся в Отечестве, он применял термин «Югославская армия», тогда как в обращении к соотечественникам употреблял оба наименования (и Югославская армия, и Югославская армия на родине). Среди военнослужащих Югославской армии доля сербов составляла 95%. Словенское командование располагало несколькими сотнями бойцов и несколькими тысячами агентов-нелегалов в населенных пунктах. Хорватов насчитывалось единицы.

Количественный состав армии Югославии с трудом поддается оценкам, так как из-за недостатка вооружения данные о численности ее личного состава занижались. Кроме того, в отрядах Михайловича насчитывалось много неучтенных бойцов в результате неразберихи в делопроизводстве и по другим причинам. Весной 1944 года Михайлович имел, по крайней мере, более 100 тыс. человек под ружьем, а еще 500 тыс. в мобилизационных списках.

2. Четники Косты Печанаца

Печанац стал одним из трех четнических воевод, уполномоченных Верховным командованием на ведение герильи в случае оккупации страны. Для операций ему отводилась территория Южной Сербии. Благодаря инфраструктуре довоенного четнического движения, он привлек в отряды несколько тысяч четников. Но в августе 1941 года Печанац заключил соглашение с немцами, чтобы вскоре оказаться в распоряжении так называемого Сербского правительства во главе с генералом М. Недичем, которое принесло присягу немецкому коменданту Сербии. Поэтому люди Печанаца назывались «владини четници» (сербск.) — правительственные четники или «легальные четники», в противоположность бойцам Михайловича, которых оккупационные власти считали нелегальными. Югославское правительство в изгнании, узнав о соглашении Печанаца с немцами, лишило воеводу полномочий на ведение герильи.

В конце 1941 года немцы перебросили в Югославию значительные силы. Михайлович воспользовался случаем и внедрил большое количество своих людей, в том числе в составе целых отрядов, в формирования Печанаца. Этот процесс назывался «легализацией». Немцы быстро поняли, что происходит, и до конца лета 1942 года расформировали большую часть, а весной 1943 года — и последние отряды Печанаца. Подчиненные Михайловича, раскрытые при «легализации», понесли жестокие наказания. Позднее историки социалистической Югославии намеренно отождествляли в своих работах четников Печанаца и Михайловича. Воевода К. М. Печанац в феврале 1944 года был взят в плен бойцами одного из подразделений Югославской армии. Судебный процесс длился до мая, затем его убили при непонятных обстоятельствах.

3. Сербская жандармерия

После оккупации Югославии в апреле 1941 года территория страны была разделена между Германией, Италией, Венгрией и Албанией. Только Румыния отказалась от предложения занять сербский Банат, считая сербов своими друзьями. Из трех титульных наций Королевства две подверглись наказанию в виде лишения территорий (сербы и словенцы), тогда как третья (хорваты) получила в качестве вознаграждения собственное «Независимое государство Хорватия» (далее — НГХ). Этому рукотворному образованию оккупанты подарили целую сербскую бановину (Врбасскую), как и части еще трех сербских бановин — Зетской, Дринской и Дунайской. В результате около 2 млн сербов оказались на территории, включенной в НГХ.

На части сербской территории, которую государства Оси рассматривали в качестве Сербии, оккупационные власти образовали Гражданский комиссариат во главе с М. Ачимовичем, довоенным министром внутренних дел. Комиссариат был создан в соответствии с Гаагской конвенцией, поэтому его вооруженные формирования — Сербская жандармерия — имели законный юридический статус. Командовал жандармерией полковник Й. Тришич, герой трех предшествовавших войн*. Между тем жандармерия с первых дней существования притеснялась немцами, а еще больше — сербскими сторонниками «Нового порядка», у которых существовали свои планы. Ситуация ухудшилась, когда германофилы раскрыли связи Тришича с Михайловичем, которого называли «агентом Лондона». В августе 1941 года прекратилось снабжение сил жандармерии боеприпасами с целью ее последующего расформирования, а Тришич был арестован и отправлен в немецкий лагерь.

4. Сербский добровольческий корпус (лётичевцы)

Речь идёт о вооруженном формировании профашистского Югославского народного движения «Збор» Д. Лётича¹⁰. До войны на выборах он получил всего 1% голосов и поэтому не имел депутатов в скупщине. В апреле же 1941 года его партия оказалась одной из двух, которую не запретили нацисты (второй стала Коммунистическая партия). Военные подразделения «Збора» появились в Белграде еще летом 1941 года, название же «Сербский добровольческий корпус» (СДК) используется с 1942 года. Тогда он имел пятибатальонный состав и 3 тыс. штыков. Позднее Корпус разросся до 8 тыс. штыков, сведенных в пять полков. До начала отступления вместе с немцами в 1944 году лётичевцы не имели единой воинской организации, так как их полки и батальоны входили в состав немецких и болгарских войск. Вооружение, включая артиллерию, и амуниция у них были немецкие. Формально СДК стал еще одной военной силой «сербского правительства» М. Недича. Это правительство пришло на смену комиссариату Ачимовича, тогда как лётичевцы и другие подразделения заменили Сербскую жандармерию. Михайловичу не удалось внедрить своих людей к лётичевцам, так как те идейно были связаны с Рейхом. Командовал СДК полковник К. Мушицки. Лётич произвел его в генерал-майоры. Югославское правительство в изгнании лишило и одного, и другого всех чинов, как и участников других незаконных ВФ.

В мае 1944 года командующий Черногории михайловичец подполковник П. Джюришич уехал в Белград и официально перешел из Югославской армии в СДК. Он и его бойцы настаивали на названии «Второй Сербский добровольческий корпус», тогда как немцы их

* Двух Балканских и Мировой. — *Прим. ред.*

называли «Первым черногорским добровольческим корпусом». В мае 1944 года бойцы Джюришича начали отступление из Черногории (7 тыс. военных и 2 тыс. гражданских лиц), но по прибытии в Боснию Вермахт оставил их на произвол судьбы, поскольку не хватало транспорта.

В марте 1945 года в северной Боснии делегаты Джюришича подписали соглашение с черногорским сепаратистом С. Дрлевичем, который провел всю войну в Загребе под защитой хорватского поглавника* А. Павелича, о создании Черногорской национальной армии. Таким образом, 2-й СДК был переименован в Черногорскую национальную армию под командованием С. Дрлевича. Джюришич попытался обмануть Дрлевича и Павелича, предприняв попытку прорваться через территорию НГХ, но это ему не удалось. Хорваты арестовали и уничтожили в Ясеноваце Джюришича, казнив вместе с ним еще 130 его соратников. Именно тогда Черногорская национальная армия получила новую символику, совпадающую с современным флагом Черногории. Вскоре вместе с хорватскими и немецкими войсками черногорцы начали отступление по направлению к Австрии. Британские власти выдали всех военнослужащих Черногорской армии коммунистам, которые осуществили массовое уничтожение репатриантов в Словении.

5. Сербская государственная стража и Сербская пограничная стража (недичевцы)

Сербская государственная стража (СГС) — самое многочисленное военное формирование так называемого сербского правительства. Весной 1944 года в ее рядах насчитывалось 16 тыс. человек под командованием генерала Б. Йонича. В отличие от Гражданского комиссариата и Сербской жандармерии, основанных в соответствии с международным правом, «сербское правительство» и его «вооруженные силы» создавались с целью более глубокой интеграции остатков сербского государства в систему Нового порядка.

Михайлович внедрял массу своих людей в ряды СГС, что не осталось незамеченным немцами. Они стали снабжать стражников устаревшим оружием и не обеспечивали достаточным количеством боеприпасов. Недич** пытался изо всех сил направить Стражу на борьбу с четниками, но это ему редко удавалось. Осенью 1944 года остатки СГС были переформированы в Сербский ударный корпус (6800 штыков), вскоре перешедший под командование Михайловича. Между тем непривыкшие к службе вне казарм стражники вскоре дезертировали и вместе с немцами отступили в Австрию, куда уже эвакуировалось «сербское правительство».

* Вождя. — *Прим. пер.*

** Югославское правительство в изгнании лишило его чина, когда он принял на себя функции, не предусмотренные международным правом. — *Прим. М. С.*

Сербская пограничная стража (СПС) насчитывала 2500 человек, дислоцированных вдоль всей границы «Недичевской Сербии». Командовал Стражей полковник Л. Погачар, словенец по национальности. Осенью 1944 года остатки пограничников перешли к четникам вместе с бойцами СГС, а после вместе дезертировали. Обычно военнослужащих этих двух формирований называют недичевцами.

6. Боснийские четнические отряды

После Апрельской войны 1941 года сербы, оставшиеся вне военных формирований, начали объединяться в отряды по всей территории страны. До конца года полковник Михайлович принимал под свое командование только отряды, формировавшиеся на территории современной Сербии и прилегавшей к ней Восточной Боснии. Связи с отрядами в Западной Боснии были затруднены по причине постоянной активности войск Оси. Весной 1942 года Михайлович отправил группу из 60 офицеров и подофицеров, происходивших родом из тех мест, чтобы они приняли командование отрядами на Западе. Но одна половина группы погибла в боестолкновениях с немцами и усташами, а другая добралась до Западной Боснии только осенью.

Зимой 1941/42 года коммунисты навязали свое командование большинству отрядов в западных районах. Уже весной 1942 года во многих отрядах коммунисты оказались сброшенными с командных постов и должностей. Самое крупное основанное тогда формирование называлось «Боснийские четнические отряды» (БЧО). На территории от добойского Озрена на востоке до Маняче на западе, эти войска насчитывали около 20 тыс. четников под командованием народного воеводы Р. Радича. БЧО признавали генерала Михайловича, но лишь номинально, поскольку прямая связь отсутствовала. Поэтому де-факто их можно считать независимым ВФ. В состав Югославской армии они вступили в середине 1943 года. Состоялась замена командования БЧО на командование Западной Боснии во главе с майором С. Вранешевичем, а отряды были переформированы в корпус.

7. Усташии

Хорватская революционная усташская организация возникла в 1929 году. Ее деятельность находилась под запретом по причине использования в политической борьбе террористических методов. Члены организации участвовали и в убийстве короля Александра I Карагеоргиевича в Марселе в 1934 году. В довоенный период арестованные усташии

находились в тюрьмах вместе с коммунистами в качестве политических заключенных. Во главе со своим поглавником А. Павеличем усташаи вступили в оккупированную Югославию вместе с итальянскими войсками и 10 апреля 1941 года в Загребе провозгласили «Независимое государство Хорватия» (НГХ).

По плану создателей НГХ треть сербов следовало уничтожить, треть — обратить в католичество, а еще треть — изгнать за пределы государства. Кроме массовой резни, которую усташаи и члены других вооруженных хорватских формирований устраивали в городах и селах, сербов также истребляли в двух десятках концентрационных лагерей. Только в одном лагере Ядовно в Велебитских горах до сентября 1941 года, когда лагерь закрыли итальянцы, усташаи уничтожили более 40 тыс. сербов (на сегодняшний день установлены имена 10 тыс. человек). Бойцы усташских формирований также убивали евреев и цыган.

Кроме личной Гвардии поглавника НГХ силы усташей были сведены в «черные легионы», а также в бригады и другие формирования. В усташских войсках служили и босняки из Боснии и Герцеговины. Численный состав усташских ВФ достигал примерно 80 тыс. человек. Весной 1945 года усташаи вместе с немцами отступили в Австрию. Британские власти выдали часть из них партизанам-коммунистам. В 2010 году, требуя экстрадиции партизанского командира С. Дубайича с целью предания его суду, хорватские власти утверждали, что в Австрии титовцы уничтожили до 10 тыс. усташей и военнослужащих других хорватских формирований. По так называемым крысиным тропам, предоставленным Ватиканом, Павелич смог эмигрировать в Аргентину, где его смертельно ранил бывший четник Б. Йовович. Поглавник скончался в Испании от последствий полученных ранений. Власти социалистической Югославии выдачи Павелича не требовали.

8. Хорватская Гражданская самооборона и Сельская самооборона

Созданы до войны в качестве военизированных подразделений Хорватской крестьянской партии доктора В. Мачека, имевшей политическое влияние на территориях с преимущественно хорватским населением. Мачек был заместителем председателя югославского правительства, но эвакуироваться в Лондон отказался и возвратился в Загреб. Бойцы Гражданской и Сельской самообороны встретили усташей и затем вместе с ними участвовали в злодеяниях над сербами, евреями и цыганами. Через некоторое время власти НГХ расформировали силы самообороны, а бойцов распределили между подразделениями усташей и домобранов.

9. Хорватское домобранство¹¹

В отличие от усташей, представлявших собой подобие германских СС, хорватских домобранов принято считать Вооруженными Силами НГХ. Их ряды пополнялись в результате регулярных мобилизаций среди хорватов и босняков, численность домобранов также оказалась более высокой, чем других ВФ НГХ. По подсчетам специалистов, на 1943 год она достигала 100 тыс. Как и усташа, домобраны включались в состав немецких подразделений.

10. Хорватские легионеры

Часть домобранов либо по мобилизации, либо добровольно вступила в ряды немецких легионерских (добровольческих) частей в составе Вермахта. Первой из них стал 369-й усиленный пехотный полк, который после подготовки в Германии убыл на Восточный фронт, где понес огромные потери. Из захваченных в плен легионеров большевики создали Югославскую бригаду, которая осенью 1944 года оказалась в Сербии. Позднее были созданы три немецкие легионерские дивизии: 369-я «Дьявольская», 373-я «Тигр» и 392-я «Синяя». Каждая насчитывала 10–15 тыс. легионеров. Офицерами и подофицерами в этих дивизиях служили в основном немцы. С приближением окончания войны отмечались случаи убийства немецких командиров и перехода к титовским партизанам.

11. «Зелени кадар»¹²

Это ВФ также называют «мусульманской¹³ милицией». Ее создавали немецкие и итальянские оккупанты в своих зонах ответственности, а также на территории НГХ. Цель заключалась в том, чтобы снабдить оружием большинство годных к военной службе мужчин-босняков. Часть из них вызывалась на военную службу по мере необходимости.

12. Мусульманские легионы

Эти ВФ создавались немцами из «зелёнокадровцев» в Боснии и Герцеговине и Рашской области (Санджак). Легион фон Кремплера, названный так по имени его командира, немецкого офицера, состоял из 2 тыс. бойцов, дислоцированных в долине р. Лим, которые в 1944 году перешли в партизанские 2-ю Пролетарскую и 37-ю Санджакскую дивизии. Легионер Х. Эфендич перешел к титовским партизанам в Тузле в октябре 1943 года.

13. Мусульманские формирования СС

Из босняков с территорий тогдашних трех бановин: Врбасской, Дринской и Зетской (сегодняшняя Босния и Герцеговина) — немцы сформировали две дивизии войск СС: «Хандшар»* и «Кама»¹⁴. Третью часть личного состава дивизии «Хандшар» составляли албанцы из Косова и Метохии. Численность каждой дивизии составляла 20–25 тыс. штыков. Для обучения личный состав был направлен во Францию, где показал себя не с лучшей стороны (многих военнослужащих немцы расстреляли из-за серьезных дисциплинарных нарушений). Обе дивизии известны по злодеяниям, совершенным в отношении сербов.

14. Албанская милиция

Создана итальянцами на территории Косово, Метохии и Западной Македонии в 1941 году после провозглашения «Великой Албании». В состав милиции включалось все годное к военной службе албанское мужское население.

15. Баллисты

Название образовано от сокращения албанского словосочетания *Balli Kombëtar* (Народный фронт), созданного в 1942 году в Тиране, где находился его центральный комитет. Сеть организации охватывала всю территорию «Великой Албании», и ее задача заключалась в том, чтобы укреплять и расширять это новое государственное образование, созданное после оккупации Греции и Югославии в 1941 году. Баллисты находились сначала под контролем итальянцев, а затем немцев, с которыми подписали соглашение после капитуляции Италии. В конце 1943 года на баллистов, как на антикоммунистов, совершили нападение партизаны — так началась гражданская война в Албании. На оккупированных землях Королевства Югославия баллисты действовали исключительно против сербов.

16. Албанские формирования СС

Из албанцев Косово и Метохии немцы сформировали горнострелковую дивизию СС «Скандербег» численностью в 20 тыс. штыков. Албанские политики просили Гитлера об увеличении албанских войск СС, но добиться этого им не удалось. Немецкие офицеры жаловались, что

* Традиционное написание в отечественной историографии, калькированный перевод с немецкого. Правильно: «Ханджар». — *Прим. пер.*

албанские солдаты не приносили никакой военной пользы, когда оказывались вне прямого немецкого надзора. Но и под немецким командованием они не считались надежными бойцами. В июле 1944 года во время антипартизанской операции в долине реки Лим *все* албанцы дезертировали, так что в строю остались лишь 1000 немецких офицеров и подофицеров. По минимальным оценкам, албанцы во время Второй мировой войны убили в Косово и Метохии 10 тыс. сербов.

17. Войска СС из этнических немцев

В 1942 году из немцев, так называемых фольксдойче, проживавших в сербском и румынском Банате, была сформирована 7-я горнострелковая дивизия СС «Принц Евгений», насчитывавшая 25 тыс. штыков. Немецкие офицеры, начавшие обучение личного состава, выразили недовольство, что горнострелковая дивизия формируется из жителей равнины. До самого завершения войны дивизия страдала от этого «заводского брака», но, с другой стороны, имела прекрасное оснащение и вооружение. Немцы — граждане Югославии — также призывались на службу в Гестапо из-за знания сербохорватского языка. После войны коммунисты провели тотальную депортацию фольксдойче, совершив при этом против них массовые преступления.

18. Хортиевцы

Это название носили ВФ венгерских оккупационных войск, в которых служили венгры из региона Бачка (Воеводина), отошедшего в 1941 году к Венгрии. Названы так по имени М. Хорти — австро-венгерского адмирала и регента Венгрии в 1920–1944 годах. В Сербии хортиевцы чаще всего упоминаются в связи с военными преступлениями, совершенными в отношении сербов и евреев в Бачке и особенно в Новом Саде.

19. Добровольческая антикоммунистическая милиция (ДАМ)

Части милиции были созданы итальянцами в 1942 году по просьбе сербов из западных регионов. Генерал Дж. Эспозито, командовавший одной из итальянских дивизий в Далмации, писал, что антикоммунизм в названии служил для милиции лишь прикрытием, а цель ее существования заключалась в защите сербского населения «от насилия Анте Павелича»¹⁵. Члены ДАМ носили сербские и этнические флаги (югославские находились под запретом), называя себя четниками. Существует много фотографий этих «милиционеров» с итальянцами, что использовалось позже титовской пропагандой как доказательство

сотрудничества Михайловича с оккупантами. Узнав о существовании милиции, Михайлович постарался, чтобы ДАМ перешла под его контроль, создав в ее рядах нелегальную организацию. Для связи использовались спрятанные радиостанции. Милиция играла полезную роль и для снабжения подпольщиков оружием, боеприпасами и провиантом. Название «Добровольческая антикоммунистическая милиция» использовалось итальянцами и для ВФ, созданных из словенцев, босняков и албанцев.

Численность милиции в Словении достигала 5 тыс. человек. Словенцы использовали для них название «Сельская стража», а словенские коммунисты — «белая гвардия», «белогвардейцы», поскольку рассматривали себя в качестве гвардии красной. Подразделения Югославской армии в Словении назывались «синяя гвардия», а также «словенские четники». Офицеры Михайловича в Словении пробовали установить свой контроль и над этой частью антикоммунистической милиции, но больших успехов не добились. То же самое можно сказать и в отношении самого многочисленного ВФ в Словении до основания милиции, Словенского легиона, тогда как легионеры пополняли ряды четников.

20. Словенское домобранство

После капитуляции Италии из части ДАМ в Любляне был сформирован Словенский домобранский легион, сменивший название на Словенское домобранство в 1944 году. Командовал домобранством бывший австро-венгерский и югославский офицер бригадный генерал Л. Рупник. Домобранство не действовало в качестве самостоятельной вооруженной силы, а мелкими подразделениями придавалось немецким войскам. В мае 1945 года 13 тыс. домобранцев вместе с немцами отступили в Австрию, но были выданы британскими властями коммунистам. Словенские партизаны-коммунисты уничтожили их почти поголовно.

21. Русский Охранный Корпус и 1-я казачья дивизия (русские белые)

Русские, эмигрировавшие после революции и гражданской войны в России и получившие югославское гражданство, под немецким командованием сражались против партизан уже в конце 1941 года. Русский Охранный Корпус, состоявший из пяти полков общей численностью 5 тыс. штыков, начал формироваться 12 сентября 1941 года. К этому ВФ время от времени присоединялись и русские беженцы из соседних стран, так что к концу войны больше всего их было из Румынии — 5067 человек, а также из Сербии — 3296, из Болгарии — 1961, из Советского Союза — 314, из Венгрии — 288 и т. д. Через корпус прошли в общей сложности более 17 тыс. человек.

Командир корпуса генерал-майор Б. А. Штейфон добивался от немецкого командования, чтобы его силы вели боевые действия *только против коммунистов*, но не против четников генерала Михайловича. Однако добиться этого ему не удалось. Чины Корпуса носили мундиры, сходные с немецкими, в результате чего четники с трудом отличали их от немцев. Например, вот донесение от 25 мая 1943 года командира Расинского корпуса майора Д. Кесеровича генералу Д. Михайловичу:

«В селе Лисе произошло боестолкновение моих частей с немцами, т. е. русскими в немецкой форме, в результате чего убито 6 и взято в плен 5 русских. Собственные потери: 3 убитых и 5 раненых.

При переправе через р.[ску] Ибр отделение охраны вошло в огневой контакт с русским патрулем в немецкой форме, в результате чего погибли 3 русских. Собственные потери: 1 убитый и 3 раненых»¹⁶.

В книге «Русский корпус на Балканах» (М., 2008) перечисляются все бои, в которых участвовал Корпус, упомянутые же два эпизода под Драгачевом и на реке Ибр отсутствуют. Это может означать, что захваченные немцы-фольксдойче выдали себя за русских с целью спасения жизни. В Сербии распространено мнение, что в мае 1945 года британские власти выдали белых русских большевикам и те их уничтожили. Однако на самом деле ничего подобного не произошло. Белые эмигрировали из Австрии в страны Запада. Создание Русского Корпуса привело к тому, что *впервые в истории* русские противостояли в бою сербам. Известны случаи, когда немцы за убитых четниками белых русских расстреливали сербских заложников. Положительный вклад корпусников заключался в том, что они переходили через реку Дрину* и спасали сербов от усташского террора.

В западной части Югославии, на территории НГХ, во второй половине войны в составе Вермахта участвовала в боевых действиях 1-я казачья дивизия, созданная из граждан СССР. Ее численность составляла 25 тыс. сабель, и, таким образом, она имела большую военную ценность, чем Русский Корпус. Павелич добивался от немцев вывода казачьей дивизии из Хорватии, но своей цели не достиг. Среди всех вооруженных формирований, действовавших на территории НГХ, казаки показали наилучшие результаты в борьбе с титовцами. В то время уже начинался процесс плавного перехода от сил Оси на сторону партизан Тито, который хорваты и даже сам Павелич рассматривали в качестве «плана Б» для Хорватии. В этих условиях казаки просто мешали им, кроме того, они также защищали сербское мирное население от усташей.

На территории НГХ также участвовала в боевых действиях 162-я туркестанская дивизия, сформированная из граждан СССР, красноармейцев-мусульман, взятых в плен на Восточном фронте.

* Тогдашнюю границу «Недической Сербии» и НГХ. — *Прим. пер.*

22. Партизаны

Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) начала создавать свои вооруженные формирования после указания Сталина 4 июля 1941 года. КПЮ находилась под запретом с 1921 года как террористическая организация. Тогда был принят «Закон о защите государства», согласно которому действия коммунистов допускалось наказывать любой мерой пресечения, вплоть до высшей. Югославская армия использовала настоящий закон против коммунистов, равно как и «Положение о военных судах» от 8 марта 1940 года, поскольку создание политической партией собственных ВФ правомерно считается разжиганием гражданской войны. Заведенное уголовное дело оказалось настолько объемным, что его закрыли уже в условиях оккупации.

Численность партизан (Народно-освободительной армии) в разные периоды варьировалась. Весной 1942 года их костяк составляли порядка 8 тыс. человек, численность же по всей стране составляла 10 тыс. Осенью 1942 года, согласно одному из немецких донесений, численность партизан в «Бихачской республике» (западная Босния и часть Хорватии) достигала примерно 63 тыс. бойцов. Костяк партизанских войск, отступивших потом под натиском немцев в Герцеговину, состоял из 15 тыс. человек. После его уничтожения в ходе операции «Шварц» в мае — июне 1943 года во всей стране насчитывалось до 25 тыс. партизан. Эти данные американской разведывательной службы согласуются с документами, изданными коммунистами¹⁷.

После капитуляции Италии, когда западные союзники приказали Италии передавать оружие и снаряжение только партизанам и когда американцы на кораблях доставили им по Адриатике огромное количество оружия, численность партизан достигла 100 тыс. человек. В то время произошел и первый случай массового перехода участников хорватских формирований на сторону титовцев. Новые германские операции уменьшили численность партизан примерно до 60 тыс. (с началом проведения операций часть хорватов и босняков вернулась на сторону НГХ).

Самым крупным партизанским ВФ стала «Народно-освободительная армия Хорватии» под управлением Главного штаба Хорватии. До конца 1943 года большинство в этой «хорватской армии», как ее называл И. Б. Тито, составляли сербы. Речь идет о сербах из самых западных областей Хорватии, из окрестностей Загреба, о которых обычно говорится, что либо они не знали, что ими командуют хорваты, либо что хорватские коммунистические формирования выступали в качестве защитников от хорватских нацистов (на самом деле это не соответствует действительности, и в реальности сербы больше всего от этого и пострадали). Между тем настоящий вопрос имеет более глубокие корни и

касается хорватизации сербского населения как такового, начатого еще при австрийском и австро-венгерском владычестве (вместе с хорватами эти сербы в составе добобранских войск участвовали в нападении на Сербию в 1914 году). Главному штабу Сербии коммунисты подчинили намного меньшую территорию, чем Главному штабу Хорватии, тогда как сербов на территории Королевства проживало в два раза больше. Это стало следствием борьбы с «великосербской гегемонией», которую форсировал и Коминтерн.

Войска, направленные навстречу Красной армии в 1944 году, были следующие: оперативная группа дивизий (5 тыс. штыков), 1-й Пролетарский корпус (7 тыс.), XII корпус (4 тыс.) и две из пяти дивизий командования Сербии. Позднее утверждалось, что именно они «освободили страну», хотя правды ради следует напомнить о 400 тыс. красноармейцев, пришедших в Сербию. После прохода советских танков местные коммунисты мобилизовывали все мужское население от 17 лет, а также большое количество женщин. Партизаны известны совершением массовых военных преступлений. Государственная комиссия, созданная в 2009 году, на сегодняшний день подсчитала, что только на территории современной Сербии, исключая Белград, по которому не найдено документов, с 12 мая 1944 года были убиты более 70 тыс. человек.

Заключение

На территории Югославии, на относительно малом пространстве, в ходе Второй мировой войны существовали и вели боевые действия как минимум 22 военных формирования, созданных из местного населения. Один настоящий факт может служить ответом на вопрос, почему местные власти не могли здесь укрепиться.

После Апрельской войны 1941 года оккупанты пленили по большей части сербов и небольшое количество словенцев. Сербские Вооружённые Силы оказались обескровлены. Здесь речь идет о 250 тыс. мужчин, годных к строевой службе. Параллельно немецкие союзники, а именно хорваты, босняки и албанцы, сразу же начали осуществлять геноцид сербского народа, нанеся ему огромный урон. Самые крупные военные формирования в Югославии численностью до нескольких сотен тысяч человек воевали под знаменами со свастикой. В конце войны эти люди быстро сменили свастику на красные звезды. И один, и другой символ был враждебным для сербского народа.

Во второй югославской гражданской войне, начавшейся в 1991 году, немцы также поддержали хорватские, боснийские и албанские формирования. Но в этот раз вместе с немцами выступили практически и все остальные страны Запада. Здесь следует напомнить и о том, что в годы

Второй мировой войны Запад поддерживал еще одно незаконное вооруженное формирование — коммунистов, проливших много крови до прихода нацистов. Таким образом, во время двух гражданских войн, пережитых Югославией, западный мир во вред Югославской армии, которую в своем большинстве составляли сербы, поддерживал возникавшие незаконные формирования, имевшие антисербские цели.

Примечания:

¹ *Hoјбахер Х.* Специјални задатак Балкан. Београд, 2004. С. 131.

² Цит. по: Априлски рат 1941. Београд, 1987. С. 750 и далее.

³ Там же. С. 776.

⁴ Там же. С. 776–777.

⁵ Приведем здесь мнение специалиста по международному праву: «Акт о капитуляции бывшей Югославии подписан в Белграде 17 апреля 1941 года <...> Однако этот документ с точки зрения международного права не считается правомочным, поскольку офицер, его подписавший, в то время находился в плену» (цит. по: *Аврамов С., Крећа М.* Међународно јавно право. Београд, 2007. С. 658).

⁶ Цит. по: Априлски рат 1941. Указ. соч. С. 742.

⁷ Цит. по: Там же. С. 745.

⁸ Более устоявшийся в отечественной литературе термин «партизанская война» не представляется возможным употреблять в югославском контексте. — *Прим. пер.*

⁹ Уменьшительная форма, употребление которой выглядит нормативным в сербохорватском литературном языке. — *Прим. пер.*

¹⁰ На сербохорватском его фамилия пишется как Љотић. — *Прим. пер.*

¹¹ Слово происходит от слов «дом» и «бранити», т. е. защищать. — *Прим. пер.*

¹² «Зеленые кадры». — *Прим. пер.*

¹³ Термин «мусульманский» в сербохорватском языке употребляется в подобном контексте по отношению к исламизированным славянам — боснякам. — *Прим. пер.*

¹⁴ Соответственно, «Тесак» и «Кинжал». — *Прим. пер.*

¹⁵ Цит. по: *Костић Лазо М.* Примери хиљадугодишње културе Хрвата. Хамилтон (Канада), 1966. С. 111–112.

¹⁶ Цит. по: Военный архив Белграда. Четнический архив. К-278. Рег. № 19/1.

¹⁷ Сборник докумената и података о Народноослободилачком рату народа Југославије. Т. II. Београд, 1949.

К. М. Александров

Белая военная эмиграция в Сербии: к истории создания 12 сентября 1941 года Отдельного Русского Корпуса

Вооруженная борьба Русского Корпуса во время Второй мировой войны на Балканах стала одной из самых ярких страниц в драматической истории русской военной эмиграции 1930–1950-х годов. Неослабевающее внимание российских и зарубежных исследователей к эпопее Корпуса и судьбам корпусников¹ позволяет говорить о том, что данная тема в перспективе может стать одной из приоритетных в отечественном эмигрантоведении. Вместе с тем предыстория и подлинные обстоятельства, при которых произошло создание Корпуса в сентябре 1941 года, на наш взгляд, требуют особой акцентации и дополнительного изучения при помощи сопоставления малоизвестных свидетельств, принадлежащих участникам событий.

В довоенный период в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (СХС) находился второй по значимости центр русской военной эмиграции. По состоянию на 1 ноября 1925 года IV (Югославянский) отдел Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) насчитывал 10955 чинов (в том числе 6,5 тыс. генералов и офицеров) и уступал лишь I (Французскому) отделу (13853 чина, в том числе 10135 генералов и офицеров)². За последующие 15 лет естественным образом происходили убыль и старение воинских кадров. Но одновременно велась и подготовка юношей в системе специальных военно-училищных курсов при РОВС. В Белграде в строевом отношении они представляли роту, организатором и начальником курсов был подполковник М. Т. Гордеев-Зарецкий. В 1936 году курсы успешно окончил В. В. Гранитов, студент строительного отделения технического факультета Белградского университета, ставший

Александров Кирилл Михайлович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (по специальности «История России») Энциклопедического отдела Института филологических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, докторант Санкт-Петербургского Института истории РАН (Санкт-Петербург).

в сентябре 1941 года первым офицером Русского Корпуса на строевой должности командира караульного взвода. Сведения о численности русской диаспоры в Королевской Югославии накануне германо-югославской войны расходятся. Корнет Юрий Константинович фон Мейер, участник Белого движения на Юге России в рядах Сводно-гвардейского полка 1-й кавалерийской дивизии, полагал, что весной 1941 года в этой балканской стране проживали 27 тыс. русских, из них более половины к тому моменту приняли югославское подданство³. Историк А. Ю. Тимофеев оценивает число эмигрантов несколько иначе: около 20 тыс. человек, не считая принявших гражданство⁴. Однако в целом порядок цифр вполне представим. При этом число военнообязанных юношей и мужчин в возрасте 18–55 лет колебалось в пределах 25%.

Государственный переворот 27 марта 1941 года генерала Д. Симовича и его политические последствия вызвали серьезную тревогу за будущее страны у многих эмигрантов. В частных разговорах с сербскими знакомыми, включая тех из них, кто состоял на государственной службе или занимал видное общественное положение, русские собеседники, как правило, скептически оценивали перспективы Югославии в неизбежном конфликте с Германией. Королевская армия сравнения с Вермахтом не выдерживала. Поэтому четкие аргументы и трезвый военный анализ ситуации нередко вызывали у горячих оппонентов эмоциональное раздражение. Надежды на помощь Советского Союза, который нередко у сербов ассоциировался со старой Россией, встречали еще более критические оценки. Эти предвоенные споры и дискуссии посеяли в сербских умах первые сомнения в безусловной лояльности «русов». По свидетельству Д. А. Персиянова, накануне войны в определенных учреждениях составлялись списки русских эмигрантов, подлежащих превентивному аресту и заключению в концлагерь. Только по Белграду в них внесли до 800 фамилий⁵.

В свою очередь Генерального штаба полковник Евгений Эдуардович Месснер в своих неопубликованных мемуарах, написанных в конце 1950-х годов в Буэнос-Айресе, так охарактеризовал настроения если не абсолютного большинства, то во всяком случае весьма значительной части русских белградцев в первые апрельские дни 1941 года:

«Генерала Симовича все возненавидели, потому что он перебросил Югославию из лагеря нейтральных, но Германии близких [стран. — К. А.] в лагерь тех “союзников”, которых эмигранты не левого направления возненавидели в годы беженских раздумий о причинах мученичества России во время Великой войны, о причинах революции в России и о причинах благополучия советской власти, которую щадили или даже поддерживали демократические государства.

При такой настроенности русские не могли надвигавшуюся на Югославию войну рассматривать своей войной — она была “их”, сербской войной,

масонской, еврейской, войной тех, по чьему наущению бесчинствовавшая чернь оплевала на улице подле Соборного храма германского посла, когда он, по завершении торжественного богослужения выходил вместе со всем дипломатическим корпусом из церкви и шел к своему автомобилю. Улицы Белграда во власти черни напоминали русским улицы русских городов в февральские и октябрьские дни [1917. — К. А.] и беженцы с отвращением смотрели на происходящее (и, пожалуй, со страхом перед процессом “углубления революции”). И русские, в огромном большинстве, стали пораженцами в те дни — с югославской точки зрения»⁶.

Создатель Русского Корпуса генерал-майор (по КИАФ) М. Ф. Скородумов высказывался еще более резко, чем Месснер: «99% сербов было настроено большевизки, все симпатизировали Сталину и ждали, что он, как Император Николай II, спасет Югославию»⁷. На обострение русско-сербских отношений негативно повлияли представления о русских эмигрантах как о потенциальных пораженцах и бойцах «пятой колонны», довольно быстро распространившиеся в сербском обществе в конце марта — начале апреля. Тем не менее русские офицеры Королевской армии, в отличие от многих сербских офицеров, покинувших вверенные части, честно выполнили свой долг в трагические для Югославии апрельские дни 1941 года. Так, например, погиб полковник Дараган, который храбро повел свой кавалерийский полк в контратаку против бронетехники Вермахта, не видя другой возможности остановить наступавшего противника. Погиб в бою подпоручик В. Е. Шелль, оказавшийся в полку единственным офицером, не бросившим югославских солдат. Его отец, ротмистр Е. Г. Шелль, впоследствии стал одним из самых известных командиров Корпуса и в чине майора командовал 1-м батальоном 4-го полка. На защищаемой позиции был убит подполковник Скачков, командовавший кавалерийским полком. Около двухсот русских апатридов, проживавших в Белграде и окрестностях, подали заявления о желании вступить в Королевскую армию добровольцами, но никто из них не получил призывных повесток⁸.

По оценкам А. Ю. Тимофеева, 10–12% русских, участвовавших в боевых действиях, погибли, 173 человека попали в плен⁹. Правда, здесь же необходимо упомянуть о том, что те, кто не хотел сдаваться в немецкий плен после объявленной капитуляции, перешли на положение частных лиц (В. Е. Климович, Е. Э. Месснер и др.). Во время войны между Германией и Советским Союзом некоторые русские военнослужащие Королевской армии (полковник А. Н. Пуговочников, подполковник Н. Г. Яненко, лейтенант Н. Н. Краснов-младший, наредник* И. К. Соломоновский и др.) из немецких лагерей военнопленных вступили в

* Сержант.

Вермахт для участия в боевых действиях на Восточном фронте. Некоторые из них участвовали в формировании частей и подразделений из советских граждан в тыловом районе группы армий «Центр».

Скоротечная германо-югославская война отразилась на положении эмиграции самым тяжелым образом. Раздел страны победителями нарушил привычные связи, осложнил коммуникации и вызвал хозяйственный кризис. Замерли торговые операции, кроме мелкой розничной торговли. Долгие годы попечительские и представительские функции в диаспоре успешно выполняла Государственная (Державная) комиссия по делам о русских беженцах, бюджет которой по состоянию на 1 апреля 1941 года составлял 7 млн динаров¹⁰ (почти \$190 тыс.). Однако ее Генеральный секретарь Е. Е. Ковалевский погиб 6 апреля во время массовой бомбардировки Белграда. Д. А. Персиянов утверждал, что неизвестные лица проломили ему череп в подвале одного из домов на улице Краля Милана¹¹. Вся работа комиссии оказалась парализованной, так как ее номинальный сербский руководитель профессор А. И. Белич в условиях оккупации лишился своего статуса.

Тысячи русских эмигрантов остались без работы после закрытия государственных учреждений, в первую очередь в Белграде. Типичной стала ситуация, когда при сокращении штатов первыми увольняли русских служащих. Прекратила существование Государственная комиссия. Немецкий дипломат Ф. Бенцлер, занявший должность советника по политическим вопросам при военном Главнокомандующем (Oberbefehlshaber) в Сербии генерале авиации Г. Данкельмане, немедленно сместил старого русского дипломата В. Н. Штрандтмана с должности руководителя Делегации по защите беженцев за многолетние симпатии к западным союзникам. Отныне самые элементарные интересы русских никто не отстаивал, хотя проблема ежемесячных выплат по социальным программам нуждавшимся, инвалидам, сиротам, на содержание учебных заведений и по другим статьям быстро приобрела острый характер. Местные сербские власти отказывали в выдаче даже тех небольших средств (800 тыс. динаров), которые предназначались для текущих выплат в апреле — мае и были ассигнованы еще до войны с Германией¹².

Русская диаспора в оккупированной Сербии отличалась высоким уровнем самостоятельности и самодеятельности. В апреле 1941 года в одном Белграде насчитывалось 102 русских общественных организации¹³. При этом, по свидетельству Я. А. Трушновича — выпускника русско-сербской мужской гимназии и сына офицера Корниловского ударного полка, даже «Союз рыболовов», насчитывавший 16 человек, тоже считал себя политической антибольшевистской организацией. «Настроения можно было выразить фразой: там, за “чертополохом”, осталась одна Совдепия, а вся Россия выехала за границу, — вспоминал

в 1993 году в беседе с автором Трушнович. — И вот к этой атмосфере четко прибавилось осознание подавляющего большинства военной эмиграции: «Драться»¹⁴.

В такой сложной обстановке возникла неотложная потребность в создании для русских эмигрантов в Сербии управительного органа, который бы взял на себя представительские и социальные функции. В журналистских кругах обсуждались разные кандидатуры на должность его руководителя. В конце апреля 1941 года группа студентов обратилась к полковнику Месснеру с просьбой взять инициативу в свои руки. Однако Месснер отказался и отправил просителей к Генерального штаба генерал-лейтенанту Г. Д. Романовскому, бывшему Русскому военному агенту в Японии. В мемуарах Месснер так писал о нем: «Весьма культурный человек, волевой, владевший несколькими языками»¹⁵. Романовский по своим взглядам принадлежал к легитимистам, но политикой не занимался. О реакции Романовского Месснер не сообщает. Не исключено, что генерал попросил время на обдумывание, однако события развивались быстро.

Среди белградских журналистов своим германфильством выделялся А. В. Ланин, представлявший тип молодого эмигранта, по словам Н. Н. Чухнова, «полностью уверовавшего в чистоту идей и непобедимость германского фюрера»¹⁶. Впечатления о Ланине и его деятельности диаметрально разнятся. Корнет Н. Н. Чухнов, участник Белого движения на Юге России, видел в Александре Викторовиче «горячего русского патриота и способного журналиста, прекрасно владевшего немецким языком»¹⁷. Известный русским белградцам писатель и путешественник, Л.-гв. штабс-капитан В. А. Маевский охарактеризовал Ланина так: «Шустрый молодой человек <...> нечто среднее между мелким журналистом и политическим спекулянтом. Он был агентом издания “Мировая Служба” и вплелся в хвост национально-социалистического движения, поскольку оно отражалось в белградской провинции. Его имя связывалось с сотрудничеством в Гестапо»¹⁸. Полковник Месснер утверждал, что Ланин до немецкой оккупации состоял агентом югославской политической полиции¹⁹. Наконец, вот как отзывался в 1950-е годы о своем бывшем близком сотруднике и соратнике генерал Скородумов. Михаил Фёдорович заявил, что Ланин «был приставлен ко мне от Гестапо, чтобы за мной следить». «Но, — подчеркивал далее генерал, — Ланин был большим патриотом и за мной хоть и следил, но в патриотической работе меня поддерживал и говорил, что, если он и служит в Гестапо, то только потому, что они платят. Насчет денег он был не совсем чистоплотен и даже умудрялся одновременно служить и в Гестапо, и в английской разведке, говоря: и те, и другие сволочь и если можно с них содрать, почему не содрать»²⁰.

В начале мая Ланин, искусно игравший перед оккупационными властями в Белграде роль советника по эмигрантским делам, предложил на должность начальника управительного органа свою кандидатуру — бывшего кадета Морского корпуса, бухгалтера и владельца русской библиотеки А. И. Иванова, состоявшего в довоенной Югославии членом Общегерманского культурного союза им. И. Г. Фихте. Иванов начал обращаться по вопросам организации практической деятельности в разные инстанции, включая военного коменданта, начальника сербской полиции (спецкомиссара Белграда) Д. Йовановича и органы СД. Фактически в условиях оккупации он стал первым ответственным лицом по управлению делами русской эмиграции в Сербии²¹. Но Иванов пробыл им всего десять дней, оказавшись малоспособным и непопулярным не только среди соотечественников, но, в первую очередь, в глазах двух лиц, чьи рекомендации пользовались у немецких властей гораздо большим авторитетом и значимостью, чем отзывы Ланина.

Первым из них необходимо назвать Генерального штаба полковника Петра Петровича Дурново, кадрового офицера Л.-гв. Гродненского гусарского полка, участвовавшего в 1918 году в деятельности белого подполья в Петрограде. Во время гражданской войны он служил в Прибалтике в частях VI резервного корпуса генерал-майора графа Р. фон дер Гольца, а затем — в Русской Западной армии. В эмиграции жил в Германии, откуда переехал на Балканы и, по официальной версии, представлял в довоенной Югославии интересы нескольких крупных германских предприятий. В частности, он занимался организацией поставок на Крагуевацкий завод латунных шайб для штамповки ружейных гильз. На самом деле, по утверждению Месснера, полковник Дурново в качестве одного из резидентов Абвера руководил разведывательной сетью в Королевской Югославии²². Вторым — русского немца, инженера поручика Ф. Вальдмана, проживавшего в Белграде и поддерживавшего связи с партийными кругами в Германии с довоенных времен.

Дурново и Вальдман дали негативную характеристику деятельности и качествам Иванова, предложив назначить начальником Управления (Бюро) делами русской эмиграции (Verwaltung Angelegenheiten Russische Emigration in Serbien)* генерал-майора М. Ф. Скородумова, который в 1934 году создал и бессменно возглавлял легитимистскую монархическую организацию Русское Народное Ополчение (РНО). Накануне войны в ее составе насчитывалось несколько сот человек, объединенных в несколько дружин. Роль главного идеолога в РНО играл известный ученый и крупный специалист в области психиатрии,

* Другие названия: Бюро по защите интересов и для помощи русским эмигрантам в Сербии, Бюро по делам о русских беженцах, Бюро по делам русских беженцев.

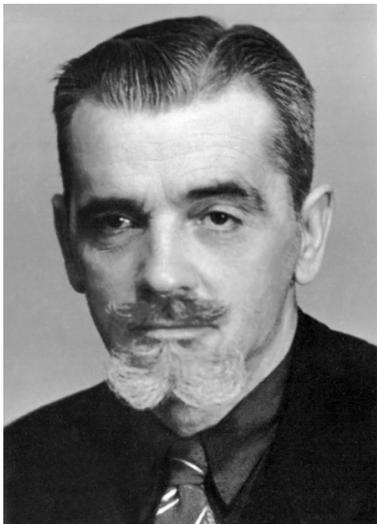
профессор Белградского университета Н. В. Краинский, по словам Месснера, «человек интеллигентный, с большой эрудицией и даром внушения». Краинский убедил Вальдмана (по версии Месснера, даже «внушил» ему), что между НСДАП и РНО существует огромное сходство (антисемитизм, национализм и принцип фюрерства). В какой степени Краинский* выдавал желаемое за действительное — сказать сложно, так как православно-монархические и имперские взгляды «ополченцев» с трудом согласовывались с национал-социалистической доктриной. Тем не менее своим назначением Скородумов в итоге был обязан протекции Дурново и Вальдмана²³, с легкостью добившихся смещения Иванова.

Кадровый офицер Л.-гв. Павловского полка и герой Великой войны, военный инвалид и Георгиевский кавалер Михаил Фёдорович Скородумов²⁴ пользовался заслуженным уважением за свои боевые заслуги, самоотверженную деятельность по увековечиванию памяти русских воинов, искренность, принципиальность и честность. Но его нетерпимость, страстный характер и весьма специфические взгляды служили источником бесконечных конфликтов с разными людьми, включая общественно-политических и церковных деятелей вплоть до митрополита Анастасия (Грибановского). Так, например, первоиерарх РПЦ решительно не одобрял пафосных требований о канонизации императора Николая II, с которыми в конце 1930-х годов настойчиво выступали Скородумов и его единомышленники. В свою очередь харизматичный вождь РНО резко критиковал духовенство за недостаточное, с его точки зрения, проявление в церковном служении монархического чувства, рьяно защищая в своей публицистике «Царскую Русскую Православную Церковь — ибо другой Православной Церкви в России не было»²⁵.

Вот как после войны вспоминали о генерале Скородумове некоторые русские белградцы-офицеры:

Л.-гв. полковник Н. Л. Неелов: «Он был стопроцентным идейным монархистом и никогда этого убеждения не менял. Он ненавидел большую часть русской интеллигенции, считая ее гнилой, продажной, пораженческой и совершенно

* В 1944 Николай Васильевич Краинский (1869–1951) эвакуировался в Германию и окончание войны встретил в советской оккупационной зоне. Работал консультантом в госпиталях. В августе 1945 он подал ходатайство о разрешении вернуться на родину и предоставить ему гражданство СССР. В сентябре 1946 обратился с личным письмом на имя И. В. Сталина. В 1947 репатриировался из Франкфурта-на-Одере в Советский Союз, работал по специальности в Харькове. Незадолго до смерти был восстановлен в звании профессора и доктора медицинских наук. Та роль, которую он играл в общественно-политической жизни русского Белграда до Второй мировой войны и в период оккупации, остается малоизвестной.

*Основатель Русского Корпуса
генерал-майор (по КИИФ)
М. Ф. Скородумов. Западная
Германия, конец 1940-х годов.
Источник: Архив автора*

оторванной от народа. Он называл эту интеллигенцию раковой опухолью на теле русского народа и считал ее главной виновницей гибели России; причем это относилось как к штатской, так и к военной интеллигенции.

Он нападал на верхушку Обще-Воинского Союза, обвиняя ее в “непредрешенчестве”, считая идею созыва Учредительного Собрания для установления формы правления в будущей России абсурдной, считая, что русский народ в своей массе еще не дожил до выборов и будет выбирать в это Учредительное Собрание тех, кто поставит больше водки. <...> Мих.[аил] Фёд.[орович] не принадлежал к числу монархистов, мечтающих, при возвращении монархии, о возврате их имений, земель, домов и пр.[очего]. Он проповедовал монархию реформированную, где земля принадлежала бы крестьянам, ее обрабатывающим, где рабочий не был бы эксплуатируем, а был бы поставлен в приличные условия, где инвалиды “честь нации”

были бы окружены всеобщим почетом и уважением, и были бы достойно материально обеспечены правительством; и где русский офицер, оплот престола, спинной хребет государства, не был “великим молчалиником”, а занимал бы по праву принадлежащее ему место, и был бы материально хорошо обеспечен, как это видим в других армиях мира.

Михаил Фёдорович был человек глубоко религиозный, в правильном смысле этого слова. Но он не любил ханжей и так называемых “свечкодуек”, которые в жизни делают разные подлости, а в церкви стоят с постными физиономиями, впереди всех, целые службы. Не любил он также неидейных священников, не подающих пример личной жизнью. Тех и других он критиковал на словах и в своих летучках. <...> Регулярно посещал по воскресеньям церковь и каждое свое дело начинал с молитвы. <...> Имел огромный организаторский талант, который проявлялся при всяком его начинании»²⁶.

Генерального штаба полковник Е. Э. Месснер: «За могильное усердие никогда и нигде, кажется, не производили в генералы, но Скородумов принял производство всерьез и заставил всех — почитателей и недругов — принять его всерьез»²⁷.

Л.-гв. штабс-капитан В. А. Маевский: «Звезд с неба он не хватал и пороха избобрести не мог. Но и не пытался этого делать, а был искренним русским патриотом и, что самое главное, — безукоризненно честным человеком. Но его прямолинейность и самодурство создали ему много врагов, от которых он очень

страдал, но не сдавался <...> Когда [он] вступил в исполнение обязанностей начальника Русского Бюро, то сразу же развил деятельность в стиле провинциальных помпадуров, столь живописно изображенных Щедриным. Пределам административного восторга не было границ <...> Неизвестно, были ли определены пределы его власти и установлены его полномочия. Во всяком случае ни при нем, ни при его заместителе ген.[ерале] Крейтере, не было опубликовано “Положение о правах начальника Русского Бюро” и права эти, в сущности, представлялись безграничными. При этом у ген.[ерала] Скородумова они, к сожалению, переходили еще и границу здравого смысла”²⁸.

Корнет Ю. К. фон Мейер: «Офицер Л.-гв. Павловского полка, прошедший большую часть Первой мировой войны в германском плену, тяжело раненный, был человеком весьма неуравновешенным. Будучи ярким монархистом он в исповедание своих взглядов вносил такую горячность, которая и в мирные времена приводила его к физическим столкновениям с инакомыслящими. Он был несомненно русским патриотом, но понимал всю проблему весьма примитивно, упорно не желая считаться с исключительно сложной политической обстановкой и готов был идти напролом. Еще до войны он увлекался книгой Гитлера *Mein Kampf* и твердо верил, что единственный человек, который может уничтожить большевизм, и есть Гитлер. Из всей книги диктатора он извлек только его выступления против коммунизма. Поэтому он еще до войны считал, что обязанность русских состоит во всемерной поддержке немцев»²⁹.

Подпоручик Я. А. Трушинович: «Генерал Скородумов, возглавлявший организацию “Ополчение”, во время выступления в русском клубе [возможно, Доме. — К. А.] сказал при мне моему отцу, что он подал прошение королю Королевства СХС [правильно: Югославии. — К. А.] Александру о предоставлении ему четырехорудийной полевой батареи и как только такая батарея будет предоставлена, он готов начать боевые действия против Советского Союза. Но генерал Скородумов и очень хорошие, важные дела сделал. Он, например, собрал останки русских воинов, павших на Салоникском фронте в Великую войну 1914–18 г[одов], и организовал их захоронение на Старом кладбище в Белграде. У меня создалось впечатление, что до войны политически Скородумов был связан с немцами, во всяком случае, его кто-то финансировал. Он устраивал очень большие собрания в Русском Доме, организация которых стоила недешево, выступал всегда в черной форме, с португеей и пересказывал свои статьи... Об НТС[НП] он отзывался, как о “беспризорных мальчиках и дефективных девочках”»³⁰.

22 мая Скородумов был назначен начальником Бюро, резиденцией которого стал Русский Дом имени императора Николая II в Белграде. Все дела от Государственной комиссии Белича и Делегации Штрандтмана, прекративших существование, перешли в ведение Бюро. По версии В. А. Маевского, назначение Скородумова состоялось в соответствии с приказом Главнокомандующего в Сербии³¹, должность которого до 20 октября 1941 года занимал генерал авиации Г. Данкельман. Кроме него в военной администрации значительную роль играл начальник LXV высшего

командования особого назначения (Höheres Kommando z. b. V. LXV; дислокация — Белград) 12-й армии, генерал артиллерии П. Бадер, назначенный Главнокомандующим войсками Вермахта в Сербии в конце года. По мнению Н. Н. Чухнова, приказ о назначении Скородумова подписал генерал Г. Турнер, помощник Главнокомандующего по гражданской части³². Последняя версия представляется нам наиболее реалистичной. Из шести начальников отделов, созданных в структуре Бюро, должности трех заняли офицеры: Л.-гв. полковник Н. Л. Неелов (канцелярия и финансовая часть), капитан А. А. Обатуров (секретариат), ротмистр И. В. Рычков* (культурно-просветительский). Примерно в то же время оккупанты арестовали другого кандидата на должность начальника Бюро — генерала Романовского, оказавшегося, по утверждению Месснера, причастным к деятельности СИС (Secret Intelligence Service)³³. Дальнейшая судьба Романовского нам неизвестна.

Скородумов начал действовать в Белграде энергично и решительно. До этого представители местных сербских властей (Гражданского комиссариата) под руководством бывшего министра внутренних дел М. Ачимовича заявляли: «Теперь не Югославия, а Сербия и денег у нас нет», соответственно, «они [сербы. — К. А.] больше не желают содержать русских лентяев, пьяниц и пропащих людей»³⁴. Однако возмущенный генерал быстро изыскал необходимые средства для неотложных выплат по социальным и образовательным программам, которые поддерживались Государственной комиссией в довоенное время. Детей-воспитанников и сирот, больных, инвалидов и престарелых, находившихся в специальных заведениях, удалось накормить и обеспечить им необходимый минимум. Прибегнув к помощи немецкой военной администрации, начальник Бюро в кратчайший срок сумел добиться от сербских властей выдачи ранее ассигнованных 800 тыс. динаров. Полковник Неелов собрал в диаспоре еще 1,5 млн динаров** в качестве пожертвований в специальный фонд. Д. В. Лётич (Льотич), русофил, лидер движения «Збор» и общественно-политический деятель, помог Скородумову выхлопотать у Ачимовича пенсии для инвалидов и средства на содержание инвалидных домов. Позднее, 12 декабря, Бюро после долгой тяжбы с сербскими властями приняло ценности и имущество Петроградской ссудной кассы, поступившие в Русский Дом из бывшего министерства финансов Королевской Югославии. Борьбу за передачу казны русским эмигрантам начал Скородумов. Касса, на которую накануне войны югославские власти наложили секвестр, содержала примерно около

* Позднее служил в Русском Корпусе.

** По версии В. А. Маевского, около 500 тыс. динаров. Истина, скорее всего, лежит посередине.

600 вкладов, из них около 300 не имели никаких документальных подтверждений. К ним также относились выморочные имущества — некоторые вклады датировались 1862 (!) годом. Суммарная оценка активов составляла 6 млн 375 тыс. динаров. Вплоть до эвакуации Белграда в 1944 году Бюро использовало часть средств Петроградской кассы для финансирования своей деятельности и социальных программ³⁵.

В своих требованиях и хлопотах Скородумов вел себя достаточно резко с сотрудниками комиссариата Ачимовича. Конфликт с Йовановичем по вопросу о защите прав русских эмигрантов, подвергавшихся в Белграде преследованиям и дискриминации, привел к тому, что взбешенный начальник сербской полиции арестовал Михаила Фёдоровича прямо у себя на службе и освободил упрямого генерала лишь после телефонного звонка из Гестапо. Работать приходилось в тяжелых условиях. «Я был окружен не только немецкими, но и сербскими, и английскими, и советскими агентами, которые следили за каждым моим шагом, — вспоминал в 1950-е годы в США Скородумов. — Я всех их знал, кроме советского, но это то же самое, что и английский»³⁶. Вряд ли мемуарист сильно преувеличивал, учитывая специфику его должности и повседневной деятельности. Вместе с тем многих эмигрантов раздражала мелочная регламентация, которой увлекался начальник Бюро. В своих распоряжениях он поучительно наставлял православное духовенство, искренне давал практические советы по воспитанию девочек и девушек, а также грозил соотечественникам разными взысканиями и наказаниями за неблаговидное поведение на улицах и в общественных местах.

В конце мая — первой половине июня Скородумов занялся гораздо более серьезным мероприятием. По его приглашению из провинции в Белград приехал еще один легитимист, Генерального штаба генерал-майор Борис Александрович Штейфон³⁷, ранее работавший весовщиком-счетчиком вагонов на руднике Ртан, в районе Бора. Скородумов предложил ему немедленно приступить к составлению штатов и разработке плана по формированию *отдельной русской дивизии*, исходя из численности военнообязанных эмигрантов примерно в пять тысяч человек. Командиром дивизии Скородумов видел себя, начальником штаба — Штейфона, командирами дивизионного и полкового уровня — Генерального штаба генерал-майора Б. В. Гонтарева, генерал-майоров И. К. Кириенко и Н. И. Голощапова, Л.-гв. полковника Н. Л. Неелова, Генерального штаба полковника Я. А. Яковлева и других монархистов. Высокое доверие, которое Михаил Фёдорович оказал Штейфону, своему другу и единомышленнику, показывает, что дивизии в перспективе надлежало играть не только военную, но и политическую роль. Ее командование должно было прочно находиться в руках монархистов-легитимистов, а не чинов

IV отдела РОВС, в абсолютном большинстве предназначавшихся для привлечения на командные должности среднего и низшего звена.

11 июня сотрудники Бюро начали регистрацию в Сербии всех русских, включая тех, кто еще до войны принял югославское подданство. Формально тем самым выполнялся приказ оккупационных властей, связанный с выдачей удостоверений личности. Однако Скородумова, в первую очередь, интересовали мобилизационные ресурсы диаспоры. По свидетельству Ю. К. фон Мейера, «возможность начала войны Германии против Советского Союза весной 1941 года как-то мало учитывалась русскими эмигрантами». Достоверной информации беженцам не хватало, сербская печать в первые недели оккупации замерла, а «немецких газет русские не читали, да и там следов готовящегося [нападения] нельзя было найти»³⁸. В начале июня 1941 года советско-германские отношения производили впечатление сдержанных, но корректных. Кроме того, казалось почти невероятным, что Германия вновь рискнет вести войну на два фронта и развяжет боевые действия против СССР на Востоке, имея в тылу на Западе сражавшуюся Великобританию. Поэтому мы предполагаем, что Скородумов вел свою собственную подготовку к неизбежной войне, исходя из тех сведений, которые в доверительном порядке сообщали ему Дурново и Вальдман, использовавшие ведомственные немецкие источники. Ведь именно они сыграли решающую роль в окончательном выборе кандидатуры на должность начальника русского Бюро.

Вторжение Германии в Советский Союз оказалось внезапным, и, по словам Мейера, в Белграде день 22 июня стал «неожиданностью для большинства русских». Отныне политическая ситуация для эмиграции резко менялась. Мейер охарактеризовал новые реалии так:

«Немцы из союзников большевиков превращались в ту силу, которая могла свергнуть советскую власть. Многие из русских были обмануты одной фразой в речи Гитлера, произнесенной рано утром этого дня. Он назвал начавшуюся войну крестовым походом против коммунизма с целью освобождения народов. Многие эмигранты серьезно поверили в то, что Германия идет против большевиков без своекорыстных целей с желанием лишь восстановить имманентную справедливость. Равнодушие и даже враждебное отношение к немцам сменилось желанием сотрудничества»³⁹.

23 июня Скородумов подал в органы немецкой военной администрации меморандум с предложением сформировать русскую дивизию для отправки на Восточный фронт. Ему казалось, что Бог дает шанс русским людям на последнюю переэкзаменовку и если эмиграция ее не выдержит, то умрет в изгнании. Похожим образом рассуждал не только Скородумов. Так, например, бывший начальник Кубанской казачьей дивизии

генерал-майор В. Э. Зборовский обсуждал со старшими офицерами Гвардейского Кубанского дивизиона, стоявшего на работах в Белище под Осиеком (Хорватия), планы и перспективы создания крупной русской воинской части. «Невозможно допустить, — писал соратникам в 1962 году полковник А. И. Рогожин, — что многотысячная военная эмиграция на Балканах, сложа руки, ожидала бы прихода советских войск и что в ней не нашелся бы генерал, который не предпринял бы акции, подобной акции генерала Скородумова»⁴⁰.

26 июня 1941 года легитимисты в эмиграции получили серьезную моральную поддержку своей деятельности в результате заявления двадцатитрехлетнего Великого князя Владимира Кирилловича, находившегося в Сен-Бриаке (Франция):

«От главы Российского Императорского Дома.

В этот грозный час, когда Германией и почти всеми народами Европы объявлен крестовый поход против коммунизма-большевизма, который поработил и угнетал народы России в течение 24-х лет, Я обращаюсь ко всем верным сынам нашей Родины с призывом: — способствовать по мере сил и возможностей свержению богоборческой большевистской власти и освобождению нашего Отечества от страшного ига коммунизма»⁴¹.

Скородумов и его соратники ликовали. Отныне они считали себя обязанными приложить максимум усилий для создания вооруженной силы, которую в перспективе могли бы предоставить в распоряжение главы Российского Императорского Дома. Сотрудники Бюро начали самостоятельные пропагандистские акции, вызвавшие у русских белградцев целую гамму чувств и эмоций — и надежды, и иллюзии, и недоумение, и раздражение.

На фронтоне здания бывшего русского посольства, напротив Королевского дворца, Скородумов велел вновь укрепить полутораметровый рельефный герб Российской империи, снятый по распоряжению югославских властей в 1940 году после установления дипломатических отношений с Советским Союзом. Еще выше имперского двуглавого орла начальник Бюро велел вывесить пятиметровый русский флаг, а между ним и гербом разместить короткий лозунг, бросающийся в глаза прохожим. По поводу его содержания свидетельства белградцев расходятся. По воспоминаниям Маевского, надпись на полотнище гласила: «Победа Германии — освобождение России»⁴². По независимым друг от друга сообщениям Мейера и Месснера, лозунг звучал иначе: «Победа Германии — победа России»⁴³. Наконец, сам Скородумов утверждал, что текст на самом деле выглядел так: «Победа Германии — Воскресение России»⁴⁴. Смысловые оттенки каждой версии существенные, поэтому вопрос об их аутентичности остается открытым.

Отметим, что с точки зрения оккупационных властей подобный демарш с российской государственной символикой выглядел предосудительно, а странный лозунг — в любой редакции — допускал расширительные толкования, противоречащие нацистским установкам. Поэтому после сентябрьского ареста Скородумова и флаг, и лозунг, и герб по требованию немцев были удалены с фронтона. Однако трудно не согласиться с Мейером, расценивавшим такую демонстрацию в оккупированном Белграде как страшную бестактность по отношению к побежденным сербам. Радикализация сербских настроений происходила стремительно, и в левых кругах русские эмигранты рассматривались как враги Сталина, искавшие в борьбе с ним немецкой помощи. Определенную роль в эскалации конфликта играла и английская радиопропаганда, призывавшая к поддержке Советского Союза и клеймившая его противников.

Группа общественных деятелей и журналистов во главе с А. В. Ланиным, включавшая и известных в Белграде офицеров-генштабистов (генерал-майора М. К. Соламахина, полковников Е. Э. Месснера, В. М. Пронина, ротмистра Е. Г. Шелль), подписала «Обращение к русскому народу и русской эмиграции». По их мнению, германские Вооруженные Силы «объявили беспощадную борьбу не Русскому народу и не России», а «коммунистическому интернационалу». Тональность заявления вполне соответствовала общественной реакции на начало войны, которую в своих мемуарах описал Мейер. Победа над большевиками, как казалось, несла «русскому народу освобождение и избавление, подлинную свободу, мир, порядок, справедливость и национальную Русскую власть». В связи с чем авторы призывали эмиграцию «*быть готовой* [курсив наш. — К. А.] к скорому возвращению на родную землю»⁴⁵. Читателям намекалось, что соответствующая «подготовка» уже ведется.

Однако в конце июня — начале июля на меморандум Скородумова пришел вежливый отказ. Здесь обращает на себя внимание не столько отрицательная реакция сама по себе, сколько тот необычный факт, что военная администрация в Белграде, видимо, целую неделю вела консультации и *согласовывала* возможный ответ с Берлином. В борьбе против Красной армии Вермахт обещал справиться сам. Принципиальные политические установки, исключавшие участие белоэмигрантов в грядущей войне против Советского Союза, нацисты начали принимать еще до разгрома Югославии⁴⁶. Но большой известности в широких армейских кругах они либо не приобрели, либо в частных случаях сознательно игнорировались отдельными генералами и офицерами. Как следствие, возникали многочисленные исключения. Отдельным чинам РОВС в Европе — поодиночке или в составе мелких групп — летом 1941 года удалось отправиться на Восточный фронт в составе войск Вермахта (Л.-гв. капитан А. Н. Подраменцев⁴⁷, ротмистры А. П. Заусцинский,

Т. Н. Карцев и др.). Некоторые поступили на службу в Абвер (капитаны Б. А. Смысловский, В. А. Ларионов) или на должности армейских переводчиков (начальник VII отдела ОРВС Л.-гв. полковник Д. И. Ходнев — при штабе 36-й моторизованной дивизии Вермахта и др.). Подобная практика военного командования вступала в противоречие с политикой нацистской партии. Тем не менее ни о какой русской дивизии на Востоке, конечно, речи идти не могло.

Скородумов не скрыл своего эмоционального раздражения, о чем открыто заявил в речи на собрании по случаю освящения помещения Бюро: при таких политических установках Германии не удастся избежать поражения на Востоке, а затем «придут в Сербию коммунисты и нам все равно придется взяться за оружие». На следующий день строптивного генерала вызвали в органы Гестапо и сделали внушение в мягкой форме: «Нельзя говорить все, что думаете»⁴⁸. На начальника явно донес кто-то из своих, возможно, что Ланин, хлопотавший в те же дни о получении разрешения на издание при русском Бюро своего печатного органа. Скородумов требовал от подчиненных влиять на настроения и моральное состояние эмигрантов. В этой же связи 2 июля он поручил ротмистру Рычкову, заведовавшему культурно-просветительским отделом, создать комиссию и ревизовать библиотечно-книжный склад Русского Дома и Государственной комиссии, изъяв для уничтожения «неблагонадежные» литературные произведения, которые накопились за минувшие годы и скверно воздействовали на читательские умы, особенно эмигрантской молодежи. На этом фоне в Бюро стали приходиться тревожные вести из провинции, а вслед за ними и русские беженцы, потянувшиеся в сербскую столицу.

7 июля в районе города Крупань (около 100 км юго-западнее Белграда) произошло одно из первых боестолкновений между красными партизанами и оккупантами. В Белой Церкви коммунисты убили двух сербских жандармов, символизировавших для них старую королевскую власть. Затем зона боевых операций начала стремительно расширяться, охватывая все новые районы. Во второй половине лета в Западной Сербии действовали восемь партизанских отрядов, по четыре — в Восточной Сербии и Шумадии, семь — в Южной Сербии. В провинции партизаны разоружали жандармские посты, активно разрушали инфраструктуру и линии коммуникаций, устраивали мелкие диверсии и совершали нападения на одиночные группы противника. В тот момент, вероятно, четкого разделения между четниками и титовцами еще не было. Однако ЦК Коммунистической партии Югославии призвал своих сторонников бороться против буржуазных коллаборационистов, провозгласив своей главной целью во Второй мировой войне не только национальное, но и *социальное* освобождение, то есть осуществление социалистической

революции при поддержке мирового коммунистического движения. Члены Политбюро ЦК КПЮ в своем воззвании, принятом после начала войны между Германией и Советским Союзом, утверждали: «Драгоценная кровь героического советского народа проливается не только во имя защиты страны социализма, но и во имя окончательного и социального освобождения всего трудового человечества. Поэтому это также и наша борьба»⁴⁹. Вооруженное противостояние в Сербии быстро приобретало черты гражданской войны в условиях иностранной оккупации.

13 июля вышел первый номер «Русского Бюллетеня» под редакцией Ланина. Редактор гневно обрушивался на «предателей», «provokаторов», «дураков» и «агентов большевиков» — всех тех, кто считал, что Скородумова скоро сместят, или называл начальника Бюро «немецким чиновником», отвергал сотрудничество с немцами, призывал занимать нейтральную позицию или на стороне СССР защищать целостность русской территории. О неблагонадежных лицах «Бюллетень» призывал осведомлять, а по существу, доносить Бюро. Некоторые статьи сначала вызвали удивление, а затем и беспокойство немецкой цензуры. Тревогу вызвали выпады Ланина против украинских сепаратистов и патриотическая публицистика в монархическом духе. К Бюро были прикомандированы два сотрудника органов СД в невысоких чинах — Вагнер и Бок, «присматривавшие» за его непредсказуемым начальником.

20 июля в театральном зале Русского Дома состоялась первая лекция на тему «Ведение современных войны и боя» с объявленным обязательным присутствием «для военнослужащих всех родов войск». Сотрудники Бюро открыли ряд специальных курсов по подготовке военных, административных, педагогических и полицейских кадров, а также инженеров, готовых заняться восстановлением разрушенных мостов на родине. Топографический отдел начал издавать подробные карты Европейской части России⁵⁰. 21 июля в присутствии членов «Дружины русской молодежи»* во дворе Русского Дома были сожжены 89 наименований изъятых комиссией Рычкова «вредных» литературных произведений, в том числе сотни книг А. В. Амфитеатрова («Русский поп XVII века»), А. Ф. Керенского («Издалека»), Д. С. Мережковского («Иисус Неизвестный») и некоторых других авторов «левых» взглядов. В середине августа закончилась регистрация русских в Белграде: выяснилось, что в сербской столице проживали 11 193 человека, в том числе 7020 совершеннолетних апатрида и около 1,5 тыс. лиц с гражданством (остальные несовершеннолетние)⁵¹. При необходимости мобилизация позволила бы призвать 3–5% русских белградцев.

* В оккупированном Белграде так официально стала называться рота допризывной подготовки молодежи при IV отделе РОВС.

Между тем в провинции ситуация принимала трагический характер. Русские, в том числе клирики, женщины и дети, все чаще становились жертвами партизанского террора. Подвал Русского Дома переполняли беженцы, бежавшие в столицу из западных и южных районов Сербии. Скородумов даже допускал, что в критический момент немцы на время могли бы эвакуировать Белград, при этом русские эмигранты были бы наверняка оставлены на произвол судьбы. Если за покушения на немецкого солдата или чиновника оккупационные власти безжалостно расстреливали десятки заложников, то убийства «белогвардейцев» не имели никаких последствий. В Шабаче (60 км западнее Белграда) партизаны убили пять семей (15 человек). Тогда по инициативе доктора Н. Мокина и сотника П. Иконникова казаки сформировали две сотни самообороны и почти до середины октября самостоятельно отбивались от нападений, вооружившись чем попало, вплоть до топоров и вил. Скородумов выдал Мокину и Иконникову, приезжавшим в Белград, 5 тыс. динаров на питание бойцов самообороны на первое время.

Сотрудники Бюро регистрировали около 250 случаев убийств русских эмигрантов за пределами столицы. «В Белграде поднялась паника, — вспоминал после войны Скородумов. — Одни кричали, что никаких коммунистов нет, а идут наши братья сербы и русские; другие требовали от меня оружия; третьи требовали, чтобы я вывез всех из Белграда в Банат* ; четвертые просто кричали “караул” и спрашивали, куда бежать»⁵². Известны имена многих эмигрантов, убитых партизанами в качестве «классовых врагов», среди них: священники Сергей Белавин, Вячеслав Яковлев (под Пожаревацем) и Вячеслав Зяпин (Жагубица), судья Н. Скрипин (Гуча), полковник Иванов (Чуприя), судья, ротмистр К. Н. Шабельский (Пожаревац), капитан Рулёв и инженер Троянов (рудники в Лисани), есаул М. Т. Каледин, инженеры Розанов и Казанский (Крупань), фотограф Попов (Баня Ковиляча) и другие⁵³.

Во второй половине августа Скородумов обратился в немецкую военную администрацию, но получил предложение... защищаться самим. У Вермахта катастрофически не хватало сил. К концу августа в распоряжении начальника LХV высшего командования генерала Бадера на всей территории Сербии с населением более 4,5 млн человек находились лишь четыре двухполковые дивизии (704-я, 714-я, 717-я и 718-я), укомплектованные резервистами старших возрастов. Тогда начальник русского Бюро попросил о помощи «Учителя» — так правая сербская молодежь, преимущественно из среды студенчества, называла Лётича⁵⁴. Он в то время занимался подготовительными мероприятиями по созданию

* Область, разделенная между Сербией, Румынией и Венгрией. В сербской части Баната проживали многочисленные немецкие колонисты.

«правительства национального спасения», так как Гражданский комиссариат Ачимовича прекратил существование 23 августа.

Лётич мог сам занять должность премьер-министра, но предложил более популярную и известную в обществе кандидатуру генерала М. Недича. Правительство оккупированной Сербии, признав короля Петра II в изгнании, должно было стать своеобразным буфером в отношениях между немецкими властями и сербским населением, по мере сил смягчать репрессии и противостоять коммунистам, опираясь на свои добровольческие отряды (с 1942 — Сербский добровольческий корпус). Речь шла о том, что Недич получит санкцию немецкого командования на призыв примерно 10 тыс. человек. Однако Лётич мог принимать эмигрантов на службу в жандармерию или сербские подразделения лишь поодиночке и частным образом. От генерала Бадера Скородумову поступило предложение, чтобы русские беженцы вступали в части Вермахта по месту жительства. Но оба предложения не устроили Михаила Фёдоровича, по-прежнему мечтавшего о формировании крупного русского соединения. Исполдволь он назначил старших начальников для призыва (мобилизации) кадров по отдельным родам оружия: генерал-майора А. Ф. фон Аккермана (артиллерия), генерал-майора В. М. Ткачёва (казаки), Л.-гв. полковника Д. В. Косиковского (кавалерия), Л.-гв. полковника Д. В. Шатилова (гвардейская пехота).

29 августа Недич официально возглавил правительство, поставив своей целью сохранение ядра сербского народа в условиях оккупации и окружения Сербии враждебными государствами. Премьер-министра особенно тревожили действия партизан на западе: их активность провоцировала жестокие репрессии. Лётич сообщил Скородумову, что Недич одобрил бы создание русской части, способной оказать помощь в борьбе с партизанами. В предыстории Корпуса приход к власти Недича имел огромное морально-психологическое значение. Тогда казалось, что правовая коллизия разрешена. Выход на политическую сцену «правительства национального спасения» во главе с популярным сербским генералом, обещавшим хранить лояльность своему монарху в изгнании, в глазах многих русских эмигрантов служил оправданием их призыва на военную службу на стороне Вермахта. Ведь еще 1 сентября 1939 года начальник РОВС Генерального штаба генерал-лейтенант А. П. Архангельский в своем распоряжении № 115 (п. 5) приказал: *«Чины Русского Обще-Воинского Союза должны исполнить свое обязательство перед страной, в которой они находятся, и зарекомендовать себя с лучшей стороны, как подобает русскому воину»*⁵⁵. В той реальной ситуации, которая сложилась в конце августа 1941 года в оккупированной Сербии, борьба с красными партизанами и воспринималась чинами РОВС как выполнение обязательств, о которых писал Архангельский в начале войны. Вопрос о том, что юридический

статус правительства Недича* мог выглядеть достаточно шатким, спорным и проблематичным — при наличии в изгнании правительства короля Петра II, — совершенно не интересовал эмигрантов, ждавших двадцать лет новой возможности, чтобы взяться за оружие, тем более в условиях ужесточившегося партизанского террора.

31 августа, в воскресенье, при посредничестве Бока Скородумов встретился с начальником штаба LXV командования полковником Кевишем⁵⁶. Парадоксально, но несмотря на ту роль, которую сыграл в дальнейших событиях этот незаурядный офицер Вермахта, в послевоенной эмиграции никто из главных участников драмы не смог сохранить в памяти его имени. Кевиш, кадровый офицер старой Императорской армии, был женат на русской, имел высшую награду Пруссии *Pour le Mérite*, придерживался консервативно-монархических взглядов и весьма сдержанно относился к национал-социализму. До Второй мировой войны он занимал один из крупных административных постов в знаменитой компании «Сименс». Тем самым некоторыми особенностями биографии, воспитания и мировоззрения можно объяснить сочувственное внимание, с которым Кевиш встретил Скородумова.

* Вопрос о том, облегчило ли правительство генерала М. Недича положение населения Сербии в период оккупации 1941–1944, оживленно дискутируется в сербском обществе до сих пор. Кроме традиционных для эпохи СФРЮ обвинений в безусловном предательстве встречаются и другие оценки. Некоторые исследователи (М. Самарджич) считают, что его деятельность противоречила международному праву. Однако в популярном романе В. Драшковица «Ночь генерала» (1997) Недич произносит страстный монолог, обращенный к Д. Михайловичу, ожидающему мучительной казни после судебного спектакля. Благодаря публикации в настоящем сборнике статьи М. Самарджича, читатели получили возможность сравнить мотивы поведения и аргументы двух разных генералов, каждого из которых обрекли на смерть югославские коммунисты.

Вот какие слова автор вложил в уста Недича: «Слушай меня, генерал. Ведь я тебе завидовал, мое сердце тянулось к тебе, но разум привел меня к тому, что вы считали позором. Из двух возможностей — моей службы немцам и минимума миллиона жизней сербов, которых мой отказ от роли квислинговца обрек бы на смерть, — я выбрал первую. Перед тобой никогда не было такого страшного выбора. Отдать свою жизнь за Отечество легко, потому что смерть — это боль, длящаяся одно мгновение. Гораздо труднее и дороже отдать за Сербию свою честь, потому что позор вызывает боль даже в могиле. Зачем ты поднял восстание и положил в могилы столько сербов? Ведь ты же знал, что плетью обуха не перешибешь. Неужели ты думаешь, что твои гайдуки повлияли на исход сражений под Москвой, Сталинградом или Курском? Не воображай, что в падении Берлина есть какая-то твоя заслуга. Нужно было выждать, пока великую войну закончат великие силы. Ты виновен в сотнях тысяч наших напрасных смертей. <...> Много грехов и у меня. По отношению к семье, к друзьям, к врагам. По отношению к своей офицерской присяге. По отношению к многим погибшим по воле немцев и по моей воле. И, конечно, по отношению к тебе. Однако число тех, кому я спас жизнь, в сто раз больше. Они — моя защита. Из-за них я пограл свою генеральскую гордость, свое сердце, свою честь и свое имя. Поэтому мне здесь не тоскливо и не тяжело, как Драгише. Из уст по крайней мере полумиллиона сербов, которым мое предательство сохранило жизнь, до меня доносится: аллилуйя, аллилуйя!»

В качестве офицера связи и переводчика начальник русского Бюро взял с собой на переговоры корнета Ю. К. фон Мейера. Михаил Фёдорович описал переговоры, продолжавшиеся около двух часов, так:

«Я представил ему [Кевишу. — К. А.] условия, на каких я могу формировать Отдельный Русский Корпус. Условия следующие: 1) все чины Корпуса подчиняются только мне и только я подчиняюсь немецкому командованию. 2) Корпус не может разбиваться на части и придаваться немецким частям. 3) Корпус может быть только в форме Русской Императорской Армии, ни в коем случае ни в сербской, ни в немецкой. На воротниках можно сделать отличительные знаки для немцев. На шлемах должен быть Русский Ополченческий Крест белого цвета. 4) Никто из чинов Корпуса не приносит присягу немцам, кроме меня, и только, конечно, на верность боевого союза. 5) Русский Корпус не может быть использован ни против одного иностранного государства, а также против сербских националистов — ген.[ерала] Дражи Михайловича и др. 6) Корпус может быть использован только против коммунистов. 7) Когда Корпус закончит формирование и коммунизм в Сербии будет подавлен, немецкое командование обязуется Корпус перебросить на Восточный фронт»⁵⁷.

Аутентичность настоящего свидетельства требует проверки. Трудно представить себе, чтобы в разговоре упоминалось имя полковника Михайловича. В конце августа — начале сентября 1941 года еще вряд ли кто-то мог провести четкую грань между четниками и титовцами. Конфликт и противостояние между Тито и Михайловичем начались в ноябре, уже после формирования Корпуса⁵⁸. Действительно, вплоть до 30 ноября 1942 года корпусники носили особое обмундирование, напоминавшее русскую военную форму времен Великой войны и старые русские погоны с обозначением последнего чина, отныне не имевшего служебного значения. Чины и звания по занимаемым должностям отмечались на петлицах, а для унтер-офицерского состава — при помощи определенного количества углов, нашитавшихся на рукав, выше локтя. После включения в состав Вермахта чины Корпуса получили новое германское обмундирование (цвет рода оружия — светло-зеленый*) с упразднением всех русских отличий⁵⁹. Поэтому, вероятно, вопрос № 3 в ходе переговоров решился в соответствии с пожеланиями Скородумова.

Однако воспоминания второго участника переговоров с Кевишем рисуют нам другую картину. Отметим здесь, что Скородумов после войны назвал Мейера «провокатором», обвинив его в неаутентичном переводе Кевишу своих рассуждений о высоком потенциале и боевых качествах русских военных эмигрантов в Сербии⁶⁰. Однако Мейер взаимных претензий не выдвигал, о столкновении, якобы имевшем место в присутствии Кевиша, не упоминал и отзывался о Скородумове вполне

* Приборный цвет егерей (горных стрелков) Вермахта.

корректно. Экссессу, если он и произошел в действительности в том виде, в каком его описал Скородумов, переводчик не уделил никакого внимания за его малозначительностью. Гораздо более важным Юрию Константиновичу показалось *общее настроение* немецкого полковника и его видение ситуации. Свидетельство Мейера, человека менее эмоционального и страстного, чем начальник русского Бюро, представляется нам более реалистичным именно потому, что его рассказ объективно подтверждает вся дальнейшая драма Корпуса.

«Надежда Скородумова на то, что сформированная им часть будет переброшена немедленно на Восточный фронт для дальнейшего разворачивания за счет советских военнопленных, казалась мне просто мечтой. Нужно сказать, что с 4 июля немцы вели пропаганду в Советский Союз с Белградской радиостанции и я имел возможность выяснить, что директивы этой пропаганды совершенно не совпадали с национальными устремлениями эмигрантов. Кроме того, создание такой части для Восточного фронта выходило из компетенции местных германских властей. Мои предположения оправдались при разговоре с Кевিশем. Последний подчеркнул, что никакой мобилизации быть не может, но что отряд может формироваться только на добровольных началах; что никаких предположений о переброске его на Восточный фронт не существует по той простой причине, что отряд нужен здесь для охраны промышленных объектов и поэтому он будет подчинен Главноуполномоченному по делам хозяйства в Сербии Нойхаузену и называться отрядом заводской стражи (*Werkschutzgruppe*). Полковник Кевиш добавил, что ему понятны наши настроения, как русских офицеров, и он их ценит и единственно, что он сможет сделать, это послать рапорт по начальству о наших желаниях в тот момент, когда надобность в русском отряде минует в Сербии, однако он предупреждает, что этот вопрос имеет принципиальное значение и он, конечно, отнюдь не ручается за успех. Скородумов выслушал эти ответы Кевиша и перешел к обсуждению практических вопросов формирования. <...>

Выйдя от Кевиша, я посоветовал Скородумову сообщить всю правду всем заинтересованным, а именно, что отряд формируется на добровольных началах, и что назначение его чисто местное. М. [Ф.] Скородумов возразил, что тогда он не сможет выполнить данное Кевишу обещание о минимальном составе отряда в 1500 человек. Скородумов отстаивал ту точку зрения, что самое важное сформировать отряд, а тогда он уже сумеет заставить немцев поступить так, как он хочет, и отправить отряд на Восточный фронт»⁶¹.

Скородумов сообщил своим старшим начальникам и офицерам достигнутом соглашении, но, как добавлял Мейер, «с искажением упомянутых мною моментов в желательную для себя сторону». Идею о формировании *Werkschutzgruppe* полностью поддержал полковник Дурново, посчитавший, что создание фабрично-рудничной стражи послужит хорошим предлогом для организации вооруженной русской силы на первом этапе. Скородумов утверждал, что как только отряд «выявит свое национальное лицо», то «получит возможность драться на русской

земле». Месснер же, друживший с Дурново, тоже одобрил идею, но не выбор «полководца», а также предупредил, что «русское офицерство с трудом примирится с необходимостью до поры, до времени скрывать свое национальное лицо»⁶². Вполне вероятно, что Дурново использовал свои связи и положение, чтобы способствовать формированию.

В начале сентября Скородумов стал распространять слухи о грядущей *мобилизации* русских эмигрантов, чтобы сохранить лицо перед сербами, ориентировавшимися на Королевское правительство в изгнании. Слухи немедленно дошли до советника по политическим вопросам Бенцлера, заявившего о категорической невозможности создания каких-либо *русских частей*. Всем желающим бороться рекомендовалось вступать в сербскую жандармерию. Более того, Бенцлер пригрозил Скородумову неизбежным арестом при малейшей попытке объявить о призыве в диаспоре. Однако начальник русского Бюро полагал, что если акция примет публичный и широко известный характер, то нацисты, учитывая сложное военно-политическое положение в Сербии, будут поставлены перед фактом. И даже его арест не сможет остановить притока добровольцев и формирования Корпуса — эта идея целиком завладела воображением Скородумова. Кроме того, в конфликте с партией (Бенцлером) он рассчитывал на поддержку Вермахта (Кевиша). Кевиш, в свою очередь, не видел в этом ничего страшного и был уверен в том, что Скородумов занимается подготовкой к набору добровольцев в *Werkschutzgruppe*.

В первой декаде сентября генерал Штейфон поручил Месснеру и еще нескольким офицерам, выпускникам Белградского отделения Зарубежных Высших военно-научных курсов (ЗВВНК) профессора Н. Н. Головина, продолжить разработку штатов будущего русского отряда уже с учетом достигнутых соглашений. От дивизионной структуры они отказались, взяв за основу бригаду. Намечались к формированию: управление (штаб), два стрелковых полка пехоты (по образцу существовавших до 1915 года), два эскадрона, две батареи, саперная рота, авиазвено связи (два самолета Fi-156 «Шторх»). По проекту видно, что каждый полк с приданными эскадром и батареями в перспективе должен был послужить основой для развертывания в более крупное соединение — в том случае, если бы надежды Скородумова оправдались. Для службы в штабе Штейфон наметил несколько сотрудников Головинских курсов, работавших в Белграде под руководством генерал-майора А. Н. Шуберского. Наиболее ценным специалистом из них был Георгиевский кавалер, генерал-майор В. И. Игнатьев⁶³. 4 сентября начальник военно-училищных курсов РОВС подполковник М. Т. Гордеев-Зарецкий пообещал предоставить командованию 18 юнкеров из состава роты допризывной подготовки. Комендантскому юнкерскому взводу надлежало принимать казармы в Топчидере, отведенные Кевишем для приема добровольцев. Защитные гимнастерки для них сшили еще летом.

На фоне этих спокойных и скрытных мероприятий в Белграде увидел свет знаменитый приказ № 1 Скородумова. 12 сентября 1941 года — праздник перенесения мощей св. блг. кн. Александра Невского и 83-й день войны на Восточном фронте — пришелся на пятницу. В тот день Скородумов приехал к полковнику Кевишу, который вручил русскому генералу долгожданный приказ. Его текст, по версии Скородумова, гласил: «Генералу Скородумову разрешается призвать всю эмиграцию в Сербии для формирования Русского Корпуса и таковой сформировать. Нач.[альник] Шт.[аба] Главнок.[омандующего] ген.[ерального] шт.[аба] полк.[овник] Кевиш»⁶⁴. Других источников в нашем распоряжении нет. Однако, учитывая свидетельство Мейера, мы предполагаем, что мемуарист дал не точную цитату, а вольный пересказ распоряжения, предписывавшего формирование *Werkschutzgruppe* не путем мобилизации, а на основе *добровольного* волеизъявления.

Вдохновленный Михаил Фёдорович отправился в Русский Дом и в эмоциональном порыве написал свой знаменитый приказ № 1, немедленно отправленный в «Русский Бюллетень» для публикации. По версии Месснера, приказ и дополнявшую его агитку — «Информацию»* — написали А. В. Ланин и Н. Н. Чухнов, а Скородумов просто «подмахнул» их, не посоветовавшись со Штейфоном. Чухнов после войны не отрицал своего участия в написании приказа, но утверждал, что в основном его писал Штейфон⁶⁵. Интересно, что Чухнов, сдавая приказ в набор, не моргнув глазом, заявил немецкому военному цензору капитану Танглу, что Кевиш одобрил его содержание. Копия приказа была вывешена на стенах Дома, а отпечатанные экземпляры на следующий день стали распространяться в городе.

«Приказ Отдельному Русскому Корпусу

Белград № 1 12 сентября 1941

Сегодня, в день Св. Благоверного Князя Александра Невского, Покровителя многострадальной Земли Российской, исполнились заветные желания русских людей начать службу своей Родине в Русской Армии.

12 сего сентября мною получено распоряжение германского командования за № 1 с согласия сербских властей о призыве русской эмиграции в Сербии для формирования Отдельного Русского Корпуса.

Командиром Русского Корпуса назначен я.

§ 1

На основании вышеизложенного, объявляю набор всех военнообязанных в возрасте от 18 до 55 лет.

* «Информация» была вывешена на стене Русского Дома вместе с приказом № 1. Ее содержание до сих пор неизвестно.

В первую очередь подлежат набору лица, проживающие в Белграде и его окрестностях. О дальнейших наборах будет указано дополнительно.

§ 2

Военнообязанные, подлежащие призыву, обязаны явиться к 9 час. утра в Топчидерские гвардейские казармы:

18 сентября — пехота и кавалерия.

19 сентября — артиллерия и лица, не служившие в войсках (молодежь от 18 лет).

20 сентября — казаки всех войск.

21 сентября — технические войска и авиация.

§ 3

Охраняя личные интересы каждого эмигранта, я разрешаю явиться, в первую очередь, всем желающим и свободным.

§ 4

Все, кто по какой-либо причине не может прибыть на сборный пункт для зачисления в ряды Корпуса, обязаны зарегистрироваться в дни и в порядке, указанном в § 2 в Русском Доме (Сокольня), указав причины.

§ 5

Начальнику военно-санитарной части образовать пять врачебных комиссий для освидетельствования призываемых.

§ 6

Всем, прибывшим в гвардейские казармы, взять с собою, на первое время, две смены белья, постельные и умывальные принадлежности, нож, ложку и кружку.

§ 7

Все, поступившие в Корпус, будут удовлетворяться всеми видами довольствия по нормам германской армии.

§ 8

Ставки для обеспечения семей будут объявлены дополнительно.

Призываю г.г.[оспод] офицеров, унтер-офицеров, урядников и солдат и казаков к выполнению своего долга, ибо ныне открывается новая страница Русской истории. От нас зависит, что будет записано на этой странице. Если возродится Русская Армия, то возродится и Россия.

С Божией помощью, при общем единодушии, и, выполнив наш долг в отношении приютившей нас страны, я приведу вас в Россию.

Командир Отдельного Русского Корпуса

Генерал-майор Скородумов.

Начальник Штаба

Ген.[ерального] штаба Генерал-майор Штейфон»⁶⁶.

«Штейфон был в восторге, что мне удалось добиться и победить в таком большом историческом деле, — вспоминал Скородумов. — И бросился

меня целовать». Почти сенсационно звучит его признание о том, что в те сентябрьские дни первые средства на покрытие самых неотложных расходов поступили не только от СС группенфюрера Нойхаузена, но и от американского консула в Белграде (50 тыс. динаров)⁶⁷. К сожалению, в данном случае проверить достоверность приведенного свидетельства трудно.

В Русском Доме царила эйфория. Вечером, на именинах Ланина, Скородумов объявил день 12 сентября корпусным праздником, а св. блг. кн. Александра Невского — небесным покровителем Корпуса. Закипела работа. Из сукна, закупленного на шерстяной фабрике В. Илича, дамы сутки напролет шили недостающие гимнастерки, пилютки, изготавливали погоны. Нашлись и подновленные солдатские кокарды для юнкеров. О приказе № 1 быстро узнали почти все русские белградцы. Однако его пафос вызвал тревогу даже у близких соратников Скородумова и Штейфона. «Эти барабанные фразы, — как справедливо отмечал Месснер, — не соответствовали указаниям германского штаба — без шума формировать *пока* Охранный Корпус [Werkschutzgruppe. — К. А.]. В “Информации”, прибавленной к воззванию (на той же афише), были столь же барабанные, лживые толкования смысла, цели и характера формирования»⁶⁸.

Генерал-майор В. М. Ткачѐв обещал прислать в Бюро еще 20 казаков для приема казарм, но так и не прислал. Вместо казаков 13 сентября Скородумов набрал 20 молодых людей в помощь юнкерам Гордеева-Зарецкого, по собственному признанию, хватая их прямо на улице⁶⁹. Правда, никаких проблем с ними не возникло. Вечером в Сокольском зале Русского Дома Скородумов присутствовал на поверке роты допризывной подготовки и выступил с кратким словом перед молодыми людьми. Утром 14 сентября караульный взвод под командованием подпоручика В. В. Гранитова прибыл в Топчидерские казармы бывшей Королевской гвардии на Банице. Здесь их встретил Скородумов и после краткого напутствия уехал по делам. Юнкера начали осмотр и прием помещений. Но целоваться и поздравлять друг друга оказалось рано. В тот же день к вечеру по Белграду разнесся слух о том, что Скородумов и Ланин, его помощник по административной части (начальник отдела регистрации и печати Бюро), арестованы Гестапо. Скородумову вменили в вину самоуправство и противодействие политической линии партии, а Ланину — плохой контроль деятельности начальника русского Бюро.

Бенцлер пришел в бешенство от распространенного приказа № 1 и послал гневное донесение в Берлин. Он заявил решительный протест генералам Данкельману и Бадеру, подчеркнув, что деятельность Скородумова несовместима с политическими установками, исключающими создание вооруженных формирований из русских эмигрантов, тем более

привлечение их к борьбе против СССР. На самом деле Скородумов не был арестован. 14 сентября его официально пригласили в Гестапо для дачи необходимых объяснений, только вот «объяснения»... несколько затянулись. По «делу» начальника русского Бюро была создана целая комиссия во главе с СС оберштурмбаннфюрером Краусом. На допросах присутствовали и офицеры Вермахта, мягко пытавшиеся убедить Скородумова в невозможности существования каких-либо «русских корпусов»⁷⁰ (еще одно косвенное свидетельство в пользу достоверности версии Мейера о содержании переговоров с Кевишем). В конце концов Скородумову отвели одну из комнат в канцелярии Гестапо, объявили почетным гостем и предложили располагаться как дома. Здесь в качестве «интернированного» Михаил Фёдорович провел три дня и две ночи, отказавшись в знак протеста от приема пищи. Ланин же просидел в тюрьме под арестом три недели. Через одного из немецких чиновников польского происхождения Скородумов ухитрился передать Штейфону записку, призывая генерала ни в коем случае не бросать начатого дела.

Роковое известие о том, что начальника Бюро забрали в Гестапо, произвело в Русском Доме впечатление разорвавшейся бомбы. Штейфон немедленно отказался от подписи под приказом № 1. Позднее Борис Александрович объяснил Скородумову свой некрасивый демарш опасением, что немцы могли бы его сместить с должности и назначить корпусным командиром кого-либо из других генералов, не имевших отношения к легитимистам. В Гестапо посыпались доносы от наиболее «бдительных» соотечественников. Они обвиняли Скородумова в каких-то древних уголовных преступлениях времен Российской империи и в принадлежности к масонской ложе Великого Востока. Подчеркивалось еврейское или полуеврейское (по отцу) происхождение Штейфона. Получили немцы и вполне официальное ходатайство за многочисленными подписями, авторы которого требовали сместить Михаила Фёдоровича с должности командира, так как своими авантюрными действиями он якобы испортил отношения с сербами.

На бурное офицерское собрание в Русский Дом пришли несколько разгоряченных генералов и штаб-офицеров, устроивших импровизированный митинг, направленный против Штейфона и Неелова. Кто-то сорвал со стены приказ о призыве в Корпус. Генерал фон Аккерман кричал, что Скородумов использовал для своей авантюры *фальшивый* приказ Кевиша, не имевший печати — в чем, кстати, содержалась доля правды, — и теперь, дескать, сербы начнут поголовно расстреливать всех русских эмигрантов. Обстановка быстро накалялась. Напряженную атмосферу разрядил генерал Кириенко. В самый острый момент он скомандовал «смирно», произнес патетическую речь и попросил всех «трусов» удалиться из зала⁷¹. Штейфон, воспользовавшись моментом,

заявил, что продолжит формирование Корпуса, и многострадальный приказ № 1 был водворен на старое место.

Пока в Русском Доме кипели страсти, представители разных немецких ведомств пытались достигнуть какого-то соглашения. Но быстро выяснилось, что представители партии и армии придерживаются противоположных точек зрения. Бенцлер категорически возражал против создания любых русских частей и подразделений, в то время как военное командование считало необходимым продолжить формирование для того, чтобы получить на театре военных действий в Сербии еще один сильный отряд. Неожиданно Вермахт получил поддержку от представителей органов СС. Генеральный уполномоченный по хозяйству в Сербии СС группенфюрер Ф. Нойхаузен высказал свою заинтересованность в создании *Werkschutzgruppe* и Бенцлеру пришлось отступить⁷². Акция получила продолжение.

16 сентября Скородумова отвезли из Гестапо домой, отобрав у него подписку о неразглашении сведений о немецкой политике на Востоке и категорически запретив какую-либо деятельность в принципе. Одновременно закончилось и его недолгое пребывание в должности начальника русского Бюро в Сербии. Через два дня сотрудник СД Бок отобрал у Штейфона приказ Кевиша. Будучи вынужденным уйти в частную жизнь, Скородумов ни на минуту не сомневался в правильности собственных действий и спустя долгие годы аргументировал свои поступки так:

«Как кадровый военный я отлично понимал, что ни немцы, ни вообще иностранцы в одиночку завоевать Россию никогда не смогут, т.[ак] к.[ак] на это у них не хватит ни солдат, ни капиталов, и что крики о завоевании России — это английская пропаганда. Для меня было ясно, что даже в случае победы немцев они ликвидировали бы советскую власть, но в России никогда бы не удержались, а так же как в 1812 году началась бы партизанщина и их бы выгнали. Я отлично отдавал себе отчет в том, что коммунизм — это внутренний зловерный микроб, который разедает душу народа, и который выгнать очень трудно, а немцы и вообще все иностранцы — это наружный зловерный микроб, который ползает по поверхности организма России, и его легко сбросить. <...> Для Русского Дела я использовал все иностранное барахло и не искал ни филов, ни фобов, ни с кем можно сотрудничать, ни с кем нельзя, ибо понимал, что все иностранцы — враги России, и если с паршивой собаки можно содрать хоть клоч шерсти, то и дери»⁷³.

Первым лицом в силу обстоятельств теперь стал генерал Штейфон, регалий и должностей не искавший, а поэтому оказавшийся осенью 1941 года в очень сложном положении. Создатель Корпуса, несмотря на обиду за отзыв подписи с приказа № 1, отзывался о нем так:

«Генерал Штейфон был очень хороший человек, очень добрый и отзывчивый, очень религиозный, и незаменимый начальник штаба. Как командир Корпуса, он, конечно, командовал хорошо, и другие на его месте были бы гораздо хуже, но как

штабному, ему было очень тяжело, ибо руководить бумагами и людьми — большая разница. Конечно, на командных должностях вообще всегда должны быть строевые, а не штабные, но судьба вынесла его, и он с честью исполнил свой долг»⁷⁴.

Однако, начиная с 18 сентября, в Топчидерские казармы хлынули сотни добровольцев разных возрастов от 16 и до 70 лет. Их нужно было учитывать, разбивать по подразделениям, классифицировать по военным специальностям, освидетельствовать во врачебных комиссиях. Кадров добровольцев, прибывших в течение первой недели, хватало для того, чтобы укомплектовать ими первую часть: пятиротный стрелковый полк, командиром которого 26 сентября Штейфон назначил генерал-майора (оберста*) И. К. Кириенко. Отметим здесь, что Кириенко не снискал большой популярности. По отзывам сослуживцев, он вел себя «крайне заносчиво, в обращении с подчиненными всегда был груб, как правило — к провинившимся прилагал арест после жестокого разноса»⁷⁵. Под влиянием несдержанного монархического чувства Кириенко требовал от старых корпусников-добровольцев отказаться от моральной принадлежности к старым «цветным» частям Добровольческой армии и не именовать себя больше корниловцами, марковцами, алексеевцами и дроздовцами. За монархическую пропаганду среди чинов Корпуса и вербовку их в ряды Корпуса Императорских Армии и Флота (КИАФ) по требованию немецкой стороны генерал Кириенко был удален из Корпуса зимой 1942/43 года⁷⁶.

Должности командиров подразделений стрелкового полка 26 сентября 1941 года заняли следующие генералы и штаб-офицеры: 1-го батальона — Л.-гв. полковник (майор германской службы) Д. В. Шатилов; командиры рот: 1-й юнкерской — подполковник (гауптман**) М. Т. Гордеев-Зарецкий, 2-й юнкерской — полковник (гауптман) В. И. Гранитов, 3-й — полковник (гауптман) М. И. Тихонравов; 2-го батальона — генерал-майор (майор германской службы) В. Э. Зборовский; командиры рот: 4-й технической — Л.-гв. полковник (гауптман) В. В. Складаров, 5-й — генерал-майор (гауптман) В. И. Игнатъев. Доктор Н. Мокин стал полковым врачом, протоиерей Иоанн Гандурин — корпусным священником, иеромонах Антоний (Медведев) — полковым священником. К 26 сентября в строю насчитывался 861 чин, к 1 октября — 893, к 9 октября — 1378, к 1 ноября — 2383⁷⁷. Всего за неполных полтора месяца русская эмиграция в Югославии дала *такое* количество добровольцев, которое составило 9% (!) от ее общей численности, что представляется нам очень высоким и жертвенным показателем при нормальном «напряжении людьми»*** во время войны в 3–5%.

* Oberst — полковник Вермахта (германской службы).

** Hauptmann — капитан Вермахта (германской службы).

*** Термин, который использовал профессор Н. Н. Головин для определения мобилизационных возможностей государства и общества.

В конце сентября личный состав стрелкового полка полностью перешел на казарменный распорядок с утренними и вечерними поверками. Начались гимнастика, систематические строевые и тактические занятия, учебные стрельбы, изучение материальной части и постоянные смотры. Многие офицеры прибыли на службу с личным оружием, преимущественно револьверами. На вооружение пехоты поступали югославские винтовки Маузер М-24 и чешские ручные пулеметы ZB-26 («Зброевка-Брно»).

Бесспорно, что первой корпусной части была присуща совершенно особая воинская эстетика, обусловленная возрастом, заслугами, ветеранскими традициями и мироощущением добровольцев, преисполненных искренних надежд, горячей веры на близкое возвращение в Россию и создание *своей* вооруженной силы. Исторический момент, которого эмиграция с нетерпением ждала двадцать лет, в равной степени остро переживался и восторженными юношами — вчерашними кадетами и гимназистами, и убеленными сединами первопоходниками, и колоритными старцами в штаб-офицерских и генеральских чинах. Например, 3-й взвод 2-й роты состоял из молодых людей преимущественно 16–18 лет, среди которых встречались совсем подростки. В числе первых вступил в Корпус военный инвалид, Георгиевский кавалер и герой Красновоставского сражения 1915 года Л.-гв. полковник Б. С. Гескет. Позднее, после приема пополнения из Болгарии, всеобщее внимание привлекал к себе полковник Корниловского ударного полка И. М. Кондратьев, имевший 19 (!) нашивок за ранения. Осенью 1941 года в Топчидерских казармах царила подчеркнутая отчетливость. Здесь витал дух старых кадровых полков Русской Императорской армии и знаменитых «цветных» частей, сражавшихся с большевиками на Юге России в годы гражданской войны и закаленных в Галлиполийском лагере⁷⁸.

Эффект добровольческой волны, разновозрастный состав и быстрота формирования первого стрелкового полка позволяют нам говорить о том, что поведение первых корпусников, откликнувшихся на призыв генерала Скородумова, в первую очередь объяснялось идеалами и рефлексией, характерными для широких кругов военной эмиграции 1920–1930-х годов. Историк А. Ю. Тимофеев в этой связи справедливо обращал внимание читателей на социальный и образовательный статус добровольцев, отмечая среди них значительное количество учащейся молодежи, а не лишившихся заработка чернорабочих с низкой квалификацией и мотивацией⁷⁹.

Ю. К. фон Мейер, наблюдавший за событиями со стороны, полагал, что главным стимулом для вступления в Корпус служила вера в неизбежность возобновления борьбы с большевиками на родной земле и перспективы развертывания национальной армии. Другие, по мнению

очевидца, рассматривали службу в Корпусе как акт самозащиты, так как убийства эмигрантов в провинции продолжались. И лишь затем Юрий Константинович обращал внимание на меркантильные соображения и проблему содержания семьи⁸⁰. Об этом же писал Е. Э. Месснер:

«Злые языки врагов Корпуса говорили, что офицеры с голоду шли в казармы. Действительно, много русских было уволено от государственной службы, вследствие сокращения штатов в связи с сужением Югославии до размеров Сербии. Правда, что кое-кто потерял службу в частных предприятиях, потому что подогреваемое англичанами и французами с 1939 года германофобство соприкоснулось у сербов с враждебностью к русским эмигрантам, в большинстве своем симпатизировавшим Германии. Но если иные поступали в Корпус по нужде, то очень многие бросали отличную службу, закрывали свои доходные предприятия и даже продавали свои дома, чтобы ничем не быть связанными, ставши вновь военными. Русские шли в Русский Корпус потому, что в военном сотрудничестве с Германией видели возможность бороться за спасение России»⁸¹.

Наконец, некоторые отдельные офицеры, ранее служившие в Королевской армии, такие как, например, поручик (капитан) авиации Б. Е. Климович, отказавшиеся в апреле 1941 года от сдачи в плен, пошли в Корпус, чтобы избежать лагеря военнопленных.

Естественно, что первый и последний публичный приказ Скородурова вызвал неоднозначную, а в отдельных случаях — и отрицательную реакцию. Небольшая часть русских белградцев (Генерального штаба полковник Ф. Е. Махин, граф И. И. Толстой и др.) симпатизировала советской власти по причине левых, сменовеховских или «младоросских» взглядов. Однако даже среди принципиальных врагов советской власти некоторые из них оценивали перспективы Корпуса более чем скептически. Руководители НТСНП во главе с корнетом, инженером В. М. Байдалаковым, к тому времени уехавшим из Белграда в Берлин, запретили членам Союза вступать в Корпус, выразив большие сомнения в его отправке на Восточный фронт. Однако некоторые из них (А. Г. Рытиков, Г. Н. Сперанский и др.) все-таки в Корпус пошли. Гимназист Я. А. Трушнович тоже хотел записаться добровольцем вместе с некоторыми одноклассниками, но его отец, А. Р. Трушнович, капитан Корниловского ударного полка, категорически запретил, сказав сыну: «Я тебя к сумасшедшим не пущу», подразумевая не рядовых и офицеров, а Скородурова»⁸². Некоторых, таких как, например, корнет Н. Н. Чухнов, генерал Штейфон сам отказался принимать на службу под разными благовидными предложениями.

В конце сентября формирование Корпуса происходило в тяжелой и нервной обстановке. Усталого Штейфона осаждали просители и авторы многочисленных проектов. Генерал Ткачѐв предлагал создать «штаб российских ВВС», несмотря на то что авиационных кадров не хватало

даже на комплектование одной эскадрильи. Общество офицеров-артиллеристов во главе со своим председателем и помощником начальника IV отдела РОВС генерал-майором М. Н. Добrorольским вместо двух батарей требовало развернуть артиллерийскую бригаду из шести батарей. Поступали предложения о непременном включении в Корпус железнодорожного батальона. Однако еще большую проблему представляли бесконечные конфликты и столкновения с другими генералами и офицерами, интриговавшими против Штейфона. Так, например, председатель Общества офицеров конницы генерал-майор В. Н. Выгран от вступления в Корпус отказался, но пытался назначать взводных командиров в подразделения, которые комплектовались кавалеристами. Штейфону пришлось достаточно твердо пресечь такую «кадровую политику».

КИАФ во главе с генерал-лейтенантом К. В. Апухтиным оспаривал у РОВС право преимущественного влияния на добровольцев. Разгоралась борьба между легитимистами и «непредрешенцами». В свою очередь, старшие офицеры IV отдела РОВС во главе с его начальником, генерал-лейтенантом И. Г. Барбовичем энергично добивались смещения Штейфона и просили у немцев передачи всего мероприятия, особенно командования, в свои руки. Они требовали гарантий отправки Корпуса на Восточный фронт, невмешательства в сербскую политику и оспаривали право Штейфона делать какие-либо назначения, считая, что любые должности могут занимать лишь чины РОВС. Штейфону ставилось в вину неавторитетное старшинство и слишком «позднее» производство в генерал-майоры (1 февраля 1920), по сравнению с другими заслуженными генералами, проживавшими в Белграде. Наконец, в случае неприятия выдвинутых требований Барбович и его соратники грозили издать приказ, запрещающий чинам IV отдела вступать в Корпус⁸³.

В ответ Штейфон, посоветовавшись с генералом Гонтаревым и полковником Месснером, решил упредить возможный запрет агитацией в пользу Корпуса, которая бы исходила от тех офицеров, которые уже вступили в его ряды. Поэтому здесь надо отвергнуть как совершенно безосновательную версию В. И. Голдина, утверждающего, что чины РОВС положительно восприняли назначение командиром Корпуса «вместо легитимиста Скородумова близкого им генерала Штейфона»⁸⁴. Видимо, Голдин при работе над своей монографией не представлял себе ни политических взглядов Штейфона, ни реалий его отношений с Русским Обще-Воинским Союзом, из которого генерал был исключен в 1926 году как легитимист, занимавшийся политической деятельностью. На уровне скверного анекдота выглядит юмористическое заявление публициста А. А. Смирнова, убежденного в том, что немцы заменили «очень русского» Скородумова «на генерал-лейтенанта немецкого происхождения — Бориса Штейфона» и «потомка арийцев»⁸⁵.

Разумеется, тот исключительный факт, что место Скородумова неожиданно занял сын харьковского еврея православного вероисповедания, некоторым русским белградцам казался весьма выгодным компрометирующим обстоятельством. Поэтому третирование и бесконечные доносы подчас приводили Штейфона в уныние. Еще одним претендентом на наследство Скородумова стал небезызвестный генерал-майор П. Р. Бермондт (П. М. Авалов), интриговавший против Штейфона при помощи нескольких чинов РОВС и мечтавший возглавить Корпус. Однако его надежды и желания не сбылись. Вскоре Бермондт перешел на службу в Абвер и занялся посредничеством между генералами Недичем и Михайловичем. Михайлович якобы даже надеялся на то, что Бермондт-Авалов создаст и возглавит крупную русскую часть из эмигрантов для борьбы на стороне четников⁸⁶. Однако это интересное сообщение Месснера требует проверки и дополнительного изучения.

В последних числах сентября Штейфон решил отказаться от командования. Он хотел сохранить за собой лишь должность начальника русского Бюро, свободную после отстранения Скородумова. О своем намерении Борис Александрович рассказал Месснеру, который записался в Корпус рядовым, но состоял в распоряжении отдела пропаганды Вермахта на Юго-Востоке (Wehrmachtpropagandaabteilung Süd-Ost). Штейфон мотивировал свой поступок препятствиями, чинившимися РОВС, незнанием немецкого языка, рознью между чинами РОВС и легитимистами, а также «неподходящим» для такой должности происхождением. В качестве одного из возможных командиров Штейфон видел Месснера. Однако Евгений Эдуардович категорично отклонил лестное предложение и возразил старшему соратнику: «Если русские генералы считают Штейфона слишком молодым... то меня сочтут мальчишкой, взбравшимся на “козлы” только потому, что моя немецкая фамилия понравилась немцам»⁸⁷. При таком развитии событий конфликт с РОВС мог стать неразрешимой проблемой, тем более неизбежно отразиться на численности личного состава и его моральном состоянии.

На настроение и выбор Штейфона повлияли офицеры Вермахта. В итоговой беседе с Кевишем было решено, что генерал Штейфон все-таки станет командиром, а полковник Месснер — его начальником штаба, но лишь тогда, когда на базе созданного стрелкового полка начнется развертывание полнокровного корпуса. До той поры должность старшего офицера службы Генерального штаба занял генерал Гонтарев. Среди наиболее вероятных кандидатов в начальники русского Бюро Штейфон и Месснер предложили кандидатуры Генерального штаба генерал-майоров И. С. Свищова и В. В. Крейтера*. 2 октября 1941 года в соответствии

* Впоследствии оккупационные власти сделали окончательный выбор в пользу генерал-майора В. В. Крейтера.

с распоряжением германского управления формировавшийся русский отряд *Werkschutzgruppe* принял название Русский Охранный Корпус (*Russische Schutzkorps*) с официальным назначением Б. А. Штейфона его командиром в чине генерал-майора⁸⁸. Так началась драма белой военной эмиграции на Балканах.

Двадцать лет, минувших от эвакуации Крыма и Галлиполийской эпопеи Русской армии до разгрома Югославии и немецкой оккупации Сербии в 1941 году, оказались слишком коротким сроком, чтобы белые воины и воспитанная ими пассионарная молодежь перестали надеяться на возобновление вооруженной борьбы против большевиков. Готовность к новому «весеннему походу» сохранялась благодаря непримиримому отношению эмигрантов к советской власти и страшным свидетельствам об ужасах коллективизации и ежовщины, о которых рассказывали немногочисленные беженцы, вырвавшиеся из Советского Союза. Военные кадры пополняли молодые люди — выпускники зарубежных кадетских корпусов и военно-училищных курсов, а полковые объединения и система самообразования замедляли процессы старения, препятствовали угасанию духа и разрушению корпоративного единства.

В истории создания Русского Корпуса большую роль сыграли субъективные качества его энергичного основателя — генерал-майора М. Ф. Скородумова, способного достичь желанной цели любой ценой, но видевшего военно-политическую ситуацию лишь такой, какой ему *хотелось* ее видеть. Если даже в определенный момент Михаил Фёдорович и осознал, что невольно толкнул лучшую часть эмиграции на Балканах к участию в чужой гражданской войне в условиях иностранной оккупации, то вряд ли впоследствии сожалел о своем поступке. С точки зрения Скородумова, для создания своей вооруженной силы эмигрантам следовало использовать любой, даже самый призрачный шанс. И никакая цена не казалась ему чрезмерной. Однако еще более серьезное значение имели объективные причины, в том числе опыт и неизжитая психология гражданской войны, многолетнее напряженное ожидание эмигрантами призыва, желание сражаться, неожиданный всплеск насилия, вспыхнувшего летом 1941 года в провинции, ощущение безоружности и незащищенности перед партизанским террором, наконец, первые разногласия между Вермахтом и нацистской партией по вопросам восточной политики, открывавшие для ее противников возможность маневра.

Осенью 1941 года эмиграция в Сербии *была готова* к формированию Корпуса, рожденного военной субкультурой Русского Зарубежья. Высокий процентный показатель «напряжения людьми» (9%) и статистика добровольной явки в первые полтора месяца после объявления приказа № 1 в полной мере свидетельствуют о надеждах, симпатиях

и настроениях, доминировавших в эмигрантском сообществе на Балканах. Поэтому роль Скородумова с наименьшим эффектом мог сыграть любой другой харизматичный генерал.

Примечания:

¹ См. например: *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. М., 1981. С. 185–186; *Гетманенко О. Д., Юшко А. А.* Черная белая гвардия (О судьбе белогвардейцев-эмигрантов) // Военно-исторический журнал (Москва). 1989. № 11. С. 47–48; *Александров К. М.* Комментарии к воспоминаниям Я. А. Трушновича // Новый Часовой (СПб.). 1994. № 2. С. 149–150, 157; *Андреев В. А.* Русское Зарубежье и Вторая мировая война // Материалы по истории Русского Освободительного Движения 1941–1945 гг. (статьи, документы, воспоминания) / Под общ. ред. А. В. Окоорокова. Т. II. (Вып. 2). М., 1998. С. 143–148; *Захаров В. В., Колунтаев С. А.* Русская эмиграция в антисоветском, антисталинском движении (1930-е — 1945 гг.) // Там же. С. 104–106; *Окоороков А. В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны / Отв. ред. Д. Н. Филипповых. М., 2000. С. 52–54; *Цурганов Ю. С.* Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 111–123; *Дробязко С. И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945. М., 2004. С. 88–97; Русские без Отечества. Между Россией и Сталиным. Российская эмиграция и Вторая мировая война / Авт. колл.: С. И. Дробязко, Е. Н. Евсеева, Д. Н. Жданов, Л. А. Можаяева, А. В. Окоороков, Я. Л. Писаревская, Д. В. Тюрин, Ю. С. Цурганов, Е. А. Широкова, А. Э. Яшлавский. Отв. ред. С. В. Карпенко. М., 2004. С. 227–232; *Александров К. М.* Белая военная эмиграция и Вооруженные Силы Комитета освобождения народов России // *Александров К. М.* Русские солдаты Вермахта. М., 2005. С. 373–376, 388–389; *Голдин В. И.* Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск; Мурманск, 2005. С. 213–241; *Котюков К. Л.* Формирование и боевая деятельность Русского Охранного Корпуса в Югославии в 1941–1945 годах // Отечественная история (Москва). 2008. Май — июнь. № 3. С. 86–94; *Александров К. М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова / Биографический справочник. 2-е изд. М., 2009. С. 83, 707–716, 897–918; *Волков С. В., Стрелянов (Калабухов) П. Н.* Чины Русского Корпуса. Биографический справочник в фотографиях. М., 2009; *Тимофеев А. Ю.* Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М., 2010. С. 23–52; *Кьюсева Ц.* Русские эмигранты из Болгарии в Русском охранном корпусе // Русская эмиграция и фашизм. Статьи и воспоминания / Отв. ред. и сост. В. Ю. Жуков. Науч. ред. В. Ю. Черняев. СПб., 2011. С. 100–114; *Шкаровский М. В.* Духовенство русского корпуса в Югославии // Там же. С. 115–139.

² Hoover Institution Archives, Stanford University (HIA). Collection ROVS. Box 1. Folder 20. Краткие сведения о числе чинов РОВС. По IV отделу: 1514 генералов и офицеров, 4380 солдат (итого: 5894 чина) — в составе воинских частей и групп (I армейский корпус, Донской корпус, кавалерийская дивизия, Кубанская дивизия), 4986 генералов и офицеров, 75 солдат (итого: 5061 чин) — в составе Офицерских обществ и союзов.

³ Columbia University Libraries. Rare book and Manuscript Library. Bakhmeteff Archive (BAR). Collection Y. Meier. *Мейер Ю. К.* Русская эмиграция в Югославии к началу войны Германии против Советского Союза. Машинопись. Л. 1.

⁴ *Тимофеев А. Ю.* Указ. соч. С. 12.

⁵ *Персиянов Д. А.* Шестое апреля 1941 г. // Наши вести (Нью-Йорк). 1959. 1 апр. № 154/2309. С. 9.

⁶ BAR. Collection E. Messner. *Месснер Е. Э.* Мои воспоминания. Машинопись. Ч. V. Л. 118. Генерального штаба капитан Е. Э. Месснер при эвакуации Крыма в 1920 был произведен в подполковники с переименованием в полковники. В Константинополе Генерального штаба генерал-лейтенант А. П. Архангельский — начальник отделения личного

состава штаба Главного командующего — выдал Месснеру удостоверение о производстве в подполковники и обещал прислать документ о переименовании в следующий чин, которого Месснер так и не дождался. Поэтому в 1920–1930-е в эмиграции и в разных служебных документах он именовался подполковником. В 1941 заведующий делами КИАФ генерал-лейтенант К. В. Апухтин, бывший представителем Русского Корпуса, по представлению Генерального штаба генерал-майора Б. А. Штейфона издал приказ, в соответствии с которым Месснеру подтверждался чин полковника.

⁷ Архив Музея русской культуры в Сан-Франциско (АМРК). *Скородумов М. Ф.* За моральную революцию. Откройте глаза, люди русские. Машинопись. Л. 32. Это утверждение М. Ф. Скородумова мы рассениваем как серьезное преувеличение.

⁸ BAR. Collection E. Messner. *Месснер Е. Э.* Указ. соч. Л. 107, 119; Collection Y. Meier. *Мейер Ю. К.* Указ. соч. Л. 6.

⁹ *Тимофеев А. Ю.* Указ. соч. С. 16.

¹⁰ BAR. Collection Y. Meier. *Мейер Ю. К.* Указ. соч. Л. 3. Расчет сделан автором публикации, исходя из довоенного соотношения \$1=37 югославских динаров. Накануне войны на одну тыс. динаров в Королевской Югославии можно было прожить месяц (см.: BAR. Collection E. Messner. *Месснер Е. Э.* Указ. соч. Л. 104).

¹¹ *Персиянов Д. А.* Указ. соч. С. 9.

¹² АМРК. *Скородумов М. Ф.* Указ. соч. Л. 32–33.

¹³ BAR. Collection E. Messner. *Месснер Е. Э.* Указ. соч. Л. 301.

¹⁴ *Трушинович Я. А.* Русские в Югославии и Германии, 1941–1945 гг. Публ. и комментарии К. М. Александрова // Новый Часовой (СПб.). 1994. № 2. С. 140–141.

¹⁵ BAR. Collection E. Messner. *Месснер Е. Э.* Мои воспоминания. Ч. V. Л. 301. В справочной литературе сообщается, что Г. Д. Романовский умер еще до войны (см.: *Волков С. В.* Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002. С. 416; *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. М., 2009. С. 324), но год смерти указывается в диапазоне 1934–1939. Из мемуаров Е. Э. Месснера следует, что еще весной 1941 Романовский был жив и жил в Белграде, правда, Месснер указывал его чин: ГШ генерал-майор, а не ГШ генерал-лейтенант. Вопрос остается открытым.

¹⁶ *Чухнов Н. Н.* В смятенные годы. Очерки нашей борьбы в годы 1941–1965. Нью-Йорк, 1967. С. 15.

¹⁷ Там же. С. 14–15.

¹⁸ *Маевский Вл.* Русские в Югославии 1920–1945 гг. Взаимоотношения России и Сербии. Т. 2. Нью-Йорк, 1966. С. 288.

¹⁹ BAR. Collection E. Messner. *Месснер Е. Э.* Указ. соч. Л. 303.

²⁰ АМРК. *Скородумов М. Ф.* Указ. соч. Л. 39.

²¹ BAR. Collection Y. Meier. *Мейер Ю. К.* Указ. соч. Л. 8; *Маевский Вл.* Указ. соч. С. 271.

²² Ibidem. Collection E. Messner. *Месснер Е. Э.* Указ. соч. Л. 103–104 и далее. О ГШ полковнике П. П. Дурново см. также: *Александров К. М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова. С. 914.

²³ BAR. Collection E. Messner. *Месснер Е. Э.* Указ. соч. Л. 301; Collection Y. Meier. *Мейер Ю. К.* Указ. соч. Л. 8.

²⁴ *Скородумов Михаил Фёдорович* (1892 — 15 нояб. 1963, Лос-Анджелес) — участник Белого движения на Юге России, основатель Русского Корпуса (1941), генерал-майор (по КИАФ, производства Великого князя Кирилла Владимировича за создание мемориала-памятника; 1930). Окончил 1-й кадетский корпус (1910), Павловское военное училище (1912) и вышел подпоручиком Л.-гв. в Павловский Его Величества полк 2-й гв. пехотной дивизии, с которым в июле 1914 ушел на фронт Великой войны. 26 авг. 1914 в разведке ранен с раздроблением локтя правой руки, но, несмотря на тяжелое ранение, сумел выполнить задание и начертить кроки расположения противника. За мужество награжден орденом св. Владимира IV ст. с мечами и бантом. По излечении от строевой службы

отстранен, но зимой 1915 вернулся на фронт с 11-й маршевой ротой. 22 июля 1915 командовал батальоном, прикрывая отступление дивизии. Вторично тяжело ранен, пролежал полтора дня и две ночи на поле боя. Подобран немецкими санитарями. Единственный русский офицер, награжденный за отличия орденом св. Георгия IV ст. в плену. В плену пробыл один год и семь мес., трижды пытался бежать. Благодаря хлопотам чинов полка и Великой княгини Марии Павловны обменян на немецкого офицера-инвалида. 26 февр. 1917 вернулся в Петроград в разгар революционных событий. Чудом избежал гибели во время уличных беспорядков.

После Февральской революции 1917 — член конспиративной монархической организации, после Октябрьского переворота 1917 — в белых войсках на Юге России (с 1918). Протезный инвалид. Павловцы преподнесли Скородумову серебряный протез на раненую руку с надписью «Павловцы своему герою». Начальник команды конных разведчиков в Павловском батальоне 1-го Сводно-гвардейского полка Сводно-гвардейской бригады ВСЮР (лето 1919). В конной атаке при штурме Киева ранен в третий раз и носил неизвлеченную пулю в ногу всю оставшуюся жизнь. Участник похода генерал-лейтенанта Н. Э. Бредова (1920). Интернирован в Польше, откуда выехал в Крым, полковник (1920). Участник боев на Перекопе. Эвакуировался из Крыма в нояб. 1920 в составе Русской армии. В 1920–1921 — в Галлиполи, строевой командир батальона Корниловского военного училища. С 1921 в Болгарии. Комендант Ловеча. По распоряжению правительства А. Стамболийского вместе с генералом от инфантерии А. П. Кутеповым выслан из Болгарии.

В эмиграции в Королевстве СХС. Чин РОВС (1924–1930). На 1925 — в кадрах Гв. отряда. После гибели А. П. Кутепова (1930) на страницах печати потребовал расследования всех обстоятельств его исчезновения, высказав версию о возможном предательстве со стороны одного из старших начальников. Приказом Председателя Союза ГШ генерал-лейтенанта Е. К. Миллера исключен из РОВС. Участвовал в деятельности монархических организаций. В 1930 организовал строительство единственного памятника Русской Славы в Белграде, посвященного императору Николаю II и двум млн рус. воинов, «за Веру, Царя и Отечество в Первую мировую войну живот своей положивших». Высота памятника достигала 19 метров. Сюда по инициативе Скородумова были перенесены останки чинов Русской Императорской армии (около 800 чел.), павших во время Великой войны в рядах Особой русской бригады на Салоникском фронте. За свою мемориальную деятельность награжден королем Югославии Александром I Карагеоргиевичем орденом св. Саввы III ст. Создатель военно-политической монархической организации Русское Народное Ополчение (1934). С 22 мая 1941 — начальник Бюро (управления) по делам русских эмигрантов (беженцев) в Сербии.

В условиях начавшегося в Сербии коммунистического восстания обратился к немецким оккупационным властям с инициативой создания крупных русских воинских частей. 12 сент. 1941 отдал приказ о формировании Отдельного Русского Корпуса, но за независимый и патриотический характер приказа был интернирован в Гестапо и вскоре освобожден без права заниматься военно-политической деятельностью. В 1941–1944 зарабатывал на жизнь сапожным ремеслом и получал небольшую пенсию от группы близких корпусников. В 1944 вступил в Русский Корпус рядовым и в составе запасной роты совершил тяжелый Босанский поход от Белграда до Чачака и от Чачака до Славянского Брода, откуда выехал в Австрию (Куфштейн) для спасения семьи. 5 июня 1945 арестован американскими оккупационными властями. Содержался в лагере Моосбург и др. местах заключения. Перед угрозой принудительной репатриации в советскую зону покушался на самоубийство, затем, как склонный к самоубийству, но будучи совершенно здоровым, 4,5 месяца содержался в психиатрической больнице Егфлин Хаар под Мюнхеном, затем в лагере Дахау, откуда освобожден в 1946. В 1946–1950 — в американской оккупационной зоне Германии и ФРГ. В США с 1950, жил в Калифорнии. До конца своих дней оставался убежденным монархистом-легитимистом. Воспоминания и собственную публицистику печатал на страницах издаваемого им журнала «За моральную революцию». Похоронен

на кладбище Голливуд. *Соч.*: Памятка Русского Народного Ополчения. Идеология, задачи, организация. Белград, 1935, и др. *Родственники*: вдова Екатерина Димитриевна.

²⁵ *Маевский Вл.* Указ. соч. С. 276.

²⁶ АМПК. Краткая биография генерала Михаила Фёдоровича Скородурова. Воспоминания полк.[овника] Н. Л. Неелова // За Россию. М. Ф. Скородуров. Машинопись. Лос-Анджелес, 1966. Л. 3–5.

²⁷ VAR. Collection E. Messner. *Месснер Е. Э.* Указ. соч. Л. 302.

²⁸ *Маевский Вл.* Указ. соч. С. 271, 273, 279.

²⁹ VAR. Collection Y. Meier. *Мейер Ю. К.* Указ. соч. Л. 8–9.

³⁰ *Трушинович Я. А.* Указ. соч. С. 141.

³¹ *Маевский Вл.* Указ. соч. С. 279.

³² *Чухнов Н. Н.* Указ. соч. С. 15.

³³ VAR. Collection E. Messner. *Месснер Е. Э.* Указ. соч. Л. 301.

³⁴ АМПК. *Скородуров М. Ф.* Указ. соч. Л. 33.

³⁵ VAR. Collection Y. Meier. *Мейер Ю. К.* Указ. соч. Л. 12–14, 17.

³⁶ АМПК. *Скородуров М. Ф.* Указ. соч. Л. 34.

³⁷ Наиболее полную и подробную версию биографии Б. А. Штейфона, см.: *Александров К. М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова. С. 897–918.

³⁸ VAR. Collection Y. Meier. *Мейер Ю. К.* Указ. соч. Л. 17.

³⁹ Ibidem. Мы не нашли в указанной речи А. Гитлера, которая была передана 22 июня 1941 на разных языках несколькими радиостанциями, упоминаний о «крестовом походе». Однако тональность последних слов, вероятно, позволяла принять услышанное за желаемое: «*Германские дивизии под командой завоевателя Норвегии защищают сов-местно с финскими героями свободы под предводительством их маршала финскую землю. От Восточной Пруссии до Карпат тянутся части германского Восточного фронта. На берегах Прута, у устья Дуная до берега Чёрного моря, под предводительством главы государства генерала Антонеску, соединяются немецкие и румынские солдаты. Поэтому задачей этого фронта является уже не защита отдельных стран, а безопасность Европы, а с этим и спасение всех*» (цит. по: Воззвание Фюрера к германскому народу // *Гогун А.* Черный пиар Адольфа Гитлера: Документы и материалы. М., 2004. С. 176). Вместе с тем Ю. К. фон Мейер не сообщает читателю о том, что речь Гитлера содержала гораздо более важный пропагандистский пассаж, на который русские эмигранты не могли не обратить внимания: «*Германский народ никогда не питал враждебных чувств по отношению к народностям России*» (цит. по: Там же. С. 166).

⁴⁰ НИА. Collection ROVS. Box 1. Folder 2. *Рогожин А. И.* Представителям и председателям Правления Отделов Союза чинов Русского Корпуса. Нью-Йорк, 10 сент. 1962. Л. 6(об.).

⁴¹ Ibidem. Collection Chasovoi. Box 1. Folder «Из переписки 1930-х гг.». От Главы Российского Императорского Дома. Заявление от 26 июня 1941. Машинопись. Копия. Пометка: на подлинном — Владимир.

⁴² *Маевский Вл.* Указ. соч. С. 280.

⁴³ VAR. Collection Y. Meier. *Мейер Ю. К.* Указ. соч. Л. 17; Collection E. Messner. *Месснер Е. Э.* Указ. соч. Л. 302.

⁴⁴ АМПК. *Скородуров М. Ф.* Указ. соч. Л. 35.

⁴⁵ *Тимофеев А. Ю.* Указ. соч. С. 26.

⁴⁶ Док. № 298. Запись от 3 марта 1941 в дневнике штаба оперативного руководства ОКВ о создании оккупационного режима на территории Советского Союза // 1941 год. В 2 кн. / Сост.: Л. Е. Решин, Л. А. Безыменский, В. К. Виноградов и др. Науч. ред. В. П. Наумов. Кн. 1. М., 1998. С. 709; Док. № 501. Сообщение от 28 мая 1941 «Ещенко» из Бухареста // Там же. Кн. 2. С. 272; Док. № 515. Из указания от 1 июня 1941 статс-секретаря министерства продовольствия и сельского хозяйства Германии Г. Э. Бакке // Там же. С. 305–306.

⁴⁷ В некоторых наших предыдущих публикациях (см.: Александров К. М. Русские солдаты Вермахта. М., 2005. С. 373, 710; Александров К. М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова. Указ. соч. С. 89–90, 1031) фамилия Андрея Николаевича указывалась с ошибкой: Подраненцев. Исправлено по: Списочный состав чинов Гвардейского отряда по состоянию на 1 сент. 1925 // НИА. Collection ROVS. Box 1. Folder 17. Машинопись. Л. 10.

⁴⁸ АМРК. Скородумов М. Ф. Указ. соч. Л. 35.

⁴⁹ Стругар В. Югославия в огне войны 1941–1945 / Отв. ред. В. Г. Карасёв. М., 1985. С. 35.

⁵⁰ Тимофеев А. Ю. Указ. соч. С. 27.

⁵¹ Там же. С. 23.

⁵² АМРК. Скородумов М. Ф. Указ. соч. Л. 36. Сербские журналисты писали о более чем 200 убитых эмигрантах, живших на положении частных лиц, по состоянию к февр. 1942 (Маевский Вл. Указ. соч. С. 311–313). В их число входили более 27 русских священников, служивших в сербских приходах. Здесь же приводится длинный перечень имен погибших.

⁵³ VAR. Collection Y. Meier. Мейер Ю. К. Указ. соч. Л. 18; Тимофеев А. Ю. Указ. соч. С. 31.

⁵⁴ Лётич [встречается Летиц, Льотич Димитрий] Дмитрие (12 авг. 1888, Белград — апр. 1945) — югославянский политический деятель. Сын генерального консула Сербии в Солуне (Салоники). Окончил солунскую сербскую гимназию и юридический факультет Белградского университета. В 1912 призван в армию, участник 1-й и 2-й Балканских кампаний. В 1914 учился в Париже. С 1 сент. 1914 вновь на военной службе, участник Великой войны. Капрал (1 нояб. 1914), поднаредник (3 нояб. 1914). Демобилизовался из армии 17 июня 1918 в чине поручика и занялся адвокатской практикой. После роспуска 6 янв. 1929 королем Александром I Карагеоргиевичем скупщины и всех политических партий активно включился в политику. С 6 янв. 1929 — министр юстиции Королевского правительства. В 1930 в знак протеста против восстановления в Югославии свободы деятельности политических партий подал в отставку. В 1935 основал Омладинский покрет (молодежное движение) «Збор», снижавшее популярность в среде православного студенчества. Несмотря на великосербское происхождение, считал себя не сербом, а югославянином. Приветствовал проведенное Александром I административно-территориальное деление Югославии на девять бановин вместо сохранения узкоэтнических регионов. Критиковал деятелей королевской администрации, стремившихся обеспечить сербской элите и Сербии доминирующее положение в многоэтничном государстве.

Противник коммунистической идеологии, коррупционной леволиберальной демократии и межпартийной борьбы, противоречащих идее органичного государства. Считал бесполезными любые политические партии, полагая, что верующий человек может быть только членом Церкви. Сохранял монархический идеализм, считая приемлемой лишь власть монарха, происходящую от Бога. Одна из статей Д. В. Лётича (1937) называлась: «Ни фашизм ни хитлеризм». В ней основатель «Збора» подчеркивал: «И фашизм и хитлеризм почивају на чисто паганским концепцијама старог Рима и старих Германа... Фашисти кажу: “Држава је полубожанство, она је свемоћна и апсолутна”. А ми кажемо: “Не дај Боже да она то буде”». Талантливый оратор и публицист, автор многочисленных общественно-политических статей, поэт. С большой симпатией относился к Российской империи и участникам Белого движения. В апр. 1941 имел возможность покинуть страну, но предпочел остаться на родине и вошел в состав правительства генерала М. Недича (29 авг. 1941). В немецких оккупантах видел меньше зло, чем в партизанах И. Б. Тито, так как не верил в перспективы Германии во Второй мировой войне.

В сент. 1941 в Белграде под командованием полковника (позднее генерал-майора) К. Мушицкого (Мушицки) возник Сербский добровольческий корпус (СДК), первоначально объединивший 12 отрядов по территориальному признаку, в каждом из которых насчитывалось 120–150 бойцов. В 1944 отряды СДК были сведены в батальоны, а батальоны — в пять полков. По сравнению с четниками Д. Михайловича корпусники Мушицкого

отличались большей дисциплинированностью, подтянутостью и воцерковленностью. При штабе СДК издавалась антимарксистская и антисоветская литература. Каждый полк имел своего полкового священника из клира поместной Сербской Православной Церкви, день начинался и заканчивался общей молитвой. СДК создавался на основе кадров «Збора», Коста Мушицкий был близким другом и единомышленником Лётича, который в 1941–1942 считался почетным командиром корпуса. Несмотря на название, корпус Мушицкого не имел характера узкоэтнического формирования, в его составе служили не только сербы. Убедившись к 1943 в однозначном исходе войны в Европе, Лётич разрабатывал планы организации на Балканах широкого антисоветского и антититовского подполья после ухода немецких оккупантов. Погиб в апр. 1945, сорвавшись в пропасть во время проезда на машине по мосту в горах. Его родной брат, Я. В. Летич, после 1945 возглавил кадры «Збор» в эмиграции и был убит в Мюнхене агентами органов госбезопасности социалистической Югославии.

⁵⁵ НИА. Collection ROVS. Box 12. Folder 7. От Управления I отдела РОВС. № 862. 18 сент. 1939. Машинопись. Л. 1.

⁵⁶ Ю. К. фон Мейер сообщает нам, что полковник Кевиш был начальником штаба генерала артиллерии П. Бадера, то есть начальника LXV высшего командования особого назначения 12-й армии Вермахта. М. Ф. Скородумов считал Кевиша начальником штаба немецкого Главнокомандующего, но не называл генерала, которого имел в виду. В данном случае речь может идти о Бадере, а может — о Главнокомандующем в Сербии генерале авиации Г. Данкельмане (до 20 окт. 1941), должность которого позднее занял Бадер. Первопоходник-галлиполиец В. А. Черепов называл Кевиша «начальником штаба южной группы немецких войск». Автор пока склонен придерживаться версии Мейера, но вопрос остается открытым.

⁵⁷ АМПК. *Скородумов М. Ф.* Указ. соч. Л. 36–37.

⁵⁸ *Стругар В.* Указ. соч. С. 51–53.

⁵⁹ *Янковский Е. Л.* Форма одежды // Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–1945 гг. Исторический очерк и сб. воспоминаний соратников / Под ред. Д. П. Вертепова. Нью-Йорк, 1963. С. 31.

⁶⁰ АМПК. *Скородумов М. Ф.* Указ. соч. Л. 37.

⁶¹ BAR. Collection Y. Meier. *Мейер Ю. К.* Указ. соч. Л. 19–20.

⁶² Ibidem. Collection E. Messner. *Месснер Е. Э.* Указ. соч. Л. 302.

⁶³ Ibidem. Л. 302–303.

⁶⁴ АМПК. *Скородумов М. Ф.* Указ. соч. Л. 38.

⁶⁵ BAR. Collection E. Messner. *Месснер Е. Э.* Указ. соч. Л. 303; *Чухнов Н. Н.* Указ. соч. С. 21–22.

⁶⁶ Приказ Отдельному Русскому Корпусу // Русский Корпус на Балканах. С. 37–38.

⁶⁷ АМПК. *Скородумов М. Ф.* Указ. соч. Л. 38, 40.

⁶⁸ BAR. Collection E. Messner. *Месснер Е. Э.* Указ. соч. Л. 303.

⁶⁹ АМПК. *Скородумов М. Ф.* Указ. соч. Л. 39.

⁷⁰ Там же. Л. 38.

⁷¹ Там же. Л. 39–40.

⁷² BAR. Collection Y. Meier. *Мейер Ю. К.* Указ. соч. Л. 20–21.

⁷³ АМПК. *Скородумов М. Ф.* Указ. соч. Л. 35, 40.

⁷⁴ Там же. Л. 38.

⁷⁵ *Гетц В. И.* Клеветникам // Ответ на книгу Кириенко «1613 г. от чести и славы — к подлости и позору февраля 1917 г.». Сб. статей членов Объединения чинов Корниловского Ударного Полка. Машинопись. Париж, 1965. С. 31.

⁷⁶ *Месснер Е. Э.* Книга И. Кириенко — не история, а самореклама // Там же. С. 26–27.

⁷⁷ Верные долгу 1941–1961. Найяк, 1961. С. 39; Русский Корпус на Балканах. С. 38–39; Хронологическая памятка боевой истории 2-го полка Русского Охранного Корпуса / Сост. полк. Н. В. Мамонтов. Валенсия [Венесуэла], 1958. С. 1.

⁷⁸ См. например: *Вертепов Д. П.* Первый бой Русского Корпуса // *Русский Корпус на Балканах*. С. 56–57; *Черепов В. А.* Белое воинство // Там же. С. 67–68; *Гранитов В. В.* Караульный взвод // *Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–1945 гг.* Воспоминания соратников и документы / Под общ. ред. Н. Н. Протопопова и И. Б. Иванова. СПб., 1999. С. 59–61; *Наливайко В.* Встреча отцов и детей // Там же. С. 65–68, и др.

⁷⁹ *Тимофеев А. Ю.* Указ. соч. С. 49.

⁸⁰ BAR. Collection Y. Meier. *Мейер Ю. К.* Указ. соч. Л. 21.

⁸¹ Ibidem. Collection E. Messner. *Месснер Е. Э.* Указ. соч. Л. 304.

⁸² *Трушинович Я. А.* Указ. соч. С. 142.

⁸³ BAR. Collection E. Messner. *Месснер Е. Э.* Указ. соч. Л. 302–307.

⁸⁴ *Голдин В. И.* Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск; Мурманск, 2005. С. 222.

⁸⁵ *Смирнов А. А.* Казачьи атаманы. СПб., 2002. С. 460.

⁸⁶ BAR. Collection E. Messner. *Месснер Е. Э.* Указ. соч. Л. 307–308.

⁸⁷ Ibid. Л. 305.

⁸⁸ *Русский Корпус на Балканах*. Нью-Йорк, 1963. С. 39.

Необходимое исправление:

В статье К. М. Александрова «“Желаю лишь одного — принести пользу нашей возрождающейся в муках Родине”. Жизнь и судьба генерал-лейтенанта Н. Н. Головина» (Труды I Международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина. СПб., 2011) на с. 16 оказалась допущена ошибка в имени Великого князя, присутствовавшего на отпевании генерала Головина 13 января 1944 года. Речь идет о Великом князе не Георгии (1903–1938), а Гаврииле Константиновиче (1887–1955). Перепроверено по: Письмо от 14 янв. 1944 неизвестного автора (полковника С. А. Мацылева?) — Генерального штаба генерал-лейтенанту А. П. Архангельскому. Л. 1 // BAR. Collection ROVS. Box 20. Folder Correspondence 1943. Мы приносим читателям свои извинения.

А. А. Корнилов

Духовенство Русского Корпуса в лагере «перемещенных лиц» Келлерберг (Австрия), 1945–1950 годы

Австрийские лагеря «перемещенных лиц» располагались в различных уголках страны, бывшей до 1945 года частью гитлеровского рейха. Разумеется, церковная жизнь в части Австрии, занятой советскими войсками, не могла быть организована для русских беженцев. Речь идет об Австрии, занятой западными союзными войсками. Центром и в смысле епархиального, общеавстрийского, управления, и в смысле сосредоточения основных кадров священнослужителей и мирян-подвижников церковной жизни служил Зальцбург и его окрестности, лагеря Парш и Хельбрун. Однако вдали от этого центра своей бурной общественной и православной жизнью жили лагеря Келлерберг, Клагенфурт, Пеггец, Шпитталь, Сан-Мартин. Особое внимание может быть уделено судьбе русского меньшинства в особом английском лагере «Вольфсберг–373».

Лагерь Келлерберг, которому посвящено наше исследование, представлял собой десятки деревянных бараков, располагавшихся вдоль реки Драва с юго-запада на северо-восток. С одной стороны к лагерю подступали горы, а с другой тянулось шоссе Виллах — Шпитталь. За рекой вдоль берега проходила железная дорога Виллах — Шпитталь. Келлерберг находился в 17 км от Виллаха.

В этом лагере с октября 1945 года проживали военнослужащие Русского Корпуса, а также члены их семей. История Русского Корпуса началась 12 сентября 1941 года в Югославии. Инициатива его создания исходила из определенных кругов русской военной эмиграции, многие представители которой желали принять участие в войне против СССР, за освобождение России от сталинской власти. Немецкое

Корнилов Александр Алексеевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Русское Зарубежье» ФМО ННГУ (Нижегород).

военное командование в Югославии пошло навстречу эмигрантам, однако, испытывая давление национал-социалистической партии, ограничило деятельность Корпуса боевыми операциями против коммунистических партизан И. Б. Тито. Русский Корпус состоял из чинов Белых армий и их детей, в незначительной части — из привлеченных советских военнопленных, а также из добровольцев, набранных среди русского национального меньшинства Румынии. Повторим, горячий порыв белых воинов отправиться на Восточный фронт сражаться за Россию не нашел отклика у руководства нацистской Германии. Однако Русский Корпус успешно воевал против коммунистических военных формирований и в 1944 году участвовал в боестолкновениях с частями Красной армии на территории Югославии. 12 мая 1945 года части корпуса сдались на милость военного командования Великобритании, так как желали избежать советского плена¹.

30 октября 1945 года началась перевозка английскими машинами частей Корпуса из района Клайн-Сант-Файт и окрестных сел в лагерь Келлерберг. 1 ноября последний командир Корпуса полковник А. И. Рогожин издал приказ о прекращении существования Русского Корпуса: «Сегодня распоряжением Английского Командования, все чины Русского Корпуса, находящиеся в Келлерберге, переводятся на гражданское положение и образуют Русский Белый Лагерь, мною возглавляемый. <...> Русский Корпус, таким образом, прекращает свое существование. Да поможет всем нам Господь претерпеть до конца и увидеть нашу Родину — Россию освобожденной от красного ига и снова защитницей свободы и мира во всем мире»².

Лагерь ко времени прибытия в него чинов Корпуса был совершенно не приспособлен для проживания. Осень 1945 года и зима 1945/46 года стали особенно тяжелыми (голод, бытовая неустроенность) для жителей Келлерберга, особенно если учитывать недоброжелательное отношение к ним английского военного персонала³. Стоит ли говорить, насколько необходима была в таких условиях Церковь с ее благостными, умиротворяющими, укрепляющими душу богослужениями, с поддерживающим словом пастыря, с — и это главное — Животворящими Христовыми Тайнами!

Русский Корпус все дни своего существования жил молитвами своего духовенства. Хроника корпусных назначений 1941–1945 годов сообщает нам конкретные данные о служивших военных священниках:

1941 год

26 сентября — корпусным священником назначен протоиерей Иоанн Гандурин, полковым священником — иеромонах Антоний (Медведев).

29 октября — полковым священником 2-го полка назначен о. Владимир Ульянов.

1942 год

23 января — полковым священником 3-го полка назначен протоиерей Борис Молчанов.

5 февраля — священником Запасного батальона назначен иеромонах Никон (Рклицкий).

1944 год

23 января — полковым священником 4-го полка назначен о. Никодим (Нагаев).
31 марта — полковым священником 1-го полка назначен о. Григорий Баранников.
4 августа — полковым священником 2-го полка назначен о. Владимир Могилёв.
22 сентября — вторым священником 4-го полка назначен иеромонах Викторин (Лябах).

1945 год

1 января — корпусным священником назначен игумен Никон (Рклицкий).
26 мая — исполняющим дела корпусного священника с исполнением обязанностей полкового священника 5-го полка назначен о. Борис Молчанов⁴.

Таков был менявшийся состав корпусного духовенства. Н. Н. Протопопов, автор статьи «Полковые священники Русского Корпуса»⁵, отмечал, что духовное окормление Корпуса, как и формирование последнего, благословил Первоиерарх Русской Православной Зарубежной Церкви (РПЦЗ) митрополит Анастасий (Грибановский). Он сам нередко посещал расположение частей Корпуса, совершал богослужения, прибывал к военнослужащим с чудотворной иконой Божией Матери Курской-Коренной — Одигитрией Русского Зарубежья⁶. Все священники часто рисковали жизнью, окормляя чинов Корпуса. Так, во время боев за Чачак в октябре 1944 года игумен Никон получил ранение, а находившийся при нем иеродиакон Вассиан был убит⁷.

Окончилась Вторая мировая война. С мая по ноябрь 1945 года командир Корпуса вел отчаянную борьбу на переговорах с британским военным командованием, пытаясь спасти личный состав от выдачи в Советский Союз. На этом этапе, «до Келлербергского сидения», состав духовенства изменился. Игумен Никодим (Нагаев) принял участие в строительстве монастыря во имя св. прп. Иова Почаевского под Мюнхеном. Игумен Никон (Рклицкий) присоединился к Братству св. Иова и выехал в Швейцарию, а затем в США. Иеромонах Антоний (Медведев) еще осенью 1944 года получил послушание по окормлению военнослужащих войск Комитета освобождения народов России (КОНР)⁸. Кто же из священников остался с корпусниками и проследовал затем в Келлерберг?

Георгий Григорьевич Вербицкий, зарубежный исследователь судьбы «восточных рабочих», живший после войны в Келлерберге, называет пятерых священнослужителей, служивших в Корпусе: о. Бориса Молчанова, о. Владимира Могилёва, о. Антония (Медведева), о. Викторина (Лябаха) и о. Никона (Рклицкого) — и добавляет, что о. Викторин абсолютно точно служил в лагере Келлерберг. Именно в лагере

Г. Г. Вербицкий и познакомился с о. Викторином⁹. Однако мы уже знаем, что с корпусниками не было о. Никона и о. Антония.

Полковник А. И. Рогожин в своих мемуарах уделил особое внимание организации церковной жизни в очень тяжелый — в материальном и морально-психологическом отношении — период для всех корпусников и членов их семей.

«Я не могу вспомнить без душевного волнения, как бойцы Русского Корпуса стремились создать свои походные храмы в тех необыкновенно трудных условиях. Стремление это было стихийным. Все полки, по своему почину, создали свои церкви. На выбранном красивом месте в своем районе воздвигался алтарь, самого храма не создавали — молились под открытым небом. Материалом для постройки служили, главным образом, ветви, но все было создано с таким вкусом и так много любви вкладывалось в это дело, что получалось красиво и оригинально. Часть церковного имущества полки привезли с собой в обозах, недостающую утварь быстро изготовили на месте в полках искусные мастера из консервных банок, дерева и т. п. Писались прекрасные иконы талантливыми иконописцами, используя для этого мешки, получаемые от интендантства. Таким образом, в расположении Корпуса было построено всего пять церквей, где регулярно совершались богослужения, умилявшие наши души и успокаивавшие наши смятенные сердца, наполняя их надеждой и верой в лучшее будущее.

Устраивавшиеся инициативой старшего корпусного священника, о. протоиерея Бориса Молчанова, общие богослужения, на которые собирались все полки Корпуса, оставили неизгладимые впечатления. Одно было в праздник Отдания Св. Пасхи [1945. — *А. К.*], а другое — на первый день Св. Троицы. Недалеко от Штаба Корпуса, в сосновом лесу, устраивался временный алтарь, где “соборне” служили все священники Литургию. Первый раз шел почти непрерывный дождь, который сильно омрачил это торжественное богослужение. Но на Св. Троицу погода была дивная, в лесу царила особая тишина, блики яркого солнца пробивались через гущу ветвей и необыкновенно красочно падали и переливались на ризах девяти священников [девяти священников! — *А. К.*]. По обеим сторонам импровизированного алтаря расположились хоры 1-го и 5-го полков; их проникновенному пению как бы вторило пение птиц. Дым от ладана медленно струился прямо к небу. Торжественная Литургия закончилась коленопреклоненной молитвой тысячи белых воинов, уцелевших в огне сражений и теперь томящихся в плену. Пути Господни неисповедимы, но мы чувствовали тогда Его ближе во время этого чудного и незабвенного богослужения на 1-й день Св. Троицы»¹⁰.

Русский воин всегда любил храм и старался украшать его. О боголюбивых традициях русской армии написано немало. Белые воины из Русского Корпуса не изменили им и сделали все, чтобы в условиях английского плена устроить душевный мир, угодить Творцу небес и земли, умолить Его о своем спасении. В буквальном смысле слова брошенные английскими оккупационными властями под открытым небом солдаты и офицеры корпусники быстро обустроили полковые лагеря,

состоявшие из палаток, землянок и шалашей. Питаясь мясом артиллерийских и обозных лошадей, корпусники создали под открытым небом алтари полковых церквей. В этой связи подпоручик А. А. Навроцкий¹¹ вспоминал:

«Как теперь вижу алтарь 1-го полка, представлявший собой миниатюру русского православного храма, с множеством куполов, сделанных из жести консервных банок, в изобилии валявшихся на местах стоянок английских войск, и алтарь 4-го полка — из нежных, девственных свежих стволов белых березок, перевитых гирляндами из листвы и хвои, сооруженный на маленькой полянке старого соснового леса, закрывшего ее, как куполом, вершинами своих гигантов. Перед этими алтарями мы выстраивались в предпраздничные дни, все, до предела возможного подтянутые, в тщательно вычищенном и подштопанном обмундировании, в чисто выстиранных рубашках, в часто разбитых, но зато до зеркального блеска начищенных сапогах. Полковые священники, перенесшие вместе с нами все тяготы боевой жизни, служили всенощные и литургии, которые, казалось, имели особый смысл в обстановке нашего ожидания приговора судьбы. Здесь, подпевая полковым хорам, мы молились, как умели, о спасении России, о наших близких и о нашей собственной судьбе»¹².

Таким образом, полковник Рогожин называет общее количество священников — девять, упоминает имя старшего корпусного священника о. Бориса Молчанова. Священник Владимир Ульянов, по утверждению А. Нивьера, также служил в Келлерберге на должности помощника настоятеля, причем только в 1945–1946 годах. Н. Н. Протопопов писал, что протоиерей Владимир «после войны с семьей уехал в Чили, где в Сантьяго окормлял Казанский приход до переезда на жительство в США. Был награжден митрой и, будучи уже на покое, скончался в Панаме в сентябре 1981 г.[ода]»¹³. Неясно, служил ли о. Владимир Могилёв в лагере Келлерберг. Нивьер сообщает, что о. Владимир избежал репатриации в СССР и служил в лагере «ди-пи». Овдовев, он принял монашеский постриг с именем Афанасий, служил в Святой Земле, Австралии, Египте и Бейруте (Ливан), на Святой Земле в Иерусалиме. Скончался в 1964 году¹⁴.

А. А. Навроцкий в неопубликованной рукописи называет имя еще одного священника, служившего в Келлерберге, протоиерея Григория Баранникова — настоятеля лагерной церкви, освященной в честь св. блг. кн. Александра Невского¹⁵. Русский Корпус был создан 12 сентября 1941 года, в день перенесения мощей св. Александра Невского, и с этого времени святой князь стал небесным покровителем белого русского воинства в Югославии. «Православная Русь» также сообщает, что в Келлерберге служил протоиерей Георгий Трунов. Он спасся от выдачи англичанами в СССР и настоятельствовал на церковных приходах в Клагенфурте, Юденбурге и Граце, расположенных неподалеку от Келлерберга¹⁶.

По совокупности всех имеющихся в нашем распоряжении данных, состав клира церкви во имя св. блг. кн. Александра Невского в лагере Келлерберг ныне представляется следующим:

1. Протоиерей Борис Молчанов, старший корпусной священник, настоятель церкви в 1945 году. В 1946 году он уже служил настоятелем церкви в Фельдкирхе, а в 1949 году — в Зальцбурге и лагере Парш.
2. Протоиерей Григорий Баранников, настоятель лагерной церкви, очевидно с 1946 года. По свидетельству епископа Митрофана (Зноско-Боровского), о. Григорий в ноябре 1950 года приехал в Марокко на должность настоятеля прихода в Рабате.
3. Иеромонах Викторин Лябах. Он служил в Корпусе, был с корпусниками в лагере Келлерберг с 1945 по 1949 год. В 1949 году выехал в США.
4. Протоиерей Георгий Трунов. Служил в лагере с 1945 по 1949 год (или только в 1945?). В 1949 году уехал в Сан-Паулу (Бразилия).
5. Протоиерей Владимир Ульянов. Служил в лагере с 1945 по 1946 год. В 1949 году выехал в Чили.

Этот список, вероятно, может быть дополнен. В клире могли состоять священники, не бывшие полковыми батюшками в Русском Корпусе, но попавшие в Келлерберг с потоком беженцев, устремившихся на Запад, подальше от советских репатриационных комиссий.

Благодаря воспоминаниям подпоручика А. А. Навроцкого, мы можем «нарисовать» облик или образ настоятеля лагерного храма о. Григория Баранникова.

«Внешность батюшки очень располагающая. Он высок ростом, носит большую седую бороду и усы, которые вместе с седыми волосами создают впечатление, что у него несколько крупное лицо. Из-под седых бровей смотрят живые и веселые глаза. В частной жизни он любит пошутить и вспомнить время своего пребывания в духовном училище, изобилующее невинными, но живыми эпизодами молодости. В церковной жизни о. Григорий строг и неумолим. В церкви он бывает всегда, часто пренебрегая и усталостью и нездоровьем. Служит он значительно и проникновенно, с ярко выраженными чувствами веры и любви. Благодаря его исключительной музыкальности и красивому басу, стелющему бархатом высоких баритонных нот, все его службы носят особенно приятный характер.

В общественной жизни отец Григорий принимает самое деятельное участие. Он преподает Закон Божий в основной школе и гимназии, учит детей церковному песнопению, проводит духовные беседы, в которых разъясняет смысл и значение святых таинств и православных обрядов, а также знакомит лагерную публику с характером христианского подвига, устраивая чтения жития святых. Эти чтения, сопровождаемые всегда пением хора, декламацией, сольными

музыкальными выступлениями, а в последнее время самодельным волшебным фонарем, иллюстрирующим доклад соответствующими картинами, очень охотно посещаются келлербергцами»¹⁷.

Служение о. Григория наполняло попечение о духовной жизни белых воинов, он исполнил свой пастырский долг до конца и в ноябре 1950 года прибыл с матушкой в Марокко, чтобы окормлять многочисленных русских беженцев, представлявших послереволюционную и послевоенную эмиграцию. В материалах корпусников сохранился удивительный документ — фрагмент дневника настоятеля церкви в Келлерберге. Дошедшие до нас записи раскрывают внутренний мир и неисчерпаемую любовь о. Григория ко Христу и Дому Пречистой Его Матери — Святой Руси. Перед нами — страдания, переживание и любовь русского православного человека, священника-изгнанника. Его слова — исповедь перед Господом, это вопль покаяния и непрестанная любовь, та любовь, о которой говорил Христос: «Заповедь новую даю вам: да любите друг друга» (Ин. 13:34).

Хронологически размышления о. Григория относятся к пасхальным дням 1942 года.

«Будет ли святая Русь?» Господи, она есть — сокровенно, в избранных душах отдельных русских людей. Она возсияет явленно и в нас, когда Ты, по молитвам о нас Твоих святых, привлечешь нас к Себе и укрепишь Своими благодатными силами наши немощные души и сердца.

Господи, так хочу, чтобы русский народ, и я с ним, не увлекся вождением земного царства, которое ему теперь непрестанно внушается, и не принял бы духа антихриста!

Да воцарится святая Русь во всем русском народе!

Господи, знаем, что Ты не желаешь употребить ни малейшего усилия над волей нашей, чтобы привлечь нас к Себе. Нужен нам личный молитвенный подвиг, прежде всего, пастырский подвиг, чтобы привлечь к народу — к самим себе — Твою спасительную и преображающую благодать! — Взывать и взывать за себя и за весь родной народ: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Твоя Пречистыя Матери, помилуй нас грешных!” Что нужно еще делать для сокращения сроков прихода и расширения Царства Святой Руси — научит сама эта молитва, Ты Сам, Христе, через нее. Я верю в это!

Так чего же мне еще желать? Одного: Ангеле-хранителю, научи меня вместе с моими духовными чадами вопить к Господу Христу от всего сердца и днем и ночью: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных!”¹⁸

Можно ли не любить такого батюшку? Разве можно не слушать проповедь такого пастыря? Разве можно называть его «предателем Родины», «изменником», а ведь именно так называли в средствах советской пропаганды русских людей, сражавшихся против коммунистического режима или решивших остаться на Западе?

Добрые отзывы заслужил о. Григорий и в Марокко. Епископ Митрофан (Зноско-Боровский), бывший в 1950 году в сане митрофорного протоиерея настоятелем Русской Православной Общины в этой стране, нашел в лице протоиерея Григория Баранникова «помощника», «пастыря духовно глубокого, человека с живой совестью, добрейшего и тишайшего»¹⁹, который принял активное участие в становлении и стабилизации приходской жизни в Рабате. Протоиерей Григорий скончался 10(23) сентября 1960 года. На отпевание, которое совершал греческий священник, съехалось множество русских марокканцев. Гроб утопал в цветах. Были венки от всех русских приходов в Марокко. В некрологе об о. Григории говорилось: «Кроткий и незлобивый, всех он сумел объединить вокруг Церкви и никого не осудил и не обидел»²⁰.

«Каков поп, таков и приход», — говорит русский человек. В тяжелых материальных и бытовых условиях о. Григорий своей горячей молитвой и добрым, утешительным словом изменял отношение к жизни белых воинов. Преображались русские келлербержцы, преображалась, украшалась и лагерная церковь.

По свидетельству А. А. Навроцкого, церковь была создана в бараке, к которому обитатели лагеря пристроили паперть и притвор. На крыше соорудили башенки-колокольни, увенчанные куполами-«луковками» и православными крестами на них. В столярной мастерской корпусники изготовили раму для будущего алтаря, которую затем забили картоном, и таким образом получилась стена. На самодельном токарном станке сделали обрамление для икон; люстры и лампы изготовили из картона и жести. Крышу барака, «свод» храма, выкрасили в голубой цвет, а барачные столбы искусно обили досками и картоном и придали им вид колонн. «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно» (Мф. 17:20) — и солдаты Русского Корпуса из блестящей жести банок сделали сияние для образов и многие украшения. Были с любовью написаны большие иконы Христа Спасителя, Богородицы, св. Николая Чудотворца, св. Александра Невского, св. Иоанна Крестителя, Тайная Вечеря и другие лики. С внешней стороны притвора прихожане подвесили кусок железнодорожного рельса, кислородный баллон, обломок якоря или багра и большой колокольчик. Все перечисленные предметы подбирались в порядке музыкальных тонов, составив Келлербергскую колокольню. «В долгие моменты церковной службы, — вдохновенно писал А. А. Навроцкий, — церковный сторож, вооруженный двумя кусками арматурного железа, поднимал трезвон, напоминающий молящимся тот, который на родине так умилял человеческую душу, разносясь вокруг зеленых полей русских деревень и станиц и тая умирающими отзвуками в беспредельной синеве небесного океана»²¹.

В церкви св. блг. кн. Александра Невского пел хор, состоявший из певчих, исключительно преданных своему делу. Вначале на клиросе

пели чины Корпуса, а затем, по мере отъезда их в другие лагеря и зарубежные страны, их стала заменять учащаяся и неучащаяся молодежь. Регентское послушание нес уроженец Кубани Пётр Петрович Кошель. Глубоко верующий человек, он не унывал по поводу отъезда хористов и как-то заявил: «Ну что ж, пускай едут, если нас останется два человека, мы и тогда петь будем». Свое регентство П. П. Кошель совмещал с обучением детей игре на скрипке. Благолепие и порядок в храме поддерживало церковное сестричество. При поддержке о. Григория сестричество активно занималось благотворительностью: посещало больных, помогало самым бедным жителям лагеря и материально, и морально. С этой целью использовались многочисленные посылки, приходившие на имя полковника А. И. Рогожина и о. Григория от русских, проживавших в США²².

Большое значение лагерной церкви особенно чувствовалась в дни православных праздников. До настоящего времени сохранились три свидетельства о праздниках в лагере Келлерберг. Один праздник связывался с приездом в лагерь чудотворной иконы Божией Матери Курская-Коренная, другой — со Светлым Христовым Воскресением, а третий — с Рождеством Христовым.

Посещение русских беженцев иконой Богоматери Курской-Коренной в 1945–1951 годах стало традицией и, можно сказать, обязательным днем в календаре церковной жизни лагерей «перемещенных лиц». Обычно такие объезды лагерей совершал Высокопреосвященнейший митрополит Анастасий. Приезд иконы всегда приносил необычайную радость и вызывал молитвенный восторг у жителей русских лагерей. И это вполне объяснимо. Среди беженской массы традиционно преобладают вначале чувства оставленности, покинутости, брошенности, ненужности родине и местным властям. Развивались опасные чувства уныния, переходившие в отчаяние. Поэтому, когда к людям, переставшим надеяться «на князи и на сыны человеческия, в них же несть спасения», приезжала Царица Небесная, беженцев охватывал душевный восторг, радость не от мира сего. Скитальцев посещал чудотворный образ, ставший для всего русского народа «Необоримой стеной и источником чудес», а для русской эмиграции — Одигитрией, Путеводительницей²³.

Печатный орган Архиерейского Синода РПЦЗ «Церковная жизнь», выходявший в Мюнхене, запечатлел приезд владыки Анастасия с чудотворной иконой в Келлерберг 7(20) мая 1950 года.

«Сладко забилось сердце от сознания, что Пречистая не покидает нас, — сообщали белые воины и другие русские жители Келлерберга. — Не лишает Своей милости, что Ея приход к нам дарует Державной Покров для стойкого и благополучного перенесения выпавших на нашу долю невзгод, от предвкусения

чести и радости молитвенного общения со всеми глубоко чтимым и горячо любимым маститым Первоиерархом Русской Зарубежной Церкви, но невольно вкрадывалась и тревога за то, что какие-либо непреодолимые препятствия помешают Владыке Митрополиту осуществить свое намерение. Лагерь стал любовно готовиться к достойной встрече. Всем хотелось в рамках наших скромных возможностей дать все лучшее, все, что исходило бы из глубины русского сердца. У всех на устах были вопросы: «Правда, что прибудет? Сколько времени сможет Владыка уделить нашему лагерю?» Ведь хочется показать нашему высокому гостю наши духовные достижения; хочется, чтобы Владычица, хотя бы минутным пребыванием Ея образа, благословила бы жилище каждого из нас; хочется дать возможность всем нашим больным и страждущим поклониться Ей и получить исцеление»²⁴.

Посетив лагерь Праги и Виллах, митрополит Анастасий, сопровождаемый протоиереем Георгием Граббе, с иконой прибыл в лагерь Келлерберг. У парадной арки русского участка лагеря²⁵ владыку встретил крестный ход, участником которого было лагерное и соседнее духовенство, которое возглавлял архиепископ Стефан (Севбо). Крестный ход направился в уютный, парадно украшенный храм. Путь шествия был устлан цветами, которые бросали малыши детского сада, учащаяся молодежь и жители лагеря. В храме св. икону возложили на аналой, упавший в массу живых цветов. Так русские келлербержцы встречали «Корень девства и Неувядаемый цвет чистоты». Был отслужен краткий молебен и произнесены приветствия и многая лета. Сразу же после встречи началось обхождение барачков. О. Георгий в сопровождении лагерного духовенства при пении тропаря начал обносить чудотворный образ по лагерному лазарету и барачкам, осеняя им каждую кабинку и ее жителей.

В 7 часов вечера началось всенощное бдение с литией, которое необычайно торжественно совершили митрополит Анастасий и архиепископ Стефан с сонмом лагерного и прибывшего духовенства. Храм св. Александра Невского и площадка перед ним были полны народа. Бдение окончилось в одиннадцатом часу, после чего лагерное духовенство продолжало обход барачков. До часа ночи чудотворную икону обносили по барачкам. При этом в каждой кабинке («комнатке») горела свеча. Прием оказался настолько теплым, что, как только закончился обход, в храме начались молебные пения — многие жители лагеря, несмотря на глубокую ночь, стояли в храме и молились Царице Небесной. Утром смолкли последние песнопения на молебне, как тут же духовенство начало чтение акафиста иконе Курской-Коренной. Славословия Божией Матери, таким образом, не прекращались до самого начала Литургии.

В 9 часов утра в лагерный храм прибыл митрополит Анастасий. Молящиеся переполняли храм. В своей литургической проповеди владыка митрополит, как беженец прекрасно понимавший чувства лагерных

жителей, указал, что «Небесной Матери особенно милы те, кто жертвенно отдал себя на борьбу для защиты попираемой нечестивыми правды Божией и исторических заветов Святой Руси». Чины Русского Корпуса жадно внимали словам владыки. Они понимали, что не зря проливали кровь, что и о них печется Пресвятая Богородица — Необоримая Стена. После короткого отдыха состоялась трапеза, а уже в 3 часа чудотворная икона в сопровождении о. Георгия Граббе и других назначенных лиц проследовала в лагерь Сан-Мартин близ Виллаха и «Д» в Клагенфурте²⁶.

На этом торжество в Келлерберге не закончилось. В лагерном театре архипастырям и гостям была предложена духовно-патриотическая программа, в которой приняли участие лагерный хор, струнный оркестр и учащаяся молодежь. Как сообщалось, программа завершилась «глубоко патриотическим и художественно исполненным апофеозом, мистически рисующим грядущее воскрешение Святой Руси». По окончании программы жители Келлерберга тепло проводили Первоиерарха РПЦЗ²⁷. Праздник оставил глубокое впечатление в душах жителей Белого Келлерберга.

Великим праздником для келлербержцев была Пасха — день, когда Церковь призывает возрадоваться и возвеселиться, ибо воскрес Христос и упразднил смерть. Пасху в Келлерберге описал в своих мемуарах А. А. Навроцкий.

Весь русский Келлерберг собирался накануне Пасхи в церкви. На церковной «площади» расставлялись столы, на которые, несмотря на нищету и скудость средств, приносили множество куличей и крашеных яиц. Прихожане и духовенство одевались во все лучшее. Под мерные звуки стихир «Воскресение Твое, Христос Спасе, Ангели поют на небесах» начинался крестный ход. Старики лагеря, наиболее почтенные и уважаемые ветераны брали и несли хоругви и крест. Полковник Рогожин нес икону Воскресения Христова. Вдоль движения крестного хода, на земле, ярко горели факелы и смоляные плашки. Настоятель о. Григорий, завершив круг обхождения, входил на паперть в восклицал «Христос Воскресе!», поднимая высоко крест, перевитый цветами. «Воистину Воскресе!» — дружно отвечали корпусники и все русские жители лагеря. Радостно и весело звучал затем тропарь «Христос воскрес из мертвых». Молящиеся обнимались, целовали троекратно друг друга, выражая непередаваемое веселье²⁸. У них отняли право жить в доброй православной России, у них отняли оружие, с которым бойцы пытались освободить Отечество. У них отобрали право нормальной обеспеченной жизни и интернировали в лагерь как военнопленных. У них неясная судьба и туманное будущее. Но никто никогда и ни в какой стране не отнимет Пасху — это чувство причастности к Воскресению Спасителя, зовущего с Собой всех верных Ему. И это чувство оказывалось сильнее

и дороже всех на свете, ибо оно давало силы жить, растить семью, искать новую страну проживания и устраивать там русский образ жизни.

«Как-то по-иному выглядит мир и кажется лучше, чище и возвышеннее, — делился пасхальными ощущениями А. А. Навроцкий. — Все огорчения, возникающие из окружающей нас несправедливости, ступеваются до размера житейских мелочей, и так приятно сознавать себя христианином и русским — русским той тысячелетней России, которая возвышалась над миром величием подвига веры и чувством бескорыстной любви»²⁹.

Столь же торжественно отмечалось в Келлерберге Рождество Христово. Вечером в Рождественский Сочельник огромная ель, растущая между церковью св. Александра и домиком полковника А. И. Рогожина, зажигалась сотней электрических ламп. Одновременно загорался электрическим светом церковный крест. Вновь церковь, которая украшена искусственными цветами и гирляндами из еловых веток, переполнена молящимися. «Молящихся так много, — вспоминал А. А. Навроцкий, — что нельзя переступить с ноги на ногу без того, чтобы невольно не толкнуть соседа. Здесь собралась ныне гонимая Православная Русь: свободная в исповедании веры своих прославленных предков частичка Русского народа; те, кто ценой зарубежного скитания [вдумайтесь в эти слова, читатель. — А. К.] приобрели возможность открыто стоять на историческом русском пути, будучи незримо связанными узами веры со своими многочисленными братьями по духу и крови, живущими на родной земле»³⁰. После торжественного богослужения все расходились по баракам, чтобы за трапезой, очень скромной, небогатой, отметить великий праздник. В это же время по домам уже ходила и колядовала детвора детского сада и школы с большой рождественской звездой. Дети, которые никогда не видели Россию, которые родились до войны в эмиграции или в годы войны, уже твердо знали со слов батюшки о. Григория, что Россия — большая, морозная и снежная, покрыта тысячами церквей, в которых до страшной революции славил Бога русский народ.

«Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума», — оглушительно пел по баракам хор детей, не замечавших «взрослых трудностей», но доверчиво принявших в сердце Рожденного Богомладенца. «Почему так радостно, так светло на душе? — размышлял в эти дни Навроцкий. — Не потому ли, что, несмотря на многолетние мытарства только что прекратившейся войны, поражение немцев, крушение наших надежд на скорое возрождение России, плен и, наконец, существование в полуштрафном лагере, мы сумели сберечь в наших душах, чудные по содержанию и седые по времени, русские церковные и народные обычаи, дающие нам возможность близко чувствовать нашу незабвенную Родину»³¹.

В праздничные дни духовно расположенные келлербержцы особенно чувствовали, что с ними Святая Русь, а они — не только жители лагеря «ди-пи», но и частичка дорогой, далекой России, что они не оставлены, не брошены, что церковь св. Александра Невского — видимый образ Церкви Христовой, в которой все они едины с бесчисленным сонмом русских святых, молящихся у Престола Всевышнего.

Материалы А. А. Навроцкого о церковной жизни позволяют поставить один важный вопрос. Почему автор воспоминаний все время называет среди духовенства только настоятеля лагерной церкви? Другие источники свидетельствуют, что в лагере служили, по крайней мере, еще три священника. В какой период времени точно они служили, мы пока затрудняемся ответить.

Выскажем предположение, что с 1945 по 1949 год в Келлерберге служил иеромонах Викторин (Лябах). Как мы уже отмечали ранее, о. Викторин был вторым священником 4-го полка Русского Корпуса. Его биография — биография эмигранта-священнослужителя. Он родился 29 марта 1922 года в Субботице, в Королевстве СХС. Начал окормлять чинов Корпуса в возрасте всего 22 лет. В 1949 году, по утверждению историка Русского Зарубежья Р. В. Полчанинова, о. Викторин переехал в США, то есть за два года до расформирования лагеря Келлерберг. Митрополит Анастасий назначил о. Викторина заведовать хозяйством монастырского подворья и летней митрополичьей резиденцией в Магопаке (штат Нью-Йорк). Через некоторое время Архиерейский Синод назначил архимандрита Викторина настоятелем прихода РПЦЗ в Тегеране (церковь в Тегеране освящена в честь святителя Николая). Одновременно настоятель представлял интересы Толстовского фонда в Иране. В Тегеранском университете о. Викторин получил должность профессора и читал лекции на теологическом факультете. В 1968 году удостоился степени почетного доктора и золотой медали от Тегеранского университета.

Архимандрит Викторин пользовался любовью и уважением прихожан в Келлерберге, США и Тегеране. Он много лет участвовал в российском скаутском движении и в деятельности Организации российских юных разведчиков (ОРЮР). В Иране у о. Викторина врачи обнаружили диабет. Он вернулся в США и некоторое время служил настоятелем храма прп. Сергия Радонежского в Толстовском центре. Скончался 22 марта 1986 года, не дожив нескольких дней до своих 64 лет³². 22 марта Православная Церковь чтит память 40 мучеников Севастийских, и кончина архимандрита в этот знаменательный день Великого Поста, может быть, указывает, каким добрым пастырем стал бывший священник лагеря Келлерберг.

Последним из известных нам священников лагеря назовем о. Георгия Трунова. Мы не находим его имени в списках назначений полковым

священником Русского Корпуса. Однако о. Георгий все же был настоящим военным священником еще до приезда в Келлерберг.

Отец Георгий родился 20 апреля (3 марта) 1888 года в Курске. Участвовал в Великой войне, затем — в Белом движении на Юге России, в 1920 году эмигрировал в Королевство СХС. В 1929 году окончил богословские курсы в Белграде и в праздник Рождества Богородицы 8(21) сентября 1930 года был рукоположен в сан диакона, а на следующий день — в сан иерея. Обе хиротонии совершил митрополит Антоний (Храповицкий), председатель Архиерейского Синода и Первоиерарх РПЦЗ. Служил на разных приходах в Югославии. Одним из достижений о. Георгия стала постройка каменного храма в честь Вознесения Господня в селе Баница. В 1944 году в условиях постоянных нападений на село титовских партизан о. Георгий бежал в Австрию, в Вену, где находились вербовочные центры антисоветских казачьих войск. Там он получил назначение военным священником 2-го Сибирского казачьего полка 1-й казачьей кавалерийской дивизии Вермахта (позднее — XV казачий кавалерийский корпус) генерал-майора Х. фон Паннвица. После войны сумел избежать выдачи в советскую оккупационную зону Австрии. Английские оккупационные власти интернировали о. Георгия в Келлерберг. Известно, что иерей Георгий неустанно окормлял русских беженцев за пределами Келлерберга, миссионерствовал и основал церкви в лагерях Клагенфурта, Юденбурга и Граца.

Епархиальное начальство высоко оценило труды о. Георгия. Архиепископ Стефан в 1946 году наградил иерея скуфией, а позднее — правом ношения камлавки. В 1947 году о. Георгий был награжден золотым наперсным крестом, а в 1948 году возведен в сан протоиерея. В 1949 году он прибыл в Сан-Паулу (Бразилия) и основал церковь Воскресения Христова на вилле Анастасио. В 1962–1985 годах служил настоятелем прихода Святой Троицы на вилле Альпина. В 1964 году Архиерейским Синодом РПЦЗ награжден митрой, а в 1980 году высшей наградой — возведен в сан протопресвитера, в связи с 50-летием священнослужения³³. Кончина о. Георгия так же, как и другого келлербергского священника о. Викторина, произошла в знаменательный день. Протопресвитер Георгий, по происхождению курянин, скончался 27 ноября (10 декабря) 1985 года в день Курской иконы Божьей Матери.

Белый Русский лагерь Келлерберг был ликвидирован зимой 1951/52 года. 30 января 1952 года последняя группа обитателей покинула лагерь. Все имущество, в том числе лагерную церковь, эмигранты перенесли в лагерь Сан-Мартин. 1 декабря 1951 года из Келлерберга выехал полковник А. И. Рогожин. За ним и до него жители Келлерберга уезжали в разные страны. Обо всем этом писал в «Православной Руси» архиепископ Венский и Австрийский Стефан³⁴. В таком случае

возникает закономерный вопрос: кто из священства окормлял жителей лагеря Келлерберг после отъезда протоиерея Григория Баранникова в Марокко осенью 1950 года? Возможно, это были приезжие священники из Клагенфурта или из лагеря Сан-Мартин либо владыка Стефан назначил кого-то из духовенства для Келлерберга. Может быть, это был один из полковых священников Русского Корпуса.

История лагеря Келлерберг представляет собой яркий пример православной жизни «перемещенных лиц». Белый лагерь Келлерберг, изначально бывший лагерем военнослужащих, находившихся в британском плену, располагался на удалении от городских центров и ближе к границе с коммунистической Югославией, власти которой безуспешно требовали экстрадиции чинов Русского Корпуса. Так выглядели внешние «фоновые» обстоятельства и условия.

В основе православной жизни келлербержцев лежала миссионерская и пастырская деятельность энергичных и талантливых священников Русской Православной Церкви Заграницей. В 1945–1949 годах состав духовенства сохранял переменный характер. В Келлерберге вначале служил о. Борис Молчанов, затем — о. Григорий Баранников в сослужении с другими клириками. С 1949 года начался массовый отъезд «перемещенных лиц» из Австрии, преимущественно за океан, в страны Западного полушария. Эмигрировало и духовенство.

Духовная жизнь в Келлерберге принесла добрые плоды. Сердечные, добрые отношения духовенства и паствы сохранялись еще долгие годы, даже если их разделяли государственные границы и континенты. Такие священнослужители лагеря Келлерберг, как о. Борис Молчанов, о. Георгий Трунов, удостоились самых высоких наград от Архиерейского Синода РПЦЗ и сохранили память о себе в сердцах сотен русских эмигрантов. Русская эмиграция в Канаде, США, странах Южной Америки обогатилась интеллектуально и духовно, окрепла и выросла благодаря приезду «перемещенных лиц» из Австрии, чьим основным капиталом были не банковские счета и рояли (таковых, наверное, просто не существовало), а православный образ жизни, опыт организации русской общины и «багаж» конструктивных идей. В лагерях Австрии так же, как и в лагерях «перемещенных лиц» в Западной Германии сохранился действительный православный образ жизни, обеспечивший развитие и процветание русских эмигрантских общин послевоенного периода во всех странах рассеяния.

У нас нет стремления идеализировать русских беженцев: все они были люди грешные, имели человеческие слабости. «Всяк человек ложь, и мы тож». Однако, пройдя ужасы войны, наши соотечественники не потеряли главного — живую веру в Живого Бога. Находясь на чужбине, они тем прославили Бога, что построили храм и воссоздали

микромир исторической России — христианской, боголюбивой, милой, добросердечной. Русские изгнанники надеялись вернуться в Отечество и созидать новую жизнь на христианских началах. Все усилия лагерников питала надежда на возвращение. Однако этому не суждено было сбыться. И все же труды духовенства и мирян имели свои драгоценные плоды: до конца своих дней, в еще более далеких от России странах, они продолжали петь «песнь Господню на земли чуждей», подавая нам, потомкам, светлый и благочестивый пример для подражания.

Примечания:

¹ История Русского Корпуса изложена в двух объемных сборниках: Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–1945 гг. Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников / Под ред. Д. П. Вертепова. Нью-Йорк, 1963; Русский Корпус на Балканах (1941–1945). Сб. воспоминаний и документов / Под ред. Н. Н. Протопопова, И. Б. Иванова. Сб. второй. СПб., 1999.

² Цит. по: Приказ Русскому Корпусу № 129. 1 нояб. 1945. Лагерь Келлерберг (Австрия) // Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны. Указ. соч. С. 401.

³ *Полянский А. Н.* Начало и конец Келлерберга // Русский Корпус. Сб. второй. Указ. соч. С. 369–371; *Рогожин А. И.* Послесловие к очерку «Последние дни Корпуса» // Там же. С. 381–384.

⁴ Сост. по: Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны. Указ. соч. С. 39, 40, 77, 142, 143, 144, 279, 280.

⁵ В Русском Корпусе произведен в подпоручики. Активный деятель Союза чинов Русского Корпуса (СчРК), многолетний редактор журнала СчРК «Наши Вести» и редактор второго сборника, посвященного истории Корпуса и опубликованного в 1999 в Санкт-Петербурге. Атаман Терского казачьего войска в Зарубежье в чине хорунжего. Скончался на праздник Рождества Христова 7 янв. 1998 в Санта Роза (Калифорния). Похоронен на Сербском кладбище в Сан-Франциско.

⁶ *Протопопов Н. Н.* Полковые священники Русского Корпуса // Наши Вести (Санта-Роза). 1995. № 438. С. 11.

⁷ Там же.

⁸ Русский Корпус. Сб. второй. Указ. соч. С. 390, 419, 420; Письмо от 8 дек. 1997 Н. Н. Протопопова — автору.

⁹ Письмо от 15 дек. 2001 Г. Г. Вербицкого — автору.

¹⁰ Цит. по: *Рогожин А. И.* Последние дни Корпуса // Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны. Указ. соч. С. 380–381; Десять лет назад. Из воспоминаний полк. Рогожина «Наши Вести» // Православная Русь (Джорданвилл). 1956. № 9. С. 10.

¹¹ Навроцкий Александр Аврамович служил в разных частях Корпуса. По окончании войны находился в лагере Келлерберг, где был редактором бюллетеня «Наши Вести». В 1951 переехал с семьей в Буэнос-Айрес, а в 1959 поселился в США. В 1968 переехал на жительство в Ютику (шт. Нью-Йорк). Много лет сотрудничал в журнале «Наши Вести» (Сост. по: Русский Корпус. Сб. второй. Указ. соч. С. 417).

¹² Цит. по: *Навроцкий А. А.* Русский православный Келлерберг // Православная Русь. 1956. № 16. С. 9.

¹³ *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995. Биографический справочник. М.; Париж, 2007. С. 500–501; *Протопопов Н. Н.* Указ. соч. С. 12.

¹⁴ Там же; Письмо от 15 дек. 2001 Г. Г. Вербицкого — автору; *Нивьер А.* Указ. соч. С. 86.

¹⁵ *Навроцкий А. А.* Белый лагерь Келлерберг. Рукопись // Архив Р. В. Полчанинова (Нью-Йорк); Поездка Высокопреосвященного митрополита Анастасия с чудотворной иконой в Австрию // Церковная жизнь (Мюнхен). 1950. Июль — авг. № 7–8. С. 64.

¹⁶ *Анлева Е.* Памяти протопревитера Георгия Трунова // Православная Русь. 1986. № 14. С. 8; Там же. 1955. № 21. С. 12. А. Нивьер считает, что о. Георгий попал в Келлерберг, спасаясь от принудительной репатриации в СССР, а 1945–1949 служил в других приходах.

¹⁷ Цит. по: *Навроцкий А. А.* Белый лагерь Келлерберг. С. 8–9.

¹⁸ Письмо от 8 дек. 1997 Н. Н. Протопопова — автору.

¹⁹ Цит. по: Епископ Митрофан (Зноско). Хроника одной жизни. К шестидесятилетию пастырского служения. IX. 1935 — IX. 1995. М., 1995. С. 175.

²⁰ Цит. по: Письмо от 8 дек. 1997 Н. Н. Протопопова — автору.

²¹ Цит. по: *Навроцкий А. А.* Белый лагерь Келлерберг. С. 8.

²² Там же. С. 9.

²³ Подробнее об истории Курско-Коренной иконы Божией Матери, о чудесах, от нее происходивших, см.: Икона Божьей Матери Курская-Коренная (Знамение). К 700-летию обретения Курской иконы Богоматери. Джорданвилл, 1995.

²⁴ Поездка Высокопреосвященного митрополита Анастасия с чудотворной иконой в Австрию // Церковная жизнь. 1950. Июль — авг. № 7–8. С. 62.

²⁵ Помимо русских в лагере проживали венгры, словенцы и беженцы др. национальностей.

²⁶ Поездка Высокопреосвященного митрополита Анастасия. С. 63–65.

²⁷ Там же. С. 65.

²⁸ *Навроцкий А. А.* Белый лагерь Келлерберг. С. 9–10; *Он же.* Русский православный Келлерберг. С. 11.

²⁹ Цит. по: *Навроцкий А. А.* Белый лагерь Келлерберг. С. 10.

³⁰ Цит. по: *Он же.* Русский православный Келлерберг. С. 12.

³¹ Цит. по: Там же.

³² *Полчанинов Р. В.*, скм. Памяти скм. о. Викторина Лябаха // Вестник руководителя (Нью-Йорк). Орган связи разведческих руководителей ОРИОР. 1986. Апр. № 334. С. 1–2. Житель Келлерберга Г. Г. Вербицкий вспоминал: «Отца Викторина помню, как молодого, боевого священника. Меня поразило, что он по первому вызову приехал к нам, в глухую провинцию, уже в США, крестить мою первую дочь. За этот шаг я ему навсегда глубоко благодарен» (цит. по: Письмо от 22 янв. 2002 Г. Г. Вербицкого — автору).

³³ *Анлева Е.* Указ. соч. С. 8; См также: Православная Русь. 1955. № 21. С. 12.

³⁴ Владыка Стефан очень тепло отзывался об этом русском пристанище: «Лагерь Келлерберг долгое время был центром, где собирались в Австрии русские, в рассеянии сущие. На вратах при въезде долго красовалась надпись: РУССКИЙ БЕЛЫЙ ЛАГЕРЬ. Всякий, истинно осведомленный, въезжая или входя через эти ворота, чувствовал, что он вступает в заповедник, где находятся полторы тысячи русских воинов, под названием “Русский Освободительный Корпус”, принимавшие деятельное участие в освободительной борьбе против всемирного безбожного коммунизма. Сидение Корпуса в лагере началось с 1945 года. Корпусники спаслись от памятной выдачи 1 июня 1945 года, когда были выданы тысячи казаков вместе с командным составом. Говорят: “Они отошли от того места злосчастного немного в сторону и спаслись”. Говорят, что так распорядился полковник Рогожин, а мы прибавим: распорядился он при наличии указания Божьего, при покровительстве св. кн. Александра Невского! Спаслись, и началось бедственное житие и испытание горькой чаши... Закрылся лагерь навсегда. Но навсегда осталась память, это — кладбище с многочисленными крестами-памятниками погребенных здесь утомленных воинов — утомленных подвижников в деле защиты дорогой Родины от безбожных коммунистов» (цит. по: *Стефан*, архиеп. Ликвидация лагеря Келлерберг Австрийской Епархии // Православная Русь. 1952. № 4. С. 6–7).

А. В. Шмелёв

Два неизвестных письма генерал-майора М. Ф. Скородумова

Представленные здесь два письма в редакции русских зарубежных газет принадлежат перу генерал-майора Михаила Фёдоровича Скородумова. Кадровый офицер Императорской Гвардии (Л.-гв. Павловского полка) Скородумов вышел на Великую войну 1914 года в чине поручика. Летом 1915 года он попал в плен к немцам, будучи тяжело раненным. В феврале 1917 года был обменен на германского офицера-инвалида и вернулся в Россию. Несмотря на ранение, в результате которого он остался протезным инвалидом, Михаил Фёдорович принял участие в Белом движении в составе 1-го Сводно-гвардейского полка. В эмиграции жил в Белграде, где возглавлял созданную им организацию Русское народное ополчение. Выслужив чин полковника в Белой армии, в 1930 году он был произведен Великим князем Кириллом Владимировичем в чин генерал-майора. 12 сентября 1941 года именно Скородумов отдал приказ о формировании Отдельного Русского Корпуса, но за попытку придать Корпусу характер независимой русской национальной вооруженной силы вскоре оказался отстранен от командования и арестован Гестапо. В 1944 году вступил в Корпус добровольцем, проделав с ним тяжелый Босанский поход, а после окончания войны уехал в Западную Германию. В 1950 году переехал в США (Лос-Анджелес), где и скончался в 1963 году.

Первое письмо, недатированное, но составленное, судя по некоторым признакам, приблизительно в августе или сентябре 1951 года, Скородумов направил в редакцию «Нашей страны» (Буэнос-Айрес) в ответ на статью редактора Ивана Лукьяновича Солоневича «Другой адрес», появившуюся в № 82 от 11 августа 1951 года. В своей пространной программной статье Солоневич пытался определить роль и действия русской эмиграции в условиях «холодной войны». Цель статьи состояла в том, чтобы понять, когда и какие компромиссы допустимы, а какие нет и до какой степени можно руководствоваться обещаниями и утверждениями западных держав в борьбе против советской власти. В частности, Солоневич вспомнил горький опыт недавней Второй войны и обвинил некоторых русских эмигрантов, назвав по именам М. Ф. Скородумова и Н. А. Мельникова, в наивной доверчивости и легкомысленной надежде на иностранную помощь в борьбе с большевиками: «Правые, — вроде Скородумова, Мельникова и других, — виляют, как могоут. Почему-то в самом деле — Гитлеру верили, несмотря

Шмелёв Анатолий Всеволодович — кандидат исторических наук, куратор отдела коллекций России и стран СНГ Гуверовского архива Стэнфордского университета (Пало-Альто, США). Доклад подан заочно. Составители благодарят А. А. Кузнецова (Санкт-Петербург) за помощь в технической подготовке текста к публикации.

на “Майн Кампф”, а САСШ не верят, несмотря на постановления законодательных палат?» Скородумов резко отверг обвинения Солоневича, объяснив смысл своих намерений и действий при формировании Русского Корпуса в 1941 году.

Второе письмо Михаил Фёдорович направил в газету «Новое русское слово» (Нью-Йорк) 28 сентября 1958 года в ответ на письмо в редакцию В. И. Юкшинского. Но 9 октября 1958 года редактор газеты Марк Вейнбаум сообщил ему об отказе в публикации. В своем письме Скородумов затронул нашумевшую в свое время тему. В сентябре 1947 года (№ 266) и в марте 1950 года (№ 295) на страницах журнала «Часовой» (Брюссель) увидели свет «Беседы с советским сановником» — интервью с якобы высокопоставленным представителем советской партийной номенклатуры. Кто подлинный автор сенсационных статей в «Часовом» и какие он преследовал цели, а также имело ли место интервью на самом деле и кто скрывался под именем «советского сановника» — эти вопросы до сих пор остаются неразрешенными. Далее в «Часовом» были опубликованы письма-статьи некоего советского чиновника, обозначенного ХХХ, которые анализировал и комментировал В. И. Юкшинский в виде «ответов». Письмо его в редакцию «Нового русского слова» носит характер полемики с другими эмигрантами, считавшими эти письма и ответы Юкшинского идеологически вредными, так как они подрывали идею непримиримости. В письме в редакцию «Нового русского слова» Юкшинский защищал необходимость отбросить догму непримиримости и признать перемены в СССР за последние десятилетия с тем, чтобы выбрать верную и действенную линию борьбы. Скородумов считал статьи в «Часовом» и письмо Юкшинского провокацией, призванной ослабить непримиримость эмиграции, вызвать брожение в ее рядах и, как полагал генерал, «братание» с антинациональным режимом. Второе письмо подписано прозрачным псевдонимом: *Вам Удорок* (Скородумов наоборот).

Оба письма наглядно показывают решительность, прямоту суждений и поведения генерал-майора М. Ф. Скородумова. Оставаясь непримиримым до конца, он считал, что с коммунистами можно и нужно бороться всегда и при всяких условиях, рассчитывая только на собственные силы, а не на иностранную помощь. Тексты писем публикуются по машинописи из частного архива. Исправлены очевидные опечатки, но сохранены стилистические и орфографические особенности оригинала.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В № 82 газеты «Наша Страна» от 11 августа 1951 г.[ода] Иван Солоневич¹ в статье «Другой адрес» пишет: «Не правда ли забавно? Социалисты прямо говорят: без войны гибель! Правые, вроде Скородумова, Мельникова² и других, — виляют как могут. Почему-то в самом деле — Гитлеру верили, несмотря на “Майн Кампф”, а САСШ не верят, несмотря на постановление законодательных палат?»

Я не собираюсь ни с кем полемизировать, а просто хочу парировать ту неправду, которую на меня возводят. И. Солоневич уже десятки лет старается всем, а в частности мне приклеить собственные фантазии и

с советской самоуверенностью и апломбом, если не сказать больше, не имея понятия о международной политике, о настроениях в совдепии и боеспособности красной армии, всех расталкивает локтями, заплевывает и навязывает свои анти-русские мнения, совершает преступление, вводя в заблуждение не осведомленную русскую эмиграцию.

Нигде и никогда я не вилял и не писал, что войны как таковой не будет, не писал и все время утверждаю, что никакой войны с КОММУНИЗМОМ не будет, т.[о] е[сть] той войны, о которой мечтает бóльшая часть русской эмиграции. А потому считаю, что призывать к войне в данное время при данной обстановке есть измена России. Как в 1941 г.[оду] так и теперь я совершенно ясно разбираюсь в международной политике, а потому писать, «почему-то в самом деле — Гитлеру верили, несмотря на “Майн Кампф”, а САСШ не верят, несмотря на постановление законодательных палат», является чистой провокацией.

Лично я, да и многие, никогда Гитлеру не верили и не поверим и всем остальным иностранцам на 100%, ибо мы не дети и отлично понимаем, что никогда и никто из иностранцев спасти Россию не будет. Можно гарантировать чем угодно, что среди иностранцев никогда мы не найдем ни одного человека, который бы искренне и честно мечтал о возрождении Российской Империи, так же, как невозможно найти среди русских такого идиота, который бы мечтал о возрождении Римской империи, хотя за русских нельзя гарантировать на все 100%, ибо среди русских может найтись такой махровый интеллигент, который с пеной у рта будет доказывать, что сперва надо возродить Римскую Империю, т.[ак] к.[ак] Россия связана в прошлом с Византийской и Римской империями.

Я никогда не был никаким «филом», а всегда был сугубо русским и все иностранцы для меня одинаковы и я разбираюсь в иностранцах лишь с военной точки зрения, а не с точки зрения их внутренней жизни или строя правления, т.[ак] к.[ак] хорошо знаю, что все, что хорошо для иностранцев — смерть для России и обратно. С меня довольно и больше чем довольно одного опыта, когда к русскому лопуху привили иностранно-западный немецкий мак Карла Маркса. И как ни стыдно, но, кажется, придется нам признать, что немцы правы говоря, «что славяне навоз для немецкой культуры», ибо коммунизм немецкого философа Карла Маркса расцвел махровым цветом на территории России, Польши, Болгарии, Югославии и Чехии.

И вот если И. Солоневич прикидывается дурачком и «не понимает», то, чтобы он не вводил в заблуждение других, я заявляю, что никто из разбирающихся в международной политике Гитлеру не верил, в то же время они отлично понимали, что мы, русские, против коммунизма можем идти с любым иностранным государством, не интересуясь и не вмешиваясь в их строй правления. Ибо ни одно иностранное государство

никогда не сможет завоевать Россию, но помочь нам своей глупостью сбросить сов.[етскую] власть — сможет. Не сможет не потому, что красная армия представляет из себя силу, конечно нет, но только лишь благодаря грандиозной территории и отчасти климату. Если бы в 1941 г.[оду], конечно, смотря только с военной точки зрения, Германия воевала бы только с Советским Союзом³, то через 6 месяцев от советской армии остались бы только рожки да ножки и германская армия дошла бы до Владивостока, но дошла бы в количестве двух-трех полков, а то и меньше, т.[ак] к.[ак] она таяла бы по дороге, оставляя гарнизоны во всех городах и селах, но продержаться дальше она бы не смогла, т.[ак] к.[ак] с двумя полками управлять Россией нельзя, т.[ак] к.[ак] со временем все немецкие гарнизоны в городах и сёлах были бы уничтожены восстаниями.

С военной точки зрения, дабы завоевать Россию, надо иметь мощную армию не менее чем в 150–200 миллионов или Русскую национальную Армию в несколько десятков тысяч человек. Ибо первая при продвижении в Россию будет таять, а вторая — возрастать. Вот почему в отдельности все иностранные государства являются меньшей опасностью, чем коммунизм. Выражаясь фигурально, каждое завоевательское государство представляет из себя зловредного паразита, ползущего по поверхности тела России. И этого паразита всегда легко сбросить. Коммунизм же это зловредный паразит политического сифилиса, бледная спирохета которого разъедает душу, мозг и тело народа и этого паразита выбросить не так легко, что и подтверждает наша борьба и сидение за границей. Но сейчас совершенно другая международная обстановка, чем была в 1941 г.[оду], и призывать к войне могут только изменники России, ибо сейчас, насколько я вижу и читаю в газетах, собирается не одно государство, а весь Запад, все иностранные государства хотят создать иностранную армию в 150–200 миллионов и говорят, почти не скрывая, для завоевания, ликвидации и раздела России. Спрашивается, для чего нужна такая большая иностранная армия, когда все иностранные военные авторитеты отлично знают, что красная армия не представляет из себя значительной силы⁴. Все военные авторитеты конечно понимают, что красная армия заняла пол-Европы не потому, что она боеспособная армия, а потому, что английская и американская авиация расчищала ей дорогу и сметала перед ней всё и даже ту немецкую цепочку, которая была на Восточном фронте, т.[ак] к.[ак] большая часть немецкой армии была на западе, в Африке, в Норвегии⁵ и т. д. На одного немца приходилось на Востоке 10 красноармейцев. Для того, чтобы знать боеспособность красной армии, для этого надо было побывать на фронте и видеть своими глазами, а не писать сидя в тылу свои собственные фантазии. Кроме того, не Солоневичу,

который позорно уклонился от всех войн, писать про меня, что я против войны или виляю. Этому никто не поверит, т.[ак] к.[ак] война моя стихия, я провел три войны на фронте и сейчас готов воевать когда угодно, где угодно и с кем угодно, но убивать свою мать-Родину я никогда не буду, даже если она и проститутка. Ложью мы большевиков никогда не победим.

4,5 миллиона красноармейцев сдались немцам не потому, что не хотели воевать за сов.[етскую] власть, а потому, что немцы брали их в клещи, окружали и били «Штуками»⁶, а выдержать атаку «Штук» не сможет ни одна армия на свете⁷. Да и по американской официальной статистике все эти пленные, за исключением единиц, добровольно вернулись в совдепию⁸. По данным американского Главнокомандующего в Германии ген. Клея⁹ из 10 миллионов пленных и остарбайтеров 9,5 миллионов вернулось в совдепию добровольно. Я не говорю уже о Русском Корпусе в Сербии, который получил пополнение из 500 пленных красноармейцев, из которых больше чем 3/4 перебежало к большевикам. Не пожелавших драться за сов.[етскую] власть было во время войны около миллиона человек, которые сразу взялись за оружие и три года воевали с большевиками в ротах и батальонах при немецких полках. С военной точки зрения красная армия это революционная разнузданная толпа, масса пушечного мяса, боеспособность которой равна 0. Опять должен сослаться на Русский Корпус в Сербии, когда красная армия вошла в Сербию, то батальон Рус.[ского] Корпуса, старики 50–60 лет с не стреляющими итальянскими винтовками, разбили красных, взяли в плен 9 тяжелых орудий, 6 тяжелых бомбометов, 32 автомашины, семьдесят подвод и тысячи пленных — это у Прахова, а другой батальон отобрал у красных два тяжелых орудия, Пак, пулеметы и пленных.

В общем 300–500 старичков-ветеранов трянули стариной, вдарили и разбили угрожающую всему миру «страшную и непобедимую красную армию» и забрали в плен не только орудия, но и тысячи молодых парней, вооруженных современным американским оружием.

И вот, зная, что красная армия не представляет из себя особой силы, мы русские должны подумать и очень подумать, а не бросаться в иностранные армии по призыву солоневичей, как это было во время второй войны, когда многие бросились в немецкую армию, думая, что они спасают Россию. Провоцировать же русскую эмиграцию и указывать на постановление «законодательных палат», что, мол, собираются воевать не против России, а против коммунизма, это значит уподобиться русским агентам, служившим у немцев, которые тоже кричали, что немцы идут не против России, а против коммунизма. В общем я лично считаю преступлением кричать иностранцам, что

СССР не Россия, а сов.[етский] народ не русский народ, если даже это так, то это наши русские дела. Это предательство развязывает руки иностранцам и они будут правы, когда после ликвидации и раздела России скажут, что да вы сами же кричали и писали, СССР не Россия, а советский народ не русский народ, вот мы их и раздраконили. К сожалению, как и неприятно в этом сознаваться, но это все же Россия, Россия тяжело больная, которую действительно надо оперировать ножом, но не искромсав на части, а лечить внутренними русскими лекарствами. Надо понять, что сейчас, я не знаю, что будет через месяц через два, но сейчас для России готовится судьба современной Германии, если И. Солоневич умышленно или не умышленно забыл, что в 1939 г.[оду] радио Запада и летучки с аэропланов засыпали всю Германию, где писалось, что «мы боремся не против германского народа, а только лишь против Хитлера и его банды». Я как патриот и монархист категорически против III мировой войны и раздела России, но я пойду первым добровольцем, если когда-либо и где-либо начнется война против коммунизма.

Указывать же на то, что даже социалисты пишут, что «без войны гибель», действительный монархист не может — опять провокация, т.[ак] к.[ак] социалисты как интернационалисты и расчленители России еще до 1914 г.[ода] писали, что без войны гибель, т.[ак] к.[ак] мы не сможем сбросить проклятое самодержавие и расчленить Россию на самостоятельные социалистические республики. А потому для меня действительного монархиста отрадно знать, что я расхожусь с мнением социалистов и действительно, если для социалистов гибель без войны, то для меня и для России гибель с войною.

Если И. Солоневич действительно заблуждается и за 30 лет не смог разобраться в том, что такое коммунизм в действительности и кому этот коммунизм опасен и за чем мы русские должны тщательно следить, то он не имеет право писать свои фантазии и вводить в заблуждение русских эмигрантов. Если же И. Солоневич опять хочет словчить и в случае войны, жертвывая Россией, остаться на свободе, то я лично предпочитаю сотый раз сесть за проволоку, но не продам Россию.

Пора, наконец, после 30 лет эмиграции понять, что так называемый коммунизм со всеми расстрелянными идейными коммунистами, насажденный, поддержанный и поддерживаемый иностранцами, с его гениальным вождем иностранным агентом¹⁰ Сталиным, предварительно поделившим Россию на 50 республик — есть ни что иное, как блеф иностранцев для раздела и ликвидации России в будущем под флагом освобождения народов России по очереди от несуществующего коммунизма, для образования 50 самостоятельных социалистических республик под протекторатом иностранцев.

ОТВЕТ КРАСНЫМ ANTI-KOMМУНИСТАМ. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В № 16. 628 «Нового Русского Слова» от 28 сентября помещено «Письмо в редакцию», подписанное г. В. Юкшинским¹¹.

Конечно, это не «письмо в редакцию», а самая настоящая агитка, но написана толково и исчерпывающе и так поднесена эмиграции, что можно подписаться почти под каждой высказанной мыслью. Но почему-то, когда я читал эту агитку, я почувствовал, что начинаю накаливаться и под конец меня охватила такая злость, что я бросил читать. Отложил газету в сторону, немного успокоился и подумал: «А ведь агитка действительно написана так хорошо, что прямо бери красный флаг, кирку или лопату и с песней по жизни шагая, иди на социалистическую родину под команду Никиты¹² и осваивай целину на благо Русского народа. Какие там могут быть принципы — все это устарелые буржуазные предрассудки. Плюй в гроб своих родителей, братьев и сестер, расстрелянных большевиками. Плюй в гроб своих друзей и соратников, погибших в войне с коммунизмом, и пойми же наконец, что за сорок лет все в совдепии переменялось и уже нет того, что было. А потому читай журнал “Часовой” и следи за полемикой и братанием с коммунистическим сановником. А если не веришь нам, то почитай газетку ген.[ерала] Михайлова¹³ — в ней пишут почти то же самое».

Вот это я понимаю, за такую агитку орден Ленина обеспечен. Надо признать, что с точки зрения логики агитка совершенно правильна, ибо если эмиграция не хочет бороться, то надо начинать брататься и сдаваться.

Сколько найдется в эмиграции не разбирающихся людей, которые этой агитке поверят. Мало кто, зная советскую жизнь, поймет, что ни один советский подхалим-сановник ни за какие миллионы никогда не будет рисковать своей шкурой и писать в эмигрантском журнале. А если этот сановник действительно существует, а не выдуман в редакции журнала «Часовой», то, вне всякого сомнения, он пишет в «Часовом» с разрешения и под диктовку НКВД. Совершенно ясно, что это очередная большевицкая провокация с целью водить за нос эмигрантов дураков.

Это братание с большевицким сановником есть не что иное, как повторение 1916–17 г.г.[о]д[о]в, т.[о] е.[сть] тот же подлый обман, из-за которого погибла Россия, а мы сорок лет болтаемся по всему миру.

В 1916 г[оду], когда Российская Императорская армия без снарядов и патронов, защищая каждую пядь земли русской, пала смертью храбрых, то ей на смену пришла, так называемая, народная армия. Пришел переодетый в солдатскую форму богоносец, который воевать-бороться не хотел, немцев за врагов не считал, т.[ак] к.[ак] никогда о них ничего не слышал,

а знал врага только «турку», с винтовкой обращаться не умел и, кроме всего этого, подсознательно испытывал какой-то страх перед немцем.

И вот в один прекрасный день в 1916 г.[оду] на одном участке фронта эти богоносцы вылезли из окопов и поперли к немцам, немцы тоже вышли из окопов и пошли навстречу. Все остановились между окопами и началось братание. Старые кадровые солдаты, которых было уже очень мало, в массе, воздержались, т.[ак] к.[ак] еще в мирное время им было внушено, что немцы наши враги и никаких братаний с врагом быть не может.

Начальство в первый момент не могло понять, что происходит, но когда увидело, что богоносцы не исполняют приказа и продолжают брататься, то было приказано всем батареям открыть огонь по братающимся, и по немцам, и по русским, и братание в 1916 г. окончилось.

В 1917 г., благодаря немецкой и большевицкой агитации, весь фронт начал брататься. Но к величайшему сожалению в [19]17 г.[оду] таких начальников, которые бы могли приказать батареям открыть огонь по братающимся, не оказалось, т.[ак] к.[ак] измена произошла сверху. Богоносцы воткнули штыки в землю, стали продавать немцам за бутылку шнапса русские винтовки и пушки и в результате, как всем известно, Россия кончила свое существование.

(М. Скородумов) Вам Удорок,

П. С.

В 1917 г.[оду] иностранцы-немцы и большевики вели агитацию среди низов, т.[о] е.[сть] среди солдат и рабочих, стараясь их вырвать из подчинения начальству-сановникам. Сейчас же красные анти-коммунисты братаются с большевицким сановником, а не с советскими низами, и таким образом вырывают из подчинения не советские низы, а эмигрантские из подчинения, хоть и неудачным, эмигрантским вождям.

В. У.

Примечания

¹ Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953) — журналист, публицист, общественно-политический деятель эмиграции. В 1934 бежал из СССР в Финляндию. Занимался издательской деятельностью, автор резких и обличительных публикаций, направленных против советской власти. Автор теории «народно-монархического строя». С 1948 жил в Аргентине, где издавал и редактировал газету «Наша страна». Скончался в Монтевидео (Уругвай) 24 апр. 1953. Автор книг «Народная монархия», «Россия в концлагере» и др. В России регулярно проводятся чтения памяти И. Л. Солоневича. В эмиграции и на родине (после 1991) взгляды и деятельность И. Л. Солоневича оценивались полярно.

² Н. А. Мельников — сотрудник газеты «Россия» (Нью-Йорк), автор передовиц.

³ Здесь необходимо отметить, что летом 1941 Вооруженные Силы Германии вели боевые действия все-таки не только против Советского Союза. Так, например, к 22 июня 1941 для участия в боевых действиях на Восточном фронте было выделено 60% летных

частей, но уже летом 1941 эта доля стала постепенно сокращаться за счет переброски авиации на другие театры военных действий. Доля войск ПВО, выделенная для участия в операции «Барбаросса», составляла лишь 17% (см.: *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу 1939–1941 гг. М., 2002. С. 383). — *Прим. ред.*

⁴ Некорректное утверждение. По немецким оценкам, в конце 1952 — начале 1953 только в Восточной Германии (ГДР) силы Советской армии насчитывали 22 дивизии (в т. ч. 8 танковых) и 12 бригад ПВО, 800 истребителей. Общая численность группировки — 300–350 тыс. человек (см.: *Советские войска в Восточной Германии // Часовой.* 1953. Апр. № 330(5). С. 7). — *Прим. ред.*

⁵ Некорректное утверждение. Численность Действующей сухопутной армии Германии по состоянию на 1 июля 1943 на Западе составляла 746 тыс. человек, на Востоке — 3 млн 138 тыс., а по состоянию на 1 июля 1944, соответственно, 892 тыс. и 2 млн 160 тыс. человек (см.: *Миоллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945. Справочник / Под ред. С. И. Дробязко. М., 2003. С. 454). В 1941–1945 на Восточном фронте были разгромлены и пленены 607 дивизий противника, на Западе — 176. — *Прим. ред.*

⁶ *Stuka* или *Sturzkampfflugzeug* — немецкий бомбардировщик, известный своим пикированием с воющей сиреной при сбросе бомб, что придавало его атаке дополнительный устрашающий эффект.

⁷ Некорректное утверждение. В 1941 на Восточном фронте, по официальным оценкам, противник пленил 3,6 млн человек, кроме того, общее количество перебежчиков составило примерно 200 тыс. человек. Из них 318 тыс. были освобождены на оккупированных территориях в период с конца июля до начала ноября 1941 (см.: *Александров К. М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова 1944–1945. М., 2009. С. 84, 124). Невозможно поверить, что такое беспримерное количество бойцов и командиров Красной армии попали в плен лишь благодаря массированному применению бомбардировщика Ju 87. — *Прим. ред.*

⁸ Некорректное утверждение. Репатриантам, включая бывших военнопленных, не предлагалась альтернатива: оставаться в Европе или возвращаться в Советский Союз. По оценкам В. Н. Земскова, после 1945 из 5,3 млн репатриантов вернуться на родину хотели около 70% (см.: *Земсков В. Н.* К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 гг. // *История СССР (Москва).* 1990. № 4. С. 27), следовательно, треть (округленно 1,7 млн человек) возвращаться в СССР не желали. — *Прим. ред.*

⁹ Луциус Д. Клей (*Lucius D. Clay*) (1897–1978) — генерал армии США, заместитель генерала Д. Эйзенхауэра в 1945. В 1947–1949 — глава военной администрации (military governor) американской зоны Германии.

¹⁰ По-видимому, М. Ф. Скородумов разделял непопулярную в эмиграции на рубеже 1940–1950-х точку зрения о том, что И. В. Сталин оказался в роли ставленника «мировой закулисы». Такое убеждение было следствием полного непонимания системы происхождения и развития сталинской власти, а также партийной номенклатуры РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. — *Прим. ред.*

¹¹ *Юкинский Владислав Иосифович* (? — 1964) — участник Великой войны и Белого движения (на бронепоезде «Офицер» в составе ВСЮР). Во время Второй мировой войны служил переводчиком у немцев, попал в плен и провел 12 лет в советских лагерях. Вернулся в Западную Германию. Сотрудник журнала «Часовой», газеты «Русская мысль» и других периодических изданий.

¹² *Хрущёв Никита Сергеевич* (1894–1971) — 1-й секретарь ЦК КПСС (1953–1964) и председатель Совета министров СССР (1958–1964).

¹³ Газета «За возвращение на Родину», издававшаяся Комитетом «За возвращение на родину» генерала Н. Ф. Михайлова.

Михайлов Николай Филиппович (1897–1972) — генерал-майор РККА (1941). Из крестьян, участник Великой войны, унтер-офицер. В РККА с 1918, участник гражданской войны. На 1942 — командир 5-й гв. танковой бригады, разгромленной под Харьковом. Находился в плену (1942–1945), после освобождения союзниками репатрировался в СССР. В отставке с 1947. Участвовал в политических акциях, направленных против эмигрантов, преимущественно представителей «второй» волны российской политической эмиграции. — *Прим. ред.*

И. Ю. Шауб

Русская литература и революционная катастрофа 1917 года

«Русская литература развращена за последние десятилетия необыкновенно. Улица, толпа начала играть очень большую роль. Все — и литература особенно — выходит на улицу, связывается с нею и подпадает под ее влияние. И улица развращает, нервирует уже хотя бы по одному тому, что она страшно неумеренна в своих хвалах, если ей угождают», — констатировал И. А. Бунин в «Окаянных днях»¹. А еще 27 марта 1916 года он записал: «А как влияет литература! Сколько теперь людей, у которых уже как бы две души — одна своя, другая книжная! Многие так и живут всю жизнь начитанной жизнью»². И в то же время «никогда прежде русская публика не смотрела на литературу такими равнодушными глазами. Совершенно одинаково она восхищается и Фра Беато Анджелико, и Барыбой Городецкого» (запись от 8 апреля 1916)³.

«Не литература должна приветствовать торжество революции, а революция должна, наоборот, сказать спасибо литературе, которая все время, целых полвека и более, призывала революцию», — писал В. В. Розанов⁴, повторяя слова литературоведа С. А. Венгерова, сказанные им при встрече с возвратившимися эмигрантами. «Что же в сущности произошло? — спрашивал Розанов. — Мы все шалили. Мы шалили под солнцем и на земле, не думая, что солнце видит и земля слушает. Серьезен никто не был. Мы, в сущности, играли в литературе. “Так хорошо написал”. И все дело было в том, что “хорошо написал”, а что “написал” — до этого никому дела не было. По содержанию литература русская есть такая мерзость — такая мерзость бесстыдства и наглости, как ни единая литература. В большом царстве, с большою силою, при народе трудолюбивом, смышленном, покорном — что она сделала? Народ рос совершенно первобытно с Петра Великого, а литература занималась только, “как они любили” и “о чем разговаривали”»⁵. С подобной инвективой в адрес

Шауб Игорь Юрьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИИМК РАН, доцент кафедры истории русской и западноевропейской культуры исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

своих старших современников выступила Н. Я. Мандельштам⁶: «Идеи, приводящие к единомыслию и диктатуре, должны были зародиться до революции, чтобы сразу нашлось много сторонников диктатуры. Процесс шел во всех областях»⁷.

Мы не претендуем на раскрытие «проблемы ответственности» русских писателей за революцию во всем объеме этой темы^{*}; наша задача скромнее. Отношение русских писателей к судьбоносным для России событиям Февраля и Октября 1917 года достаточно хорошо известно: это — почти поголовный восторг по поводу Февральской революции и активное неприятие подавляющим большинством Октябрьского переворота. Однако побуждения тех, кто принял новую власть, а тем более пошел на сотрудничество с нею не из «шкурных» (В. Я. Брюсов, А. Н. Толстой и др.) или «шкурно-идеологических» (М. Горький, В. В. Маяковский и др.), а из «романтических» и т. п. соображений, и эволюция отношения к ней является вопросом гораздо более сложным и менее исследованным. О нем и речь.

Всеобщее ликование, сродни массовому психозу, в связи с обретением «свободы» было столь заразительным, что ему поддался даже такой трезвый и государственно мыслящий человек, как П. Б. Струве. Его друг С. Л. Франк рассказывал: «Первые слова, сказанные им мне при встрече в эти дни были: “Теперь Россия пойдет вперед семимильными шагами”». (Когда я позднее, встретившись с ним в эмиграции, напомнил ему об этом, он ответил мне лаконической репликой: “Дурак был”)⁸. Тот же Франк отмечал, что тогда «настала пора безумия, в течение которой охватившее всех на несколько дней настроение радости и надежд сразу же стало отравляться жутким ощущением надвинувшейся анархии <...> Все создавало неотразимое впечатление, что Россия катится в бездну»⁹.

Знаменательны дневниковые записи за 1917 год, сделанные Блоком. Они наглядно демонстрируют его растерянность («я ничего не понимаю»), доходящую до мыслей о самоубийстве. Это психологическое состояние, а вернее, желание Блока из него выйти, несомненно, стало одним из немаловажных факторов, обусловивших приятие великим поэтом большевистского переворота. (О динамике отношения Блока к большевикам речь впереди.)

^{*} Хотя монографического труда на эту животрепещущую тему до сих пор не существует, некоторые ее аспекты исследованы весьма глубоко. К примеру, о том, сколь значительную роль в духовной атмосфере России рубежа веков играли мысли и сочинения Ф. Ницше и какое большое влияние оказывали они не только на осознание, но и на подготовку революции, см.: *Клюс Э.* Ницше в России. Революция морального сознания. СПб., 1999; ср.: *Фрейдлин Г.* Революция как эстетический феномен. С очками Ницше на носу и осенью в сердце у русских читателей Исаака Бабеля (1923–1932) // Новое литературное обозрение (Москва). № 4 (1993). С. 228–242.

Литературовед Д. Сегал пишет: «В свете многочисленных свидетельств <...> можно сделать один самый общий вывод: несмотря на все различия — эстетические, идейные, политические — между русскими деятелями культуры, которые имели место до октябрьского переворота или после него, их отношение к самому перевороту и новому режиму, установленному большевиками, в первые шесть месяцев после переворота можно суммировать словами В. Г. Короленко из письма к Луначарскому: “Русская литература и притом вся она, как вы сами говорите, — “безукоризненная” марксистская и народническая, социалистическая, демократически-радикальная и либеральная — вся она, без различия партий, оттенков и направлений — не с вами, а против вас»¹⁰. К сожалению, Короленко ошибался. Целый ряд видных литераторов Серебряного века оказался в стане победителей, причем отнюдь не все, как Брюсов, из соображений чисто прагматических или, как Горький или Маяковский и его собраты футуристы, из идеологически-прагматических.

Очень любопытна для нашей темы дневниковая запись З. Н. Гиппиус от 11 января (ст. стиль) 1918 года:

«Для памяти хочу записать “за упокой” интеллигентов-перебежчиков, т.[о] е.[сть] тех бывших людей, которых все мы более или менее знали и которые уже оказываются в связях с сегодняшними преступниками. Не сомневаюсь, что, просиди большевики год (!), почти вся наша хлипкая, особенно литературная, интеллигентщина так или иначе поползет к ним. И даже не всех было бы можно в этом случае осуждать. Много просто бедноты. Но что гадать в разные стороны. Важны сегодняшние, первенькие, пошедшие, побежавшие сразу за колесницей победителей. Ринувшаяся туда... не по убеждениям (какие убеждения!), а ради выгоды, ради моды, в лучшем случае “так себе”, в худшем — даже не скажу. Вот этих первеньких, тепленьких, мы и запишем...

...Пока букет не особенно пышный...

Вот они.

1. Иероним Ясинский — старик, писатель белл[етрист] средней руки.
2. Александр Блок — поэт, “потерянное дитя”, внеобщественник, скорее примыкал, сочувствием, к правым (во время царя), убежденный антисемит. Теперь с большевиками через лево-эсеров.
3. Евгений Лундберг — захудалый писатель, ученик Шестова.
4. Рюрик Ивнев — ничтожный неврастенический поэт.
5. Князев — мелкий поэт.
6. Анд.[рей] Белый (Б. Бугаев) — замечательный человек, но тоже “потерянное дитя”, тоже через левых эсеров, не на “службе”, лишь потому, что, благодаря своей гениальности, неспособен вообще быть на службе.
7. Серафимович, 8. Окунев, 9. Аксёнов, 10. Рославлев, 11. Пим.[ен] Карпов — всякая беллетристическая и другая мелкота из неважных, 2 первых большие писатели, имеют книги, бездарные.
12. Ник.[олай] Клюев, 13. Серг. Есенин — два поэта “из народа”, 1-й старше, друг Блока, какой-то сектант, 2-й молодой парень, глупый, оба не без дарования. <...>

14. Чуковский Корней — литер[атурный] критик, довольно даровитый, но не серьезный, вечно невзрослый, он не “пот[ерянное] дитя”, скорее, из породы “милых погибших созданий”, в сущности невинный, никаких убеждений органически иметь не может.

15. Иванов-Разумник — литер[атурный] критик, очень серьезного дарования и вкуса, тип не Чуковского, иной. Лев[ый] эсер, в сущности без влияния. Озлобленный. <...>

17. Алекса[андр] Бенуа — изв[естный] художник, из необщественников. С момента революции стал писать подозрительные статьи, пятнающие его, водится с Луначарским, при царе выпросил себе орден.

18. Петров-Водкин — художник, дурак. <...>

20. Проф[ессор] Рейснер — подозр[ительная] личность, при царе писал доносы; на службе у б[ольшевиков].

21. Лариса Рейснер — его дочь, поэтизирующая, с претензиями, слабо, на службе.

22. Вс[еволод] Мейерхольд — режиссер-“новатор”. Служил в императорских театрах у Суворина <...> Собирался работать в газете у Савинкова. Совсем недавно в союзе писателей громче всех кричал против б[ольшевик]ов. Теперь председательствует на заседаниях театральных с б[ольшевик]и-ками. Надрыгается от усердия к большевикам. Этот, кажется, особенная дрянь»¹¹.

А еще перед самым Октябрьским переворотом З. Н. Гиппиус отмечала (24 октября): «Бедное “потерянное дитя”, Боря Бугаев [А. Белый. — *И. Ш.*], приезжало сюда, уехало обратно в Москву. Невменяемо. Безответственно. Возится с этим большевиком — Иван-Разумником... Другое “потерянное дитя”, похожее, — А. Блок. (Он сам сказал, когда я говорила про Бору: “И я такое же потерянное дитя”.) Я звала его в Савинковскую газету, а он мне и понес “потерянные вещи”: что я, мол, не могу, я имею определенную склонность к большевикам (sic!). Я ненавижу Англию и люблю Германию <...> Спорить с ним бесполезно. Он ходит “по ступеням вечности”, а в “вечности” мы все большевики. (Но там, в этой вечности, Троцким не пахнет, нет!) С Блоком и с Борей (много у нас этих самородков!) можно говорить лишь в четвертом измерении. Но они-то этого не понимают, и потому произносят слова в 3-х измерениях, прегнусно звучащие. Ведь год тому назад Блок был за войну (“прежде всего — весело!” — говорил он), был исключительно ярым антисемитом (“всех жидов перевешать”) и т. д.»¹².

К Гиппиусовскому списку «коллорабационистов» с определенными оговорками можно было бы прибавить В. Иванова и М. Волошина (о так называемых «попутчиках» здесь можно не говорить¹³). Рассматривать в данном контексте этих выдающихся литераторов позволительно не только и не столько потому, что они в той или иной мере послужили советской власти, сколько из-за их стремления так или иначе оправдать Октябрьский переворот. Но прежде чем говорить о

«коллорационистах», нужно напомнить о тех, кто решительно не почувствовал Февралю, кто не принял советской власти. Это И. А. Бунин¹⁴ и Н. С. Гумилёв.

Первый был не только гениальным писателем, но и чрезвычайно трезвым и мудрым человеком консервативных убеждений*, которому революция была прежде всего отвратительна физиологически. Он попытается по мере сил послужить Белому делу¹⁵, считая это делом чести. «Куда бы мы глаза девали, если бы не оказалось “ледяных походов”!»¹⁶ — восклицал он в «Окаянных днях», своем дневнике периода 1918–1919 годов. Это не только блестящее художественное произведение, но и драгоценный документ, обличающий революцию. В высшей степени важны также «Воспоминания» Бунина, где в самом неприглядном свете предстают такие верные слуги советской власти, как Горький, Ал. Толстой, Маяковский. Эти беспощадные мемуары наглядно опровергают нередкие попытки представить Бунина на склоне лет в «сменовеховском» образе. Как реагировал на Февральскую революцию Н. С. Гумилёв, мы за отсутствием надежных сведений можем только гадать. Однако все говорит за то, что этот глубоко верующий человек, патриот и монархист, боевой офицер-кавалерист, награжденный двумя Георгиевскими крестами и орденом св. Станислава с мечами и бантом III ст., Февральской революции принять не мог**. Имея реальную возможность остаться в Париже или Лондоне, Гумилёв в конце апреля 1918 года вернулся в революционный Петроград, думается, с желанием и надеждой в нужный момент способствовать свержению большевиков. Важнейшие подробности так называемого «Таганцевского заговора», за участие в котором Гумилёв был расстрелян в конце августа 1921 года, до сих пор неясны¹⁷.

Важнейшим свидетельством динамики отношения к революции не только Блока, но и всей русской творческой интеллигенции являются воспоминания художника Ю. П. Анненкова. Он писал:

«Был ли автор кровавых “Двенадцати” революционером в привычном, банальном, уличном смысле этого слова? Считал ли он революцию действи-

* Например, 22 марта 1916 И. А. Бунин записал: «Очевидно, это [самодержавие. — *И. Ш.*] и есть самая лучшая форма правления для русского народа, недаром же она продержалась триста лет!»

** Поскольку монархические убеждения поэта никогда им не скрывались, приведем малоизвестный пример: услышав новость об убийстве Царской семьи, «Гумилёв рванулся и бросился за газетчиком, схватил его за рукав, вырвал из его рук страничку экстренного выпуска <...> Он был бел, и казалось — еле стоял на ногах. Раскрывал он этот листок — одну вдвое сложенную страничку — вечность... Гумилёв опустил левую руку с газетой, медленно, проникновенно перекрестился и только погодя сдавленным голосом сказал: “Царствие им небесное. Никогда им этого не прощу”» (цит. по: *Гумилёв Н. С. Сочинения в трех томах*. М., 1991. Т. 3. С. 407).

тельным обновлением? В 1917–1919 годах Блок, несомненно, был захвачен стихийной стороной революции. “Мировой пожар” казался ему целью, а не этапом. Мировой пожар не был для Блока даже символом разрушения: это был “мировой оркестр народной души”. Уличные самосуды представлялись ему более оправданными, чем судебное разбирательство. “Ураган, неизменный спутник переворотов”. И снова, и всегда — Музыка. Музыка с большой буквы. “Те, кто исполнен музыкой, услышат вздох всеобщей души, если не сегодня, то завтра”, — говорил Блок еще в 1909 году. В 1917 году Блоку почудилось, что он ее услышал. В 1918-м, повторив, что “дух есть музыка”, Блок говорил, что “революция есть музыка, которую имеющий уши должен слышать”, и заверял интеллигенцию: “Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — *слушайте* революцию”. Эта фраза была ровесницей поэмы “Двенадцать”.

Впрочем, не только революция, революционный пафос вызывали у Блока ощущение музыки. Самые различные между собой события имели для него “один музыкальный смысл”¹⁸. “Я привык сопоставлять факты из всех областей жизни, доступных моему зрению, и уверен, что все они вместе всегда создают единый музыкальный напор”, — писал Блок.

На “музыкальную” тему о Блоке опубликовано уже большое количество статей. Наиболее давняя и, может быть, лучшая из них принадлежит перу <...> композитора Артура Лурье. <...> Лурье писал: “Музыка — родная стихия Александра Блока. С понятием о музыке для Блока связаны высшие духовные основы бытия; правда, он говорит не о музыке в специальном смысле, как о профессиональном искусстве, но всегда только о *духе музыки*, который для него всегда — то, что определяет собой, то, что творит высшую природу нашего сознания и чувствования. Эпитеты “музыкальный” и “музыкальность” встречаются у него на каждом шагу. Все то, что находит у Блока *положительную* оценку, то, что он приемлет, он всегда определяет как явления и ценности музыкальные, и обратно: то, что кажется ему отрицательным, ложным, опустошенным, он характеризует как явления антимузыкальные. <...>

“Если же и музыка нас покинет, что будет тогда с нашим миром?” Если эти слова Гоголя в свое время были воплем предчувствия трагической гибели, грозным предостережением — не стала ли наша действительность страданием и изнеможением в безмузыкальной бытийственности? Не опрокинуты ли мы в самые страшные глубины *безмузыкального сознания*, в глухоту и черноту, в провалы, зиявшие перед русской интеллигенцией? <...> Русская революция кончилась со смертью Блока. Блок пламенно верил, что “музыка нас не покинет”, но теперь, когда его с нами нет, мы знаем, что *дух музыки* отлетел от нас, и мы можем следить лишь последние гаснущие огни его... Всякая попытка к индивидуальному исканию *выхода* — останется только попыткой, бесцельной и тщетной... Мы пребываем в безвыходности, в безмузыкальности”.

И вот, о той же “музыкальности” — голос с другой стороны баррикады, голос Анатолия Луначарского, который в десятую годовщину смерти Блока, в 1931 году, писал: “Последний поэт-барич мог петь славу даже деревенскому красному петуху, хотя бы горела его собственная усадьба. Бессмысленный и жестокий бунт, сколько бы ужаса ему ни внушал, может быть все же благословен им во имя каких-то совершенно неясных перспектив, во имя какого-то огненного очищения от скверны, достаточно хорошо и близко ему известной.

Но революция *пролетарская*, но ее железная революционная законность, ее насквозь ясное просветительство, ее понимание закономерности социальных явлений, ее крепкий и напряженный труд по составлению нового планового хозяйства — все это никак не могло войти в мозг и сердце последнего *поэта-барича*. Это казалось ему скорее относящимся к области ненавистного буржуазного мира... Блок развернул в момент физической смерти своего класса максимум революционности, на которую было способно дворянское сознание. Этот максимум оставил тем не менее Блоку у порога подлинной революции недоуменным, непонимающим, выключенным из ее подлинного марша, музыкальность которого потому не была им понята, что в ней уже звучали черты великой и разумной организованности, то есть духа, совершенно чуждого прошлому, к которому Блок был прикован всей своей природой”.

Но если в первые бешеные годы революции, годы поощряемой животной жестокости, поощряемого массового убийства, всяческого безнаказанного кровопролития и бесчеловечности во имя “блага человечества”, в годы поощряемого грабежа и вандализма Блоку чудилась музыка, музыкальность, то для многих из нас (и для меня в том числе) революция тогда была еще только спектаклем, зрелищем. Все страшное, что обрушилось вместе с ней на человеческую жизнь в потрясенной России, казалось нам эпизодом; захватывающим, трудным, может быть — необходимым, даже погибельным, но, несмотря на это — не более чем эпизодом. Сегодня нам в этом уже можно сознаться. Мы не бились ни в рядах революции, ни в рядах ее противников. Но мы не были к ней равнодушны: каждое утро в ее первые годы мы ждали новых впечатлений. Мы были, по слову Мих.[аила] Осоргина, “свидетелями истории” — впрочем, довольно поверхностными: мы смотрели и слушали, не всматриваясь и не вслушиваясь, как к тому призывал Блок. И мы стали против революции, лишь когда ее бессмысленная, позорная бесчеловечность сделалась для нас очевидностью. Или — в иных случаях — когда революция просто надоела нам, как может надоест любое слишком затянувшееся зрелище.

Революция превращалась для нас в “окружающую обстановку”. Наша внутренняя жизнь по-прежнему была заполнена искусством. Искусство было для нас главным. Но революция социальная, материалистическая хронологически совпала с революцией в искусстве, и это совпадение способствовало ряду недоразумений и даже оказалось для некоторых из нас — художников и поэтов — роковым.

Если революция кончилась для многих из нас, когда ее эксцентричность и наше опасное хождение по проволоке над бездной сделались будничной ежедневностью, — для Блока революция умерла, когда ее стихийность, ее музыка стали уступать место “административным мероприятиям” власти. Уже в 1919 году “самосуды” перешли в руки состоявших на месячном жалованье членов Чрезвычайных комиссий (Че-Ка, “Чрезвычайка”); “мировой пожар”, “мировой оркестр” все заметнее начинали подчиняться коммунистическим пожарным и дирижерам; *преображение* мира стало превращаться в организованное и декретированное *разрушение*. Нет, это было уже не то.

“Не так, товарищ! — обращался Блок к Маяковскому, еще воспевавшему в те годы разрушение. — Не меньше, чем вы, я ненавижу Зимний дворец и музеи (?). Но разрушение так же старо, как строительство, и так же традиционно, как оно.

Разрушая постылое, мы так же скучаем и зееваем, как тогда, когда смотрели на эту постройку. Зуб истории гораздо ядовитее, чем вы думаете, проклятья времени не избыть. Ваш крик — все еще крик боли, а не радости. Разрушая, мы все те же рабы старого мира; нарушение традиций — та же традиция. <...> Одни будут строить, другие разрушать, ибо “всему свое время под солнцем”, но все будут рабами, пока не явится *третье*, равно не похожее на строительство и на разрушение”. <...> В последний год его жизни разочарования Блока достигли крайних пределов. В разговорах со мной он не боялся своей искренности: “Я задыхаюсь, задыхаюсь, задыхаюсь! — повторял он. — И не я один: вы тоже! Мы задыхаемся, мы задохнемся все. Мировая революция превращается в мировую грудную жабу!” Или: “Опротивела марксистская вонь. Хочу внепрограммно лучить московские семечки, катаюсь в гондоле по каналам Венеции. О, Ca d’Oro! О, Ponte dei Sospiri!” Такие фразы не забываются <...>

Уже в апреле 1920 года Блок писал о “Двенадцати”: “В январе 1918 года я в последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1914. Оттого я и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно было написано в согласии со стихией... Те, кто видит в “Двенадцати” политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой... Было бы неправдой, вместе с тем, отрицать всякое отношение “Двенадцати” к политике... Поэма написана в ту исключительную и всегда короткую пору, когда пронесшийся революционный циклон производит бурю во всех морях — природы, жизни и искусства; в море человеческой жизни есть такая небольшая заводь, вроде Маркизовой лужи, которая называется политикой... Моря природы, жизни и искусства разбушевались, брызги встали радугою над нами. Я смотрел на радуго, когда писал “Двенадцать”; оттого в поэме осталась капля политики. Посмотрим, что сделает с этим время... Сам я теперь могу говорить об этом только с иронией...”. После “Двенадцати” и “Скифов” (обе вещи были написаны в январе 1918 года) Блок как поэт замолчал. В конце июня 1920 года он сам сказал о себе: “Писать стихи забывший Блок”¹⁹.

Нужно отметить еще один немаловажный момент в восприятии этом революционных событий — эротический. К. В. Мочульский правильно отмечает: «В январе стихия влюбленности в Н. Н. Волохову и создание “Снежной маски”. В марте 1914 года стихия влюбленности в Л. А. Дельмас и создание цикла “Кармен”. В январе 1918 года — третья, по признанию Блока, слепая стихия влюбленности в революцию и создание “Двенадцати”²⁰. «Ничего недопустимого в предположении, что Блок революцию ощущал так же персоналистично, как любовь, найти нельзя, — комментировал эту мысль Ф. А. Степун. — В молодости он был влюблен в Прекрасную Даму и страшился, что она изменит свой образ. Она, конечно, образа не изменила, но Блок сам изменил этому образу, закружился в снежных масках и в цыганских песнях. Нечто аналогичное произошло с ним и в отношении революции: он влюбился в нее, как в некую надземную силу, как в музыку иных сфер и изменил этой космической музыке с глухой к ней большевистской революцией.

Большевики же эту измену космической революции охотно приняли как верность своей, хотя революционер Блок и провозглашал совершенно бессмысленные в их плане вещи. На обличительное письмо Зинаиды Гиппиус он отвечал: «Неужели вы не знаете, что России так же не будет, как не стало и Рима, не в пятый век после Рождества Христова, а в первый год рождения Христова, так же не будет, как Англии, Германии и Франции? Неужели вы не видите, что старый мир уже расплавился?»²¹

П. Е. Щеголёв, хорошо знавший Блока, рассказал о поэте А. Белому: «Он — жертва революции, потому что он пережил обе стороны ее; одни переживают лишь подъем революций, не видя ужасных сторон их; другие — обратное: видят лишь ужасы и не различают стихии подъема; Блок пережил максимально: и ту и другую ее сторону; он пережил то, что не под силу пережить человеку; оттого он не вынес ее; оттого он умер; он не был утопистом-оптимистом, он не был нытиком; оттого-то — он нашел трагедию своей судьбы в ней»²². «Духовный максимализм, стремление к запредельным, вневременным ценностям метафизического, умпостигаемого бытия обернулись для Блока горьким разочарованием. Мысли о катастрофизме истории, о возрождении через “гибель”, об очищении “огнем и бурей”, о благотворной силе стихий и мирового мятежа к концу жизни хоть и не были вовсе вытеснены из его сознания, но померкли, уступая место покорному признанию общечеловеческих ценностей»²³.

Своего рода завещанием Блока можно считать его слова из письма к Н. А. Нолле-Коган от 8 января 1921 года, в котором он так выразил свое пожелание ее будущему ребенку: «Пусть, если только это будет возможно, он будет человеком мира, а не войны, пусть он будет спокойно и медленно созидать истребленное семью годами ужаса»²⁴. Думается, что немаловажным фактором разочарования Блока в большевизме было осознание той роли, которую в новом руководстве страны играли евреи. Нужно сказать, что отмеченный Гиппиус антисемитизм, характерный для поэта, стыдливо замалчивается до сих пор. В данной связи особый интерес представляет признание Блока, сделанное К. И. Чуковскому относительно пресловутой поэмы «Двенадцать»: «Мне представляется, что есть в Париже еврейская лавчонка — которой никто не знает — и она смастерила “12”»²⁵ (это поразительное признание находит точную типологическую параллель в дневниковой записи Блока от 15 августа 1917 года: «Балаганчик — произведение, вышедшее из недр департамента полиции моей собственной души»)²⁶. Знаменательно, что в третьем томе многострадального Полного собрания сочинений Блока, где опубликована поэма «Двенадцать» с подробнейшим комментарием, данное признание поэта отсутствует.

Конец Блока был страшен: поэт безумием заплатил за неумение различать духов. Символично, что он кочергой разбил бюст Аполлона, начал

оскорблять жену и мать; психическая болезнь на благодатной почве дурной наследственности привела к чудовищному изменению его внешнего облика (подобные метаморфозы случались еще за несколько месяцев до кончины поэта²⁷, а в гробу он стал похож на своего издателя С. М. Алянского, как это подметила Н. А. Павлович).

Все в Блоке «весьма загадочно, как загадочен и он сам», — отмечал Ф. А. Степун.

По мнению мыслителя, «в нем ничего нельзя понять, если подвергать его идеологическому расчленению. Его душа, его мирозерцание, а потому, конечно, и его творчество совмещают как будто бы совершенно несовместимые вещи. Но свойственная ему несовместимость и мыслей, и чувств, и устремлений не имеет ничего общего ни со всеобщностью гегелевской диалектики, ни с мистической сосовместимостью Николая Кузанского. Его всеобщность не синтез, а хаос. Этот хаос получается у него потому, что все его высказывания зависят от того душевного состояния, в котором он находится, от того человека, с которым он в данную минуту говорит, и от состояния мира, каким он его в данную минуту чувствует. Его мнения и чувства порождаются, таким образом, не объективными причинами, а как бы случайностями. В этом смысле стиль его мышления может быть определен термином субъективного окказионализма, который, по мнению немецкого ученого Карла Шмидта, характерен для всех романтиков. Раздвоенность Блока граничит временами с шизофренией, но не снимает вопроса, кем он искони был и чем он со временем стал?»²⁸

Как мистическое действо, иррациональную очистительную стихию, мятежную бурю под знаком Апокалипсиса воспринял революцию «брат-враг» Блока Андрей Белый. Это вполне отвечало тем духовно-психологическим критериям, которыми в трактовке видного критика Р. В. Иванова-Разумника определялось метафизическое содержание революционно-максималистского умонастроения, получившего название «скифства»²⁹: «Скифское — это глубокая непримиримость, непримиримость не по форме своей, а по сущности, по духу, эту сущность проникающему. “Скифское” — вечная революционность, революционность — для любого строя, для любого “внешнего порядка” <...> исканий непримиренного и непримиримого духа»³⁰.

«“Духовный энтузиазм” идеолога “скифства” вызывал у Белого встречный подъем “скифских” настроений, — отмечает А. В. Лавров. — И в письмах, и в статьях писатель обосновывает свое понимание осуществляющейся “всемирно-исторической драмы”, исполняемой по священному новозаветному канону, — формулирует тезисы, которые Л. Ю. Бердяева тогда же хлестко определила как исповедование “мистического большевизма” (конечно, к собственно большевизму построения Белого не имели ни малейшего отношения; истоки его революционно-утопических и одновременно национально-мессианских постулатов восходили как к перетолкованным заветам классического славянофильства, так

и, главным образом, к антропософии — к пророчествам Р. Штейнера о грядущей эре славянства, новой эре в послеплатоническом цикле человеческой цивилизации). В предчувствии “революции духа” для Белого — смысл и оправдание всего совершающегося: задача подлинной революции — в явлении миру “новых форм жизни”, в возможности ощутить “ритм Нового Космоса”. <...> Колебания между трезвым осознанием самоочевидных фактов, слагавшихся в картину глобальной социальной катастрофы, и верностью материально-утопическому революционаризму характерны для общественной позиции Белого и после Октябрьского переворота. При этом надежды писателя на освобождающее, насыщенное эсхатологическими импульсами движение к “революции духа” не угасают в течение ряда последующих месяцев и находят весьма выразительное художественное воплощение в поэме “Христос воскрес”, написанной весной 1918 года»³¹.

Показательна и статья Белого «Сирин ученого варварства», напечатанная в газете «Знамя труда» 26 марта и 3 апреля 1918 года; словно не видя творящегося у него на глазах, писатель по-прежнему прорицает о России, которая «простерла над миром огни великолепнейших мифов»:

«Русская современность, бунтуя против мертвой окостенелости позитивно исчисленных политических форм, черпает свои силы из произрастающих зерен народной стихии. Сорвана мертвая, Аполлонова маска с народного представительства, и образуется хор “Советов”; вся глубинная драма борений народной души, где слагаются “мифы” о новых, невиданных формах свободной, сияющей жизни — приподымаются, бьют наружу, как лава из жерл распахнувшихся кратеров; вся Россия, к негодованию, к ужасу материалистов культуры, теперь сгруппированных для защиты ветшающих ценностей, — вся Россия покрылась “оркестрами”, потому что “Советы” — “оркестрии”, столь чаемые Вячеславом Ивановым; материалистически-абстрактные взгляды на государство, одновременно и грубо-чувственные, и черствые, — плавятся; кристаллически-мертвые формы, заплываясь, текут живописными струями переменной действительности; и проступает сквозь них лик далекого будущего»³².

Летом 1918 года Андрей Белый пережил «впервые серьезный перелом от розовой романтики в отношении к революции к исканию чисто реалистического самоопределения в ней»³³. «Два года спустя “розовая романтика” у Белого улетучивается почти бесследно; вместо нее — последовательное неприятие всего утвердившегося нового уклада жизни»³⁴, — утверждает А. В. Лавров. Однако «последовательное» (могло ли у этого «пленного духа», по меткому определению М. И. Цветаевой, быть хоть что-то последовательное) неприятие Белым нового режима после кратковременной эмиграции (1921–1923 годы) сменилось неприкрытым приспособленчеством («реалистическим самоопределением»).

К «Скифам», которые воспринимали революцию, как оргиастическое освобождение человеческого духа из пут всех мещанских правд, был

весьма близок Е. И. Замятин, известный в первую очередь своей антиутопией «Мы» (1921) и занимавший в 1920-х годах одно из ведущих мест в русской литературе. Он приветствовал и Февраль, и Октябрь, но осудил красный террор и выступал против конкретных политических действий советского правительства. Однако вне строго политических вопросов его неоднозначное отношение к советской власти было в большой степени связано с тем, что он вообще был противником любых статичных ценностей и заемных убеждений, что естественно приводило его к идее революции как принципиально бесконечного процесса (эти идеи он разработал в конце 1910-х годов, в период сближения с группой «Скифы»)³⁵. «Тот, кто нашел свой идеал сегодня, — как жена Лота, уже обращен в соляной столп, уже врос в землю и не двигается дальше. Мир жив только еретиками: еретик Христос, еретик Коперник, еретик Толстой. Наш символ веры — ересь <...> Сегодня — отрицает вчера, но является отрицанием отрицания — завтра <...>»³⁶. Эта философская позиция естественно привела Замятина к отчуждению от все более ужесточавшихся на протяжении 1920-х годов норм советского общества и в конце концов к тому, что в 1931 году он покинул СССР и очутился в Париже³⁷.

Совершенно с других позиций — эстетских — воспринимал революционные события поэт М. А. Кузмин. «При всей аполитичности и глухоте к общественным задачам времени Кузмин принял обе революции — февральскую и октябрьскую»³⁸. Одним из первых Кузмин напечатал в майском приложении к журналу «Нива» за 1917 год (№ 5) стихотворение «Русская революция» — приветствие февральским событиям: «Русская революция — юношеская, целомудренная, благая, — / Не повторяет, только брата видит в французе. / И проходит по тротуарам, простая. / Точно ангел в рабочей блузе».

В «Дневнике» Кузмина есть ряд любопытных записей, свидетельствующих об отношении Кузмина к самодержавию и Октябрьской революции.

«Возвращаясь домой мимо Зимнего дворца с часовыми, как при какой-нибудь Екатерине или Павле, я думаю, как это далеко, как запустело, лишено всякого смысла кажется все это, и стоит он, как исторический памятник, как дворец каких-нибудь Дожей» (9 октября 1905 года).

В октябрьские дни 1917 года записи Кузмина говорят о его сочувствии к революционерам, хотя Кузмин считает их обреченными на поражение, и презрении буржуазии:

«26 (четверг). Чудеса свершаются. Все занято большевиками. Едва ли они удержатся... Конечно, большинство людей — проклятые паникеры, звери и сволочи.

Боятся мира, трепещут за нажитое — и готовы защищать его до последней капли крови... На улицах тепло и весело. Дух хороший».

«27 (пятн.[ица]). Действительно, все в их руках, но от них все отступились, и они одиноки ужасно. Власти им не удержать, в городе паника. Противны буржуи и интеллигенты, все припишут себе, а их даже не повесят. Идет Керенский, Корнилов, Каледин, чуть ли не Савинков... Опять не исполнится надежда простых, милых, молодых солдатских и рабочих лиц».

«28 (суббота). Демократические газеты [то есть кадетские, правозсеровские и меньшевистские. — *И. Ш.*] призывают к гражданской войне. Какая сволочь! Сплошная истерика!»³⁹

И это пишет человек, в 1905 году вступивший в «Союз русского народа»!⁴⁰ Большевистские симпатии Кузмина осмелел и представил в карикатурном виде Г. И. Чулков в своем фельетоне «Вчера и сегодня»:

«Ко мне подошел старый знакомый, небезызвестный поэт и отчасти композитор, чьи стилизованные песенки распевали на эстрадах и в салонах весьма охотно <...> “О чем мы будем говорить с этим поэтом?” — думал я, припоминая его стихи, в которых он воспевал то меч Архангела Михаила, то маркиз во вкусе Ватто <...>, то александрийских куртизанок. Правда, он часто менял свои костюмы и вкусы, то шеголяя галлицизмами и одеваясь, как парижанин, то появляясь в истинно-русской поддевке и цитируя наизусть Пролог. “К какой партии вы принадлежите?” — спросил я поэта... “Разумеется, я большевик”, — ответил он тотчас же... Заметив, что я с недоумением смотрю на него, поэт игриво засмеялся и тронул меня за руку. “Ведь нельзя же воевать без конца, вы понимаете?” — сказал он тихо... “Как? — удивился я. — Вы такой патриот, малодушно боитесь войны?” Он смотрел на меня своими большими круглыми глазами... “Признаюсь, Ленин мне больше нравится, чем все наши либералы, которые кричат о защите отечества. В XX веке воевать и странно, и противно”»⁴¹.

«Радостно-возбужденно» встретил февральские дни М. А. Волошин⁴². «Лишь через два года явилось полное понимание “трагической ошибки” Февраля: “В России произошел типичный солдатский переворот... Началось общее разложение России... А русское общество и большинство политических партий... радовались симптомам гангрены, считая их предвестниками исцеления... Весь первый период революции был вопиющим противоречием между прекрасными словами о революции и реальной действительностью ее, нашедшими свое полное воплощение в большевизме”»⁴³. В то же время Волошин считал, что «большевики вовсе не партия, а особое психологическое состояние всей страны, от которого надо лечить именно постоянным общением»⁴⁴. Отношение поэта к событиям 1918–1919 годов наиболее наглядно выражены им в стихотворении «Гражданская война»⁴⁵.

Одни возносят на плакатах
Свой бред о буржуазном зле,
О светлых пролетариатах,
Мещанском рае на земле...

В других весь цвет, вся гниль империй,
Все золото, весь тлен идей,
Блеск всех великих фетишей
И всех научных суеверий.

Одни идут освобождать
Москву — и вновь сковать Россию,
Другие, разнуздав стихию,
Хотят весь мир пересоздать...

И там, и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
«Кто не за нас — тот против нас!»

А я стою один меж них
В ревушем пламени и дыме
И всеми силами своими

Молюсь за тех и за других...

Свою позицию «над схваткой» Волошин уточнил в письме к Б. В. Савинкову: «Не будучи ни с одной из борющихся сторон, я <...> живу только Россией и в ней совершающимся... но стремлюсь занять ту синтетическую точку зрения, с которой борьба всех, в настоящую минуту противопоставленных сил, представляется истинным единством России и русского духа»⁴⁶. Уже в 1922 году на прямой вопрос победителей, с кем он идет — с ними или против них? — Волошин отвечает: «Не все ли равно, с кем он? Не все ли равно, кто победит?.. Человек остается человеком — и есть другой, более важный вопрос: победит ли человек самого себя? Он тоже за революцию, но это революция духа, бунт человека против своей собственной природы»⁴⁷. Таким образом, позиция Волошина оказывается близкой той, которую занимал Блок до тех пор, пока не усомнился в ней под конец своей жизни.

«О падении русской монархии Вячеслав Иванов, никогда, как и большинство людей его круга, самодержавию не сочувствовавший, не имел причин сожалеть»⁴⁸, — отмечал С. С. Аверинцев, упоминая, что Иванову вместе с Бальмонтом новые власти предполагали заказать новый гимн республиканской России. И далее ученый продолжал:

«Ответ Вячеслава Иванова на Октябрь семнадцатого года вносит в разноголосицу русской поэзии совсем особую ноту. Прежде всего, это очень взрослый голос, голос человека, для которого история началась не сегодня и даже не

вчера. Его отрешенное спокойствие не похоже ни на восторги Блока и Андрея Белого, ни на проклятия Дмитрия Мережковского, Зинаиды Гиппиус или Ивана Бунина. Характерен поэтический отклик на строки Г. И. Чулкова: “Ведь вместе мы сжигали дом, / Где жили предки наши чинно...”, относящийся к 1919 году:

Да, сей костер мы поджигали,
И совесть правду говорит,
Хотя предчувствия не лгали,
Что сердце наше в нем сгорит.
Гори ж, истлей на самозданном,
О сердце-Феникс, очаге,
Свой суд приемля в нежеланном,
Тобою вызванном слуге.
Кто развязал Эолов мех,
Бурь не кори, не фарисействуй.
Поэт Трагедия: “Все грех,
Что действие”. Жизнь: “Все за всех!”
А воля действенная: “Действуй!”⁴⁹

«Вина — это не чужая вина, — комментирует эти стихи Аверинцев, — вина откуда-то извне пришедших монстров “хуже зверя”, покончивших с “нашей”, с “моей” Россией (как у Гиппиус: “Если человек хуже зверя, / Я его убиваю. / Если моей России нет, / Я умираю”). Это именно “наша” вина, от которой нельзя откреститься и отгородиться, вина культуры, каковая давно уже тайно и явно живет разрушением традиционной нормы, вина мыслящей и мечтающей головы, что получает заслуженное наказание от грубой силы, явившейся на деле исполнить ее бессознательный приказ, как волшебная сила является по повелению неразумного Ученика Чародея в балладе Гёте и как Смердяков выполняет бессознательные отцеубийственные помыслы Ивана Карамазова в романе Достоевского. Мысль Вячеслава Иванова — покаянная, только нужно чувствовать, насколько она лишена и тени сентиментальной экзальтации. Поэт держит в уме и эсхилловское “Что тут не грех? Все — грех!”, — и, разумеется, слова Достоевского о вине каждого перед каждым. <...> Да, Иванов не находил, в отличие от своих символистских собратьев Блока и Белого, реальность Октября скольконибудь для себя вдохновляющей⁵⁰. Ему была абсолютно неприемлема безбожная компонента (sic!) большевистской идеологии»⁵¹.

Днями «буйственной слепоты, одержимости и беспамятства» назвал Иванов революцию в статье 1918 года «Наш язык», подготовленной для запрещенного властями сборника «Из глубины»⁵².

И какой издевкой над ивановским проектом «соборного», всенародного искусства невольно прозвучали слова Андрея Белого, который так уговаривал друга принять большевизм: «Вячеслав! Ты узнаешь, узнаешь? Ведь советы — это твои оркестры⁵³. Совсем, совсем они!»⁵⁴

«Мы не намерены отстаивать абсолютную невинность и как бы непричастность к катастрофам века ни для символистов вообще, ни специально для Вяч. Иванова, — писал Аверинцев. — Это решительно

противоречило бы прозрениям самого поэта, для которого была исключительно важна мысль Достоевского о вине каждого перед каждым; мы помним, какими стихами он откликнулся в 1918 году на разгорание большевистского “костра”. Толку в благодушных апологиях так же мало, как в морализирующих порицаниях. Необходимо вообще выйти за пределы несложных оценочных суждений и попытаться увидеть вопрос в его исторической перспективе»⁵⁵. Но в «исторической перспективе» отнюдь не случайно, что, вспоминая именно В. Иванова, Н. А. Бердяев отметил: «То двоение, которое обнаружилось у деятелей ренессанса, можно считать упреждением двоения, обнаружившегося в коммунистической революции, в которой трудно отделить свет от тьмы, добро от зла»⁵⁶.

Литературовед А. М. Эткинд, суммируя результаты своего исследования о литературе и революции в контексте русского сектантства (и, заметим, роль его сильно преувеличивая), полагает:

«Сакрализуя народ, проблематизируя социальные и гендерные отношения, приглашая читателя к Апокалипсису, русский символизм создал образцы для перехода от народнической утопии 19 века к идеологической утопии 20-го <...> Неонароднический мистицизм эволюционировал в разных направлениях. У одних он развился в 1920-х годах в направлении к принятию католицизма; у других воплотился в антропософский <...> Третьи — крупнейшие философы, но не писатели — вернулись к каноническому православию. Самые упорные продолжали ждать Преображения от большевистской революции, видя в ней давно предсказанное восстание сектантского народа против ненавистного государства <...> Литература и революция соединены отношениями родственными и, более того, кровосмесительными. Реальность, конструируемая письмом, и есть та, в которой и над которой производятся революции»⁵⁷.

Под каким бы углом зрения ни рассматривать вопрос об отношении русских писателей к революционной катастрофе 1917 года, несомненно, что «в русской революции порыв к свободе с самого начала таил в себе и волю к разрушению <...> Во всяком случае нам надо помнить, что за победу зла в мире в первую очередь отвечают не его слепые исполнители, а духовно зрячие служители добра»⁵⁸.

Примечания:

¹ Бунин И. А. Окаянные дни. Тула, 1992. С. 65.

² Устами Буниных. Дневники. Т. 1. Франкфурт-на-Майне, 1977. С. 153.

³ Там же. С. 155. Характерна запись, которую писатель сделал 2 апреля: «Фельетон Сологуба: “Преображение жизни”. Надо преобразить жизнь, и делать это должны поэты. А так как Сологуб тоже причисляет себя к поэтам, то и он преобразяет, пиши. А писал он всегда о гнусностях, о гадких мальчишках, о вожделении к ним. Ах, сукины дети, преобразители» (цит. по: Там же. С. 65).

⁴ Розанов В. В. Апокалипсис русской литературы // Новый мир (Москва). 1999. № 7. С. 149.

⁵ Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени // *Розанов В. В. О себе и жизни своей.* М., 1990. С. 580.

⁶ *Мандельштам Н. Я.* Вторая книга. Париж, 1972. С. 449 и сл.

⁷ Там же. С. 451.

⁸ Франк С. Л. Непрочитанное. М., 2001. С. 481.

⁹ Там же.

¹⁰ Сегал Д. «Сумерки свободы»: о некоторых темах русской ежедневной печати 1917–1918 гг. // *Минувшее (Париж).* 1987. Вып. 3. С. 185–186.

¹¹ *Мережковский Д. С.* Большая Россия. Л., 1991. С. 226–228.

¹² Там же. С. 221.

¹³ О них см.: *Анненков Ю. П.* Дневник моих встреч. Т. 2. Л., 1991. С. 132: «Русская литература после коммунистического переворота 1917 года пережила целый ряд превращений. Уже в самые первые месяцы после Октября началось ее расчленение. В 1919 году сформировались так называемые “попутчики”, состоявшие главным образом из литературной молодежи. Постепенно “попутничество” начало разрастаться и принимать все более широкие размеры. В чем заключалось “попутничество”? Главной чертой его был постепенный отказ от индивидуального понимания литературных задач и в приятии коммунистической идеологии. В центре “попутчиков” оказалась группа “Серapiroновы братья”: очень рано умерший Лев Лунц, Михаил Зошенко, Михаил Слонимский, Николай Никитин, Всеволод Иванов, возглавляемые в своих формальных, стилистических искаательствах, тогда еще очень заметных, Евгением Замятиным. В известной степени к той же группе примыкал Борис Пильняк.

¹⁴ См.: *Шауб И. Ю.* Русские писатели и Белое дело // *Белая Россия. Опыт исторической ретроспекции.* Материалы международной научной конференции в Севастополе. СПб.; М., 2002. С. 118–126.

¹⁵ Когда представители Добровольческой армии создали в Одессе газету «Южное слово», И. А. Бунин поначалу стал членом редакции, а затем (с 21 окт. 1919) — соредактором этой газеты (с академиком Н. П. Кондаковым). Только падение Белого Крыма помешало Бунину воспользоваться приглашением П. Б. Струве приехать туда для работы. В. Н. Бунина после известия о поражении армии генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля записала (15 нояб. 1920): «Чувство такое похожее на то, когда теряешь близкого человека» (Устами Буниных. Указ. соч. Т. 2. Франкфурт-на-Майне, 1981. С. 18).

¹⁶ *Бунин И. А.* Указ. соч. С. 91.

¹⁷ См.: *Шауб И. Ю.* По линии наибольшего сопротивления // *Посев (Москва).* 2002. № 1. С. 40–42. Вот как прокомментировал Л. Н. Гумилев хронику последних дней жизни своего отца, составленную Е. Е. Степановым: «Опираясь на собственный опыт, должен сказать, что составленным органами официальным протоколам и занесенным в них признаниям обвиняемых (в том числе и признаниям моего отца) — доверять не следует» (цит. по: *Гумилев Н. С.* Указ. соч. С. 429). Кстати, последняя книга, посвященная гибели поэта (*Зобнин Ю. В.* Казнь Николая Гумилева. Разгадка трагедии. М., 2010), не содержит ничего принципиально нового для решения вопроса о степени его участия в контрреволюционной деятельности.

Прим. ред.: Отметим здесь, что история «Таганцевской организации» получила новое освещение благодаря кропотливым трудам петербургского историка В. Ю. Черныяева, который в процессе многолетних исследований документов и материалов в архивах Финляндии пришел к убедительным выводам о реалистичности ее существования и деятельности в Петрограде в 1921 году. См. например: *Черныяев В. Ю.* Финляндский след в «деле Таганцева» // *Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики.* СПб.; Вадуц, 1997. С. 180–200. Важный документ, который использовал В. Ю. Черныяев, был выявлен в фондах Гуверовского архива Стэнфордского университета В. Г. Бортневским. См.: Письмо от 4 окт. 1921 Д. Д. Гримма — П. Н. Врангелю / Вводная статья, подготовка текста и комментарии В. Г. Бортневского // *Русское прошлое (СПб.).* 1996. № 7. С. 106–115.

¹⁸ «Вся философия истории Блока, его политическая страстность и его безумием окрашенное пристрастие к большевизму связаны с пониманием музыки как первостихии исторического процесса», — отмечал Ф. А. Степун (цит. по: *Историософское и политическое мирозерцание Александра Блока // Александр Блок. Pro et contra*. СПб., 2004. С. 598).

¹⁹ *Анненков Ю. П.* Указ. соч. Т. 1. С. 63–68.

²⁰ *Мочульский К. В.* А. Блок. А. Белый. В. Брюсов. М., 1997. С. 234.

²¹ *Степун Ф. А.* Указ. соч. С. 605.

²² *Быстров В. Н.* Идея преображения мира в сознании и творчестве Александра Блока. Грани трагедии (1910–1921) // *Литература и история*. Вып. 3. СПб., 2001. С. 411.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 411–412.

²⁵ *Чуковский К. И.* Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 156.

²⁶ *Блок А.* Собр. соч. В 8 т. Т. 7. С. 301.

²⁷ *Чуковский К. И.* Александр Блок // А. Блок в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1980. С. 250.

²⁸ *Степун Ф. А.* Указ. соч. С. 597–598.

²⁹ Подробнее об этом идейном течении левозсеровского толка см.: *Лавров А. В.* Андрей Белый и Иванов-Разумник: Преуведомление к переписке // Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 10, прим. 29.

³⁰ Там же. С. 11.

³¹ Там же. С. 12.

³² *Белый Андрей.* Сирия ученого варварства (По поводу книги В. Иванова «Родное и вселенское»). Берлин, 1922. С. 16–17.

³³ *Лавров А. В.* Указ. соч. С. 13.

³⁴ Там же.

³⁵ Идея «перманентной революции» связывается с именем Л. Д. Троцкого, который разработал это понятие в своем сочинении 1906 «Наша революция», хотя впоследствии и отказался от самых радикальных сторон этой идеи. Хотя Замятин, несомненно, был знаком с сочинениями Троцкого, нам неизвестно о существовании прямой связи между его концепцией революции и взглядами Троцкого. К 1917 представления Замятина о революции находились на гораздо более высоком уровне теоретической абстракции, чем идеи Троцкого, поскольку Замятин отрицал любые близко доступные цели и всякую организованную революционную деятельность, а следовательно, и все массовые движения как форму филистерства. По мнению Замятина, истинный революционер может трудиться только ради отдаленного будущего и поэтому в настоящем должен быть готов подвергнуться остракизму со стороны общества. В этом свете идеи Замятина перекликаются с его критикой произвольности всех человеческих ценностей, которую он возводил к Ницше. См.: *Платт К.* История в гротескном ключе. Русская литература и идеи революции. СПб., 2006. С. 196.

³⁶ *Платт К.* Указ. соч. С. 161.

³⁷ Там же.

³⁸ *Шмаков Г. Г.* Блок и Кузмин // *Блоковский сборник 2*. Тарту, 1972. С. 357.

³⁹ Там же. С. 357–358.

⁴⁰ *Богомолов Н. А., Малмстад Д.* Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. М., 1996. С. 96.

⁴¹ Там же. С. 203.

⁴² *Купченко В. П.* Жизнь Максимилиана Волошина. СПб., 2000. С. 185.

⁴³ Там же. С. 187.

⁴⁴ Там же. С. 203.

⁴⁵ Там же. С. 224.

⁴⁶ Там же. С. 233.

⁴⁷ Там же. С. 258.

⁴⁸ *Аверинцев С. С.* «Скворещниц вольных граждан...» Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2002. С. 95.

⁴⁹ Там же. С. 95–96.

⁵⁰ Недаром Андрей Белый (см.: *Белый А.* Указ. соч. С. 17) корил поэта за то, что тот «для сказочной нашей действительности не находит в себе бодрых, веющих радостью слов».

⁵¹ *Аверинцев С. С.* Указ. соч. С. 96. В Баку Иванов будет говорить своему студенту Моисею Альтману, что большевизм, отрицая религию, погрешает против Отца, отрицая личное начало, — против Сына, отрицая свободу — против Духа Святого. См.: *Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 64 (Запись от 10 апр. 1921).

⁵² Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 356. Подвергнув в этой статье суровому суду большевистскую языковую политику, Иванов примерно в это же время пытался найти легальный путь противодействия разрушению языка, обращаясь в Наркомпрос с проектом создания соответствующей «ученой ассоциации», хотя и без успеха (см. примечания М. А. Колерова и Н. С. Плотникова в кн.: Вехи. Указ. соч. С. 568–569).

⁵³ Намек на слова Вяч. Иванова из статьи «О веселом ремесле и умном веселии», впервые появившейся в 1907 в журнале «Золотое руно» (№ 5): «Страна покроеется орхестрами и фимелами, где будет плясать хоровод, где в действе <...> народной мистерии воскреснет истинное мифотворчество (ибо истинное мифотворчество — соборно)». «Орхестра — в древнегреческом театре место, где пел и плясал хор. Фимела — собственно, обозначение верхней части алтаря, где горела жертва; но в узусе античных авторов слово это постоянно прилагалось к алтарю Диониса на орхестре, почему становилось синонимом слов “орхестра” и “хор”», — разъясняет С. С. Аверинцев (цит. по: *Аверинцев С. С.* Указ. соч. С. 161–162).

⁵⁴ *Дешарт О.* Введение // *Иванов Вяч.* Собр. соч. в 4 т. / Под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт. Т. I. Брюссель, 1971. С. 161.

⁵⁵ *Аверинцев С. С.* Указ. соч. С. 162.

⁵⁶ *Бердяев Н. А.* Самопознание. Л., 1991. С. 156.

⁵⁷ *Эткинд А. М.* Хлыст. М., 1998. С. 676–677.

⁵⁸ *Степун Ф. А.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 1995. С. 311.

Д. М. Гузаиров

К истории Гвардейского флотского экипажа в дни Февральской революции 1917 года

В современном Российском Военно-морском флоте есть несколько кораблей, имеющих почетное наименование Гвардейских. Один из таких кораблей — Гвардейский ракетный крейсер «Варяг» Тихоокеанского флота. Закладывался и строился этот крейсер еще в советское время, в честь легендарного крейсера «Варяг», затопленного командой после боя с эскадрой контр-адмирала С. Уриу в 1904 году на рейде корейского порта Чемульпо. Некоторые историки флота неоднозначно относятся к действиям командира крейсера капитана I ранга В. Ф. Руднева, но дело не в этом, а в том, что крейсер «Варяг» не был Гвардейским в 1904 году, несмотря на это невозможно усомниться в героизме команды крейсера.

Современному гвардейскому крейсеру «Варяг» похвастаться таким героизмом вряд ли возможно, да это и понятно: время сейчас мирное, да и в каких-либо боевых операциях крейсер не участвовал. Однако когда крейсер в 1990-х годах совершал дружественный визит в один из южнокорейских портов, назад он шел практически не самостоятельно, а как тогда было принято говорить на флоте «за ноздрю». Хотя, конечно, нельзя обвинить команду крейсера в непрофессионализме, причин для такого «возвращения» может быть множество: от задержки выплаты денежного довольствия до недостаточного финансирования военно-морского флота. Пресса постаралась об этом замолчать, но единичен ли был такого рода случай в нашем флоте в последние годы? Практически всегда, при нынешней власти, так же как и в советское время, происходит одно и то же: ложь и замалчивание фактов. Автор привел этот пример не случайно, а для того чтобы сравнить и показать, что наименование для любой Гвардейской части должно иметь под собой и основание, и, самое главное, — оправдывать свое имя делом.

Гузаиров Дмитрий Михайлович — капитан II ранга в отставке (Санкт-Петербург).

В Русском Императорском Военно-морском флоте существовала всего одна Гвардейская морская часть, — это Гвардейский флотский экипаж (Гвардейский Морской экипаж). Хотя, конечно, можно вспомнить корабли Черноморского флота, линейный корабль «Азов» и легендарный бриг «Меркурий», но даже после своего подвига они не были причислены к Гвардейскому флотскому экипажу, а получили Георгиевские кормовые флаги. Здесь необходимо сказать несколько слов об истории создания Гвардейского флотского экипажа.

Одной из причин создания экипажа послужило желание императора Александра I иметь у себя Морскую гвардейскую часть наподобие той, которая была у императора Наполеона Бонапарта. В 1807 году при знаменитом свидании двух императоров на Немане произошел конфуз. Русские казаки, выступавшие в роли гребной команды, гребцами оказались «никудашными», а потому начало встречи на плоту затянулось, что вызвало раздражение Бонапарта. Гвардейский флотский экипаж был учрежден Высочайшим повелением 16 февраля 1810 года в Санкт-Петербурге. Назывался он тогда Гвардейский Морской экипаж, и на его формирование поступили команды придворных гребцов и яхт, а также гребцы с адмиральских и капитанских катеров. Старшинство части, несмотря на позднее время создания, устанавливалось с 16 февраля 1710 года, так как считалось, что придворные гребцы существовали уже у императора Петра Великого и, по сути, представляли собой гвардейскую морскую часть, но не существовавшую отдельно. Хотя остальные части русской Гвардии, в частности Семёновский и Преображенский полки, оспаривали это старшинство.

«Штаб гвардейского экипажа 4 роты всего 448 человек, из них матросов 394»¹.

«Первый командир Гвардейского Морского Экипажа капитан-лейтенант Карцов»².

Капитан-лейтенант Карцов Иван Петрович, впоследствии контр-адмирал, командовал экипажем с 16 февраля 1810 года по 27 января 1825 года.

«Нижние чины, выбранные для службы в Гвардейском морском экипаже, окончательно поступали в него не прежде, как по удостоении самим ИМПЕРАТОРОМ, осматривавшим каждую доставленную партию. Артиллерийскую команду Гвардейского морского экипажа начал формировать артиллерии Лейтенант Лист вместе с унтер-Лейтенантом Кисилёвым. Экипаж разместился в казармах Галерной Гавани и получил из Санкт-Петербургского арсенала 410 ружей, тесаки, егерские сумки, ранцы, манерки, барабаны, флейты и прочие к ним принадлежности»³.

«Осенью того же года по осмотре Гвардейского Морского Экипажа Великим Князем Константином Павловичем, повелено было, для отличия от прочих полков гвардии, иметь экипажу на крышках патронных сумм якорь вместо бляхи»⁴.

Для отличия от простых частей флота были введены изменения в форме одежды.

«Офицерам панталоны заменены брюками и по примеру прочих гвардейских полков даны по два золотых эполета, по чинам, тогда как во флоте оставалась еще прежняя форма, дававшая мичманам один обер-офицерский, а капитан-лейтенанту один штаб-офицерский эполет на левом плече. С отменой шпаг и кортиков, морские офицеры получили полусаблю на кожаном лакированном ремне через правое плечо, под эполет, и всем офицерам Гвардейского Морского Экипажа были тогда подарены такие сабли Великим Князем Константином Павловичем в знак особого милостивого внимания своего к вновь сформированной Морской Гвардии. Его Высочество сам приспособлял это оружие, для более удобного его ношения»⁵.

В кампанию 1812 года Гвардейский морской экипаж наводил переправы. У села Бородино моряки Гвардейского экипажа охраняли мост, который в ходе сражения сожгли для того, чтобы отрезать противнику, прорвавшемуся на позиции Егерского полка, возможность к отступлению. Присоединившись к егерям, моряки Гвардейского экипажа полностью уничтожили этот французский полк. На левом русском фланге в Бородинском сражении участвовала артиллерийская команда экипажа в составе 14 орудий. 26 августа 1813 года за участие в сражении при Кульме Гвардейский морской экипаж в числе других гвардейских частей приказом императора Александра был пожалован Георгиевским знаменем Российской Императорской гвардии. На Андреевском же кормовом флаге, в центре помещался образ св. Георгия Победоносца.

«В достопамятный день седьмого на десять числа сего месяца, храбрые Гвардейские Воины! Покрыли вы себя новыми не увядаемыми лаврами, и оказали важную Отечеству услугу <...> В знак должной признательности дарую вам: Преображенскому и Семёновскому полкам и Гвардейскому Морскому Экипажу Георгиевския Знамена; Измайловскому же и Егерскому Георгиевския трубы. Рука Господня, да охраняет вас поборяющих по вере и правде.

АЛЕКСАНДР»⁶.

Гвардейский морской экипаж участвовал в декабрьских событиях 1825 года. Увы! Десять офицеров экипажа предстали перед судом, были осуждены по разным разрядам и по конфирмации. Дальнейшая их судьба сложилась по-разному. Матросы экипажа, по сути обманутые офицерами, вышли на Петровскую площадь, но в ходе противостояния с верными императору Николаю I войсками повели себя достойно и не пошли на кровопролитие. Подтверждением сказанному могут служить материалы донесения следственной комиссии: «Наконец Кюхельбекер (Вильгельм) дерзнул обратить оружие на Великого Князя Михаила Павловича: матросы Гвардейского Экипажа, с коими он стоял, и в волнении

мятежа уstraшенные сим покушением злодейства, отвели пистолет его»⁷. Несмотря на участие экипажа в попытке государственного переворота, он не был расформирован или «заклеймен вечным позором», как это произошло бы в советском государстве. Морской Гвардейский экипаж продолжал служить верой и правдой России и не просто служить, а постоянно подтверждать делом свою принадлежность к русской Гвардии.

Гвардейский морской экипаж участвовал практически во всех военных кампаниях русских войск вплоть до своего расформирования в 1918 году. Если проследить все военные кампании, в которых участвовал Гвардейский морской экипаж, то можно оценить разнообразие тех задач, которые выполняли его чины: строительство мостов и наведение переправ, участие в операциях совместно с сухопутными войсками. Одновременно — морская служба как основная, служба на императорских яхтах и несение караулов во дворце. Таким образом, Гвардейский морской экипаж представлял собой скорее часть специального назначения, чем просто обычную морскую.

Морской Гвардейский экипаж имел знаки отличия, пожалованные ему в разное время российскими императорами:

Знамя Георгиевское, с надписью: *«За оказанные подвиги в сражении 17 Августа 1813 года при Кульме»*, с Андреевской юбилейной лентой, пожаловано в командование капитана I ранга Карцова Высочайшим приказом 26 Августа 1813 года;

Андреевскую юбилейную ленту, пожалованную 16 февраля 1860 года по случаю 50-летнего юбилея учреждения Гвардейского экипажа;

Георгиевские рожки, с надписями: в роте Его Высочества генерал-адмирала Великого князя Алексея Александровича (ныне Ея Величества, Государыни Императрицы Марии Феодоровны) — *«За переправу через Дунай у Зимницы 13 Июня 1877 года»* (Командир Лейтенант Палтов), а в прочих ротах — *«За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 гг.»*, пожалованы 22 июля 1881 года взамен знаков на отмененные шапки с теми же надписями, которые были пожалованы Высочайшим приказом 17 апреля 1878 года.

К началу XX века служить в Гвардейском морском экипаже считалось очень престижно. Значительная часть офицеров Гвардейского Морского экипажа принадлежала к русской аристократии. Во многом это было связано с тем, что экипажу благоволил лично Великий князь Алексей Александрович, командовавший элитной частью с 1873 года. Хотя, по мнению современников, сам Великий князь особыми дарованиями как адмирал не отличался и всякое упоминание о необходимости кардинального реформирования флота воспринимал болезненно. После Цусимской катастрофы 1905 года он подал в отставку.

Гвардейский Морской экипаж участвовал в Цусимском сражении. Эскадренный броненосец «Александр III» был полностью укомплектован офицерами и матросами Гвардейского Морского экипажа. Весь экипаж — 22 офицера и 794 нижних чина — героически погиб в бою. В составе 2-й Тихоокеанской эскадры на крейсере «Адмирал Нахимов» служили 134 нижних чина, на «Урале» — семь нижних чинов.

К 1910 году в состав экипажа входили четыре строевые и две машинные роты, гвардейскими чинами были укомплектованы крейсер «Олег», эсминцы «Войсковой» и «Украина», императорские яхты «Штандарт», «Полярная звезда», «Александрия», «Царевна», «Марево», посыльные суда «Разведчик» и «Дозорный». В списках экипажа числились 5 адмиралов, 21 штаб- и 24 обер-офицера флота, 20 инженер-механиков, 8 медиков, 10 офицеров по Адмиралтейству, 2 классных чиновника, 38 кондукторов, 2060 унтер-офицеров и матросов.

В начале Великой войны Морским министерством и командованием Гвардейскими частями принимается решение о формировании отдельного батальона Гвардейского морского экипажа. 2 сентября 1914 года были сформированы 1-й и 2-й отдельные батальоны Гвардейского Морского экипажа. В 1915 году оба батальона сведены в один, отдельный батальон Гвардейского экипажа. Участие Гвардейского Морского экипажа в событиях Февральской революции 1917 года, как правило, ассоциируется с якобы имевшим место прибытием его чинов к Таврическому дворцу во главе с командиром экипажа, Свиты Его Величества контр-адмиралом Великим князем Кириллом Владимировичем. В результате исследований материалов в фондах РГА ВМФ нам не удалось найти каких-либо документов, которые бы подтвердили настоящее утверждение. Подразделения экипажа дислоцировались не только в Петрограде, поэтому Гвардейский экипаж и не мог прибыть в полном составе к Таврическому дворцу. В печати того времени нет отражения участия Гвардейского экипажа в революционных событиях. По утверждению отдельных историков, Гвардейский экипаж якобы занял Николаевский вокзал, однако документального подтверждения и этого факта мы не нашли. Вместе с тем, несмотря на такую славную и богатую боевую историю, Гвардейский Морской экипаж, так же как и другие части Гвардии, оказался в водовороте революции и, собственно говоря, «плыл» по течению. И это не столько вина экипажа, сколько следствие болезненных исторических процессов, развивавшихся в России.

В подтверждение автор хотел бы предложить вниманию читателей четыре документа, которые достаточно ярко рисуют общую обстановку в Гвардейском Морском экипаже после Февральской революции 1917 года (публикатором сохранена орфография оригиналов).

Документ № 1.

«Проект организации временного управления Гвардейским экипажем.

Матросы Моругий, Соколов и Томингас, по поручению организационной, Комиссии приступили к выработке проекта организации временного управления Экипажем, впредь до издания Новым Революционным Правительством вполне определённого по сему закона.

Прежде всего, докладчики, принимая во внимание общее политическое положение страны в данный момент и считаясь со взглядами по данному вопросу в Совете Рабочих и Солдатских депутатов, сравнивают предполагаемую внутреннюю жизнь Экипажа, как и прочих частей, с жизнью демократии страны, и, базируясь на этом принципе, представляет себе картину будущей жизни Экипажа в следующем виде.

Экипаж управляется Командиром Экипажа, который избирается всем наличным составом экипажа путём подачи голосов и утверждается Морским Министром.

Парламентом Экипажа считается Экипажный комитет, который состоит из выборных матросов ПО ОДНОМУ от каждой роты и команды.

Председателем комитета, является матрос, избираемый из состава членов. Секретарь, как и председатель, избирается из тех же членов. Время заседания комитета определяется текущими потребностями в нём и по назначению председателя Комитет ведёт журнал заседаний и выписку из журнала представляет Командиру экипажа, который путём письменного или устного приказа делает распоряжение о практическом применении всех мероприятий и порядков, изложенных в постановлениях Комитета. Роты и команды также имеют комитеты. Ротный комитет состоит из 3 членов.

Участие, с правом совещательного голоса, Командира Экипажа в Экипажном комитете и ротных командиров в ротных комитетах очень желательно, но не обязательно»⁸.

«Мы нижеподписавшиеся матросы 1 роты Кадровой команды, Гвардейского Экипажа, уполномочиваем от себя в собрание Экипажного и ротного комитетов нижеследующих лиц, для временного улигулирования экипажа и роты.

7 марта 1917 года»⁹.

Документ № 2.

«Протокол № 1

Гатчинской команды загородных судов.

1. Единогласно постановили выбрать исполняющего должность боцмана машинного унтер-офицера 1 статьи Ивана Павлова Власова.

2. Избраны в комитет Гатчинской команды Машинный унтер-офицер 1 статьи Боцманмат Михаил Иванов Куничев Матрос 1 статьи Кондрат Антипов Колениченко и на них же возложена обязанность исполнения всех текущих вопросов по команде. «Товарищеский суд» под председательством Боцманмата Михаила Иванова Куничева и членов: Маш.[инного] унтер-офицера 1 статьи Ивана Павлова Власова, матроса 1 статьи Кондрата Антипа Колениченко.

3. Исключить из списков и занимаемой должности старшего берегового боцмана Митрофана Михайлова Смолина, как несоответствующего занимаемому им месту противодействовавшего процветанию страны и угнетающего вверенных ему матросов, произволом сверх военного устава.

Исполняющий должность боцмана
Маш.[инный] Унтер-офицер 1 статьи Власов

Члены комитета: Боцманмат Куничев
Матрос 1 статьи Калининченко»¹⁰.

Документ № 3.

«АКТ.

Предъявленный бывшему командиру 2-ой роты отдельного батальона Гвардейского Экипажа. Старшему Лейтенанту ХВОЩИНСКОМУ.

Петроград Апреля 18-дня 1917 года. Состоя командиром роты позволяя себе много грубостей и часто по несправедливости принимал ужасно строгия меры дисциплинарного наказания: тратил артельные экономическия Командныя суммы лично для своих расходов при чём например бывшему фельдфебелю 6-й роты От.[дельного] Бат.[альона] высрал 110 рублей кои ещё нами с него не получены и по настоящее время.

При начале революционного движения принимал все меры старого режима грозя отступившим якобы от присяги расстрелом пулемётным и ружейным огнём возставших людей не только своего батальона, но даже роты.

Потеряв надежду склонить свою роту на сторону старого режима просил только прибывший батальон Турутинского полка дать ему команду с пулемётами для разстрела негодяев и бунтовщиков не признававших власти, продолжал всё время кричать, чтобы нас не допустили до Петрограда и взрывали на пути мосты и дороги, так как батальон шёл с пулемётами и обозом, что видно из показания отставшей частью нашей команды обоза, а так-же и жителей села Пулково, для чего прилагаются подписка Маш.[инного] Ун.[тер-] Оф.[ицера] Чемеренко.

На основании всего вышеизложенного принят быть не может не только ротю, но как ужасно вредный элемент должен быть предан суду и лишён Офицерского звания в виду того, чтобы он не имел возможности поступить Офицером в одну из частей Свободной Русской Армии и Флота.

За председателя ротного комитета: И. Линдрижен»¹¹.

Документ № 4.

АКТ.

Бывший командир 3-й роты Отдельного батальона Г[вардейского] Э[кипажа] л-[ейтенант]т Сольский с самого начала командования ротой, выказал по отношению к людям роты, самое безграничное и жестокое обращение

с кулачной расправой. Этот позор всегда был терпеливо преносим ввиду сурового закона старого режима, грозившего разстрелом за проступки в неповиновении начальству. На передовых окопах ставил под винтовку при полной боевой амуниции. 24-го августа 1916 года. По неряшливому отношению к делу одного взводного и отделенного, обвинил всех и водил роту под разстрел немецких пулемётов, выстроив фронтом к неприятелю, находящемуся в 600-х шагах от окопов. Только случаю или PROVIDENIU угодно было, но никто из команды ранен не был, хотя пулемётный обстрел был довольно силен. Это зверское обращение с подчинёнными и топтание в грязь человеческого достоинства, не должно остаться без наказания.

2-го Марта сего года в дни революции, лейтенант Сольский отказался следовать за ротой из слободы Александровская в Петроград в Гвардейский Экипаж был арестован и препровождён под конвоем в Государственную Думу.

Матросы 3-й роты единогласно решили не принимать в Г[вардейский] Э[кипаж] таких офицеров, а отсылать их в действующую армию, тем более Лейтенант Сольский хороший инструктор боевого дела и храбрый, что подтверждает вся рота, может принести пользу на фронте. Принятие же в свободные Революционные войска таких элементов не считающихся с человеческим достоинством — отклоняем.

Петроград “14” апреля 1917 года. № 14.

Комитет 3-й роты Председатель К. Пашков.

Верно: Секретарь И. Симаков»¹².

3 марта 1918 года приказом № 103 по флоту Балтийского моря Гвардейский морской экипаж был расформирован. Последним командиром Гвардейского экипажа (8 марта 1917 — 3 марта 1918) стал капитан I ранга Михаил Михайлович Лялин. Нам бы хотелось закончить свой доклад словами поручика по Адмиралтейству Георгия Борисовича Александровского, автора книги «Цусимский бой», написанной и впервые изданной в Нью-Йорке, к 50-летию Цусимского сражения. Вот как этот честный офицер объяснял морально-нравственные причины революции: «Неверие в Бога, недержание данного нами самими честного слова, полное безразличие к такому ответственному шагу, как принятие присяги, и небрежное отношение к принятым на себя обязательствам. Нашему характеру свойственны блестящие порывы, но не хватает выдержки остаться верным этим порывам до конца. Мы не сумели воспитать в себе принципиальность, слишком легко идем на компромиссы со своей совестью и готовы укоры этой совести заглушить, хватаясь за потворствующие нашим слабостям мало-мальски приемлемые объяснения. Эта беспринципность и неумение отличить постоянные интересы русского народа от временных интересов сословия, класса, политической партии и привели к национальной катастрофе России — к гораздо более страшной политической Цусиме»¹³.

Примечания:

- ¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 935. Оп. 2. Д. 149. Л. 69.
- ² Там же. Л. 71.
- ³ Там же. Л. 72.
- ⁴ Там же. Л. 73.
- ⁵ Там же. Л. 73–74.
- ⁶ Там же. Л. 134.
- ⁷ Там же. Д. 186. Материалы исторической комиссии Гвардейского экипажа № 14. Доклад следственной комиссии. Л. 41.
- ⁸ Там же. Оп. 1. Д. 2207. Л. 1. Проект организации временного управления гвардейским экипажем.
- ⁹ Там же. Л. 3.
- ¹⁰ Там же. Л. 28.
- ¹¹ Там же. Л. 50.
- ¹² Там же. Л. 53.
- ¹³ *Александровский Г. Б. Цусимский бой. СПб., 2003. С. 212.*

А. В. Посадский

Условия и способы мобилизации масс в годы гражданской войны

Проблема, вынесенная в название, представляется нам одной из ключевых для понимания военной и социальной истории гражданской войны в России. Данную тему многократно затрагивали мемуаристы и исследователи. Предложим коллегам несколько тезисов по данному вопросу¹.

Одним из наиболее важных условий социальной активности в целом становится демографическая ситуация. Россия начала XX века в этом отношении имела прекрасный и «опасный» демографический баланс, с многочисленными активными возрастaми.

Стремительный рост страны в «третьеиюньский» период создавал как хозяйственные дисбалансы между регионами, так и настроение повышенных ожиданий и в обществе, и в народе. Исследование демографической ситуации, трансформации традиционного общества с появлением новых «валентностей» для активных возрастов, гендерных аспектов, инфраструктурной ситуации и многих иных проблем создаст возможности для новых оценок собственно событий гражданской войны — ее причин, мотивов участников, механизмов разрастания — и формирует для них рамки восприятия и изучения. В этом отношении большое значение, на наш взгляд, имеют масштабные труды Г. А. Гольца², Б. Н. Миронова³, С. А. Нефёдова⁴. На русском языке увидела свет классическая, не переводившаяся до сих пор фундаментальная работа П. А. Сорокина⁵.

Новые степени свободы от менявшейся жизни, кризис семьи и общины породили пьянство и хулиганство. Эти явления как новые и тревожные активно изучались современниками еще в начале XX столетия⁶. М. О. Меньшиков, а также авторы многих правых изданий писали о «зонтах и галошах» в деревне, видя в этом не плоды улучшения качества жизни, а результат неуместных appetитов, подражательства и ухода

Посадский Антон Викторович — доцент, профессор кафедры истории и этноконфессиональных отношений Поволжской академии государственной службы им. П. А. Столыпина, доктор исторических наук (Саратов).

от христианских мотиваций в жизни и деятельности. Накануне Великой войны 1914 года представители интеллигентных слоев общества начали освобождаться от господства радикально-социалистических настроений, а многочисленный полуинтеллигент «пошел в социалисты». В то же время процесс трансформации и разрушения общины создавал новые степени свободы для деревенских жителей, которые востребовались растущей индустрией, расширяли территориальные горизонты, выходили в «большой» мир. При этом принудительная товарность русского крестьянского хозяйства, наличие производящих и потребляющих регионов создавали опасные ситуации в случае транспортного коллапса и паралича центрального управления (что и случилось в 1917 году). В исследовательской литературе часто подчеркивается роль Великой войны и военного опыта миллионов людей, знакомство с разрушительной техникой⁷. Можно полагать, что этот негативный опыт, общее снижение эмоционального порога и огрубление послужили факторами, повлиявшими на развитие междоусобицы.

Видение ситуации гражданской войны зависит от ответа на фундаментальный вопрос: в чьих интересах и чьими силами осуществлялась революция 1917 года? Была ли она в основе «буржуазно-демократической», «крестьянской», «антихристианской», «антирусской», «социалистической», «смутным временем» или чем-то иным? Социальный, вероисповедный, национальный ли пафос стоит на первом месте? В зависимости от ответа на поставленные вопросы выстраивается понимание механизма революционного процесса и реакций на него⁸. Ответ на вопрос, что в революционном процессе преобладало, позволяет предполагать, какие силы в гражданской войне проявили себя наиболее осмысленно и активно.

В таком контексте, как нам представляется, одной из ключевых оказывается проблема монархического сознания и исчезновения весной 1917 года политической системы, не имевшей исторической альтернативы. Вряд ли проблема исчерпывается в связи с почти полным отсутствием монархических знамен и лозунгов периода гражданской войны. Это проблема, если угодно, структуры политического сознания и одновременно этическое переживание. Царь — это долг. Его отсутствие — это «свобода». О свободе как пустоте выразительно размышлял В. В. Розанов. О революции как дезертирстве писал А. С. Панарин. Народные ощущения, что «настоящей власти нет», во многом спровоцировали аграрное движение, начиная с весны 1917 года, и задали общее представление о «свободе». Исчезновение исторически естественной интегрирующей силы провоцировало разные национализмы и сепаратизмы. Мы полагаем, что подобные идеологии получили возможность расцвести благодаря «освободившемуся» месту, из-за исчезновения

прежнего формата понимания государства, единого целого, службы и долга. Разлив «идейного» и бандитско-партизанского анархизма тоже свидетельствует об освоении освободившегося политического пространства. Вполне возможно, что это «явление отсутствия» необходимо учитывать при рассуждениях о мотивах и политическом выборе в годы гражданской войны. При этом у большевиков существовал собственный «большой проект», свой воодушевляющий миф — мировая революция, «последняя битва». У их противников этого не было. Отсюда — политическая щепетильность в виде *непредрешенчества* (в условиях динамичного революционного процесса заведомо проигрышная позиция, что доказало уже *ожидание* Всероссийского Учредительного собрания в 1917 году) у принципиальных противников большевиков, отсюда и потерянности низов, и их восприимчивость к красной пропаганде⁹.

Государство как некое целое, существующее независимо от фронтов, программ и лозунгов, видимо, жило в представлении низов, прежде всего крестьянских. И когда действующая в данный момент власть проявляла способность *быть* или *казаться дееспособной*, то она могла рассчитывать на признание или спокойное подчинение. Во время гражданской войны линии фронта быстро формируют региональные, этнические и субэтнические, хозяйственные и многие иные различия. Для быстро и неравномерно растущей страны характерно стремительное нарастание противоречий и дисбалансов, имевших шансы сгладиться в процессе развития хозяйственных тенденций, реализации правительственных мероприятий, общей «притирки». Данная проблема отражена в известных словах П. А. Столыпина, подчеркивавших необходимые для России «двадцать лет покоя». Как известно, ход событий не дал и десяти лет, и многие отнюдь не политические факторы стали влиять на углубление кризиса и развитие вооруженного противостояния¹⁰.

Завершение Великой войны и хозяйственный распад провоцировали самостоятельную активность (мешочничество и походы за хлебом в богатые области, возвращение с фронта в режиме полувоенных операций, с захватом поездов, добыванием продуктов, прорывом через враждебные вооруженные силы и т. п.). Эта активность в условиях начинавшейся очаговой гражданской войны приобретала соответствующую политическую окраску и подпитывала разворачивавшееся противоборство. Здесь достаточно вспомнить, как ревниво противники относились к массам бывших русских пленных, возвращавшихся на родину, как они старались получить их в качестве надежного ресурса или, по крайней мере, препятствовали им перейти на сторону врагов.

В гражданской войне очень выразителен пафос добровольчества. Любая война, и тем более война междоусобная, держится активным ядром добровольцев в каждом воюющем лагере. «Коммунисты», «матросы»,

«партизаны», «латыши», «мадьяры» и «китайцы» против «офицера», «белоказака», «белоповстанца», «кулака», «кадета». Эти ярлыки в ходе самой войны уже активно работали, как в плакатных изображениях, так и при отборе кандидатур на расстрел при пленении. Город давал костяк Белых армий, а зачастую и красных частей. Это были те, кто мыслил национальными (или наднациональными) категориями. Однако логика борьбы заставляла всех противников искать себе союзников, проводить мобилизации, вести пропаганду, стремиться привлекать в свои ряды новых добровольцев. В этом процессе велика роль сплоченных меньшинств, которые из совершенно периферийных групп вдруг начинали играть огромную, а порой и определяющую, важную роль в масштабах большого региона или даже страны в целом. Хрестоматийные примеры — Латышская дивизия, Чехословацкий корпус, «интернационалисты» РККА. Другой пример: старoverы-рабочие на Урале и отходники-шахтеры Донбасса. Одни дали знаменитые ударные части белым, другие — 10-ю армию на красном Южном фронте, история которой сыграла выдающуюся роль в военно-политической карьере Сталина.

Представляется интересным и малоизученным вопрос, связанный с судьбой старoverов в годы революции и гражданской войны. С конца XVII века это большое и сплоченное меньшинство проявило громадную волю к самосохранению и смогло устойчиво существовать при самых неблагоприятных условиях. Однако в годы гражданской войны масса старoverов (или наиболее крупных согласий) не выступала солидарно. Многие старoverы служили в рядах Белых армий, но при этом не как старoverы, а как участники других социальных корпораций, будь то воткинцы, донские или уральские казаки, сибиряки-старожилы или кто-либо еще. При этом и в войсках РККА оказалось много старoverов, прежде всего выходцев из центрально-промышленных областей¹¹. Надо полагать, что при выборе в пользу той или иной стороны на поведение влияли другие мотивы помимо устойчивой конфессиональной принадлежности. Возможно, следует усмотреть тот же мотив, который проявился в годы первой революции 1905–1907 годов. В 1906–1907 годах крестьяне не оправдали политических расчетов власти, выбрав в Думу левых депутатов, обещавших своим избирателям землю. Насущная проблема заслонила корпус традиционных представлений, действительно живших в крестьянской среде. Вероятно, указанное обстоятельство послужило основой для многих политических конфигураций и парадоксов при выборе «своего» лагеря в разгар вооруженной борьбы.

Активные меньшинства сохраняли свое значение и на уровне массового человека, в деградирующем традиционном обществе. В первые годы XX века в разных изводах получила известность проблема активных властных меньшинств. Это — писарь как влиятельнейшая фигура

в деревне, власть «горлопана» или «мироеда» на сельском сходе, хулиганские группировки, способные держать в страхе местное сообщество, противостояние столыпинских «выделенцев» и традиционалистов-общинников. Разные энергичные деятели на фоне бурных событий усиливали социальную напряженность. После 1905 года это были революционеры («сознательные») и черносотенцы, затем вернувшиеся осужденные или ссыльные революционеры, которые в 1917 году оказались в ореоле борцов и мучеников, к тому же более знакомые с новой политической лексикой. В военном противостоянии бросается в глаза роль крови, исторического опыта, этнических традиций и субэтнических особенностей. Можно считать это бунтом архаики, но можно видеть в таком явлении жизненную силу, «пассионарность» определенных групп населения, которые оказались готовы сражаться за свои идеалы более других. Примеры, когда потомки переселенцев — ныне иногородние Области Войска Донского — создавали крепкую красную кавалерийскую часть или повстанческое ядро давали крестьяне сел, у которых в прошлом — судьба казаков или однодворцев (хоперские села, 1919 год), не единичны и показательны.

Гражданская война ярко показала феномен «чужачества», разную роль «местных» и «пришлых». Ее во многом питали недавние или новые массовые миграции. Чужой или пришлый зачастую автоматически становился врагом в условиях отсутствия должного порядка перемещений по транспортной сети. Многие традиционные хозяйственные миграции или недавние переселения становились большой и тяжелой проблемой, превращались в соперничество и разводили людей по разные стороны баррикад. Старожилы — новоселы в Сибири, казаки — новоселы — киргизы в Семиречье, сезонные рабочие — коренные крестьяне на степной Украине — одни из наиболее масштабных и известных примеров. Как правило, пришлые — сила революционная, их руками утверждается новая власть. Это отражение того факта, что революция долго зреет и имеет инициативу, имеет обаяние нового. В 1917 году были нередкими случаи, когда деревня третировала своих учителей или священников как ненужных более тунеядцев и заворуженно слушала приезжих из города агитаторов — таких же учителей, интеллигентов, «господ». Контрреволюция вторична, это реакция, «честное возмущение», по П. Н. Врангелю. Она как бы играет на шахматном поле «черными», хотя и отстаивает именно традиционные («белые») ценности.

В ходе вооруженного противостояния часто именно в ходе борьбы с культурно (национально) «чужими» создавались стойкие воинские части. Наиболее боеспособные полки 27-й стрелковой дивизии, одной из коренных дивизий красного Восточного фронта, образовались так: в Гомельском уезде против немцев и гайдамаков сражались крестьянские

партизанские отряды — Гомельский и Стародубский. Они послужили основой 241-го Крестьянского полка. Первый маршевый петроградский отряд из рабочих-красногвардейцев Выборгского района убыл на внешний — «белофинский» — фронт, а затем был перемещен в Поволжье. Здесь он пополнился местными крестьянами и стал 242-м Волжским полком. Обе части активно сражались и имели высокие награды от ВЦИК и Сибревкома¹². Махновщина выросла в результате борьбы против жестокого оккупационного режима, практиковавшего широкие реквизиции, и против зажиточных германских же колонистов Новороссии. Затем врагами махновцев стали кубанские казаки, кавказские горцы, интеллигентские «офицерские» полки. Многонациональный район позднего заселения сплотился на основе противостояния этнокультурным чужакам и идеи вольной жизни, оформленной политически как «анархизм». Таким образом, иноземная интервенция или, шире, борьба с культурно-историческими «чужаками» (германскими колонистами, например) стала, во-первых, мощным стимулом к борьбе, во-вторых, влияла на создание надежного ядра, военной организации, способной впоследствии стойко сражаться на внутренних фронтах.

Гражданская война сделала крайне уязвимыми дома и хозяйства воюющих. Поражения и отступление быстро дезорганизовывали вполне приличные по качеству войска. Поэтому и «красные», и «белые» отчетливо понимали опасность оперирования соединениями из местных уроженцев, стараясь отрывать мобилизованных от их территорий и использовать на отдаленных театрах. При формировании XI Яицкого корпуса в составе Русской армии адмирала А. В. Колчака практически единственным источником комплектования оказались пленные красноармейцы. Генерал-майор К. И. Гоппер выбирал крестьян-пленных, руководствуясь территориальным принципом, из голодных северных губерний. Недоформированный корпус был двинут на фронт и показал себя стойким соединением¹³. Последний натиск на Русскую армию в 1920 году осуществляли красные дивизии, укомплектованные северянами и представителями восточных губерний¹⁴. Надо заметить, что у красного командования существовали более широкие возможности для перетасовывания призывных контингентов.

При этом войска из неместных уроженцев могли обращаться с населением как с совершенно чуждым, создавая себе врагов. Чины реквизиционных, заградительных, карательных и прочих вооруженных отрядов и воинских частей часто проявляли самые несимпатичные качества. Например, во время борьбы с «Антоновщиной» многократно отмечена враждебность красноармейцев к местным крестьянам, жестокие насилия; эксцессы объяснялись тем, что данные части комплектовались дезертирами или же в них получили сильное распространение

демобилизационные настроения. В одних случаях подобные части могли показать разнузданную жестокость, а в других — сдаться повстанцам или дружно дезертировать¹⁵. Классический пример приводил С. Е. Трубецкой. Два крестьянина-красноармейца рассказывали, как они выколачивали у пензенских крестьян продукты, обирали мешочников в составе заградотряда и тут же возмущались точно таким же поведением продотрядчиков у себя на родине, в Смоленской губернии. Аргумент: «Ну, там дело другое, у них — чернозем, а у нас земля бедная!»¹⁶ Подобным же образом белые карательные части укрепляли нелюбовь к власти своими действиями, часто безобразно жестокими.

Мобилизация уже с 1918 года стала неотъемлемой частью военного строительства. Жители, в большинстве крестьяне, волей-неволей подчинялись требованиям властей о мобилизациях, тем более при невозможности открытого сопротивления и отсутствии очевидных альтернатив. При этом постоянно звучали вопросы о целях войны, недоумения по поводу невозможности «замириться», рассуждения о том, что воевали уже достаточно и внутренняя война бесцельна. Отношение к мобилизациям очень разнилось. При ощущении слабости власти распоряжениями могли просто пренебречь. В 1918 году абсентеизм при красных призывах нередко достигал едва ли не 100%¹⁷. К лету 1919 года в РСФСР власть решила вообще отказаться от новых мобилизаций и сделать упор на изъятие громадного количества уклонившихся и дезертировавших. Иногда дезертиры и даже не начавшие еще враждебных действий повстанцы просили разрешения устроить домашние дела, а затем приходили служить. Характер массовой явки выглядел добровольно-вынужденным, инициированным властями, строившими «золотые мосты»¹⁸. Не раз и на «красной», и на «белой» стороне повторялся один и тот же сюжет — вяло-успешная мобилизация. Однако дальнейшая боеспособность призывников в большой степени зависела от настроения частей, в которые попадали мобилизованные, условий снабжения, обстоятельств военной судьбы. При мобилизациях в прифронтовой полосе вынужденное подчинение легко отзывалось уходом домой при приближении фронта. Объявленная, но не подкрепленная силой (или ее демонстрацией) мобилизация только раздражала население и ставила его в положение полу-враждебных «зеленых».

Интересный и масштабный феномен гражданской войны — это массовые «самомобилизации». «Самомобилизация» — форма коллективного добровольчества, общинного дела, когда определенная территориальная единица (село, станица, волость, уезд) в той или иной степени снаряжала своих добровольцев, оформляя призыв общим решением¹⁹. Яркие примеры частей, рожденных таким способом, дал Восточный фронт белой борьбы, бедный городами, офицерами и вообще

интеллигентными силами. Как правило, массово поднимались именно те значительные массивы простонародья, которым пришлось действительно испытать на себе непривычный уровень насилия со стороны какой-либо из враждующих групп. На белой стороне — это казаки, жители Прикамья. В таких случаях сила массового возмущения воплощалась в создании регулярных частей. Тамбовские повстанцы, махновцы и прочие «зелёные» имели свои базовые села, дававшие основной кадр бойцов и необходимые ресурсы. В то же время люди, не имевшие возможности выбирать между двумя главными противниками, часто делали свой выбор в пользу той силы, которая оказывалась за линией фронта. Так произошло с сибиряками, в большинстве очень зажиточными по меркам центральной России: они *сочувствовали* «красным», которых почти *не знали*, исходя из опыта государственного строительства в Сибири «белых».

В большевистском тылу получили развитие «партизанщина» и «анархо-коммунизм» как народные более или менее массовые варианты военного участия. Регулярное строительство РККА вызвало жестокий конфликт двух принципов формирования вооруженных сил. На белой стороне в роли массового народного консервативного добровольчества выступила «атаманщина», а еще одной ипостасью «атаманщины» стало повстанческое добровольчество. Интересно, что для «белой» государственной власти и регулярной армии «атаманщина» также выглядела достаточно чужой, опасной, разлагающей, неуправляемой и т. п. При этом в роли вожаков на красной стороне оказывались, как правило, унтер-офицеры или офицеры по выслуге из низов, а у белых «атаманами» стали многие офицеры, отличившиеся в войсковом партизанстве 1915–1917 годов. Самоназвание «партизанский» удивительно часто фигурирует в наименованиях «белых», повстанческих частей и в меньшей степени — «красных». Оно становится синонимом «добровольца» в ипостаси, если угодно, нового казака — вольного человека, готового защищать веру, страну и себя самого.

Крушение власти и военные импровизации сторон в гражданской войне сделали массовое дезертирство и борьбу с ним тем фоном, на котором разворачивались военные события, а дезертир стал важным действующим лицом социальной жизни. При любых расчетах речь идет о нескольких миллионах человек за 1918–1922 годы. Показательно, что дезертирство было сознательной позицией и в массовом сознании не рассматривалось как заведомо предосудительное положение. Бытовали самоназвания «зелёные», «зеленоармейцы», в листовках писали «Граждане дезертиры», дезертиры собирались на собрания для обсуждения своих действий и т. д. Бытовой уклад жизни дезертиров мог быть весьма разным: от вполне безмятежного существования

в родной округе до активного участия в вооруженных повстанческих формированиях. Немалую роль при этом играли мероприятия местных властей, климат и ландшафт. На протяжении гражданской войны в лесистых и горных районах происходили скопления, а порой существовали и целые поселения дезертиров. По некоторым данным, в костромских лесах, в зависимости от правительственных гонений, скрывались от 4 тыс. до 30 тыс. «зелёных», то есть дезертиров по преимуществу²⁰. Неудача «зелёных» восстаний отзывалась массовой явкой дезертиров. Самостоятельные «зелёные» формирования иногда сочетали внушительную численность и совершенную пассивность. «Красные» напрямую связывали масштабы «злостного» дезертирства и повстанческого движения.

Крестьянство во время гражданской войны не выступало единым фронтом. В общину ворвалась политика, сильна была региональная специфика. В результате крестьянство стало полем политической борьбы и базой для востребования ресурсов. Многочисленны сведения о зависимости военной активности крестьян (как и настроения в целом) от прежнего социального и хозяйственного положения. Так, применительно к Воронежской губернии сводка Отдела пропаганды ВСЮР прямо указывает, что бывшие крепостные сочувствуют большевикам, а государственные — добровольцам. Это объяснялось, очевидно, выходом положения о праве землевладельца на треть урожая, так как наделы бывших крепостных оказались меньшими. В 1918 году в Саратовской губернии в антибольшевистском восстании активно участвовали бывшие удельные крестьяне, в то время как помещичьи предпочли остаться в стороне. В другом случае в одной деревне мешанское общество проявило большое рвение в антибольшевистском движении, а господское и удельное — куда более скромное²¹. Такого рода примеров более чем достаточно.

«Красные» соединяли в практике военного строительства умение востребовать меньшинства, по своим интересам или волею обстоятельств тяготевшие к ним, и создание регулярной армии. Соединение военного строительства с политическим, применение массовой пропаганды и террора, умение задействовать чрезвычайные механизмы управления показали свою эффективность в деле мобилизации сил и ресурсов. «Белые» делали упор на добровольчество и правильное военное строительство (неизбежно с большими изъятиями в условиях гражданской войны), «атаманщина» воспринималась как едва ли не враждебная сила. В результате формы коллективной антиреволюционной массовой активности оказались подавлены, и белые не смогли устойчиво «овладеть массами», заплатив за это военным поражением.

Примечания:

¹ Нам приходилось касаться темы применительно к различным сюжетам и Гражданской войне в целом. См., например: *Посадский А. В.* Гражданская война в России под углом зрения политической конфликтологии // Полис (Москва). 2002. № 3. С. 72–80; *Он же.* Крестьянин как военный персонаж гражданской войны // Человек. История. Культура. Исторический и философский альманах (Саратов). 2002. № 1. С. 41–48; *Он же.* Крестьянское добровольчество в Красную Армию 1918 года (опыт регионального анализа) // Социологические исследования (Москва). 2006. № 10. С. 132–137; *Он же.* Белый Юг и махновщина // Крым. Врангель. 1920 год. Научный совет РАН по истории социальных реформ, движений и революций. Фонд русской истории. М., 2006. С. 170–184; *Он же.* Пленные после плена: к истории русских военнопленных Великой войны в 1918–1920 гг. // Доклады Академии военных наук. Военная история. № 5(23). Первая мировая война: поиски новых подходов к исследованию, приглашение к диалогу. Саратов, 2006. С. 183–189; *Он же.* Еще раз о рейде Мамонтова // Донские казаки в борьбе с большевиками (Еланская). Альманах. 2009. № 1. С. 179–186; *Он же.* Урал и Прикамье в Гражданской войне как пример самоорганизации // Гражданская война на Урале. Материалы Международной научно-практической конференции «Кыновский завод и его жители в годы Гражданской войны» (с. Кын, 28–29 авг. 2010 г.). Пермь, 2010. С. 4–9; *Он же.* Републикация: Верность (Fidelity). Издание Общества ревнителей памяти блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Электронное издание. 2010. № 153; *Он же.* Реплика. Отклик по Подольской конференции // Донские казаки в борьбе с большевиками. Альманах. 2010. № 4. С. 85–86; *Он же.* Церковь и миряне на Востоке России: об идеях и практике участия в Белой борьбе // Сибирский исторический альманах. Т. 1: Гражданская война в Сибири. Красноярск, 2010. С. 19–23; *Он же.* От Царицына до Сызрани. Очерки истории Гражданской войны в Поволжье. М., 2010; *Он же.* Куды крестьянину податься? Красноармеец под карательным ударом белых и красных // Родина (Москва). 2011. № 2. С. 67–68.

² *Гольц Г. А.* Культура и экономика России за три века, XVIII–XX вв. Т. 1. Менталитет, транспорт, информация (прошлое, настоящее, будущее). Новосибирск, 2002.

³ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб., 1999; 2-е испр. изд.: в 2 т. СПб., 2000; 3-е испр. изд.: в 2 т. СПб., 2003; *Он же.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX в. М., 2010.

⁴ *Нефёдов С. А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005; *Он же.* Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007; *Он же.* Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург, 2009.

⁵ *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика. М., 2006.

⁶ Недавняя попытка комплексного исследования явления в методологической парадигме социоисторической истории: *Кульпина Ю. Э.* Генезис пьянства и хулиганства в России / Изд. 2-е. М., 2011.

⁷ См., например: *Поршинева О. С.* Российский крестьянин в Первой мировой войне (1914 — февраль 1917) // Человек и война. Война как явление культуры. М., 2001; *Будяков В. П.* Красная смута. Истоки и природа революционного насилия. М., 2010.

⁸ По В. Д. Соловьёву, русский вариант революции — всегда смута, он вводит термин «смутореволюция», настаивая на функциональной роли смут в русской истории.

⁹ Отдельный вопрос — насколько вообще данная проблематика подвластна научному познанию.

¹⁰ Публицист С. Г. Кара-Мурза соблазнился броским названием для одной из своих книг: «П. А. Столыпин — отец русской революции».

¹¹ Интересный опыт прочтения позиции и роли староверов в годы революции и гражданской войны, к сожалению, слабо востребованный в литературе, см.: *Шахназаров О. Л.* Старообрядчество и большевизм // Вопросы истории (Москва). 2001. № 4.

¹² *Блинов К.* Исторический очерк Саратовской ударной стрелковой дивизии. Саратов, 1933. С. 4–10.

¹³ Гражданская война в Сибири и Северной Области / Сост. С. А. Алексеев. М.; Л., 1927. С. 60–62, 65–66.

¹⁴ *Цветков В. Ж.* Белые армии Юга России. 1917–1920 гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). Кн. 1. М., 2000. С. 38.

¹⁵ *Фатуева Н. В.* Противостояние: кризис власти — трагедия народа (Из истории крестьянских волнений и восстаний в Тамбовской губернии в 1918–1921 годах). Рязань, 1996. С. 81, 88, 132–133, 146–148.

¹⁶ *Трубецкой С. Е.* Минувшее. М., 1991. С. 244.

¹⁷ Судьбы российского крестьянства / Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996. С. 127–128.

¹⁸ *Мовчин Н.* Комплектование Красной Армии (Исторический очерк). М., 1926. С. 130–131; *Оликов С.* Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. М., 1926. С. 13, 29, 44.

¹⁹ Обратной стороной этого явления была коллективная сдача в плен или смена фронта.

²⁰ *Маслов С. С.* Россия после четырех лет революции. Кн. 2. Париж, 1922. С. 131.

²¹ *Цветков В. Ж.* Указ. соч. С. 155; Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 199. Оп. 3. Д. 313. Л. 35–37; Д. 35. Л. 2–3.

С. И. Марахонова

Революция и гражданская война глазами сына русского купца Сергея Григорьевича Елисеева

Сергей Григорьевич Елисеев, выдающийся востоковед XX века, один из первых русских японистов, происходил из известного санкт-петербургского купеческого рода. Однако ни один из пяти сыновей Григория Григорьевича Елисеева, председателя правления Торгового товарищества «Братья Елисеевы», не захотел продолжить семейное дело. Все они отстаивали свое право на собственный жизненный путь. Получив специальное образование в Токийском императорском университете и став первым и единственным на тот момент его выпускником-европейцем, «кандидат словесности» Сергей Елисеев летом 1914 года возвратился на родину. Он еще не знал, что в России пробудет всего шесть лет. С. Г. Елисеев сдал магистерские экзамены по японскому и китайскому языкам и литературе и вскоре начал преподавать на кафедре японской словесности факультета восточных языков в должности приват-доцента. Постепенно он устроился на научную и преподавательскую работу в Азиатский музей, Институт истории искусств и Археологическую комиссию.

Но в сентябре 1920 года, спасаясь от преследования властей, Сергей Елисеев с семьей был вынужден тайно бежать из РСФСР в Финляндию. Вскоре он оказался во Франции, где за 10 лет работы способствовал созданию научного японоведения и наиболее всего проявил себя как выдающийся ученый. В 1934 году С. Г. Елисеев, уже гражданин Франции, принял предложение Института Гарвард-Янъцзинь и Гарвардского университета и на 23 года уехал в США. Именно в Америке Серж Елисеев более всего реализовался как талантливый педагог и создал новое научное направление дальневосточных исследований. Американцы по праву называют русского ученого «отцом американской японистики».

Круг источников по интересующей нас проблематике — представлению С. Г. Елисеева о революции и гражданской войне — невелик и

Марахонова Светлана Ивановна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург).

ограничивается его неопубликованным дневником за январь и несколько дней марта 1919 года¹; записями за май — июнь 1919 года, сделанными им в тюрьме (они опубликованы), и письмами к свояченице, датированными октябрём 1920 года, повествующими о жизни Елисеевых в революционном Петрограде и обстоятельствах их побега из советской России, которые также опубликованы². Интерес представляют и два письма Елисеева коллегам-японистам, опубликованные в разных изданиях.

С. Г. Елисеев принадлежал к партии народной свободы, как и многие люди его круга. Одним из лидеров партии был наставник Сергея Григорьевича, непреременный секретарь Академии наук, директор Азиатского музея, Сергей Фёдорович Ольденбург. Коллега Елисеева, японист Николай Иосифович Конрад писал, что «Сергей Григорьевич Елисеев на все события смотрит с партийной точки зрения». Удивительно, что Елисееву удалось избежать ареста осенью 1919 года, когда во время наступления Северо-Западной Добровольческой армии Юденича на Петроград «арестовывали всех профессоров, которые когда-либо принадлежали к кадетской партии».

Еще в юности Сергей Григорьевич отличался радикальными взглядами, что стало одной из важных причин его разлада с отцом, Григорием Григорьевичем Елисеевым. Во время годичного пребывания в Берлинском университете он всерьез заинтересовался учением Маркса и Энгельса, но не согласился с ним по религиозным и этическим соображениям. Февральскую революцию 1917 года Елисеев, безусловно, принял с радостью и ликованием. Вот что он писал 13(26) марта близкому другу Николаю Невскому, находившемуся в то время в Японии:

«Дорогой Коля, кричи и прыгай до потолка. Наконец-то мы сшибли с престола Романовых и устроили в России настоящую революцию. Трудно рассказать о том нервном подъеме, в котором мы находились последние дни, как передать словами тот ряд настроений, который охватил все русское общество. Ты не можешь себе представить, какой сейчас подъем в России, как мы все лихорадочно живем, и как всюду кипит работа. Иностранцы окончательно обалдели и никак не могут понять, как можно сделать такую революцию в 6 дней, но беспорядки продолжались триста лет»³.

Однако постепенно его эйфория сошла на нет в связи с бездарной политикой Временного правительства. В письме японисту Оресту Плетнеру от 25 сентября 1917 года Елисеев следующим образом характеризует ситуацию в Петрограде:

«В политике грустно и не видно ничего светлого. Демократическое Совещание прошло бесцветно и при апатичном отношении к нему всех классов населения... Демократическое совещание не желает работать с кадетами... В провинции полная анархия, не признают никаких властей, судей за цепи выволакивают

из судов и высшим авторитетом считается любой солдат. Во многих местах начались аграрные беспорядки и погромы»⁴.

Далее вплоть до января 1919 года какие-либо письма или дневниковые записи отсутствуют. О событиях лета и осени 1918 года становится известно из более поздних писем за 1920 год, посланных из Стокгольма свояченице Г. П. Мелькебек в Париж.

Наибольший интерес представляет дневник Сергея Григорьевича Елисеева, который он вел в Петрограде. Есть данные, которые позволяют с уверенностью сказать, что дневник охватывал достаточно большой отрезок времени, скорее всего несколько лет, однако до нас дошли лишь его фрагменты — 31 страница. Время — с 1 по 27 января и с 18 по 21 марта 1919 года. Дневник написан на листочках отрывного календаря где-то перьевой ручкой, где-то карандашом. Есть несколько машинописных страничек. Дневник Елисеева — уникальный исторический источник, поскольку дневниковых записей первых послереволюционных лет, в отличие от мемуарной литературы, сохранилось крайне мало. Этот документ хранится в личном фонде Сергея Елисеева в архиве востоковедов Института восточных рукописей Российской Академии наук. Происхождение фонда не документировано. Можно предположить, что материалы Елисеева были сданы в Азиатский музей, с 1930 года именовавшийся Институтом востоковедения АН СССР, кем-то из оставшихся в России его родственников. Но точная дата их передачи в учреждение неизвестна, так же как неизвестен состав бумаг, их объем и то, на каком этапе они могли быть утрачены.

Дневник очень информативен, несмотря на свой малый объем. В нем говорится об экономическом и политическом положении советской России, о страшном голоде в Петрограде, о событиях гражданской войны, о реформе высшей школы, о жизни научной интеллигенции в РСФСР. Сергей Григорьевич вел дневник по традиции тех лет. Вел его для себя. Именно такие документы, созданные в момент происходивших событий и написанные для себя, а не для будущего заинтересованного читателя, содержат наиболее достоверную, не приукрашенную позднейшими наслоениями информацию. Конечно, любой дневник всегда выражает симпатии и антипатии своего автора, но упрекнуть Елисеева в необъективности или пристрастности мы не можем. Практически все события отражены им адекватно, лишь иногда он опирается на слухи, бытовавшие тогда в Петрограде. При всей своей нелепости слухи добавляют живости повествованию, позволяют окунуться в реальность того времени с ее неизвестностью, страхом, непониманием происходящего.

Основной источник официальной информации для Елисеева — большевистская газета «Северная коммуна» — на тот момент достаточно правдиво предоставляла информацию. Елисеев читал и другие

газеты, но их названия не указаны. На начало 1919 года приходится разгар гражданской войны. Советская Россия находится в кольце фронтов. В Мурманске и Архангельске, а также в городах Юга высадились войска Антанты. Города Прибалтики, оставленные немецкими войсками после капитуляции Германии, переходят из рук в руки. В Сибири армия адмирала А. В. Колчака, признанного Верховным правителем России, все больше и больше набирает силу. На Юге — войска генерал-лейтенанта А. И. Деникина. Армия генерала от инфантерии Н. Н. Юденича намеревается освободить от большевиков Петроград.

Совершенно очевидно, что в январе 1919 года Елисеев категорически не сочувствовал новой власти, хотя еще и надеялся остаться на родине. Но его отношение теперь определялось не только классовой принадлежностью, которая, однако, грозила ему смертельной опасностью, — он давно уже рассчитывал только на самого себя. Сергей Григорьевич представлял большую часть научной интеллигенции, которая затем самими условиями своего существования была выдвлена с родины. Как человек глубоко порядочный, Елисеев не мог принять захлестнувшую Россию жестокость, насилие и беспорядок, но не мог и противостоять им. Даже более чем голод и холод его угнетали нестабильность жизни и отсутствие законов, незащищенность человеческой личности, многочисленные неоправданные нововведения, непрофессионализм советских выдвиженцев.

Настроение, которое создается при чтении дневника С. Г. Елисеева, — это безнадежность и безысходность. Сергей Григорьевич писал⁵, что «тяжело жить не потому только, что дорого и мы недоедаем, но, главным образом, потому, что нет дня, когда бы не дергались наши нервы. Сегодня декрет о чрезвычайном налоге, завтра какая-нибудь регистрация, послезавтра в университете заявляют, что платить не будут и т. д. Дома неприятности из-за провизии, того не достали, то дорого и т. д. или покража дров, или что-либо пропало, или изволь ночью чистить улицы и т[ому] под[обное]».

Елисеев, безусловно, не приемлет новый порядок. Одна из основных тем его записей — муссирование слуха об освобождении Петрограда от большевиков. Он и верит, и не верит во вмешательство союзников. Войска Антанты не участвовали в боевых действиях, тем не менее в январе и марте 1919 года в Петрограде упорно верили в их наступление. Якобы 19 января союзники заняли Псков, и билеты продавали только до Гатчины, 21 января — что Ямбург тоже взят и союзные войска у Волосово и вот-вот придут в Петроград. На самом же деле Ямбург и Псков были освобождены от большевиков 17 и 25 мая соответственно, во время первого наступления на Петроград Северо-Западной армии генерала Юденича. В боях под Нарвой как будто бы участвовали чернокожие войска и танки.

На приход союзников надеялись в разных слоях населения, а не только в кругу коллег ученого. Антибольшевистские настроения все больше проникали в общество. Елисеев приводит мнение одного из своих знакомых, что «рабочие и крестьяне разочаровались в большевиках, а набор в Красную армию прошел далеко не блестяще». Некоторые полагали, что большевикам «вообще не справиться с голодной разрухой, и что дни их сочтены». «Всем уже кажется, — пишет Елисеев, — что большевизм начинает себя изживать сам и бояться, что вмешательство, не сумев уничтожить большевизм, только хуже раздражит его». Барышня-телефонистка, вмешавшаяся в разговор Елисеева с его товарищем, говорила: «Скорее бы уж оправдались слухи о наступлении [союзников. — С. М.]».

Однако, надеясь на помощь союзников, население теперь уже больше верило в успех Белого движения. Елисеев указывал, что «теперь более модно говорить об армии адмирала Колчака». Во время наступления на Петроград войск Юденича Елисеев отмечал особое нервное настроение в городе, то, что «все ждали с нетерпением белых. Наши большевики испугались. Вырыли окопы в Александровском саду, у мостов, минировали все мосты. На Неве стояли под парами буксиры, чтобы в последнюю минуту увезти коммунистов в Шлиссельбург и далее». Однако когда белые отступили от города, он пишет: «Что пережили петербуржцы — трудно описать. Разочарование и стыд, что те, которым мы хотим верить, ничего не могут, а кучка красных негодяев умеет заставить массу за себя сражаться»⁶.

Что касается внешнеполитических событий, то отражение у Сергея Григорьевича находит Парижская мирная конференция и предполагаемая встреча представителей всех русских правительств на Принцевых островах. Елисеев не верит в успех последней, но Парижская конференция внушала ему большие надежды — «словно где-то свет брезжит». Но, по-видимому, вслед за «Северной коммуной» Сергей Григорьевич допустил фактическую ошибку относительно делегатов на конференцию от Японии. Вместо Макино Нобуюки Елисеев называет Мотоно Итиро, скончавшегося осенью 1918 года.

На наш взгляд, наиболее ценную информацию дневник ученого предоставляет о страшном голоде в Петрограде, факт которого замалчивался в советской историографии, и обстоятельствах жизни научной интеллигенции. Сложившееся осенью 1918 года тяжелое положение с продовольствием в Петрограде (в ночь с 7 на 8 ноября от истощения умер П. П. Эйхе — тесть С. Г. Елисеева) к новому, 1919 году стало катастрофическим. Замолчать этот факт было невозможно. Большевистская газета «Северная коммуна» 1 января 1919 года вышла с передовицей: «К голодным рабочим и работницам (Вместо новогоднего поздравления)». В этом обращении Г. Е. Зиновьев, Председатель Совета

комиссаров Союза коммун Северной области, отмечал, что «как бы нарочно случилось так, что именно к этим дням голодовка достигла небывалых размеров». Однако к празднику каждому жителю был обещан 1 или 2 фунта немолотого овса. Для поддержания бодрости духа населения Петрограда Зиновьев напомнил о положении в Германии. «Берлинские рабочие переживают голод еще больший, чем мы... 1920 год рабочие всего мира встретят в обстановке полной победы мирового социализма».

Власти искали способы выхода из продовольственного кризиса. Излишние заградительные отряды, препятствовавшие выезду из Петрограда, были сняты. Срочно направлялись поезда в Тамбов, Саратов и другие города, где грузился хлеб для Петрограда, но этих мер оказалось недостаточно. В городе сложилась строгая система распределения продуктов среди населения. Продукты в Петрограде выдавались по карточкам. Но и по карточкам обыватель мог получить лишь $\frac{1}{4}$ фунта (100 г) плохо выпеченного хлеба или горсть овса, да и то нерегулярно⁷. Законный характер носили лишь организованные поездки представителей городских предприятий за продовольствием: каждые 250 рабочих имели право посылать продовольственные отряды. На самом же деле обычным делом стали массовые неорганизованные поездки рабочих за продовольствием.

Елисеев неоднократно отмечал, что Петроград голодает, что голод им предстоит пережить основательный. Ситуация усугублялась запрещением свободной торговли. На рынке продукты не продавали. Елисеев писал: «Даже мешочники не хотят продавать за деньги, а выменивают хлеб на папиросы и т. п., а власть, захватывая Эстляндию, запрещает оттуда вывоз». 9 января Сергей Григорьевич констатировал, что «в виде временной меры в столовых стали давать только одно блюдо. Кормят одной водой. Конины нет, дают суп из клюквы». Ученый полагал, что большевики не знают, как им разрешить тяжелое положение с продовольствием. Население ожидало перемен в политике большевиков, разрешения свободной торговли. «Иначе им не выйти из голодного тупика. Некоторые думают, что им вообще не справиться с голодной разрухой и что дни их сочтены».

В конце января 1919 года положение с продовольствием несколько улучшилось, потому что появилась возможность покупать продукты на рынке. Правда, цены держались очень высокие: фунт мяса стоил 25 рублей, фунт масла — 75 рублей, фунт хлеба — 18 рублей. Для Елисеева, даже вынужденного совмещать четыре должности, это было очень дорого. Благодаря дневнику нам удалось приблизительно подсчитать месячный доход начинающего ученого и преподавателя. Он должен был составлять около 6–7 тыс. рублей. По-видимому, это очень мало. К тому

же жалованье часто задерживали, а цены постоянно росли. Помимо голода над городом нависла еще одна угроза — эпидемии сыпного тифа. Сергей Григорьевич пишет, что в день заболело 150 человек.

Гражданская война и неумелое управление большевиков привели к полному развалу городского хозяйства. В городе нельзя было достать дров, тепла и воды, подчас не подавалось в дома электричество. Большевики не сумели наладить и местное самоуправление. Распустив домовые комитеты и заменив их домкомбедами, в которых могли участвовать только рабочие и неимущие (это было, по видимому, не совсем так, поскольку Сергей Григорьевич хранил у себя дома протоколы заседаний домкомбедов — вероятно, он помогал членам домкомбеда), власти вынудили жителей домов охранять себя самим. Елисеев, днем работая в нескольких учреждениях, по ночам сторожил у ворот. Он пишет и о распоряжении властей жителям по ночам чистить улицы.

В разгар гражданской войны власти тем не менее взялись за науку и высшую школу. Большевики собирались провести реформу Академии наук таким образом, чтобы создать целый ряд провинциальных академий и при этом уничтожить Академию наук как таковую. Но в тот момент этого сделано не было, да и в дальнейшем власти ограничились большевизацией Академии наук, введением туда коммунистов вместо репрессированных старых членов. Подробно описана Елисеевым реформа университета, которую он категорически не поддерживал, видя в ней лишь развал высшего образования. Проект более года рассматривался на разных уровнях в Петрограде и в Москве, при этом студенты предлагали наиболее крайний проект — отмену факультетов и введение предметной системы. По словам Сергея Григорьевича, «вообще те из наших профессоров, как декан [Н. Я. Марр. — С. М.], которые держались политики, что нужно с большевиками работать, теперь, видя всю разруху, которую они вносят в научное и учебное дело, отказываются от работы с ними. Опять пошла полоса голода, разрухи и вместе с ней полоса диких реформ, которые не исполняются, разрушая только старое».

Осенью 1919 года, согласно этой реформе, три гуманитарных факультета университета оказались объединены в один — факультет общественных наук со множеством отделений и специализаций. Однако, как показала жизнь, Елисеев был прав, и спустя некоторое время в университете вернулись к старой факультетской системе. С 1855 по 1917 год в Санкт-Петербургском (Петроградском) университете существовали четыре факультета: историко-филологический, философско-юридический, физико-математический и восточный. Все факультеты университета находились в здании Двенадцати коллегий

(Университетская набережная, 7), а в помещении дворца Петра II (Университетская набережная, 11) располагался Историко-филологический институт. В 1919 году Историко-филологический институт (переименованный в Педагогический институт при университете), Второй ПУ (кроме медицинского факультета, который был выделен и сохранен как самостоятельный вуз) и Третий ПУ влились в состав Первого ПУ.

В октябре 1919 года в результате реорганизации возник Единый Петроградский университет (с 1921 года — государственный). Ректором Единого университета избрали В. М. Шимкевича. Приказом ректора от 23 декабря 1919 года предписывалось «именовать преобразованные петроградские университеты “не Единый ПУ”, а просто “ПУ”»⁸. Университет включал в себя два факультета: общественных наук (его основу составили восточный, историко-филологический и юридический факультеты, а также бывший Историко-филологический институт и соответствующие факультеты бывшего Второго и Третьего ПУ), образованный постановлением Наркомпроса 13 сентября 1919 года, и физико-математический.

Единый факультет общественных наук (ФОН) разделили на шесть отделений: политико-юридическое, социально-экономическое, философское, историческое, филологическое и этнолого-лингвистическое. Востоковедческие дисциплины читались на четырех последних отделениях. Осенью 1921 года ФОН снова подвергся реорганизации. В 1922 году к нему присоединили Археологический институт. В 1924 году Химико-фармацевтический институт, а в 1925 году Географический институт также вошли в состав Петроградского университета.

ФОН представлял собой слишком громоздкую, неудобную структуру и вскоре подвергся последовательной реорганизации. В результате отпадения от него экономического и правового отделений в 1925 году образовался факультет языкознания и истории материальной культуры (Ямфак). В 1929 году он стал называться историко-лингвистическим факультетом (ФИЛ), а в 1930 году получил самостоятельный статус как Ленинградский историко-лингвистический институт (ЛИЛИ), затем Ленинградский историко-философско-лингвистический институт (ЛИФЛИ). В 1937 году ЛИФЛИ, в котором осталось только два факультета — литературный и лингвистический, вошел в состав университета на правах филологического факультета. И наконец, в 1944 году на базе восточных отделений филологического факультета был воссоздан восточный факультет⁹. До 1922 года университет по-прежнему располагался только в здании Двенадцати коллегий, затем он получил помещение бывшего Педагогического института и постепенно ряд других зданий. Так, в 1930-е годы филологический факультет обосновался в здании по Университетской набережной, 11, которое в 1944 году разделил с восточным факультетом¹⁰.

Недоволен ученый был и новыми программами реформированного университета, предъявлявшими к студентам, по его мнению, завышенные требования. «Студент не знает при поступлении, в чем он будет специализироваться. Ужасно все это у нас оторвано от жизни. Сначала хотели из студентов сделать чиновников, слуг государства, приспособленных бюрократов, теперь хотят сделать оторванных от жизни ученых», — писал он. Еще одним непопулярным нововведением большевистской власти стало запрещение совместительства. Совмещать ряд должностей С. Г. Елисееву и его коллегам приходилось всегда, и до Февральских, и до Октябрьских событий. В «Северной коммуне» № 7 от 11 января 1919 года опубликовано «обязательное постановление о совместительстве» от имени Советов и Учреждений Союза Коммун Северной области и Петроградской Трудовой Коммуны, Совета Народных Комиссаров и ЦИК, согласно которому «с 15 января 1919 года всякое совмещение работ или служб в двух или нескольких учреждениях допускается лишь с особого разрешения Областного Комитета Труда». Для разрешения необходимо было предоставить ряд документов, в частности, о времени, затрачиваемом на каждой из должностей, об окладах, о том, что совмещение работы не будет отражаться на исполнении обязанностей по основному месту работы, и т. д.

В «Северной коммуне» № 17 от 24 января 1919 года в заявлении от областного Комитета труда значится:

«В целях наискорейшего проведения всех мер, предусмотренных обязательным постановлением о совместительстве от 11 января с. г. (“Северная Коммуна” № 7) <...> предлагается теперь же:

1). Всем лицам, совмещающим или желающим совмещать две или несколько должностей, представить в Комитет труда, помимо всех требуемых данных, указанных в вышеозначенном обязательном постановлении, надлежит указать, были ли представлены на утверждение Комитета труда и когда именно получаемые оклады, как штатные, так и персональные, согласно декрету о нормах заработной платы рабочих и служащих местностей Союза Коммун Северной Области.

2). Удостоверение о крайней необходимости всякого совмещения должностей должно быть заверено Комиссаром или членом центральной коллегии или президиума данного учреждения»¹¹.

До своего ареста в мае — июне 1919 года Сергей Григорьевич еще мирился с существовавшей действительностью, надеясь на скорое освобождение от большевиков. В январе 1919 года он еще ничего не писал о предполагаемом отъезде, в марте решил на временный отъезд. Он хлопотал о командировке, но пока лишь для того, чтобы покинуть Россию лишь на некоторое время. Весной 1919 года университет предоставил ему командировку (с семьей) в Швецию на летние месяцы для ознаком-

ления с состоянием книжного рынка по востоковедению и восстановлению непосредственных отношений с зарубежными фирмами, ассигновав необходимые на покрытие проездных расходов средства из сумм на командировки профессоров. Очевидно, что Елисеев еще колебался, уехать ли на лето и вернуться, когда обстановка нормализуется, если «с развалом городского хозяйства здесь можно будет жить». Но могла сложиться и такая ситуация: «Уехать на лето в Швецию, а если потом невозможно будет вернуться, остаться голодать в Швеции с семьей и потерять все вещи здесь?»

Однако ситуация резко изменилась, когда 28 мая 1919 года Сергей Григорьевич был арестован и оказался в Выборгской военной тюрьме у Финляндского вокзала. В то время происходило первое наступление на город белых войск генерала Юденича и власти провели большие аресты среди населения Петрограда. Прежде всего аресты коснулись военных и представителей интеллигенции. Все они брались в качестве заложников во время военных действий, хотя непонятно, как арест сына мог повлиять на поведение отца — Сергею Григорьевичу было сказано, что он взят в заложники за отца — миллионера, бежавшего за границу¹². Скорее названные аресты происходили в рамках политики «красного террора», когда большинство арестовывалось именно с целью расстрела¹³. Если бы коллеги по Академии наук и университету не хлопотали за Елисеева, его могла ожидать самая печальная участь. Позднее, в 1934 году, братьев ученого, Григория и Петра, выслали из Ленинграда в Уфу. Затем в 1937 году Григорий был расстрелян органами НКВД, а Пётр пропал без вести. Отсидев в советской тюрьме 10 суток, Сергей Григорьевич освободился, но его имя осталось в списке заложников, и над ним висела постоянная угроза. Теперь он решил уехать в любом случае, даже если город удалось бы освободить от большевиков. Единственный легальный способ отъезда заключался в том, чтобы получить научную командировку, чем и сумели с успехом воспользоваться многие коллеги Елисеева.

В декабре 1919 года председатель Академии истории материальной культуры (АИМК) Н. Я. Марр, понимая реальную опасность для Сергея Григорьевича оставаться в Петрограде, направил его в Европу (в Берлин, Кёльн, Лондон, Париж и Брюссель) на пять месяцев для закупки книг и ознакомления с новыми музеями по искусству Дальнего Востока. Руководство Академии значительно преувеличивало перед Наркомпросом заслуги начинающего ученого.

«Академия истории материальной культуры признала, для наиболее полного и всестороннего исследования означенной дисциплины [искусства Индии и Дальнего Востока. — С. М.] настоятельнейше необходимым командировать за границу члена Академии профессора Сергея Григорьевича Елисеева,

заведующего разрядом искусства Индии и Дальнего Востока, окончившего университет в Токио, занимавшегося в Берлине и Лондоне [не так! — С. М.], хорошо знакомого с европейскими музеями по Дальнему Востоку и ныне занимающего в Петроградском университете кафедру Японской филологии и кафедру по искусству Дальнего Востока в Институте Истории Искусств. С. Г. Елисееву поручается Академией ознакомиться с тем, что сделано за последнее время в области археологии вообще и особенно с тем, что сделано в области изучения художественной культуры Дальнего Востока за последние 5-ть лет и с новыми музеями по искусству Дальнего Востока <...> в сопровождении необходимой для его работы сотрудницы, ученицы художника М. В. Добужинского, Веры Петровны Елисеевой, знающей европейские и японский языки и уже занимавшейся с С. Г. Елисеевым изучением японского искусства в последних его научных командировках в Японию. С. Г. Елисеева будут сопровождать двое малолетних детей: Никита 3 лет [правильно: 4 лет. — С. М.] и Вадим, 2 лет [правильно: 1,5 лет. — С. М.], которых оставить одних без призора в Петрограде не представляется возможным»¹⁴.

Это представление прошло Наркомпрос и было направлено в Наркомат иностранных дел для подготовки заграничных паспортов, однако там зимой 1920 года дело застопорилось. С. Г. Елисеева не хотели выпускать из РСФСР, поскольку его предполагалось использовать в качестве преподавателя японского языка на вновь созданных курсах востоковедения при Академии Генерального штаба РККА. Будучи военно-обязанным, ученый не имел права отказаться. Таким образом, советская власть сама вынуждала его к незаконным действиям. Елисеев торопился с отъездом еще и потому, что не хотел оказаться мобилизованным преподавателем школы восточных языков, учреждаемой в Петрограде. Причину открытия школы он видел в стремлении большевиков развернуть свою пропаганду на Дальнем Востоке.

«Отчаявшись спровоцировать социалистическую революцию в Европе, большевики на этот раз тянут руки к странам Востока: преподавать там должны были в основном языки Индии, а также персидский и турецкий. К тому же, обучая представителей различных народов русскому языку, а также коммунистической и социалистической идеологии, их планировали использовать как агитаторов. Услыхав об этом, я едва мог сдерживать отвращение. Ни в коем случае не желая становиться преподавателем в подобной школе, я беспрестанно думал о том, как бы мне до конца сентября, во что бы то ни стало, убежать за границу»¹⁵.

Единственно возможным для Сергея Григорьевича становится тайный побег на лодке по Финскому заливу в Финляндию. Это произошло 23 сентября 1920 года. Из Финляндии Елисеевы очень скоро переехали в Швецию, а через три месяца — во Францию, гражданами которой они навсегда стали в 1931 году. Так до конца жизни Сергей Елисеев больше ни разу не бывал в России.

Примечания:

¹ Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Ф. 16. Оп. 1. Д. 297.

² *Елисеев С.* [Тюремный дневник (май — июнь 1919 года)]. [Воспоминания о Петрограде (1918–1920 гг.) и побег в Финляндию]. 19 октября 1920 года // Уроки гнева и любви / Сост. и ред. Т. Тигонен. СПб., 1993. С. 9–44.

³ Письмо приведено в статье: *Kawai T., Hino T.* S. G. Elisseeff's Sekiro no Hitojichi Nikki. Hostage Diary in Soviet Russia // *Biblia*. 1995. Май. №. 103. P. 172–174.

⁴ В книге: *Ермакова Л. М.* Вести о Япон-острове в стародавней России и другое. М., 2005. С. 236–237.

⁵ Все цитаты и высказывания С. Г. Елисеева, приведенные в статье, относятся к его дневнику за январь и четыре дня марта 1919 года. Ссылки на другие источники указаны особо.

⁶ *Елисеев С.* Воспоминания о Петрограде. СПб., 1993. С. 22.

⁷ *Хмелевский К.* Послесловие // *Biblia*. 1995. №. 103. Май. P. 163.

⁸ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7240. Оп. 14. Д. 132.

⁹ *Кононов А. Н.* Восточный факультет Ленинградского университета // Востоковедение в Ленинградском университете. Серия востоковедческих наук. Вып. 13. Ученые записки ЛГУ. № 296. Л., 1960. С. 3–31; *Он же.* Восточный факультет Ленинградского университета (1855–1955) // Вестник Ленинградского университета. № 8. Л., 1957. С. 5–22; ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 132.

¹⁰ *Лутовинова И. С.* Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: Материалы к истории факультета. СПб., 2007.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 112. Л. 1. Здесь сохранена орфография газетной статьи.

¹² Это не так. В 1919 году Г. Г. Елисеев был еще в России, скорее всего в Крыму или в своем Екатеринославском имении.

¹³ *Волков С. В.* Почему РФ — еще не Россия. Невостребованное наследие империи. М., 2010. С. 195.

¹⁴ АВ ИВР РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 293.

¹⁵ *Elisseeff S.* Sekiro no Hitojichi Nikki. Hostage Diary in Soviet Russia. Дневник заложника Красной России. Токуо, 1976. P. 131–132. Пер. с яп. Ф. В. Кубасова.

С. В. Шешунова

Англичанин на русском фронте (1918–1920) сквозь призму художественной литературы

Русские писатели XIX–XX веков неоднократно делали англичан своими персонажами: достаточно вспомнить роман Ф. М. Достоевского «Игрок», повесть Н. С. Лескова «Запечатленный ангел» или рассказ А. П. Чехова «Дочь Альбиона». Многочисленность таких примеров породила даже вывод, что в отечественной словесности «на второе место по частоте употребления национальных характеров после русского можно поставить английский»¹. Анализируя культурный аспект Крымской войны, А. А. Орлов собрал русские стихотворения, создававшие образ «коварного Альбиона»². Гражданская война в этом отношении не привлекала, насколько нам известно, подобного внимания. Данная статья предполагает отчасти восполнить этот пробел: она посвящена литературным образам британских союзников белых войск.

Советская поэзия радикально преувеличивала масштабы их присутствия на фронтах. Так, в стихотворении В. В. Маяковского «Левый марш» (1918) с красными воюют не столько белые, сколько Запад, прежде всего Британия:

*Пусть,
оскалясь короной,
вздыхает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной*³.

К десятилетию переворота тот же автор создал поэму «Хорошо!» — образцовое литературное воплощение советской мифологии, где вторжение британских войск представлено как мощное явление. Советскую республику взяла в кольцо «морей владычица, бульдожья Британия»⁴:

Шешунова Светлана Всеволодовна — доктор филологических наук, профессор университета «Дубна» (город Дубна Московской обл.).

кстати,
 как денди,
 и девушку спас. —
 Леди,
 спросите
 у мерина сивого —
 он
 как Мурманск
 разизнасилвал.
 Спросите,
 как —
 Двина-река,
 кровью
 крашенная,
 трупы
 вытая,
 с кладью
 страшную
 шла
 в Ледовитый.
 Как храбрецы
 расстреливали кучей
 коммуниста
 одного,
 да и тот скручен.
 Как офицерá
 его
 величества
 бежали
 от выстрелов,
 берег вычистя.
 Как над серыми
 хатами
 огненные перья
 и руки
 холёные
 туго
 у горл.
 Но...
 «итс э лонг уэй
 ту Типерери,
 итс э лонг уэй
 ту го!»⁹

Как видим, у Маяковского англичане проходят по русской земле, подобно Батыю: оставляют за собой пожарища и реки крови, а британец,

побывавший на русском фронте, рисуется как холеный и хвастливый трус.

В «Песне о родине» М. В. Исаковского (1948) символом гражданской войны выступает русская песня начала XX века о бурах, воюющих с Великобританией:

*«Трансвааль, Трансвааль — страна моя!...»
Я с этой песней рос.
Ее навек запомнил я
И, словно клятву, нес.*

*Я вместе с нею путь держал,
Покинув дом родной,
Когда четырнадцать держав
Пошли на нас войной;*

*Когда пожары по ночам
Пылали здесь и там
И били пушки англичан
По нашим городам...¹⁰*

Тем самым красноармейцы предстают как подобие буров из песни о Трансваале: патриоты, отбивающие вторжение англичан. Исаковский посвятил свое произведение А. А. Фадееву, в романе которого «Последний из удэге» (1929–1940, не закончен) песня «Трансвааль, Трансвааль, страна моя...» также служит лейтмотивом повествования о гражданской войне.

Однако в советской литературе выделяется произведение, рисующее британский вклад в Белое дело весьма скромным — эпопея М. А. Шолохова «Тихий Дон» (1926–1940). Здесь англичане изображаются не с гневом (как, например, у Маяковского), а скорее с иронией. Это касается и банкета с участием союзников в Новочеркасске (эпизод отстраненно дан повествователем), и торжественной встречи британцев в станице. Она показана глазами Пантелея Мелехова, который подносит гостям хлеб-соль и озадачен скромностью их мундиров:

«Что же это за генералы, если по виду их ничем нельзя отличить от обыкновеннейших солдатских писарей? Пантелей Прокофьевич был мгновенно и горько разочарован. <...> На одном даже не фуражка, как полагается по всей форме, а какой-то котелок под кисеей, и морда вся выбрита наголо, ни одной волосинки не найдешь <...> Пантелей Прокофьевич нахмурился и чуть не сплюнул от отвращения...»¹¹

Именуя колониальный шлем «котелком с кисеей», писатель использует любимый Львом Толстым прием остраннения. Далее офицер в шлеме описан уже с позиции всеведущего автора:

«...высокий поджарый английский полковник <...> с холодным любопытством рассматривал казаков. <...> Полковник был утомлен <...>, но интересы королевской службы — прежде всего! И он внимательно вслушивался в речь станичного оратора и почти все понимал, так как знал русский язык, скрывая это от посторонних. С истинно британским высокомерием смотрел он на <...> лица этих воинственных сынов степей»¹².

К русским этот полковник относится как к «варварам»¹³, при виде казачек «твердо сжатые губы его тронула чуть приметная презрительная усмешка»¹⁴, лишь при взгляде на Дарью Мелехову «на бесстрастном лице его появилось нечто отдаленно похожее на улыбку»¹⁵. В данном литературном образе соединились черты, по распространенному мнению, наиболее типичные для англичан: высокий, поджарый, бесстрастный, высокомерный и лицемерный (знает русский язык, но скрывает это от русских).

С британцами встречается и главный герой «Тихого Дона». В одном из эпизодов Григорий Мелехов сталкивается в узком проулке с верховым английским офицером, сопровождающим английское же орудие для донской артиллерии. «...офицер приложил два пальца к козырьку своего пробкового шлема, движением головы попросил посторониться. <...> На щеках Григория заиграли желваки. Стиснув зубы, он ехал прямо на офицера. Тот удивленно поднял брови, чуть посторонился»¹⁶. Спутник Мелехова, донской офицер Копылов, удивлен его демонстративной грубостью:

« — ...Ты, оказывается, против иностранного вмешательства? Но, по-моему, когда за горло берут — рад будешь любой помощи.

— Ну ты и радуйся, а я бы им на нашу землю и ногой ступить не позволил!

— Ты у красных китайцев видел?

— Ну?

— Это не все равно? Тоже ведь чужеземная помощь.

— Это ты зря! Китайцы к красным добровольцами шли.

— А этих, по-твоему, силою сюда тянули?

Григорий <...> долго ехал молча, мучительно раздумывая, потом сказал, и в голосе его зазвучала нескрываемая досада:

— Вот вы, ученые люди, всегда так... <...> Я, брат, чувю, что тут ты неправильно гутаришь, а вот припереть тебя не умею...»¹⁷

Мелехов пользуется «двойной бухгалтерией»: одно и то же явление (в данном случае, участие иностранцев в русской гражданской войне) представлено как недозволенное одному из противников и позволительное для другого. Еще являясь формально офицером, герой «Тихого Дона» фактически уже на стороне красных, так как дает им право, в котором белым отказывает, — право использовать иноземную военную силу.

Впоследствии Григорий вынужден делить ночлег с лейтенантом Кэмпбеллом, инструктором по вождению танков в Донской армии. У лейтенанта «рабочие руки» со следами машинного масла, но лицо «холодное, упитанное, красное»¹⁸. Его переводчик, поручик Щеглов, жалуется Григорию: «Знаете, сотник, он меня замучил, этот английский боров! Пьет с утра и до поздней ночи. Хлещет ну бесподобно! Я сам, знаете ли, не прочь выпить, но в таких гомерических размерах не могу»¹⁹. <...> Давайте выпьем за родину этого дурака и пьяницы. Он, правда, скотоподобен, но родина его хороша»²⁰. Со своей стороны, Кэмпбелл предпочитает общество не англомана Щеглова, а Григория, не говорящего по-английски; как и в «Левше» Лескова, главный герой располагает к себе попутчика-англичанина способностью выпить много крепкого напитка.

По рассказу Щеглова, Кэмпбелл участвовал в боях с большевиками, едва не попал в плен «и с похвалой отзывается о красных»²¹: «Он говорит, что народ нельзя победить»²². Закономерно, что инструктор, по контрасту с описанным выше полковником, обрисован советским автором с симпатией. На прощание Мелехов от чистого сердца обнимает «гостеприимного лейтенанта» и дает совет: «Езжай-ка ты поскорей домой, пока тебе тут голову не свернули»²³.

Примечательно, что к Донской армии действительно был прикомандирован офицер по фамилии Кемпбелл (правда, не лейтенант, как у Шолохова, а капитан). По воспоминаниям другого британского союзника белых, Х. Уильямсона, Кемпбелл увлекся Россией, побывав в плену у немцев:

«Весь период плена он всегда был вместе с русскими и выучил их язык, и теперь, как и многие другие, ощутил внутренний зов, потребность оказать помощь тем, кто всё еще сражался за принципы, которые позвали нас на эту войну. Как и я сам, он считал себя причастным к крестовому походу против коммунистов. Он был отличным, увлеченным тружеником, хотя иногда был охвачен таким маниакальным восхищением Россией, что терял голову, и так громко симпатизировал всему, что когда-либо сделали русские, что некоторые лица в штабе смотрели на него с огромным подозрением»²⁴.

Разница с персонажем «Тихого Дона» очевидна.

В целом же советская литература, что уже отмечалось, преувеличивала масштабы британского присутствия на фронтах гражданской войны (как гиперболизировала и численность белых армий). В литературе русского зарубежья, напротив, многократно звучит тема напрасных ожиданий британской помощи. В повести Л. Ф. Зурова «Кадет» (1928), посвященной Ярославскому восстанию, именно слухи о приближении англичан воодушевляют патриотичную молодежь на решительные

действия. Кадеты, лицеисты, студенты отправляются освобождать Рыбинск под восклицание учителя: *«Наконец-то получено известие, что в Вологде англичане <...>. Положим конец владычеству большевиков!»*²⁵. Их ждет быстрое разочарование.

А. И. Куприн в мемуарной повести «Купол святого Исаакия Далматского» (1928) упоминает о тех же надеждах на англичан. Житель подсоветской Гатчины, потерявший сыновей на Великой войне, каждый день *«говорил мечтательно»: «Завтра, послезавтра придут англичане (оказывается, и он верил в англичан) — и принесут нам свободу. А с ними придут мои Коля и Никитушка. Загорелые, басистые, в поношенных боевых мундирах, с сияющими глазами. Они принесут нам белого вкусного хлеба. И английского сала, и шоколаду. И немного виски для вас»*²⁶. В этой мечте англичане приносят с собой, по сути, рай: свободу, пир, воскресение дорогих мертвецов.

Реальность от этой мечты далека. Называя себя *«пламенным бардом»*²⁷ Северо-Западной армии, Куприн много раз обличает *«эгоистическое равнодушие англичан»*²⁸, поддержки которых этой армии не хватало.

*«Англичане обещали оружие, снаряды, обмундирование и продовольствие. Лучше бы они ничего не обещали! <...> Их танки были первейшего типа (времен войны Филиппа Македонского — горько острили в армии), постоянно чинились и, пройдя четверть версты, возвращались, хромя, в город. Французские “Бебе” были очень хороши, но командовали ими англичане, которые уверяли, что дело танков лишь производить издали потрясающее моральное впечатление, а не участвовать в бое. В своей армии они этого не посмели бы сказать. Они развращали бездействием и русских офицеров, прикомандированных к танкам»*²⁹.

В посвященных гражданской войне произведениях И. С. Шмелёва британцы используют свое присутствие в России для наживы. Так, в рассказе «Письмо лейтенанта» (1920) английский офицер Скеттлз предлагает соотечественникам *«скупить еще уцелевшее: музеи, библиотеки, бронзу, фарфор, монеты, бриллианты, картины... <...> Может быть, нам удастся разобрать и перевезти такие памятники, как Кремль в Москве, колокольню “Иван Великий” <...> и “Медного всадника”...»*³⁰. В романе «Няня из Москвы» (1933) британец купил в Крыму фамильную ценность у голодающей вдовы: *«за две ихних белых бумажки вырвал, а тыщи рублей дать мало»*³¹. В рассказе «Виноград» (1936) говорится, что в городке у моря (судя по контексту, в Алуште) *«с приходом добровольцев, жизнь как будто опять наладилась. Пошли толки, что теперь и в Европе поняли, наконец, опасность, “теперь уж возьмутся и нам помогут”, и в подкрепление толков сообщали, что в Ялту пришли ихние корабли с пушками»*³². Иностранцы на кораблях безлики

и обозначены местоимениями «они», «те». Писатель не уточняет их национальность, но, учитывая время действия (приход добровольцев — июнь 1919 года), речь именно об англичанах. В реальности жизнь в Крыму «наладилась» не без участия «тех»: Добровольческая армия заняла полуостров с помощью британского флота. Но Шмелёв этого не упоминает; в его рассказе приплывшие в Ялту «они» — «страшный образ незаполняемой пустоты, ничем неоплаченной издевкой»³³: «...всё забирают за грош <...> и к себе волокут. Полные корабли отходят. <...> ...всё свое полноценное разменяли, всё в пыль и прах обратили, и теперь кровь нашу покупают»³⁴.

Мотив внутренней пустоты англичанина, попавшего на русский фронт, звучит и в стихотворении А. И. Несмелова «Интервенты» (1920). «Серб, боснийский солдат, и английский матрос» согласны в том, «что Россия — болото», но у серба есть некоторое нравственное преимущество:

*Серб любил свой Дунай. Англичанин давно
Ничего не любил, кроме трубки и виски...*³⁵

Однако оба переживают тоску и неприкаянность — чувства, по мысли поэта, общечеловеческие и близкие самому автору:

*Каждый хочет любить, и солдат, и моряк,
Каждый хочет иметь и невесту и друга,
Только дни тяжелы, только дни наши — вьюга,
Только вьюга они, заклубившая мрак.*

*Так кричали они, понимая друг друга,
Чёрный сербский солдат и английский моряк*³⁶.

Здесь нет и тени того самодовольного торжества, которым Шмелёв наделяет своего лейтенанта Скеттльза: «О, как я горд, что я англичанин! Я хожу по улицам, и на меня смотрят, как на сошедшего с неба»³⁷. Однако и суждения Скеттльза не во всем чужды мыслям его создателя. Таково ироническое описание этим персонажем учения Льва Толстого, который советует «ходить без обуви, не слушать образованных людей, не исполнять законы и не бороться со злом. <...> И вот, русский народ <...> истребил и изгнал образованных людей, убивает докторов и пасторов, оскверняет и разрушает храмы, сжигает библиотеки <...>. И, разрушая культуру, ссылается на Толстого, которого здесь все очень уважают»³⁸. Спор с учением Толстого был смысловым центром позднее восхитившей Шмелёва книги И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою».

Наблюдая происходящее, лейтенант презирует как русский народ, обнаруживший «свою сущность: отвержение культуры и стремление

к бытию дикаря»³⁹, так и «остатки русской интеллигенции и буржуазии, которые <...>, следуя учению Толстого, не противятся злу, не берутся за оружие, а маклеруют кто чем и жалуются»⁴⁰. Однако дореволюционная Россия вызывает у Скеттльза уважение: «Между прочим, и здесь есть памятники и отличная панорама прошлого, когда русские умели героически стоять за честь»⁴¹. Иное дело — современное состояние страны: «Русскому народу не нужны исторические памятники: он уже вне истории. У него уже нет национальной чести. Он сам разрушал их и плевал в них зернышками подсолнечника...»⁴². Среди самодовольных рассуждений лейтенанта вдруг вырываются слова о большевиках, созвучные боли самого Шмелёва: «О, что они сделали с жизнью!»⁴³.

Последним и, пожалуй, самым ярким выражением мечты о весомой военной британской помощи белым стал роман В. П. Аксёнова «Остров Крым» (1979), где вымышленный лейтенант Ричард Бейли-Лэнд в ноябре 1920 года самовольно открывает огонь из корабельного орудия. «Стучали телеграфные аппараты по всему Крыму: английский флот отражает наступление красных! Неожиданный шквал вдохновения охватил белую армию»⁴⁴. В результате войска Врангеля вместо эвакуации успешно защищают Крым и на десятилетия превращают его в процветающую страну, свободную от коммунизма.

При этом Бейли-Лэнд лишен у Аксёнова героических или романтических черт: «Оттопыренные уши, надменно-придурковатый взгляд, зализанный пробор. <...> ...эдакий гимназист-переросток. Какой-то, естественно, отпрыск, какой-то захудалой аристократочки...»⁴⁵. Дерзкий поступок англичанина объясняется тем, что «он был слегка с похмелья»⁴⁶ и, как позже уверял в интервью, не стремился спасти Российскую империю или демократию: ему «просто была любопытна сама ситуация», а «больше всего интересовала эффективность главного калибра»⁴⁷.

В романе подчеркнуто, что Бейли-Лэнд и его сослуживцы поддерживали белых вопреки воле начальства: «...британское правительство не простило мятежников, и большинство матросов после окончания войны предпочло осесть на крымской земле, чем подвергнуться страшным морским penitentiary в традициях Владычицы Морей. Так и образовались северо-крымские английские поселения, сродни австралийским колониям беглых каторжников»⁴⁸.

Особо выделим те произведения, где присутствует не безымянный собирательный образ англичанина либо вымышленный персонаж, а подлинное историческое лицо. Так, в романе В. Е. Максимова «Заглянуть в бездну» (1986; позже публиковался под заглавием «Звезда адмирала Колчака») выведен генерал Альфред Нокс (Alfred William Knox), с 1911 года служивший в России британским военным атташе,

а в 1918 году возглавивший британскую миссию в Сибири. При этом Максимов не использует, например, такой яркий эпизод, как участие Нокса в атаке ижевцев у села Лопатинского (12 сентября 1919 года); британский генерал появляется в романе либо на балу, либо в кабинете Верховного Правителя.

«У этого человека было все безукоризненно, от пробора до произношения. Он выглядел джентльменом с головы до ног, но понять, что же все-таки происходит в стране, где он представляет Королевство Ее Величества, ему, при всей его профессиональной наблюдательности, оказалось не под силу. Для него Россия представлялась чем-то средним между Индией и Непалом, проблемы которых решались в его ухоженной голове с простотой, достойной умственного уровня английского денди»⁴⁹.

Едва русский попросил конкретной помощи, Нокс *«мгновенно хлопнул раковину своего радушия, сделавшись сухим и чопорным»*, но *«несколько смягчил свою, как, видно, ему казалось, слишком заметную холодность. — Тем не менее, полковник, что бы ни случилось в вашей жизни, вы можете всегда рассчитывать на мою помощь, слово английского офицера!*

*“Разведчика”, — мысленно уточнил Удальцов, глядя в натренированную верховой ездой стройную спину англичанина...»*⁵⁰

В описании Максимова генерал Нокс так же лицемерен, как британский полковник из «Тихого Дона»: впоследствии он нарушает слово, данное им столь торжественно. Писатель не заботится о логике обличения: если Нокс — разведчик, то почему наделен *«простотой, достойной умственного уровня денди»* (оставляем за скобками вопрос, почему денди в понимании Максимова непременно глуп).

В беседе с Колчаком Нокс *«сиял <...> всем своим белозубым ртом, ямочками на холеных щеках, безукоризненным пробором»: «Казалось, в эту минуту через него на Адмирала излучалась вся мощь Британской Империи, сулящей безвестному туземцу несметные россыпи стеклянных бус и до слез умилявшейся при этом собственным великодушием»*⁵¹. Британский генерал поучает Верховного правителя России: *«Красные, зеленые, белые, какая разнища! Сели бы за один стол и поговорили бы по душам, ведь речь идет о судьбе России, в конце концов! Я уверен, что, если бы каждая сторона немного уступила, можно было бы найти взаимоприемлемый компромисс...»*⁵². И Колчак недоумевает, *«каким образом этот достаточно поживший и выдавший виды солдат, оказавшись в эпицентре кровавого вихря русской смуты, ухитрился сохранить в непорочной целостности и эту свою лучезарность, и этот безукоризненный пробор, и это почти девственное недомыслие»*⁵³.

Этот портрет представляется имеющим мало отношения к реальности. Нокс был убежденным противником большевиков; по свидетельству

британского историка, «его ненависть и презрение к советскому режиму <...> вытекали из личного опыта. Советы уничтожили армию, с которой Нокс до какой-то степени себя отождествлял...»⁵⁴. «Я признаю, — писал Нокс в Военное министерство в январе 1919 года, — что всем сердцем симпатизирую Колчаку, более мужественному и искренне патриотичному, чем кто-либо другой в Сибири. Его трудная миссия почти невыполнима из-за эгоизма японцев, тщеславия французов и безразличия остальных союзников»⁵⁵.

Другой известной фигурой, вошедшей в русский исторический роман, стал капитан первого ранга Френсис Кроми (Francis Newton Allan Cromie) — один из первых подводников, кавалер русского ордена св. Георгия IV ст., погибший в должности военного атташе в Петрограде при разгроме британского посольства чекистами 31 августа 1918 года. В состав Северо-Западной армии Юденича входил танк «Капитан Кроми», участвовавший в октябрьском походе на Петроград. «*Веское наименование*», — комментирует Куприн, упоминая этот танк в «Куполе святого Исаакия»⁵⁶. В романе М. А. Алданова «Бегство» (1930) капитан Кроми описан как «очень высокий, тонкий, прекрасно одетый»; еще не зная, кто он, героиня романа Муся определяет, что это англичанин: «Удивительная, однако, порода, лучше нигде нет, — подумала она»⁵⁷. Жених Муси, майор Вивриан Клервилль также называет своего приятеля «очень замечательным человеком»⁵⁸: «Он и после войны выдумает что-нибудь необыкновенное»⁵⁹. После войны Кроми собирается в полярную экспедицию, о чем рассказывает в посольстве в последний день своей жизни: «Капитан говорил очень хорошо и просто. У другого человека такие планы могли бы показаться хвастовством. Но в устах Кроми они хвастовством не казались»⁶⁰.

Служащие посольства объясняют состояние дел в России тем, что «русские любят деспотическую власть», а большевики просто «унаследовали традиции царизма»⁶¹. Однако, как с иронией показывает писатель, говорящие это британцы сами покорно подчиняются чекистам, явившимся их арестовать: «Все, застыв от изумления и неожиданности, выпученными глазами смотрели на вбежавших людей. <...> Один из служащих инстинктивным движением поднял руки. Мгновенно другие сделали то же самое»⁶². По контрасту, автор с явным любованием описывает Кроми, который встречает красных «очень спокойно и холодно», объявляет им о неприкосновенности здания «ледяным голосом» и вынимает револьвер «совершенно так, как если бы доставал из кармана портсигар или спички»⁶³. Митинг победителей, которые, разгромив посольство, топчут британский флаг как «позорный символ империализма»⁶⁴, демонстрирует в романе недомыслие британцев, не осознавших вовремя разницы между царской и советской властью. «Толпа гоготала

все веселее», но и по ней пронесся «гул ужаса», когда «люди в черных куртках» вывесили из окна тело Кроми: «Лицо убитого капитана было окровавлено и изуродовано»⁶⁵.

Вымышленный майор Клервилль не совершает ничего столь же героического, как его погибший в перестрелке друг, но предстает в «Бегстве» как человек вполне порядочный и достойный. Однако для русского подпольщика Федосьева этот джентльмен — образец глупости; по его убеждению, *«англичане ведут себя как последние дураки, чтоб не сказать, Боже избави, хуже. Нам денег не дают, все хотят делать сами; мы, мол, не знаем, что нужно делать, а они знают. <...> Не скрою, мне весьма безразлично, что случится со всеми этими Клервиллями... Пропади они пропадом, наши доблестные союзники! Из-за них погибла Россия! — с внезапно прорвавшейся злобой сказал Федосьев...»⁶⁶.*

Итак, в рассмотренных нами произведениях англичане, за исключением Френсиса Кроми в «Бегстве», воспринимаются русскими персонажами как люди, которым недостает ума и чести. В их описании доминируют эпитеты «холодный» (здесь исключение — Кэмпбелл в «Тихом Доне») и «холёный». И советские писатели, и художники русского зарубежья предъявляют британским участникам русской гражданской войны суровый счет: первые — за помощь белым, вторые — за отсутствие такой помощи.

Для сравнения, уже упоминавшийся Х. Уильямсон закончил мемуары о своей донской эпопее словами: «Мы не преуспели в том, что намеревались сделать, <...> но надо отдать долг всем офицерам и гражданским лицам, как русским, так и британцам, которые отдали все лучшее ради дела, которое в любом случае считали справедливым»⁶⁷.

Примечания:

¹ Желтова Н. Ю. Константы национального характера в литературе первой половины XX века. Тамбов, 2006. С. 111.

² См.: Орлов А. А. «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.). М., 2008. С. 166–178, 208–214.

³ Маяковский В. В. Сочинения в 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 106.

⁴ Там же. Т. 2. С. 384.

⁵ Там же. С. 383.

⁶ Там же. С. 382.

⁷ Там же. С. 384.

⁸ Есенин С. А. Стихотворения и поэмы. М., 1977. С. 95. То же утверждение повторяется в авторской речи; в реальности, как известно, британцы к этому расстрелу не причастны.

⁹ Маяковский В. В. Сочинения в 2 т. Т. 2. С. 385–386.

¹⁰ Исаковский М. В. Собр. соч. в 5 т. Т. 2. М., 1981. С. 146.

¹¹ Шолохов М. А. Тихий Дон. Т. 2. Кн. III, IV. М., 2001. С. 405–406.

- ¹² Там же. С. 406.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 407.
- ¹⁵ Там же. С. 408.
- ¹⁶ Там же. С. 392.
- ¹⁷ Там же. С. 393.
- ¹⁸ Там же. С. 463.
- ¹⁹ Там же. С. 462–463.
- ²⁰ Там же. С. 465.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 466.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Уильямсон Х.* Прощание с Доном. Гражданская война в дневниках британского офицера. 1919–1920 / Пер. с англ. А. С. Цыпленкова. М., 2007. С. 37.
- ²⁵ Проза русского зарубежья. П. М., 2000. С. 75.
- ²⁶ *Куприн А. И.* Эмигрантские произведения: Купол святого Исаакия Далматского; Извошник Петр. М., 1992. С. 20.
- ²⁷ Там же. С. 64.
- ²⁸ Там же. С. 81.
- ²⁹ Там же. С. 79.
- ³⁰ *Шмелёв И. С.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 8 (доп.): Рваный барин; Рассказы. Очерки. Сказки. М., 2000. С. 519–520.
- ³¹ *Шмелёв И. С.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. Рождество в Москве; Роман. Рассказы. М., 1998. С. 91.
- ³² *Шмелёв И. С.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. Въезд в Париж; Рассказы. Воспоминания. Публицистика. М., 1998. С. 126.
- ³³ Там же. С. 129–130.
- ³⁴ Там же. С. 129.
- ³⁵ *Несмелов А. И.* Без Москвы, без России: Стихотворения. Поэмы. Рассказы. М., 1990. С. 116.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ *Шмелёв И. С.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 8 (доп.). С. 520.
- ³⁸ Там же. С. 519.
- ³⁹ Там же. С. 518.
- ⁴⁰ Там же. С. 519.
- ⁴¹ Там же. С. 520.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ *Аксёнов В. П.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 4. Остров Крым. Желток яйца (Романы). Свяжск (Повесть). М., 1994. С. 308.
- ⁴⁵ Там же. С. 309.
- ⁴⁶ Там же. С. 307.
- ⁴⁷ Там же. С. 308.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ *Максимов В. Е.* Звезда адмирала Колчака; Семь дней творения; Романы. Челябинск; Саратов, 1993. С. 66.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же. С. 90.
- ⁵² Там же. С. 91.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ *Флеминг П.* Судьба адмирала Колчака. 1917–1920 / Пер. с англ. Л. А. Игоревского. М., 2006. С. 99.

⁵⁵ Там же. С. 151.

⁵⁶ *Кутрин А. И.* Указ. соч. С. 52.

⁵⁷ *Алоанов М. А.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. Ключ; Бегство: Романы. М., 1993. С. 412.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 476.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. С. 477.

⁶² Там же. С. 478.

⁶³ Там же. С. 479–480.

⁶⁴ Там же. С. 481.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 448.

⁶⁷ *Уильямсон Х.* Указ. соч. С. 300.

В. С. Правдюк

Белое движение в русской поэзии

«И никто не знает своего времени», — сказано в Евангелии. Может быть, никогда эта мысль не была так актуальна, как в годы страшной и нелогичной гражданской войны в России. Если бы это относилось только к «малым сим», малообразованным и не способным разобраться в бесовской демагогии!

Но болезнью отвержения исторической России, российских ценностей и российского образа жизни заболели прежде всего высокообразованные деятели в университетах и духовных академиях, интеллигенты, поэты и работники культуры. Приведу один ярчайший пример. Максимилиан Волошин, как известно, в стихах и в жизни «молился за тех и за других». Я не осуждаю поэта — я только хочу сказать, что даже с христианской точки зрения молиться за тот рой бесов, который налетел на Россию в лице большевиков, наверное, все-таки негоже. Но Волошин был подготовлен к этому объективному бездействию. В 1905 году в Париже после принятия его в масонскую ложу (экзаменатором был другой русский интеллигент и писатель, масон со стажем Александр Амфитеатров) Волошин записал в дневнике: «Каким бы я мог быть великолепным французом. В конце концов, единственное, что соединяет меня с Россией, — это Достоевский»¹. Комментировать эту запись не надо. Добавлю, что так же мыслили в трагические дни тревожного для Отечества 1905 года Александр Блок, Зинаида Гippiус, Дмитрий Мережковский, Леонид Андреев и многие другие. И вот финал — для М. А. Волошина. Запись в его дневнике 7 июля 1931 года:

«Вчера за работой вспомнил уговоры Маруси: “Давай повесимся”. И невольно почувствовал всю правоту этого стремления. Претит только обстановка — декорум самоубийства. Смерть, исчезновение — не страшны. Но как это будет принято оставшимися и друзьями — эта мысль очень неприятна. Неприятны и прецеденты (Маяковский, Есенин). Лучше “расстреляться” по примеру Гумилёва. Это так просто: написать несколько стихотворений о текущем. О России по существу. И довольно. Они быстро распространятся в рукописях»².

Правдюк Виктор Сергеевич — режиссер-кинодокументалист, канал «Культура» (Санкт-Петербург).

М. А. Волошин умер с помощью главного союзника большевиков — голода...

Белое движение в русской поэзии, на мой взгляд, занимает значительно меньшее место, чем должно было бы занимать. Но для этого надо было сначала увидеть и почувствовать сердцем всю отчаянную красоту, чистоту и возвышенность, жертвенность Белой Гвардии, мощное магнетическое притяжение и беззаветное служение молодежи: гимназистов, реалистов, кадетов и юнкеров. Если бы необходим был эпиграф для моего краткого сообщения, я выбрал бы четыре строчки современного автора:

*Можно и не быть поэтом,
Но нельзя смотреть, пойми,
Как кричит полоска света,
Зацефленная дверьми.*

А. В.³

Полоса сгущенного плотного света посреди тяжелой, удушающей тьмы — в этом для меня образ Поэзии Белого движения. Но повторю: «И никто не знает своего времени». Лидеры среди русских зарубежных поэтов — Владислав Ходасевич, Георгий Иванов (автор восьмистишия «Эмалевый крестик в петлице»), Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, позднее Владимир Набоков абсолютно не заметили Поэзии Белого движения и не посвящали ему стихов. Они оказались представителями какой-то другой России...

А теперь — лирическое отступление в другое время. 1960-е годы, Советский Союз. Самодельные книжечки (самиздат) мы делали сами в студенческие годы. У меня уже тогда была перепечатка большого цикла стихотворений Марины Цветаевой 1917–1920 годов под названием «Лебединый стан». У каждого стиха мной от руки проставлен номер, если от 532 до 590, это значит, что столько стихов Цветаевой было уже у нас в руках в 1963 году. М. И. Цветаева, пожалуй, стала первым поэтом, который написал едва ли не целую книгу о Добровольческой армии. Причем, написана она была в большевистской Москве, и Цветаева никогда и нигде не скрывала своей любви и симпатии к белым воинам, но Бог хранил тогда Марину Ивановну от красных вурдалаков. 4 декабря 1917 года было написано короткое стихотворение «Корнилов».

*...Сын казака, казак...
Так начиналась — речь.
— Родина. — Враг. — Мрак.
Всем головами лечь.
Бейте, попы, в набат.
— Нечего есть. — Честь.
— Не терять ни дня!
Должен солдат
Чистить коня...*

И примечание поэтессы: «Я уже тогда поняла, что это: “Да, и солдаты должны чистить своих лошадей!” (Москва, лето 1917 года — речь на Московском Совещании — куда дороже всего Керенского (как мы тогда говорили))»⁴.

Или 17 марта 1918 года Цветаева написала:

*Кто уцелел — умер, кто мертв — воспрянет,
И вот потомки, вспомнив старину:
«Где были Вы?» — вопрос как громом грянет,
Ответ как громом грянет: «На Дону!»
«Что делали?» — «Да принимали муки,
Потом устали и легли на сон...»
И в словари задумчивые внуки
За словом долг напишут слово Дон»⁵.*

Надеюсь, вы понимаете, как такие стихи изменяли наше студенческое сознание в 1960–1970-е годы и как я им благодарен сегодня...

«Лебединый стан» — не простой крик на площади, хотя Марина Ивановна могла и на площади прокричать свои стихи о Белой Гвардии, не имела она страха в душе. Этот цикл еще и глубокий анализ нравственного падения, которым сопровождалась большевистская новь и навьи чары:

*Конь на всаднике должен скакать верхом,
Новорожденных надо поить вином,
Реки жечь, мертвецов выносить в окно,
Солнце красное в полночь всходить должно»⁶.*

И задолго до И. Л. Солоневича в «Лебедином стане» дана поэтическая формула «народной монархии»:

*Это просто, как кровь и пот:
Царь — народу, царю — народ.
Это ясно, как тайна двух:
Двое рядом, а третий дух»⁷.*

Цитировать эту удивительно бесстрашную книгу можно было бы долго. Закончу благодарное воспоминание о ней коротким стихотворением (воспоминание, почему она была тайной частицей и моей жизни):

*Белогвардейцы! Гордиев узел
Доблести русской!
Белогвардейцы! Белые грузди
Песенки русской!
Белогвардейцы! Белые звезды!*

*С неба не выскрести!
Белогвардейцы! Черные звезды
В ребра антихристу!⁸*

В эту же примерно эпоху яростной борьбы за Россию маститый поэт Владислав Ходасевич сообщает читателям:

*Вдруг слышу ропот огня —
И глаза закрываю⁹.*

А Георгий Иванов демонстративно восклицает:

*И Вашей России не помню,
И помнить ее не хочу!¹⁰*

Молодой Владимир Набоков публикует свой краткий идейный манифест:

*Ночь лихая... Тоска избяная...
Что же не спится? Иль ветра боюсь?
Это — Русь, а не вьюга степная!
Это корчится черная Русь!
Ах, как воеет, как бьется — кликуша!
Коли можешь — пойди и спаси!
А тебе-то что? Полно, не слушай...
Обойдемся и так — без Руси!¹¹*

Конечно, большому писателю В. В. Набокову это удалось — «обойтись кое-как без Руси»... Впрочем, он весь состоит из тайн. Одну из тайн я попробую расшифровать. Родился Набоков в 1899 году, как и поэты-воины Иван Савин и Николай Туроверов, о которых речь впереди. Набоков не пошел ни на фронт Первой мировой, не участвовал и в гражданской войне. Сын известного российского политика-кадета не служил в армии и в определенной степени ощущал себя дезертиром. Этим можно объяснить крайнюю отстраненность Набокова от тех юношей, которые испытали на себе все тяготы борьбы с большевизмом. В эмиграции Владимир Владимирович всегда намеренно держал себя в стороне от Белой Гвардии...

Вот казак Егор Панфилов пишет жене в станицу Казанскую после боя под Харьковом в 1919 году и, может быть, впервые пробует себя в стихотворстве:

*Я скоро умру, но и в вечном покое
Покая не будет вполне —
На желтом песке у станицы Казанской
Там мой эскадрон, дорогой и желанный,
В атаку летит на былинном Коне!¹²*

Или 17-летний сын полковника Евгения Васильевича Величковского Анатолий, вступивший в Белую армию, напишет:

*В шестнадцать лет румяные,
Безусые и пьяные
От счастья пасть в бою
За Родину свою,
Они владеют винтовкою
Учились в конском топоте,
А боевой сноровкою —
Кто выживал — на опыте.
Их кости трактор распахал,
Перемешал, переломал¹³.*

Перехожу к творчеству тех юношей, воинов и поэтов, которых сегодня часто и вполне заслуженно называют лучшими людьми России той безумной и бурной поры... Но прежде небольшим предисловием к ним будет судьба знаменитого и в советское время умышленно забытого донского писателя, предполагаемого автора романа-эпопеи «Тихий Дон» Фёдора Дмитриевича Крюкова. Не буду подробно описывать биографию этого мастера русской прозы, как и события на послереволюционном Дону. Укажу только, что в результате междоусобицы и политики расслоения казачества даже традиционный Донской войсковой гимн, который был написан в дни обороны Севастополя в 1855 году с начальными словами:

*Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихий Дон,
И послушно отозвался
На призыв монарха он,*

был коренным образом изменен. В новом гимне монарх был заменен «свободой» и теперь стал звучать не совсем вразумительно:

*И послушно отозвался
На призыв свободы он.*

Единство России было сдано в этом гимне казачьему сепаратизму.

Писатель Крюков исповедовал совсем другие взгляды. Фёдор Дмитриевич стал верным соратником атамана, генерала от кавалерии П. Н. Краснова. С оружием в руках участвовал в знаменитом восстании против большевиков в Усть-Медведицком округе, когда погибли 16 юношей реального училища, похороненные в Братской Могиле на холме, который называли Пирамида. На большом деревянном кресте на могиле были выбиты слова Крюкова из стихотворения в прозе «Пирамиды».

Не было в те годы казака, который не знал бы и другого крюковского стихотворения в прозе — «Край родной». Его часто и декламировали, и пели:

*Звонит и плачет, и зовет...
То край родной возстал за честь
Отчизны, за славу дедов и отцов,
За свой порог и угол.
Кипит волной, зовет на бой родимый Дон,
За честь Отчизны, за казачье имя
Кипит, волнуется, шумит седой наш
Дон — родимый край¹⁴.*

Это стихотворение фактически заменило тот неудачный гимн, который был принят Большим Войсковым кругом 20 сентября 1918 года. В последующей борьбе Ф. Д. Крюков был ранен и контужен, взят в плен красными и едва не расстрелян. Умер писатель в отступе в районе Новороссийска 4 марта 1920 года от тифа. Его могилу большевики сравнивали с землей. А две большие суммы с рукописями попали к тестю Михаила Шолохова, Петру Громославскому...

Поэты-воины.

Иван Савин добровольцем в 17 лет вступил в Белую армию, воевал в 3-м сводном кавалерийском полку. Раненый и больной тифом попал в плен к большевикам и только чудом избежал расстрела. Солдат-санитар помог Савину бежать. В 1921 году Иван пробрался в Петроград, где встретил своего отца, по национальности финна. Фамилия Саволайнен помогла им совершенно легально уехать в Финляндию. Финского языка Савин не знал, но русская колония была тогда в Хельсинки и немалой, и интересной, издавала свои газеты и журналы, в которых Савин начал печатать свои фельетоны, воспоминания и стихи. Это был дар Божий, потому что никто и никогда не учил Савина ни прозе, ни стихосложению, разве только драматическая жизнь и трагическая судьба. Двух его братьев, Михаила и Павла, белых артиллеристов, красные зверски убили в Крыму. Братьям он посвятил одно из самых пронзительных — до слёз — стихотворений в русской поэзии:

*Ты кровь их соберешь по капле, мама,
И, зарывав у Богородице в ногах,
Расскажешь, как зияла эта яма,
Сынами вырытая в проклятых песках
...
Всех убиенных помяни, Россия,
Егда приидеши во Царствие Твое¹⁵.*

Ивана Савина высоко ценили такие разные люди, как И. Е. Репин и очень строгий к чужому творчеству И. А. Бунин.

*Оттого высоки наши плечи,
 А в котомках акриды и мед,
 Что мы грозной дружины предтечи,
 Славословим крестовый поход.
 Оттого мы в служенье суровом
 К Иордану святому зовем,
 Что за нами, крестящими словом,
 Будет воин, крестящий мечом.
 Да взлетят белокрылые латы!
 Да сверкнет золотое копьё!
 Я, немеркнувшей славы глашатай,
 Отдал Господу сердце свое...
 Да придет! Высокие плечи,
 Преклоняя на белом лугу,
 Я походные песни, как свечи,
 Перед ликом России зажгу¹⁶.*

Казалось, что с таким мастерством Савин добьется очень многого. Он уже начинал писать и весьма талантливую прозу. Но жизнь поэта-воина неожиданно оборвалась. В 1927 году после неудачной операции аппендикса Иван Савин умер, похоронен на православном кладбище финской столицы. Его поэтическое наследие — около 80 первоклассных стихотворений. Вот одно из них, посвященное генералу Корнилову:

*Не будь тебя, прочли бы внуки
 В истории: когда зажег
 Над Русью бунт костры из муки,
 Народ, как раб, на плаху лег.
 И только ты, бездомный воин,
 Причастник русского стыда,
 Был мертвой родины достоин
 В те недостойные года.
 И только ты, подняв на битву,
 Изнемогавших, претворил
 Упрек истории — в молитву
 У героических могил.
 Вот почему, с такой любовью,
 С благоговением таким,
 Клоню я голову сыновью
 Перед бессмертием твоим¹⁷.*

Имя второго белого воина-поэта, слава Богу, сегодня хорошо известно. И долгой боевой и трудовой жизнью, и блестящими стихами. Донской казак Николай Николаевич Туроверов в 17 лет успел побывать на фронте Первой мировой, затем стал участником легендарного партизанского отряда полковника В. М. Чернецова. Несмотря на молодость,

Туроверов в чине подьесаула был одним из надежнейших помощников выдающегося казачьего партизана.

*Покидал я родную станицу,
На войну, уходя наконец,
На шипы подковал кобылицу
У моста наш станичный кузнец.
По-иному звенели подковы,
И казачки глядели вослед,
И станица казалась новой
Атаманцу семнадцати лет.
Казачи, расставаясь, не плачут,
Не встречают разлуку в слезах,
Что же слезы внезапные значат
На веселых отцовских глазах?
Почему материнские руки
Так дрожат, холодея, как лед?
Иль меня уже смерть на поруки
Забрала и назад не вернет?
Ах, отцовские горькие думы!
В полумертвом спокойствии мать!
Я в свои переметные сумы
Положил карандаш и тетрадь.
Это ты — еще детская муза —
Уезжала со мною в поход,
И, не чувствуя лишнего груза,
Кобылица рванулась в намет¹⁸.*

В боях гражданской войны Туроверов прошел и Дон, и Кубань, и Сиваш с Каховкой, и Крым. Был трижды ранен. В ноябре 1920 года раненым его внесли на пароход, покидавший Россию. Как оказалось, навсегда. Стихи Туроверова проникли в Советский Союз раньше, чем его имя: в фильме «Служили два товарища» прозвучало его знаменитое стихотворение «Крым» с начальной строкой «Уходили мы из Крыма». Сегодня оно хорошо известно. Мне хочется только обратить ваше внимание на одну истинно поэтическую деталь: «Уходящий берег Крыма я запомнил навсегда»: это не они, белые воины, уходят, это берег родины уходит от них... Инверсия смысла...

При жизни Николая Туроверова во Франции были изданы четыре книги полноценных стихотворений. Его работу над словом прервала только смерть в 1972 году.

*Воспоминания опять ведут,
Где отчий дом, наверное, разрушен,
И мы уже забыты навсегда, —*

как-то посетовал Туроверов. Жаль, что мы уже никогда не сможем сказать этому прекрасному поэту и храбрейшему из храбрых воину, что мы его знаем, помним и любим.

Надо вспомнить еще одного поэта-воина, Владимира Алексеевича Смоленского. Его отец полковник, потомственный донской казак, был расстрелян на глазах у сына. 18-летний Владимир вступил в Добровольческую армию, прошел с ней с боями до Орла, потом отступал, эвакуировался из Крыма:

*Над Чёрным морем, над бедным Крымом,
Летела слава России дымом.*

...

*И ангел плакал над мертвым ангелом...
— Мы уходили за море с Врангелем¹⁹.*

Владимир Смоленский никогда не мог простить большевикам ни расстрелянного отца, ни растерзанного Отечества. В стихах о Соловках он писал:

*Но для того избрал тебя Господь
И научил тебя смотреть и слушать,
Чтоб ты жалел терзаемую плоть,
Любил изнемогающие души.
Он для того тебя оставил жить
И наградил свободой и лирой,
Что мог ты за молчащих говорить
О жалости — безжалостному миру²⁰.*

В последние годы Смоленский, живший в Париже, страдал от тяжелой болезни — рака горла, от чего и умер в 1961 году, шестидесяти лет от роду.

*И не прощённо, не раскаянно,
В гордыне, ужасе и зле
И в страхе бродит племя каина
По русской авельской земле²¹.*

В «Воспоминаниях» Владимира Смоленского, написанных незадолго до кончины, немало важных свидетельств о русской эмиграции во Франции. Приведу только один эпизод: «Когда-то у Мережковских спросил я А. Ф. Керенского: “Скажите, Александр Фёдорович, если бы завтра большевизм рухнул, какую бы вы хотели для России свободу?” Он подумал и сказал: “Такую, как при Александре Третьем”. За что бо-ролись?!»²²

Коротко упомяну трех поэтесс Русского Зарубежья, следовавших в своем творчестве за М. И. Цветаевой образца 1917–1920 годов.

Марианна Колосова — это псевдоним. На русском кладбище в Сантьяго, в Чили, где похоронена поэтесса, на граните надгробия даны ее настоящие имя и фамилия — Римма Ивановна Покровская и годы жизни 1903–1964. В одном из писем Марианна Колосова писала: «Помогаю всем, кто за Единую, Неделимую, Великодержавную и Православную Россию. По этому признаку различаю друзей и врагов». Такой она была и в своих стихах. Из биографии ее, еще недостаточно проясненной, известно, что в Чили Колосова-Покровская оказалась после того, как она, дочь барнаульского священника, прошла вместе с отступавшей Сибирской армией до Владивостока, оттуда попала в китайский Харбин. Затем эмигрантская судьба привела ее в Южную Америку. Колосову в эмиграции называли белогвардейским бардом и харбинской Мариной Цветаевой. Стих ее очень энергичный, страстный, истинный памятник Белому движению:

*Падать духом не должна,
Силой я богата,
Ведь недаром я жена
Русского солдата!*²³

Мария Вячеславовна Волкова родилась в 1902 году. Ее отец был командиром 7-го Сибирского казачьего полка. В гражданскую войну Волковы жили в Омске. После ухода колчаковской армии генерал Волков застрелился, а дочь его, Мария, вместе с мужем сумела эмигрировать в Литву, а затем в Германию. Жили они скромно, в основном в немецких деревушках. Мария Волкова писала стихи до самой смерти в Германии в 1983 году. Первая книга вышла посмертно в Мюнхене под редакцией ее добрых немецких друзей. Прочитую фрагмент стихотворения Марии Волковой, посвященного А. В. Колчаку, написанного в стиле русских былин:

*Кто ж не помнит о герое,
Как один, с толпою споря,
Он оружие Золотое
Гордым жестом бросил в море!
Это рыцарь величавый
Выше всех был головою,
Не искал он блеска славы,
Но отмечен был судьбою...*²⁴

Младшая современница Колосовой и Волковой Алла Сергеевна Головина родилась в 1909 году неподалеку от Киева, а умерла в Брюсселе в 1987 году... Ее девичья фамилия — Штейгер, в эмиграции ее семья

оказалась в 1920 году, в дни врангелевского исхода, что отразилось в стихах Аллы Головиной:

*Земля дымком пороховым
Покроется, но будет просто
Увидеть райский полуостров,
Сказать — Эдем; подумать — Крым...
Там над землянкой — тишина,
И там выходит из окопа
Такая райская весна,
Трава такая Перекопа²⁵.*

Или о том же:

*По радио холодный русский голос
Не признает, что Севастополь пал.
Душа моя, должно быть, раскололась,
Пока ты в Белой армии не спал.
Как бились страшно наши под Каховкой,
Мучительно отстаивали Крым.
Серебряною маленькой подковкой
Луна всходила через белый дым²⁶.*

Еще раз повторю — «И никто не знает своего времени»... В 1978 году я пригласил в Питер для съемок поэта и прозаика С. Н. Маркова, автора «Юконского ворона». После записи за ужином я получил от него неожиданный подарок — рукописную балладу под названием «Полярный адмирал Колчак». Прочитую фрагменты этого большого стихотворения, которое хранится в моем личном архиве:

*Там, где волны дикий камень мьлят,
Кольхая сумеречный свет,
Я встаю, простреленный навyleт,
Поправляя сгнивший эполет.*

...

*Я запомнил те слова расплаты,
Одного понять никак не мог:
Почему враги, как все солдаты,
Не берут сейчас под козырек?
Что ж считать загубленные души,
Замутнять прощальное вино?
Умереть на этой белой суше
Мне, наверное, было суждено.
И, тоскуя по морскому валу,
И с лицом, скоробленным, как жесть,
Я прошу: «Отдайте адмиралу*

*Перед смертью боевую честь...»
И теперь в груди четыре раны.
Помню я — при имени моем
Встрепенулись синие наганы
Остроклювым жадным вороньем.*

И, наконец, уж коли речь зашла об Александре Васильевиче...

В 1989 году в знаменитой телевизионной программе «Пятое колесо» мы впервые рассказали зрителям о любви Анны Васильевны Тимирёвой и Александра Васильевича Колчака. По-моему, мы сделали это достаточно деликатно, во всяком случае — откликнулись многие друзья и знакомые Анны Васильевны. Получили письма и от людей, сидевших вместе с Тимирёвой в сталинских лагерях. Я тогда узнал, что она писала стихи, переводила Верлена. В одном из откликов — из Таллина, от Галины Дмитриевны Петкевич — были два тогда не известных стихотворения. Я храню их вместе с папкой писем-откликов на первую передачу об этой прекрасной любви...

Итак, Анна Тимирёва — «На 25-летие со дня расстрела А. В. Колчака»:

*Так глубоко ты врезан в сердце мне,
Что даже время потеряло силу.
Что четверть века из своей могилы
Живым ты мне привиделся во сне.
Любимый мой! И у подножья склона,
И в сумерках все не могу забыть,
Что в этот страшный мир, как Антигона,
Пришла не ненавидеть, а любить.*

1945 год

Второе стихотворение Анной Васильевной написано в 1970 году, «К 50-летию со дня гибели А. В. Колчака»:

*Полвека не могу принять,
Ничем нельзя помочь,
И вот уходишь ты опять
В ту роковую ночь.
А я осуждена идти
Пока не минет срок,
И перепутаны пути
Исхоженных дорог.
И если я еще жива
Наперекор судьбе,
То только как любовь твоя,
Как память о тебе.*

Излишне, я думаю, говорить о том, во что превратилась жизнь Анны Васильевны Тимирёвой в Советском Союзе...

Вот такова моя «полоска света, защемлённая дверьми...». Конечно, мое небольшое сообщение — лишь только подступ к громадной и прекрасной теме — поэзия *Белого движения*.

Примечания:

- ¹ Волошин М. А. Собр. соч. Т. VII. Кн. 1. М., 2006. С. 207.
- ² Там же. Кн. 2. М., 2008. С. 196.
- ³ Вознесенский А. А. Избранное. М., 1985. С. 75.
- ⁴ Цветаева М. И. Собр. соч. В 7 т. Т. 1. М., 1994. С. 379.
- ⁵ Там же. С. 391.
- ⁶ Там же. С. 397.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 415.
- ⁹ Ходасевич Вл. Собр. соч. В 4 т. Т. 1. М., 1997. С. 146.
- ¹⁰ Иванов Г. Собр. соч. В 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 422.
- ¹¹ Набоков В. В. Стихотворения. СПб., 2002. С. 118.
- ¹² Стихотворение из семейного архива Панфиловых.
- ¹³ Хайрулин М. «Дорогие птицы!» // Донские казаки в борьбе с большевиками (Еланская). 2010. № 3. С. 39.
- ¹⁴ Казачий сборник (Белград). 1923. № 2. С. 41.
- ¹⁵ Савин И. Стихотворения. Мюнхен, 1959. С. 17.
- ¹⁶ Там же. С. 28.
- ¹⁷ Там же. С. 95.
- ¹⁸ Туроверов Н. Н. Стихотворения. Мюнхен, 1962. С. 25.
- ¹⁹ Смоленский В. А. О гибели страны единственной. Стихи и проза. М., 2001. С. 180.
- ²⁰ Там же. С. 110.
- ²¹ Там же. С. 233.
- ²² Там же. С. 260.
- ²³ Колосова М. Вспомнить, нельзя забыть. Стихи / Сост. В. А. Суманосов. Барнаул, 2011. С. 129.
- ²⁴ Волкова М. В. Не растет ковыль на чужбине! / Сост. К. Н. Хохульников. Ростов-на-Дону, 2001. С. 37.
- ²⁵ Головина А. С. Вилла «Надежда». М., 1992. С. 13.
- ²⁶ Там же. С. 81.

Н. И. Дмитриев, Е. М. Рогова

Репрессии большевиков против чинов Белых армий. 1919 — начало 1930-х годов. Результаты новых исследований

Гражданская война в России начала XX века и по прошествии девяноста лет продолжает привлекать внимание исследователей. По-прежнему одной из наиболее спорных и недостаточно изученных тем остается история Белого движения, судьбы его участников. При этом отдельным аспектом для рассмотрения, стоящим особняком в общем контексте проблемы, является репрессивная политика советского государства по отношению к так называемым «бывшим» белым.

Заявленная тема крайне сложна для историографического анализа. Взаимодействие большевистской власти и участников Белого движения никогда не являлось предметом самостоятельного исследования, а рассмотрение данной темы в рамках других, более общих, проблем исторических изысканий привело к весьма искаженной картине реальной действительности. В силу практически полной неизученности политика советской власти в отношении «бывших» белых зачастую рассматривается в общем контексте сразу нескольких тем: гражданская война, Белое движение и российская эмиграция, массовые репрессии в СССР, создание и функционирование органов госбезопасности, история РККА и «чистки» ее командного состава. В силу указанных особенностей литература чаще всего носит «пограничный» характер.

Особенностью ранней советской историографии стал ее ярко выраженный классовый характер. Необходимость применения разного рода

Дмитриев Николай Иванович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой Истории России Института фундаментального образования Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, главный редактор исторического альманаха «Белая армия. Белое дело».

Рогова Елена Михайловна — ассистент кафедры Истории России Института фундаментального образования Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

репрессий в борьбе с контрреволюцией обосновывалась видными советскими партийными и военными работниками К. Х. Данишевским, Ф. Э. Дзержинским, Н. В. Крыленко, М. Я. Лацисом и другими¹. Суть их взглядов можно свести к растиражированному высказыванию заместителя председателя ВЧК Я. Х. Петерса: *«Я заявляю, что всякая попытка русской буржуазии еще раз поднять голову встретит такой отпор и такую расправу, перед которой побледнеет все, что понимается под красным террором»*². Применение красного террора в отношении участников Белого движения оправдывалось террором белым, а о репрессивных акциях советской власти, осуществлявшихся в послевоенные годы, не упоминалось. Одновременно тактика применения террора в отношении всех сопротивлявшихся установлению власти Советов нашла освещение в эмигрантской печати и, прежде всего, в написанной по «горячим следам» преступных деяний большевиков книге С. П. Мельгунова *«Красный террор в России»*³.

В 1930-е годы в условиях сложившейся в стране командно-административной системы изучение любых аспектов репрессивной политики советского государства было невозможно. Из научной литературы исчез термин «военные специалисты», а «бывшие» царские офицеры изображались активными пособниками контрреволюции⁴.

Заметные перемены в оценке прошедших событий стали происходить лишь со второй половины 1950-х годов, начиная с «хрущёвской оттепели». Главной чертой нового подхода являлась критика «грубых извращений», «ошибок», «перегибов» и «необоснованности» политики массовых репрессий. Появилась критика расширенного толкования понятия контрреволюционного преступления⁵. По выражению С. А. Федюкина, в рассматриваемый период *«не удалось избежать ненужных жертв, несоответствия меры вины мере наказания»*⁶. В монографии А. Г. Кавтарадзе впервые объектом самостоятельного исследования стала проблема привлечения царского офицерства к делу строительства Красной армии. Написанная на основе богатого архивного материала работа наглядно показала, что офицерский корпус старой армии никак нельзя было причислить к «эксплуататорскому классу», что выдвинуло задачу пересмотра ранее сложившихся оценок и стереотипов⁷. Историк Д. Л. Голиков, рассматривая вопросы борьбы советской власти с различными контрреволюционными выступлениями и организациями, затронул проблему репрессий по отношению к белогвардейцам и членам их семей, имевших место в первой половине 1920-х годов⁸. Однако общей чертой всех проводимых исследований оставался их пробольшевистский характер, речь шла лишь о «бывших» царских и белых офицерах, перешедших на службу к Советам, репрессии, применявшиеся по отношению к остальным, в принципе оправдывались.

В последние два десятилетия в связи с наметившимися переменами в обществе и постепенным открытием ранее засекреченных архивных материалов проблематика политических репрессий стала одной из главных как в общероссийской, так и в региональной историографии. Тема причин и практики осуществления акций, становления карательной системы, функционирования правоохранительных органов получила достаточно широкое освещение. Можно отметить работы А. А. Здановича, Л. П. Рассказова, М. Н. Петрова, А. М. Плеханова, А. Г. Теплякова и других⁹. Большое количество исследований посвящено истории советской системы принудительного труда и лагерей (публикации В. Н. Земскова, Г. М. Ивановой, А. С. Смыкалина, А. Б. Сулова)¹⁰. Появились работы, раскрывающие трагическую судьбу русского офицерства и содержание проводившихся против него репрессий спецслужб¹¹. И все же приходится констатировать тот факт, что по-прежнему научных исследований, целенаправленно рассматривающих политику советской власти в отношении участников Белого движения, в историографии не существует. В некоторой степени восполнить имеющийся пробел призвана настоящая публикация.

Все началось с того, что в октябре 1917 года II Всероссийский съезд советов отменил смертную казнь в стране. Следующий съезд, состоявшийся в январе 1918 года, этого вопроса не обсуждал, однако встретил аплодисментами заявление В. И. Ленина о том, что *«ни один еще вопрос классовой борьбы не решался в истории иначе, как насильем»*¹². 31 января советское правительство предписало увеличить число мест для заключенных, а чуть позже было признано необходимым *«обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях»*. Для этого не требовалось судебного разбирательства — достаточно было административного решения, что давало широкий простор для деятельности репрессивных органов¹³. Вскоре, в связи с германским наступлением на Петроград, в стране была учреждена внесудебная смертная казнь. Право ее проведения предоставлялось Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК).

В феврале Совнарком принял воззвание «Социалистическое отечество в опасности!», на основе которого ВЧК получила возможность внесудебной расправы над *«неприятельскими агентами, спекулянтами, громилами, хулиганами, контрреволюционными агитаторами, германскими шпионами... саботажниками и прочими паразитами»*¹⁴. В мае был образован Центральный Карательный отдел Наркомата юстиции, начавший *«организовывать производительный труд»* заключенных. А по июньскому приказу Л. Д. Троцкого стали создаваться трудовые лагеря, законодательно оформленные Временной инструкцией от 23 июля «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового».

Для заключенных устанавливалась продолжительность рабочего дня. Сдельная зарплата на все работы, кроме хозяйственных работ по лагерю, полностью соответствовала профсоюзным расценкам. Устанавливалась средняя сумма заработка в день и в зависимости от нее процент в размере 2/3 заработной платы, удерживавшийся с заключенного на его содержание в государственном учреждении. Соответственно, в Москве при ежедневной зарплате 12–24 руб. в казну отчислялось 8–16 руб. Если заключенный вырабатывал меньше нормы в 12 руб., это рассматривалось как нежелание трудиться. Для борьбы с таким явлением использовалось экономическое принуждение, по которому в казну должно было удерживаться уже 16 руб. Если, наоборот, за день вырабатывалось больше 24 руб., то в казну шли те же 16 руб. В уездном Екатеринбурге максимум вычета из зарплаты заключенного был даже выше столичного, составляя 22,4 руб.¹⁵

Выступление чехословаков способствовало приданию легитимности расширявшемуся произволу большевистских властей. 10 июня Совнарком предписал беспощадно истреблять *«офицеров-заговорщиков, предателей, сообщников Скоропадского, Краснова, сибирского полковника Иванова»*¹⁶. Через пять дней в стране была создана первая расстрельная «тройка» ВЧК. Одновременно чекисты постановили, что *«расстрелы применяются ко всем, кто замешан в заговоре против советской власти и республики, если это будет доказано»*¹⁷. Троцкий предложил заключать в концлагеря чехословацких легионеров, не пожелавших сдать оружие, и «бывших» офицеров, отказывающихся служить в Красной армии. В августе, прибыв под Казань, он расширил состав тех, кого можно было отправлять в концлагеря, включив в него *«темных агитаторов, контрреволюционных офицеров, саботажников, паразитов, спекулянтов»*. Список дополнил Ленин, потребовавший 9 августа в связи с пензенскими крестьянскими выступлениями *«провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города»*¹⁸.

5 сентября 1918 года по инициативе Дзержинского Совнарком принял постановление о красном терроре. Автор документа предлагал изолировать «врагов» в концлагерях. Те, кто *«прикосновенен»* к заговорам, мятежам и белогвардейским организациям, *«подлежат расстрелу»*. Списки расстрелянных следовало публиковать в печати с *«основанием применения к ним этой меры»*. Все положения без изменений вошли в постановление Совнаркома¹⁹. Этот документ придавал высказываниям большевистских вождей форму законодательного акта и предоставил право карателям и далее ужесточать свои действия, превращая террор в массовый, направленный против неопределенно широкого круга лиц. В категорию *«классовых врагов»*, *«врагов народа»* могли попасть как

лица, сопротивлявшиеся с оружием в руках против новой власти, так и практически любой человек, который в силу своего происхождения, взглядов, партийной принадлежности либо родственных связей не вписывался в схему построения нового социалистического общества. Вскоре был принят декрет о создании концлагерей с использованием труда заключенных²⁰.

Между тем, репрессивная деятельность ВЧК направлялась не столько постановлениями правительства, сколько секретными директивами собственного ведомства. Приказ ВЧК о красном терроре, принятый 2 сентября 1918 года, то есть за три дня до официального постановления Совнаркома, предписывал в одних случаях арестовывать, а в других расстреливать ряд разных категорий российских граждан, среди которых были и заложники, и пленные гражданской войны, и лидеры оппозиционных партий, и даже рабочие. Приказ о заложниках от 22 сентября 1918 года официально требовал при малейших попытках сопротивления или малейшем движении в *«белогвардейской среде»* применять массовый расстрел. В результате, по данным бюро печати НКВД, только в сентябре по стране были расстреляны 2732 человека, из них по политическим мотивам 2621 человек, в том числе 733 заложника²¹.

Параллельно летом были созданы революционные военные трибуналы в бригадах, дивизиях, армиях и фронтах, а 14 октября образован военный ревтрибунал республики. Диапазон решений этих органов был весьма широк: от штрафа до расстрела. В республике вводилась политика «военного коммунизма», насилие провозглашалось универсальным методом решения всех проблем, что неизбежно вело к ужесточению выносимых приговоров. В начале ноября временный председатель ВЧК М. Я. Лацис давал указания местным чекистам: *«Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против совета оружием или словом. Первым делом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Все эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл красного террора»*²².

Таким образом, в 1918 году возникли многие формы и методы проведения правительственной карательной политики в РСФСР, которая затем осуществлялась долгие десятилетия. Милитаризация экономики, создание трудовых армий приводили к регламентации жизни каждого гражданина, к превращению общества в казарму. Для удержания населения в повиновении карателям, прежде всего ВЧК, были даны неограниченные права расстрелов, арестов и развития института заложничества. Постановление Совнаркома о красном терроре превращало самую радикальную форму насилия в государственную политику. В ЦК РКП(б) и ВЧК выработали практическую инструкцию, в которой предлагалось:

«Расстреливать всех контрреволюционеров. Предоставить районам право самостоятельно расстреливать <...> Объявить, что никакие ходатайства за арестованных... не принимаются <...> Устроить в районах мелкие концентрационные лагеря... Сегодня же ночью президиуму ВЧК рассмотреть дела контрреволюционеров, и всех явных контрреволюционеров расстрелять. То же сделать районным ЧК. Принять меры, чтобы трупы не попали в нежелательные руки»²³.

На следующий год карательная политика большевиков опиралась на уже накопленный опыт проведения массовых расстрельных акций. Последние лишь приобрели стабильный и усовершенствованный характер. Проведенная в ВЧК организационная перестройка ориентировала чекистов на усиление контроля над населением, на насаждение страха ничем не обоснованными казнями. Чекисты продолжали расстреливать по разным поводам, в том числе за то, что подсудимый *«по своему убеждению не может быть полезен для советской власти»*²⁴. Хотя президиум ВЦИК своим указом от 24 января 1919 года ликвидировал уездные ЧК, однако, по словам Лациса, это решение оказалось выполнено не полностью. Часть уездных ЧК продолжала существовать вплоть до 15 февраля 1920 года. Затем они стали называться политбюро при уездных органах милиции²⁵.

В феврале 1919 года Дзержинский договорился до того, что провозгласил концлагеря *«школами труда»*²⁶. Естественно, в такой ситуации продолжался рост числа концлагерей и лагерей принудительных работ, тюрем и тюремных больниц, создававшихся на основе постановлений президиума ВЦИК РСФСР (от 11 апреля) и инструкции о лагерях принудительных работ (от 12 мая). Первоначально их организацией занимались чекисты, позднее — отделы управления исполкомов²⁷. 26 сентября Дзержинский предложил, чтобы *«ЦК партии большевиков, не объявляя официального массового красного террора, поручил ВЧК фактически его провести»*²⁸.

Хотя неэффективность политики «военного коммунизма» становилась все очевидней, а страна испытывала все возрастающий дефицит продуктов и товаров первой необходимости (например, годовая потребность в хлебе составляла в РСФСР примерно 744 млн пудов, в то время как в 1919/20 хозяйственном году удалось собрать 212,5 млн, а в 1920/21 году — 367 млн пудов), IX съезд РКП(б) все же взял курс на дальнейшую милитаризацию страны. Практика террора лишь ужесточилась. К ноябрю 1920 года, по неполным данным, в большевистских лагерях принудительных работ находились 16 967 человек (в том числе 4561 — за контрреволюцию), из них более 12 тыс. рабочих и крестьян²⁹. Положение политических заключенных оставалось особенно тяжелым.

В 1921 году карательная практика не претерпела существенных изменений. Крестьянские восстания, Кронштадт, рабочие забастовки

и голод заставили чекистов изменить некоторые приоритеты своей деятельности. В январе было создано Секретно-оперативное управление (СОУ) ВЧК с отделами разведработы в армии, осведомительной сетью, сексотами и т. п. Руководство ВЧК сообщало, что *«работа ЧК отныне рассматривается как выполнение боевых задач в военной обстановке на внутреннем фронте»*³⁰. По-прежнему преследовалась цель устранения всякого, даже потенциального инакомыслия. Ленин предлагал за отступление от *«наших законов... карать не позорно глупым “коммунистически тупоумным” штрафом в 100–200 миллионов, а расстрелом»*³¹. Правда, принятый 21 марта декрет Совнаркома установил предел наказания в виде лишения свободы на срок не более 5 лет³². Но их еще требовалось прожить. В начале января начальник Секретного отдела ВЧК Т. П. Самсонов докладывал Дзержинскому о посещении Лефортовской и Бутырской тюрем: *«В камерах грязь, сырость, вонь, испарения и, главное — дым, абсолютно не дающий возможности дышать <...> Арестованные жалуются на плохое питание и отсутствие книг <...> Так обращаться дальше с живыми людьми и содержать их в таких условиях нельзя; это преступление»*³³.

Взгляд на репрессии, террор как на самые эффективные средства решения политических и даже экономических задач нашел отражение при выработке первых советских кодексов. Уголовный кодекс (УК) РСФСР, вступивший в действие 1 июня 1922 года, стал первым уголовно-правовым актом, содержащим юридические формулировки контрреволюционных преступлений. Особенная часть главы I «Государственные преступления» УК РСФСР содержала два раздела: «О контрреволюционных преступлениях» (статьи 57–73) и «О преступлениях против порядка управления» (статьи 74–104). В статье 57 давалось общее определение контрреволюционного преступления, под которым понималось всякое действие, направленное на свержение советской власти. Участие в любых контрреволюционных организациях каралось расстрелом, а при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы. Максимальный срок лишения свободы повышался до 10 лет. 10 июля 1923 года ВЦИК внес поправки в статью 57. В новой редакции контрреволюционным признавалось *«всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению»* советской власти. Такая размытая формулировка расширяла ответственность, а неопределенные термины «подрыв» и «ослабление» давали возможность для их произвольного толкования в судах.

Нечеткость определений, что в принципе противоречило специфике юридического документа, не была случайностью. При разработке первого уголовного кодекса Ленин особенно настаивал на том, что *«суд должен не устранить террор <...> а обосновать и узаконить его*

принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого террора»³⁴. Следовательно, ставка делалась на усиление репрессий. Это сказалось, например, на численности «бывших» офицеров старой армии, как и «бывших» белых в составе РККА. На 1 июня 1923 года, согласно отчету Наркомвоенмора, в Красной армии насчитывалось 2598 «бывших» белогвардейцев³⁵. В 1924 году на основании приказа № 151701/сс подверглись увольнению 9397 «бывших» офицеров (в том числе 1584 ранее служивших в Белых армиях)³⁶. В результате к 1 января 1925 года в рядах РККА оставалось около 400 «бывших» белых. По большей части они служили в учебных заведениях и в органах военного управления, так как командование частями им не доверяли.

1 января 1927 года вступил в действие УК РСФСР в новой редакции 1926 года. Контрреволюционные преступления, определенные в статье 58-1-18, выделялись в отдельную главу. Сначала основной текст сохранили практически в прежнем виде, но 6 июня 1927 года в УК РСФСР большевики внесли изменения. В действие вводилась глава I «Преступления государственные», которая подразделялась на следующие части: контрреволюционные преступления (статья 58-1-14) и особо опасные преступления против порядка управления (статья 59-1-13). Четырнадцать пунктов статьи 58 соответствовали статьям «Положения о преступлениях государственных», утвержденного ЦИК СССР 25 февраля 1927 года для включения в кодексы союзных республик. В дальнейшем число статей не менялось, а Положение стало юридической базой для применения политических репрессий.

Политический режим 1920-х годов обусловил появление также такого неологизма, как «лишенцы». Этот термин обозначал людей, лишенных властью избирательных прав. Изначально нормативной базой для ограничения политических прав некоторых категорий населения послужила Конституция РСФСР 1918 года (ст. 65), а затем и Конституция РСФСР 1925 года (ст. 69). В ноябре 1926 года ВЦИК утвердил «Инструкцию о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов», расширившую на основании классовых и социальных признаков круг лиц, лишенных избирательных прав. «Бывшие» белые офицеры также попали в эту категорию. Лишение избирательных прав влекло за собой (особенно в конце 1920-х годов) и значительное ухудшение материального положения. За редким исключением, как только человек оказывался в списках «лишенцев», его увольняли с работы, исключали из профсоюза, могли выселить его семью, повышали налоги, а с 1930-х годов лишали продуктовых карточек, автоматически поражали

в правах членов его семьи, исключали детей из школ и вузов. Огромные сложности «лишенцы» испытывали при поиске новой работы.

Во второй половине 1920-х годов повторилась ситуация, сложившаяся еще в 1918 году. Политика в отношении белогвардейцев в этот период определялась не столько официальными правовыми нормами, сколько секретными директивами. На действия советской власти непосредственное влияние оказывали изменения во внешне- или внутривластной обстановке. В 1927 году таким фактором стало охлаждение отношений между СССР и странами Запада в результате убийства в Варшаве П. Л. Войкова русским монархистом Б. С. Ковердой. Сталин увидел за данным покушением направляющую руку Англии с ее стремлением *«повторить Сараево»* либо спровоцировать конфликт с Польшей. Поскольку СССР не мог потребовать полного контроля над польским судом при разборе дела, то власть отреагировала по-другому. По предложению генсека было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях в связи с белогвардейскими выступлениями» от 8 июня 1927 года, допускавшее вынесение внесудебных приговоров, вплоть до расстрела, по усмотрению ОГПУ. На эту организацию возлагалось проведение массовых обысков и арестов «бывших» белых офицеров³⁷.

Параллельно, в 1927–1928 годах, в армии и партии обострились так называемые антиспецовские настроения³⁸. Причин тому было несколько: соперничество между старыми военными специалистами и молодыми, политически выдержанными кадрами, сокращение штатов и изменения в денежном содержании, усиление военной угрозы в связи с обострением отношений на международной арене. Сводки ОГПУ о настроениях в разных слоях общества не способствовали большевистской уверенности, выявляя многочисленные факты негативного отношения к советской власти³⁹. Добавим, что именно в этот период времени по стране прошла серия политических процессов о «вредительстве» технических специалистов в промышленности (Шахтинский процесс и др.).

На исходе 1920-х годов репрессии в отношении «бывших» белых возобновились в связи с кризисом хлебозаготовок. Советская власть в любом проявлении народного недовольства видела происки классового врага. 3 октября 1929 года члены Политбюро приняли директиву для ОГПУ и НКЮ РСФСР и УССР, в которой подчеркивалась необходимость *«принять решительные и быстрые меры репрессий, вплоть до расстрелов, против кулаков, организующих террористические нападения на совпартработников и другие контрреволюционные выступления (вроде создания повстанческих организаций кулаков и кадрового офицерства в Нижнем Поволжье)»*⁴⁰. В отдельных случаях допускались внесудебные расправы через ОГПУ. В начале 1930 года большевики приступили к «чистке» рядов Красной армии от «белогвардейского

элемента». Пока она выражалась в виде увольнения. Основными формулировками, сопровождавшими изъятие из командных кадров, становились следующие: *«состоит в бытовой группировке»*, *«поступил в Красную армию с целью скрыться от преследования»*, *«антисоветский элемент»*, *«в личной жизни поддерживает связи с бывшим белым офицерством»* и т. п. Показательно, что увольнению подлежали не только «бывшие» белые офицеры, но также лица, служившие в Белых армиях рядовыми, а то и вовсе в нестроевых частях⁴¹. С октября начались массовые аресты «бывших» офицеров, не служивших в Красной армии. Они захватили офицеров старого времени, проживавших в Москве, Ленинграде и Киеве⁴².

Последняя волна арестов белых офицеров прокатилась по стране в начале 1931 года в рамках так называемого «дела “Весна”». К середине января «дело» окончательно приняло форму процесса о разгроме «Все-союзной контрреволюционной организации», инспирированного не столько советскими спецслужбами, сколько государственной властью и лично «вождем народов»⁴³. Примечательна телеграмма Сталина и Молотова, направленная 14 февраля Р. И. Эйхе и Ф. П. Грядинскому по поводу взрыва на Кемеровской коксовой батарее: *«Оказывается, что все эти катастрофы произошли, как вы сообщаете, по “неизвестной причине”. Хорошее объяснение, нечего говорить. Неизвестно только, куда девалась бдительность крайкома, бдительность парторганизаций, наконец, бдительность ГПУ <...> Не пора ли взяться за чистку и разгром колчаковских офицеров, массаи осевших в организациях Сибири»*⁴⁴.

Расправы над военспецами и «бывшими» белыми проходили главным образом в мае — июне, но отдельные процессы продолжались вплоть до сентября⁴⁵. К военным, служившим на момент ареста в РККА, и к находившимся в запасе, относились по-разному. Первые сравнительно редко получали высшую меру наказания, они осуждались на разные сроки заключения либо увольнялись в запас. Вторые, наоборот, под расстрел попадали значительно чаще⁴⁶. Не вызывает сомнения фальсификация подавляющего большинства следственных дел. По разным данным, всего по «делу “Весна”» пострадали от 3 тыс. до 10 тыс. человек⁴⁷. При этом «дело» захватило не всю территорию СССР, а наиболее тяжело отозвалось в Украинском, Московском и Ленинградском военных округах и в некоторых других районах. «Бывших» белых офицеров осуждали и отправляли в лагеря, несмотря на то что значительная их часть уже отбыла наказание «за службу в Белой армии». Как следствие, в РККА резко изменилось прежнее соотношение социальной категории «прочих» (куда в числе других относили «бывших» белых) среди высшего и старшего комсостава. Если на 1 января 1931 года «прочие» составляли соответственно 19,0% и 11,5% комсостава, то к 1 апреля 1932 года их

участие сократилось до 8,1% и 4,0%⁴⁸. К сожалению, точное количество пострадавших, особенно на региональном уровне, установить пока не представляется возможным в силу недоступности источников.

Таким образом, на рубеже 1920–1930-х годов советская власть возвратилась к «революционным методам» решения внутренних и внешних проблем⁴⁹. Это было весьма знаменательным и, можно сказать, закономерным явлением, так как советское руководство 1920–1930-х годов сформировалось в условиях революции и гражданской войны, оказавшись носителем новых исторических традиций. Методы, применявшиеся в ходе борьбы за власть, признавались большевиками правильными с точки зрения «революционной морали», а их результативность убеждала в истинности избранного пути.

Однако красный террор стал признаком не столько силы, сколько слабости нового политического режима. Большевики тем беспощаднее относились к своим врагам, чем ненадежнее выглядело их собственное положение. Между тем причина кровавых вакханалий состояла не только в неблагоприятной политической и военной обстановке. Революционный террор имел под собой значительную теоретическую базу. Классовый подход, лежавший в основе идеологии марксизма-ленинизма, формировался на уровне сознания и играл определяющую роль при принятии решений. Считалось, что индивид существует не сам по себе, а только как представитель и выразитель интересов какого-либо класса. Не классы состоят из людей, а люди принадлежат к классам.

В глазах большевиков политический террор был естественной составляющей, изначально присущей каждой революции. *«Кто отказывается принципиально от терроризма, т. е. от мер подавления и устрашения по отношению к ожесточенной и вооруженной контрреволюции, тот должен отказаться от революционной диктатуры <...> и ставит крест на социализме»*, — писал Троцкий. Большевистское мировоззрение основывалось на убеждении в том, что *«устрашение есть могущественное средство политики»*. Ввиду наличия такой идеологической установки заявления видных партийных лидеров, включая Ленина, о том, что контрреволюционные силы вынудили большевиков прибегнуть к террору, который носит лишь временный характер, носили пропагандистский характер и не соответствовали действительности. Нельзя не согласиться с точкой зрения Ю. Г. Фельштинского и Г. И. Чернявского, утверждавших, что красный террор носил институционный характер⁵⁰. Отметим также, что, по сути, репрессивная политика направлялась против *всех* социальных групп российского общества, а не только против «эксплуататорских классов», как это постоянно провозглашалось большевиками. Однако систематический характер она имела лишь по отношению к непосредственным противникам советской власти — участникам Белого движения.

Пленные белогвардейцы подвергались расправам непосредственно по горячим следам гражданской войны, а в 1920-е годы на протяжении ряда лет над ними проходили судебные процессы. Рядовые чины Белых армий довольно скоро получили амнистию. Что же касается белых офицеров, то все они, начиная с 1921 года, ставились на особый учет, снять с которого их могли только по истечении года службы в РККА. До тех пор, пока офицеры находились на особом учете, они были обязаны периодически отмечаться в местных органах ОГПУ, их также ограничивали в свободном выборе места жительства. Многие по-прежнему содержались в концлагерях. По состоянию на 17 мая 1921 года в стране насчитывался 91 функционирующий концентрационный лагерь и еще 23 планировалось открыть⁵¹.

Эти общие выводы полностью подтверждаются данными, полученными в процессе изучения деятельности большевистской власти по отношению к «бывшим» белым на Урале. Остановимся на этом сюжете подробнее.

Вплоть до середины июля 1919 года Средний Урал находился в руках Белой власти и создание большевистских концлагерей по понятной причине задерживалось. В свое время на территории образованной Екатеринбургской губернии существовало семь тюрем старого типа (Екатеринбург, Шадринск, Камышлов, Ирбит, Верхотурье, Красноуфимск, Нижнетуринский завод Верхотурского уезда). Однако ввиду незначительного числа заключенных, *«как дорого стоящие, помещения которых не приспособлены для мастерских, не имеющие для обработки земли»*, еще в 1918 году пять из них были ликвидированы. Пенитенциарные учреждения остались лишь в Екатеринбурге и Нижнетуринском заводе.

Сразу после ухода белых сказалось отсутствие инструкций и работников, а от тюремных учреждений остались целыми только стены, все имущество оказалось утеряно. За проведение исправительно-трудовой и карательной политики стал отвечать созданный 5 сентября 1919 года при Екатеринбургском губотделе юстиции Карательный отдел⁵². В соответствии с советской доктриной использования труда в местах заключения в качестве воспитательного фактора тюрьмы переименовывались в исправительно-рабочие дома⁵³. Изменился и состав преступников: от уголовников до заключенных *«преимущественно политического характера»*. Главной целью учреждения провозглашалась не кара, а исправление преступника.

Екатеринбургский исправительно-рабочий дом мог вместить 550–600 человек, но в среднем в нем постоянно находилось до 700 человек, числившихся за ЧК, ревтрибуналом, народными судами и другими учреждениями. Из-за скученности исправдом существовал *«в весьма неудовлетворительном врачебно-санитарном состоянии»*, там свирепствовал

сыпной тиф, помещения больницы не хватало, больные распределялись по лечебницам города и содержались под особой охраной. При исправдоме существовали пять производственных мастерских и огород для выращивания овощей, в основном картофеля и капусты, предназначавшихся для питания самих заключенных.

Нижнетуринский исправдом располагался в 3 км от станции Нижняя Тура. Наладить его работу удалось лишь в сентябре 1919 года. Первые арестанты поступили из Екатеринбурга. Их численность составляла около 300 человек, в основном осужденных на длительные сроки исправления. В семи верстах находилось 45 десятин пахотной земли, на которых и использовался, прежде всего, труд заключенных⁵⁴.

Со дня занятия Екатеринбурга красными по июль 1920 года, то есть за 11,5 месяцев, сотрудники губернской ЧК завели 3777 дел (с общим числом обвиняемых 6229 человек) на белых офицеров. Треть из них, по официальным данным большевиков, была освобождена, к расстрелу приговорили 122 человека, остальные подлежали отбытию наказания на принудительных работах с лишением свободы на разные сроки⁵⁵. Общей проблемой оставалась высокая перегруженность мест заключения. В августе 1920 года в Нижнетуринском исправдоме, рассчитанном на 600 человек, содержалось в 1,5 раза больше заключенных, а в Ирбитском исправдоме при наличии 75 мест находилось 243 заключенных⁵⁶. В такой ситуации исправдомами ограничиваться уже не представлялось возможным, и речь зашла о создании концентрационных лагерей.

Первые такого рода учреждения на Урале возникли в Пермской губернии. Самое раннее упоминание о них относится к 27 сентября 1919 года, когда местный губисполком направил в финансовый отдел НКВД запрос на 50 тыс. рублей, необходимых для *«оборудования лагерей принудительных работ в гор. Перми»*. Двумя неделями позже, 13 октября, Пермская губЧК сообщала, что концлагерь организован и передан отделу управления губернией⁵⁷. Затем состоялось открытие лагеря в Оханске и Кунгуре. Еще 7 сентября 1919 года комендант Екатеринбурга направил в отдел управления губернией обращение, в котором отмечалось, что *«из Особого отдела 3-й армии поступают лица, осужденные к заключению в концентрационном лагере, какового до сего времени не имеется»*⁵⁸. Однако лишь в мае 1920 года президиум Екатеринбургской губЧК с согласия губкома РКП(б) и губисполкома принял решение о создании губернского концлагеря.

Лагерь, получивший порядковый номер 1, был организован 22 июля и располагался на территории остановленного кирпичного завода в полукилометре от станции Екатеринбург-I. Помещения для проживания *«были совершенно не оборудованы и состояли лишь из сараев, которые служили для просушки кирпича, и лишь к зиме было малость оборудовано одно*

помещение»⁵⁹. Три барака и два деревянных здания не соответствовали ни санитарным, ни гигиеническим нормам, но тем не менее стали заселяться заключенными, осужденными на разные сроки принудительных работ. Даже спустя полгода после открытия лагеря его самые вопиющие недочеты администрация не устранила. Вот свидетельство комиссии санитарно-эпидемической секции при губздравотделе, проинспектировавшей состояние лагеря в конце января 1921 года:

«Устроенные нары находятся прямо на непокрытом полу, т. е. прямо на земле, пол же дощатый настлан только в проходах, ввиду чего, при полном желании, установить чистоту не является возможным. Люди совершенно раздеты, не имеют как верхней настоящей одежды, так и белья, спят по несколько лет и месяцев на голых досках, не имея никакой постельной принадлежности, взамен которой частично имеют тряпки <...> Изоляционной камеры в лагере нет, благодаря чему арестованные, прибывшие из других мест <...> не омытые, не очищенные от паразитов-насекомых и даже не подвергаясь медицинскому осмотру, направляются в барак, куда приносят с собой все заразы <...> Произвести дезинфекцию нельзя [в силу указанных выше условий. — Н. Д.], а от частичной дезинфекции... пользы почти совсем нет, т. к. нары представляют из себя хорошее убежище для паразитов и насекомых, которых удалить можно только вместе с самими нарами <...> При лагере нет ни бани, ни прачечной, ни даже умывальника. Имеющаяся баня может вместить не более четырех человек, в ней не успевает вымыться даже сама администрация»⁶⁰.

Осенью в губернии были созданы 2-й (в Нижнем Тагиле) и 3-й (в Верхотурье) концлагеря, располагавшиеся в помещениях бывших монастырей. Однако лагерь № 1 стал основной базой для пополнения их контингента, а в документах вновь образованные учреждения часто именовались «филиальными отделениями лагеря № 1». В административном отношении лагеря находились в ведении отдела управления Екатеринбургского губисполкома, их высшим контролирующим органом являлась губернская рабоче-крестьянская инспекция.

Официальная статистика сообщает, что в январе 1921 года численность заключенных лагеря № 1 составляла 359 человек, из них: не работали 60–80 человек, при разных учреждениях жили и трудились 167, работали при лагере 149 на постоянной и 39 заключенных на временной основе, регулярно работали вне лагеря, но проживали в нем 46 человек постоянно и 39 заключенных непостоянно⁶¹. Если суммировать все показатели, то итоговые цифры не сходятся. Видимо, страдала не только методика учета, но также существовала определенная «текучка» кадров заключенных.

Если в Верхотурском лагере № 3 содержались в подавляющем большинстве военнопленные поляки и на 8 февраля 1921 года их численность составляла 326 человек, то в лагерях № 1 и № 2 на тот же период

времени общее количество заключенных составляло 911 человек (и более 70% приходилось на Екатеринбургский лагерь). Из них 148 человек были осуждены за службу у белых (13%), 142 — за контрреволюцию (15,6%), 182 человека — за антисоветскую агитацию (20%). Всего же за период с мая 1920 года по апрель 1921 года через губернский подотдел принудительных работ прошли 4825 человек, из них 2825 — без лишения свободы и 2000 — с ее лишением. Причем 355 человек от общего числа осудили за службу в рядах Белой армии и как политически неблагонадежных, всех с лишением свободы. В преступлениях контрреволюционного характера, трактовавшихся необычайно широко, обвинялись 659 осужденных (392 — с лишением свободы). Наибольшее количество пошло по суду за уголовные преступления — 1479 человек (из них только 125 с лишением свободы)⁶². Несмотря на то что предписывалось раздельное содержание уголовных и политических заключенных, в реальной жизни контингент как в исправительно-рабочих домах, так и в концентрационных лагерях оказывался смешанным. Так, в 1920 году в Нижне-Туринском и Ирбитском исправдомах содержались заключенные, осужденные за службу в Белой армии, а в концентрационных лагерях Екатеринбурга и Нижнего Тагила около 15% заключенных составляли уголовные правонарушители⁶³.

В январе в лагере № 1 открыли мастерские: столярную, портновскую, кузнечно-слесарную, сапожную, затем переплетную. Однако отсутствовали инструменты, мастера, помещения. На стадии ремонта находилась прачечная, строилось надзирательское помещение. Согласно введенным ведомостям учета, ежедневно к разным работам привлекалось 42–74% заключенных, из них на работах, не требовавших специальной квалификации, находилось 5–19%. В администрации лагеря работало ни много ни мало 54 заключенных.

Ситуация, сложившаяся с частым откомандированием заключенных за пределы лагеря, вызывала тревогу органов НКВД. Как следствие, 24 марта 1921 года увидело свет циркулярное письмо, подписанное заведующим Главным управлением принудительных работ В. Ушацким, в котором признавалось:

«Формы использования труда заключенных, какие до сих пор практиковались, как то: работа в мастерских по 5 или 10 человек, откомандирование спецов в учреждения, посылка группами на случайные черные работы, не есть ни более продуктивные, ни наиболее подходящие для лагерей. Прежде всего, откомандирование отдельных заключенных на работу в учреждения по “специальности” сводит на нет всякое наказание <...> но и представляет заключенным большую возможность сноситься с внешним миром, со своими родными, сообщниками, единомышленниками и т. д. <...> В основе всей работы необходимо положить общее правило, что рабочую силу заключенных в лагерях

необходимо использовать лишь в предприятиях или мастерских лагерей, что бессистематичное использование заключенных, хотя бы на черные работы совершенно недопустимо <...> лагерь должен быть организован так, что в целом представлять хозяйственный организм, в котором каждый заключенный имеет свое место <...> Это станет возможным лишь тогда, когда мы будем брать под лагерь фабрики и заводы»⁶⁴.

Так закладывался фундамент для превращения промышленности и всей страны в единый большой ГУЛАГ.

Однако несмотря на распоряжение центра и позже вне Екатеринбургского лагеря трудилось и проживало: в июне — 25%, а в сентябре — уже 47% заключенных; на разовых работах при учреждениях, но с требованием обязательной явки в лагерь, находилось: в июне — 118, а в конце декабря — 11 человек⁶⁵. Увеличение числа проживавших и задействованных на работах вне лагеря объяснялось, прежде всего, катастрофическим положением с пропитанием заключенных.

Концлагеря начали функционировать в тяжелейшее для страны время нарастающего голода. И положение заключенных в такой ситуации выглядело значительно более худшим, чем для свободных граждан. Официально прописанные нормы питания не соответствовали реальным условиям. Согласно предписаниям, на одного человека ежедневно полагались 1 фунт (406 гр.) хлеба, крупа, картофель, корнеплоды общим количеством 176 золотников (1 золотник — 4,3 гр.), мяса или рыбы 32 золотника, а также чай (кофе), сахар и приправы. Для занятых тяжелым физическим трудом устанавливался добавочный паек в 0,5 фунта хлеба. На практике голодный 1921 год стал временем практически полного отсутствия питания. Даже в наиболее благоприятные периоды продовольственный паек уменьшался до 3/4 (иногда до 1/4) фунта хлеба, 6–24 золотников крупы, 6–16 золотников мяса или рыбы. Минимальный добавочный паек просто отсутствовал. В сентябре заведующий Карательным отделом в отчете, адресованном в губернский отдел юстиции, свидетельствовал, что *«паек, отпускаемый продорганами, по калорийности равен 1/4 пайка нерабочего человека и то только в том случае, когда он выдается полностью, чего никогда не бывает <...> продорганы... даже не дают взамен неотпущенного других продуктов питания»⁶⁶.*

Ввиду невозможности обеспечить заключенных продовольствием губернский подотдел принудительных работ предложил в июне 1921 года комендантам лагерей № 1 и № 2 изыскивать *«всевозможные способы к тому, чтобы недостаток питания, возможно, менее отразился на работоспособности и заболеваемости заключенных»*. Для чего предлагалось: *«1) организовать сбор и употребление в пищу суррогатов питания — грибов, ягод и т. п., предложить для этого каждому пятому заключенному избрать из своей среды наиболее заслуживающих*

доверия <...> и отправлять их в лес с соответствующим конвоем, и все собранные суррогаты употреблять на усиление питания заключенных <...>; 2) ввести организованную закупку предметов питания заключенными, для чего отменить все ограничения в расходовании хранящихся в кассе лагеря их собственных средств»⁶⁷.

Вследствие большой скученности, антисанитарии и отсутствия нормального питания в концлагерях разрастались разные заболевания. Свищепествовали цинга, охватившая до половины всех заключенных и часть военнослужащих внешней охраны, сыпной и возвратный тиф, холера, желудочные заболевания. Судя по официальным отчетам, смертность среди заключенных за 1921 год, прежде всего от тифа, достигала 12,7%. При этом практически полностью отсутствовала медицинская помощь. Эпидемия тифа, достигшая к осени своего апогея, встречала незначительные ответные меры со стороны губздравотдела. Ситуация выглядела настолько тяжелой, что комендант лагеря № 1 А. Филатов в рапорте, адресованном заведующему губернским отделом управления, снял с себя всякую ответственность *«ввиду все увеличивающейся смертности среди заключенных и отсутствия медицинской поддержки»*. Даже по состоянию на 1 июля 1922 года среди медицинского персонала в концлагере № 1 отсутствовали квалифицированные врачи, налицо были лишь несколько фельдшеров, сестер милосердия, сиделок и один фармацевт. Неоднократно повторялись случаи, когда в бараке тифознобольных никто из медперсонала не присутствовал, даже умирающим не оказывалось помощи, а трупы продолжали находиться в одном помещении с еще живыми людьми⁶⁸.

В довершение всех сложностей воровала продукты лагерная администрация. Ревизионные проверки, имевшие место в концлагерях № 1 и № 2, выявили ряд *«крупных дефектов, упущений и проступков даже уголовного характера»*. В лагере № 1, например, ревизоры выявили крупный недостаток продовольствия. Разница показателей по муке и хлебу по данным, зафиксированным в расходных книгах, и по фактической наличности составляла в среднем по 30 пудов, то есть по 480 кг⁶⁹. И это происходило в ситуации, когда ежедневный паек, как только что отмечалось, временами доходил до 100 гр. хлеба и без всякого приварка!

Таким образом, уже к лету 1921 года стало совершенно очевидно, что идея самокупаемости и самообеспечения концлагерей, закладываемая изначально, оказалась нежизнеспособной. Занять заключенных на работах внутри лагеря и на близлежащих производствах тоже не представлялось возможным. Нарастал голод. Как следствие, участились попытки побега. На эти факты большевики отреагировали незамедлительно. 27 мая 1921 года вышел совместный приказ № 118

Екатеринбургского губисполкома, губЧК и губотдела принудительных работ. В нем говорилось следующее:

«В виду участвовавших за последнее время случаев побега арестованных следственных и осужденных, отбывающих наказания за разного рода преступлений, как с мест работ, так и непосредственно с места заключения, а также в виду того, что неоднократно выясняется, что побег тем или иным заключенным совершен благодаря содействию остальных арестованных из той группы, с которой бежавший находился в одной камере (если арестованный сбежал с места заключения) или с которой сбежавший находился на внешних работах, путем организованной подготовки и создания благоприятных для побега условий, — в целях быстрого прекращения этих явлений и устранения их в будущем, дабы пресечь возможность новых преступных действий со стороны злостных преступников, каковые уже имели место среди сбежавших ранее, настоящим ПРИКАЗЫВАЕТСЯ:

Вести во всех местах заключения Екатеринбургской губернии круговую поруку среди арестованных и ОБЪЯВЛЯЕТСЯ для сведения, что с момента издания настоящего приказа впредь за каждого сбежавшего арестованного будет расстреляно 5 человек из той группы, из которой сбежал арестованный, и того рода преступления, к которой относится сбежавший с места заключения или с места работ арестованный»⁷⁰.

Прежде, согласно «Инструкции о развитии постановления ВЦИК о лагерях принудительных работ», дисциплинарным взысканием в случае побега, совершенного в первый раз, следовало увеличение срока заключения до десятикратного размера от первоначального, и лишь в случае вторичного побега — применение высшей меры наказания. Причем, в последнем случае меру наказания определял суд революционного трибунала. Хотя заметим, что на практике высшая мера зачастую применялась и при первой попытке, особенно в ситуации, когда беглец относился к категории политических заключенных. Теперь же для прекращения случаев побега в лагере вводилась круговая порука, а заключенные, связанные с бежавшим общностью камеры или работы, подвергались расстрелу за соучастие.

В развитие приказа губернских властей комендант лагеря № 1 А. Филатов 31 мая распорядился: *«Моему помощнику по административной части т. Рябову приказываю в срочном порядке разбить всех заключенных на группы по роду их преступлений, группы разбить на десятки и вменить в обязанность старшему дежурному по лагерю строго следить, чтобы на работы назначались заключенные однородными группами или десятками, а если меньше десятка, то из одного десятка, а не из разных»⁷¹.*

Применение приказа на практике не заставило себя долго ждать. 2 июля из концлагеря № 1 бежали шесть офицеров. По совпадению, в

тот же день заведующий подотделом принудительных работ С. Ураков в срочном порядке, на основании поступившего к нему доноса одного из заключенных, произвел дознание по делу о готовившемся двумя днями позднее побеге двух групп офицеров. В своем заключении следователь потребовал практического применения приказа № 118⁷². На следующий день в концлагере администрация сформировала два списка. Первый состоял из имен и фамилий пяти офицеров, пытавшихся совершить побег. Второй список включал 25 фамилий офицеров, входивших в одни и те же десятки с реально бежавшими шестью офицерами. Составленные списки сейчас же направили в Екатеринбургскую губЧК. Уже через двое суток, 4 июля 1921 года 30 офицеров расстреляли⁷³. Следовательно, большевики совсем не собирались ждать итогов розыска сбежавших, им хотелось побыстрее избавиться от потенциальных противников. В конце июля были пойманы и позднее казнены участники самого побега.

Однако трудности содержания концлагерей на Урале все же заставили коллегия Екатеринбургского губернского отдела управления 12 ноября 1921 года принять постановление, в котором, в частности, говорилось: *«В связи с эпидемией тифа и увеличивающейся смертностью заключенных, а также из-за недостатка медперсонала и охраны решили разгрузить лагеря — применить досрочное освобождение; освобождают преимущественно рабочих и крестьян, а также тех, кто зарекомендовал себя хорошим поведением»*⁷⁴.

По данным московского историка С. В. Волкова, в 1920–1930-е годы потери белых офицеров из числа оставшихся в РСФСР, а также вернувшихся на родину из эмиграции составили 70–80 тыс. человек⁷⁵. Проверить или уточнить названные цифры вряд ли возможно, по крайней мере, в настоящее время. Многие архивные материалы и личные дела утеряны, уничтожены или по-прежнему находятся вне доступа для исследователей. Анализ статистических данных по личным делам архивов городов Перми (ГКУ ГАПК, ПермГАНИ) и Екатеринбурга (ГАСО, ГААОСО), предпринятый авторами публикации, позволяет сделать следующие обобщения. Всего нами были изучены и проанализированы сведения о судьбах 279 участников Белого движения. Из них 225 человек относились к офицерскому корпусу (причем лишь 20 из них — кадровые офицеры), 48 — к рядовому составу и шесть человек служили в Белых армиях в качестве военных чиновников. Хронологические рамки исследования ограничивались периодом 1919–1924 годов, так как именно в то время проходили судебные процессы над белогвардейцами.

При анализе количественных показателей мер наказания использовались также дела, относящиеся ко второй половине 1930-х годов⁷⁶. Однако обработка подобных личных дел вызвала значительные трудности. Для периода «большого террора» были присущи репрессии, направ-

ленные против всех слоев населения страны. Существовал социальный заказ власти на поиск и уничтожение «врагов народа», поэтому «бывшие» белые подходили под эту категорию как нельзя лучше. В глазах следователей вину подследственных доказывал сам факт ареста. К тому же в силу массовости проводимых репрессивных акций не было возможности (или желания) детально прорабатывать и проверять каждое обстоятельство. Арестованные тоже не стремились подробно описывать свою службу в Белой армии, прекрасно понимая, чем может им грозить подобная детализация. Огромное количество дел сотрудники НКВД сфабриковали. Поэтому для рассматриваемого комплекса документов характерны схематичность вопросов и ответов, малые объемы производства, нарушение элементарных процессуальных норм. Как это ни парадоксально выглядит, но в начале 1920-х годов, то есть по горячим следам гражданской войны, процессуальные нормы на Среднем Урале соблюдались значительно строже, чем это происходило в 1930-е годы. Кроме того, в анкетах лиц, арестованных в 1930-е годы, в графе, посвященной службе в Белой армии (либо иных контрреволюционных формированиях), срок заключения, как правило, указывался не изначально присужденный, а тот, который человек отбыл по факту. Характерны также весьма противоречивые данные о мерах пресечения, применявшихся к подследственным в 1920-е годы. Наиболее ярким примером может считаться ответ *«репрессиям раньше не подвергался»*, при том что арестованный находится в списках «бывших» белых офицеров, заключенных в 1921 году в Нижнетуринском исправдоме⁷⁷.

Под репрессивные меры советской власти, прежде всего, попадали представители офицерского состава. Причем, более 11% за принадлежность к Белой армии осуждались неоднократно. Смертная казнь в качестве высшей меры наказания за участие в Белом движении начала применяться еще в ходе боевых действий на Среднем Урале. Характерно, что в тот период времени под расстрел попадали не столько офицеры, сколько активные противники большевиков из числа рядовых и партизан. Так, например, из 13 смертников 1919 года только один имел чин подпрапорщика, остальные относились к рядовому составу и партизанским формированиям.

Пик репрессий за службу в рядах Белой армии на Среднем Урале приходится на 1920–1921 годы. Не случайно именно в эти годы было вынесено и абсолютное большинство смертных приговоров (90%). Несмотря на то, что количество приговоров к высшей мере наказания за 1921 год даже превосходит аналогичный показатель 1920 года, смертная казнь за службу в Белой армии прежде всего применялась именно в 1920 году, когда сохранялась военная угроза для существования РСФСР. В 1921 году к высшей мере наказания осуждали по большей части либо за *«под-*

готовку контрреволюционного — белогвардейского — восстания» (например, так называемое «Колчеданское дело»), либо за побег из мест заключения⁷⁸. Собственно за службу в Белой армии к смертной казни в этом году были приговорены только семь человек (11%). С 1922 года расстрелы «бывших» белых на Среднем Урале практически прекратились. Только один человек получил высшую меру наказания: генерал-майор А. П. Перхуров — руководитель Ярославского восстания 1918 года, арестованный в Екатеринбурге, а казненный в Ярославле, то есть не на Среднем Урале. В 1919–1920 годах другим наиболее распространенным приговором становилось заключение в концентрационном лагере «до конца гражданской войны». Однако столь расплывчатая, неприемлемая по своей сути для юридического документа формулировка продержалась недолго. Уже начиная с 1920 года в связи с каким-либо важным для большевиков событием (годовщина революции и др.) проводятся амнистии и пересмотр ранее вынесенных приговоров с сокращением срока заключения, как правило, до пяти лет.

Характеризуя период начала 1920-х годов, можно отметить следующую особенность: за одну и ту же «вину», с одинаковой доказательной базой назначались весьма разные меры наказания. Белый офицер нестроевой службы, не участвовавший в боях с большевиками, получал высшую меру наказания⁷⁹, а перебежчик из Красной армии в Белую, да к тому же участник боев против большевиков присуждался к лишению свободы до конца гражданской войны либо к пяти годам заключения⁸⁰. Причины такой ситуации кроются, в первую очередь, в разрушении дореволюционной судебной системы и отсутствии целостного советского законодательства. В ходу были только те законы, которые не противоречили декретам и указам советского правительства. При отсутствии оформленного законодательства определяющим фактором становились «революционное правосознание», «революционная совесть», что вело к максимализации человеческого фактора при вынесении приговоров. Из всех рассмотренных личных дел в отношении только одного белого офицера, служившего на строевой службе и участника боев, власти прекратили разбирательство по причине призыва в Белую армию по мобилизации⁸¹.

В подавляющем большинстве репрессированные «белые» были молодыми людьми в возрасте 20–30 лет. Анализ социального происхождения и рода занятий свидетельствует об ошибочности тезиса советской историографии о дворянском происхождении, принадлежности к «эксплуататорским» классам белогвардейцев. Подавляющее большинство даже офицерского состава были выходцами из простонародья, зарабатывая на жизнь собственным трудом (из крестьян происходили 42,6% осужденных, из рабочих — 7,8%, из мещан — 10%, из казаков — 7,8%, из дворян — 2,9%).

Анализ количественных данных соотношения меры пресечения и социального происхождения, а также отношения к службе позволил говорить о том, что к ответственности, прежде всего, привлекали лиц, находившихся на строевой службе и участвовавших в боях. Однако немалое количество смертных приговоров выносилось и нестроевикам. Такая ситуация выглядела характерной для 1920 года, когда, руководствуясь больше эмоциями, чем фактами, советские органы госбезопасности судили слишком скоро и слишком строго. Контент-анализ смертных приговоров «бывших» белых на Среднем Урале в 1919–1922 годах позволил нам выделить наиболее часто встречающиеся формулировки, которыми большевики мотивировали репрессивные приговоры. Среди них (по степени распространенности) — *«белый офицер»*, *«активный контрреволюционер»*, *«доброволец Белой армии»*, *«по круговой поручке»*, *«за службу у белых»*, *«враг советской власти»*, *«за подготовку контрреволюционного восстания»*, *«участник боев против Красной армии»*, *«применял репрессивные меры»*, *«изменник рабоче-крестьянской власти»*, *«элемент вредный и контрреволюционный»* и другие.

Формулировки *«беспольный элемент»* и *«ненадежный элемент»* встречаются довольно редко и близки по смыслу, но, на наш взгляд, их нельзя объединять в одну графу, так как они несут разную смысловую нагрузку и олицетворяют собой не просто самоуправство органов госбезопасности, а дух эпохи. Интересная и трагичная черта рассматриваемого периода заключается в потере личностной идентификации. Под этим словосочетанием понимается особенность восприятия отдельного человека не в качестве самостоятельной личности, а исключительно по принадлежности к какому-либо классу. В результате терялась ценность отдельной личности, а соответственно и ценность отдельной человеческой жизни. Человек воспринимался как винтик от машины, и его оценивали лишь с точки зрения полезности. Формулировка *«в будущем для Советской власти пользы не принесет»* — лучшее тому подтверждение. Если высшую меру наказания «за контрреволюционность», «вредность для Советской республики» еще можно принять с точки зрения напряженности момента, классовой борьбы и будущей опасности, то «беспольность» отдельного человека уже никоим образом не угрожала существованию советского строя. Тем показательнее отношение большевиков как к своим противникам, так и в целом к человеческому обществу.

Выражения, не подпадающие ни под одну из отмеченных категорий, единичны, но подчас более показательны, чем те, которые встречаются в массовом порядке. Например, *«в связи с недопустимостью проживания в РСФСР»*, *«как имеющего специальность землемера, но не служившего по специальности, а служившего офицером в армии Колчака»*, *«был членом яхтклуба, в котором была белогвардейская*

организация», «способствовал установлению капиталистического строя» и т. д.

В 1922–1923 годах стали создаваться специальные комиссии по пересмотру дел «бывших» белых офицеров, заключенных в концентрационные лагеря. Имели место массовые амнистии, обусловленные целым рядом факторов: военная угроза внутри страны для большевиков миновала, реформировалась судебная система, свою роль играл голод, а перевод мест заключения на местное финансирование показал неспособность регионов в условиях экономической разрухи нести дополнительную финансовую нагрузку. Новая волна репрессий за службу в Белой армии ожидала «бывших» белых только в начале 1930-х годов.

Рамки небольшой публикации не позволяют глубоко и всеобъемлюще раскрыть содержание обозначенной темы. Авторам хотелось лишь заострить внимание на отдельных ее аспектах, не претендуя на безусловность суждений и полноту освещения. В дальнейшем предстоит восполнить имеющиеся пробелы в процессе новых исследований.

Примечания:

¹ См.: *Дзержинский Ф. Э.* Избранные статьи и речи. 1908–1926 гг. М., 1947; *Крыленко Н. В.* Как устроен и работает советский суд. М., 1925; *Лацис М. Я.* Два года борьбы на невидимом фронте. М., 1920; и др.

² Утро Москвы. 1918. 4 нояб.

³ См.: *Мельгунов С. П.* Красный террор в России (1918–1923). Берлин, 1923.

⁴ См.: *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республике Советов. 1917–1920 гг. М., 1988; *Смыкалин А. С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997; и др.

⁵ См.: *Сорок лет советского государства и права.* В 2 т. М., 1957; *Власов И. И.* В. И. Ленин и строительство Советской армии. М., 1958; *Иовлев А. М.* Разработка и осуществление ленинской политики в отношении специалистов старой армии (1917–1920 гг.) // Вопросы истории КПСС (Москва). 1965. № 4; *Шатагин Н. И.* Организация и строительство Советской армии в 1918–1920 гг. М., 1954; и др.

⁶ *Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. С. 95.

⁷ См.: *Кавтарадзе А. Г.* Указ. соч.

⁸ См.: *Голышков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.). М., 1975.

⁹ См.: *Зданович А. А.* Органы госбезопасности и Красная армия. Деятельность органов ВЧК–ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934 гг.). М., 2008; *Расказов Л. П.* Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве (1917–1941 гг.). Уфа, 1994; *Петров М. Н.* ВЧК–ОГПУ: первое десятилетие (на материалах Северо-Западной России). Новгород, 1995; *Плеханов А. М.* ВЧК–ОГПУ. Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. М., 2006; *Тепляков А. Г.* «Непроницаемые недра». ВЧК–ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007; *Он же.* ОГПУ–НКВД в Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008; и др.

¹⁰ См.: *Земсков В. Н.* Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопереселенцы, ссыльные и высланные // Отечественная история (Москва). 1996. № 5; *Иванова Г. М.* ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997; *Смыкалин А. С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997; *Усулов А. Б.* Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). Пермь, 2003; и др.

¹¹ См.: *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 2002; *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА. 1937–1938. М., 1998; *Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 гг. М., 2000.

¹² *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений [далее ПСС]. Т. 35. С. 265.

¹³ Из истории ВЧК. 1917–1921 гг. / Сб. док. М., 1958. С. 256.

¹⁴ Известия ВЦИК (Москва). 1918. 23 февр.

¹⁵ *Пащина М. В.* Использование труда заключенных в концентрационных лагерях Среднего Урала в 1918–1921 гг. // Урал индустриальный. Материалы VIII Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2007. Т. II. С. 191.

¹⁶ Декреты советской власти. М., 1959. Т. II. С. 410–411.

¹⁷ Организационный отчет ВЧК за 4 года ее деятельности. М., 1921. С. 19.

¹⁸ *Троцкий Л. Д.* Как вооружалась революция. М., 1923. Т. I. С. 216, 232–233; *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 143–144.

¹⁹ Цит. по: *Литвин А. Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004. С. 81.

²⁰ См.: Декреты советской власти. М., 1964. Т. III. С. 291.

²¹ См.: *Дмитриев Н. И., Рогова Е. М.* Нормативная база политических репрессий против белогвардейцев // Научные труды XVIII Международной конференции молодых ученых по приоритетным направлениям развития науки и техники. Екатеринбург, 2010. Ч. I. С. 339.

²² Цит. по: *Литвин А. Л.* Указ. соч. С. 80.

²³ Организационный отчет ВЧК за 4 года ее деятельности. С. 79.

²⁴ Цит. по: *Литвин А. Л.* Указ. соч. С. 95.

²⁵ См.: Организационный отчет ВЧК за 4 года ее деятельности. С. 32.

²⁶ См.: Стенограмма выступления Ф. Э. Дзержинского на 8-м заседании ВЦИК 17 февраля 1919 // Исторический архив (Москва). 1958. № 1. С. 6–11.

²⁷ См.: Декреты советской власти. М., 1971. Т. V. С. 69–70.

²⁸ Цит. по: *Литвин А. Л.* Указ. соч. С. 87.

²⁹ См.: Там же. С. 99.

³⁰ Организационный отчет ВЧК за 4 года ее деятельности. С. 208.

³¹ *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 400.

³² См.: Декреты советской власти. М., 1989. Т. XIII. С. 253–255.

³³ Цит. по: Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. Т. I. С. 36.

³⁴ *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 190.

³⁵ См.: *Зданович А. А.* Указ. соч. С. 348.

³⁶ См.: *Волков С. В.* Указ. соч. С. 388.

³⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 71. Л. 2–3, 6.

³⁸ Отметим, что у военных специалистов были сторонники. В частности, в защиту офицеров старой армии неоднократно выступал К. Е. Ворошилов, говоривший об абсолютной надежности всего командного состава РККА, например, в выступлении на пленуме ЦК ВКП(б) 1 августа 1927 года или на VIII партийной конференции Московского военного округа (МВО) 12 декабря 1928 года. См.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 8. Л. 93–103; Д. 13. Л. 194–196.

³⁹ См.: Совершенно секретно. Лубянка — Сталину о положении дел в стране (1922–1934 гг.). М., 2003. Т. V. С. 29, 61–67, 881–885 и др.

⁴⁰ Лубянка, Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД / Сб. док. М., 2003. С. 801.

⁴¹ См.: Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37837. Оп. 21. Д. 4. Л. 8–9, 12, 17, 37–39 и др.

⁴² См.: *Волков С. В.* Указ. соч. С. 392.

⁴³ См.: *Зданович А. А.* Указ. соч. С. 385–396.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 40. Л. 90.

⁴⁵ См.: *Волков С. В.* Указ. соч. С. 392.

⁴⁶ См.: *Тинченко Я. Ю.* Указ. соч. С. 19–20.

⁴⁷ См.: *Зданович А. А.* Указ. соч. С. 349; *Тинченко Я. Ю.* Указ. соч. С. 20.

⁴⁸ РГВА. Ф. 37837. Оп. 21. Д. 7. Л. 58. Служащие в данном случае к «прочим» не причислялись.

⁴⁹ Нужно отметить, что «расстрел двадцати» вызвал реакцию прямо противоположную ожидаемой: взрыв негодования на Западе, особенно в среде русской эмиграции. В многочисленных русскоязычных изданиях этот акт советской власти комментировали исключительно с позиции преступности как данного действия в частности, так и советского режима в целом. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 229. Л. 195(об.). — 196.

⁵⁰ См.: *Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Под ред. Ю. Г. Фельштинского и Г. И. Черняевского.* М., 2004. С. 17.

⁵¹ Государственное краевое учреждение «Государственный архив Пермского края» (ГКУ ГАПК). Ф. 78р. Оп. 1. Д. 70. Л. 17–18.

⁵² Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 8р. Оп. 1. Д. 10. Л. 41.

⁵³ См.: *Рогова Е. М., Дмитриев Н. И.* Санитарное состояние и медицинское обеспечение пенитенциарных учреждений Среднего Урала (1918–1923 гг.) // Научные труды XVII Международной конференции молодых ученых по приоритетным направлениям развития науки и техники. Екатеринбург, 2009. Ч. 1. С. 402.

⁵⁴ См.: *Смыкалин А. С.* Пенитенциарная система Урала (1917–1940 гг.) // Урал индустриальный. Материалы VIII Всероссийской научной конференции. Т. II. С. 370–371.

⁵⁵ Вечерний Екатеринбург. 1999. 13 июля.

⁵⁶ ГАСО. Ф. 8р. Оп. 1. Д. 113. Л. 93; Д. 118. Л. 27–29.

⁵⁷ См.: *Рогова Е. М.* Концентрационные лагеря в Пермском крае. 1919–1922 гг. // Гражданская война на Урале. Материалы Международной научно-практической конференции «Кыновский завод и его жители в годы Гражданской войны». Пермь, 2010. С. 64.

⁵⁸ См.: *Рогова Е. М.* Бывшие участники Белого движения в концентрационных лагерях Среднего Урала. 1919–1923 гг. // Научные труды XVI Международной конференции молодых ученых по приоритетным направлениям развития науки и техники. Екатеринбург, 2009. Ч. 1. С. 364.

⁵⁹ ГАСО. Ф. 1568р. Оп. 1. Д. 1. Л. 149.

⁶⁰ Цит. по: *Рогова Е. М., Дмитриев Н. И.* Указ. соч. С. 403–404.

⁶¹ См.: *Пащина М. В.* Использование труда заключенных в концентрационных лагерях Среднего Урала в 1918–1921 гг. С. 191–192.

⁶² См.: *Рогова Е. М.* Бывшие участники Белого движения в концентрационных лагерях Среднего Урала. С. 364–365.

⁶³ ГАСО. Ф. 8р. Оп. 1. Д. 117. Л. 19–20, 22–23.

⁶⁴ Там же. Д. 181. Л. 42–43.

⁶⁵ См.: *Пащина М. В.* Использование труда заключенных в концентрационных лагерях Среднего Урала в 1918–1921 гг. С. 192.

⁶⁶ ГАСО. Ф. 8р. Оп. 1. Д. 108. Л. 75; Ф. 511р. Оп. 1. Д. 207. Л. 3–4; Д. 453. Л. 76–78.

⁶⁷ ГАСО. Ф. 511р. Оп. 1. Д. 366. Л. 37.

⁶⁸ *Рогова Е. М., Дмитриев Н. И.* Указ. соч. С. 405.

⁶⁹ *Рогова Е. М.* Бывшие участники Белого движения в концентрационных лагерях Среднего Урала // Указ. соч. С. 367.

⁷⁰ Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 46904. Л. 8. Курсив авторов.

⁷¹ Там же. Л. 124.

⁷² Там же. Л. 4–7.

⁷³ Там же. Л. 114–117.

⁷⁴ ГАСО. Ф. 511р. Оп. 1. Д. 364. Л. 76.

⁷⁵ См.: *Волков С. В.* Указ. соч. С. 399.

⁷⁶ См.: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3077, 16822гр, 20207, 21902гр, 22906гр, 22907, 23722, 25074, 26086гр, 27385, 30826, 36766; Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11216, 17092гр.

⁷⁷ См.: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 16822гр, 25074.

⁷⁸ См., например: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 46904, 48966.

⁷⁹ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 44253, 44255; ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 25933, 29127, 29129, 29596 и др.

⁸⁰ ГКУ ГАПК. Ф. 49р. Оп. 3. Д. 284; ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 12898, 12906, 17092 и др.

⁸¹ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 32759.

А. Е. Хлебина, В. Д. Миленко

События 1917 — 1920-х годов в судьбе и творчестве Аркадия Аверченко: новые факты

Аркадий Аверченко — «король смеха» дореволюционной России, глава легендарного журнала «Сатирикон» (с 1913 — «Новый Сатирикон») — без преувеличения, одна из культовых фигур литературного процесса минувшего столетия. Его творчество, задававшее тон отечественной юмористике вплоть до середины 1920-х годов, преодолев эпоху запретов и спецхранов, вернулось к нам во всем своем жанровом разнообразии в последние годы существования СССР и до сих пор остается объектом пристального внимания литературоведов и историков. Первые стараются постичь феномен мировидения писателя, позволявшего ему мгновенно схватывать комическое в жизни и отражать его грани в слове, вторые расценивают его послеоктябрьское творчество в качестве ценнейшего источника сведений о быте и настроениях русской интеллигенции *до, во время и после* Исхода. Казалось бы, давно ликвидированы и заполнены те биографические «лакуны», которые возникли вследствие забвения имени Аркадия Аверченко. В последние десятилетия появился целый ряд работ, дающих представление об особенностях его жизненного пути и творчества (Д. А. Левицкого, А. В. Молохова, Д. Д. Николаева, Л. А. Спиридоновой, Е. Н. Брызгаловой и др.), однако нерешенных вопросов остается немало.

Один из наименее изученных периодов биографии Аверченко — беженско-эмигрантский (1918–1925), ставший переломным в его судьбе, приведший его сначала в Болгарию, а затем в Чехословакию и поставивший его имя в первый ряд писателей-юмористов послевоенной Европы. В связи с этим хотелось бы поделиться результатами новых исследований, полученными нами в ходе работы с фондами Славянской

Хлебина Анна Евгеньевна — главный редактор журнала русской диаспоры в Чешской Республике «Русское слово» (Прага, Чехия).

Миленко Виктория Дмитриевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и зарубежной литературы Севастопольского городского гуманитарного университета (Севастополь, Автономная Республика Крым, Украина). Доклад подан заочно.

библиотеки в Праге, содержащими уникальную коллекцию русской эмигрантской прессы, внесенную ЮНЕСКО в реестр всемирного культурного письменного наследия «Память Мира». Ограничиваясь рамками доклада, мы не имеем возможности подробно осветить все наши находки¹, поэтому остановимся лишь на некоторых моментах, позволяющих отчетливее представить себе путь русского «короля смеха» из Петрограда в Прагу и те перипетии, которые этому маршруту сопутствовали.

Прежде всего, очерчивая круг факторов, вынудивших писателя покинуть столицу бывшей Российской империи в сентябре 1918 года (бытовые лишения, национализация его банковского счета, неприятие методов большевистского руководства), мы постарались выяснить причину запрета «Нового Сатирикона» — события, о котором Аверченко неизменно вспоминал с желчной грустью. Так, в известном фельетоне «Приятельское письмо Ленину от Аркадия Аверченко» (1921) он сообщал, что Ленин велел Урицкому «закрыть навсегда» его журнал (последний номер вышел в августе 1918 года), а самого его «доставить на Гороховую». Обнаруженный нами неизвестный ранее вариант аверченковской «Автобиографии», написанный им в Праге в 1923 году для собрания сочинений, содержит некоторую дополнительную информацию:

«Покойный государь с большим удовольствием читал “Сатирикон” — Ленин и Троцкий, как выяснилось, имеют другой вкус. Еще в эпоху их независимого правления оба они как-то оскорбились, когда я назвал их проходимцами и немецкими провокаторами, — и одним ударом своего “пролетарского кулака” запретили мой “Сатирикон”. С этого момента наши отношения почти полностью прекратились и я, говоря дипломатическим языком, “отозвал своих посланцев” и в последнем надгробном номере назвал новых российских правителей разбойниками и убийцами. В ответ на это они не только не отозвали своих посланцев, но наоборот отправили ко мне нового посланца в грузовом автомобиле с приглашением на Гороховую, 2 (в Чрезвычайку)»².

Еще более конкретные сведения приводятся писателем в фельетоне (также ранее не известном и не переиздававшемся) «Безглазое, безротое лицо» (1920), написанном в белом Севастополе:

«Урицкий и Луначарский, бывало, на стену лезут, до крови кулаки себе кусают, но первое время им не хватало теперешней наглости, они не решались задуть нас — обрывки какой-то совести все-таки болтались лохмотьями около сердца, еще не успевшего остекленеть... Но 18 июля 1918 года, ровно 2 г<ода> тому назад, красный большевистский кулак поднялся над нами и тяжело опустился на наши головы. Сначала был закрыт буховский “Бич”³, через два дня — мой “Сатирикон”. Правда, и карикатура на первой странице *последнего* сатириконского номера была даже по тогдашним временам для большевиков нестерпима: рисунок изображал площадь перед Зимним дворцом. Площадь покрыта массой гниющих трупов — жертв большевистской расправы. Кругом

целые тучи коршунов и воронья, слетевшегося на богатый пир. На первом плане в очень кокетливых позах стоят перед фотографом — Ленин, Троцкий и Алиса Коллонтай. У каждого на плече ворон или коршун, и Троцкий, целуя своего ворона в клюв, сентиментально говорит:

— Наши фотографии будут напоминать путешественников на площади св. Марка в Венеции, кормящих голубей.

Это была самая злая пародия на сентиментальный венецианский обычай кормления тысяч «голубей Св. Марка» — и терпение Урицкого лопнуло: большевики, представители «самой свободной страны в мире», дунули во всю мочь своих пролетарских легких на еле мерцающий огонек русской сатиры, и сатира погасла»⁴ [курсив наш. — А. Х., В. М.].

Карикатуру, о которой пишет Аверченко, мы нашли и утверждаем, что:

а) Алисы (?) Коллонтай на ней нет, а вороны летают вокруг Ленина и Троцкого, а не сидят у них на плечах;

б) этот рисунок, выполненный К. Груссом, был опубликован на обложке № 3 журнала (февраль 1918 года), который никак не мог быть «надгробным» и «последним».

Для чего писатель подтасовывает факты?

Никакого разумного объяснения мы не имеем, поэтому можем лишь предположить, что в данном случае, как и во многих других, Аверченко намеренно мифологизирует собственную биографию, оставаясь всецело во власти моды Серебряного века. Однако мы постарались найти документальные подтверждения факта закрытия «Нового Сатирикона», просмотрев «Красную газету» и «Правду», бывшие в 1918 году основными печатными органами ЦК Петросовета и Петроградского комитета РСДРП(б) соответственно. Просмотр не дал ничего. Таким образом, приходится признать, что этот интереснейший сюжет из истории российской журналистики все еще остается до конца не выясненным.

Покинув Петроград, Аверченко «пробежал» Москву, Гомель, Киев, Харьков. Разумеется, он что-то писал в это время и где-то печатался (многие эмигранты вспоминали киевский сатирический листок «Чёртова перечница», в котором он блистал), однако же это была работа на бегу, «на уголке стола», нерегулярная. Мы не стали разыскивать эти разрозненные публикации, а сосредоточили свое внимание на газете «Приазовский край», с которой сатирик сотрудничал с ноября 1918 по январь 1919 года, во время «сидения» на Дону.

Первый биограф писателя, американский славист Д. А. Левицкий, сетуя на то, что «газетных вырезок с заметками, относящимися к пребыванию Аверченко в Ростове-на-Дону, в его архиве сохранилось лишь незначительное число»⁵, практически обошел молчанием этот период. Мы же нашли газету «Приазовский край» и свидетельствуем, что с ее страниц писатель вновь объявил Советам: «Иду на вы!» Он рисовал в трагикомических тонах пережитый в Петрограде и Москве голод, методы

большевистского террора, начал задумываться и о том, что каждый месяц жизни (вернее, выживания) в Совдепии должен приравняться к году.

Эти же темы определяли проблематику его творчества периода «врангелевского сидения» в Севастополе (февраль 1919 — ноябрь 1920). Газета «Юг» (с марта 1920 — «Юг России»), трибуна писателя в то время, стала его последним рабочим коллективом на родине. «Костяк» сотрудников популярного издания составляли бывшие журналисты московского «Русского слова», в том числе такие звезды прессы, как С. И. Варшавский и фельетонист А. А. Яблоновский. Литературную часть обеспечивали писатели Е. Н. Чириков и В. А. Кадашев (сын писателя А. В. Амфитеатрова), И. Д. Сургучёв, И. С. Шмелёв (живший с 1918 в Алуште), иногда печатался симферополец К. А. Тренев (пока еще малоизвестный драматург местного театра, а впоследствии автор «Любови Яровой»). Газета выходила на четырех полосах, содержание коих показалось нам ценнейшим документом сумасшедшей эпохи и ее зеркалом. Так, на первой полосе рядом с игривыми названиями пьесок вроде «Заменя меня в моей кровати» — сводки о количестве умерших от холеры; под рекламой скупок и ломбардов — объявления вроде таких: «Бедная девушка без всяких средств просит добрых людей усыновить мальчика двух недель». Отчаянные воззвания указать квартиру — какую безразлично, где безразлично — за приличное вознаграждение. Курьезы вроде «Сбежали два поросенка» или «Приблудился белый козел». Постоянная рубрика «Вести и слухи». Показательной выглядела и «вилка» цен на газету: от 1 рубля 65 копеек сначала (25 июля 1919) до... 1500 рублей в конце (12 ноября 1920).

Ответственным редактором «Юга» значился Г. И. Фальченко, однако в Севастополе это издание упорно называли «газетой Аверченко». Думается, дело не только и не столько в том, что Григорий Иванович приходился свояком писателя (мужем его младшей сестры Ольги), а в том, что *de facto* редактором был все-таки Аркадий Тимофеевич. Он давал материал в газету едва ли не ежедневно: вел рубрику «Маленький фельетон» и раздел «Без заглавия», построенный по образцу сатириконовских «Волчьих ягод». Севастополю повезло: реалии сумасшедшего быта, перевернувшегося вверх дном и превратившего человека в дикаря, лишённого элементарных благ цивилизации, зафиксировал не просто лучший сатирик своего времени, а сам «король смеха». Ни один нюанс не ускользнул от его внимания: отсутствие света и воды, бесквартирье, тотальный товарный дефицит, инфляция, спекуляция. С негодованием Аверченко обрушивался и на тех, кто, не выдержав лишений, поглядывал в сторону константинопольского берега и сеял панические слухи по городу.

Имя писателя нередко упоминалось в «Юге» в отделе объявлений, поскольку он активно участвовал в концертной и театральной жизни.

В Севастополе оказались очень многие его петербургские приятели из артистического мира: актриса разговорного жанра М. С. Марадудина⁶, «премьер» Александринки Н. Н. Ходотов⁷, актеры театров миниатюр Л. А. Фенин⁸, В. А. Блюменталь-Тамарин⁹, Е. В. Бучинская (дочь Н. А. Тэффи). После приезда в город артиста московского Малого театра В. П. Свободина было организовано новое кабаре «Гнездо перелетных птиц»¹⁰, в котором Аверченко сначала стал завсегдатаем, а затем актером и конферансье. Театрик быстро приобрел популярность. Лето 1920 года, судя по отчетам в «Юге», Аркадий Аверченко провел вместе с другими актерами «Гнезда» в гастрольных поездках по Симферополю, Евпатории, Феодосии. Труппа строила планы на будущее и прикидывала программу нового зимнего сезона. Однако положение на фронте становилось все более тревожным, и никакого будущего у театра и самого Аверченко в Крыму уже не было.

Писатель прибыл в Константинополь 15 ноября 1920 года и, едва освоившись на чужбине, начал сотрудничать в ежедневной газете «Presse du Soir» («Вечерняя пресса»), которую возглавляли Е. Максимов и О. Г. Зелюк. 4 декабря 1920 года газета начала публиковать цикл фельетонов Аверченко под заглавием «Записки Простодушного» (в конце 1921 года сборник выйдет в Константинополе отдельным изданием, а год спустя будет выпущен пиратским образом в РСФСР). Регулярно печатались здесь и другие фельетоны, которые нередко оказывались «хорошо забытыми старыми» перепечатками из севастопольских «Юга» и «Юга России». Недоброжелатели писателя это, разумеется, заметили и не оставили без внимания. Анонимный автор найденной нами пародийной рукописи «Подвал литераторов...» (1923) пожурил Аверченко так: «Вы... избрали себе благую часть: а именно — новых статей не пишете, а перепечатываете на досуге старые под видом новых, по свойственной вам самоуверенности полагая, что дура-публика уже забыла про них, а потому и прочтет с новым удовольствием. <...> Ведь теперь нет ни одного самого захудалого... органа, где бы не красовались ваши старые фельетоны, которые мы все читали в Крыму, во время врангелевской эпопеи, — и уже тогда находили отвратительными. Вы хоть обстановку переменяли бы: на кой, спрашивается, ляд нужна в Константинополе ваша гражданская война»¹¹.

Вскоре после отъезда из Севастополя Аверченко и Свободин воскресили «Гнездо перелетных птиц», начавшее победное шествие по константинопольским адресам и ставшее крайне успешным коммерческим предприятием. Не имея возможности останавливаться на этом моменте, скажем лишь, что нам удалось восстановить имена актеров, деливших с Аркадием Аверченко константинопольское изгнание. Это Е. В. Бучинская, Ю. Горская (Прокопович)¹², А. Н. Салама¹³, Н. М. Твардовская, Е. О. Скокан¹⁴, В. А. Дубинский¹⁵, И. И. Слатин¹⁶, В. И. Брамин¹⁷.

Сегодня широко известно, что в ноябре 1921 года Ленин поместил в «Правде» рецензию «Талантливая книжка» на книгу Аверченко «Записки Простодушного». Судя по «*Presse du Soir*», сенсационное известие об этом пришло в Константинополь лишь месяц спустя. 12 декабря 1921 года в газете была опубликована анонимная статья «Ленин об... Аркадии Аверченко», а через два дня там же — его собственный фельетон «*Pro domo sua*», который дает нам возможность узнать, что сам писатель думал по поводу ленинской рецензии. Аверченко статья обеспокоила: «Что обо мне подумают мои друзья, если сам Ленин начнет меня хвалить? <...> Ох, боюсь я этого данайца, приносящего мне дары пылких комплиментов <...> Ведь тут не скоро отмоешься... <...> Раз я “озлобленный белогвардеец” — как же можно говорить, что мои рассказы “заслуживают перепечатки. Таланты нужно поощрять”?»¹⁸ И невесело резюмировал:

«Сам Ленин вдруг меня заметил
И, в гроб сходя, благословил»¹⁹.

Рубеж 1921–1922 годов, когда увидела свет заметка Ленина, стал для русской эмиграции временем испытания на прочность: большевики активно предлагали уехавшим вернуться. Аверченко не мог не догадываться о том, что рецензия Ленина — тоже некоторый шаг по заманиванию его в РСФСР. Несомненно, понимал Аркадий Тимофеевич и политическую подоплеку такого демарша: *сам* Аверченко, ярый белогвардеец, вернется домой и поставит свой талант на службу новой революционной сатире! Однако ни на какие компромиссы с большевиками писатель не пошел. Прекрасно понимая, что в Константинополе становится опасно (правительство Кемаля Ататюрка 21 марта 1921 года подписало в Москве советско-турецкий договор о дружбе и братстве, затем армия Кемаля одержала ряд крупных побед в боях с войсками Антанты и начала поход на Стамбул), Аверченко занялся добыванием визы. В период с января по апрель 1922 года он напечатал в «*Presse du Soir*» всего три фельетона, один из которых («Светлый праздник в Москве») оказался перепечаткой из севастопольского «Юга». 12 апреля в ресторане «Медведь» состоялся последний, прощальный бенефис «Гнезда перелетных птиц», и «константинопольское сидение» закончилось. Организовав ряд выступлений в Софии, Белграде и Загребе, писатель с двумя актерами «Гнезда», супружеской парой Искольдов²⁰, направился в Прагу.

Большинство материалов пражского периода, которые нам удалось найти, — это публикации об Аркадии Аверченко, проливающие свет на отношение к нему чехов, на его концертную деятельность, а также содержащие посмертную оценку его личности. Чешская пресса

внимательно следила за событиями его жизни, начиная с момента получения им визы в Чехословакию. Сообщения о «передвижениях» писателя регулярно публиковались на страницах нескольких крупных газет, таких как «Lidové noviny», «Čas», «Tribuna» и «Národní listy». Все эти издания выходили на чешском языке и были адресованы отнюдь не русским эмигрантам — чехи тоже хорошо знали и любили русского «короля смеха», считая достоинствами его юмора легкость и понятность европейцу.

У Аверченко, поселившегося в самом центре Праги, на Вацлавской площади в отеле «Zlatá husa», вместе с другими артистами своего театра, быстро сформировался привычный круг общения, причем он искал знакомств и в чешской культурной среде, не замыкаясь в эмигрантском сообществе. Писателю удалось влиться в пражскую культурную жизнь «на самом высоком уровне». Так, нам стало известно, что он познакомился со знаменитым чешским драматургом и режиссером Я. Квапилом, с чьим именем связывают период расцвета пражской театральной жизни в начале XX века, а также дружил с генералом К. Кутлвашром²¹ — в основном при посредничестве его русской супруги, Елизаветы Викторовны, мечтавшей о писательской карьере. Уже через год после приезда русского «короля смеха» в Прагу известное издательство Й. Вилимека принялось за подготовку его собрания сочинений, первого и единственного прижизненного. Аверченко ликовал, был очень горд и в предисловии, написанном к первому тому в 1923 году²², шутил:

«Приступив к работе над чешским изданием своих сочинений, хочу, прежде всего, сообщить чешскому читателю свою семейную радость: у меня такое чувство, что после долгих лет холостяцкой жизни я вдруг решил вплыть в тихую гавань — и женился.

...Как и любая холостяцкая жизнь, моя была неудобной и беспорядочной.

С этой минуты я становлюсь примерным семейным человеком — впервые издаю собрание своих сочинений.

Конечно, было бы более привычным, если бы моя первая подруга жизни вышла на русском языке, но — Чехия стала моей второй родиной, и я счастлив, что могу породниться со столь симпатичным братским славянским домом»²³.

*Аркадий Тимофеевич Аверченко.
Севастополь, 1920 год*

Здесь же Аверченко поделился своими опасениями: отныне он боялся одного — чтобы *они* (большевики) не пришли в Чехословакию:

«Я <...> разыскав на карте Чехословакию, решил пришвартоваться со своей небольшой лодкой к этой тихой пристани.

Сию теперь и рассуждаю: достанут меня или не достанут?

Думаю, нет. Не выдайте, братья!»²⁴

Очевидно, что писатель испытывал искреннее чувство благодарности по отношению к чешскому народу. Именно поэтому, возвращаясь в Прагу после очередных гастрольных туров, он признавался корреспондентам, что «в Чехословакии пребывает с большим удовольствием и когда его за границей кто-нибудь спрашивает, куда он уезжает, то, по собственному утверждению, всегда с гордостью отвечает: “Домой, в Чехословакию!”»²⁵.

К сожалению, благородные идеи чешско-русской взаимности и славянской солидарности были неоднократно осквернены и опозлены в последующие годы.

Аркадий Аверченко, так рано покинувший этот мир, не стал свидетелем того, как в мае 1945 года сотрудники органов НКВД и контрразведки «СМЕРШ» с молчаливого согласия чешских властей (неоднократно, к слову, позже в том публично раскаявшихся) вывезли в Советский Союз на верную смерть многих его друзей и коллег. «Не выдайте, братья!» — кто услышал бы тогда его мольбу?..

Возможно, сейчас, переосмысливая прошлое, стоило бы вспомнить светлые исторические события, когда-то объединявшие два народа, и сохранить скромную могилу писателя у Ольшанской церкви как символ того, что чешско-русская дружба не является плодом хитроумных политических и дипломатических комбинаций, а, по словам самого Аверченко, «неподдельным единением двух одинаково честных славянских сердец».

Примечания:

¹ Подробнее см.: *Аверченко Аркадий*. Русское лихолетье глазами «короля смеха». М., 2011.

² *Averčenko Arkadij*. Vlastní životopis. Vybrané spisy Arkadije T. Averčenska. Sv. I, Výtřední povídky. Praha, 1923. С. 23. Здесь и далее перевод с чешского языка А. Е. Хлебиной.

³ *Бухов Аркадий Сергеевич* (1889–1937) — писатель-юморист, один из ведущих авторов «Сатирикона» и «Нового Сатирикона». Близкий друг Аркадия Аверченко.

⁴ *Аверченко Арк.* Безглазое, безротое лицо // Юг России (Севастополь). 21 июля (3 августа) 1920. № 94(287).

⁵ *Левцкий Д. А.* Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. М., 1999. С. 63.

⁶ *Марадудина Мария Семёновна* (1888–1960) — первая в России женщина-конферансье. Актриса разговорного жанра, исполнявшая миниатюры А. Т. Аверченко и Н. А. Тэффи. Постоянная участница представлений московского кабаре «Летучая мышь». После гражданской войны вернулась в Петроград, переписывалась с Аверченко вплоть до его кончины. В начале 1930-х годов прекратила эстрадную деятельность.

⁷ *Ходотов Николай Николаевич* (1878–1932) — один из самых известных театральных артистов дореволюционной России, «премьер» Александринского театра. Друг В. Ф. Комиссаржевской и Ф. И. Шаляпина. В Севастополе в 1919 году проходил курс реабилитации после инсульта. Остался в СССР. Автор мемуаров «Близкое и далекое», в которых отрицал факт своего сотрудничества с добровольцами.

⁸ *Фенин Лев Александрович* (1886–1952) — русский советский актер. В 1909–1917 годах работал в петербургском театре миниатюр «Кривое зеркало».

⁹ *Блюменталь-Тамарин Всеволод Александрович* (1881–1945) — знаменитый российский театральный актер. Окончил Московское театральное училище. На сцене с 1901 года. С 1917 года жил в Харькове. В 1919–1920 — активный пропагандист Белого движения. В 1919 году в Харькове верхом на белом коне, с трехцветным флагом на пике и большой церковной кружкой у седла собирал пожертвования и подарки для добровольцев. После эвакуации Русской армии (1920) остался в Севастополе и был приговорен большевиками к смертной казни. Чудом избежал расстрела благодаря вмешательству А. В. Луначарского. После гражданской войны остался на родине и сделал успешную театральную карьеру. Заслуженный артист РСФСР. В 1941 году добровольно остался в оккупации. Успешно выступал с антисталинскими заявлениями по радио. В 1942 году Военной коллегией Верховного суда СССР заочно приговорен к смертной казни. Художественный руководитель Театра русской драмы в Киеве, на сцене которого ставил классику и антисоветские произведения. Погиб при невыясненных обстоятельствах.

Примечание К. М. Александрова: В 1943 году В. А. Блюменталь-Тамарин выехал в Германию. Зимой 1943/44 года работал на радиостанции в Кёнигсберге и выступал в пропагандистских передачах, адресованных гражданам СССР. Участник учредительного заседания Комитета освобождения народов России (КОНР) в Праге 14 ноября 1944 года. В 1944–1945 — сотрудник Главного управления пропаганды КОНР. В январе 1945 года прикомандирован к отделению пропаганды штаба 1-й пехотной дивизии войск КОНР в Мюнзингене (район Ульма). Неоднократно выступал на клубной сцене перед солдатами и офицерами дивизии генерал-майора С. К. Буняченко, а также в присутствии генерал-лейтенанта А. А. Власова. Из рукописи Георгиевского кавалера и майора Вермахта И. К. Соломоновского (1901–1974), которую автор настоящих строк нашел в 1995 году в Бахметьевском архиве Колумбийского университета, мы можем узнать следующее о последних днях талантливого артиста.

Соломоновский узнал о его трагической гибели буквально спустя несколько дней (недель?) в Альпах от нескольких беженцев, ставших невольными свидетелями страшного события. Весной 1945 года русские гражданские лица, включая Блюменталь-Тамарина и его дочь, эвакуировались походным порядком из Мюнзингена на юго-восток Германии. Во время движения группу неожиданно нагнал молодой человек в форме офицера РОА — сын Всеволода Александровича, ранее служивший в 1-й дивизии. Он провел с отцом и сестрой два дня, постоянно уговаривая близких вернуться с повинной к советским властям. Но оба наотрез отказались. Ночевали беженцы в лесу, под открытым небом. На рассвете третьего дня сын хладнокровно перерезал отцу горло от уха до уха. Дочь убитого страшно закричала. Несколько спутникам, прибежавшим на женские крики, убийца заявил: «Я исполнил свой долг перед родиной — изменил наказан». И скрылся. Никто из перепуганных людей не пытался его задержать, он был вооружен (см.: Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive. Collection I. K. Solomonovsky. *Соломоновский И. К.* Блюменталь-Тамарин. Рукопись. San-Paulo, 1959. Л. 3–4).

На самом деле убийцей был не сын, а «племянник» жены Всеволода Александровича, Инны Александровны (урожденной Лащилиной), известный ленинградский спортсмен-боксер Игорь Львович Миклашевский (1918–1990) — агент НКВД, специализировавшийся на выполнении заданий органов госбезопасности по политическому террору. В Германии Блюменталь-Тамарин действительно называл Игоря «приемным сыном» и зачастую так представлял его общим знакомым. После возвращения из-за границы в СССР (1947) Миклашевский был награжден орденом Красного Знамени. В Российской Федерации В. А. Блюменталь-Тамарин посмертно реабилитирован в 1993 году, когда по изменившимся обстоятельствам «антисоветская агитация и пропаганда» перестали считаться преступлением.

¹⁰ Театр работал в полуподвальном помещении доходного дома Н. Н. Ветцеля на Екатерининской улице, 8 (ныне — улица Ленина, 4). Здание сохранилось.

¹¹ *Б...ский А.* Подвал литераторов, или Посмертные похождения русских писателей в Константинополе (стенографический отчет одного ночного заседания). Константинополь, 1923.

¹² Сборник Аркадия Аверченко «Записки Простодушного» (Константинополь, 1921) имел адресата: «Дружески посвящаю ЮЛИИ ПРОКОПОВИЧ (Горской)».

¹³ В сезон 1915/16 года А. Н. Салама служил главным режиссером петербургского «Троицкого театра миниатюр», с которым активно сотрудничал А. Т. Аверченко, живший через дорогу от этого заведения.

¹⁴ *Скокан* [в замужестве *Скокан де Морайтини*] *Евгения Оскаровна* (?–1952) — острохарактерная актриса. Окончила Одесскую театральную студию. Служила в столичном театре на Литейном проспекте, в провинциальных театрах на Юге (в 1915 — в Харьковском театре миниатюр под управлением И. Р. Пельтцера, отца народной артистки СССР Татьяны Пельтцер). В эмиграции с 1920 года, выехала в Константинополь с театром А. Т. Аверченко. Выступала на сцене в Берлине, с 1927 — в Париже. Состояла в Русском профсоюзе сценических и кинематографических деятелей и разных творческих объединениях. Играла в Зарубежном камерном театре (1928–1934), с 1934 — в своей антрепризе, актриса Русского театра драмы (1937–1949).

¹⁵ *Дубинский Владимир Александрович* (1888–1963) — знаменитый русский артист оперетты (лирико-драматический баритон). В 1911 дебютировал в «Кармен» Ж. Бизе на сцене московского Большого театра. В 1912–1917 выступал в Опере С. Зимина (Москва), в 1918 году — в Одессе. Среди лучших партий — Дон Жуан (одноименная опера В. А. Моцарта), Борис Годунов (одноименная опера М. П. Мусоргского), Скарпия («Тоска» Дж. Пуччини), Тонио («Паяцы» Р. Леонкавалло). В 1920-х годах преподавал в артистическом кружке в Нью-Йорке.

¹⁶ *Слатин Илья Ильич* (1845–1931) — русский дирижер, пианист и педагог. Выпускник Петербургской консерватории по классу фортепиано, ученик А. Дрейштока и Н. И. Зарембы. Дебютировал в Дрездене (1871) как дирижер в симфоническом концерте из произведений русских композиторов. Вернувшись в Россию, при содействии А. Г. Рубинштейна основал в Харькове отделение Российского музыкального общества (РМО) с музыкальными классами (с 1883 — Харьковское музыкальное училище), был его бессменным директором. В течение почти полувека возглавлял постоянные симфонические собрания харьковского отделения РМО. С именем Слатина связана история развития музыкальной культуры дореволюционного Харькова.

¹⁷ *Браминов Василий Иванович* — певец, донской казак. В эмиграции в Турции, Франции, с конца 1930-х годов — в США. Вместе с женой и сыном работал в «Русской опере».

¹⁸ *Аверченко Аркадий*. Pro domo sua // Presse du Soir [Вечерняя пресса] (Константинополь). 1921. 14 дек. № 294.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Искольд Рауса Павловна* [сценическое имя *Рауч*] (1896–?) — актриса, партнерша А. Т. Аверченко на гастролях (1922–1924) и его последняя возлюбленная. *Искольд Евгений* [сценическое имя *Искольдов*] (1892–1956?) — комический актер, импресарио А. Т. Аверченко (1922–1924).

²¹ *Кутлвашир Карел* (*Karel Kutlvašr*, 1895–1961) — чехословацкий легионер, генерал армии ЧСР. В апреле — мае 1945 — командир подпольной комендатуры Большой Праги «Бартош», сыгравшей главную роль в подготовке Пражского восстания 5–8 мая. Один из военных руководителей восстания.

²² Всего вышло 12 томов: т. 1–4 (1923), т. 5–10 (1924), т. 11–12 (1925).

²³ Předmluva k českému vydání. Arkadij T. Avertchenko. Výstřední povídky. Praha, 1923.

²⁴ Там же.

²⁵ Národní listy. 1924. 1. стр.

Архимандрит Никон (Лысенко)

I Всезарубежный Церковный Собор в Сремских Карловцах и его историческое значение

В докладе, предложенном высокому собранию на Первых Головинских чтениях, мною было высказано мнение, сводящееся к тому, что во Вторую Русскую Смуту российские «богомольцы» — церковная иерархия, монашество, деятельные миряне — не поняли того очевидного факта, что гражданская война в России стала войной религиозной. Не поняли они и государственного смысла Белого движения. В особенности это показал Юго-Восточный Церковный Собор в Ставрополе (май 1919) и последующая деятельность ВВЦУ на территории ВСЮР и в Крыму (1919–1920). Российские иерархи и клирики, оказавшиеся после эвакуации Крыма за границей, не вошли ни в одну из зарубежных Поместных Православных Церквей и не пошли на создание собственной автокефалии, настаивая на своей принадлежности именно Православной Российской Церкви.

Чем было обусловлено такое самоопределение русской иерархии за границей? Почему церковный организм, ею возглавляемый, не отказался от связи с Церковью на поработенной родине и не пошел, можно сказать, более *естественным* путем растворения в других Поместных Церквях? Эти вопросы уже привлекали внимание многих исследователей как в России, так и за рубежом. При этом нередко церковная «патриотическая» позиция РПЦЗ изображается как чисто политическая, поэтому Русская Зарубежная Церковь в 1920–1930-е годы рассматривается как некая монархическая организация. Отправной точкой для объективного рассмотрения данной темы представляется анализ деяний I Всезарубежного Русского Церковного Собора в Сремских Карловцах (Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев). Цель настоящего доклада заключается в церковно-исторической оценке этого важного события и критике сопутствующих фальсификаций.

21 апреля 1921 года члены Высшего русского церковного управления за границей (ВРЦУЗ), находясь уже в Сремских Карловцах,

Никон (Лысенко) — архимандрит, кандидат богословия, преподаватель Донской духовной семинарии (Таганрог Ростовской области).

одобрили предложение епископа Вениамина (Федченкова) о созыве из епископов, клириков и мирян русских церковных собраний в Константинопольском, Сербском, Болгарском и Западноевропейском округах РПЦЗ «для объединения, урегулирования и оживления церковной деятельности», а также для подготовки Всеаграничного русского церковного собрания. 25 июля члены ВРЦУЗ утвердили «Положение о созыве аграничного собрания Российских Церквей». Аграничное церковное собрание, состоявшееся в период с 21 ноября по 3 декабря 1921 года в Сремских Карловцах, 1 декабря по предложению митрополита Антония (Храповицкого) было переименовано в Русский Всеаграничный Церковный Собор.

Прежде всего подчеркнем состав весьма представительного Собора. В число 163 его членов входили 11 русских и 2 сербских епископа, 17 членов Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 годов, делегаты от 12 церковных округов в странах рассеяния, 15 представителей церковных округов Русской армии и Флота, 4 делегата от Штаба Главнокомандующего, выделенного в особый церковно-избирательный район (в т. ч. видные участники Белой борьбы на Юге России — генералы А. П. Архангельский, И. Г. Барбович, Г. А. Вдовенко, В. Г. Науменко, В. П. Никольский и др.), 46 лиц по приглашению ВРЦУЗ, в том числе видные военные, государственные, общественные деятели и ученые (генералы П. Н. Краснов, Н. С. Батюшин, граф В. В. Мусин-Пушкин, профессора Г. В. Вернадский, П. И. Новгородцев, Ф. В. Тарановский).

В некоторых современных исследованиях, касающихся истории I Всезарубежного Церковного Собора, встречаются утверждения о том, что именно из-за своего состава, придавшего ему «мирской дух», Собор оказался «уведен» с пути церковного на путь политической «допущенными» на него политиками-мирянами¹. Протоиерей Владислав Цыпин в 9-й книге многотомной «Истории Русской Церкви» (которую можно назвать по византийской аналогии «Продолжатели митрополита Макария (Булгакова)») в этой связи отмечает: «Участие в Соборе руководителей эмигрантского Высшего монархического совета Н. Маркова и А. Трепова, которым сочувствовал митрополит Антоний, придавало деяниям Собора сильную монархическую направленность». Здесь же упоминается об «атмосфере острой нетерпимости к инакомыслию»². Д. В. Поспеловский, американский историк русского происхождения, пошел гораздо дальше сдержанного протоиерея Владислава Цыпина и заявил: «Решение о созыве съезда духовенства и мирян, который должен был упорядочить церковные дела в эмиграции, было принято на съезде монархистов в Бад-Рейхенгалле <...> То, что съезд в Карловцах был создан по инициативе политической партии, является, конечно аномалией»³. «Здравомыслящие члены Собора оказались заложниками большинства, которое

составляли миряне-монархисты <...> Члены Высшего монархического совета приехали в Карловцы сплоченной группой, в то время как лица, выбранные приходами и стоявшие за свободу Церкви от политической опеки... не были готовы к натиску монархистов», — подчеркивает молодой преподаватель ПСТГУ А. А. Кострюков⁴.

Действительно, следует отметить, что Всеаглическому Церковному собранию предшествовало другое важное событие — съезд хозяйственного возрождения России, состоявшийся 29 мая — 7 июня 1921 года в баварском городе Бад-Рейхенгалль (Bad Reichenhall). В действительности это собрание стало объединительным съездом право-монархической эмиграции (ряды которой к тому времени заметно пополнились за счет левых «ренегатов»). Почетным председателем съезда был митрополит Антоний (Храповицкий), председателем — бывший бессарабский губернский предводитель дворянства А. Н. Крупенский. Съезд избрал Высший монархический совет (ВМС), долженствующий координировать деятельность монархических сил, направленную на восстановление в России православной монархии, и в некотором смысле исполнять роль блюстителя царского престола. Участники съезда избрали в состав ВМС Н. Е. Маркова (председатель), А. М. Масленникова, князя А. А. Ширинского-Шихматова, А. Ф. Трепова, в качестве почетных членов — митрополита Антония и архиепископа Евлогия (Георгиевского). Съезд принял программу, в которой монархия провозглашалась «единственным путем к возрождению России». Участники собрания в Бад-Рейхенгалле во всеуслышание выразили убеждение в том, что гражданская война оказалась проиграна из-за ложной февралистской идеологии политиков, оседлавших Белое движение и что пути возрождения России немислимы без возрождения идеи легитимной монархической государственности, свойственной русскому самосознанию.

Однако вопреки голословному утверждению Д. В. Поспеловского решение о созыве Всеаглического Церковного совещания было принято не на этом монархическом съезде, проходившем в последних числах мая 1921 года, а более чем за месяц до него, 21 апреля 1921 года на заседании ВРЦУЗ в Сремских Карловцах. Из числа членов ВМС, участников Собора в качестве не избранных от приходов, а приглашенных, мы можем назвать лишь трех человек: Н. Е. Маркова — от ВРЦУЗ, А. Н. Крупенского и А. М. Масленникова — от архиепископа Евлогия (Георгиевского). Столько же членов ВМС избрали от приходов: А. Ф. Трепова — во Франции, князя А. А. Ширинского-Шихматова — в Германии, П. В. Скаржинского — от Сербии.

Деянием Собора, привлекающим наибольшее внимание исследователей, несомненно, стала работа отдела духовного возрождения России. Отдел выработал проект обращения «к чадам Русской Православной

Церкви в разсеянии и изгнании сущим», обсуждение и принятие которого состоялось на заседании 17/30 ноября 1921 года. Председатель отдела архиепископ Анастасий (Грибановский) в своем вступительном слове подчеркнул тему, которая, в сущности, определила историческое значение Собора:

«Когда отдел о духовном возрождении России приступил к своей работе, перед ним сразу стал во всей остроте вопрос о восстановлении монархии в России. Чем объяснить это обстоятельство? Уверенностью многих членов Собрания в том, что именно восстановление Царской власти в России явится лучшим и самым действительным фактором духовного возрождения последней».

Уже в начале обсуждения в соборном отделе вопрос о монархической идее как основе возрождения исторической России, по свидетельству архиепископа Анастасия, «как бы испугал некоторых из его членов». Очень характерно, что это были по преимуществу священнослужители. Им казалось сначала, что церковное собрание совсем не должно касаться этого предмета. «Но переходя постепенно от чисто теоретической отвлеченной точки зрения на указанный предмет в область живой реальной жизни, — говорил далее владыка Анастасий, — они не могли не видеть, что Церковь как факт истории живет в условиях пространства и времени, она есть как бы лестница Иакова, вершиною своей уходящая в небеса, а основанием своим утверждающаяся все-таки на землю, низводя благодатное благословение на все стороны человеческого бытия». Архиепископ Анастасий красноречиво охарактеризовал этот «сдвиг» в сознании членов отдела, «убоявшихся» первоначально провозглашения монархической идеи основой возрождения России:

«В нас невольно заговорили заветы древних строителей Русской земли: Св. Петра и Алексия и преподобного Сергия Радонежского, перед нами особенно ярко предстал образ адаманта Православия, Свят. Гермогена, и побудил нас именно как церковный орган сказать свое слово о необходимости восстановления Царской власти в России. И мы сказали это слово вполне единодушно и единогласно. Момент, когда мы изрекли свое решение, был по-своему столь же знаменателен, как и тот исторический день, когда Всероссийский Церковный Собор, собравши во едино свои помыслы, громко возгласил: “быть Патриарху на Руси!”»⁵

Интересно отметить, что А. А. Кострюков, автор наиболее обстоятельного исследования, касающегося истории I Всезарубежного Церковного Собора, практически обходит своим вниманием это единогласное решение и переключает его на дискуссию по вопросу об упоминании в «Обращении» Царствующего Дома. При этом он знакомит читателя с продюцированными собственным воображением «зарисовками»,

чуть ли не личными впечатлениями, вроде: «Было ясно, что противостоять этому натиску (*монархистов*) невозможно. Выступления иерархов уже не могли изменить ситуацию. Многие из них стали склоняться на сторону мирян-политиков»⁶. Более того, чтобы подчеркнуть мнимое противостояние «пастырей» и «мирян-политиков» на Соборе, исследователь прибегает к очевидной фальсификации исторических фактов. Он пишет: «Поскольку перевес был на стороне защитников упоминания династии, представители духовенства, в большинстве своем это предложение не поддерживавшие, попытались организовать “пресвитерский совет”, который бы обсуждал вопросы с точки зрения канонов и церковной практики. Однако было поздно. Руководители Высшего монархического совета и их союзники заявили, что нельзя выделить священников в особую касту, и ссылались на практику Московского Собора 1917–1918 годов <...> В результате вопрос о Пресвитерском совете был поставлен на голосование и создание его было отвергнуто с перевесом всего в несколько голосов. За создание Пресвитерского совета проголосовало 24 человека (почти все священники, делегация из Константинополя, а также Бобринский и Львов), против 30 человек (в том числе Марков, Трепов, Скаржинский, Махароблидзе, Масленников, Аносов, “все военные из Германии” и протоиерей В. Востоков)»⁷.

На самом деле, положение о Пресвитерском совете составляло ст. 40, 41, 42, 43 «Наказа Всезарубежному церковному собранию», выработанного при его подготовке ВРЦУЗ. Обсуждение правомерности этого положения происходило на Соборном заседании 12/25 ноября (журнал № 3) и никакого отношения не имело и не могло иметь не только к вопросу об «упоминании династии», который возник лишь на заседании 17/30 ноября (журнал № 5), но предшествовало и вынесению председателем отдела духовного возрождения России архиепископом Анастасием самого вопроса о соборном обращении к русскому рассеянию и к народам мира, имевшему место 13/26 ноября (журнал № 4). Кроме того, предложение об исключении из «Наказа» статей о Пресвитерском совете исходило не от «руководителей Высшего монархического совета», а от членов Всероссийского Поместного Собора графа П. Н. Апраксина и старейшего славянофила А. В. Васильева. Последние исходили всего лишь из того, что настоящему Собранию необходим «авторитет, который указал бы, как надо понимать и исполнять церковные каноны ко благу Церкви, а таковым является практика работы Московского Поместного Собора 1917–1918 годов». Что касается голосовавших за исключение соответствующих статей из «Наказа» «*всех военных из Германии*», то следовало бы А. А. Кострюкову ознакомиться со списком членов Собрания, в котором от Германии числится только один военный — полковник Шемякин.

Предложение включить в Соборное «Обращение» положение о Царствующем Доме с указанием династии Романовых действительно вызвало среди членов Собора разномыслие, что вполне очевидно обнаруживает себя в протоколе заседания 17/30 ноября (журнал № 5). Здесь прежде всего следует иметь в виду то обстоятельство, что слова о монархии и династии были выражены не в политическом лозунге, а в призыве верных чад Церкви к молитве:

«И ныне пусть неусыпно пламенеет молитва наша — да укажет Господь пути спасения и строительства родной земли; да даст защиту Вере и Церкви и всей земле русской и да осенит он сердце народное; да вернет на всероссийский Престол Помазанника, сильного любовью народа, законного православного Царя из Дома Романовых».

Но и эта формулировка вызвала у группы членов Собора, преимущественно клириков, возражения. Первым высказал их епископ Севастопольский Вениамин (Федченков):

«Большинство думает, что оно делает церковное и полезное дело, стоя на политической почве <...> но Церковь должна быть сугубо осторожной. Церковная точка зрения должна быть полезной, большинство же стоит на точке зрения целесообразной, которая, по моему мнению, — вредна, и поэтому должна быть отвергнута. Вопрос о монархизме — вопрос церковный, и Церковь должна его поддерживать. С этим было согласно все собрание. Постановкой своей формулы [о династии. — *А. Н.*] на церковном собрании большинство внесло раскол и этим вредит делу монархии. Необходимо, чтобы народ пожелал иметь царя, и потому высказываться сейчас за определенную династию значит предвосхищать волю народа. Воля же народа должна быть на первом месте <...> Мы не Церковный Собор всей России, мы лишь ничтожное меньшинство России <...> в высшей степени характерно, что вопрос о духовном возрождении России начался с обсуждения политических вопросов, тогда как мы видим возрождение России только в церковном освещении <...> Мы хотим защитить церковность нашего собрания, ибо Церковь не может быть орудием политики»⁸.

В качестве противника включения в «Обращение» призыва к молитве о возвращении на Российский престол «законного православного Царя из Дома Романовых» выступил и архиепископ Евлогий (Георгиевский), который заявил:

«Если идея о Монархе православном, как Божьем Помазаннике, может трактоваться с церковной точки зрения и в церковном освещении, то идея династии, конечно, никакого церковного характера не имеет и, как таковая, не подлежит обсуждению церковного Собрания, низводя его на степень обыкновенных политических собраний. Напрасно и совершенно несправедливо Н. Е. Марков называет нас, меньшинство, противниками Царственного Дома Романовых <...>

Я полагаю, далее, вместе с моими противниками, что России необходим Царь законный, из Дома Романовых, и, если бы я присутствовал не на Соборе, а на каком-либо политическом собрании, я горячо бы ратовал за эту мысль, но я продолжаю утверждать, что мысль эта всецело в сфере политических воззрений и поэтому она не может быть предложена для обсуждения на Церковном Соборе»⁹.

Докладчик отдела Н. Е. Марков указал на то, что большинство членов отдела не остановилось на принципе монархизма, единогласно принятом отделом, а сочло долгом определенно высказать то, чего при современном положении Церкви в России, когда даже Святейшему Патриарху грозит опасность, не могут сказать в России. «Если мы здесь не вся Церковь, то мы та часть Ее, которая может и должна сказать то, чего сказать не может оставшаяся в России Церковь <...> Но и нам точно неизвестно, жив ли Великий Князь Михаил Александрович, жив ли Наследник Цесаревич Алексей Николаевич. А ведь Наследнику мы приносили присягу, приносили ее не на базаре, а в храме. Что же? Снял ли кто-нибудь эту присягу? Если она, действительно, снята, то Церковное Собрание должно это сказать и приветствовать революцию». «Мысль обращения, — закончил свое выступление Н. Е. Марков, — Дом Романовых царствует, и мы должны его отстаивать»¹⁰.

Высокопреосвященный митрополит Антоний указал, как свидетельствует протокол заседания, что «вопрос о династии не политический, а чисто церковный, ибо отвергнуть этот вопрос — значит, отвергать существующие, никем не отмененные, основные законы, соглашаться с так называемыми завоеваниями революции, т. е. одобрить низвержение Государя и царствующей Династии, и вместе с тем подвергать народ русский кровопролитию и ужасам бонапартизма и самозванщины. Вопрос этот моральный, нравственный, а, следовательно, и чисто-церковный».

Таким образом, епископ Вениамин встал на позицию «непредрешенчества» в вопросе о династии в духе упования на «соборную волю народа», тем самым признав отречение Императора от престола в качестве исторического факта, ставящего под сомнение легитимность династии. Архиепископ Евлогий отстаивал курс последовательной аполитичности Церкви, намеченный на Поместном Соборе 1917–1918 годов и провозглашенный в Послании Патриарха Тихона от 25 сентября / 8 октября 1919 года. Н. Е. Марков исходил из юридической ничтожности акта отречения и нерушимости присяги Дому Романовых.

Митрополит Антоний наиболее четко обосновал позицию легитимистов ссылкой на никем не отмененные основные законы Российской империи и на нравственный, а, следовательно, и на церковный, характер дискуссионного вопроса. В своей статье «Церковность или Политика», опубликованной 29 января 1922 года в белградской газете «Новое Время» (№ 229), он выразил свою церковную позицию так:

«Все софизмы, которыми стараются поразить русский пастырский и патристический дух, основываются на неясном смысле слова политика и политический, т. е. на сознательном запутывании его смысла. Если под политикой разуместь что-то не сродное нравственному и церковному началу, то, конечно, все, что называют этим словом в вышеупомянутых выступлениях церковных пастырей, не есть политика, а исполнение пастырского долга, служение св. Церкви и вере; если же под политикой разуместь все соприкасающееся народной жизни, начиная с правого положения Церкви в государстве, то церковная власть и Церковные Соборы должны участвовать в политической жизни и с этих сторон предъявлять ей определенные требования»¹¹.

В 2001 году М. В. Назаров в докладе на научно-исторической конференции заметил, что разногласия, проявившиеся в связи с призывом I Всезарубежного Собора к восстановлению православной монархии, были не политическими, а мировоззренческими¹². Эта точка зрения, кстати, относится и к оценкам, которые принадлежат разным исследователям. Путь Русской Православной Церкви Заграницей, открытый I Всеамериканским Собором в Сремских Карловцах, положил начало религиозному осмыслению трагических событий XX столетия. Уже в наши дни это историософское осмысление стало достоянием церковного сознания современной России.

Примечания:

¹ Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. М., 2007. С. 55.

² История Русской Церкви. Кн. IX. М., 1997. С. 557.

³ Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX в. М., 1995. С. 133.

⁴ Кострюков А. А. Указ. соч. С. 65.

⁵ Деяния Русского Всезарубежного Собора, состоявшегося 8–21 ноября 1921 г. (21 ноября — 3 декабря) в Сремских Карловцах в Королевстве С. Х. и С. // Интернет: <http://sinod.ruschurchabroad.org/Arh%20Sobor%201921%201%20vsezarub%20deyaniya.htm>

⁶ Кострюков А. А. Указ. соч. С. 60.

⁷ Там же.

⁸ Деяния Русского Всезарубежного Собора. Указ. соч.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Назаров М. В. Русское зарубежное Православие в эпоху ускорения апостасии // История Русской Церкви в XX в. (1917–1933). Материалы конференции в Сэндере (Венгрия), 13–16 ноября 2001 г. Мюнхен, 2002. С. 248.

В. Г. Чичерюкин-Мейнгардт

Русская военная эмиграция в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев на страницах газеты «Русский военный вестник» (1925–1927 годы)

В 1999 году автор настоящих строк получил в подарок от священника Православной Церкви в Америке (ПЦА) Александра Лисенко, сына первопоходника-марковца, комплект номеров газеты «Русский военный вестник», издававшейся в Белграде поручиком Николаем Павловичем Рклицким (1892–1976). У меня в руках оказался полный комплект, начиная с № 13 от 15 июля 1925 года по № 99 от 12 мая 1927 года, практически без пропусков. Газета «Русский военный вестник» (далее РВВ) выходила в свет лишь несколько лет, с 1925 по 1928 год, и бесценный дар о. Александра позволял составить более или менее целостное представление об этом уникальном памятнике русской военной эмиграции.

РВВ задумывался и начинал выходить как периодический печатный орган Совета Объединенных русских офицерских обществ в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (СХС), созданного в 1921 году. Председателем Совета стал генерал от инфантерии Э. В. Экк, а секретарем — поручик Н. П. Рклицкий. Совет Объединенных русских офицерских обществ входил в состав IV (Югославянского) отдела Русского Обще-Воинского Союза (РОВС), в который была преобразована Русская армия в 1924 году Главнокомандующим, генерал-лейтенантом бароном П. Н. Врангелем. Должность начальника IV отдела занял генерал Экк, которого в 1933 году сменил генерал-лейтенант И. Г. Барбович.

По крайней мере, начиная с № 13 за 1925 год в подзаголовке РВВ значится: «Издание Совета Объединенных Офицерских Обществ. IV Отдел Русского Обще-Воинского Союза. Белград». Первоначально адрес редакции указывался: улица Короля Милутина, а с № 65 (от 31 октября 1926) —

Чичерюкин-Мейнгардт Владимир Григорьевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

улица Кралицы (Королевы) Наталии. Так же следует отметить, что начиная с № 18 (от 10 октября 1925) РВВ выходит уже как издание Совета Объединенных офицерских обществ, без упоминания РОВС. А с № 70 (от 12 декабря 1926) газета выходит под заголовком «Русский военный вестник», без упоминания не только РОВС, но и Совета Объединенных офицерских обществ. Очевидно, что такую эволюцию газеты обусловило плавное изменение взглядов ее редактора, Н. П. Рклицкого. Будучи оберофицером «непредрешенческой» деникинской Добровольческой армии, он постепенно перешел на монархические позиции. Свидетельством тому стала замена названия «Русский военный вестник» на «Царский вестник». Эту газету Рклицкий издавал в Белграде в 1930–1931 годах.

Номера РВВ сегодня ценны не только как исторический артефакт, но и как документ, запечатлевший на своих страницах определенный отрезок жизни русской воинской эмиграции на Балканах, когда она жила надеждами на новый «весенний поход». Ведь тогда, в середине 1920-х годов, здравствовал сам «черный барон», как называли генерала Врангеля враги, или «Вождь Божией Милостию», как величали своего Главнокомандующего его соратники по Белой борьбе на Юге России. Сохраняли силы и энергию генералы, с которыми Врангель прошел Крымскую эпопею и тяготы первого года жизни Русской армии в Турции: П. Н. Шагилов, Ф. Ф. Абрамов, И. Г. Барбович, В. К. Витковский, Д. П. Драценко, В. М. Ткачёв, С. Г. Улагай, Б. А. Штейфон... Почти все они в то время жили на Балканах — в Сербии и в соседней Болгарии. Их имена, чьи чаще, а чьи реже, встречаются читателям на страницах «Русского военного вестника». В Королевстве СХС обосновались и генералы, игравшие важную роль в Белой борьбе на Юге России, когда ею руководили генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов, а затем генерал-лейтенант А. И. Деникин: А. М. Драгомиров, Б. И. Казанович и другие.

«Назначение Генерала А. М. Драгомирова.

Распоряжением Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича Генерал-от-Кавалерии Драгомиров назначен Председателем Центрального Правления Общества русских офицеров в Королевстве Сербов Хорватов и Словенцев с оставлением в должности Председателя Районного Правления общества офицеров генерального Штаба. 10 сентября Генерал Драгомиров вступил в исполнение означенной должности¹.

И наконец, в середине 1920-х годов большинству Русской армии было по 30–40 лет, они находились в расцвете сил. И это обстоятельство нашло свое отражение. Очередной номер РВВ вышел с портретом генерала Экка на первой странице и большой статьей, посвященной его 75-летию².

При всей специфичности обстоятельств появления газеты на свет и читательской аудитории, подавляющее большинство которой составляли

русские офицеры-изгнанники, обосновавшиеся в первую очередь в Королевстве СХС, мы считаем возможным сравнить РВВ с «Русским инвалидом» — официозом Военного министерства Российской империи. Первоначально доходы от газеты, издававшейся с 1813 года, направлялись на оказание помощи инвалидам (отставным чинам), солдатским вдовам и сиротам, а также раненым и увечным воинам. В царствование императора Александра II газета стала печатным органом Военного министерства, приобрела более высокий статус и расширила читательскую аудиторию. Сходство «Русского военного вестника» с дореволюционным «Русским инвалидом» просматривается при сравнении рубрик официальной хроники. Из номера в номер в РВВ публиковались приказы и обращения к членам Совета Объединенных Офицерских Обществ от имени Верховного возглавителя русского воинства в изгнании Великого князя Николая Николаевича (Младшего), генералов Врангеля и Экка. Интересно отметить, что на страницах РВВ барон Врангель именовался Главнокомандующим Русской армии, а не председателем РОВС. Подобно тому как в «Русском инвалиде» в годы Великой войны 1914–1918 годов существовала рубрика «Герои и жертвы войны», в которой печатались списки русских офицеров раненых, пропавших без вести, павших на поле брани, некоторое сходство просматривается и в рубриках РВВ («Розыск», некрологи). Причем в белградской газете публиковались некрологи, сообщавшие читателям как о кончине русских военных эмигрантов, умерших естественной смертью, так и о самоубийцах.

Однако главной темой публикаций оставалась повседневная жизнь русских военных в Королевстве СХС, стремившихся сохранить свою *русскость* и русское «я», не растерять профессиональные навыки, знания и качества. На страницах «Вестника» печатались поздравления по случаю двенадесятих праздников, сообщения о церковной жизни. Так, в августе 1925 года на первой полосе очередного номера крупными буквами был напечатан заголовок над фотографией: «Русская православная церковь в г. Белграде, в которой хранятся знамена, штандарты и боевые отличия частей Русской Армии. (Церковь построена в 1924 г.)»³. Сохранению связи между галлиполийцами служили сообщения о разных предстоящих мероприятиях, преимущественно балов и благотворительных вечеров.

Но русские воины в изгнании не собирались лишь ностальгировать по былым боям и походам. В 1920-е годы стремительно совершенствовалась наука и военная техника. Вера в возрождение России и ее обновленной армии обязывала следить за развитием военного дела. Существовала насущная потребность в анализе накопленного военно-технического и оперативного опыта в годы Великой войны.

В РВВ печатались статьи, посвященные Восточно-Прусской операции 1914 года, Дарданелльской десантной операции союзников 1915 года, Ютландскому морскому сражению 1916 года. Анонсировалась богатая литература о гражданской войне, например, известная серия сборников воспоминаний «Летопись Белой борьбы»⁴. В их издании участвовали генерал Врангель, светлейший князь А. П. Ливен, Генерального штаба генерал-майор А. А. фон Лампе, герцог Г. Н. Лейхтенбергский. По мнению петербургского историка В. Г. Бортневского, издание «Летописи» служило прикрытием для конспиративной организации, созданной бароном Врангелем для военно-политической деятельности русских военных эмигрантов и развертывания подпольной работы на территории Советского Союза⁵. В РВВ анонсировался и сборник, изданный в память 1-го Кубанского («Ледяного») похода 1918 года⁶.

В октябре 1926 года в РВВ было опубликовано сообщение о том, что в Белграде открываются систематические курсы современного военного дела, ставшие филиалом Зарубежных высших военно-научных курсов Генерального штаба генерал-лейтенанта, профессора Н. Н. Головина, работавших в Париже. Имя генерала Головина неоднократно встречается на страницах РВВ. В газете анонсировались книги и статьи, например, широко известные мемуары К. С. Попова «Воспоминания Кавказского Гренадера. 1914–1920 гг.» (Белград, 1925)⁷ или новая книга Головина «Мысли об устройстве будущей российской вооруженной силы», выход которой ожидался редакцией в мае 1927 года⁸. Для создания и руководства Белградскими курсами был образован оргкомитет в составе председателя генерала от кавалерии А. М. Драгомирова, его заместителя генерал-лейтенанта Н. А. Илькевича и полноправных членов: генерал-лейтенантов В. Е. Вязьмитинова и Б. И. Казановича, генерал-майоров В. В. фон Баумгартена, С. Я. Гребенщикова, М. Н. Добророльского, В. Н. Полянского, В. М. Ткачёва, Генерального штаба полковника В. К. Фукса и секретарей: генерал-майора В. Н. Полтавцева, полковника Алексеева и причисленного к Генеральному штабу подполковника Е. Э. Месснера⁹. Слушатели собирались на занятия в помещении Русского офицерского общежития в Белграде. В рубрике «В Офицерских Обществах» нам встретилось сообщение: «В Обществе Офицеров Генерального Штаба. 16 марта подполковник Месснер сделал сообщение в Русском Офицерском Собрании на тему: “Элемент времени и пространстве в современном бою”»¹⁰. Публиковалось на страницах РВВ расписание Курсов современного военного дела в Белграде. Так, на февраль 1927 года была запланирована лекция полковника фон Зигерн-Корна¹¹.

Помимо сообщений о балах галлиполийцев и Георгиевских кавалеров РВВ информировал своих читателей о мероприятиях и других русских воинских объединениях, входивших в РОВС. Это не только Русское

офицерское собрание в Белграде и Совет объединенных офицерских обществ, но и Общество офицеров Генерального штаба, Общества Александровцев, воспитанников Николаевского кавалерийского училища, Товарищество Виленцев, Попечительные Общества Киевского Владимирского кадетского корпуса, Объединения воспитанников Суворовского кадетского корпуса, Союза служащих и питомцев Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса, Кружка взаимопомощи бывших кадетов Морского корпуса. Упоминаются полковые праздники Митавских гусар и Чугуевских улан. Русские воины на чужбине заботились о подготовке молодой смены — будущих офицеров Армии и Флота. Поэтому опять же не случайно на страницах РВВ публиковались материалы о русских кадетских корпусах. В частности, об основании военно-учебного музея при Первом Русском кадетском корпусе, в связи с чем увидело свет обращение его директора генерал-лейтенанта Б. В. Адамовича¹². И здесь же отметим «Обращение к бывшим служащим русских военно-учебных заведений» за подписью генерала от инфантерии А. Ф. Забелина — бывшего начальника Главного управления военно-учебных заведений Российской империи¹³.

Подобно тому, как публиковались приказы о продвижении по службе офицеров и генералов Русской Императорской армии в «Русском инвалиде», встречаются похожие материалы и на страницах РВВ («Прием на Сербскую службу»). В одном из номеров за 1926 год перечисляются следующие имена русских офицеров, принятых на службу в Королевскую армию в офицерских чинах. Это К. Н. Антонов, Б. Вериго-Васильевский, В. Гроссул-Толстой, Н. А. Кутейников, В. А. Маликов, А. Реут и два офицера по фамилии Шилеровы¹⁴. Последние, очевидно, близкие родственники. Ранее публиковалось аналогичное сообщение под заголовком «Приняты в Сербскую Армию Королевским указом», в котором были поименованы следующие русские офицеры: Н. Аладьин, С. Алтухов, В. Измestьев, М. Лаптев, Б. Полубинский, Н. Попов, Л. Рекалов, С. Урвачев, Н. Г. Яненко, Г. В. Янковский¹⁵.

Некоторые газетные заголовки напоминали о продолжении гражданской войны. Речь идет о публикациях, посвященных репрессиям в СССР против «бывших» белых и провокациям советских спецслужб против русской эмиграции. В этой связи несомненный интерес представляет сообщение «Советский суд»:

«Верховный суд УССР в Харькове начал суд против 14 бывших белых офицеров, участников белого движения на юге России в армиях ген. Деникина и ген. Врангеля. Согласно обвинительного акта, все 14 бывших офицеров с 1924 г. приступили к организации контрреволюционных (противосоветских) ячеек. Деятельность обвиняемых распространилась на Крым, Малороссию и Белороссию, где им удалось создать целую сеть подпольных организаций, ведших подпольную

борьбу с советской властью. Обвиняемые действовали по инструкциям бывшего военного представителя в Румынии ген. Геруа. Советский прокурор утверждает, что генерал Геруа являлся представителем Великого Князя Николая Николаевича, именем которого пользовались обвиняемые для успеха своей пропаганды среди населения южной и западной России. Аресты членов этой противосоветской организации были начаты советской властью в 1925 г., следствие продолжалось около года. Почему в конце концов из рядов столь внушительной сети оказались на скамье только 14 офицеров — советская прокуратура не сообщает»¹⁶.

Далее редактор делал вывод: «Организация осталась не раскрытой», а на скамье подсудимых оказались второстепенные лица. Возможно, что упомянутый судебный процесс в Харькове был на самом деле инсценировкой органов ГПУ УССР и никакой реальной антисоветской организации, созданной белыми офицерами на территории Украины, Белоруссии и Крымской автономной республики, и не существовало. Возможен и противоположный вывод. Подобные публикации у читателей «Вестника» вызывали двоякое чувство. С одной стороны, они подтверждали наличие потенциальных единомышленников среди «подсоветских» людей, на поддержку которых можно рассчитывать после перехода границы. Но с другой стороны, такие сообщения могли играть роль приманки для наиболее активных и непримиримых членов эмигрантских воинских организаций, которые в 1920-х годах пытались проникнуть «за чертополох» и вести на территории Советского Союза конспиративную работу. Чаще всего они погибали еще при переходе границы в перестрелках с погранохраной.

О продолжении борьбы между красными и белыми свидетельствовало «дело подполковника Бородина». Ввиду важности этой истории имеет смысл процитировать сообщение «Вестника»:

«В сентябре месяце 1925 г. в г. Вене по провокаторскому доносу, сделанному неким Е. Щеченко [возможно, правильно: Шевченко. — Прим. В. Ч.-М.], состоявшим ранее в чине поручика в Русской Армии и ныне исключенным, были арестованы и преданы суду по обвинению в подготовке покушения на жизнь советского посла Берзиня, Дроздовского Стрелкового полка подполковник Бородин и вольноопределяющийся Алексеевского пехотного полка Пихно. Вся вина подполковника Бородина заключалась в том, что он принял близкое участие в судьбе приехавшего в Вену Щеченко, как чина Армии и старался облегчить ему жизнь на новом месте на первых порах. Пихно оказался спутником Щеченко при переезде из Болгарии в Вену и первое время жил вместе с ним в одной гостинице.

Дело было назначено к слушанию в конце января месяца и окончилось оправданием того и другого. Защиту обоих взял на себя один из крупных местных адвокатов.

Для сбора средств на ведение этого дела и на оказание пособия находящемуся в чрезвычайно тяжелом положении из-за примененного к нему тюремного режима, подполковнику Бородину, генерал-лейтенантом Витковским была объявлена подписка в Болгарии, Королевстве СХС и Франции <...> Как видно,

русские воины чрезвычайно отзывчиво отнеслись к судьбе своих соратников, пострадавших в результате большевистских происков [и] кто мог, пришли на помощь своею посильною лептою»¹⁷.

Особое чувство испытываешь, читая на пожелтевших страницах сообщения, в которых фигурирует имя генерала Врангеля.

«Генерал Врангель в Совете Объединенных Офицерских Обществ.

8 августа в экстренном заседании Совета принял участие возвратившийся из Парижа Главнокомандующий генерал Врангель.

Генерал Врангель ознакомил Совет с впечатлениями от своей поездки в Париж, вызванной необходимостью разрешить текущие вопросы.

Главнокомандующий подробно ознакомил Совет с материальной стороной жизни Армии и особо отметил ту крепкую моральную связь, которую сохраняют русские воины, рассеянные на чужбине.

Генерал Врангель так же указал, что во время своей поездки он убедился, что чувства широких кругов русского общества к Армии остаются также неизменно сердечными.

Главнокомандующий дал ряд разъяснений о жизни русских воинов во Франции и Бельгии и о важнейших современных вопросах и после этого отбыл из Совета»¹⁸.

Здесь следует напомнить, что в связи с изменением экономической ситуации в мире в середине 1920-х годов происходили приезды русских военных эмигрантов из Бельгии и Франции обратно на Балканы. Соответствующая заметка «Обратно в Сербию» в это время была опубликована на страницах РВВ¹⁹. Однако центром общественно-политической жизни русской эмиграции и мировых событий неизменно оставался Париж. Именно этим обстоятельством был продиктован переезд генерала Врангеля из Белграда в Бельгию в 1926 году. По этическим соображениям он не пожелал выехать в Париж, но Брюссель находился близко от французской столицы. За подписью генерала Экка в «Вестнике» было опубликовано обращение к русским офицерам:

«Председатель Совета Объединенных офицерских Обществ Генерал от Инфантерии Экк доводит до сведения русских офицеров, что по случаю предстоящего отъезда из пределов Королевства СХС Главнокомандующего Русской Армии Генерал-Лейтенанта барона ВРАНГЕЛЯ 31 октября с. г. в Русской Церкви в гор. Белграде после литургии Высокопреосвященный Антоний, Митрополит Киевский и Галицкий, совершит напутственный молебен»²⁰.

И далее в этом же номере:

«Проводы Генерала Врангеля.

В воскресенье 24 октября в Белграде состоялся обед в честь Генерала Врангеля, по случаю отъезда его в Бельгию, устроенный русскими офицерами во главе с генералом от инфантерии Э. В. Экк.

На обеде собрались свыше 200 офицеров не только находящихся в г. Белграде, но и специально прибывших из других городов, среди присутствующих находились генерал от кавалерии Баратов, командиры бригад и кавалерийских полков и представитель кубанской дивизии, члены казачьих частей, представители офицерских обществ — общества чинов кавалерии и конной артиллерии полковник Здорик, прибывший из Суботицы, полковник Владимир из Панчева, представитель беженских организаций генерал Батюшин и много других»²¹.

Начинался новый этап в жизни русской воинской эмиграции. Остается лишь добавить, что имена многих русских офицеров и генералов, проживавших в 1920-е годы в Королевстве СХС, которое с 1929 года стало называться Королевством Югославией, и доживших до 1941 года, встречаются в списках чинов Русского Корпуса. Это генералы Б. А. Штейфон, И. К. Кириенко, В. Е. Флуг, полковники Б. В. Гонтарев и В. Э. Зборовский, подполковник Е. Э. Месснер, поручик В. Х. фон Даватц и сам редактор «Вестника» Николай Павлович Рклицкий, в дальнейшем принявший монашество и проделавший крестный путь Корпуса в должность корпусного священника.

Примечания:

¹ Цит. по: Русский военный вестник. Изд. Совета Объединенных Офицерских Обществ. IV отдел Русского Обще-Воинского Союза. Белград, ул. Кр. Милутина 51. 1925. 15 сент. (2 сент. по ст. ст.). № 17. *При цитировании по новой орфографии автором сохраняются стилистические и иные особенности текста опубликованных статей и материалов.*

² Там же. 1926. 24 апр. (11 апр. по ст. ст.). № 38.

³ Цит. по: Там же. 1925. 1 авг. (19 июля по ст. ст.). № 14.

⁴ Там же. 1926. 25 июля (12 июля по ст. ст.). № 51.

⁵ *Бортневский В. Г.* Загадка смерти генерала Врангеля: Неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов. СПб., 1996. С. 57–58, 73 и др.

⁶ Русский военный вестник. 1926. 31 янв. (18 янв. по ст. ст.). № 29.

⁷ Там же. 1925. 15 авг. (2 авг. по ст. ст.). № 15.

⁸ Там же. 1927. 20 марта (1 февр. по ст. ст.). № 84.

⁹ Там же. 1926. 31 окт. (18 окт. по ст. ст.). № 65.

¹⁰ Там же. 1926. 4 апр. (22 марта по ст. ст.). № 35.

¹¹ Там же. 1927. 13 февр. (31 янв. по ст. ст.). № 79.

¹² Там же. 1925. 10 окт. (18 сент. по ст. ст.). № 18.

¹³ Там же. 1926. 26 дек. (13 дек. по ст. ст.). № 73.

¹⁴ Там же. 1926. 21 нояб. (8 нояб. по ст. ст.). № 68.

¹⁵ Там же. 1926. 26 сент. (13 сент. ст. ст.). № 60.

¹⁶ Цит. по: Там же. 1926. 7 марта (22 февр. по ст. ст.). № 31.

¹⁷ Цит. по: Там же. 1926. 31 окт. (18 окт. по ст. ст.). № 65.

¹⁸ Цит. по: Там же. 1925. 15 авг. (2 авг. 1925 г. ст. ст.). № 15.

¹⁹ Там же. 1925. 15 июля (2 июля ст. ст.). № 13.

²⁰ Цит. по: Там же. 1926. 31 окт. (18 окт. по ст. ст.). № 65.

²¹ Цит. по: Там же.

Н. А. Кузнецов

Старший лейтенант Флота А. А. Соболев — нелегкий путь в эмиграцию

Подавляющее большинство офицеров флота, покинувших Россию после гражданской войны, оказалось в эмиграции «традиционными» путями: на кораблях, на которых они проходили службу (речь идет прежде всего об эвакуации Русской армии осенью 1920 года из Крыма, осуществленной силами Черноморского флота, и эвакуации Приморья в октябре 1922 года, решающую роль в которой сыграла Сибирская флотилия). Меньшая часть покинула Россию «сухим путем» в составе частей и подразделений, в которых они участвовали в Белом движении. Некоторое количество моряков еще в начале гражданской войны перешли на службу в новообразованные флоты лимитрофных государств, другие от активного участия в вооруженной борьбе уклонились, но покинули Россию.

На этом фоне весьма необычным выглядит жизненный путь старшего лейтенанта А. А. Соболева, достигшего высокого положения в Рабоче-крестьянском Красном флоте, в составе которого он служил практически с момента его образования, и покинувшего Советский Союз в 1930 году. В отличие от другого, гораздо более известного советского «невозвращенца» — Ф. Ф. Раскольников (Ильина), служившего полпредом в Болгарии и отказавшегося вернуться в СССР в апреле 1938 года, жизненный путь Соболева практически не привлекал внимания историков.

Александр Александрович Соболев (в списке чинов флота на 1916 год он имел традиционный для однофамильцев порядковый номер — Соболев 2-й) родился 12 февраля 1890 года в Москве в семье личного дворянина Московской губернии, присяжного поверенного, выпускника Московского университета¹. «С самого детства А.[лександр] А.[лександрович] интересуется морским делом, находясь под влиянием писем двоюродного брата, плававшего матросом на парусниках и погибшего в Вест-Индии. После цусимского разгрома он принимает

Кузнецов Никита Анатольевич — старший научный сотрудник отдела истории Российского Зарубежья Дома Русского Зарубежья им. Александра Солженицына, соискатель Российского государственного гуманитарного университета (Москва). Доклад подан заочно.

Александр Александрович Соболев

энергичное участие в пропаганде морских идей, руководя работой кружков гимназистов, интересующихся морским делом»². Участвовал А. А. Соболев и в работе «Лиги обновления флота» — организации, существовавшей в 1906–1915 годах, главной задачей которой было «распространение во всех слоях населения Империи сознания необходимости обладания военным флотом»³. Неудивительно, что в 1907 году Александр Соболев поступил в Морской корпус. 7 сентября 1909 года его произвели в младшие унтер-офицеры, а 18 апреля 1910 года — в корабельные гардемарины, после чего он совершил практическое плавание на линейных кораблях «Цесаревич» и «Слава».

6 декабря 1910 года А. А. Соболева произвели в мичманы по экзамену, и через четыре дня молодой офицер получил назначение в 1-й Балтийский флотский экипаж. Его первым боевым кораблем стал линкор «Император Павел I», на котором мичман Соболев в 1910–1914 годах служил вахтенным офицером, неоднократно принимая участие во внутренних и заграничных плаваниях. Сохранились воспоминания одного из сослуживцев и аттестации начальства, характеризующие Александра Александровича в этот период. Капитан 2-го ранга Б. П. Апрельев писал о нем так: «Молодой и на вид “корявый” мичман “Устрица” вечно “решающий” “мировые вопросы”, но... мичман “с будущим”, конечно, при хорошей школе и достаточном цуке... такой, из которого может выработаться прекрасный офицер»⁴. Командир корабля капитан 1-го ранга П. В. Римский-Корсаков в аттестации за 1911 год указывал: «Очень исполнительный, исправный и любящий морское дело офицер. Обладает феноменальной памятью. Ходячая справочная книжка нашего и иностранных флотов. Особенно интересуется военной стороной морского дела»⁵. Преемник Римского-Корсакова, капитан 1-го ранга А. К. Небольсин отмечал: «Очень способен. Обладает редкой памятью. Знает иностранные флоты наизусть»⁶. В 1913 году в подписанной им же аттестации говорилось: «Если этот офицер найдет свое призвание, то может принести большую пользу для флота»⁷. Нужно отметить, что характеристики, данные сослуживцами, вполне оправдались в будущем, особенно в период службы Соболева в РККВМФ.

23 сентября 1913 года А. А. Соболев стал слушателем в Артиллерийском офицерском классе, а 29 июля 1914 года, после его окончания,

был зачислен в артиллерийские офицеры 2-го разряда (31 октября 1916 года — в артиллерийские офицеры 1-го разряда). 6 апреля 1914 года он получил чин лейтенанта. 3 мая 1914 года Соболев получил назначение в плавание на линейный корабль «Император Александр II», на котором служил вахтенным офицером. 14 июля 1914 года его временно перевели в распоряжение коменданта Морской крепости императора Петра Великого на должность командира батареи Милли-Ляндин. 16 августа 1914 года Александр Александрович вернулся на корабль, на котором началась его офицерская служба — линкор «Император Павел I». 20 января 1915 года Соболев был утвержден в должности командира 3-й роты линейного корабля. В период Великой войны он также служил артиллерийским офицером, вторым артиллерийским офицером, а приказом от 8 октября 1916 года был допущен (фактически с 27 сентября) к временному исполнению обязанностей старшего артиллерийского офицера. В феврале 1917 года Александр Александрович занимал должность старшего офицера линкора, переименованного в «Республику»⁸. 28 июля 1917 года Соболева произвели в старшие лейтенанты за отличие по службе.

В годы Великой войны балтийские линкоры не принимали активного участия в боевых действиях, но А. А. Соболев удостоился боевых наград. К концу 1916 года в послужном списке офицера значились: золотой знак об окончании полного курса наук Морского корпуса (11 мая 1911), светло-бронзовая медаль в память 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года на Владимирской ленте (26 августа 1912), светло-бронзовая медаль в память 300-летия царствования Дома Романовых (21 февраля 1913), орден св. Станислава III ст. «за особые труды, понесенные по обстоятельствам военного времени» (26 августа 1915), мечи и бант к ордену св. Станислава III ст. «за самоотвержение, мужество, а также за усиленные труды в обстановке военного времени» (31 марта 1916), орден св. Анны III ст. с мечами и бантом «за самоотвержение, мужество, а также за усиленные труды в обстановке военного времени» (приказом № 944 от 6 декабря 1916 командующего Флотом Балтийского моря; дата Высочайшего утверждения неизвестна).

После большевистского декрета о ликвидации «старого флота» Соболев, как и большая часть других офицеров, был уволен от службы. Это произошло 3 апреля 1918 года с формулировкой «по болезни». В статье, опубликованной в 1923 году, указано, что Соболев «через день поступает [на службу] вновь добровольцем, сначала в Гла[вное] Мор[ское] хоз[яйственное] [управление], а затем — в Морской Генеральный Штаб». Сам же Соболев в первой статье, напечатанной в эмиграции, пишет о том, что его служба в РККВМФ началась с сентября 1918 года⁹. В любом случае он сделал блестящую карьеру в Красном флоте и побывал на всех основных театрах военных действий во время

гражданской войны. Весной 1919 года Соболев вошел в состав Высшей военной инспекции и находился на Восточном фронте. Затем служил исполняющим должность флагманского артиллериста Штаба командующего Морскими силами Республики, но вскоре, по собственному желанию, уехал на фронт. В августе Александр Александрович получил назначение начальником оперативной части Волжско-Каспийской военной флотилии, которой командовал Ф. Ф. Раскольников (Ильин). Участвовал в боях под Камышиным, Соленым Займищем и на Каспийском море и в тот же период командовал Средне-Астраханским речным отрядом.

В феврале 1920 года Соболева откомандировали в штаб Юго-Западного фронта на должность начальника морского отдела. Следующим его назначением стала должность начальника оперативного отдела Штаба начальника Морских сил Чёрного и Азовского морей. Штаб располагался в Мариуполе, где находился и Соболев вплоть до взятия города частями белых 28 сентября, после чего штаб передислоцировался в Ростов-на-Дону. 28 ноября А. А. Соболев был назначен временно исполняющим должность начальника Штаба Морских сил Каспийского моря, а уже с 1 декабря исполнял должность начальника Морских сил на Каспии. 24–25 декабря Соболев руководил атакой Астары, результатом которой стало занятие Красной армией Ленкоранского уезда. С марта по октябрь 1921 года А. А. Соболев служил начальником Штаба Каспийского флота. После гражданской войны Соболев активно занимался научной работой, связанной с изучением и осмыслением накопленного опыта боевых действий. В 1923–1925 годах мы видим его «редактором по истории Гражданской войны» в составе Военно-морской исторической комиссии при Историческом отделе Оперативного управления Штаба РККВМФ. Данное учреждение возникло в 1918 году и существовало (под разными наименованиями) до 1926 года. Его основная задача заключалась в изучении и анализе опыта Великой и гражданской войн на морских и внутренних водных театрах. В 1920-е годы Соболев опубликовал многочисленные работы по истории участия моряков в гражданской войне. Большинство из них сохранили свое значение до наших дней. Кроме научных занятий он преподавал историю гражданской войны на Центральных военно-морских политических курсах флота¹⁰.

В 1925 году А. А. Соболев получил назначение на должность военноморского атташе при полпредстве СССР в Турции, свидетельствующее о его незаурядных способностях и высокой степени доверия со стороны советского руководства, несмотря на отсутствие партийности. Следует особенно отметить тот важный факт, что Турция оставалась потенциальным противником для российского, а затем советского Черноморского флота. В Турции Соболев представлял интересы РККВМФ до 1927 года¹¹. В следующем году он был назначен военноморским атташе в Швеции,

которая в 1920–1940-е годы тоже рассматривалась в качестве вероятного противника. 15 апреля 1930 года Александр Александрович совершил неожиданный поступок — он отказался возвращаться в Советский Союз, где предполагалось его назначение на ответственную работу в Центральном аппарате Наркомата иностранных дел. Через два дня К. Е. Ворошилов докладывал И. В. Сталину:

«Соболев А. А. — беспартийный, по социальному происхождению потомственный почетный гражданин. Инвалид, не имеющий глаза. К своей работе Соболев всегда относился исключительно добросовестно. Никаких реальных причин, которые могли бы понудить его к отказу возвратиться в СССР, не было»¹².

Военная коллегия Верховного суда объявила Соболева «вне закона с конфискацией имущества за присвоение крупной суммы и отказ вернуться в СССР»¹³.

Через месяц после отказа вернуться в Советский Союз бывший советский военно-морской атташе начал активно публиковаться на страницах эмигрантских изданий. В своих статьях он объяснял свой поступок политическими мотивами. В целом работы Соболева, написанные в 1930-е годы, можно разделить на три большие группы: воспоминания, в частности, о службе на линкоре «Император Павел I» в 1917 году и об участии в гражданской войне, статьи, посвященные Красной армии и текущей военно-политической обстановке, в которых автор вновь показал свой аналитический талант, и публикации программного характера. В последних Александр Александрович обсуждал вопросы, связанные с возможностями и методами борьбы против советской власти. Соболев совершенно открыто называл себя «старшим из командиров РККА — антикоммунистов, находящихся за рубежом»¹⁴.

Многие из предположений, высказанные Соболевым в начале 1930-х годов, позднее нашли свое практическое воплощение в годы Второй мировой войны в связи с драматической историей Русского Освободительного движения. Например, еще в 1934 году Соболев подчеркивал, что для возможного привлечения Красной армии к борьбе с коммунизмом на территории СССР необходимо опираться не на опыт Российской Императорской и Белых армий, а следовало создавать новые модели, учитывающие тот факт, что ««рабоче-крестьянская красная армия» теперь совсем не та, что была некогда в дни гражданской войны, и даже не та, что была еще 5–7 лет назад. Ее основную массу составляют «краскомы», т. е. командиры, выпущенные из советских школ, службу свою проделавшие только в РККА, и единственным боевым опытом которых — да и то для немногих — была гражданская война на «красной» стороне»¹⁵.

На наш взгляд, утверждение Соболева, относящееся к одной из ключевых проблем Второй мировой войны — соотношению национальных

интересов с общими целями борьбы с большевизмом, перекликается с Манифестом КОНР 1944 года. В 1935 году Соболев писал:

«Борьба с коммунизмом есть борьба, направленная к высшей цели, нежели борьба за свою нацию, во имя своего исторического прошлого <...> Вопрос завоевания для своей нации “лучшего места под солнцем” ничтожен по сравнению с тем благом для всего человечества, которое будет достигнуто крушением коммунизма. <...> И в людях советских все более и более тухнет “национализм” и крепнет истинный и чистый антикоммунизм — ненависть к коммунизму, вера в великую миссию людей с ним борьбу ведущих и готовых ради этой борьбы забыть “национальные” счета и споры»¹⁶.

Это заявление перекликается со следующими строками Манифеста КОНР:

«Комитет Освобождения Народов России главное условие победы над большевизмом видит в объединении всех национальных сил и подчинении их общей задаче свержения власти большевиков. Поэтому Комитет Освобождения Народов России поддерживает все революционные и оппозиционные Сталину силы, решительно отвергая в то же время все реакционные проекты, связанные с ущемлением прав народов»¹⁷.

Будучи офицером Российского Императорского флота, служившим под красным флагом, А. А. Соболев не был принят ни в одну из эмигрантских морских организаций. Однако его отказ от возвращения в СССР и публицистическая деятельность не остались незамеченными флотскими офицерами-эмигрантами. Информация о статьях Соболева, опубликованных в «общеэмигрантских» газетах, регулярно появлялась в рубрике «О книгах, журналах и газетах» в пражском «Морском журнале» — главном печатном органе русской военно-морской эмиграции. В октябрьском номере этого издания за 1931 год увидела свет статья Соболева «Исторические труды и работа по военно-морской истории в СССР». Местом жительства автора указана Прага. Ранее, в 12-м номере за 1930 год «Морской журнал» перепечатал уже процитированное нами «Открытое письмо А. А. Соболеву от его бывшего соплавателя» капитана 2-го ранга Б. П. Апрелева (впервые опубликовано в шанхайской газете «Время» (№ 279) от 3 июля 1930 года). Апрельев высказывал свои мысли о положении в СССР и направлении деятельности русской эмиграции, созвучные взглядам представителей русского военного Зарубежья середины 1930-х годов. Обращаясь непосредственно к Соболеву, автор письма писал:

«Прежде всего, я спешу вас заверить, что лично я вас, как и вообще всех тех, кто остался “там”, совершенно не обвиняю. Лично я с вами говорю не в качестве “героя”, каковым не являюсь ни в коей степени, ни в качестве “политического деятеля” — каковым являюсь еще менее.

Пишу я вам просто, как морской офицер, зная великолепно, что выйдя из нашей среды и из нашей школы с ее многовековыми традициями, значительно более сильными, твердыми и опытом истории проверенными, чем традиции компартии, вы, конечно, в корне сохранили именно эти основы, а не навязанные вам во время вихря разрушения мысли. <...> Радуюсь за вас, что вы оторвались от этого сумасшедшего миража. Надеюсь, что Господь вам поможет стать дельным, толковым работником, каковые только и нужны будущей России»¹⁸.

Письмо Апрелева остается единственным, известным нам опубликованным документом, свидетельствующим об отношении к Соболеву русских морских офицеров, живших в 1930-е годы на чужбине.

До сих пор неразрешимую загадку представляет собой жизнь А. А. Соболева в эмиграции после 1934 года. Его последняя публикация на страницах журнала «Часовой» (Париж) вышла в январе 1935 года. Затем никаких упоминаний о Соболеве на страницах эмигрантских изданий не встречается. На взгляд автора допустимы следующие версии его дальнейшей судьбы: 1) ликвидация органами НКВД (впрочем, в этом случае в прессе должны были быть сообщения о его гибели, внезапной смерти или исчезновении); 2) работа на одну из иностранных разведок (с полной сменой фамилии, имени и отчества, биографии и, возможно, внешности); 3) отъезд в одну из заокеанских держав под угрозой уничтожения советскими карательными органами и возможная кончина в период до начала Второй мировой войны. Вполне возможно, что в годы войны Соболев так или иначе участвовал бы в антикоммунистической деятельности. Возможно, что со временем биография Александра Александровича Соболева, старшего лейтенанта Российского флота, видного деятеля советского Военно-морского флота, человека незаурядных способностей и талантов, самого загадочного представителя русской военно-морской эмиграции, будет прочитана до конца...

Основные труды А. А. Соболева

I. Работы, изданные в СССР

1. Красный флот в войне 1918–1921 гг. // Морской сборник (Москва). 1922. № 12. С. 30–55.
2. Операции Красного флота на Чёрном и Азовском морях в 1920 г. // Пять лет Красного флота. Пг., 1922. С. 179–187.
3. Операции Красного флота на Волге и Каспийском море // Красный военный флот. М., 1923. С. 188–206.
4. Балтийский флот в Гражданской войне 1918–19 гг. // Красный Балтийский флот. Пг., 1923. С. 27–43.
5. Совместные боевые действия Красной армии и флота // Морской сборник. 1923. № 1–2. С. 30–42.

6. Наступательные операции Азовской флотилии // Там же. 1923. № 6. С. 50–71.
7. Очерки по стратегии речной войны (Опыт критического исследования) // Там же. 1924. № 9. С. 39–54.
8. Красный флот в борьбе за Советскую власть // Красный флот (Кронштадт). 1924. № 10. С. 7–23.
9. Сентябрьская ночь // Алые вымпела. Л., 1924. С. 73–80.
10. Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. III. Юго-Запад. Л., 1925. Общая редакция; автор разделов: Юго-Запад (С. 1–8); Германский империализм (С. 9–11); Антанта и Деникин (С. 31–37); Белая Польша (С. 155–160); Врангелевский фронт (С. 217–220); Борьба за Азовское море (С. 237–328).
11. Боевые действия на Северной Двине в 1918 г. // Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. II. Северо-Запад. Ч. 2. Речные и озерные флотилии. Л., 1926. С. 57–78.
12. Красный флот в Гражданской войне 1918–1920 гг. Л., 1926. 170 с.

II. Работы, изданные в эмиграции

1. Записки невозвращенца // Возрождение (Париж). 1930. 17 мая. № 1810.
2. Их шансы // Там же. 1930. 18 мая. № 1811.
3. Партия и Россия // Там же. 1930. 24 мая. № 1817.
4. Красная армия и страна // Там же. 1930. 28 мая. № 1821; 30 мая. № 1823.
5. Линейный корабль «Император Павел I» в дни революции // Там же. 1930. 30 мая. № 1833. Перепечатано: Время (Шанхай). 1930. 3 июля. № 279.
6. Чан-Кай-Шек против Пекина // Там же. 1930. 28 июня. № 1852.
7. Воспоминания командира Красной армии // Там же. 1930. 8 июля. № 1862; 18 июля. № 1872; 24 июля. № 1878. Перепечатано: Время. 1930. 5 авг. № 307.
8. Пятилетка и война // Там же. 1931. № 2058.
9. Красный флот настоящего дня // Часовой (Париж). 1931. № 48. С. 16–19; № 50. С. 12–14; № 52. С. 10–11; № 53. С. 20–21; № 55. С. 10–11; № 57. С. 12–15.
10. Перемещения в командном составе Красной армии // Возрождение. 1931. 3 авг. № 2253.
11. Красный флот и рабочее правительство Англии // Там же. 1931. 7 авг. № 2290.
12. Обратная сторона социалистического соревнования // Русский Голос (Белград). 1931. 2 окт. № 27.
13. Исторические труды и работа по военно-морской истории в СССР // Морской журнал (Прага). 1931. № 10 (46). С. 6–10.
14. Советская история Гражданской войны // Русский Голос. 1931. № 33. 22 нояб.
15. На границах Жэ-Хе // Возрождение. 1932. 12 янв. № 2415.
16. Войны, которые будут вести советы // Часовой. 1932. № 71. С. 2–6.
17. Военная доктрина Красной армии // Там же. 1932. № 73. С. 4–7.
18. Гверилья в Маньчжурии // Возрождение. 1932. 20 февр. № 2435.
19. Манчжурский конфликт // Русский Голос. 1932. 14 февр. № 45.
20. Три фронта // Возрождение. 1932. 20 февр. № 2454.
21. Шанхайская операция // Там же. 1932. 26 февр. № 2460. Перепечатано: Русский Голос. 1932. № 47. 28 февр.

22. Советы и разоружение // Русский Голос. 1932. 6 марта. № 48.
23. Кянчуанское сражение // Там же. 1932. 13 марта. № 49.
24. Пути освобождения // Часовой. 1932. № 76. С. 3–7.
25. После Шанхайских боев // Русский Голос. 1932. 20 марта. № 50.
26. Восстание в Гиринской провинции // Там же. 1932. 10 апр. № 53.
27. В Маньчжурии // Возрождение. 1932. 3 июня. № 2558.
28. Новая Турция — проливная проблема // Русский инвалид (Париж). 1932. 7 мая. № 40.
29. Новая Турция — возрождение турецкого флота // Там же. 1932. 22 июня. № 43.
30. Новая Турция // Там же. 1932. 22 июля. № 45.
31. Красная армия и Германия // Часовой. 1933. № 96. С. 9–12.
32. Импровизирован флот // Морски сговор. 1933. № 3. На болгарском языке.
33. Через пятнадцать лет (Мысли и понятия в Красной армии) // Часовой. 1933. № 103–104. С. 9–12.
34. Дальневосточная загадка // Там же. 1933. № 112–113. С. 6–7.
35. Советский эмигрант, германец и советский подневольный человек // Там же. 1933. № 114–115. С. 9–11.
36. Краскомы и борьба с коммунизмом // Там же. 1934. № 118–119. С. 7–9.
37. С народом или против него // Там же. 1934. № 121. С. 13–15.
38. Антикоммунизм и национализм // Там же. 1935. № 141–142. С. 18–20.

Примечания:

¹ Основные данные о службе А. А. Соболева до 1918 приведены по его послужному списку. См.: Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 406. Оп. 9. Д. 3926.

² Цит. по: Александр Александрович Соболев // Красный флот (Кронштадт). 1923. № 11–12. С. 83.

³ Журавлёв С. И. Возникновение и деятельность общественных организаций офицеров Российского императорского военно-морского флота в 1905–1914 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2004. С. 17.

⁴ Апрелев Б. П. Открытое письмо А. А. Соболеву от его бывшего соплавателя. Приложение к № 36 (12) «Морского журнала» за 1936 год. С. 2.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 873. Оп. 17. Д. 393. Л. 2(об.).

⁶ Там же. Л. 4(об.).

⁷ Там же. Л. 7.

⁸ Александр Александрович Соболев // Красный флот. 1923. № 11–12. С. 83.

⁹ Соболев А. А. Записки невозвращенца (Очерк бывш[его] советского морского агента) // Возрождение (Париж). 1930. 17 мая. № 1810.

¹⁰ Александр Александрович Соболев // Красный флот. 1923. № 11–12. С. 83.

¹¹ Список начальствующего состава Военно-морских сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии. По состоянию на 1-ое мая 1928 года. Л., 1928. С. 237.

¹² Цит. по: Лурье В. М. Военно-морская разведка СССР (1918–1960-е гг.). Справочник. СПб., 2009. С. 176–177.

¹³ Цит. по: Там же. С. 176.

¹⁴ Соболев А. А. Краскомы и борьба с коммунизмом // Часовой (Париж). 1934. № 118–119. С. 7.

¹⁵ Там же. С. 8.

¹⁶ Соболев А. А. Антикоммунизм и национализм // Часовой. 1935. № 141–142. С. 18–19.

¹⁷ Цит. по: Андреева Е. Н. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М., 1993. С. 94.

¹⁸ Апрелев Б. П. Указ. соч. С. 1, 5.

Ю. С. Цурганов

История антибольшевистской эмиграции в годы Второй мировой войны в документах Государственного архива Российской Федерации*

В 1938 году начались существенные изменения политической карты Европы. 12 марта в состав Третьего Рейха была включена Австрия, а 1 октября — Судетская область, входившая ранее в состав Чехословакии. 15 марта 1939 года Гитлер поглотил остатки Чехословацкого государства. Чехия и Моравия превратились в Протекторат Германской империи, а на территории Словакии было создано формально независимое государство, которое в действительности находилось под контролем Рейха. Эти политические события отразились на структуре Русского Обще-Воинского Союза (РОВС). В 1938 году статус самостоятельной организации приобрел II (Германский) отдел, возглавляемый Генеральным штаба генерал-майором Алексеем Александровичем фон Лампе. Она стала называться Объединением Русских Воинских Союзов (ОРВС). В мае 1939 года из РОВС был выделен VI (Чехословацкий) отдел под руководством капитана I ранга Я. И. Подгорного. Так возник Союз Русских Воинских Организаций (СРВО), который немедленно вошел в ОРВС в качестве его Юго-восточного отдела (ЮВО ОРВС)¹.

Цурганов Юрий Станиславович — кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, главный редактор общественно-политического журнала «Посев» (Москва).

* Русский Заграничный исторический архив (Прага) — наиболее крупный из архивохранилищ такого рода, существовавших за пределами СССР в 1920–1930-е. В 1945 «подарен» советской стороне новым чехословацким правительством. Разделен на 17 частей, самая значительная из которых поступила на хранение в ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва). До падения диктатуры КПСС доступ исследователей к документам и материалам Пражского архива был крайне затруднен. С 1990-х — в Государственном архиве РФ. Сегодня его материалы вполне доступны для исследователей. Автор ограничил тему своего доклада на II Головинских чтениях периодом Второй мировой войны, который вызывает наибольшую дискуссию среди специалистов по истории русской эмиграции. — *Прим. Ю. Ц.*

Новые реорганизации последовали после раздела Польши между Германией и СССР в сентябре 1939 года, оккупации немцами части Франции в июне 1940 года и Югославии в апреле 1941 года, оккупации Советским Союзом Литвы, Латвии, Эстонии, а также отторжения от Румынии Бессарабии и Северной Буковины летом 1940 года. Генерал от кавалерии П. Н. Краснов писал, что поскольку возглавляемый генерал-лейтенантом В. К. Витковским I (Французский) отдел РОВС и возглавляемый вице-адмиралом М. А. Кедровым Военно-Морской Союз, а также другие эмигрантские организации «в течение многих лет ориентировались на страны Антанты, то они не могли в новых условиях рассчитывать на сочувственное отношение со стороны германских властей. Естественно было образование какой-то новой группы, стоящей на платформе совместно с Германией, ей содружественной и сплетающей интересы будущей национальной России с интересами Германии»².

Группа стала называться Объединением Русских Воинских Организаций (ОРВО) во Франции. 25 декабря 1941 года Генерального штаба генерал-лейтенант, профессор Н. Н. Головин принял начальствование над этим Объединением и приказом № 1 огласил его состав: соответствующая часть РОВС, Союз русских военных инвалидов во Франции, Гвардейское объединение, Общество по изучению Мировой войны, Союз офицеров Кавказской армии, Союз Георгиевских кавалеров, Союз кадетских корпусов, Российское Национальное и Социальное движение, Русский Национальный Союз Участников Войны (РНСУВ) и Общество бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища³. Генерального штаба генерал-лейтенант М. А. Свечин возглавил организации РОВС на Юге Франции, оставшейся вне зоны германской оккупации.

В сложившихся условиях роль генерала фон Лампе существенно возросла, поскольку на подвластной Германии территории оказались четыре из шести европейских отделов РОВС. А. А. фон Лампе из Берлина было гораздо проще устанавливать и поддерживать контакты с ними, чем начальнику РОВС Генерального штаба генерал-лейтенанту А. П. Архангельскому, проживавшему в Брюсселе. Поэтому Архангельский обратился к Лампе с письменной просьбой временно взять в свое ведение V (Бельгийский) и IV (Югославянский) отделы в дополнение к бывшим II и VI отделам. Несмотря на то что германские власти отказались санкционировать это переподчинение, Объединение, возглавляемое фон Лампе, до конца войны стало центром белоэмигрантских военных организаций, находившихся на территории Германии и оккупированных ею стран. 9 декабря 1941 года фон Лампе подписал приказ № 50. В нем перечислялись организации, отныне находившиеся в его подчинении⁴.

Алексей Александрович фон Лампе был выпускником 1-го кадетского корпуса, Николаевского инженерного училища и Императорской

Николаевской военной академии. Участвовал в русско-японской и Великой войнах. Летом — осенью 1918 года руководил работой подпольного Добровольческого центра в Харькове. В то время город находился под германской оккупацией, а затем попал под контроль С. В. Петлюры. Организация фон Лампе переправляла русских офицеров в Добровольческую армию, а сам начальник центра прибыл в распоряжение генерал-лейтенанта А. И. Деникина в конце 1918 года, затем занимал должность начальника оперативного отделения штаба Кавказской Добровольческой армии генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля. С 1920 года находился на военно-дипломатических должностях за границей, выполнял обязанности Российского военного агента в Дании, Венгрии, с 1922 года — в Германии. В 1924 году возглавил II отдел РОВС*.

Лампе долгие годы дружил с генералом Врангелем, а после кончины Главнокомандующего взял на себя заботу о его семье и подготовил к публикации воспоминания своего начальника. Алексея Александровича по справедливости можно назвать летописцем белой эмиграции. На протяжении многих лет он вел подробный дневник, на страницах которого фиксировались все сколько-нибудь важные события из жизни российской диаспоры в разных странах. Свой личный архив, насчитывавший 27 тыс. листов, в 1943 году фон Лампе передал в Русский Заграничный исторический архив в Праге. На весь военный период руководитель ОРВС стал одной из ключевых фигур в жизни белой военной эмиграции в Европе. 28 октября 1944 года он написал: «Лозунг “ХСЧНПБ” [“Хоть с чертом, но против большевиков”. — Ю. Ц.] был вызван к жизни и исповедывался покойным Главнокомандующим, о чем он не раз говорил мне лично»⁵.

Известие о начале войны между Германией и СССР полномочные представители русской военной эмиграции встретили восторженно. 6 июля 1941 года в Праге белоэмигрантские активисты провели собрание, посвященное «военной борьбе Германии с иудо-большевизмом и начавшемуся освобождению русского народа от красного ига»⁶. С соответствующими речами выступили: К. Н. Малюшицкий — от Юго-восточного отдела ОРВС, В. Ф. Веригин — от Российского Национального и Социального движения, К. А. Калякин — от Национальной Организации Русской Молодежи (НОРМ), И. Л. Новосильцов — от Объединения Профессиональных Союзов, И. Т. Камышанский — от Союза русских врачей, Н. С. Запорожцев — от Профсоюза русских инженеров и техников, генерал-лейтенант Е. И. Балабин — от Общеказачьего

* Наиболее полную версию биографии Генерального штаба генерал-майора А. А. фон Лампе на сегодняшний день, см.: Александров К. М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова 1944–1945 / Биографический справочник. М., 2009. С. 540–555. — Прим. ред.

Объединения, профессор Д. Н. Иванцов — от Объединения культурно-благотворительных организаций и генерал-лейтенант Н. Н. Шиллинг — от Союза русских военных инвалидов.

Тезис о том, что Гитлер воюет с врагами России во имя ее освобождения, присутствовал в персональных обращениях к эмигрантской общественности генерал-майора В. В. Бискупского, председателя Галлиполийского Союза в Праге Генерального штаба генерал-майора М. М. Зинкевича⁷, начальника I отдела РОВС генерал-лейтенанта В. К. Витковского⁸, руководителя ЮОВО ОРВС капитана I ранга Я. И. Подгорного⁹ и других деятелей. Подгорный назвал военные действия германской армии продолжением белой борьбы с коммунизмом.

Прогерманская позиция, занятая представительной частью русских военных за рубежом, выглядела в известной степени закономерной. На протяжении двух десятилетий они жили мечтой о «весеннем походе». Это словосочетание означало ситуацию, когда какая-либо европейская держава или группа держав возобновит интервенцию против СССР. Тогда белогвардейцы смогут продолжить и гражданскую войну с большевиками. В подготовке к «весеннему походу» заключался смысл жизни военных эмигрантов и сочувствовавших им беженцев. Тот факт, что зачинательницей «весеннего похода» стала гитлеровская Германия, смутил не всех. Среди тысяч приказов, постановлений, распоряжений, циркуляров, отчетов, рапортов и частных писем из собрания Русского Заграничного исторического архива в Праге нам трудно обнаружить документы, сохранившие «оборонческие» настроения. Идея защиты Советского Союза от внешней агрессии, невзирая на существовавший в нем политический режим, очевидно, представлялась многим белоэмигрантам настолько абсурдной, что они даже не находили нужным ее развенчивать.

К 1941 году белая эмиграция сохранила свое видение и традиционное отношение к сути советской политической системы. Большевистский период по-прежнему не рассматривался как логическое продолжение российской истории. Правда, с середины 1930-х годов государственная идеология в СССР претерпевала определенную трансформацию. Произошла «реабилитация» Александра Невского, мощи которого в свое время воинствующие безбожники выбросили из Лавры, началась апология Петра I, отныне преподносившегося в качестве прогрессивного исторического деятеля. Сталин уже полностью состоялся как тиран и диктатор и желал, по всей видимости, приобрести соответствующую политическую родословную. Происходила реабилитация понятия «патриотизм» как позитивного побудительного мотива человеческих поступков, в чем Сталин крайне нуждался накануне большой европейской войны.

Эмиграция внимательно следила за всем происходящим в Советском Союзе. Патриотический антураж соблазнил некоторых эмигрантов,

заставив их поверить, что большевизм трансформируется в русскую национальную власть. Однако видные деятели РОВС оставались верны своим представлениям о большевизме. Попытки Сталина и его приближенных апеллировать к русскому прошлому воспринимались как идеологическое мародерство. Белоэмигранты не воспринимали Гитлера как врага России, так как на момент его прихода к власти России как государства в их понимании не существовало. Они не воспринимали предупреждений об угрозе немецкой оккупации страны, которая и так уже находилась под оккупацией международной коммунистической организации — III Интернационала. Белоэмигранты не считали, что большевистский режим обрел легитимность за два с небольшим десятилетия пребывания у власти. Государственные структуры СССР не стали и никогда не смогут стать русским национальным правительством. В связи с этим любые военные действия против СССР воспринимались белой эмиграцией как миссия освобождения или, в крайнем случае, как замена одного оккупационного режима другим.

Наконец, к июню 1941 года Гитлер и нацисты еще не успели совершить большей части своих преступлений и не воспринимались мировым общественным мнением в качестве единицы измерения абсолютного зла.

В 1920–1930-е годы среди казачества в эмиграции обнаружили три политические тенденции. Одни казаки видели будущее казачьих областей только в составе Российского государства после его гипотетического освобождения от большевиков. Другие допускали создание независимого казачьего государства как переходного этапа к первой модели в случае, если освободить всю Россию от большевиков сразу не удастся. Третьи хотели видеть казачьи земли суверенными вне зависимости от судьбы России. Такими представлениями о будущем казачья общественность в Зарубежье жила к началу Второй мировой войны*. В конце 1939 года в Протекторате возникла новая белоэмигрантская организация — Общеказачье Объединение, которое возглавил генерал-лейтенант Евгений Иванович Балабин. С 1940 года организация стала именоваться Общеказачьим Объединением в Германской империи. Инициатива его создания исходила от немцев, стремившихся облегчить для себя контроль над казаками. Балабин же хотел объединить казаков всех войск, проживавших в данном регионе, в одну неполитическую организацию, чтобы представлять их перед властями и защищать их интересы.

* Здесь речь идет только о той части казачества, которая сохранила антисоветский политический потенциал. Имели место и другие настроения. Например, Общеказачий сельскохозяйственный союз (ОСХС) и Союз возрождения казачества (СВК) были склонны к поиску компромиссов с советской властью. Определенная часть казаков вернулась в СССР в порядке реэмиграции. — *Прим. Ю. Ц.*

Многие авторитетные лидеры казачьей эмиграции увидели в событиях 22 июня 1941 года возможность реванша. «Я прошу... передать всем казакам, — писал П. Н. Краснов, — что эта война не против России, но против коммунистов, жидов и их приспешников, торгующих Русской кровью. Да поможет Господь немецкому оружию и Хитлеру! Пусть совершат они то, что сделали для Пруссии Русские и Император Александр I в 1813 г.»¹⁰. Краснов проводил аналогию с Заграничным походом русской армии, начавшимся после изгнания Наполеона из России. Во время этого похода Пруссия была освобождена от французской оккупации. 28 июня 1941 года Донской атаман генерал-лейтенант граф М. Н. Граббе издал приказ: «Атаманам всех донских казачьих и общеказачьих станиц, по всем странам в эмиграции приказываю произвести полный учет казаков. Всем казакам, в станицах и организациях казачьих не состоящим, приказываю в таковые записаться. Связь со мною держать всемерно»¹¹.

3 июля 1941 года в Париже увидело свет обращение Казачьего Совета во Франции, подписанное председателем Совета графом Граббе, его заместителем, Генерального штаба генерал-лейтенантом А. В. Черячукиным и членами Совета от казачьих Войск. Всевеликое Войско Донское представлял генерал-майор С. Д. Позднышев, Кубанское — генерал-майор Н. И. Малышенко, Терское — Генерального штаба полковник М. А. Медведев, Оренбургское — Генерального штаба генерал-майор И. Г. Акулинин, Уральское — войсковой старшина А. И. Потапов, Астраханское — полковник Г. М. Астахов. В документе содержался призыв к казакам «приобщиться к делу борьбы с большевиками — каждый на своем (или указанном ему) месте»¹². С началом войны на Востоке активизировалась работа по составлению проектов обустройства казачьих территорий после их освобождения от сталинской власти. Кубанский Походный атаман генерал Ткаченко организовал в Софии несколько комиссий для разработки проектов военного и административного устройства Кубани, экономического восстановления края и других вопросов. Комиссии были созданы «ввиду значительного разнообразия взглядов у казаков на наше будущее»¹³. Бывший земский деятель А. С. Щекотурин писал атаману М. Н. Граббе о необходимости восстановления земства в покинутых большевиками областях России¹⁴.

Итогом этой деятельности стал документ, озаглавленный «К вопросу о восстановлении области Войска Донского (Меры переходного времени)». «Казачество надеется, — утверждали авторы документа, — что германская государственная власть даст возможность Донскому Атаману теперь же приступить к подготовительным действиям для исполнения той великой миссии, которую возлагают на него события»¹⁵. Согласно проекту, высшая власть на Дону должна принадлежать

Войсковому атаману, который организует управление по двум принципам: областная войсковая власть — по назначению, власть на местах — по избранию. Предполагалась отмена всех ограничений, связанных с вероисповеданием («кроме иудейства»). В обязательном порядке подлежали регистрации все коммунисты и комсомольцы с последующей передачей их дел казачьим атаманским военным судам. К тем из них, кто непосредственно принимал участие в расстрелах мирных граждан, следовало применять высшую меру наказания.

В области экономики планировалось преобразовать колхозы и совхозы в сельскохозяйственные трудовые артели с последующей их ликвидацией, отменить государственную монополию на торговлю, восстановить права собственности на мелкие и средние земельные владения. Для поддержания общественного порядка предполагалось формирование охранных полков и сотен, преимущественно из казаков, вернувшихся из эмиграции. «Все изложенные меры, — писали авторы-составители в конце документа, — могут в равной степени быть применены к землям Войск Кубанского и Терского, условия существования коих более или менее общи с областью Войска Донского»¹⁶. К декларации прилагалась «Смета», носившая, однако, тоже скорее идеологический, нежели финансовый характер. Она не столько дополняла, сколько обосновывала предшествующий текст: «Неминуемое занятие в ближайшее время Донской Области армиями Великогерманского Рейха выдвигает на первый план необходимость организации донской казачьей власти на месте»¹⁷.

20 июля 1941 года генерал Акулинин писал из Парижа атаману Граббе: «Если до нашего прихода, на Дону, на Кубани и в других Казачьих краях... будет организована Войсковая власть — немецким Командованием или самими Казаками — наш долг явиться в распоряжение этой власти и дать ей отчет о наших действиях»¹⁸. Вариант, что «Войсковая власть» вообще не будет создана, не рассматривался даже теоретически. В конце сентября 1941 года Общеказачье Объединение в Германской империи сформулировало «Тезисы к меморандуму Германскому правительству и Германскому Военному Командованию» с просьбой, чтобы:

«1) отдельные члены Общеказачьего Объединения в Германии не были бы мобилизованы для какой бы то ни было работы в освобожденных частях России, а все без исключения были посланы для работы в своих Землях по принадлежности той или иной;

2) было бы разрешено Общеказачьему Объединению принять соответствующие предварительные меры к скорейшей по освобождению наших Земель переброске необходимых сил из нашей среды для установления порядка и руководства всеми сторонами жизни наших Краев;

3) представители Германского Правительства и Германского Военного Командования, при организации власти в освобожденных казачьих территориях

Дона, Кубани и Терека, обратили бы внимание на то обстоятельство, что в изгнании проживают представители легитимной власти над этими территориями, наши Вожди — Войсковые Атаманы, и что в интересах и нас казаков, и Германии было бы весьма желательно, а для нас, казаков, это было бы Божьим благословением, если бы организация власти и порядка в наших Землях была передана нашим Войсковым Атаманам в тех пределах, в коих это найдут возможным представители Германии»¹⁹.

Авторы составляемых проектов не претендовали на «истину в последней инстанции» и вполне отдавали себе отчет в том, что их теоретические разработки могут рассматриваться только как предварительные. «Я хотел бы предупредить, — писал генерал Зинкевич членом Галлиполийского Союза в Праге, — от стремлений теперь же создать политическую программу. Без тесного соприкосновения с русской действительностью это будет иметь отпечаток “эмигрантщины”»²⁰.

Первые признаки разочарования казачьей эмиграции в «освободительной миссии Рейха» появились уже спустя три месяца после начала войны. 4 октября 1941 года Балабин жаловался Граббе: «Никакие казаки эмигранты казачьих войск не спасут, вместо станиц “Общественные хозяйства”, и в них вместо жидов — немцы»²¹. В том же письме сообщалось, что некоторые казаки настаивают на подаче самым высшим немецким властям в революционном порядке меморандума о съезде войсковых атаманов в Берлине для решения казачьих вопросов совместно с немецким правительством. Немецкими же властями в циркулярном распоряжении подача меморандумов запрещена, и все казачьи меморандумы складываются в архиве без предварительного прочтения. «Боюсь, что такой меморандум, — заканчивал Балабин, — только повредит казакам, показав нашу недисциплинированность и грубое нарушение их распоряжений. На благоприятный же результат надежды мало»²².

Свою трактовку событий с перспективами на будущее дал генерал Краснов. 11 июля 1941 года он писал Балабину:

«В данное время немецкому командованию нежелательна никакая лишняя болтовня. Войну с Советами ведут немцы — и в целях пропаганды среди Советских войск и населения, — они тщательно избегают какого бы то ни было участия эмиграции. Все, кто угодно — финны, словаки, шведы, датчане, испанцы, венгры, румыны, — но не Русские эмигранты. Это ведь даст возможность Советам повести пропаганду о том, что с немцами идут “помещики” — отнимать землю, что идет “офицерье” загонять под офицерскую палку и пр. и т. п. — и это усилит сопротивление Красной армии, а с нею надо скорее кончать»²³.

Из создавшейся ситуации Краснов видел три возможных выхода. Первый — успешное антикоммунистическое восстание в СССР и образование нового правительства, которое вступит в мирные переговоры

с немцами. Второй — немцы оттеснили бы большевиков примерно до Волги и укрепились на занятой территории. Будет существовать оккупированная немцами часть России и большевистская Россия, война в этом случае приобрела бы затяжной характер. Третий выход — комбинированный: немцы оккупируют часть России, а в остальной части образуется новое правительство, которое заключит мир с немцами, приняв все их условия.

Краснов считал, что в первом случае эмигрантский вопрос, равно как и вопрос о дальнейшей судьбе казачьих областей будет решаться новым российским правительством, пришедшим на смену сталинскому правительству. Во втором случае этот вопрос будет решаться немецким Главным командованием для оккупированной части страны. В третьем — немецким Главным командованием для оккупированной части страны и в восточной части — новым правительством. «Во всех трех случаях, до окончания войны, — подчеркивал Пётр Николаевич, — эмигрантского вопроса нет и обсуждать его — это толочь воду в ступе»²⁴.

Из всего этого автор письма делал следующие выводы. Во-первых, «до окончания войны на Востоке русскую эмиграцию не трогать» («переводчики, заведующие питательными пунктами, полицейско-карательные отряды не в счет»). Во-вторых, «при возрождении России, в Россию будет привлечена лишь небольшая часть эмиграции, вполне проверенная, вне английских и большевистских влияний». В-третьих, «привлечение всей эмиграции с ее раздорами, склонностью к безудержной болтовне, комиссиям, заседаниям, философствованию, подсиживанию друг друга почитается *величайшим несчастьем для России*»²⁵. «Если будут восстановлены казачьи войска — (об этом я хлопочу), — заканчивал свое послание Краснов, — то на началах старого станичного быта и самой суровой дисциплины. Кругам и Раде не дадут говорить и разрушать работу атаманов, как это делалось в 1918–1920 годах, итак — все темно и неизвестно, нужно ждать конца войны, предоставив себя воле Божьей и поменьше болтать»²⁶.

В данном послании Краснов еще говорил о возрождении России, но уже здесь виден акцент на возрождении казачества. Скоро размышления Краснова о возможностях возрождения страны в целом закончатся. Останутся только планы восстановления казачьих поселений, причем сначала — в местах традиционного проживания казаков в пределах России, затем — вне ее пределов, на территории южной Европы. Положение дел, отразившееся в письмах Балабина — Граббе и Краснова — Балабину, характеризует первый этап идейного развития казачьего антисоветского движения в годы Второй мировой войны. Второй этап будет отмечен негласным признанием того факта, что победы над большевизмом на родине ждать не стоит. На новом этапе цели казаков будут

сводиться к следующим трем моментам: 1) обозначить себя политически в текущей войне, продемонстрировав тем самым, что антисоветское казачье движение живо; 2) принять участие в вооруженной борьбе с большевиками, не столько оказывая помощь Вермахту, сколько осуществляя акцию отмщения большевикам; 3) заслужить в глазах немцев, и прежде всего Гитлера, право на благополучное обустройство после окончания войны.

В связи с войной активизировали политическую деятельность не только ревнители «Единой и Неделимой России», но и казаки-сепаратисты (самостийники). Наибольшую активность в отстаивании идей сепаратизма проявило Казачье национально-освободительное движение (КНОД), возглавляемое инженером В. Г. Глазковым. Центральное правление КНОД находилось в Праге.

28 июня 1941 года в Праге состоялось «манифестационное собрание», на котором его участники приняли резолюцию, приветствовавшую германское вторжение. 29 июня эта резолюция была принята собранием, организованным активистами КНОД в Берлине. На собрании присутствовал и поддержал резолюцию представитель П. П. Скоропадского полковник Мурашко. Во время революции Скоропадский, генерал-лейтенант бывшей Русской Императорской армии, в связи с началом распада Российской империи и образованием на ее территории новых национальных государств, в том числе Украины, переименовал вверенный ему XXXIV армейский корпус в 1-й украинский. Весной — осенью 1918 года, будучи гетманом Украины, он пользовался поддержкой германских оккупационных властей. После капитуляции Германии и перехода Украины под контроль С. В. Петлюры Скоропадский эмигрировал. Председательствовавший на собрании Глазков заявил, что из Протектората Чехия и Моравия, Силезии, Болгарии и Генерал-губернаторства (Польша) уже вышли готовые казачьи группы, чтобы вместе с немцами воевать против большевиков²⁷, что не соответствовало действительности. Самостийники призвали всех казаков вступать в свои ряды, так как якобы только они могут рассчитывать на возвращение в родные края²⁸. Резолюцию одобрили представительства КНОД в Вестмарке (Эльзас и Лотарингия), Генерал-губернаторстве, Словакии, Венгрии, Болгарии и Франции. Вслед за этим последовали распоряжения Глазкова относительно подготовки казаков, учета казачьих сил, создания национального казачьего фонда.

12 июля 1941 года Глазков сообщил И. М. Евсикову, представителю Центрального правления КНОД в Болгарии, о своем признании правительством Рейха в качестве руководителя движения. Евсиков воспринял это сообщение как свидетельство того, что Рейх предоставил возможность казакам-эмигрантам активно участвовать в борьбе с коммунизмом

и пригласил их «строить Новую Жизнь в Родных Краях». Специальным распоряжением от 12 июля Евсиков обязал все станицы, хутора, группы казаков и отдельных представителей казачьей эмиграции, проживавших в Болгарии, немедленно прислать ему свои постановления или отдельные заявления о готовности принять участие в «общеказачьем национальном освободительном деле». Указывалась форма, в которой должны были составляться эти документы. Евсиков сообщал, что все анкеты, заполненные казаками ранее, то есть по призыву «единонеделимцев», для него как представителя КНОД считаются недействительными. До получения нового предписания казакам следовало оставаться на своих местах и «спокойно заниматься своим делом», но быть готовыми по первому же приказу явиться на место, которое будет указано. Все заботы о семьях казаков руководство КНОД обязалось взять на себя. Евсиков обещал свое покровительство казакам, состоявшим в организациях, выражавших «антигерманские настроения», соглашаясь считать их введенными в заблуждение руководством соответствующих организаций²⁹.

Как видно, распоряжение Евсикова направлялось против «единонеделимцев». Но и реакцию самостийников на этот документ мы не можем считать однозначной. Первый отклик на распоряжение поступил уже на следующий день, 13 июля: «Ваше долгожданное распоряжение мы получили вчера (12 июля). В тот же день приступили к исполнению всех заданий. Как только соберем необходимые сведения, сейчас же их вам вышлем». Однако тут же говорилось: «Было бы хорошо, если бы вы нам прислали официальную бумагу (или приказ) о назначении представителем КНОДвижения в Болгарии И. М. Евсикова»³⁰. По вопросу об объединении всего казачества, проживавшего в Болгарии, авторы послания не сообщали ничего утешительного: «П. К. Харламов ходил даже к граббовскому окружному атаману (абрамовец*) дьякону Я. Никитину, уговаривал этого сукиного сына, в присутствии 6 казаков 4 часа, уговаривал, но... дьякон пошел на другой день к Абрамову и тот дело развалил, дьякон от объединения окончательно отказался. Уговаривал П. К. Харламов и Д. Д. Нежевова “представителя донского атамана”, уговаривал эту сволочь три битых часа в присутствии 5 казаков, призывал к объединению, он также сукин сын отказался, говоря, что будет ждать инструкций от “атамана”, ждет до сих пор. Вы понимаете, станичники, хотелось все устроить по-хорошему, но что с такой сволочью делать!»³¹

18 июля 1941 года последовала реакция со стороны Центрального правления Союза Казаков в Болгарии, председателем которого состоял

* Стронник Генерального штаба генерал-лейтенанта Ф. Ф. Абрамова, не разделявшего идеи казачьего сепаратизма. — Прим. Ю. Ц.

упомянутый Я. Никитин: «Последнее время... как ядовитые грибы после дождя появились и повылезли из темных щелей всякого рода “вожди” и “руководители” казачества <...> о которых до сих пор никто не слышал, а если и слышал, то только как о лицах, состоящих в организации, работавшей на польские, чешские и советские деньги по разложению эмиграции»³². 19 июля был издан документ, адресованный начальникам казачьих частей и групп, к атаманам казачьих станиц и хуторов в Болгарии. Документ подписали представители Войсковых атаманов: Дона — генерал-лейтенант Ф. Ф. Абрамов, Кубани — полковник Милашевич, Терека — Цыгулиев и председатель Союза Казаков в Болгарии Никитин. В тексте говорилось о том, что правление КНОД и самого Глазкова никто не выбирал. Правление и Представительство в Болгарии возникли без ведома Войсковых атаманов, и, следовательно, их следует считать самозванными, а их распоряжения — фальшивками, не подлежащими исполнению. Далее сообщалось, что Евсиков состоит членом «Национальной казачьей организации», основанной П. Кудиновым, который в 1938 году вместе со всей своей организацией был уличен как платный агент советских спецслужб в Болгарии³³.

Самостийники не остались в долгу. 22 августа представитель КНОД в Болгарии П. К. Харламов докладывал Евсикову по поводу документов, изданных сторонниками единой и неделимой России: «В качестве курьеза упомяну о “приказе” графа Граббе, который приказывает казакам идти на защиту “матушки России”. Есть воззвание и Владимира Кирилловича*, есть информация и Краснова <...> Все эти приказы и информации вполне заменяют юмористические журналы»³⁴. Во второй половине августа лидеры самостийников работали над составлением официального письма на имя Гитлера. Это письмо должно было сопровождать подарок, о котором Харламов докладывал Евсикову: «В величину половины квадратного метра вышивается карта КАЗАКИИ; на казачью землю с запада входит немецкий солдат и поднимает руку для приветствия, его встречает казак с хлебом и солью. Получается прекрасный подарок-символ. Мы понимаем, что Вождь не нуждается в нашем подарке, но в нем нуждаемся мы»³⁵. 1 сентября Евсиков и Харламов составили письмо в форме исторической справки. В нем говорилось о казаках, как об особом народе, «находившемся под рабством России

* 26 июня 1941 года увидело свет обращение главы Российского Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича, проживавшего в Сен-Бриаке: *«В этот грозный час, когда Германией и почти всеми народами Европы объявлен крестовый поход против коммунизма-большевизма, который поработил и угнетает народ России в течение двадцати четырех лет, я обращаюсь ко всем верным и преданным сынам нашей Родины с призывом: способствовать по мере сил и возможностей свержению большевистской власти и освобождению нашего Отечества от страшного ига коммунизма»* (Цит. по: ГА РФ. Ф. 5845. Оп. 1. Д. 4. Л. 22). — Прим. Ю. Ц.

в течение 180 лет до революции» и никогда не прекращавшем борьбы за свободу.

Спустя два месяца после начала войны между Германией и СССР Представительство Донского атамана графа Граббе в Болгарии в лице председателя Д. Д. Нежевого и секретаря М. Я. Горбачёва сделали шаг к примирению с сепаратистами. 22 августа был составлен «проект информации», в котором говорилось о наличии трех течений среди эмигрантов бывшей «Русской империи». Существовали Русское национальное движение, стремившееся к созданию «единой и неделимой России»; Украинское национальное движение, защищавшее идею самостоятельного Украинского государства; Казачье национальное движение, защищавшее идею самоопределения казачества. Каждому эмигранту, как подчеркивали авторы «проекта», следовало зарегистрироваться в организации того движения, «которое всего ближе ему по уму и по сердцу». «Каждый казак, зарегистрировавшийся в своей казачьей организации, этим самым не превращается: в “русского”, “самостийника” или “единонеделимца”; его запись означает, что он хочет вернуться к себе на Родину, что он антикоммунист и что он готов к будущей восстановительной работе. Что касается того: КТО будет записавшимися командовать, то ими будет командовать ТОТ, кому это будет поручено Вождем Германского Рейха»³⁶. Но несмотря на предпринятые шаги самостийники оставались врагами «единонеделимцев» до окончания войны. Генералы М. Н. Граббе, Е. И. Балабин и другие руководители постоянно получали письма из казачьих станиц о действиях сепаратистов и приносимом ими вреде³⁷ и по мере возможности боролись с влиянием самостийнических идей.

Итак, казачья эмиграция оказалась далеко не однородной. «Единонеделимческое» направление возглавляли авторитетные и известные белые генералы, участвовавшие в гражданской войне на первых или вторых ролях. Многие занимали должности атаманов казачьих войск, станиц и хуторов в Зарубежье. Некоторые из них были руководителями структур РОВС — основной и наиболее крупной белоэмигрантской организации. Они неоднократно заявляли о своем отказе от всяких имущественных и властных притязаний после свержения большевизма в России. Эти идеи как руководство к действию получили признание еще на Российском Зарубежном съезде 1926 года и базировались на принципах, провозглашенных политическим лидером эмиграции Великим Князем Николаем Николаевичем (Младшим) и председателем РОВС генерал-лейтенантом П. Н. Врангелем. Приверженность таким взглядам неоднократно подтверждалась в военной эмиграции и в начале 1940-х годов³⁸. Самостийниками же руководили казаки в низких воинских чинах, малоизвестные и с сомнительной репутацией. В отличие от «единонеделимцев» они прямо и открыто заявили о себе как о противниках Российского государства.

Примечания:

- ¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5845. Оп. 1. Д. 4. Л. 102. Приказ по РОВС генерал-лейтенанта А. П. Архангельского. 6 мая 1939, Брюссель.
- ² Там же. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 33. Л. 182. Письмо от 27 нояб. 1940 генерала от кавалерии П. Н. Краснова — Донскому атаману генерал-лейтенанту М. Н. Граббе.
- ³ Там же. Д. 35. Л. 9.
- ⁴ Там же. Л. 10.
- ⁵ Там же. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 21. Л. 284.
- ⁶ Там же. Д. 8. Л. 16; Д. 24. Л. 155–157.
- ⁷ Там же. Д. 4. Л. 52.
- ⁸ Там же. Ф. 6461. Оп. 2. Д. 18. Л. 296.
- ⁹ Там же. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 8. Л. 24.
- ¹⁰ Там же. Ф. 6461. Оп. 2. Д. 34. Л. 73. Письмо полковнику С. Н. Краснову.
- ¹¹ Там же. Д. 3. Л. 54.
- ¹² Там же. Д. 18. Л. 274.
- ¹³ Там же. Д. 34. Л. 137.
- ¹⁴ Там же. Л. 111–112.
- ¹⁵ Там же. Д. 33. Л. 152.
- ¹⁶ Там же. Л. 159.
- ¹⁷ Там же. Л. 160.
- ¹⁸ Там же. Д. 34. Л. 89.
- ¹⁹ Там же. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 4. Л. 186.
- ²⁰ Там же. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 4. Л. 52. Письмо от 11 авг. 1941 Генерального штаба генерал-майора М. М. Зинкевича — членам Галлиполийского Союза в Праге.
- ²¹ Там же. Ф. 6461. Оп. 2. Д. 34. Л. 113.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 5. Л. 212. Письмо от 11 июля 1941 генерала от кавалерии П. Н. Краснова — генерал-лейтенанту Е. И. Балабину.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. Л. 223. Из письма от 22 июля 1941 генерал-лейтенанта Е. И. Балабина станичникам.
- ²⁸ Там же. Л. 227.
- ²⁹ Там же. Ф. 5762. Оп. 1. Д. 2. Л. 8. Распоряжение представителя ОКНОД в Болгарии И. М. Евсикова. София, 12 июля 1941.
- ³⁰ Там же. Л. 11.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. Л. 14. Информационный Бюллетень Центрального Правления Союза Казаков в Болгарии № 8/20. Протокол № 8.
- ³³ Там же. Л. 15; Д. 5. Л. 249.
- ³⁴ Там же. Д. 2. Л. 30.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. Л. 31–32.
- ³⁷ Там же. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 4. Л. 71–74; Там же. Д. 5. Л. 24, 189, 203–204.
- ³⁸ См. например: Там же. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 4. Л. 52. Письмо от 11 авг. 1941 Генерального штаба генерал-майора М. М. Зинкевича — членам Галлиполийского союза в Праге; Ф. 6461. Оп. 2. Д. 35. Л. 23. Информация Управления III Отдела РОВС в Болгарии; Военный журналист (Белград). 1940. 15 янв. № 8. С. 4–5.

К. П. Обозный

Псковская Православная Миссия: трагедия и подвиг. К 70-летнему юбилею создания Миссии митрополитом Сергием (Воскресенским)

*«Простер Господь надо мной Свою руку — и унес меня Духом Своим и опустил
посреди долины. И была та долина полна костей. Он стал водить меня
вокруг костей — их было несметное множество в той долине, и были они
совершенно сухими. Он сказал мне:
— Человек! Могут ли эти кости ожить?
Я ответил:
— Господи Боже! Это знаешь Ты один!
Он сказал мне:
— Произнеси пророчество этим костям,
скажи им: “Кости сухие! Слушайте слово Господне!”
Так говорил Господь этим костям: Я вложу в вас дух, и вы оживете.
Я прикрепляю к вам сухожилия, наращу мясо и покрою вас кожей.
Я дам вам дух, и вы оживете. И тогда уразумеете вы, что Я — Господь».*
(Книга пророка Иезекииля 37: 1-6).

Осенью 2011 года минуло ровно 70 лет с тех пор, как на Псковскую землю, занятую войсками Вермахта, прибыла группа православных миссионеров из Прибалтийского экзархата для того, чтобы помочь местному мирному населению в деле возрождения церковной жизни. Сегодня эта драматическая история и само имя Псковской Миссии становятся не только объектом пристального изучения и неподдельного интереса, но подобно тому, как это было в советские годы, превратились в мишень для необоснованной критики, идеологического шельмования. В каком-то смысле тема, связанная с процессами церковного возрождения на оккупированных территориях, сегодня приобретает определяющий и показательный характер. Большинство противников и критиков (в том числе и в церковной среде) Псковской Миссии до сих пор

Обозный Константин Петрович — кандидат исторических наук, магистр богословия, заведующий кафедрой церковно-исторических дисциплин Свято-Филаретовского православно-христианского института (Псков).

остаются в духовной парадигме советского строя и не могут признать, что деятельность миссионеров измеряется прежде всего в духовной евангельской перспективе.

Попытаемся ответить на непростой вопрос: служение миссионеров можно назвать подвигом и победой или здесь более подходит определение трагическое поражение?

Размышлять о значении Псковской Миссии можно в трех измерениях. Во-первых, в историческом контексте, с позиции прошлого времени, времени исторического. Во-вторых, о Псковской Миссии можно говорить с позиции современного восприятия этого вопроса, в том числе усвоения, то есть рецепции опыта Миссии современной православной церковью, нашими соотечественниками в целом. В-третьих, о делах Миссии можно рассуждать в контексте эсхатологическом, то есть в хронологическом пределе земной истории.

Итак, **измерение прошлого**. На сегодняшний день история создания и деятельности Псковской Миссии (Православной Миссии в освобожденных областях России) довольно подробно описана в научной литературе, имеется блок примечательных документов, в том числе принадлежащих немецким ведомствам, где беспристрастно представлены процессы церковного возрождения. Наиболее ценны личные материалы — воспоминания, письма, дневники сотрудников Псковской Миссии, их родственников, непосредственных участников и свидетелей тех событий. Весь этот комплекс документов дает четкое представление о небывалом духовном подъеме на оккупированных территориях, о богатых плодах церковного восстановления после долгих лет советской разрухи и террора.

За год деятельности Псковской Православной Миссии были открыты более 200 храмов, а в начале 1944 года, незадолго до своего закрытия, Миссия обслуживала более 400 церквей на территории современных Псковской, Ленинградской и Новгородской областей. В городе Пскове в конце 1943 года действовали восемь православных храмов, а в июне 1941 года ни в одной из псковских церквей не совершалось богослужение. Происходило не только восстановление церковной структуры и открытие храмов, но и возвращение народа, в том числе детей и молодежи, к вере предков. Действующие церкви переполняли молящиеся, зачастую огромное собрание верующих молилось на паперти и церковном дворе, так как большая часть не вмещалась в храмовом помещении. Священники-миссионеры не жалея сил, а порой и самой жизни совершали служение своему народу, объезжая огромные территории, освящали вновь открывшиеся храмы, совершали богослужения, таинства, неустанно проповедовали слово Божие, наставляя в вере свою паству, укрепляя надежду на Господа — Владыку жизни и Подателя благ.

Благодаря отчетам миссионеров, которые они отправляли в Ригу в Экзаршее управление митрополиту Сергию (Воскресенскому), инициатору и основателю Псковской Миссии, мы можем хоть немного представить условия жизни местного населения, их отклик на проповедь и восстановление церковной жизни, а также напряженный ритм жизни самих миссионеров.

Священник Алексей Ионов с конца августа 1941 года пребывал в городе Острове, что в 50 км от Пскова, и руководил восстановлением церковной жизни в этом округе. В рапорте на имя Экзарха о. Алексей рассказывал о миссионерских буднях: на первой литургии причащалось около 200 человек, после службы священник крестил 90 детей в возрасте от месяца до семи лет. После ремонта и открытия Свято-Троицкого собора в Острове открылось еще больше возможностей для служения — за одной литургией причащалось от 500 до 800 человек, крестить приходилось до 80 младенцев одновременно, совершалось до десяти отпеваний, венчали по три-пять пар одновременно, воскресный день начинался богослужением в семь часов и заканчивался к вечеру¹.

Священник Иоанн Лёгкий отправился на лошадях из Пскова в городок Гдов, этот путь занял у миссионера около двух недель. На протяжении всего пути отец Иоанн делал остановки почти в каждом селе, где сохранился еще храм, совершал богослужения, таинства и требы. Вот короткая выдержка из отчета отца Иоанна: «Служить приходилось обычно с 6 часов утра и до 10 часов вечера. Крестили детей до 16-летнего возраста. Одновременно приводили по 25–30 и даже 100 детей. Обычно причащения после богослужения продолжались дольше, чем само богослужение — причащалось по 500–600 человек». За два с лишним месяца своего служения иерей Иоанн Лёгкий лично крестил 3,5 тыс. детей².

Рижский священник о. Николай Трубецкой совершал миссионерскую поездку по району Порхов — Дно в течение месяца и за это время «провел около 30 богослужений, окрестил около 600 младенцев, провел много отпеваний, как очно, так и заочно»³. Крестьяне встречали миссионеров с радостью и благодарностью, встречали как родных и долгожданных друзей. Протоиерей Георгий Бенигсен в воспоминаниях о деятельности Миссии рисует эпическую по размаху картину возрождения церковной жизни: «Мы делали все, что могли. Открыли сотни приходов, окрестили десятки тысяч некрещеных детей, подростков и взрослых. Открывали церковные приюты, детские сады и приходские школы. Вели огромных размеров катехизацию. Несли проповедь Евангелия в каждый доступный нам уголок. Посильно несли труд социальной помощи. Вели подпольную работу с детьми и молодежью, организуя церковные союзы, содружества, сестричества и братства»⁴.

Действительно, происходящее очень напоминало апостольские времена, о которых мы знаем благодаря книге Деяний апостолов и апостольским посланиям. События, происходившие на оккупированном Северо-Западе России, некоторые исследователи неслучайно назвали вторым крещением Руси⁵. Пожалуй, со времен святой равноапостольной княгини Ольги эти края не переживали столь мощного духовного подъема. Правда, сами сотрудники Псковской Миссии относились к этому как к своему долгу, служению от которого не вправе были отказаться. Ведь избрал их на этот путь Сам Бог. Как вспоминал архимандрит Кирилл (Начис), бывший в те годы псаломщиком и учителем Закона Божьего, ничего особенного они не делали, как обычно совершали богослужения, крестили детей, проповедовали Евангелие, утешали народ: «Что же тут необычного? Служили в храмах. Как сто лет назад служили. Как и сейчас служим. В оккупации были такие же русские люди, как по другую сторону фронта, — и кому-то ведь надо причащать живых, отпевать мертвых <...> И храмы были полны народа, стены едва вмещали. <...> Там было много человеческой боли, и нужно было ее преодолеть»⁶.

Однако за скромностью и смирением миссионеров можно рассмотреть действительно подвиг служения ради ближнего и ради Христа. Почти четверть века на этих землях Церковь была преследуема, самые верные и самоотверженные христиане были уничтожены или высланы в дальние края советской империи. Дети и молодежь выросли и уже успели сформироваться под воздействием разнузданной и пошлой пропаганды коммунистов-безбожников. Такое положение дел требовало от священников особых усилий, связанных с миссией и духовным просвещением.

Были среди местного населения и те, кто не мог найти внутренних сил, чтобы довериться Богу и войти в Церковь. Были и те, кто считал Псковскую Миссию чуждым вражеским учреждением, а потому, по их мнению, ее сотрудники должны быть привлечены к ответственности за нарушение советских законов и якобы пособничество захватчикам. Здесь речь прежде всего идет о партизанских формированиях, руководство которых считало себя полномочными представителями советской власти на оккупированных территориях.

Партизанские организационные «тройки» (оргтройки), занимавшиеся пропагандистской работой среди мирного населения, а также собиравшие по деревням продукты и теплые вещи, обладали судебной и исполнительной властью и считали себя полноправными вершителями судеб жителей оккупированных областей. Под их наблюдением находилась и деятельность «церковников». Как правило, оргтройки формировались из представителей партийно-советских

органов и сотрудников НКВД, что естественным образом отражалось на характере их деятельности, в том числе в отношении Православной Церкви. В этом состоит трагичность ситуации, когда служители Божии, посланники мира и правды в ее высшем проявлении оказывались под прицелом оружия тех, кто называл себя «народными мстителями» и патриотами-освободителями. Священник Алексей Ионов в своих «Записках» с горечью свидетельствует об этом: «Кругом партизаны. Встреча с ними — конец. Им не втолкуешь, что мы проповедуем Христа Распятого. Мы на этой стороне — значит, враги»⁷. Тот же о. Алексей, затрагивая тему отношений с оккупационными властями, подчеркивал, что никаких симпатий к новым хозяевам жизни члены Миссии не питали. Все понимали, что немецкая религиозная политика остается толерантной до тех пор, пока этого требует военная ситуация на Восточном фронте, а потому относились к захватчикам, как к злу, правда, меньшему злу, подразумевая под большим злом сталинский режим⁸.

Итак, трагичность ситуации заключалась в обреченности Псковской Миссии. Как бы ни складывалась ситуация на фронтах, Церковь ожидала одна участь — полное уничтожение или глубокое сущностное изменение, потеря своей сути или, говоря языком евангельским, осоленности, избранности и сужение Ее предназначения до плоской функциональности, нацеленной только на идеологическое обслуживание заказов Кесаря.

Эта трагедия прошла по судьбе каждого священника и миссионера, независимо от того, выехал ли он вместе со своей паствой на Запад в беженском эшелоне или остался на родине и оказался обречен на медленную смерть в сталинских лагерях. Она ярко проявилась в судьбе Патриаршего Экзарха митрополита Сергия (Воскресенского), возглавившего Православную Церковь в Прибалтике накануне войны. Экзарх Сергей — типичный епископ новой советской формации, со всеми достоинствами и недостатками той системы, которая начала формироваться после «Декларации» 1927 года и достигла своей зрелости к концу 1930-х годов. Митрополит Сергей, благодаря своей энергии, дипломатическому таланту, честолюбию стремительно взлетел по карьерной лестнице и к 1941 году стал правой рукой Местоблюстителя Патриаршего престола Сергия (Страгородского) — главы Московской Патриархии и очевидным преемником своего наставника, Сергия «Старшего».

В момент оккупации Риги 1 июля 1941 года Экзарх Сергей, нарушив приказ Кремля, уклонился от эвакуации в советский тыл и продолжал свое епископское дело блюстителя Церкви в новых условиях. Очень быстро митрополит Сергей (Воскресенский) добился у немецких

властей определенного доверия, после чего продолжал свою активную деятельность на благо Церкви. По мнению многих исследователей, главным делом жизни Экзарха было учреждение «Православной Миссии в освобожденных областях России» (хотя сюда можно добавить и сдерживание церковной ситуации от сползания в новый раскол, учреждение богословских курсов в городе Вильно, спасение узников-детей из лагеря Саласпилс, организацию материальной и духовной помощи советским военнопленным). Митрополит Сергей не только сумел убедить немецкие власти, что образование Миссии будет им на руку, но и лично подбирал лучшие миссионерские священнические кадры для отправки в Псков, направлял и корректировал их деятельность, сделав главный акцент прежде всего на просвещении и проповеди Евангелия.

Конечно, без определенной доли компромисса многое из перечисленного не могло состояться, а потому отправлялись из Экзаршего управления в Риге поздравительные телеграммы фюреру Третьего рейха в Берлин, служились благодарственные молебны в дни начала войны, всячески подчеркивалась лояльность по отношению к «освободителям» от большевистского гнета. Для самого Экзарха Сергея такие действия вряд ли служили поводом для сомнений в правильности избранной тактики. Он хорошо усвоил урок своего наставника и по сути олицетворял классического представителя сергианского епископата. Для его сознания компромиссы в отношениях с государственной властью рассматривались как то необходимое, что по евангельской притче следовало отдавать кесарю, при этом не забывая о Божием.

Напомним, что именно в этот момент по другую сторону фронта официальные церковные власти неустанно славилы другого, не менее кровавого и лукавого кесаря. Кстати, в развитие настоящей темы автору хотелось бы привести цитату из выступления Экзарха Сергея, которое он адресовал своей пастве с предупреждением не верить в якобы коренные перемены религиозной политики в Москве, случившиеся в годину военных испытаний:

«Православные люди! Мы призываем вас не поддаваться большевистским наущениям и не верить большевистским посулам! Большевизм есть безбожие и бесчеловечность, насилие и ложь. Такова его неизбывная сущность, его неизменная природа. Таков он был четверть века назад, таков он и теперь. Можно ли думать, что после 25 лет свирепого преследования Церкви большевики вдруг стали Ее поборниками, после 25 лет террористического попрания свободы вдруг стали ее защитниками, после 25 лет рабовладельческого издевательства над Россией вдруг прониклись любовью к ней? Было бы безумием поверить этому — **Сталин не Савл и Павлом не станет**»⁹.

С такой пронзительной речью митрополит Сергей выступил за три недели до своей трагической гибели. До сих пор нам не известны

исполнители террористической акции. Исследователи не единодушны в оценках. Кто-то считает, что смерть Экзарха — на совести немецких спецслужб, другие уверены в том, что убийство митрополита Сергия совершили советские диверсанты или партизаны. Но как бы то ни было, смерть владыки Сергия оказалась одинаково выгодна и для одних, и для других. Поэтому вопрос о конкретных исполнителях теряет свою остроту. Смерть митрополита Сергия, трагический финал его земной жизни, становится убедительным доказательством того очевидного факта, что он был не только фигурой слишком независимой, а следовательно, и неудобной, но главное, что плоды его церковной деятельности и созданной им Псковской Миссии оказались действительно страшны и разрушительны для тоталитаризма, независимо от его цвета. Именно поэтому лучшие миссионеры, оставшиеся на родной земле после отступления войск Вермахта, были арестованы органами контрразведки «СМЕРШ» и осуждены как преступники и предатели.

Вернемся в измерение **настоящего**. Сегодня ситуация с восприятием деятельности Псковской Миссии не менее сложна, чем 70 лет назад. С одной стороны, налицо возрастающий интерес к теме церковного возрождения в годы войны. С другой стороны, все чаще встречаешь попытки стыдливо подогнать тему служения Псковской Миссии под привычный покров советского патриотизма. Особенно любимыми становятся эпизоды помощи партизанам, сборы материальных средств для Красной армии, патриотические просоветские проповеди священнослужителей, сбор разведанных православным духовенством и т. п. При этом авторы таких лубочных сочинений стараются сосредоточить основное внимание именно на подобных эпизодах, придав им гипертрофированное абсолютное значение. Но ведь главное дело Псковской Миссии — это возрождение Церкви Христовой, возвращение русского народа к своим духовным истокам, а благодаря этому и его преобразование и освобождение от страха и зла.

Есть сегодня и такие публицисты, которые открыто и уверенно заявляют о том, что Псковская Православная Миссия стала проектом немецких спецслужб, а церковная деятельность служила лишь ширмой для «разведывательной и предательской деятельности». Такое мнение подчас можно услышать, к сожалению, из уст людей, считающих себя членами Церкви, в том числе занимающих в церковной структуре определенное положение, а значит имеющих особый авторитет в своей среде. Сегодняшние критики Псковской Миссии духовно близки сталинскому режиму, для них остаются пустым звуком такие слова, как *Евангелие*, *миссия*, но особо ценно и значимо служение государству и кесарю... Они единодушны с теми, кто гнал Церковь Христову и осуждал христиан на смерть (в том числе в 1944–1945 годах на территориях,

освобожденных от оккупантов). Вновь, как в годы «штурма небес», праведники и подвижники, исповедники и мученики лишены своего доброго имени, а добрая память о них подменяется постсоветской мифологией. В ответ на такие «обличения» один из членов Миссии написал следующие слова:

«Наша жизнь и работа при немецкой оккупации были непрерывной борьбой с немцами за душу русского человека, за наше право служить этой душе, служить нашему родному народу, из-под ига попавшему под иго другое. Сегодня нашу борьбу хотят изобразить как сотрудничество с фашистами. Бог судья тем, кто хочет запятнать наше святое и светлое дело, за которое одни из наших работников, в том числе священники и епископы, погибли от пуль большевистских агентов, других арестовывало и убивало гитлеровское Гестапо»¹⁰.

Эта ситуация неудивительна, Церковь Христова в мире всегда будет чужой, всегда будет гонима и неудобна, как соль, посыпанная на раны. В недавние времена было хорошей приметой, если кого-то поносят и называют врагом советского народа, значит — это честный и добрый человек.

Наша современная трагедия заключается в том, что общество и Церковь (как институт) не восприняли плодов церковного возрождения и не готовы в своем большинстве к рецепции опыта Псковской Православной Миссии (а ведь в рамках деятельности Псковской Миссии впервые происходило творческое восприятие духовного опыта Русского Зарубежья, прежде всего использование миссионерского опыта РСХД, а также впервые появилась возможность открытого воплощения в церковной жизни определений Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов). Этот печальный факт свидетельствует об определенном кризисе христианского сознания, когда живая вера подменяется идеологией, когда форма довлеет над смыслом, когда ради временного и второстепенного готовы забыть «единое на потребу».

Итак, подводя итоги деятельности Псковской Миссии в год 70-летия ее учреждения и начала служения, можно сказать, что подвиг ее служителей окрашен в трагические тона непонимания, отчужденности и даже враждебности со стороны немалой части современных россиян, научного сообщества и РПЦ МП.

Пришла пора сказать о самом, может быть, главном и одновременно сложном. Обратимся к **эсхатологической перспективе**, которая открывается через призму приобщения к истории церковного возрождения.

Весь XX век пронизан ощущением надвигающейся катастрофы. Дыхание апокалипсиса коснулось человечества уже в годы Первой мировой войны. Однако это была лишь прелюдия к тому потрясению, которое грянуло в сентябре 1939 года.

Военные кровопролитные действия между двумя великими цитаделями зла СССР и Германией, голод, эпидемии, разрушение устоявшихся экономических, политических, социальных, национальных, культурных, нравственных основ, все это — явные признаки приближающегося конца истории, финала человеческой цивилизации. Именно в таких условиях приходилось трудиться членам Псковской Миссии — никто не мог дать твердых гарантий в завтрашнем дне: бомбардировки советской авиации, нападение партизан, шальная пуля, смертельная болезнь (вы вспышки эпидемии тифа и холеры на оккупированных территориях не были редкостью). И в то же время многие члены Миссии, верующие миряне, дети и молодежь из числа воспитанников церковных школ и христианских кружков единодушно отмечали это время как самое радостное и важное в их жизни. Протопресвитер Алексей Ионов замечательно восклицал: «Лучшее время моего пастырства — время, проведенное в Псковской Миссии, хотя внешне она протекала в самой суровой обстановке»¹¹.

Существенно отличается восприятие последних времен у людей обычных, не просвещенных Светом Христовой истины, от того образа дня Господня и Всеобщего воскресения, которым живут и о приближении которого молятся подлинные христиане. Многие священники-миссионеры и миряне-жители оккупированных территорий в открывающихся возможностях возрождения церковной жизни увидели свет грядущего Царства. Многие люди впервые обрели живую личную веру, встретили Христа. Именно явление Христа-Мессии становится ярким и основным признаком наступающего Царства Небесного и окончания мира, лежащего во зле. Приобщиться к вечному Свету, стать участником Брачного Пира можно, лишь пройдя путь испытания, отверженности и поношения, сохраняя бодрость духа и трезвенность. Этому нас учит опыт Псковской Православной Миссии, когда подвиг и трагедия неразрывно связаны. Трагичен образ Христа, трагично христианство, трагичен путь святых. Но без этой жертвы и умаления не будет Воскресения и торжества Правды.

Еще один признак эсхатологичности происходящего в 1941–1944 годах на территориях, подведомственных Псковской Миссии, — это универсальность христианской проповеди. Слово Божие открывалось каждому, миссионеры не делили народ на «своих» и «чужих». Миссионеры проповедовали Евангелие каждому: простому крестьянину и интеллигенту, вчерашнему комсомольцу и партизану, старику и подростку, немецкому солдату или военнопленному красноармейцу. В этой универсальности не только воспоминание первоапостольских времен, но и отблеск славы грядущего Мессии. Вновь обратимся к воспоминаниям о. Георгия Бенигсена: «Мы уже давно видели надвигавшийся крах Германии, но нас это не касалось. Мы отовсюду уходили последними,

делая до конца свое дело с неослабевающей упорностью, зная, что наше дело — дело Христовой победы»¹².

В послевоенные годы члены Псковской Миссии оказались распылены буквально по всему свету, где только жили христиане, где только они могли продолжить свое служение, проповедовать Евангелие — в лагерях «ди-пи» в Западной Европе, в православных приходах Северной и Южной Америки, в СССР в сталинских лагерях, в уцелевших православных храмах в Прибалтике, Псковской и Ленинградской епархиях, везде сохраняя верность Христу и ближнему, неизбежно приближая наступление Царствия Божьего.

Послесловие

«5. Христиане не различаются от прочих людей ни страной, ни языком, ни житейскими обычаями. Они не населяют где либо особенных городов, не употребляют какого либо необыкновенного наречия, и ведут жизнь ни чем не отличную от других. Только их учение не есть плод мысли или изобретение людей ищущих новизны; они не привержены к какому либо учению человеческого как другие. Но обитая в эллинских и варварских городах, где кому досталось, и, следуя обычаям тех жителей в одежде, в пище и во всем прочем, они представляют удивительный и поистине невероятный образ жизни. Живут они в своем отечестве, но как пришельцы; имеют участие во всем, как граждане, и все терпят как чужестранцы. Для них всякая чужая страна есть отечество, и всякое отечество — чужая страна. Находятся на земле, но суть граждане небесные.

6. Словом сказать: что в теле душа, то в мире христиане»¹³.

Примечания:

¹ Алексеев В. И., Ставру Ф. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение (Нью-Йорк — Москва — Париж). 1980. № 11. С. 94.

² Ионов Алексей, прот. Записки миссионера // По стопам Христа (Бёркли). 1955. № 52. С. 15.

³ Алексеев В. И., Ставру Ф. Указ. соч. // Русское Возрождение. 1981. № 14. С. 149.

⁴ Бывший Архив КГБ Латвийской ССР. Д. 42707. Л. 19.

⁵ Бенигсен Георгий, прот. Христос Победитель // Вестник РХД (Париж). 1993. № 168. С. 138.

⁶ Кирилл (Начис), архим. Было много боли, и надо было ее преодолеть // Морская газета (СПб.). 2002. 17 авг. С. 21; Он же. Псковская Миссия // Православная Русь (Джорданвилл). 1999. № 3. С. 8.

⁷ Ионов Алексей, прот. Указ. соч. С. 15.

⁸ Там же. 1954. № 50. С. 12.

⁹ Цит. по: Воззвание Архиерейского совещания в Риге под председательством митрополита Сергия // Русский Вестник (Рига). 1944. 8 апр. № 42 (66).

¹⁰ Бенигсен Георгий, прот. Указ. соч. С. 134.

¹¹ Ионов Алексей, прот. Указ. соч. С. 15.

¹² Бенигсен Георгий, прот. Указ. соч. С. 138.

¹³ Послание к Диогнету // Ранние отцы Церкви. Брюссель, 1988. С. 595.

О. И. Нуждин

Советские генералы в плену: моральный аспект проблемы

В настоящее время наиболее распространенной цифрой, отражающей количество советских генералов, оказавшихся в плену в годы Великой Отечественной войны, остается цифра 83 человека. Она приводится на основании подсчетов, приведенных Ф. Д. Свердловым в его книге «Советские генералы в плену», изданной в 1999 году¹. На сегодняшний день эти данные, к сожалению, уже можно считать не только неточными, но и устаревшими.

Если внимательно просмотреть приведенную Ф. Д. Свердловым статистику, то можно сразу сделать несколько существенных замечаний. Прежде всего, хотя книга посвящена советским генералам, в списке приведенных автором по званиям военнопленных присутствуют четыре комбрига, один бригадный военврач, один корпусный комиссар и один бригадный комиссар, которые формально генералами не были, и относить их к генеральскому составу нет оснований. Кроме того, в названном списке есть два командира, которые на момент их пленения не носили генеральских званий, а были полковниками — И. А. Ласкин² и М. Б. Салихов³. Следовательно, всего Ф. Д. Свердлов выявил 74 плененных советских командира, носивших звание «генерал».

Но и эта цифра не может считаться конечной и нуждается в уточнении. На основании современных публикаций, а также поступивших в научный оборот документов можно утверждать, что в список оказавшихся в плену советских генералов нужно включить А. В. Бондовского⁴, М. П. Константинова, И. А. Копяка, П. С. Иванова, В. К. Максимова⁵, В. А. Копцова⁶, Г. А. Фёдорова⁷, Н. Д. Гольцева, Н. М. Шестопалова, также, возможно, В. А. Хоменко и С. А. Бобкова⁸, а также П. Ф. Алферьева, про которого в немецком документе сказано, что он был убит при попытке к бегству⁹. И нельзя забывать, что в 1942 году оказался в плену командир корпуса полковник М. М. Шаповалов, которому 1 октября 1942 года в Советском Союзе было присвоено звание генерал-майора. В таком случае, список следует увеличить на 13 фамилий.

Нуждин Олег Игоревич — кандидат исторических наук, доцент Уральского государственного университета им. М. Горького (Екатеринбург).

Особенностью Красной армии к началу Великой Отечественной войны было большое разнообразие званий для разных категорий командно-начальствующего и политического состава. Поэтому наряду с генеральским званием можно встретить комдивов и комбригов, дивизионных и бригадных комиссаров, бригадных военврачей и военюристов. Формально они, конечно же, генералами не были, но относились к категории высшего состава. Если пользоваться методикой Свердловя и учитывать названные категории при подсчете военнопленных, то список нужно будет увеличивать еще значительно. В числе пленных упоминают также генерал-майора О. Г. Гроссбартса¹⁰.

Так, есть сведения о нахождении в плену комдивов А. Д. Соколова и Калинина, комбригов Б. М. Дворкина, А. Н. Севастьянова*, Н. И. Митрофанова, А. Н. Рыжкова, С. А. Харитонова, И. И. Щербакова. К ним следует добавить дивизионных комиссаров Н. И. Иванова, С. П. Николаева, К. Г. Руденко, Е. П. Рыкова, А. М. Шустина, бригадных комиссаров М. Д. Аверина, А. Н. Антропова, К. В. Герасименко, Д. Г. Каменева, И. П. Куликова, С. М. Липпа, М. П. Макарова, И. Н. Моторного, Н. И. Толкачёва, А. Д. Хацкевича, Б. И. Шеффера, П. Н. Якимова, бригадного военврача В. А. Смирнова, бригадного ветеринарного врача Н. М. Говорова и бригадных военюристов И. А. Ваганова, В. П. Иванова и П. Е. Ищенко. К ним можно добавить не менее двух майоров государственной безопасности — Н. И. Калугина и П. В. Чистова. Но и этот список, без сомнения, еще нуждается в уточнении.

Если подвести итоги вышесказанному, то получается следующая картина. За годы войны побывали во вражеском плену:

- 88 генералов
- 2 комдива
- 10 комбригов
- 1 корпусный комиссар
- 5 дивизионных комиссаров
- 13 бригадных комиссаров
- 2 бригадных военврача
- 1 бригадный ветврач

* Штабс-капитан русской службы (на 1917) Андрей Никитич Севастьянов (1887–1947) в июле 1941 вступил в Московскую армию народного ополчения и был причислен к начальствующему составу с направлением в штаб МВО аттестационных документов на присвоение звания «капитан». Однако аттестации до пленения не прошел и перебежал на сторону противника, имея в петлицах по одному «ромбу» комбрига. По словам самого Севастьянова, занимавшего должность начальника артиллерии 266-й стрелковой дивизии 21-й армии Юго-Западного фронта, знаки различия комбрига он носил по приказу начальника артиллерии 21-й армии генерал-майора артиллерии Н. С. Фомина. Подробнее, см.: *Александров К. М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова 1944–1945. Биографический справочник. М., 2009. С. 756.

- 3 бригадных военюриста
- 2 майора госбезопасности.

Всего, таким образом, 127 человек, принадлежавших к высшему командно-начальствующему и политическому составу Красной армии. Большинство из них попали в плен в условиях окружения.

По неполным подсчетам только за 1941 год в окружениях побывали не менее 178 генералов, из них один маршал Советского Союза, два генерал-полковника, 15 генерал-лейтенантов и 160 генерал-майоров. Выйти к своим через линию фронта смогли только 80, остальные или погибли, или пропали без вести, или попали в плен. Первыми пленными генералами стали Б. С. Рихтер и Н. М. Шестопалов, попавшие в плен 28 июня 1941 года, последним — В. К. Максимов, захваченный тяжело раненным 25 апреля 1945 года.

В предлагаемой статье сделана попытка при помощи показаний советских генералов, попавших в плен в 1941 году, объяснить их поступки, показать, какими они видели перспективы войны и как оценивали военно-политическую ситуацию в Советском Союзе. Протоколы допросов как исторический источник любопытны тем, что военнопленные заранее к ответам на вопросы не готовились, они ни с кем их еще не обсуждали, поэтому есть основания полагать, что сказанное ими — плод их собственных размышлений. Также следует отметить, что пленным еще не был известен исход войны. Поэтому перед нами объективное изложение размышлений и рассуждений высокопоставленных командиров, только что переживших трагедию разгрома своих частей и соединений.

К сожалению, в документах содержится немного объяснений со стороны генералов, почему они сдались в плен. Немцев такие детали практически не интересовали. Напротив, советские следственные органы задавали подобные вопросы каждому, но в распоряжении исследователей материалы фильтрационных или архивно-следственных дел советских генералов имеются в крайне незначительном количестве.

Так, например, бывший командир 128-й стрелковой дивизии генерал-майор А. С. Зотов заявил во время спецпроверки на допросе 29 июля 1945 года:

«После того, как я растерял части своей дивизии, с группой штабных работников направился в юго-восточном направлении, имея в виду перейти Неман и впоследствии соединиться с основными силами советских войск <...> Со мной оказались: комиссар дивизии — полковой комиссар Бердников, начальник артиллерии дивизии полковник Минин, лейтенанты Балалькин, Попов и еще несколько человек... 29 июля [правильно: июня. — О. Н.] 1941 года мы подошли к шоссе Минск — Радошковичи и в течение двух суток пытались пересечь его, но нам это не удавалось, так как по шоссе непрерывно двигались немецкие войска. Не имея возможности укрыться и учитывая бесцельность сопротивления, я и мои спутники сдались в плен»¹¹.

Сходное объяснение дал и бывший командир 43-й стрелковой дивизии генерал-майор В. В. Кирпичников.

В момент прорыва окружавшие его «бойцы и командиры штаба разбежались. Я двигался со своим адъютантом лейтенантом Климановым. В этот момент в непосредственной близости от нас взорвалась мина, в результате чего я был легко ранен и вследствие контузии потерял сознание. Очнувшись через некоторое время, я увидел, что лежу засыпанный землей, рядом со мной находится тяжело раненный адъютант. Я попытался подняться, но не смог этого сделать ввиду сильной контузии. Здесь же я впал в забытие и пришел в себя, услышав голоса. Ко мне подошел инструктор политотдела старший политрук дивизии Старошук, он попытался оказать мне и моему адъютанту помощь, но не смог ничего сделать и пошел за людьми. Больше я его не видел. Вскоре после его ухода я услышал пистолетный выстрел и увидел, что мой адъютант покончил жизнь самоубийством. Убедившись, что помощи ждать неоткуда, я снял ордена, вынул из кармана бумажник с документами и спрятал все под мох и камни около меня. Тут же я вторично потерял сознание и пришел в себя, услышав рядом человеческие голоса. Как оказалось, ко мне подошли несколько финских солдат, которые подняли меня и доставили, по-видимому, в какой-то штаб»¹².

Похожее решение принял и командир 27-го стрелкового корпуса генерал-майор П. Д. Артеменко. С ним осталась небольшая группа командиров и среди них начальник отдела боевой подготовки полковник Н. А. Никитин, корпусной интендант майор Д. В. Терпугов, сын комкора лейтенант Михаил Артеменко, несколько бойцов и медицинских сестер. Как рассказал впоследствии полковник Никитин, в тот день генерал Артеменко обратился к подчиненным со словами: «Да, сопротивление бесполезно, сил для прорыва у нас нет. Я сожалею, что не капитулировал, когда были войска. Мы напрасно пролили много крови, и мне никто тогда эту мысль не подсказал. Если теперь добровольно сдадимся, то наша жизнь будет спасена»¹³. Но даже приняв такое решение, которое, кстати, не вызвало возмущения оставшихся, Артеменко все-таки продолжил вывод своих подчиненных из окружения. Утром 27 сентября они вышли к селу Семёновка и спрятались в тростнике на берегу реки Трубеж, готовясь ночью переплыть на противоположную сторону. Но в этот момент группу обнаружили немцы и блокировали окруженцев. Через несколько минут отец и сын Артеменко, а также сопровождавшие их бойцы и командиры сдались в плен.

Бывший командующий войсками 6-й армии генерал-майор П. Г. Пономин на допросе в 1946 году в органах госбезопасности так изложил следователю майору Путинцеву обстоятельства своего пленения: «К моменту попадания в плен с генералом Кирилловым, его адъютантом, младшим лейтенантом Костелевым, бригадным комиссаром Липа, считая положение безнадежным, вся группа, в том числе и я, личное

оружие не применили и без сопротивления сдались немцам в плен»¹⁴. Чуть позже генерал привел несколько подробностей, уточнявших картину: «Роща, в которой я оказался, была окружена немцами и, не имея возможности сопротивляться, так как не было боеприпасов, я сдался в плен немцам»¹⁵.

Поражения и вызванная ими деморализация стали одной из наиболее частых психологических причин сдачи в плен. Под их влияние попадали даже комиссары, считавшиеся наиболее идейной частью командных кадров. Так, например, бывший военком 109-й стрелковой дивизии бригадный комиссар А. Д. Хацкевич свою сдачу в плену объяснил тем, что после падения Севастополя он взглянул на все иными глазами и теперь уверовал в немецкую победу¹⁶.

Из-за скудности данных и сравнительных сведений о настроениях среди военнослужащих Красной армии приведем здесь слова красноармейца 89-го кавалерийского полка 54-й кавалерийской дивизии Я. Г. Миндалева. На вопрос, почему он сдался в плен, зная о том, что русский боец (красноармеец) в плен не сдается, допрашиваемый ответил так: «Сдался в плен потому, что сдачей в плен думал сохранить себе жизнь». Далее между ним и следователем завязался диалог. Последовал вопрос: «Значит, вы думали, находясь на фронте, только о сохранении своей жизни, забыв интересы родины?» Ответ: «Находясь на фронте, я участвовал в боях долгое время, не забывая интересы родины, и сдался в плен в сложившихся обстоятельствах при невозможности избежать плена»¹⁷.

Очень правильно сказал по этому поводу генерал-майор М. Т. Романов, отличившийся во время обороны Могилёва в должности командира 172-й стрелковой дивизии. Когда немцы его спросили, почему он, даже будучи тяжело раненным, не сдался в плен, генерал ответил вопросом на вопрос: «А вы бы как офицер сдались бы?»¹⁸ Ему вторил и бывший командующий войсками 6-й армии генерал-лейтенант И. Н. Музыченко. На заданный немцами вопрос, почему не произошло сдачи раньше, поскольку дальнейшее сопротивление выглядело бессмысленным, он дал такой ответ: «Вы сами солдат. До тех пор пока сохраняется хоть малейшая возможность вырваться, ее нужно использовать, даже если каждая попытка будет сопряжена с большими потерями»¹⁹. Иными словами, по мнению советских генералов, военная мораль не позволяла им помышлять о плене, пока не были исчерпаны все возможности для сопротивления и спасения подчиненных войск.

Более того, некоторые генералы, не желая оказаться в плену, предпочитали добровольно уйти из жизни. Известно, что покончили жизнь самоубийством, чтобы избежать пленения, командующий войсками 57-й армии генерал-лейтенант К. П. Подлас и начальник его штаба генерал-майор А. Ф. Анисов²⁰, командующий 33-й армией генерал-лейтенант

М. Г. Ефремов²¹, пытался застрелиться начальник артиллерии 16-й армии генерал-майор И. П. Прохоров²². Но таких людей среди высшего комсостава оказалось меньшинство.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что в годы Великой Отечественной войны в Красной армии не оказалось ни одного генерала, который добровольно перешел бы через линию фронта и сдался бы врагу. Свообразным исключением стал М. М. Шаповалов, который будучи в должности командира стрелкового корпуса перешел на сторону немцев в августе 1942 года. Но, следует отметить, на момент совершения им своего проступка он находился в звании полковника, а не генерала. Иногда в качестве перебежчика называют начальника штаба 6-го стрелкового корпуса генерал-майора Б. С. Рихтера. Но и он попал в плен во время боя, поэтому в немецких документах по его поводу отсутствует традиционная в таких случаях пометка «перешел добровольно»²³. Поэтому на настоящий момент нет причин причислять его к перебежчикам.

Из сказанного можно сделать вывод, что советские генералы сдавались в плен, как правило, тогда, когда исчезали возможности к сопротивлению. Но в любом случае, плен рассматривался советскими генералами как позор и в первую очередь потому, что он становился неизбежным следствием поражения. Плен воспринимался как олицетворение того, что проводимые ими операции закончились провалом, и войска, которыми они командовали, разбиты. Поэтому, как отмечали и сами немцы, пленные генералы глубоко переживали факт своего пленения, находились в удрученном и подавленном состоянии.

Плен вызывал страх и подавленность еще и потому, что мог послужить основанием для репрессий в отношении как самих военнопленных в случае их возвращения на родину, так и в отношении родных. Так, бывший командир 196-й стрелковой дивизии генерал-майор К. Е. Куликов показал на допросе следующее: «Если царский офицер попадал в плен, он получал вознаграждение, а сейчас — наоборот». Как показала история, приключившаяся с двумя командирами его собственной дивизии, которые вернулись в часть после плена, наказание их ожидало жестокое. Оба они получили по 10 лет «за нахождение на территории противника». Такая судебная практика угнетала генерала, по этому поводу он резюмировал: «То, что сейчас происходит — безумие»²⁴. Куликов пребывал в уверенности, что после возвращения из плена он непременно будет осужден, с ним поступят так же, как с теми двумя командирами²⁵.

Хорошо известно, что очень многие командиры, в том числе и генералы, во время выхода из окружения и следования к линии фронта переодевались в гражданское платье. Так поступили, в частности, маршал Г. И. Кулик, генерал-лейтенанты Д. М. Карбышев и Ф. А. Астахов, генерал-майоры А. Г. Потатурчев, П. И. Абрамидзе, К. С. Москаленко,

А. З. Наумов, С. П. Сахнов, Г. И. Тхор и другие. Многие командиры скрывали в окружении и далее в плену свою принадлежность к командному составу. По словам участника войны А. П. Челидзе, подобное поведение некоторых советских командиров вызывало непонимание и неприязнь со стороны немцев. «Почему немцы к советским офицерам плохо относились? Какое отношение... офицера к офицеру, когда вас поймали в солдатской гимнастерке, и вы пытались затеряться в солдатской массе. С нашей точки зрения, может быть, это правильно, но с точки зрения немецкого офицера — страшное падение. Ты прячешься за спину солдата, когда солдат должен стоять за твоей спиной»*. Многие командиры вплоть до генерала включительно поступали таким образом из страха попасть в плен и быть там опознанным в качестве командира. Очень многие из советских военнопленных признавались: они были уверены, что их непременно расстреляют, если узнают, какое у них звание. И тот факт, что никто их расстреливать не собирался, вызывал у них явное облегчение.

Весьма примечательным, но труднообъяснимым обстоятельством мы можем назвать тот факт, что подавляющее большинство оказавшихся в плену советских командиров довольно охотно рассказывали о составе и численности своих войск, поставленных перед ними задачах и методах их достижения, давали сравнительную характеристику тактики действий советских и немецких войск. Такое поведение удивительно, поскольку существовал приказ наркома обороны от 4 сентября 1939 года, который относил любые данные о группировке, действиях, состоянии и задачах войск к категории военной тайны²⁶. Не зная об этом приказе военнопленные не могли по долгу службы и, следовательно, нарушали его вполне сознательно.

Найти объяснение такому поведению советских командиров на допросах непросто по причине почти полного отсутствия фактических сведений. В нашем распоряжении имеются отрывочные данные, такие как, например, показания генерал-майора В. В. Кирпичникова на допросах после возвращения из финского плена. На вопрос следователя: «Что побудило вас совершить это предательство?», генерал ответил: «Попад в плен, я был морально подавлен и, потеряв веру в боеспособность Красной Армии, полагал, что победа будет на стороне Германии и Финляндии. Исходя из этого появившегося у меня пораженческого настроения в собственноручно [написанном] мною докладе я начал возводить клевету на советскую власть и Красную Армию, надеясь таким образом расположить к себе белофиннов и, сохранив жизнь, обеспечить себе более или менее привилегированное положение в плену»²⁷.

* Здесь, правда, необходимо отметить и то обстоятельство, что рядовые бойцы нередко выдавали в плену своих командиров, не говоря уже о политработниках. — *Прим. ред.*

У некоторых генералов стремление дать максимально точные показания доходило до крайности. Немцы отмечали на страницах допроса генерал-майора А. Г. Потатурчева: «Было интересно наблюдать, насколько педантично он изображал» схему структуры своей [танковой] дивизии²⁸. Неизвестно, какие обстоятельства заставляли остальных советских генералов и других командиров давать пространные показания по численности, составу и задачам войск, но попытки по отношению к ним немцами не применялись. Лишь немногие отказались давать соответствующие показания. Среди них — бывший командующий войсками 19-й армии генерал-лейтенант М. Ф. Лукин*. Давал путанные ответы генерал-лейтенант Д. М. Карбышев, но было ли это сделано с целью умышленного сокрытия сведений или по иной причине, сказать на основании имеющихся данных пока невозможно.

Немцев, особенно ближе к осени 1941 года, стал интересовать вопрос о возможности переворота в Советском Союзе и свержения сталинского правительства. Они задавали соответствующие вопросы генералам и другим командирам, стараясь прояснить для себя особенности политической ситуации в стране. Пленные советские генералы по-разному оценивали возможности сопротивления сталинскому режиму в России и будущее страны.

По мнению генерал-майора К. Е. Куликова, смена большевистского режима выглядела вполне возможной. Если бы она произошла, то наиболее перспективной фигурой, способной возглавить новое правительство, стала бы кандидатура маршала Б. М. Шапошникова. Этот командир был любим армией и смог бы сформировать правительство²⁹. Иной точки зрения придерживался бывший командир 44-й горно-стрелковой дивизии генерал-майор С. А. Ткаченко. Он полагал, что лучшей кандидатурой на пост главы правительства будет маршал Г. И. Кулик³⁰.

Более пространно по поводу возможностей сопротивления высказался бывший командующий войсками 5-й армии генерал-майор М. И. Потапов. Он соглашался с тезисом, что оппозиция советскому режиму существует, указывая, что любому режиму оппозиция всегда есть и будет. Но в Советском Союзе она неорганизована и не имеет политического веса. Оппозиционеры в своих взглядах поверхностны, ограничены кругом повседневных проблем и не в состоянии предложить какие-либо существенные перемены³¹.

* Генерал-лейтенант М. Ф. Лукин в ходе допроса сотрудниками отдела Ис штаба группы армий «Центр» 14 декабря 1941 сообщил сведения о количестве новых стрелковых дивизий, сформированных в тылу с сентября 1941, а также о ежесуточном производстве танков и самолетов в СССР. См.: Протокол допроса генерал-лейтенанта Лукина Михаила Федоровича, командующего 19-й, 32-й, 20-й и 24-й армиями Западного фронта (октябрь 1941), 14 дек. 1941 / Публ. доктора И. Хоффманна // Новый Часовой (СПб.). 1994. № 2. С. 174.

Еще более категорично выразился по этому поводу генерал-майор М. Т. Романов. Допрашивавший его немецкий офицер записал в протокол такие слова: в революцию в России в случае поражения он [Романов] не верит³². Похожей точки зрения придерживался и бывший командир 27-го стрелкового корпуса генерал-майор П. Д. Артеменко. По его словам, пока существует охранительная система, свержение большевизма изнутри невозможно³³.

Сходного мнения придерживался и бывший командир 4-й танковой дивизии генерал-майор А. Г. Потатурчев. Отвечая на вопрос, возможна ли революция в России, он весьма категорично отверг такую вероятность. В Советском Союзе нет партии, способной взять власть в свои руки, оппозиционные партии давно уничтожены режимом. Отсутствует и вождь, а любая попытка совершить переворот ничем не закончится, повсюду царят страх, ужас и недоверие³⁴.

Таким образом, на основании показаний большинства пленных генералов можно говорить о том, что в их представлении внутренний революционный взрыв в условиях существовавшей в то время репрессивной системы представлялся невозможным. Свергнуть власть И. В. Сталина и его правительство можно было лишь извне или, как намекали некоторые генералы, путем военного переворота. В таком случае власть перешла бы к кому-либо из наиболее авторитетных и поддерживаемых армией генералов или маршалов. Возможно, именно по этой причине немцы так интересовались последствиями для армии раскрытия заговора М. Н. Тухачевского.

Но пленные порой выступали с оригинальными предложениями, реализация которых, по их мнению, могла иметь важные последствия для всего хода военных действий на Восточном фронте. Так, генерал Артеменко полагал, что в корне изменить как военную, так и политическую ситуацию может провозглашение немцами русского национального правительства. Но при этом правительство Рейха должно отказаться от мыслей о расчленении России, например, за счет Украины. Возможно предоставление национальным окраинам широкой автономии, но не их отделение. Такое новое правительство может стать союзником Рейха и помочь ему своими вооруженными силами³⁵. Он также считал, что никакие поражения не приведут к свержению правительства Сталина изнутри. Для этого необходимо собрать русских людей, которые способны создать новое правительство, и опираться при этом нужно на командный состав Красной армии³⁶. Начальник артиллерии 266-й стрелковой дивизии комбриг А. Н. Севастьянов рекомендовал немцам немедленно создать из военнопленных русскую армию³⁷.

В оценках положения на фронте генералы не были едины. Некоторые полагали, что война проиграна, другие, что еще нет.

Генерал-лейтенант И. Н. Музыченко категорически заявлял: «Россия готова к очень длительной войне. Россия не Франция, которая была разбита за тридцать дней. Все жизненно важные и важные в военном отношении предприятия эвакуированы за Урал. Это особенно имеет значение уже для Донецкого бассейна. Поэтому даже занятие внутренних русских индустриальных областей не принесет немцам ожидаемого решения <...> Если решается судьба Родины, то народ будет сражаться до последнего, даже в Сибири. Пусть правительство совершило ошибки или даже преступления, пусть режим далек от совершенства, но каждый человек любит свое отечество и всегда готов, несмотря на нанесенные обиды, отдать свою жизнь»³⁸.

Генерал-майор М. И. Потапов также говорил, что русский народ будет защищать свое правительство за Волгой и Уралом³⁹. Армия будет отступать и драться до Урала и за него. И хотя процесс над М. Н. Тухачевским привел к образованию огромных дыр в офицерском корпусе, в настоящее время они восполнены⁴⁰, и армия, следовательно, вполне боеспособна.

Его поддержал бывший сослуживец, начальник артиллерии 5-й армии генерал-майор В. Н. Сотенский. Он высказывался о перспективах войны в еще более категоричных выражениях, чем его начальник. Генерал утверждал, что народ Советского Союза стоит за войну, эта война — война Отечественная, хотя и вынужденная. Народ и страна будут продолжать оказывать сопротивление даже в одиночку⁴¹. Для советского правительства теперь нет иного выбора, кроме победы своей армии над врагом⁴².

И, поясняя свою мысль, генерал Сотенский неожиданно проговорился. По его словам, «армия уверена, что однажды, после достижения победы, она получит перевес над политическим руководством»⁴³. Примечательно, что эти слова были произнесены генералом, которого немцы считали убежденным большевиком. И сказаны они были в контексте отношения армии к процессу Тухачевского. Это позволяет предположить, что даже самые преданные командиры Красной армии были недовольны абсолютным доминированием во всех сферах жизни людей из политического руководства. И одной из целей заговора маршала Тухачевского, возможно, была не смена режима, а изменение сложившейся ситуации в пользу военных за счет высшей партийной номенклатуры.

В целом же генерал Сотенский придерживался прокоммунистических взглядов. По его словам, среди русского народа господствует любовь к отечеству. На вопрос, не происходит ли во время войны смена пролетарского интернационализма национальным мышлением великороссов, ответил, что русский народ состоит в партии родины. Русские видят в коммунизме интернациональную идею. В России она означает

изменение национальной русской идеи и связывает ее через интернационализм с другими государствами. Идея Петра Великого есть русская государственная идея, идея создания государства, армии, флота и «открытого окна» в мир⁴⁴.

Немцы, пораженные, видимо, степенью уверенности генерала в победе своего народа, задали неожиданный вопрос: «Как Вы представляете себе в случае русской победы отношения с Германией?» На него последовал ответ, который им показался уклончивым. Сотенский заявил, что русский народ — народ миролюбивый и в соответствии с русским менталитетом будут установлены дружеские отношения между странами. Как показала история, немецкий народ русскому не является врагом⁴⁵. Этот ответ у немцев, помнивших опыт развития российско-германских отношений в конце XIX века и Первую мировую войну, вызвал недоумение.

В ходе допросов немцы сами старались дать оценку моральному и политическому состоянию советского командирского корпуса и генералам в первую очередь. Они обращали пристальное внимание на детали поведения, в корне отличавшиеся от принятых в Германии.

Так, например, допрашивающий счел необходимым заметить, что генерал-майор М. Т. Романов является несимпатичной личностью, но имеет некоторые манеры при еде⁴⁶. Напротив, у генерал-майора А. Г. Потатурчева отсутствуют выправка и собранность, столь присущие каждому немецкому офицеру⁴⁷. Его способ есть признавался немцами как совершенно невозможный: «Положив обе руки на стол, он хлебает свой суп», — записали они в протокол. Из материалов допроса генерала был сделан глубокий вывод, что общественная жизнь русского офицера отсутствует, она невозможна из-за отсутствия финансовых возможностей⁴⁸. Генерал Потатурчев, по оценкам допрашивавших его немецких офицеров, казался человеком примитивного жизненного уклада. В одежде рабочего он не производил впечатления офицера высокого ранга. Он не уверен в себе, скрытен. Его робость пропадала только тогда, когда с ним обращались вежливо и предупредительно. Весь облик генерала Потатурчева доказывал, что уровень жизни советского командира лишен общественного содержания, а сам он человек из народа, обязанный своим восхождением по службе не столько способностям, сколько энергии и честолюбию⁴⁹.

Есть и более лестные характеристики. Отмечалось, что генерал М. И. Потапов держался с достоинством и отвечал на вопросы сдержанно. Генерал И. Н. Музыченко выглядел, как истинный славянин. «Крупные, неправильные черты лица выдают особенно при живой речи значительную интеллигентность и исключительно здоровый человеческий разум. Беспощадный в решениях, генерал представляет собой

тип большевика, прошедшего кровавую школу, твердого солдата не без стойкости и не без представлений о чести»⁵⁰.

Поражали немцев и условия жизни генералитета, о которых рассказывали военнопленные. По словам Потатурчева, условия жизни даже для генерала очень плохие. Он сам жил в Москве в одной комнате вместе с женой, двумя детьми шестнадцати и семнадцати лет и еще двумя родственниками⁵¹. Для немцев было также удивительно услышать, что советские командиры званием старше капитана не интересуются повседневной жизнью своих подчиненных, их воспитанием занимаются сержанты. Объяснение, что командиры получают слишком мало денег, также показалось странным⁵².

Общее впечатление о пленных: полностью индифферентны к выражению каких-либо политических взглядов. Все интересы направлены на возможно более быстрое получение хлеба и работы.

Сравнительно редко звучал вопрос об отношении генералитета к Церкви. На него генерал Романов ответил следующим образом: офицерский корпус Красной армии в годы советской власти воспитывался антицерковно. Сам он, будучи 1891 года рождения, уже 20 лет не посещал церковь и в том же духе воспитывал своих детей. Официально в СССР Церкви нет, но дома можно молиться частным образом, если хочется⁵³.

Удивительными показались немцам отношения внутри советского комсостава. Так, во время допроса генерал-майора К. Е. Куликова они зафиксировали в виде цитаты угрозу вышестоящего генерала, а именно командира 6-го стрелкового корпуса генерал-майора А. И. Лопатина, применить оружие по отношению к своему подчиненному в случае невыполнения приказа⁵⁴. Немцев такой способ управления войсками удивил настолько, что они привели слова допрашиваемого не только в виде цитаты, но и сделали на полях пометку синим карандашом. Поражала немцев проскальзывавшая порой ненависть одних командиров по отношению к другим. Так, генерал-майор П. И. Абрамидзе называл командующего 6-й армией генерала Музыченко самодуром, человеком, не способным командовать, достойным получения от немцев Железного креста за разгром своей армии⁵⁵. Слова Абрамидзе в дальнейшем попали в сводный отчет, составленный по материалам допросов советских командиров, плененных в битве под Уманью⁵⁶.

Таковыми оказались настроения генералов Красной армии в первые часы и дни после пленения. Примечательно, что большинство из них, даже те, кто полагал, что война проиграна, не верили в возможность завоевания Советского Союза. Но многие полагали, что в ходе войны возникнут необходимые предпосылки или условия для смены правящего на родине режима. К сожалению, их надежды не оправдались.

Примечания:

- ¹ *Свердлов Ф. Д.* Советские генералы в плену. М., 1999. С. 9.
- ² Там же. С. 125–126.
- ³ Там же. С. 151–152. М. Б. Салихов, хотя и начал войну в звании генерал-майора, но решением Военного трибунала был разжалован в полковники.
- ⁴ На земле Беларуси. Канун и начало войны. М., 2006. С. 510.
- ⁵ *Баринев Д. М., Бобров В. М., Денискин Б. А.* Гвардейский Нежинский Кузбасский. Кемерово, 1985. С. 240, 248.
- ⁶ *Абатуров В., Португальский Р.* Харьков — проклятое место Красной Армии. М., 2008. С. 327.
- ⁷ Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). RH. 20-17-278. Abendmeldung des XXXIX. A. K. o. S.
- ⁸ *Бирюзов С. С.* Когда гремели пушки. М., 1961. С. 236–237.
- ⁹ Командование 18-й армии. Отдел 1 С. № 1368/42. 14. 7. 1942. Приложение к: *Захаров В. В.* Сталинская «наука воевать»: генерал А. А. Власов и трагедия 2-й Ударной. (Говорят архивные документы) // Материалы по истории Русского Освободительного Движения 1941–1945 гг. (статьи, документы, воспоминания) / Под общ. ред. А. В. Огорокова. Т. IV (Вып. 4). М., 1999. С. 22.
- ¹⁰ <http://www.generals.dk/general/Grosbarts/Oto/Latvia.html>
- ¹¹ *Гольдберг Р., Петрушин А.* Запрещенные солдаты. Т. II. Кн. 1. Тюмень, 2006. С. 13.
- ¹² *Христофоров В. С.* «Попав в плен, я был морально подавлен» // Военно-исторический журнал (Москва). 2007. № 7. С. 30.
- ¹³ *Егоров В. Е.* Сопротивление войск Юго-Западного фронта под Киевом и на Днепре было яростным!.. // Военно-исторический архив (Москва). 2005. Ноябрь. С. 154.
- ¹⁴ *Лискин Ю. А.* Тайники Великой Отечественной. Командарм Понеделин и другие. М., 2011. С. 364.
- ¹⁵ Там же. С. 370.
- ¹⁶ BA-MA. 20-11-332. S. 1.
- ¹⁷ *Гольдберг Р., Петрушин А.* Указ. соч. Т. I. Кн. 2. С. 243.
- ¹⁸ Vernehmung des russischen Generals Michael Timifjewitsch Romanoff // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1387. Оп. 1. Д. 104. S. 24.
- ¹⁹ BA-MA. RH. 20-17-282. S. 90.
- ²⁰ *Абатуров В., Португальский Р.* Указ. соч. С. 187.
- ²¹ *Мельников В.* Их послал на смерть Жуков? Гибель армии генерала Ефремова. М., 2009. С. 644, 652.
- ²² *Муратов В. В., Городецкая (Лукина) Ю. М.* Командарм Лукин. Киев, 1990. С. 219.
- ²³ BA-MA. 20-17-277. S. 167.
- ²⁴ Vernehmung des Generalmajors Kulikow // РГВА. Ф. 1387. Оп. 1. Д. 103. S. 2.
- ²⁵ Ibidem.
- ²⁶ *Христофоров В. С.* Указ. соч. С. 29.
- ²⁷ Там же. С. 27.
- ²⁸ BA-MA. RH-24-7-141. S. 186.
- ²⁹ Vernehmung des Generalmajors Kulikow. S. 3.
- ³⁰ Vernehmung des Gen. Maj. Tkatschenko // РГВА. Ф. 1387. Оп. 1. Д. 103. S. 23.
- ³¹ Vernehmung des gefangenen Oberbefehlhabers des 5. russ. Armee Generalmajor Potapow // Там же. Ф. 1387. Оп. 1. Д. 104. S. 21.
- ³² Vernehmung des russischen Generals Michael Timifjewitsch Romanoff. S. 24.
- ³³ Protokoll der Vernehmung des Gen. Majors Artemenko // РГВА Ф. 1387. Оп. 1. Д. 104. S. 39.
- ³⁴ BA-MA. 24-7-141. S. 190.
- ³⁵ Protokoll der Vernehmung des Gen. Majors Artemenko. S. 39.
- ³⁶ BA-MA. 24-51-57. S. 4.

³⁷ Vernehmungsbericht // РГВА. Ф. 1387. Оп. 1. Д. 104. С. 40.

³⁸ БА-МА. RH. 20-17-282. С. 93.

³⁹ Vernehmung des gefangenen Oberbefehlhabers des 5. russ. Armee Generalmajor Potapow. S. 21.

⁴⁰ БА-МА. 20-2-1093. С. 4.

⁴¹ Ibidem. S. 2.

⁴² Ibidem. S. 4.

⁴³ Ibidem. S. 4.

⁴⁴ Ibidem. S. 1.

⁴⁵ Ibidem. S. 3.

⁴⁶ Vernehmung des russischen Generals Michael Timifjewitsch Romanoff . S. 24.

⁴⁷ БА-МА. RH-24-7-141. S. 191.

⁴⁸ Ibidem. БА-МА. S. 192.

⁴⁹ Ibidem. БА-МА. S. 191–192.

⁵⁰ RH. 20-17-282. S. 97.

⁵¹ RH. 24-7-141. S. 189.

⁵² Ibidem. S. 184.

⁵³ Vernehmung des russischen Generals Michael Timifjewitsch Romanoff. S. 24.

⁵⁴ Vernehmung des Generalmajors Kulikow. S. 5.

⁵⁵ БА-МА. RH. 24-49-160. S. 105.

⁵⁶ БА-МА. RH. 24-49-161. S. 41.

М. Ю. Наконечный

Смертность заключенных в отечественной пенитенциарной системе в 1885–1915 и 1930–1953 годах: сравнение в историческом контексте

В настоящей статье, подготовленной на основании прочитанного на II Головинских чтениях доклада, автор хотел бы познакомить читателей с результатами многолетних занятий, посвященных последовательному сравнению смертности заключенных в пенитенциарных системах при двух режимах: в период империи (1885–1915) и в Советском Союзе (1930–1953).

Выбор предложенных хронологических рамок обусловлен следующими причинами. Общеимперское ГТУ (Главное тюремное управление при МВД, затем при Министерстве юстиции) было создано в 1879 году. Несколько следующих лет ушло на постановку и разработку процедур единообразного учета смертности арестантов и четко документированной статистики, поэтому действительно наиболее достоверные данные о смертности заключенных в Российской империи можно найти лишь с 1885 года. В Советском Союзе 1930 год стал не только годом учреждения знаменитого Управления лагерей (УЛАГ) ОГПУ, менее чем через год получившего статус Главного управления (ГУЛАГ). В 1930 году в пореволюционную тюремную систему 1920-х годов, которая во многих организационных аспектах еще калькировала имперскую, были привнесены чисто советское новаторство и весьма специфические черты — например, «метод Френкеля», применявшийся при нормировании питания и выдаче пайкового довольствия, создание сети лагерей-гигантов, не имевших аналогов в Российском государстве, и некоторые другие.

Итак, почему, когда заходит речь о тюрьмах и лагерях, на первый план сразу выходит такой статистический показатель, как смертность

Наконечный Михаил Юрьевич — выпускник исторического факультета Псковского государственного университета, лауреат II Головинских чтений (Псков).

заключенных? Потому что именно смертность в системе исполнения наказания становится фундаментальным показателем *условного «благополучия»* той или иной пенитенциарной организации. Почему автор считает компаративистский анализ данной статистики при двух таких разных режимах методологически корректным и научно обоснованным? Потому, что, на наш взгляд, статистика смертности в местах лишения свободы становится фундаментальной составляющей для понимания очень многих социальных, экономических, институциональных, правовых, наконец, культурно-нравственных процессов в обществе в последние десятилетия существования империи и в советский период. Отношение к заключенному, во всем его многообразии, может считаться своеобразной лакмусовой бумажкой очень многих системных черт и признаков, характерных для того или иного государства. Анализируя интересующую нас статистику именно в сравнительном контексте, можно увидеть имманентные черты, присущие как имперской, так и советской общественно-политической формации.

Традиционно в демографии и в тюремной статистике смертность в местах лишения свободы измеряется в абсолютных и относительных величинах — *промилле*. Под каждой из них подразумевается смертность в расчете на *тысячу* человек. Иногда, в зависимости от расчетной методики, вместо промилле используются проценты от среднегодового, среднесуточного или среднемесячного общего числа заключенных. Абсолютные показатели традиционно рассматриваются в качестве своеобразного «сырья» и основы, прежде всего для определения *масштабов* уровня смертности. Относительные показатели тюремной смертности считаются в науке основными и наиболее репрезентативными для характеристики условий содержания в пенитенциарной системе. Именно названные показатели и будут использоваться нами в ходе дальнейшего исследования.

Смертность заключенных в пенитенциарной системе Российской империи в 1885–1915 годах

Смертность заключенных в дореволюционных тюрьмах периода 1885–1915 годов долгое время оставалась за пределами научных интересов отечественных и зарубежных исследователей. Если мы обратимся к советским классическим работам о царской тюрьме, в частности, к фундаментальному труду профессора М. Н. Гернета «История царской тюрьмы»¹, то мы не найдем полной и точной статистики смертности заключенных. Минимум конкретных данных, частные примеры, зато через абзац — много пламенных прокламаций и сентенций о страдающих революционерах и кровавых репрессиях царизма. Еще во вступлении к

первому изданию своего труда (1946 год) Гернет утверждал, что в истории царской тюрьмы нет и не может быть ни одного светлого периода². Данная работа сделала Гернета классиком и общепризнанным монополистом в изучении «тюремной» темы в отечественной историографии на долгие десятилетия. Последний том «Истории» вышел в свет в 1963 году.

После публикации монографии М. Н. Гернета в отечественной историографии наступил очередной период забвения «тюремной» проблематики, продолжавшийся до 1960–1970-х годов, когда были опубликованы исследования С. С. Остроумова³, Р. С. Мулукаева⁴, Т. У. Воробейчиковой и А. Б. Дубровиной⁵, Д. И. Шинджикашвили⁶, В. Г. Смольякова⁷, К. Н. Ефремовой⁸. Но ни один из названных ученых не занимался анализом статистики смертности арестантов в последние десятилетия существования Российской империи. Ее нет и в монографиях современных тюремоведов, например, таких признанных специалистов, как М. Г. Детков⁹ и Ю. А. Реент¹⁰. Таким образом, сведения хотя бы об относительном количестве заключенных, умерших в тюремной системе империи в 1885–1915 годах, широкой научной общественности неизвестны до сих пор. В итоге сегодня представления о царской тюрьме опираются не на фактические знания, полученные в результате изучения статистических и историко-архивных материалов, а на стереотипы, сложившиеся в обществе под влиянием публицистической литературы. Работы Д. Кеннана¹¹, В. Дорошевича¹², А. П. Чехова¹³ и других авторов до сих пор остаются определяющими для формирования своеобразной интегральной оценки царской тюрьмы среди современников.

Автор не упрекает публицистов. Однако для получения наиболее полной и объективной картины нарративные источники принято сочетать с документальными. Образ «чудовищной и ужасной» царской тюрьмы еще до революции превратился в один из самых излюбленных революционерами символов «прогнившего самодержавия». Здесь возникает закономерный вопрос: насколько в действительности была плоха царская тюрьма?

Дореволюционная тюрьма таила в себе массу трагичных и уродливых явлений — не будем строить никаких иллюзий на этот счет. Тюрьма — в принципе порочный институт, особенно в XIX веке. С другой стороны, на наш взгляд, подобного рода обобщения справедливы лишь в первом приближении. В тюрьме всегда умирают люди, в ней творится произвол, болезни, несправедливости и страдания. Подобные замечания справедливы по отношению не только к дореволюционной российской, но и к любой другой тюремной системе. Вместе с тем такие утверждения будут выглядеть чересчур упрощенными, если мы не примем за аксиому тот простой факт, что одна тюремная система комплексно по

интегральным параметрам (питание, быт, санитарные условия, смертность, степень открытости тюрем общественности для противоборства произволу тюремной администрации и т. д.) может быть *хуже* и *бесчеловечнее* (иногда в десятки раз), чем другая. Так, например, современные тюрьмы стран Северной Европы серьезно отличаются от тюрем Восточного Конго.

Поэтому попытаемся разобраться в том, какие явления в 1885–1915 годах были частными эксцессами в дореволюционной системе исполнения наказаний, а какие принимали характер общей тенденции. В этой связи попробуем разграничить сочетание условного «плохого» и «хорошего» в общем тренде, не прибегая к отдельным примерам, вырванным из контекста событий. Тем более нельзя делать какие-то оценочные выводы без последовательного анализа общих статистических показателей. Также отметим здесь, что при изучении проблем дореволюционной российской тюрьмы, в том числе и касающихся смертности заключенных, некорректно обобщать факты, происходившие в разные исторические периоды. Например, пенитенциарная система Российской империи 1870-х годов, о которой с ужасом свидетельствовал в своей публицистике Кропоткин¹⁴, разительно отличалась от тюрьмы образца 1889 года, а тюрьма 1906 года выглядела иначе, чем в 1889-м. Тем более тюремная система 1915 года отличалась от своей предшественницы времен Александра II. Дореволюционная тюрьма представляла собой комплексное, многоплановое явление, менявшееся со временем, как в лучшую, так и в худшую сторону, и каждый период, наряду с типовыми чертами, имел целый ряд своих уникальных особенностей.

Но как же в таком случае определить степень условной «нормы» при изучении смертности заключенных за репрезентативный отрезок времени для периода 1885–1915 годов? Как обоснованно ответить на ключевой вопрос: была ли дореволюционная тюрьма «типичной» и «благополучной» на фоне пенитенциарных заведений индустриально развитых стран или, наоборот, аномально-катастрофической? Именно для выяснения этого главного вопроса автор использовал компаративистский анализ статистики смертности дореволюционной и советской тюрьмы в общемировом и национальном контексте. В этой связи уместно уделить некоторое внимание избранной нами методологии.

На наш взгляд, рассмотрение любой статистической величины имеет смысл только при ясной и четкой оценочной системе координат: когда для каждого периода ясна *норма* и *патология*, то есть плохие или даже беспрецедентные, отвратительные показатели. Любая статистика может оцениваться позитивно или негативно только в мировом и национальном контексте. Констатация лишь внутренней динамики смертности (например, в 1908 году заключенных умерло меньше, чем в 1880-м) сама по

себе никакого глубокого оценочного смысла не несет. Без рассмотрения общемировой картины смертности заключенных и без сравнения статистики с условными «лучшими» представителями и, наоборот, аутсайдерами для изучаемого периода *невозможно* ответить на ключевой вопрос: «Какой же была российская дореволюционная тюрьма — нормальной или катастрофически-аномальной?» Любая цифра вне контекста эпохи повисает в вакууме.

Для того чтобы четко определить, насколько позитивна или негативна статистическая величина, нужно ясно представлять себе уровень развития медицины исследуемого периода, рекорды и антирекорды в смертности заключенных среди тюремных систем, достигших наилучших показателей для своей эпохи. Только тогда цифры обретают смысл, глубину и возникает корректное основание выносить интегральные оценочные суждения об уровне смертности. Поэтому для сопоставления с физической убылью людей, находившихся в пенитенциарной системе Российской империи периода 1885–1915 годов и Советского Союза периода 1930–1953 годов, нами был проанализирован широкий круг источников по статистике смертности в тюремных системах индустриальных, развитых и отсталых стран XIX–XX веков. В частности, обобщены сведения по колониальным тюрьмам французского Вьетнама 1930–1945 годов¹⁵, Гвианы 1920–1930-х годов¹⁶, известных своими жесточайшими условиями содержания и высокими показателями смертности среди заключенных. Именно колониальные тюрьмы уместно рассматривать в качестве условной предельной «негативной планки» в плане смертности на планете до начала Второй мировой войны, когда печальную эстафету у них переняли немецкие и японские лагеря. Смертность в концлагерных системах для гражданского населения Третьего рейха¹⁷ и императорской Японии¹⁸ мы также проанализировали для сравнения с аналогичными показателями в тюрьмах СССР.

В качестве относительно благополучных примеров для анализа использовались статистические индексы смертности заключенных в тюремных системах Англии¹⁹, Франции²⁰, Пруссии²¹, Дании, Бельгии, Швеции²² и США²³ для разных временных промежутков, начиная с середины XIX века до 1940-х годов. Сами сравнения проводились по принципу сопоставимости временных отрезков. Смертность в 1880-х годах в тюрьмах Российской империи соизмерялась с аналогичными показателями в индустриальных, развитых странах и колониях в этот период, а также уровень смертности в тюрьмах сравнивался с уровнем смертности сопоставимой возрастной группы на воле. К сожалению, рамки настоящей публикации не позволяют подробно изложить результаты исследования по сопоставлению смертности на воле и в тюрьме, по каждой стране и по каждому периоду. Поэтому мы ограничимся тезисами.

Попытаемся суммировать итоговые сведения по периоду 1885–1915 годов на основании данных из подробных отчетов ГТУ и других внутриведомственных источников, сравнив полученные сведения со статистическими индексами зарубежных стран. Именно в указанные годы в Российской империи велась дотошная статистика движения тюремного населения. Среди опубликованных официальных материалов тюремного ведомства Российской империи первое место по значению занимают ежегодные (с 1879 года) отчеты Главного тюремного управления²⁴, его обзоры и разные документы²⁵, значительная часть которых печаталась с 1893 по 1917 годы в специальном ведомственном органе — «Тюремном вестнике»²⁶.

В пенитенциарной системе империи 1880-е годы были переходным временем. В первые годы после реформы и создания ГТУ, особенно в первой половине этого десятилетия, еще сохранялись черты архаичной, жестокой системы 1850–1870-х годов с ее традиционно высокой смертностью при этапировании арестантов в отдаленные места лишения свободы. Но уже в пятилетие 1885–1890 годов смертность в тюрьмах приобрела устойчивую тенденцию к снижению, с общей промилле 38 смертей на 1000 человек, опускаясь далее все ниже и ниже.

1890-е годы стали временем дальнейшего системного улучшения санитарного состояния мест заключения с позитивной динамикой снижения смертности. Свои плоды принесла тюремная реформа 1879 года: улучшался паек, строились новые тюрьмы, оборудованные по последнему слову тогдашней техники, отменялось пешее этапирование, открывались новые больницы и лазареты, бани, прачечные. Позитивная динамика оборвалась в 1892–1893 годах, когда относительные показатели смертности резко подскочили **до рекордных 59 промилле** (5,9% от среднесуточного²⁷), но затем снижение возобновилось ускоренными темпами. Последнее пятилетие XIX века — с 1895 по 1900 год — вообще явило удивительную картину резкого снижения смертности, показатели которой обогнали в хорошем смысле или вышли на сопоставимый уровень с пенитенциарными системами Франции, Австрии, США, Швеции по относительным показателям. Однако в то же время первая половина 1890-х годов преподнесла и антирекорд в плане смертности за 35 лет, когда в 1892 году из-за жесточайшей эпидемии холеры и совпавшего с ней недорода в российских тюрьмах умерли от холеры 650 человек зарегистрированных больных²⁸. Чрезвычайно высокой оставалась смертность и при этапировании.

Период 1900–1917 годов в связи с изучением вопроса о смертности заключенных в тюрьмах Российской Империи можно разделить на два последовательных этапа — рекордный и, соответственно, кризисный. Первый этап (1900–1908) характеризовался беспрецедентной

позитивной динамикой снижения смертности, как в абсолютных, так и в относительных показателях, сопоставимой, а иногда и превосходящей аналогичные индексы пенитенциарных систем самых развитых и индустриальных стран эпохи. К сожалению, данный период, равно как и успех реформы 1879 года, оказался в отечественной историографии незамечен. Статистика служит доказательством относительной мягкости и патриархальной сути тюремного режима империи в этот период. Отрезок времени с 1895 по 1908 годы мы считаем *самым благополучным в плане смертности заключенных в тюрьмах гражданского ведомства в абсолютных показателях вплоть до второй половины XX века*. За 1906 год от Владивостока до Варшавы, от Самарканда до Архангельска в более чем восьмистах мест лишения свободы, включая каторгу, умерли 1600 человек. В относительных показателях имперский рекорд максимально низкой смертности 1906 года в масштабах всей страны — 14,9 промилле или 1,49%²⁹ — удалось побить в СССР **только 43 года спустя**, на принципиально более прогрессивном этапе развития мировой медицины, после изобретения и массового внедрения антибиотиков.

Для характеристики данного периода показательной нам представляется следующая цитата из отчета по ГТУ за 1906 год:

«Зато, по сравнению с нормою смертности в тюрьмах Западной Европы, достигающею 30 и более чел. на 1000 [скорее всего, здесь имеются в виду Франция, Австро-Венгерская империя, Италия, Швеция, Дания и некоторые земли Германской империи. — М. Н.], наши тюрьмы находятся, очевидно, в гораздо более благоприятных условиях»³⁰.

Следующий этап (1908–1915) оказался печальным примером серьезного кризиса российской пенитенциарной системы, напомнившего холерные 1892–1893 года. Мощные общеимперские эпидемии тифа и холеры 1908–1912 годов (75 губерний под холерой³¹) совпали с переполнением тюрем в результате усмирения революции и ужесточением режима в некоторых каторжных тюрьмах. На том этапе развития мировой медицины, без антибиотиков, эффективно противостоять инфекционным болезням не могла ни одна страна в мире, а недостаточность тюремных мест и скученность заключенных провоцировали эпидемию и неизбежное повышение смертности. К 1913 году последствия эпидемий начали постепенно преодолевать. Но в 1914 году началась Великая война, сыгравшая негативную роль в стабилизации системы исполнения наказания. Пospешные эвакуации части заключенных из прифронтовой полосы, хозяйственная и экономическая нестабильность не могли не повлиять на общее санитарное состояние уголовно-исполнительной системы, которая, по сути, перешла из одного кризиса в другой.

Итак, подведем некоторый промежуточный итог для периода 1885–1915 годов.

С 1885 по 1915 год, за 30 лет, в тюремной системе Российской империи гражданского ведомства умерли в абсолютных цифрах **126256** человек³². Данная цифра не считается окончательной, автор продолжает исследования, и она может измениться в ту или иную сторону на *несколько тысяч* человек. Но порядок абсолютных цифр, а также относительные показатели верны и корректны. Общий коэффициент смертности в 1885–1915 годах колебался в масштабах всей страны от максимально высокой величины в 59 на 1000 (холерный 1892 год) до 14,9 на 1000 (1906 год). В эту цифру входят статистические показатели: каторжных тюрем, исправительных арестантских отделений, тюрем прочих наименований — губернских, областных, уездных, окружных, следственных, срочных и пересыльных, Петроградской временной тюрьмы, полицейских, судебно-полицейских и соединенных арестов Привислинского края, заключенных, умерших на строительстве Амурской железной дороги.

Главной причиной смертности арестантов до революции в Российской империи, как и в зарубежных тюрьмах, оставались *инфекционные болезни* — в первую очередь тиф и туберкулез. Усугубляли положение заключенных халатность и жестокость администрации, некачественное питание, ветхость и антисанитария тюремных помещений, воровство казенных средств. Но в общем массиве мест заключения неблагополучных тюрем в исследуемый период было подавляющее меньшинство. Большая часть мест заключения уже в 1880-е годы показывала индекс смертности менее 1% от среднесуточного состава. В спокойные периоды общий коэффициент смертности опускался до общеевропейского, в период кризисов статистика смертности резко ухудшалась и доходила до 40–50 на 1000 человек от среднесуточного состава.

Смертность заключенных в пенитенциарной системе Советского Союза в 1930–1953 годах

Безусловно, наши суждения, касавшиеся дореволюционной тюрьмы, справедливы и по отношению к местам лишения свободы пореволюционного периода. Советская пенитенциарная система менялась с годами и в институциональном, и в санитарном отношении. Смертность в 1930–1953 годах колебалась в зависимости от внешних и внутренних факторов (война, голод, реформы). Разные лагеря, колонии и тюрьмы снабжались по-разному, кое-какие были далеко не так страшны, как другие. В истории ГУЛАГа существовали свои «разные» периоды, какие-то более «вегетарианские», какие-то менее, и со своей спецификой, о которой, к сожалению, здесь нет возможности говорить более подробно.

Но вот общий тренд и четкую оценку именно в мировом и национальном контексте ГУЛАГ в историографии еще не получил.

До сих пор в исторической науке остается абсолютно неясным, насколько катастрофический характер носили всплески смертности (1931, 1933, 1938, 1941–1945, 1947 годов) в советской пенитенциарной системе в контексте как предшествовавшей российской истории, так и в истории мировых тюремных систем. Царская тюремная статистика оставалась неизученной, а тюремную статистику зарубежных государств, сосуществовавших с «родиной мирового пролетариата», в отечественной историографии никто всерьез не исследовал и уж тем более не пытался ее сравнивать с советской.

Для четкого оценочного суждения о смертности в советских местах лишения свободы нужно иметь ясную, понятную систему координат, основанную на архивных сведениях. На наш взгляд, необходимо уйти от ничего не объясняющих констатаций внутренней динамики смертности в советской тюрьме 1930–1953 годов, принятых в современной историографии: например, в 1933 году заключенных умерло в *энное количество раз* больше, чем в 1934-м. Необходимо взглянуть на проблему более широко. Только тогда каждая цифра приобретет новую окраску и возникнут серьезные основания для того, чтобы говорить «плохо», «хорошо», «катастрофически», исходя не только из субъективного личного отношения к происходившим в ГУЛАГе событиям, но и опираясь на ясную интегральную дефиницию статистики тюремной системы в мировом и национальном контексте.

Отметим, что в отношении нацистских «лагерей смерти» такая методика применялась. Все знают, что *такой смертности*, как в Бухенвальде или Маутхаузене, не было за всю историю Германии двух веков, да и в мировой истории очень сложно найти похожие негативные прецеденты, как в абсолютных, так и в относительных показателях. А вот по отношению к ГУЛАГу — и уж тем более к дореволюционной российской тюрьме — никаких исследований в этой связи пока не проводилось. Исследователи и публицисты, занимающиеся данной темой, интуитивно представляют себе, что за решеткой при царе или при Сталине было *плохо*, но вот *насколько плохо* — судить затрудняются. До сих пор мы располагаем лишь известными работами В. Н. Земскова³³, А. Н. Дугина³⁴ и некоторых других авторов, которые ввели в научный оборот богатый фактический материал, изложив статистические сведения санитарного и учетно-распределительного отдела ГУЛАГа. Но аналитических целей они перед собой не ставили.

Например, всплеск смертности заключенных в 1933 году — насколько он *высок*? Это ключевой вопрос. Высокий, очень высокий или вполне умеренный? Может, где-нибудь в тюрьмах США во время Великой

депрессии умирали с такой же интенсивностью и масштабом? Может, при царизме на каторге умирали в сопоставимых показателях? Возможно, смертность следует считать высокой, но именно с такими коэффициентами умирали заключенные в тюрьмах в начале 1930-х годов, поэтому, конечно, смертность в ГУЛАГе печальна, но в духе эпохи — вполне традиционна и стандартна? Подобные рассуждения напоминают сентенции, которые в последнее время часто встречаются на разных форумах в Интернете, а также в публицистике и даже на страницах серьезных изданий. И происходит это, по нашему мнению, потому, что такие рассуждения оторваны от конкретики и сравнительного статистического анализа.

Рассмотрим статистику смертности заключенных ГУЛАГа в 1930–1953 годах в мировом и национальном контексте. К сожалению, в рамках этой небольшой публикации мы не сможем изучить каждый год и каждый период, но приведем показательный пример, проанализировав статистику смертности в катастрофический 1933 год. Дело в том, что статистика смертности в советских местах лишения свободы в указанный год выглядит не просто плохой, а беспрецедентно негативной для отечественной и мировой практики организации тюремных систем 1930-х годов. За колючей проволокой сталинских лагерей произошло совершенно **немыслимое** для той же пенитенциарной системы — отнюдь не идеальной — царской России. В 1933 году умер *каждый шестой заключенный в масштабах многомиллионной страны* — более 70 тыс. человек (промилле 120–150), включая заключенных колоний, но без тюрем³⁵. В абсолютных показателях это почти столько же, сколько умерло заключенных в тюрьмах Российской империи за двадцать лет.

Смертность в тюрьмах французского колониального Вьетнама, известных своей лютой жестокостью и отвратительными условиями содержания, составила в 1933 году 1174 человека с промилле в 80 (8%)³⁶. Это в **60 раз** меньше в абсолютных показателях и почти в **два раза** меньше в относительных, чем в местах лишения свободы в СССР в 1933 году. Иначе говоря, тюремная система СССР проигрывала тюрьмам колониального Вьетнама в тот страшный год. Впервые за многие годы отечественная пенитенциарная система показала статистику смертности хуже, чем в колониальных местах лишения свободы, которые были совершенно чудовищными. Именно такие сравнения дают четкое понимание катастрофичности событий, происходивших в ГУЛАГе в рассматриваемый период.

В 1933 году во всех тюрьмах США, страны с многомиллионным населением, от штата Мэн до Ричмонда, от Вашингтона до Техаса, умерли 880 человек, с промилле в 6 (0,6%)³⁷. В СССР, как мы сообщили выше, — более 70 тыс. человек (промилле 120–150)³⁸. Иначе говоря, в

тюрьмах США в 1933 году умерло заключенных в **76 раз (!)** меньше в абсолютных показателях и в **25 раз (!)** в относительных, чем в СССР. Думаем, комментарии здесь излишни. А вот как выглядела процентная статистика смертности заключенных в знаменитом концлагере Бухенвальд³⁹:

Год	Показатели смертности от общего количества заключенных
1937	2%
1938	10,4%
1939	14,7%
1940	21,4%
1941	19,7%
1942	33%
1943	18%
1944	15%

Как мы видим, Бухенвальд — это почти *ад на земле с невероятно высокой смертностью* практически в течение всего своего существования. А теперь сравним данные показатели с объявленной статистикой смертности в советских лагерях в 1933 году⁴⁰:

Лагерь в 1933 году	Показатель годовой смертности от общего количества заключенных	Сопоставление с уровнем смертности в Бухенвальде в разные годы
Байкало-Амурский (Бамлаг)	12,5%	Хуже 1937–1938, сопоставим с 1944
Дмитровский (Дмитлаг)	16,3%	Хуже 1937–1939, 1944
Беломоро-Балтийский (Белбаллаг)	10,5%	Хуже 1937, сопоставим с 1938
Ухтинско-Печорский (Ухтпечлаг)	10,6%	На уровне 1938, хуже 1937 и остальных годов
Свирьский (Свирьлаг)	10,6%	Хуже 1937–1939, на уровне 1944
Темниковский (Темлаг)	14,9%	Хуже 1937–1938, на уровне 1939 и 1944, лучше остальных годов

Соловецкий (Слаг)	19,4%	Хуже 1937–1939, на уровне 1941, хуже 1943–1944
Дальне-Восточный (Дальлаг)	13,2%	Хуже 1937–1938, на уровне 1944
Сибирский (Сиблаг)	15,9%	Хуже 1937–1939, 1944
Среднеазиатский (Сазлаг)	25%	Хуже 1937–1941, 1943–1944
Карагандинский (Карлаг)	18%	Хуже 1937–1939, на уровне 1943, хуже 1944
Вишерский (Вишлаг)	34%	Хуже 1937–1941, на уровне и чуть хуже 1942, хуже 1943–1944
Балахнинский (Балахлаг)	17%	Хуже 1937–1939, на уровне 1943, хуже 1944
Саранский (Сарлаг)	4,1%	На уровне 1937, лучше остальных годов

Примечательно, что *кризис* в мирном 1933 году, видимо, был настолько чудовищным, что *все* лагеря в Советском Союзе, за исключением маленького Саранского лагеря, показывали *сопоставимые* с Бухенвальдом относительные показатели, причем иногда показывая даже большую смертность, чем та, которая существовала в Бухенвальде в годы войны, когда режим содержания в нацистских лагерях стал совершенно кошмарным. Это ключевой факт для понимания масштабов катастрофы, произошедшей в ГУЛАГе в 1933 году. Про абсолютные показатели здесь говорить излишне. Лишь в 1944–1945 годах нацистский лагерь стал показывать крайне высокие абсолютные показатели смертности.

Оппоненты могут нам резонно возразить, что в *другие* годы уровень смертности во многих советских лагерях был ниже, чем в концентрационном лагере Бухенвальд — так и слава Богу! Хотя на протяжении 1930-х годов в Советском Союзе существовали лагеря с катастрофической смертностью: Сазлаг, Кулойский (Кулойлаг), Тайшетский (Тайшетлаг), Свирьлаг, превосходившие в плане смертности иногда и Бухенвальд, и Дахау, и даже Маутхаузен. В мирном 1938 году в лесных лагерях вновь появились жуткие коэффициенты смертности, составлявшие 21 и 24%. Отметим здесь, что немецкая пенитенциарная система до 1938 года выглядела значительно благополучнее советской. В Германии кошмарная смертность в лагерях началась в 1938 году и увеличивалась в дальнейшем.

Автор совершенно не пытается убедить читателя в том, что сталинский ГУЛАГ в целом выглядел хуже, чем нацистские концлагеря.

Маутхаузен образца 1944 года был хуже, чем Соловки 1930 года, уступавшие Бухенвальду образца 1937 года. В Рыбинском лагере (Рыбинлаге) в 1942 году смертность составляла 40% от среднегодовой численности заключенных, а в условном Освенциме — 50%. И как разрешать вопрос: «Кто хуже?» Сама его постановка абсурдна и с моральной точки зрения ничтожна*. И там, и там люди умирали десятками тысяч с фантастическим и отвратительным промилле. В целом, в годы войны немецкие лагеря давали гораздо более тяжелые *относительные* показатели, чем советские, за исключением Рыбинлага и Котласского лагеря в 1942–1943 годах. Однако нацистские лагеря, как правило, проигрывали советским в *абсолютных* показателях смертности, хотя и здесь много нюансов.

Принципиально важным нам представляется следующий тезис: с точки зрения показаний *смертности* заключенных и *перспектив выживаемости* человека и сталинский ГУЛАГ, и нацистские концлагеря вполне **сопоставимы** и **родственны**, как аномальные, антирекордные для своего времени патологии государственной пенитенциарной системы. Причем в мирные 1930-е годы ГУЛАГ иногда давал значительно *более высокие* показатели смертности, чем концлагеря рейха.

Попробуем рассмотреть проблему смертности ГУЛАГа в контексте эпохи, чтобы ответить на вопрос, носила ли она аномальный характер. А затем попробуем разобраться, насколько справедлива точка зрения о том, что некоторые лагеря и лагерные комплексы в Советском Союзе, существовавшие вплоть до 1949 года, вполне сопоставимы по количеству погибших людей с нацистскими концентрационными лагерями. Единственная цель, которую преследует здесь автор, — это лишь попытка установить *порядок цифр*, которые характеризовали бы индексы смертности в советских лагерях в период 1930-х годов и нацистских — в 1941–1945 годах.

Российская империя в 1885–1915 годы

Важный контраргумент наших оппонентов заключается в том, что высокая смертность в лагерях в 1933 году была обусловлена вероятным недородом, неурожаем или засухой и таким прямым следствием климатических бедствий, как голод, действительно поразивший определенные регионы Советского Союза. Поэтому давайте попытаемся выяснить, насколько неурожайные («голодные») годы влияли на увеличение смертности в тюрьмах Российской империи. Такими годами в России традиционно считались 1891–1892, 1897–1898, 1901, 1905–1908, 1911–1912⁴¹.

* За исключением, пожалуй, единственного аспекта: жертвами сталинских лагерей в абсолютном большинстве были граждане Советского Союза. — *Прим. ред.*

Самый высокий имперский показатель смертности заключенных за 30 лет зафиксирован в 1892 году, когда сильный недород совпал с эпидемией холеры и дал 5,9% в относительных показателях. В абсолютных цифрах за решеткой в России умерли около 6 тыс. человек. Но, заглянув в отчет по ГТУ за 1892 год, мы увидим, что 650 человек в тюрьмах умерли от холеры. 5,9% — это почти *в три раза* меньше в относительных показателях и *в одиннадцать (!) раз* меньше в абсолютных, чем умерло заключенных в 1933 году. В остальные годы всплески смертности в царской тюрьме объяснялись прежде всего эпидемиями неизлечимых тогда инфекционных болезней — тифа и холеры.

В неурожайном 1897 году в более чем восьмистах российских тюрьмах, расположенных от Владивостока до Варшавы, включая места лишения свободы Царства Польского, умерли 2024 человека (2,6%)⁴². Это *в 34 раза (!)* меньше в абсолютных показателях и *в 6 раз* меньше в удельных цифрах, чем умерло заключенных в ГУЛАГе в 1933 году. Российский показатель 1897 года — это уровень смертности шведских тюрем, сопоставимый с уровнем бельгийских, датских и превосходивший показатель французских тюрем конца XIX века. Иначе говоря, в 1897 году никакой катастрофы в плане смертности заключенных в тюрьмах Российской империи не происходило, а показатели интересующей нас статистики находились на уровне соответствующих показателей общеевропейских индустриально развитых стран.

В «голодном» 1898 году во всех российских тюрьмах умерли 2388 человек (2,8%)⁴³. Мы вновь видим уровень смертности, сопоставимый с уровнем смертности в шведских тюрьмах, и цифры даже более низкие по сравнению с цифрами из мест лишения свободы во Франции. В целом российский показатель примерно соответствовал общему коэффициенту смертности в тюрьмах США в конце XIX века. Следующий неурожайный год — 1901. В российских тюрьмах* умер 1921 человек (2,27%)⁴⁴. Этот показатель находится где-то на уровне показателей тюрем США и Австро-Венгрии, а также ниже, чем французский и шведский. В «голодном» 1905 году умерли 1700 человек (1,9%)⁴⁵. Тюрьмы Российской империи вошли в тройку-пятерку мировых лидеров на планете по максимально *низкой смертности* среди арестантов и достигли уровня Британской империи — мирового лидера по благополучию пенитенциарной системы.

* В 1901 в Российской империи насчитывалось 885 карательных учреждений, в т. ч.: 716 тюрем общего устройства, 134 тюрьмы и ареста Привислинского края, 31 исправительное арестантское отделение, 5 каторжных тюрем, Нерчинская каторга и 8 пересыльных тюрем. К 1902 в местах заключения находились 80 782 мужчины и 8069 женщин, всего 88 851 человек (на более чем 130 млн населения). См.: Русский календарь на 1905 г. А. Суворина. СПб., 1905. С. 158. — *Прим. ред.*

Во время «массового голода» 1906 года российские тюрьмы, от Архангельска и Самарканда, дали *самый низкий* показатель смертности за весь рассматриваемый период 1885–1915 годов, то есть за 30 лет! В тот примечательный год умерли 1596 человек (1,4%)⁴⁶ на огромном пространстве от Акатуйского каторжного рудника до Орловского исправительно-арестантского отделения. Это в **42 раза (!) меньше** в *абсолютных* показателях и в **10 раз (!) меньше** в *относительных* по сравнению с показателями смертности заключенных в сталинских лагерях в 1933 году. Данный показатель — это уровень британской тюремной системы и тот уровень, который показывали тюрьмы США в 1920–1930-е годы. Он находится ниже или примерно на уровне аналогичных статистических индексов тюрем Швеции, Австро-Венгрии, Франции, Пруссии, Бельгии, Дании.

«Голодный» 1907 год опять не дал поводов для катастрофических оценок: за решеткой умерли 2273 человека (1,6%)⁴⁷. Это в 30 раз меньше в абсолютных и в 9 раз меньше в относительных показателях по сравнению с показателями смертности заключенных в сталинских лагерях в 1933 году. В 1908 году в империи началась сильная эпидемия тифа, совпавшая с переполнением тюрем и ужесточением каторжного режима. В итоге индекс смертности увеличился до 3% (уровень смертности в шведских тюрьмах для периода 1890-х годов): умерли 5136 человек⁴⁸. Автор не склонен недооценивать значение этой смертности, смертность в тюрьме в принципе трагична. Но разница показателей между смертностью в «голодном» 1908 году (3%) и голодном 1933 (15%) — в 5 раз!

В 1911 году тиф совпал с сильной эпидемией холеры, затронувшей 78 губерний, и с переполнением тюрем. Начался кризис пенитенциарной системы Российской империи. На тогдашнем уровне медицины инфекционные болезни быстро лечить не могли за отсутствием вакцин. В российских тюрьмах умерли 8656 человек (4,9%), в том числе около 3 тыс. от тифа⁴⁹. Это в 8 раз меньше в абсолютных показателях и более чем в 3 раза меньше в относительных по сравнению с показателями лагерной смертности 1933 года. Смертность в 4,9% — это уровень французских тюрем 1870-х годов. В 1912 году холера продолжалась. В российских тюрьмах умерли 8093 человека (4,4%)⁵⁰ — уровень французских тюрем конца 1880-х годов. И вновь: в 7,5 раз меньше в абсолютных и в 3,5 раза меньше в относительных показателях, чем в ГУЛАГе в 1933 году.

Таким образом, мы не можем обнаружить никакой связи между «неурожайными» или «голодными» годами и смертностью в тюрьмах за 30 лет правления русских императоров. По крайней мере, *катастрофического пятнадцатипроцентного коэффициента* и 67 тыс. трупов за один год на протяжении всего тридцатилетнего периода (1885–1915) не фиксировалось. Максимальный и самый негативный порог смертности

в царских тюрьмах — это 5,9%, характерных для холерного 1892 года, с учетом социальных последствий царь-голода 1892–1893 годов. Поэтому, с нашей точки зрения, чудовищную по масштабам смертность заключенных в большевистских лагерях в 1933 году ни в коем случае *нельзя и некорректно* объяснять какими-либо климатическими бедствиями, якобы предопределившими наступление голода в отдельных местностях СССР. Речь должна идти о каких-то других, объективных причинах, лежащих в области организации сталинского государства, методов управления и политических мероприятий высшей партийной номенклатуры.

К сожалению, рамки настоящей публикации не позволяют нам провести исследование причин высокой смертности заключенных в 1933 году, но даже простая официальная объявленная статистика (67 тыс. умерших) наглядно показывает, что ситуация, сложившаяся во время первой пятилетки в местах лишения свободы в СССР, не имела аналогов при сравнении с периодом 1885–1915 годов в «архаичной» империи и даже в годы Великой (Первой мировой) войны. Произошедшее в ГУЛАГе массовое вымирание людей в 1933 году мы считаем совершенно беспрецедентной негативной аномалией и катастрофой в плане смертности заключенных как для предшествующего столетия, так и для практики организации пенитенциарных систем в разных странах в 1930-е годы.

Лагеря ГУЛАГа в 1933 году с точки зрения *перспектив выживаемости* человека были хуже, чем колониальные тюрьмы Вьетнама и Гвианы и вполне сопоставимы с таким «лагерем смерти», как Бухенвальд. О сравнении с тюрьмами европейских государств или США речи не идет. Здесь условия содержания и перспективы выживания отличались на порядок в лучшую сторону. Нацистские лагеря стали давать похожие показатели к концу 1930-х годов.

Итоги и выводы

В развитии и становлении российской пенитенциарной системы период 1895–1908 годов следует считать наиболее благополучным. И в то же время он оказался малоизученным и забытым. Представления о царской тюрьме поздней империи формируются на основании отрывочных сведений, публицистических свидетельств и частных примеров, приводимых вне контекста. Вместе с тем любые выводы должны основываться на результатах тщательного изучения статистического материала. Такие относительные показатели смертности заключенных, которые были зафиксированы в мирные 1930-е годы в Советском Союзе, никогда не регистрировались во всероссийском масштабе в годы правления русских императоров XIX века, в период низкого уровня развития медицины, инфраструктуры и санитарных критериев качества для тюремных

систем. Но в 1930-е годы мы видим феноменальный катастрофический регресс советской пенитенциарной системы, пришедшей на смену системе мест заключения далеко не идеальной Российской империи.

В деле совершенствования и развития своей пенитенциарной системы Россия конца XIX — начала XX века *прочно следовала нормальной, общеевропейской тенденции*, а порой занимала даже и *благополучную* позицию. Россия отставала от Британии, мирового лидера в данной области. Но вполне соответствовала уровню Пруссии, Северо-Американским Соединенным Штатам (для периода 1880-х годов), а в 1890-е годы, за исключением бедственных 1892 и 1909–1912 годов, — Австро-Венгрии и Швеции. В конце XIX века промилле смертности в российских тюрьмах сравнивалось с американской. В этом смысле Советский Союз периода мирных 1930-х годов катастрофически и совершенно ненормально отличался от индустриальных стран, устанавливая антирекорды смертности своих заключенных в 1931, 1933 и 1938 годах, превосходя абсолютные и относительные показатели нацистских концлагерей и колониальных тюрем.

Безусловно, что и в тюрьмах Российской империи существовал целый ряд специфических негативных черт, включавших антисанитарию, неизлечимые на тот момент и быстро распространявшиеся инфекционные болезни, слабое медицинское обслуживание, эксцессы, случаи административного произвола и т. п. В тюремной жизни разных времен и народов названные явления универсальны. Ключевой вопрос заключается в том, насколько они типичны и пропорциональны для общей тенденции развития пенитенциарной системы. Для автора бесспорно, что радикальная смена режима в 1917 году и создание однопартийного государства привели не просто к ухудшению дореволюционной пенитенциарной системы, а к рождению тюремно-лагерной организации нового типа, находившейся в состоянии сплошного регресса вплоть до 1949 года.

За тридцатилетний период 1885–1915 годов в тюремной системе гражданского ведомства Российской империи, как мы сообщили выше, умерли в абсолютных цифрах 126 256 человек. За тридцатидвухлетний период 1930–1953 годов в лагерях, колониях и тюрьмах СССР умерли по неполным оценкам 1760 тыс. человек⁵¹. Для сравнения: только лишь в одном 1938 году *во всех* советских лагерях, колониях и тюрьмах умерли 126 тыс. человек⁵², с негативным антирекордом для мирного и не «голодного» года в относительных показателях, с общим коэффициентом смертности в 78 на 1000 (в лагерях). За *один* год в советских местах лишения свободы умерло примерно столько же людей, сколько умерло в дореволюционных тюрьмах за 30 (!) лет их существования — беспрецедентная интенсивность умирания заключенных в национальном

контексте. Аналогичный коэффициент не фиксировался в пенитенциарной системе Российской империи за последние полвека ее существования ни разу. Даже в 1936 году — самом благополучном в советской системе за 15 лет — в лагерях, колониях и тюрьмах умерли 26 479 человек, с максимально низкой промилле за 19 лет — 25⁵³.

Абсолютные цифры говорят сами за себя. Но и в относительных показателях ГУЛАГ лишь после войны, на принципиально ином этапе развития мировой медицины, смог показать более низкую смертность, чем в 1906 году — и это в том случае, если не подвергать официальную статистику сомнениям. В мирные же 1930-е годы были зафиксированы антирекордные 15% смертности в 1933 году и 7% — в 1938, неизвестные для тюрем Российской империи.

На наш взгляд, принципиальное объяснение такой *разной* смертности заключенных в карательных учреждениях России и СССР заключается в том, что пенитенциарная система Российской империи с начала 1880-х годов следовала общеевропейской прогрессивной традиции постепенного улучшения условий содержания осужденных и арестантов, за исключением эпидемиологических периодов 1892–1893 и 1909–1912 годов. Но и в указанные «бедственные периоды» коэффициент смертности в российских тюрьмах оказался немногим выше французских показателей. Напротив, сталинский ГУЛАГ стал практическим результатом создания принципиально новой государственной модели. Он выглядел чудовишной аномалией по сравнению не только с российскими тюрьмами рубежа веков, но и с пенитенциарными системами мало-мальски цивилизованных стран периода 1930-х годов. По уровню смертности и перспективам выживаемости заключенных советский ГУЛАГ занял прочное место в одном ряду с колониальными тюрьмами, концентрационными лагерями Третьего рейха и спецлагерями для гражданских лиц, существовавшими в императорской Японии.

Примечания:

¹ Гернет М. Н. История царской тюрьмы. В 5 т. / Изд. 3-е. Т. 1 (1762–1825). М., 1960; Т. 2 (1825–1870). М., 1961; Т. 3 (1870–1900). М., 1961; Т. 4. Петропавловская крепость (1900–1917). М., 1962; Т. 5. Шлиссельбургская каторжная тюрьма и Орловский каторжный централ (1907–1917). М., 1963.

² Там же. Т. 1. М., 1946. С. 9.

³ Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1960.

⁴ Мулукаев Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964.

⁵ Воробейчикова Т. У., Дубровина А. Б. Преобразования административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX века. Киев, 1973.

⁶ Шинджеликивили Д. И. Министерство Внутренних Дел царской России в период империализма. Омск, 1974.

⁷ Смольяков В. Г. Тюремная система дореволюционной России, ее реакционная сущность. М., 1979.

- ⁸ *Ефремова К. Н.* Министерство юстиции Российской империи 1802–1917 гг. (историко-правовое исследование). М., 1983.
- ⁹ *Детков М. Г.* Тюрьмы, лагеря и колонии России. М., 1999.
- ¹⁰ *Реент Ю. А.* История уголовно-исполнительной системы России. 1879–2009 гг. М., 2009.
- ¹¹ *Kennan G.* Siberia and the Exile System. 2 vols. N. Y., 1891.
- ¹² *Дорошевич В.* Каргола (Сахалин) / Сост. И. Г. Харченко. СПб., 1994.
- ¹³ *Чехов А. П.* Соч. в 18 томах // Полное собр. соч. и писем в 30 томах. М., 1978. Т. 14/15. Из Сибири. Остров Сахалин. С. 39–372.
- ¹⁴ *Кропоткин П. А.* В русских и французских тюрьмах (пер. с англ. В. Батурицкого). / Под ред. автора. СПб., 1906.
- ¹⁵ Gouvernement général de L'Indochine, Annuaire statistique de L'Indochine. Опубликовано: *Zinoman P.* The Colonial Bastille, A History of Imprisonment in Vietnam, 1862–1940. University of California Press, 2001.
- ¹⁶ *Toth S.* Beyond Papillion: The French Overseas Penal Colonies, 1854–1952. Lincoln, University of Nebraska Press, 2006.
- ¹⁷ *Sofsky W.* The Order of Terror: The Concentration Camp (William Templer trans.). Princeton: Princeton University Press, 1997; Nuremberg trials document 2171–PS, published in: *Nazi Conspiracy and Aggression*, U. S. Government Printing Office, Washington, DC, 1946–1948. Vol. 4. P. 800–835; *Berben P.* Dachau 1933–1945: The Official History. London, Norfolk Press, 1975 ed. P. 281; Bundesarchiv (BA). NS 4 Bu / vorl. 143. Schutzhaftlagerrapport Buchenwald. BA. NS 4 BU/vorl. 137–139.
- ¹⁸ *Waterford Van.* Prisoners of the Japanese in World War II. Jefferson, McFarland & Company, Inc., 1994.
- ¹⁹ Minutes of evidence taken of the departmental committee on prisons: with appendices and index (Great Britain, Prisons Committee). Printed for H. M. S. O. by Eyre & Spottiswoode, 1895; On the mortality in prisons, and the diseases most frequently fatal to prisoners. By William Baly, M. D., Physician to the Millbank Prison, and lecturer on forensic medicine at St. Bartholomew's hospital. Med Chir Trans., 1845. P. 113–272.
- ²⁰ Ibidem.
- ²¹ *Engel E.* Die Morbidität u. Mortalität in den Strafanstalten. Zeitschrift des K. P. statist. Bureaus., 1865.
- ²² См. материалы ежегодных тюремных конгрессов. Опубликовано: *Kennan G.* Op. cit. Vol. 2. P. 528, 533–534.
- ²³ *McKelvey K.* American Prisons: A History of Good Intentions. Montclair, N. J.: Patterson Smith, 1977.
- ²⁴ Отчеты по Главному тюремному управлению, 1880–1915 гг. СПб. — Пг.
- ²⁵ Государственный архив (ГА) РФ. Ф. 4042. Оп. 2. Д. 138. Л. 14; Ф. 7420. Оп. 2. Д. 413. Л. 5.
- ²⁶ Тюремный вестник (СПб. — Пг.), 1893–1917 гг.
- ²⁷ Посчитано по: Отчет по ГТУ за 1892 год. СПб., 1894.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Отчет по ГТУ за 1906 год. СПб., 1908. С. 109.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Объяснительная записка к отчету государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1911 г. СПб., 1912. С. 194–200.
- ³² Посчитано по: Отчеты по Главному тюремному управлению, 1885–1915 гг. СПб. — Пг.
- ³³ *Земсков В. Н.* Заключенные в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история (Москва). 1997. № 4.
- ³⁴ *Дугин А. Н.* Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты. М., 1999.
- ³⁵ *Верт Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010. С. 189.
- ³⁶ Gouvernement général de L'Indochine, Annuaire statistique de L'Indochine. Опубликовано: *Zinoman P.* Op. cit. P. 96.

³⁷ Личный архив М. Ю. Наконечного (ЛАН). Документ департамента юстиции США, бюро статистики.

³⁸ Один источник называет цифры: 67 тыс. человек (промилле 150, или 15%) только в лагерях, без тюрем и колоний. См.: ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2740. Л. 8. Копия. Рукопись.

³⁹ Nuremberg trials document 2171-PS. Published in Nazi Conspiracy and Aggression. U. S. Government Printing Office. Washington, DC, 1946–1948. Vol. 4. P. 800–835.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2740. Л. 8. Копия. Рукопись.

Средняя цифра смертности заключенных за 1933 по сведениям, которые приводит здесь автор, составляет примерно 15,8%. Это в целом совпадает с цифрой смертности за 1933 — более 15%, которую приводят другие специалисты. См.: *Смирнов М. Б., Сигагёв С. П., Шкапов Д. В.* Система мест заключения в СССР. 1929–1960 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР / Сост.: М. Б. Смирнов. Науч. ред. Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский. М., 1998. С. 32. — *Прим. ред.*

⁴¹ См. статью: Голод // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 86 томах (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

⁴² Посчитано по: Отчет по Главному тюремному управлению за 1897 год. СПб., 1899.

⁴³ Посчитано по: Отчет по Главному тюремному управлению за 1898 год. СПб., 1900.

⁴⁴ Посчитано по: Отчет по Главному тюремному управлению за 1901 год. СПб., 1903.

⁴⁵ Посчитано по: Отчет по Главному тюремному управлению за 1905 год. СПб., 1906.

⁴⁶ Посчитано по: Отчет по Главному тюремному управлению за 1906 год. СПб., 1908.

⁴⁷ Посчитано по: Отчет по Главному тюремному управлению за 1907 год. СПб., 1909.

⁴⁸ Посчитано по: Отчет по Главному тюремному управлению за 1908 год // Тюремный вестник. 1910. № 2.

⁴⁹ Посчитано по: Отчет по Главному тюремному управлению за 1911 год. СПб., 1912.

⁵⁰ Посчитано по: Отчет по Главному тюремному управлению за 1912 год. Приложение к журналу «Тюремный вестник». 1914. № 6–7.

⁵¹ См.: *Кокурин А. И., Морухов Ю. Н.* ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль (Москва). 2000. № 10. С. 114–115.

⁵² ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 2; Д. 2740. Л. 50.

⁵³ Там же. Д. 1155. Л. 2; Д. 2740. Л. 52.

В. И. Марахонов

Русские авиаконструкторы в Америке

Автора давно приводила в недоумение приписываемая Черчиллю фраза о том, что Сталин якобы «принял Россию с сохой, а оставил с ядерной бомбой». Зная о выдающихся технических достижениях дореволюционной России, таких, например, как создание в начале XX века самого большого в мире бомбардировщика «Илья Муромец» или отличного в своем классе эскадренного миноносца «Новик», а также о многих других, было грустно за британского премьера. Поэтому известие о том, что «крылатая фраза» на самом деле принадлежит не Черчиллю, а какому-то коммунисту, и сэр Уинстон не уронил репутацию умного и знающего политика, очень порадовало. Однако в нашей стране до сих пор широко распространено мнение, в соответствии с которым индустриализацию России, в том числе и создание авиационной (и другой высокотехнологичной) промышленности, следует поставить в заслугу сталинскому режиму. «Промышленная революция» рассматривается в качестве некоего оправдания советской власти. История, как известно, не терпит сослагательного наклонения, и проверить, как обстояло бы дело, если бы Октябрьского переворота 1917 года не случилось, невозможно. Этим занимается известная область фантастической литературы, так называемая альтернативная история, к научной истории отношения не имеющая. Однако большевики выдавили из страны огромную массу технической интеллигенции, высококвалифицированных инженеров и специалистов. Значительная часть из них профессионально состоялась в странах рассеяния, и по успешности их реализации можно косвенно судить, каким могло бы быть промышленное развитие России при альтернативном варианте общественного устройства.

Марахонов Владимир Иванович — генеральный директор производственной компании, специалист по прямым инвестициям (Санкт-Петербург). Доклад был сделан в Белграде вне тематической программы II Головинских чтений, но вызвал большой резонанс среди слушателей. К сожалению, в настоящем сборнике составители не могут опубликовать богатый иллюстративный материал, демонстрацией которого на специальном экране сопровождалось выступление В. И. Марахонова.

Даже сквозь фильтры советской пропаганды в СССР проникала информация о таких известных американских ученых и инженерах, как, например, И. И. Сикорский и В. К. Зворыкин. Однако дальше них обычно дело не шло. Только теперь увидели свет публикации об учениках Н. Е. Жуковского и о других эмигрантах, реализовавшихся в разных профессиональных областях. В одной из таких публикаций автор увидел фразу о том, что в период между двумя мировыми войнами американские инвесторы при вложении средств в авиастроительные компании требовали, чтобы там большинство инженеров составляли русские. Утверждение показалось нам чрезмерно русофильским, некой новой вариацией на тему известного анекдота о том, что «Советский Союз — родина слонов». Однако автором редакционной заметки к упомянутой публикации оказался С. И. Сикорский, сын известного авиаконструктора. Это давало основания для серьезного отношения к прозвучавшему высказыванию. Может быть, и не все американские инвесторы выдвигали подобные требования, но тема положительного и значительного влияния русских инженеров на производство, как минимум, обсуждалась.

Автор попытался обобщить информацию об авиационных инженерах — выходцах из России, работавших в американской авиационной индустрии. Мы не претендуем на введение в научный оборот каких-либо новых сведений, это лишь компиляция из разных публикаций и упоминаний, не претендующая на полноту. Но общая картина, сложившаяся в результате компиляции, оказалась, как представляется автору, довольно впечатляющей и, как показала практика, неожиданной по своему масштабу даже для людей, знакомых с данной тематикой.

Самым известным из русских авиаконструкторов, безусловно, был Игорь Иванович Сикорский (1879–1972). Сын киевского врача, русского патриота и монархиста, начавший свой успешный путь авиаконструктора в императорской России и получивший наградные часы из рук Государя, он организовал в США, в Нью-Йорке в 1923 году уникальную компанию, в которой работали более двухсот эмигрантов из России. Помимо профессиональной деятельности компания давала работу и приют русским изгнанникам, если угодно, выполняла и социальную функцию, как сейчас говорят. В 1929 году компания переехала в Стратфорд, где и существует до сих пор, дав жизнь русской колонии с церковью, клубом, школой.

Историю компании Сикорского можно четко разделить на два этапа: до начала 1940-х годов, когда фирма занимала одно из ведущих мест в строительстве гидропланов, и после, когда она стала фирмой № 1 в мире по производству вертолетов. Начав с нуля и потерпев ряд неудач на старте, фирма Сикорского реализовала идею тяжелого, быстрого, грузоподъемного самолета-клипера, гидроплана, который может

опускаться на воду. Он построил серию таких клиперов. «Pan American» начала покупать у фирмы пассажирские лайнеры, предназначенные для регулярных трансокеанских перевозок. В 1934 году летающая лодка S-42 встала на линию, соединяющую Северную и Южную Америку. В 1935 году она начинает использоваться и в полетах через Тихий океан. А в 1937 году на серийных самолетах этого типа начались пассажирские перевозки через Атлантику. На основе этой машины была создана двухмоторная амфибия S-43, которую советские торговые представители приобрели и для СССР. Она участвовала в поисках пропавшего в северных льдах экипажа С. А. Леваневского и использовалась в 1937 году во время съемок знаменитой комедии Г. В. Александрова «Волга, Волга», где ее успешно выдавали за достижение сталинской техники.

Однако к началу сороковых годов Сикорскому и его коллегам стало понятно, что эра гидропланов отходит в прошлое. Уже было построено значительное количество больших аэродромов, на которые могли приземляться тяжелые самолеты, перевозившие пассажиров. Необходимость посадки на воду и взлета с воды отпала. Требовалось искать новую нишу. И Сикорский вернулся к своей давней мечте — вертолету. Первый вертолет строился втайне от акционеров. Тогда еще никто не считал конструкцию с одним несущим винтом перспективной, это потом, с легкой руки Сикорского, она стала преобладающей в мировом вертолетостроении. Свой первый экспериментальный вертолет Игорь Сикорский лично поднял в воздух 14 сентября 1939 года. Затем был создан опытный двухместный вертолет S-47 (R-4), в 1940 году поступивший в серийное производство. Начиная с сороковых годов, фирма «Sikorsky Aircraft» становится законодателем мод в вертолетной промышленности. Это первый серийный вертолет в мире R-4 (1940), первый коммерчески доступный вертолет в мире S-51 (1946), первый вертолет с цельнометаллическими лопастями S-52 (1947), десятки мировых рекордов в разных областях вертолетостроения. По лицензиям фирмы производили вертолеты многие промышленные страны мира. Уже 70 лет президентские вертолеты в США, так называемые «Marine One», — вертолеты фирмы Сикорского.

Игорь Иванович Сикорский ушел на пенсию в 1957 году. На должности главного конструктора его заменил один из соратников, Михаил Евгеньевич Глухарёв. В настоящее время «Sikorsky Aircraft» — ведущий поставщик Министерства обороны США, имеющий ряд подразделений, ориентированных на гражданские применения. Одной из последних разработок фирмы стал прототип самого скоростного вертолета в мире X-2, созданный на базе одной, не характерной для Сикорского, соосной двухвинтовой модели с дополнительным хвостовым

толкающим винтом. Его скорость достигает 470 км в час. На основе прототипа готовится к выпуску в 2014 году S-97 Raider — ударный и разведывательный вертолет, которому надлежит стать самым скоростным боевым вертолетом в мире.

Гораздо менее известен в России Александр Николаевич Прокофьев-Северский (1894–1974), в США — Alexander P. de Seversky. Предки дворянского рода Прокофьевых были военными, и только отец изменил традиции, став певцом оперетты и владельцем театра. Однако сыну он решил дать военное образование. Александр был зачислен в Морской кадетский корпус, который окончил 6 ноября 1914 года с производством в мичманы. Но он мечтал стать военным летчиком. Интерес к авиации пробудился в нем с юношеских лет под влиянием отца, который к тому же стал одним из первых русских летчиков-любителей. В 1914–1915 годах в России при Военно-морском флоте начали создавать авиационные группы, предназначенные для морской разведки и совместных действий с боевыми кораблями. В мае 1915 года Александр Николаевич по окончании Севастопольской авиационной школы сдал экзамен и получил звание морского летчика. 6 июля 1915 года во время взрыва бомбы при посадке ему изуродовало правую ногу, которую врачи ампутировали ниже колена. Но мужественный морской летчик не захотел расставаться с мечтой о полетах. После операции он усиленно тренировался ходить сначала на костылях, а потом без костылей, с деревянным протезом. Сильная воля, вера в себя и хорошая спортивная подготовка сделали чудо: со временем Прокофьев-Северский смог не только отлично летать, но и научился играть в гольф, бадминтон, кататься на коньках, танцевать, плавать на большие расстояния.

Александр Николаевич служил на петроградском заводе 1-го Российского товарищества воздухоплавания в качестве наблюдателя за постройкой и испытанием гидросамолетов, предназначенных для авиации Балтийского моря. Здесь он открыл в себе талант изобретателя и конструктора. Ему удалось предложить ряд усовершенствований в вооружении и деталях конструкции самолетов. Но Прокофьеву-Северскому хотелось летать, и чтобы доказать свою способность летать с протезом, он без разрешения совершил полет на новом типе самолета*. За «воздушное хулиганство» попал под арест, и только личное вмешательство контр-адмирала А. И. Непенина и императора Николая II спасло его от дисциплинарной ответственности. В знак восхищения перед волей пилота Государь своим специальным решением позволил Прокофьеву-Северскому вернуться к летной службе в морской авиации. Он успешно

* На летающей лодке М-9 пролетел под аркой Николаевского моста в Петрограде. — *Прим. ред.*

воевал и вошел в число известных русских асов, сбив несколько немецких авиаторов*.

После захвата власти большевиками Прокофьев-Северский получил разрешение на выезд за границу «для лечения» и через Владивосток выехал в США. С марта 1918 года Александр Николаевич короткое время служил помощником агента по делам Военно-морского флота при Российском посольстве в Вашингтоне. Работа в посольстве дала ему много связей среди американских военных, но вскоре после Брестского мира посольство закрыли. Оставшись не у дел, Прокофьев-Северский, к тому моменту сменивший фамилию на де-Северский, стал подыскивать себе новую работу. Смена фамилии произошла при анекдотичных обстоятельствах: графа иностранного документа не вмещала двойную фамилию, но Северский отказывался ее сокращать, ссылаясь на то, что это знак его дворянского достоинства. Тогда чиновник предложил ему взять приставку «де», на что Северский согласился, став Александром П. де Северским. Вскоре состоялась его встреча с генералом У. Митчеллом — убежденным сторонником развития бомбардировочной авиации, «крестным отцом» американских стратегических ВВС. Северский поделился с ним своими соображениями по техническому усовершенствованию самолетов, а Митчелл предложил ему место инженера-консультанта при Военном департаменте в Вашингтоне.

В 1922 году Северский создал фирму «Seversky Aero Corp.» и занялся разработкой нового бомбардировочного прицела. Это изобретение было куплено за 50 тыс. долларов, что позволило фирме существовать до 1929 года. В 1927 году Северский получил американское гражданство и чин майора ВВС США. За время своей деятельности в этот период Северский сделал более 200 изобретений. После «Великой депрессии» Северский, используя свои новые связи и светское обаяние, привлек инвесторов и с помощью известного финансиста Эдварда Мура и других заинтересованных лиц основал фирму «Seversky Aircraft Corporation». В корпорацию он привлек соотечественников — талантливого инженера-конструктора Александра Картвели и друга отца, конструктора с дореволюционным стажем Михаила Григорашвили и

* За боевые отличия произведен в лейтенанты (1916) и старшие лейтенанты (1917). 1 августа 1916 легко ранен в воздушном бою. 28 ноября 1916 приказом № 839 по Морскому ведомству награжден Георгиевским оружием за храбрость и мужество, проявленные в воздушном бою с превосходящими силами противника. 1 октября 1917 в результате останковки мотора совершил вынужденную посадку на неприятельской территории. Уничтожил самолет, проделал путь более чем в 30 верст (!), будучи протезным инвалидом, и вышел в расположение своих войск. Подтверждений часто встречающихся сведений в литературе о награждении А. Н. Прокофьева (Северского) золотым морским кортиком, орденом св. Георгия IV ст. и о сбитых самолетах противника нам найти не удалось. — *Прим. ред.*

многих других. Сам Северский занимал должность президента, а также работал конструктором и летчиком-испытателем.

Фирма стала пионером в области создания истребителей на основе цельнометаллических монопланов, установивших многочисленные рекорды скорости. На ней был создан первый двухместный истребитель дальнего сопровождения 2РА с дальностью полета более 5 тыс. км. Этот истребитель (с лицензией на производство) американцы продали в СССР и в Японию. Но генералитет США тогда не разделял взгляды Северского и его патрона, генерала Митчелла, о необходимости сопровождения тяжелых бомбардировщиков, считая, что «летающие крепости» сами себя защитят, и фирма не получила правительственных заказов. Это ухудшило ее финансовое положение. В 1939 году совет директоров, раздраженный этим обстоятельством, снял Северского с должности президента и даже изменил название фирмы на «Republic Aviation».

Северский, почувствовавший себя глубоко уязвленным случившимся, решил отойти от конструкторской работы. Он занялся прогнозированием развития военной авиации в период Второй мировой войны и на этом поприще стяжал себе едва ли не большую славу, нежели как авиаконструктор и ас. В 1942 году он написал бестселлер «Воздушная мощь — путь к победе» («Victory Through Air Power»), принесший ему всеамериканскую и мировую известность. До конца жизни Александр Николаевич оставался консультантом правительства США в области ВВС и лектором Авиационного университета, где обучались будущие командиры ВВС. Его имя, вместе с именем Игоря Ивановича Сикорского, записано на стене Национального Авиационного Зала Славы США рядом с именами братьев Райт, У. Боинга и других.

Воплощение совместных с Северским идей в «Republic Aviation» продолжил Александр Михайлович Картвели (1896–1974). После налета на Пёрл-Харбор Америка вступила во Вторую мировую войну, и, когда из первого дальнего рейда американских бомбардировщиков вернулось менее половины машин, в штабе ВВС вспомнили об истребителях дальнего сопровождения. Фирма получила заказ на дальнейшее развитие этой идеи, и созданный на базе истребителей 2РА и УР-43 Lancer стал одним из самых знаменитых американских истребителей Второй мировой. Republic P-47 Thunderbolt был запущен в 1942 году в серийное производство. Интересно, что с 1942 по 1946 год президентом «Republic» служил русский эмигрант Альфред Маршев, а после 1946 года эту должность занял Александр Картвели. «Тандерболт» стал самым большим и самым мощным истребителем Второй мировой войны, необычайно живучим, с хорошей бронезащитой и мощным вооружением. До конца 1945 года американцы произвели более 15 тыс. P-47, совершили на них 564 тыс. боевых вылетов, во время которых уничтожили или повредили

почти 12 тыс. самолетов противника, 86 тыс. железнодорожных вагонов, 6 тыс. бронетранспортеров и танков. При этом относительный уровень потерь P-47 оказался наименьшим среди американских истребителей, применявшихся в войне с Германией. К концу войны именно этот самолет сделал «Republic Aviation» одной из крупнейших авиационных компаний в мире.

В 1945 году Александр Картвели спроектировал и построил один из первых в США реактивных истребителей F-84 Thunderjet, запущенный в серию в 1947 году. Он успешно воевал в Корее, но после появления там МиГ-15 со стреловидным крылом в «Republic» поняли необходимость модернизации своего самолета. За первые шесть месяцев 1950 года был изготовлен вариант со стреловидным крылом F-84F Thunderstreak. Скорость полета увеличилась до 1150 км/час. В 1955 году корпорация создала сверхзвуковой истребитель-бомбардировщик F-105 Thunderchief — один из основных американских самолетов в годы вьетнамской войны. Он стал последним самолетом, созданным Картвели перед уходом в 1962 году из компании. Однако когда в 1965 году «Republic» слилась с «Fairchild Hiller», Картвели вернулся на должность консультанта и принял участие в первых мероприятиях по разработке Fairchild-Republic A-10 Thunderbolt II — самолета огневой поддержки, названного в честь легендарного истребителя Второй мировой (этот самолет известен также как A-10 Tank Killer).

Как Сикорскому, так и Северскому в начале становления их компаний помог еще один почти не известный в России представитель русской авиационной эмиграции — Борис Вячеславович Корвин-Круковский (1895–1988). Потомок известного дворянского рода (среди его родственниц Софья Ковалевская), выпускник Первого кадетского корпуса и Николаевского инженерного училища, он учился у соратника Жуковского — полковника Б. Ф. Найдёнова. После выпуска из Гатчинской авиационной школы в 1915 году до мая 1916 года — летчик и заведующий технической частью в VI корпусном авиаотряде Северо-Западного фронта. Получил тяжелое ранение в руку, но пилотирования не оставил. За отличия награжден орденами св. Станислава III ст., представлен к орденам св. Анны IV ст. «За храбрость» и св. Владимира IV ст. с мечами. После 1917 года почти вся семья родителей Корвин-Круковского была расстреляна большевиками.

В эмиграции Корвин-Круковский за один год получил диплом магистра Массачусетского Технологического института. Теоретическая подготовка Николаевского инженерного училища оказалась примерно соответствовавшей степени бакалавра, даже чуть выше. В 1921 году Борис Вячеславович начал работать в «Aeromarine Plane and Motors Co», в 1925 году стал вице-президентом фирмы EDO. В 1920–1930-х годах

фирма EDO оказалась одной из самых коммерчески успешных компаний, без потерь пережившей фатальный для подавляющего большинства период «Великой депрессии». Этот успех, однако, был достигнут за счет отказа от производства своих моделей самолетов и специализации в производстве одного из элементов конструкции — шасси-поплавков, обеспечивавших посадку на воду. Прекрасный специалист по гидро- и аэродинамике Корвин-Круковский разработал оптимальную форму поплавка, которая была к тому же предельно технологична в изготовлении и универсально подходила для любой машины. С конца 1920-х годов большинство гидросамолетов в мире использовали поплавки фирмы EDO. Самолеты, стоящие на этих поплавках, продолжают летать и в XXI веке.

В 1926 году, когда у Сикорского разбился самолет для трансатлантического перелета и фирма оказалась на грани банкротства, Корвин-Круковский предоставил компании производственные помещения EDO в Колледж-Пойнт на самых льготных условиях. Его сотрудничество и дружба с Сикорским продолжались всю жизнь. Несколько по-другому сложились отношения с Северским. Корвин-Круковский стал основным партнером Северского в разработке амфибийных вариантов его первых самолетов SEV-1 и SEV-3, но необязательность Северского привела в 1934 году к разрыву Корвин-Круковского и заместителя Северского, Михаила Григорашвили, с Северским. С Корвин-Круовским работали многие другие известные специалисты-эмигранты. Его помощниками в EDO были К. Л. Захарченко, В. Н. Гарцев и другие русские специалисты.

Константин Львович Захарченко (1900–1982), выпускник Морского корпуса 1916 года, поступил в 1921 году на то же отделение Массачусетского Технологического института, что и Корвин-Круковский. По окончании этого знаменитого заведения работал в «Case Aircraft Corp». В 1927 году вместе с Джеймсом Мак-Доннелом основал фирму, где они построили спортивный самолет McDonnell DoodleBug. Во время «Великой депрессии» бизнес пришлось закрыть, и Захарченко ушел в EDO на должность заместителя главного конструктора. В 1934 году Константин Львович принял приглашение Гоминьдановского правительства Китая и уехал в Кантон, чтобы создавать там конструкторское бюро и авиационный завод. Он организовал серийное производство учебно-тренировочного самолета «Фу Шин», работал на заводе фирмы «Curtiss», производившей истребители для национального Китая, заслужил высший орден «Слава Китая». После возвращения в США в 1943 году его разыскал Мак-Доннел и пригласил в свою фирму «McDonnell Aircraft Corp.» на должность главного конструктора Исследовательского отделения по вертолетам и двигателям. Под руководством Захарченко были построены самый тяжелый в мире на тот период двухвинтовой

вертолет McDonnell-XHGD-1 Whirlaway и первый в мире вертолет с реактивным приводом несущего винта McDonnell-37 Whirlaway. В 1949 году Константин Львович перешел работать в Министерство обороны США, где занимался ракетной техникой для ВМФ.

Ученик Жуковского Михаил Ваттер (1899–1976) тоже сделал в США блестящую карьеру. В 1915 году он поступил в Московское Высшее техническое училище, где занимался у Жуковского, потом учился в Киевском Политехническом институте и окончил Туринский Политехнический институт в 1921 году уже в эмиграции. Ваттер работал в «Curtiss — Wright Corp.» и «Chance Vought Corp.». В 1936 году он поступил в фирму «Glenn Martin», где участвовал в разработке проекта самой большой в мире летающей лодки XPB2M-1R Mars (брала на борт около ста пятидесяти десантников с полным вооружением при команде в семь человек) и стал ведущим конструктором знаменитой летающей лодки Martin PBM — 5 Mariner — лучшей машины своего класса в авиации Военно-морского флота США в годы Второй мировой войны.

В 1939 году Ваттер принял предложение крупной вагоностроительной компании «Budd» возглавить вновь созданное авиационное отделение. В задачу отделения входила разработка самолета из нержавеющей стали, поскольку поставка алюминиевых сплавов могла быть нарушена во время войны, а компания имела большой опыт по использованию стали для постройки вагонов. В 1942 году сотрудники отделения под руководством Ваттера создали десантно-транспортный самолет RB-1 Budd Conestoga. Этот самолет стал предшественником всех будущих военно-десантных самолетов, поскольку в нем были впервые реализованы все характерные элементы конструкции таких машин. Приоритет Ваттера признан во всем мире. Конкуренцию ему составил лишь М. М. Струков, создавший в конце войны свой знаменитый Provider по классической схеме. Однако окончание войны привело к снижению спроса, и руководство компании закрыло авиастроительное отделение. Ваттеру предложили должность директора всей компании по научным исследованиям. До 1961 года он работал в фирме «Budd» на директорских должностях. После ухода на пенсию Михаил вернулся к любимой авиационной теме и работал в ученом совете Института оборонных исследований США, занимаясь тематикой, связанной с ракетой Титан-2, программой противоракетной обороны, ШАТТЛом и т. д.

Еще одним известным в США конструктором десантно-транспортных самолетов стал русский эмигрант Михаил Михайлович Струков (1883–1974). Он окончил в 1908 году Киевский Политехнический институт императора Александра II, в чине капитана воевал в Первую мировую войну и был награжден за храбрость орденом св. Георгия IV ст. В 1922 (1923?) году эмигрировал в США, где первое время занимался

строительством мостов и железных дорог. Он был хорошим спортсменом и увлеченным планеристом, что и привело его, в конце концов, к авиационному бизнесу. В 1943 году Струков создал компанию «Chase Aircraft», которая занялась проектированием и строительством десантных планеров. Его заместителем работал Михаил Григорашвили. В конце 1944 года командование ВВС США заявило о необходимости создания нового поколения планеров, которые при необходимости могли бы быть переделаны в самолеты. В рамках заданной программы Струков с коллегами создали военно-транспортный самолет С-122, состоявший на вооружении армии США до 1958 года, и затем — вдвое больший по грузоподъемности С-123, в котором удалось реализовать и новые конструктивные решения самолета Ваттера Budd Connestoga. Серийный самолет получил название С-123В Provider и стал одним из самых популярных транспортных самолетов того времени. Российские кинозрители могут помнить его по боевику «Воздушная тюрьма» (1997).

Заказ на С-123В оказался слишком велик для фирмы Струкова, и он решил объединиться с Г. Кайзером, владельцем бывшего авиационного завода Форда. Однако выяснилось, что Кайзер нечист на руку, завышал цены для Министерства обороны, и в результате Конгресс США передал заказ на С-123 фирме «Fairchild». Фирма выпустила более трехсот самолетов, ставших основными транспортными самолетами вьетнамской войны. Струкову удалось отсудить у Кайзера часть своих убытков, и в 1954 году Михаил Михайлович основал новую фирму «Stroukoff Aircraft», где продолжил развитие С-123. В сотрудничестве с Корвин-Круковским он разработал систему Pantobase, позволявшую самолету садиться практически везде: на воду, снег, твердую поверхность. Однако в конце 1950-х годов конкурс на четырехмоторный транспортный самолет выиграл «Lockheed C-130 Hercules», и фирма Струкова лишилась заказов. Будучи уже на восьмом десятке, Михаил Струков ушел из авиации. С-123 летают до сих пор. В настоящее время популярным среди планеристов США событием остается кубок «Larissa Stroukoff memorial Trophy», учрежденный фондом, названным в честь жены Михаила, Ларисы Струковой. Дизайн кубка разработал сам Михаил Струков.

Владимир Александрович Клыков родился в 1898 году в Севастополе. Будучи студентом Петроградского Политехнического института имени Петра Великого, а впоследствии выпускником Массачусетского Технологического института, он участвовал в разработке известных самолетов фирмы Дуглас — DC-2 и DC-3, занимая в компании «Douglas Aircraft» в то время должность заместителя начальника отдела прочности. Самолет DC-3 производился в СССР по лицензии под названием Ли-2, став одним из самых популярных транспортных и пассажирских

самолетов. Впоследствии Клыков руководил различными территориальными отделениями Управления гражданской авиации США.

Российские эмигранты оставили заметный след в США и в организации университетского образования в области авиационных дисциплин. Среди них отметим Александра Михайловича Никольского (1902–1963), учившегося в Морском корпусе. В 1920 году вместе с группой гардемарин и кадетов Никольский захватил во Владивостоке корабль, на котором ушел в Японию. На вырученные от продажи корабля средства группа хотела направиться в Крым, в армию генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля, но не успела. В эмиграции Никольский учился в Сорбонне и в Массачусетском Технологическом институте. В 1929 году поступил в фирму Сикорского, где стал заместителем главного конструктора. В 1937 году получил гражданство США. Однако в 1942 году по состоянию здоровья ему пришлось покинуть фирму и перейти на преподавательскую работу в Принстонский университет. Через два года Александр Михайлович получил профессорское звание.

Никольский первым в мире организовал подготовку специалистов-вертолетостроителей с высшим техническим образованием. Он развернул в Принстоне фундаментальные теоретические и экспериментальные исследования по аэродинамике, динамике полета и прочности вертолетов. В 1944 году вышла в свет книга Никольского «Заметки по теории проектирования вертолетов». Она стала первым учебником в этой отрасли. В 1951 году ученый опубликовал фундаментальный труд «Вертолетный анализ». Под его руководством в Принстоне была построена многоэтажная «Башня Никольского» для исследования режима авторотации несущих винтов, а затем «принстонский трек» — 250-метровый коридор для скоростных испытаний моделей вертолетов. Ученики Никольского заняли высокие посты в промышленности и на государственной службе. Он сам находился в числе советников президента США, НАСА и других организаций. В память о нем Американское вертолетное общество учредило «Мемориальную лекцию Никольского» за выдающиеся работы в области вертолетостроения. Кстати, первым этой награды удостоился в 1981 году В. Степневский — крупнейший американский ученый в области проектирования вертолетов и уроженец Каменец-Подольского.

Ученик Жуковского Янис Аккерман (1897–1972) в 1925 году получил степень бакалавра Мичиганского университета. В 1928 году он поступил профессором на вновь организованный авиационный факультет университета Миннесоты в Миннеаполисе, где и проработал всю жизнь. К началу Второй мировой войны усилиями Аккермана факультет превратился в один из лучших авиационных факультетов США. После войны Аккерман организовал сверхзвуковую аэродинамическую лабораторию

Роземаунт, где впервые в истории была достигнута скорость в семь скоростей звука. Помимо общепризнанной образовательной деятельности Аккерман сотрудничал с рядом известных авиационных фирм. Самым известным примером такой деятельности стала его работа по расчету профиля крыла для В-29 — «летающей суперкрепости» фирмы «Боинг». Аккерман также консультировал расчет крыла для бомбардировщиков В-47 и В-52.

Приведенными фамилиями далеко не исчерпывается список русских эмигрантов, оказавших значительное влияние на авиационную промышленность США, но даже эта небольшая часть показывает масштаб научно-технического и творческого потенциала в области авиапромышленности, потерянного Россией в результате Октябрьского переворота 1917 года. Да и в других областях и отраслях экономики легко найти американских специалистов с русскими фамилиями. Может быть, в будущем настоящая тема будет раскрыта во всей полноте, но масштаб нашей работы, к сожалению, пока не позволяет надеяться на то, что это произойдет скоро.

Литература:

Михеев В. Р. Иван Давович Аккерман (1897–1972) и Михаил Ваттер (1899–1976) — забытые ученики Н. Е. Жуковского. М., 2003. — 147 с.

Он же. Борис Вячеславович Корвин-Круковский (1895–1988). М., 2002. — 114 с.

Михеев В. Р., Катъшев Г. И. Сикорский. СПб.: Политехника, 2003. — 624 с.

Борисов В. П., Бронштэн В. А., Волков В. А., Ермолаева Н. С., Куликова М. В., Логинов В. А., Михайлов Г. К., Михеев В. Р., Мирская М. Б., Погребысская Е. И., Соболев Д. А., Соколовская З. К., Телицын В. Л., Ульяновина Т. И., Чеснова Л. В. Российские ученые и инженеры — эмигранты (1920–1950-е годы). Проект № РСД856 <http://www.ihst.ru/projects/emigrants/>

Общая дискуссия 11 сентября

Русский человек и революционный кризис 1917 года: мотивы и последствия поведения

Ведущий — профессор А. Б. Зубов

Подготовка текста К. Г. Араканцева и А. А. Словохотова

Андрей Борисович Зубов (профессор МГИМО(У), Москва): Дорогие друзья, мы ведь с вами уже как-то начали эту проблему обсуждать. Проблему, связанную с тем, почему произошла революция 1917 года, почему русский человек так себя повел в революции, почему развалился фронт, почему оказалась практически без социально значимой поддержки русская историческая монархия. Потом также оказалась без какой-либо социальной поддержки русская либеральная составляющая — те думские партии, которые попытались управлять страной после Февраля 1917 года. И все в итоге скатилось в руки большевиков. И, самое главное, когда поднялось... Это ведь чудо. На мой взгляд, может быть, я, конечно, ошибаюсь, может, Кирилл Михайлович или кто-то из вас меня поправит, но мне кажется, что то, что в конце 1917 — начале 1918 года возникает Белое движение, — это чудо. Вы понимаете, то, что в России оказалось такое количество людей, которые способны к самоорганизации, — это ведь редкость. Во Франции времен Великой революции Белое движение (легитимисты, Вандея) было намного более ограничено по своим масштабам. И тем не менее даже это Белое движение, которое по промыслу Божьему почти добило победы к осени 1919 года, так и не получило поддержки людей. То есть, даже когда людям не надо было бежать через фронт, не надо было поднимать восстание, надо было просто... Вот Деникин уже освободил Киев, освободил Харьков — вступайте в армию, сражайтесь. И никто не вступал, никто не сражался. Почему такие странные реакции русского человека — это тема серьезных размышлений. Я вам предложил свою точку зрения, я понимаю, что она дискуссионна. И мне показалось, что

если мы сейчас обсудим эту тему, выскажем разные позиции, поспорим, мы внесем серьезный вклад в понимание не только истории, но и, в общем-то, извлечем урок на будущее. Потому что история — это учитель настоящего, как известно. Я очень надеюсь на ваши выступления и высказывания.

Игорь Владимирович Домнин (полковник запаса, Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына, Москва): Я не знаю, в каком жанре трактовать то, что я буду говорить, но это абсолютно в русле нашей темы. Мы должны, мне кажется, еще вот что обсудить. Вот то, что Андрей Борисович сказал... Я сейчас свое мнение выскажу по поводу того, что Белое движение — это чудо. И согласен, и, дополню, немножко не согласен. А второе — еще одну тему внутри этой большой обозначу.

Итак, первое. Это чудо. Действительно. И почему — Андрей Борисович обосновал в общих чертах правильно, на мой взгляд. Но я скажу, что это еще и закономерность. Это не только чудо. Хотя чудо, наверное, тоже имеет, говоря философски, какой-то элемент закономерности. Это немножко разные, не соотносимые понятия. Но все-таки это и закономерность, ибо так было должно. Если мы будем изучать историю русского офицерства, а, конечно, в главе Белого движения неслучайно встали офицеры и молодежь — вот те гимназисты, юнкера и так далее. Почему так? Но офицеров пошло, мы знаем, в Первом Кубанском «Ледяном» походе всего несколько тысяч человек — вот и вся Россия, казалось бы, да? Но это был, как говорили наши герои (и Головин, и его оппоненты, и мыслители, и Ильин Иван Александрович, и Шмелёв Иван Сергеевич), это был отбор. Отборное офицерство встало в ряды Белого движения. Это те офицеры, которые не на словах, а на деле проявили патриотизм в реальном своем воплощении. Как говорили Меньшиков и о. Иоанн Кронштадтский, деятельный патриотизм. Они действием своим доказали преданность той Родине, которую они любили и защищали. Тогда и слов-то таких мало кто мог произносить. Тогда было месиво грязи, холод, смерть и так далее. Но это было, если в них веками воспитывалось это чувство жертвенности, для 90% оно оказалось на поверку, так сказать, эфемерным. Они или растерялись, или не знали, как себя вести. Но 10%, тот отбор и, подчеркиваю, духовный отбор, вот он явил себя, он материализовался в действиях тех, кто пошел за Корниловым, Алексеевым, Деникиным и иже с ними. Поэтому это должно было быть закономерно. Мы вам назовем десятки героев наших. В том числе и Головин выбор сделал.

Второе. Мы сегодня должны задеть еще такую тему, на мой взгляд. Голгофа русского офицерства, трагедия русского офицерства. Вот как

народ вооруженный, а это был народ тот самый, крестьяне, о которых говорили сегодня, повел себя по отношению к своим командирам, и как командиры проявили себя, и как они вели себя в этой ситуации. Потому что первыми жертвами «Великой и бескровной», а потом большой и кровавой были русские офицеры и никто другой. То есть другие тоже были и потом много было категорий, но первыми жертвами... Вот Краснов с его романом «От двуглавого орла к красному знамени», вот эти картинки, когда как Христа распинали офицеров на дверях землянок, прибывая гвоздями, когда этот зверь из бездны, говоря словами Чирикова, вышел и вот таким образом обошелся с русским офицерством, вот об этом сегодня до сих пор мало написано, серьезных исследований почти нет. Есть отдельные работы. Вот и поэтому наш неграмотный сегодня и не желающий просвещаться народ об этом ничего не знает. А это всегда было так — офицеры первой жертвой становятся. Вот, мне кажется, если кто-то знает по этой теме что-то более содержательное, может привести какие-то примеры исследований, моменты какие-то изложит, будет очень хорошо. Спасибо.

А. Б. Зубов: Благодарю Вас, Игорь Владимирович. Но я возвращаюсь к вопросу, почему наш русский народ оказался в массе своей зверем из бездны? Вот это проблема, понимаете. Офицерский корпус относительно солдатской массы был невелик, но и он разделился, как известно. Но почему солдатская масса, матросская масса русских людей оказалась зверем из бездны? Вот это очень серьезная проблема, о которой, я думаю, нам надо говорить в первую очередь.

Андрей Викторович Дмитриев (предприниматель, Санкт-Петербург): Я хочу копнуть немножко поглубже. Мое мнение, что истоки большевизма восходят даже еще к Киевской Руси и к Золотой Орде. Как мы знаем, когда татаро-монголы напали на Киевскую Русь, часть славян поддержала монголо-татар и они убивали своих же соплеменников. Это было. Другой пример — маленькая страна Япония, на которую тоже пытались напасть монголо-татары два раза. Китайские там были, корейские, монголо-татарские части — у них ничего не получилось. Японцы их разбили, потому что народ был солидарен. Не воевали на стороне монголо-татар никакие японцы. И, к сожалению, получается так, что русский народ в промежуток времени от момента принятия христианства до нападения монголо-татар был очень маленьким. И в этом случае не было общей солидарности. Это вот один момент, моя точка зрения.

И второй момент, уже, скажем так, немножко повыше. Ну, давайте предположим, Государь Император Александр II издал манифест о начальном и среднем образовании в крестьянской среде. Ну,

предположим. И что бы это изменило? Да ничего. С шести-семи лет дети уже работали, потому что жили крайне бедно. Страна расширялась, постоянные войны... Россия воевала за счет кого? За счет крестьян. Экономика надрывалась. Понимаете, конечно, хорошо иметь [неразборчиво. — *Сост.*] Россию, Аляску, Калифорнию, но все это на горбу русского крестьянина. А люди, они не резиновые, им тоже надо жить хорошо. И когда (взять хотя бы период Второй мировой войны), когда немецкие части входили в Псковскую губернию и когда солдаты видели соломенные крыши, разбитые дома, их охватывал ужас. Это было, от этого никуда не уйти.

И еще один момент хочу сказать. Вот тоже была реплика по поводу того, что вспоминали крестьяне — дескать, был хороший барин, все хорошо было, все замечательно. У меня было другое. Несколько раз я такое встречал, что приходили люди либо пожилого возраста, либо предпозилого и говорили, как хорошо им жилось при немцах. Платили, в колхозы особо не загоняли, то есть было нормально, спокойно, а вот как плохо потом стало. В принципе, оккупационная власть и то была лучше, чем своя родная. Как только пришли большевики, началось снова: трудодень — палочка, сто грамм зерна (сто пятьдесят), в четыре утра бригадир в окно стучит... Не пошел — можно и срок было получить. Так и жили. Спасибо.

А. Б. Зубов: Я бы хотел зафиксировать ваше внимание еще на одной важной проблеме, которую Андрей Викторович только что поднял. Хотя, может быть, речь идет не о татаро-монгольских временах, но важное слово было произнесено. Это слово «солидарность». Вот действительно, отсутствие солидарности в русском обществе — это и есть причина революции. То есть каждый боролся за себя. Каждое сословие — за себя. Искало своего. Вот в чем тут дело. Почему была утрачена солидарность — тоже открытый вопрос. Я не думаю, что это в генотипе русского народа. Кстати, японцы ведь всегда благодарят море за то, что их не завоевали татаро-монголы. Да, священный ветер их разметал. Но как бы там ни было, солидарности у русского народа не было. Я хочу привести еще один пример: ведь когда в 1812 году пришел Наполеон и объявил об отмене крепостного права в России, то немало крестьян жгли усадьбы своих помещиков, с удовольствием бежали к Бонапарту. Опять же, солидарности не было и тогда. Об этом просто не любят говорить, но когда читаешь воспоминания, это встречается часто.

Владимир Иванович Марахонов (Генеральный директор производственной компании, Санкт-Петербург): Про японцев хорошо упомянули. Потому что слово «камикадзе», может быть, не все знают,

обозначает как раз «Божественный ветер», разогнавший флот Хубилая, который он поставил борт к борту, чтобы перевести конницу на японские острова. Это ремарка.

Вы знаете, я хотел бы привлечь внимание к мнению с противоположной стороны. Дело в том, что оба моих родителя происходят из двух соседних деревень Тверской губернии Бежецкого уезда. Государственные крестьяне. И отец еще в глубоко советские времена, когда я был школьником, рассказывал мне о многих моментах из той жизни, в том числе связанных и с революцией. Он был 1909 года рождения, поэтому в какой-то мере это были пересказы того, что ему говорили взрослые. Ну, а что касается коллективизации, в коллективизацию оба моих родителя оттуда уехали. Это была семейная трагедия в какой-то степени. Так вот, что я хотел бы отметить.

Первое. Вред крепостного права, еще один, состоял в том, что оно раскололо русский народ не только по плоскости баре — крестьяне. Я вспоминаю, как отец мне рассказывал о деревнях, окружавших их деревни. Рассказывал о том, как они дрались с пацанами в молодости, когда он был мальчиком. Вот та деревня, я уже не помню название, Скобцово, там нормальные люди были. А вот эта деревня, Киселёво, там, говорит, бывшие крепостные были. Народ вороватый, говорит. То есть даже в среде крестьян существовала некоторая иерархия. То есть государственные крестьяне, лично свободные, они относились к крепостным не очень хорошо. Ну, и по поводу того, как жгли имения. Жгли имения, по-видимому, только крепостные крестьяне, потому что, опять же, отец рассказывал, как мой двоюродный дед участвовал в каком-то конфликте из-за земли (там недалеко было имение Гумилёвых — Слепнёво). Произошла какая-то серьезная драка между охраной этого имения и представителями деревни моего отца, и в той драке моему двоюродному деду сломали ребро. То есть вот такие были эпизоды. Но, он говорит, чтобы кто-то кого-то жечь пытался... Что касается отношения к революции и, особенно, к коллективизации. Вообще говоря, то, что я понял от своего отца: то, что пишут о внутренней жизни деревни, это что-то... Ну, он, собственно, прямым текстом заявлял, когда я ему говорил, как юный пионер, читавший советскую литературу, а вот это, вот это, вот это... «Слушай, — говорит, — ну не читай ты эту дурь. Все было не так. Совсем». Но, правда, к сожалению, не было у меня возможности запомнить все подробности из этих разговоров.

Но вот как люди относились... Вот Андрей Борисович говорит, что брать чужое, реквизиция... А я задавал этот вопрос. Он говорит, что были пара-тройка пьяни болотной, которые действительно всем этим охотно занимались, охотно на это шли. И потом, прежде всего даже не в революцию, а в коллективизацию, говорит, большинство нормальных

людей плевалось просто, глядя на это все по этому поводу. И дальше, когда мы разговаривали о том, как было в коллективизацию, один из моих родственников по матери (он тоже происходил из соседней деревни Заручье), он разбогател, стал купцом, причем довольно высокой гильдии, имел дом в Москве, и когда был голод в начале века, он прислал в свою деревню два вагона пшена, потому что людям надо было есть. Так вот, когда раскулачивали, у них была большая семья, у родителей матери. Какая-то сволочь из этих маргиналов стукнула на то, что у них родственник в свое время в деревню отправил два вагона зерна. И их раскулачили. Потом, правда, все уехали по городам, никто не погиб.

Я спросил тогда отца: вот такое творится, а почему же оружие никто в руки не взял, почему не собрались? Говорю, ты же сам рассказывал, что когда были конфликты, ну и не обращали внимания. Он подумал-подумал: «Знаешь, — говорит, — как-то вот не было это в обычае. Когда идет что-то сверху, когда идет что-то от государства, не было в обычае этому сопротивляться». И вот, я думаю, что основная причина заключается не в каких-то вредных качествах русского народа, не в каких-то попытках брать чужое, потому что, опять же, я полагаюсь на свидетельства своего отца, пара-тройка полных пьянчуг поддерживали такие безобразия. Говорит, у меня дед был школьным учителем в деревне отца, когда они переезжали тогда в коллективизацию, он хотел забрать дом деда. Дед сказал: «Черта в ступе я тебе его отдам». И оставил его под школу. Я приезжал в эту деревню, чтобы узнать дом своего деда, спросил у бабушек, где школа до войны была, они показали на дом — действительно стоит до сих пор. А так деревня, конечно, разрушена после коллективизации, живут какие-то кавказцы. Вот, собственно, все.

А. Б. Зубов: Спасибо, Владимир Иванович. Это важное личное свидетельство, но в нем есть и несколько общих моментов. Во-первых, обобщая личный опыт, можно сказать, что Тверская губерния, конечно, одна из тех, нечерноземных губерний, где в общем-то крестьяне традиционно занимались, даже помещичьи, в основном отхожими промыслами. И земля не могла прокормить, и поэтому население, даже крепостное, было намного более открытым, образованным, знавшим мир, чем во всех черноземных губерниях, где существовала барщина, а не оброк. Самая большая проблема — это наши барщинные губернии с доминирующим крепостным населением.

Мы иногда говорим о проблемах Америки, о негритянской проблеме, забывая, что только два штата Соединенных Штатов имели черных рабов более половины населения. Только два штата из всех штатов США, в остальных их было намного меньше. По-моему, это Миссисипи и Джорджия. А у нас абсолютное большинство крепостных крестьян —

это большая полоса земель через восточную и центральную Украину и до Волги. Очень серьезная зона. И вот эти-то области оказались, кстати говоря, в эпоху Белого движения самыми неперспективными для него. Обратите внимание, что на Севере, там, где не существовало крепостного права, например, в Архангельской губернии, простой народ в общем-то очень был активно солидарен с генералом Миллером и Белым движением. Они там были жестокие, они там бедных большевиков убивали ужасно, но, по крайней мере, это была их земля, это было их добро, и они не признавали ничего, вообще чтобы кто-то у кого-то что-то забрал, кто-то дал... Они сражались за свое. И поэтому генерал Миллер и добровольцы оказались лишь помощниками в этой борьбе. А крепостной пояс сейчас до сих пор остался, это «красный пояс» наш, электоральный «красный пояс». Он даже сейчас не изменился. Когда в этот пояс вступила Белая армия, единственные, кто шли добровольцами в Белую армию, вы знаете, это гимназисты, семинаристы, дети местной интеллигенции... А все остальные не шли. И характерны воспоминания будущего владыки Василия (Кривошеина), который как раз перешел линию фронта и стал белым солдатом. Когда он переходил линию фронта, ему бабы говорили: «Ты туда не иди, милок, там чужие, наши-то здесь, а ты что ж к ним идешь?» Здесь: наши — это красные. Вот это установка — еще один излет крепостного права в черноземной полосе.

Юрий Станиславович Цурганов (доцент РГГУ, главный редактор журнала «Посев», Москва): Я предложил бы еще один взгляд на проблему, который, в отличие от точки зрения моего коллеги, устремлен не вглубь веков, а наоборот, он очень, в определенном смысле слова, поверхностный. Десять-пятнадцать-двадцать лет перед революцией 1917 года — это время очень высокой эмансипации общества от власти. Эпоха ликования частной инициативы, это создание бизнеса, феноменальный расцвет культуры... И вот такие тенденции очень многих раздражали. Знаете ведь притчу или анекдотец: «Я тебе дам все что угодно, но соседу вдвое больше. — Выколи мне глаз». Нисколько не спорю с Андреем Борисовичем Зубовым, мне очень нравится его концепция, но, может быть, чуть-чуть дополню ее. Октябрь 1917 года — это феодалная реакция. Не реакция феодалов старинных родов, а реакция феодального сознания. Сработала тоска по тем временам, когда за тебя все решат. Не надо личной инициативы, пугавшей и создававшей примеры успеха, которые раздражали. О себе заявил слой людей, которым было проще выполнить приказ, чем принять самостоятельное решение. И который готов жить бедно, но чтобы также жили все, кого он вообще видит. Начальство в галифе, но оно и есть начальство, чтобы в пояс кланяться. Привычка такая существовала.

И вот, кстати сказать, такую же вещь мы наблюдаем и сегодня. Понимаете, вот сегодня приходят студенты, родившиеся в 1990-е годы, и они ретранслируют то, что говорит папа за ужином, эти потерпевшие крах в 1990-е годы папы. Они чудовищные вещи говорят, конечно. В отношении Горбачёва дискутируется только способ казни. Больше ничего. Спасибо за внимание.

А. Б. Зубов: Юрий Станиславович, благодарю Вас. Действительно, Вы очень важный момент затронули. Добавлю, что ведь речь идет и о самоуправлении земском и городском, которое тоже расцветает с 90-х годов XIX века и особенно после 1905 года. Разумеется, и о той категории крестьян, которых называли «стольпинские помещики», то есть о выселившихся на хуторах и успешных крестьянах. Их ненавидели. Вот только что в снятом фильме «Жила-была одна баба...» на экране показан характерный пример, как где-то в 1909–1910 году сжигают хутор такого «стольпинского помещика». Сжигают в Тамбовской губернии, как раз в помещицкой. Почему? Потому что зависть. В первую очередь зависть к тому, кто богаче. Это очень серьезный момент. Ведь большевики использовали и социальную зависть внутри сословия, а не только межсословную. Поэтому и был обращен удар против кулака, против богатого крестьянина, вот и результат.

Светлана Всеволодовна Шешунова (профессор университета «Дубна», Дубна Московской области): Я всегда с любовью, даже с эстетическим наслаждением слушаю выступления Андрея Борисовича и тем не менее позволю себе не согласиться с его концепцией. И вот почему. Когда мы говорим о любой причинно-следственной зависимости и утверждаем, что некое явление «А» породило явление «Б», то, наверное, всегда такое утверждение нуждается в проверке. Нам следует задать себе вопрос, а случается ли где-то «Б» там, где не было явления «А»? И наоборот. Если где-то есть это «А», всегда ли из него следует «Б»?

Так вот одна из проблем, о которых говорил Андрей Борисович, это проблема религиозного сознания, проблема расцерковления русского общества. Никак не могу согласиться с тем, что этот уход русского народа из Церкви, произошедший в XX веке, как-то обусловлен крепостным правом или другими специфически русскими явлениями. В XX веке мы наблюдаем это расцерковление практически во всех, по крайней мере, европейских христианских странах. И, например, Клайв Льюис, один из наиболее авторитетных для меня христианских писателей, в своей публицистике, когда рассматривает этот процесс применительно к Англии, то фиксирует: как только стало можно не ходить в церковь, мгновенно большинство населения перестало ходить в церковь. И осталось

такими ревностными действительно истинными христианами, даже не ревностными, а просто христианами, не мыслящими себя вне литургии, ровно столько же процентов, сколько и в России. Просто в России этот процесс пришелся на Февральскую революцию, вот стало можно не ходить в церковь, и мгновенно оказалось по мемуарам, что в церковь никто почти ходить и не хочет. И когда мы говорим о падении монархии, о том, что Романовы оказались такими недостойными и безответственными, то тоже зададим себе вопрос: а в других странах, например, династия Гогенцоллернов? Пали же и другие монархии... Значит ли, что все это было обусловлено именно теми же, нашими специфическими явлениями?

Говорим ли мы о поддержке или, вернее, о неподдержке Белой армии населением, то опять сталкиваемся с провалами причинно-следственной зависимости. Вот в Сибири не было крепостного права... И как поддержала Сибирь Колчака? Ничуть не лучше, чем в этих самых черноземных губерниях, где, согласно концепции Андрея Борисовича, такая причинно-следственная связь существовала. Мне представляется, что, действительно, восходят, наверное, эти причины даже не к Золотой Орде или Киевской Руси, а ко временам Адама и Евы. И больше всего связаны эти причины с немощной нашей земной природой. Потому что общество, построенное действительно на идеалах христианского братства и солидарности, мне кажется, реально только в Царствии Небесном. А на земле большинство людей все-таки живет, плывя по течению, и всегда в любом обществе жертвенными и ответственными окажутся вот ровно столько процентов, сколько ими оказалось во время нашей гражданской войны.

Почему же, действительно, в других странах мы не видим такого тотального падения, которое мы пережили при большевиках? Тоже дерзну высказать свое предположение. Не было бы этой катастрофы у нас без Февраля. Этот пусть короткий, но очень существенный февральский период был периодом абсолютной безнаказанности. Люди привыкли, что можно делать что угодно. Можно грабить, можно убивать и тебе ничего за это не будет. А большинство людей, мне кажется, в реальности будут так себя всегда вести, если за это ничего не будет. Вот прекрасный пример, который привел учитель с учениками, вот это наша падшая человеческая природа. Всегда в любом обществе есть, допустим, 10% людей, которые всегда будут жить по заповедям, какими бы ни были внешние условия. Есть какие-то, допустим, те же 10% людей, которые выберут путь греха... Опять же при любых условиях, даже если за это их ждет наказание. А большинство людей нейтрально и выбирают для себя наиболее удобный путь. Наиболее легкий. Не задумываясь о своем выборе. Мне представляется так.

А. Б. Зубов: Спасибо, Светлана Всеволодовна! В общем-то эта позиция говорит о том, что все свершается, никакой анализ невозможен, это извечное человеческое естество... И это, конечно, хорошо. Но тогда у нас уже не научный семинар. Просто это констатация фактов, и нам остается дальше заниматься только духовно-нравственным самосовершенствованием. Здесь можно возразить и высказать много каких-то частных вещей, но я хотел бы остановиться на одном моменте, который уже давно стал аксиомой, правда, западной исторической русистики. Говорится, да, действительно, по всей Европе, в том числе и в России в XIX–XX веках христианство как массовое явление утрачивает силу, хотя с разной степенью. Но это, кстати, во многом результат того, что повсюду Церковь в XVII–XVIII веках, в эпоху абсолютизма, жестко себя связывала с государством. Она уже стала не *судьей*, а *служгой* государства. И повсюду, от России и до Австрии, это привело к массовой потере религиозного чувства. В Церкви разочаровались. Если уж вспоминать о наших дедушках, то мой прадед, церковный староста в Витебске, говорил (церковный староста!): «Я в Бога верю, а в попов не верю». Вот характерная установка. Вот, видели, какие попы... Достаточно прочесть воспоминания Фуделя.

Западная концепция следующая: этот процесс шел всюду, но в Европе он компенсировался подъемом светского романтического национализма. Знание своей истории, идеи национальной общности, создание национальной мифологии... Поэтому к Первой мировой войне Германия, Австрия, Италия, Франция подошли с мощным светским национализмом, вызванным культурой и образованием народа. А в России не произошло подмены одного другим. Светский национализм был маргинален, ничтожен и дик в целом, когда он принимал вид массового сознания. Поэтому религиозная энтропия привела к полному нравственному вакууму. Его нечем было заместить. И тут появились большевики со своими посулами. Понимаете, мне кажется, что в этой концепции есть своя правда.

Кирилл Михайлович Александров (старший научный сотрудник, филологический факультет СПбГУ, Санкт-Петербург): Позволю себе лишь одну реплику по поводу выступления глубокоуважаемой Светланы Всеволодовны. Не могу согласиться с одной деталью, очень важной, о том, что, дескать, в любых исторических условиях процент жертвенных и грешных людей примерно одинаков. Ведь после большевистской революции был один очень яркий эпизод, который нам показал, что количество религиозных христиан в десятки раз превышает количество их противников или людей инертных. Соотношение «хороших граждан», условно говоря. Хороших и верных христиан оказалось

не 3–4%, а, наверное, 30–40%, а, может быть, и 60%. Я говорю об испанской гражданской войне, когда Франко удалось привлечь на свою сторону как минимум половину населения именно под религиозными лозунгами.

В испанской гражданской войне тоже все было эклектично. Испания — такой уникальный пример. И на той, и на другой стороне оказалось много активных пассионариев, левых и правых. Но ведь там были провинции, как Наварра, например, в которых жители от пятилетних-шестилетних детей до 85-летних старцев надели свои карлитские красные береты с кистями, пели религиозные гимны, древние средневековые, и готовы были бросаться на вооруженную республиканскую милицию с холодным оружием, что, кстати приводило к излишней ожесточенности. Там-то вообще все было без белых перчаток. Как раз испанская гражданская война, как мне кажется, показывает, что значительный процент христиан позволил франкистам одержать победу.

В Бахметьевском архиве Колумбийского университета в маленькой коллекции Антона Антоновича Керсновского хранятся письма Бориса Вольф-Людингсхаузена, участника Белого движения на Юге России, участника Белой борьбы в рядах армии Франко и потом офицера РОА. Он пишет в Париж откуда-то из Испании своим друзьям и постоянно проводит сравнение между тылом Деникина и тылом Франко. Между позицией Церкви и духовенства при Деникине и позицией католического духовенства при Франко. Между позицией русских монастырей, которые находились на территориях, по которым проходили войска Деникина, и позицией католических монастырей, в том числе женских, по которым проходит Национальная армия Испании. В статье в первом головинском сборнике я процитировал выдержки — сравнение категорически не в пользу Деникина. Не в пользу Православной Российской Церкви, не в пользу русских христиан, не в пользу русского духовенства. Все в пользу испанских христиан. Как мне кажется, пример Испании это показывает, что можно было бы мобилизовать общество на христианском чувстве.

А. Б. Зубов: Буквально два слова. Хочу обратить внимание, что Испания не знала крепостного права, этого не надо забывать. Что всем крестьянам, которые участвовали в реконкисте, испанские короли давали землю и права полной потомственной независимости. И вот это сознание того, что они граждане своей страны, пусть они там платят какие-то деньги сеньору, но они свободные люди со своей собственной, частновладельческой землей, наложило огромный отпечаток на испанское сознание. Гордость простого испанца очень помогла генералу Франко.

Олег Александрович Шевцов (менеджер финансовой компании, координатор движения «Белое Дело», Санкт-Петербург): У меня был простой вопрос, на него фактически ответили. Я хотел сказать про зависимость, которая возникает между развитием личности, сроком владения частной собственностью и, соответственно, результатом развития гражданского общества и победой в гражданской войне. Насколько я понимаю, ни интеллигенция, ни другие слои в России не имели опыта управления государством, не имели положительного опыта взаимодействия между исполнительной и законодательной властью, не было у народа опыта владения частной собственностью, и это предопределило неуспех белых в гражданской войне.

А. Б. Зубов: Существовало же земское движение... Уже привыкли управлять за пятьдесят лет с Александра II. Интеллигенция пошла вся в городское земское самоуправление, и кстати говоря, и в промышленность.

О. А. Шевцов: Вот пример. Иван Ильин пишет, что в Австро-Венгрии в 1855 году отменили крепостное право. Это четко вписывается в систему. Когда Австро-Венгрия распалась, там тоже началась гражданская война, и все эти бела куны и прочая, простите, мерзость, она после разгрома революции в Венгрии перетекла к нам.

А. Б. Зубов: А Вы знаете, крепостное право в Австрии и Венгрии было совершенно разное. В Австрии практически не было крепостного права, существовала лишь сеньориальная зависимость, очень маленькая. Ну, скажем, в Зальцбурге надо было две недели в году крестьянину работать на сеньора. Две недели в году. Причем в разное время, естественно. Это определялось. Вот в Венгрии существовало намного более серьезное крепостное право, и это, кстати, наложило на венгров определенный отпечаток. В Тироле вообще не было крепостного права. Там освоение земли, там совершенно другие были отношения. Горная крестьянская община приглашала дворянина, чтобы он ее охранял. Но при этом подписывали с ним договор, что в случае серьезной опасности все крестьяне должны иметь дома оружие, и они по мобилизации создают армию самообороны. Понятно, что это совершенно другая психология, чем в России.

Михаил Юрьевич Наконечный (выпускник исторического факультета Псковского государственного университета, Псков): Во-первых, хотелось бы поблагодарить Андрея Борисовича за такую интересную концепцию и ради чистоты прений немного поспорить. Мы говорили о падении авторитета Церкви и угасании христианских

религиозных чувств в русском народе как факторах, которые стали своеобразным катализатором революции.

Но как тогда вписать в эту концепцию такой примечательный факт? Ведь русская революция не окончилась разгромом Белого движения в 1922 году. А продолжалась вплоть до успешного завершения коллективизации. Есть такой очень интересный сборник, он называется «Трагедия русской деревни глазами ОГПУ–НКВД». Советская власть очень многое делала плохо, но хорошо следила за людьми. Докладывала очень исправно, соглядатаи были везде, как известно. Органы ОГПУ занимались тем, что в центр с периферии направляли докладные записки. Сопротивление коллективизации было массовым, произошли сотни массовых вооруженных выступлений против коллективизации. Чекисты занимались своеобразной селекцией этих выступлений по причинам: что, так скажем, было главным в лозунгах выступающих, антисоветских лозунгах? И после этого людей брали в разработку. Таких выступлений, допустим, в 1929 году было зарегистрировано более двухсот.

Считаю, что мы до сих пор находимся в плену советской модели и каких-то стереотипов. Выступлений в 1929–1930 году было больше, чем в революцию 1905 года. И почему-то революцию 1905 года мы называем крахом религиозных чувств и вообще революцией, как таковой, а вот эти выступления полностью забыты. Так вот, на первом месте были выступления против закрытия церквей. Это факт. Их насчитывалось сотни. Тогда очень странно получается, как же так... Мне кажется, дело тут вот в чем. На самом деле русский народ очень долго запрягает. До русского крестьянства долго доходило, что происходит со страной. Огромные расстояния... Россия очень специфичная страна, огромная страна. Пока до крестьянина дошло, что происходит, когда активист к нему во двор пришел, вот тут он и начал понимать, что собственно происходит. Именно в 1930 году. Безусловно, Андрей Борисович прав в том, что действительно русский народ был не очень образован, и это сыграло свою роль. Но ведь в принципе сохраняется такая пропорция до сих пор. Мне кажется, что 80% аморфного такого, я не буду ни в коем случае говорить слово «стадо», но так скажем, некритично мыслящего большинства, они и сейчас сохраняются. 20% очень активного. И вот в эти 20% входил и Ленин, и Врангель, и Деникин. Не хочу ставить их на одну доску, но тем не менее это были активные элементы, вот эта интеллигенция русская, которая боролась между собой, и военные деятели. А аморфное крестьянское большинство не понимало, что происходит, по большому счету. Действительно, быть может, существовал пассивный монархизм, какая-то пассивная религиозность. И это выразилось в конце концов именно в многочисленных бунтах при коллективизации. Это одна реплика.

И вторая реплика. Я бы не стал демонизировать русского человека. То, что случилось в 1917 году, — это следствие каких-то глубоких закономерностей, которые складывались из-за крепостного права, из-за необразованности русского народа, из-за каких-то несправедливостей Российской империи. Безусловно, я согласен с этим. Но ведь за примером далеко ходить не надо, когда государство более богатое, с очень высоким национальным духом, с прекрасной промышленностью, с великолепными рыночными отношениями: это Кайзеррейх, просто бросил своего кайзера в 1918 году, и немцы получили советскую Баварскую республику. Естественно, не такой глубокий кризис был, и немцы очень быстро смогли добиться Веймара. Веймар — это не Советский Союз. Безусловно. Но аналогии, как мне кажется, можно провести. Есть еще вопрос чисто технический. В феврале 1917 года оказалась невероятно слаба исполнительная власть на таких огромных территориях. Когда отменяем полицию, отменяем МВД, отменяем закон, выползают самые радикальные и очень нехорошие силы, которые в каждом народе есть. Я бы не стал говорить, что это только русский человек. Отмените полицию в Америке, и я уверен, что тамошние выживальщики устроят нечто такое, что перекроет нашу революцию.

А. Б. Зубов: Спасибо, Михаил Юрьевич. Очень важные два замечания. Хотел бы заметить, что еще ни разу не прозвучала, пожалуй, самая, на мой взгляд, потрясающая статистика. Это даже не религиозное выступление в защиту церкви 1930–1932 годов, а знаменитая перепись января 1937 года, когда в именные анкеты по личному указанию Сталина был добавлен вопрос, адресованный только к людям старше 15 лет, — об их личном отношении к религии. Как они сейчас верят, во что верят. И вы знаете, что почти 60% сказали, что они верующие. Подавляющее большинство из них — православные христиане, в силу того, что православных христиан исторически было абсолютное большинство на территории, которую занимал Советский Союз. Так что исповедничество существовало и борьба была. Но интересно, что в тех деревнях, где совершенно спокойно большевики вешали попа и закрывали церковь в 1919 году, в 1930-м из-за этого начиналось восстание. Думаю, что многое изменилось в общественном сознании, когда началась коллективизация. Все-таки многие христиане поняли, за что их Бог наказывает. И это понимание транслировалось и в январь 1937 года. Думаю, уровень религиозности русского общества в 1930 и в 1937 годах был выше, чем в 1918 году. Жизнь научила, жизнь дала очень жестокий урок. По-моему, никто здесь или почти никто не демонизировал русского человека. Наоборот, мы говорили об обстоятельствах, в которые он попал.

Но вот здесь, со вторым примером, по-моему, уважаемый Михаил Юрьевич допустил несколько неточностей. Например, Баварская республика. Ну да, создали Баварскую республику, но помните, как она быстро закончилась. Баварцы собрались в Мюнхене и сказали: «Слушайте, больше это терпеть невозможно». Пошли, заняли этот ревком, расстреляли всех этих товарищей, и на этом все закончилось. Кстати говоря, как закончилось восстание Либкнехта и Розы Люксембург в Берлине? Точно так же, в общем-то. Офицеры просто их застрелили. А в какой-то решающий момент, когда «Рот Фронт» пошел брать здание Генерального штаба, начальник Генерального штаба Германии, толстый, уже немолодой генерал, которому живот мешал, лег сам за пулемет и стал стрелять. И в то же время, конечно, совершенно невозможный пример, с Соединенными Штатами или Великобританией. В Соединенных Штатах и Великобритании МВД и полиция играют большую роль. Но тогда, когда не может справиться сообщество, община. А община выбирает шерифа и следит за порядком в своей деревне или в своем поселении. Когда там возникает более серьезная опасность, тогда власти прибегают к полиции штата или к национальной гвардии, но главное, что общество само способно заботиться о своей безопасности в тех пределах, в которых маленькая община это может. Она организована. Понимаете, это вот то, чего нам сейчас не хватает. Мы не можем организоваться. А до революции, кстати, могли. Потому что было самоуправление, был урядник, который выполнял функции почти что шерифа.

К. М. Александров: Михаил Юрьевич вольно или невольно озвучил важный тезис Николая Николаевича Головина. По версии Головина, главная объективная причина поражения белых в гражданской войне только одна — все главные события и сражения гражданской войны произошли до того момента, когда основная масса русского крестьянства созрела до контрреволюции. Не совпали пики сопротивления. 1918 и 1919 годы — это пик сопротивления интеллигенции и казачества. Правда, присутствующий здесь Николай Иванович Дмитриев очень интересный тезис отстаивает. Во всяком случае, из его статьи в первом Головинском сборнике следует, что Белое движение на Востоке России было более народным, чем на Юге. Может быть, он сам об этом расскажет. А пик сопротивления крестьянства приходится на 1930 год. Наш замечательный историк-аграрник Виктор Данилов, Царство ему Небесное, выпустил пять толстенных томов документов под названием «Трагедия советской деревни». Там опубликованы многие обобщающие сводки ОГПУ. За 1930 год — 6 тыс. вооруженных восстаний и протестных выступлений по Советскому Союзу, 1,8 млн учтенных чекистами участников. Это намного больше, чем было в гражданскую войну.

Константин Петрович Обозный (кандидат исторических наук, Псков): Благодарю вас за предоставленное слово и за такую интересную тему, которую мы сейчас обсуждаем. Хочу привести несколько примеров, начну с себя, не очень скромно. Такой яркий пример по поводу того, что везде картина одинаковая. Везде 10% хороших, 10% совсем плохих и такая аморфная масса — в России и на Западе... В конце 1980 годов я служил в Чехословакии, в Вооруженных Силах Советского Союза, и наша воинская часть находилась напротив чешской булочной. Там магазины открываются очень рано утром. И так получалось, что у нас подъем, и мы наблюдаем, как за оградой нашей воинской части мирно протекает жизнь. И еще до открытия булочной на машине привозят хлеб в лотках. Поскольку магазин закрыт, их ставят на специальные поддоны под навесом возле магазина. Собирается небольшая очередь (5–10 человек) и все ждут, когда магазин откроют, когда хозяин магазина занесет хлеб. Наши ребята говорят: «Во дураки-то! Взяли бы хлеб и шли домой, в конце концов, вместе с лотками». И, надо сказать, что это не какие-нибудь негодяи или преступники. Нормальные ребята... комсомольцы, пионеры. Это менталитет, который владел большинством населения Советского Союза и, я думаю, что и большинством в современной Российской Федерации. Для чехов это невозможно. Невозможно, поэтому они дачи свои не закрывали, а солдаты наши пользовались... Простите, кажется, ушел далеко в сторону.

Еще два примера замечательных, которые вы наверняка знаете, просто напомню. Это записки Бунина «Окаянные дни». Да, это совершенно апокалиптическая картина того, что происходило в России в 1917 году еще до Октября. И воспоминания, и художественная проза, во многом автобиографическая, Леонида Зурова. Кстати, я являюсь его земляком, чем горжусь. Он родился в Островском уезде. Вспоминает, что в марте 1917 года горели вокруг имения помещицы, и большинство крестьян шли жечь эти поместья и говорили: «А почему ты с нами не идешь? Смотри, следующей будет твоя хата и твое хозяйство». Если у человека был крепкий внутренний стержень, он все-таки говорил: «Ну, пусть буду я, но я не пойду этого делать». А ведь многие боялись и шли из-за страха. Действительно, были дезертиры с фронта, поднимавшие крестьян, будоражившие их. Но это, к сожалению, был какой-то общий обморок у большинства населения.

Если говорить о том, почему это произошло, то все, о чем мы говорили, все справедливо. Можно в копилочку складывать: социальные явления, экономические и многое другое, о чем мы сегодня и не успеем сказать. Но все-таки главная проблема этого кризиса, катастрофы России, русской культуры, которая, на мой взгляд, уже уничтожена, прежде всего духовная. Это не случилось в 1917 или в 1905 году. Даже когда

Достоевский писал своих «Бесов», мина уже работала, счетчик был заведен, только никто не знал, когда она взорвется. И, действительно, духовная проблема...

Вот опять вопрос секуляризации, захватившей Европу, Америку. Известно, что убивали священников и монашествующих во время Великой Французской революции, и в Мексике в XX веке, и в других государствах. Но все-таки в России это почему-то произошло наиболее кроваво, наиболее страшно и поучительно для всего мира. В этом, по-видимому, есть какая-то тайна Божия, почему это произошло. С другой стороны, произошло потому, что все-таки русский народ в своем огромном большинстве невоцерковлен и непросвещен. Если человек знает и серьезно относится к вере своих предков, если он действительно живет по заповедям Христовым, то того, что происходило в 1917 году, просто бы не произошло. Значит, оказывается, это не только касается крестьян. Вот замечательный пример, связанный с коммунитариями... Это люди, отправлявшиеся в деревню для просвещения крестьян и не преследовавшие никаких революционных задач. Просто пытались им как-то помочь, поднять их культурный уровень, читали им книги. И однажды кто-то взял Новый Завет на русском и начал читать. И крестьяне, ходившие каждую неделю на службу, сидели, затаив дыхание, и слезы умиления текли по их щекам. И говорили: «Слушай, дорогой, а что за книгу ты нам читаешь? А где же ее взять? Купить, может быть, где-то?» Читавший поразился, просто руки у него опустились. Оказывается, люди не знают Евангелия. И тогда становится понятно, почему все это было возможно, почему все это произошло. А началось все это гораздо раньше. Можно вспомнить Лескова о том, что Русь была крещена, но не просвещена. Можно привести массу примеров, я просто рискую вас утомить и задержать время.

А. Б. Зубов: Благодарю Вас от всей души за глубокое и даже духовно выверенное выступление. Расскажу, что мне пришлось исследовать по первоисточникам, по архивам, одну очень страшную дискуссию. Дискуссию между архимандритом Макарием Алтайским (Глухаревым), ныне канонизированным, и графом Протасовым, обер-прокурором Синода. Архимандрит Макарий пытался доказать, что необходимо публиковать уже сделанный русский перевод Библии, а граф Протасов добился решения императора Николая Павловича с помощью митрополита Санкт-Петербургского Серафима (Глаголевского) никогда не делать русский перевод, потому что русский перевод взбудоражит и революционизирует весь народ. И вы знаете, что архимандрита Макария (Глухарева) отправили на покаяние, заставили 40 дней подряд служить Святую Литургию, как очень большое наказание. Довольно долго это

продолжалось, много лет, эта переписка, эти отношения, в них были вовлечены многие люди. В частности, митрополит Филарет симпатизировал архимандриту Макарию, но ничего сделать не мог, так и говорил: «Ничего сделать не могу». Просто страшно становится, сама власть, сам Государь, ведомый здесь митрополитом Санкт-Петербургским, закрывал для христианского народа Евангелие. Что может быть больше? Вот отсюда и слезы умиления наших крестьян, когда им по-русски читали Евангелие. А вспомните тех же «Бесов», когда русский перевод Евангелия получил отец главного героя, как он держался за этот перевод. А русские интеллигенты, вы же знаете, что читали все в европейских переводах Писание. Император Александр I до дыр читал Библию во французском переводе. Вот так вот.

Архимандрит Никон (Лысенко) (преподаватель Донской духовной семинарии, Таганрог Ростовской области): Дорогие братья и сестры, я сделал бы несколько ремарок и замечаний к прослушанному. О чем никто не сказал и что, конечно, надо принять во внимание, это то, что мы сейчас, в наши дни называем пропагандистской войной. Эта война была развязана в Императорской России вполне официальными средствами массовой информации и к 1917 году практически уже выиграна. Теми силами, которые, строго говоря, были против России, против православия, против монархии. Я думаю, что вряд ли кто-нибудь будет это оспаривать. Пропагандистская война уже была выиграна. С Февраля до Октября 1917 года она приняла вообще безобразные, отвратительные масштабы. А что, народ простодушен. И сейчас, на наших глазах в 1990-е годы мы видели и сейчас видим, насколько пропагандистская война делает людей тупыми рабами, безмозглыми существами. Хотя бы как была выиграна пропагандистская война во время первой чеченской войны, мы все это помним. Разве нет? Это одно замечание, которое в ходе нашего обсуждения не было принято во внимание. И если угодно, я бы сказал, что мы приехали в Белград для того, чтобы просто академически обсудить какие-то наши мнения, суждения, чисто, так сказать, научные. Для того чтобы, надеюсь, ныне и присно и во веки веков, действительно, сражаться, чтобы не только одна была побеждающая сторона в этой пропагандистской войне, чтобы что-то и мы могли. Надеюсь, хотелось бы.

По поводу выступления Игоря Владимировича Домнина... Конечно, по поводу офицерства. Поскольку он офицер, очень понятны его переживания. Но тут надо говорить немножко и о казаках, потому что все-таки если брать Вооруженные Силы Юга России, то две трети из них состояли из казаков, в том числе и Добровольческая армия, в том числе даже «цветные» дивизии под конец борьбы состояли преимущественно из казаков. И по поводу Нового Завета. Андрей Борисович,

не согласен с Вами. Богослужбное Евангелие вполне доступно даже современному человеку. Конечно, Апостол богослужбный посложнее для современного человека. Может быть, для человека XIX века он тоже был посложнее. Но богослужбное Евангелие не нуждается в переводе, и достаточно, я считаю, того, что мы слышим в служебном Евангелии за литургией, чтобы воспринять Евангельскую истину. Вот, несколько маленьких замечаний.

А. Б. Зубов: Благодарю Вас, отец архимандрит. Вы знаете, что касается того, как понимается Евангелие, на славянском языке оно народом понималось плохо, к сожалению. Это, кстати, констатировали многие священники. Есть большая работа американского ученого Фриза (Gregory Freeze), который работал в наших архивах еще в конце советского времени. Автор нескольких интересных работ на английском языке, посвященных сознанию нашего священства и крестьян. В частности, он работал на материалах архива Псковской синодальной конторы. И вот священники прямо пишут, что крестьяне не воспринимают славянский текст, как бы ясно его ни читали. Но беда была в том, что и читали очень неясно. Не воспринимали и потому, что были люди малокультурные, неграмотные. И еще все-таки не свой язык, неродной язык, поэтому без русского перевода... Когда было принято окончательное решение печатать русский перевод, это совершило переворот в крестьянском сознании. Огромные тиражи Нового Завета распродавались, потому что они были востребованы читающей частью нашего простонародья. Так что я думаю, что одним славянским текстом не обойдешься.

К. М. Александров: Простите, досточтимый отец архимандрит, уверяю вас, как специалист, «цветные» полки даже в конце деникинского периода не состояли на две трети из казаков. И скорее, может быть, я преувеличу, но количество пленных красноармейцев, служивших там, было даже больше, чем казаков. А уж во врангелевский период, в Крыму в 1920 году, казаков там вообще не было. Единственное, где казаки служили в старых «цветных» частях, это кубанцы в Алексеевском пехотном полку.

Виктор Сергеевич Правдюк (режиссер-кинодокументалист, Санкт-Петербург): Прослушал очень интересные доклады и выступления в прениях. Очень много интересных частных примеров. Я тоже мог бы их привести, например, вот по поводу хлеба в Чехословакии. Мне бабушка рассказывала, что самая главная проблема в Севастополе после 1917 года заключалась в том, чтобы достать замок, потому что до этого в городе замков не было. Ни квартиры, ни дома никогда не запирались. Естественно, что когда началось тотальное воровство после революции,

замки стали нужны. Откуда взялось столько людей, желающих украсть? А замков в городе не оказалось. Но это тоже частный такой пример. И мне кажется, что их у нас достаточно, образных, глубоких, интересных, а вот какой-то общей теории, которая могла бы подытожить, пока что, мне кажется, не получается. Вот Кирилл Михайлович привел пример, как религиозная война в Испании привела к успеху, и тут же Андрей Борисович сообщил нам (я тоже их знаю) сведения о сталинской переписи 1937 года. Если около 60% заявили, что верят в Бога, то 20% еще испугались в этом признаться. Значит, практически мы можем считать, что верующих там 80%. То есть страна практически религиозная и в то же время — полностью большевистская, коммунистическая. Уже о каком-то сопротивлении, будем говорить откровенно, в 1937–1938 годах речь вести было абсолютно поздно. Все уже в кандалах и в оковах.

Мне кажется, что вопрос, который мы сегодня обсуждаем, одной исторической науке просто не по плечу. Я благодарен Светлане Всеволодовне, что она обратила внимание на другой аспект проблемы, которую мы сегодня обсуждаем. В исторической науке принято в основном считать понятие «народ» в качестве чего-то такого железобетонного, большого куска гранита, который существует и никогда не изменяется. Но в другой науке, в социологии или в политологии, народ никогда не является чем-то постоянным. Он является иногда народом, иногда толпой, иногда бандой. Ему присуще такое понятие, как мобинг. Историкам довольно сложно ориентироваться в том, в какой момент, в какой фазе он находится. Для этого надо смотреть на вещи с другой точки зрения. Я бы еще подумал о том, что, скажем, есть такая биологическая теория, как накопление агрессии. Это теория Конрада Лоренца, ветерана Второй мировой войны. И она совершенно точно приложима к тем событиям, которые у нас произошли в 1917 году и после. Накопление агрессии выражается всегда в том, что потом агрессия начинает выливаться прежде всего на себе подобных. И Конрад Лоренц, биолог, орнитолог, изучавший поведение птиц, животных, пришел к выводу, что зайцы убивают зайцев в тот период, когда агрессия накапливается в той степени, когда она должна уже излиться, волки — волков, а человек — человека. Поэтому некоторые такие биологические вещи при взгляде на те события, которые мы обсуждаем, должны учитываться.

В 1960-е годы благодаря физикам и математикам появилась теория катастроф. Она тоже, в общем-то, существует не только в природе, не только в качестве цепной реакции в бомбах, но и в социальной жизни, вполне естественной. Потом, мы тут много примеров приводили, есть законы социума. Они совершенно нерушимы все три тысячи лет, которые мы знаем. Есть, например, закрытые и открытые государства. Открытое государство — Египет, закрытое — Китай. Это и культура,

и политика, и цивилизация. Поэтому одно государство гибнет быстро, как произошло с Египтом. Китай до сих пор существует за счет своей закрытости. Все это имеет отношение к проблеме, которую мы сегодня обсуждаем. Я благодарен докладчику за довольно эмоциональное и чувственное изложение проблемы, это тоже очень важно. Но я не могу согласиться с тем, что крепостное право было единственной и главной причиной катастрофы. Думаю, что здесь идет речь о связке таких проводов, которых должно быть много. И причины не только внутренние, но и внешние. Не только в особенности русского народа, хотя она в действительности реально существует. Приведу один пример. Когда в 1918 году вспыхнуло восстание в Ярославле, то в 72 километрах в Костроме об этом даже и не знали, хотя восстание продолжалось две недели. Здесь это уже особая теория коммуникаций.

Ни один философ не смог бы назвать крепостное право абсолютным злом, потому что для этого надо было бы назвать тех злодеев, которые его вводили. А вводили его, естественно, в конце XVI века, потому что Россия очень начала страдать от голода. Обезлюдели губернии, производившие хлеб, в центральной России. Оттуда крестьяне бежали на Север, в рыболовецкие артели, на Юг, к казакам. Туда, где не было крепостного права. Поэтому введение его было государственным актом и, безусловно, прогрессивным. Всякое явление вначале существует как прогресс, хотя линейной теории прогресса не существует. И здесь это тоже имеет отношение к истории России. Может быть, мы 70 лет рассматриваем как каплю. В историческом смысле это капля, но капля наиболее мутная, и мы внутри этой капли смотрим на все события с точки зрения той мути, которую эта капля представляет. А есть еще 28 хрустально чистых капель. И так далее. Поэтому, будучи введено как прогресс, как явление государственное и нужное, крепостное право в какой-то момент, конечно, постепенно начало превращаться в тормоз. Вот момент был упущен, когда оно стало тормозом. А когда оно уже стало совсем злом, я думаю, это очень важный момент и для историков, и для всех. В общем, мне кажется, тут есть еще, о чем подумать и поговорить.

А. Б. Зубов: Огромная благодарность Вам, Виктор Сергеевич. Вы делаете огромное дело, делаете фильмы, просвещая не десятки, а сотни тысяч людей. Но хотелось бы заметить две вещи. Во-первых, да, возможно, есть моменты агрессии у любой популяции, когда зайцы убивают зайцев. Но человек тем и отличается от зайца, что он имеет свободную волю и должен уметь владеть собой. Мы не чисто биологические существа. В нас дух Божий, образ Божий. Где дух Господень, там свобода. Свобода, в том числе и от нашего биологического естества. Когда мы не таковы, мы становимся действительно животными. Это не очень хорошо.

И второе. Это, конечно, крепостное право, которое было введено при царе Фёдоре Иоанновиче. Оно закончилось во время Смутного времени. И оно было совсем другим. Оно не предполагало собственности на имущество, и личность, и на жизнь. Оно предполагало обязательство по отношению к помещику. Крестьянину надлежало выплачивать постоянную ренту. И это крепостное право с огромным трудом и с огромными оговорками восстанавливается в России в XVII веке. Как вы знаете, царица Софья и князь Василий Голицын планировали полностью отменить крепостное право и ввести тогда самую модную в Европе модель перехода к частному крестьянскому землевладению с обложением земельным налогом и переводом бюрократии на зарплату. Это проект царевны Софьи, который хорошо известен. Но Пётр выбирает другой путь — поработить народ, чтобы выжать из него все соки и создать империю. Империю он создал, но цена оказалась великой: народ сломался. Так что альтернативы существовали, и никакого прогресса в действиях Петра I абсолютно не было. Вообще, вот как можно поработить? Вот если бы я взял и вас поработил, сказав, что мне выгодно для нужд государства, чтобы вы были моим крепостным мужиком. Вам бы это не понравилось. И мужикам это не понравилось. Понимаете, вот самое важное: мужикам это страшно не понравилось.

Фёдор Александрович Гушин (кандидат исторических наук, Саратов): У меня буквально ремарка. Я когда услышал, что не было Евангелия на русском языке, вспомнил, что жены декабристов подарили Достоевскому в остроге экземпляр. И я помню его фотографию: оно точно на русском языке.

А. Б. Зубов: Я Вам объясню ситуацию. Все это объяснимо. Дело в том, что при Александре I были Евангелие и Псалтырь, они переводились Русским Библейским обществом. После 1825 года разрешалось использовать Евангелие на русском языке только в тюремном ведомстве.

Ф. А. Гушин: И еще дополнение. Хотел сказать, что здесь достаточно емко, глубоко и интересно говорили о влиянии крепостного права на уровень зверств в период Февральской революции. Еще один неожиданный аспект. Ведь все забывают, но это очень важно, о том обстоятельстве, что ведь после Февраля открыли все тюрьмы. Это обстоятельство, которое недооценивать нельзя. Бунин в «Окаянных днях» писал о том, что по пути с Кудринской площади ему встречались рожи, дословно, «абсолютно сахалинские». Очевидно, что генератором всего этого запредельного зверства стали люди, которые этим профессионально занимались. Очевидно, что находясь в тюрьме, они этим заниматься

не могли, а когда господа социалисты всех отпустили, посчитав их лояльными новой власти, начались те вещи, о которых свидетельствуют документы, опубликованные в последнем номере альманаха «Русское прошлое». Просто сатанинские. Естественно, что вот это обстоятельство очень сильно повлияло на события, окрасив все сюжеты Февральской революции в безобразные тона. Большевики, как говорил Деникин, это только черви на теле России, а настоящие генераторы всего этого безумия — это, безусловно, социалисты, которые целенаправленно этим занимались.

Еще хотел сказать два слова по поводу образования. К вопросу о том, что народ был необразованный и поэтому власть с трудом его могла мобилизовать. Вспоминается Чехов, рассказ «Дом с мезонином». Художник спорит с просвещенной курсисткой по этому поводу и говорит ей о том, что бессмысленно учить басни с крестьянами — при том, что у них тотальный, кошмарный, жуткий, неподъемный труд. Это бессмыслица. Когда нет медикаментов, нет аптек, нужно не разучивать с ними басни, а следует менять экономическую составляющую жизни. И тогда все приложится. А заставлять несчастных замученных крестьян по вечерам учить басни или арифметику — это бессмыслица. То есть недостаток образования в данном случае не первопричина.

К. М. Александров: Первопричина — плохое благосостояние нации.

Ф. А. Гущин: Безусловно, в этом.

И. В. Домнин: Благодарен за этот комментарий из уважения к Дому Русского Зарубежья, потому что это важно не в смысле Дома, а той функции, миссии, которую он выполняет.

Три обстоятельства отмечу, но с последнего начинаю. Головин — это представитель Русского Зарубежья. Это эмиграция. Когда мы отвечаем сегодня коллективно на важнейший вопрос нашего умственного бытия, почему произошло крушение России и все последующее за этим, я думаю, что мы, конечно, должны опираться на великое наследие Русского Зарубежья. Это все: Ильин, Бердяев, Струве, Франк. Это Федотов. Они уже за нас, в принципе, давно ответили. Но мы не бесполезным делом заняты, потому что так устроен человек. За него никогда предшественник не может ответить на все. Даже если мы сегодня повторяем после них, а мы на 99% повторяем то, что сказали они в разных формах и временах, это для нас важно. Мы сами. Это как мы не можем детям своим передать всю мудрость свою житейскую, они будут свои ошибки делать, мы, конечно, в социальном смысле должны стремиться уходить от исторических ошибок, но всякий раз отвечая сами себе и перед собой,

но не забывать об этом фундаменте. Они только и занимались этим, что отвечали на этот проклятый, самый жгучий вопрос XX века. И Солженицын был последним из них в этом ряду. Это первое.

Второе. Досточтимый отец Никон, я единственное повторю, что я сказал об офицерах не потому, что я офицер, а потому что это историческая истина. Я сказал о самых первых жертвах революции. Ими стали офицеры. Казаков тогда еще не было среди жертв. Кроме того, казачество вели казачьи офицеры. Они были гордостью и честью казачества. Так что и на них пало тоже, в том числе впервые. И последний момент. Я благодарен Юрию Станиславовичу Цурганову. Он чуть-чуть недоформулировал то, что я сразу хотел сказать в этой дискуссии. Мне кажется, нужно поставить вопрос по-другому. А была ли столь неизбежна реализация большевизма в России? Ведь мы помним историю гражданской войны: несколько раз он висел на волоске. Это и Юденич у стен Петрограда, это и Кутепов почти в подбрюшьи Москвы. Всякий раз они дрожали. Посмотрите архивную переписку Троцкого. Они дрожали, боялись, собирали документы и загранпаспорта. Еще бы немножко — и у нас не было бы повода говорить об этом.

Почему я об этом говорю? Мне кажется, что исходя из всего того, что я сказал, и всего фундамента, всех наших классиков, историков (вот Иван Курганов был профессор в эмиграции, который на эти вопросы отвечал) — смысл. Тогда Россия, да, была нищая, и вот все, что мы сказали, совокупность исторических причин, но все равно Россия была на взлете, медленном, тяжелом, как поднимается АН-22: он напрягался и шел, шел вверх. Это наш государственный путь. И тут его подстрелили на самом взлете: тут и война, и революционеры, и все вместе взятые негодяи, и недалёковидность народа. Если бы Столыпин еще пять лет прожил или десять. Если бы мы в 1917 году не рухнули с этой Февральской революцией, с этими неумными стремлениями к власти народившегося класса собственников и буржуазий, тогда даже слабость монархической власти не столь ощутимой была, потому что столыпинцы взяли бы верх. Это важно помнить при ответах. Большевизм не был стопроцентно неизбежен. Это была реализованная возможность, но не необходимость. Спасибо.

А. Б. Зубов: Дорогие друзья, мне кажется, что мы с вами постепенно сегодня входили в строй научной дискуссии. И Кирилл Михайлович, когда планировал конференцию, неслучайно поставил для обсуждения такую большую тему, как проблема революции, ее причин и большевизма. Думаю, что эти проблемы волнуют всех собравшихся в этом зале. Волнуют не как чисто историческое упражнение, понимаете, проблема победы принципата над трибуналом в Римском государстве. Для нас это

не теоретическая проблема. Это проблема совершенно актуальная, потому что от того, как и почему произошло тогда, зависит то, как мы будем выходить сейчас. Как мы входили, так как-то подобным образом, осознав прошлое, мы имеем шанс выйти из этого кошмара, в котором мы находились. Поэтому та заинтересованность, то волнение сердца, которое я видел у всех вас и которое, я думаю, вы видели у меня, — это совершенно естественная вещь. Мы думаем о будущем России. Вот люди русской эмиграции, Русского Зарубежья, о которых так сейчас хорошо говорил Игорь Владимирович, безусловно, они тоже об этом думали, но не надо думать, что они все сделали за нас. Их опыт был ограничен. Они закончили в 1950-е годы, последние — в начале 1960-х. Они не видели краха коммунизма, а мы его видели, мы его пережили. Мы жили под ним и живем после него. Наши мыслители думали совершенно о разных вещах и спорили друг с другом до полного ожесточения. Вспомним того же Федотова с Бердяевым. Понимая все это, дорогие друзья, мы должны помнить, что на нас лежит огромная ответственность — продолжение их дела. И если Бог даст, нам ли, нашим ли ученикам, довести его до конца. В этом наша цель. Спасибо.

Общая дискуссия 12 сентября

Русский человек и Вторая мировая война: мотивы и последствия поведения

Ведущий — профессор А. А. Корнилов

*Подготовка текста К. Г. Араканцева, А. А. Гуманюка
и А. А. Словохотова*

Александр Алексеевич Корнилов (профессор Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород): Миссия непростая, но с Божьей помощью мы должны обсудить и обсудим вопрос, который поставлен в качестве главной темы дискуссии. Прежде всего прошу вашего разрешения минуточку посвятить тому, как я смотрю на этот вопрос. У меня есть личное к этому отношение. Я полагаю, что, когда русские во Второй мировой войне участвовали тем или иным образом, они, конечно же, исходили из своего собственного, личного, мировоззрения, и последний доклад, кстати, об этом свидетельствует, что советские генералы, попав на немецкий допрос, уже очень много в себе переварили и были, наверное, готовы к любым вопросам. Очень многое продумали на поле боя.

Мой дед... пусть это будет личный мой рассказ, он очень краткий. Мой дед погиб в 1944 году, освобождая Выборг. Я подчеркиваю, освобождая, потому что он был на стороне Красной армии. И я задаю себе вопрос как русский человек: какая пуля его настигла, кто ее выпустил? Понимаете? Почему я не видел своего деда? Вот второго деда я видел. В Татарстане его комиссовали. Он не мог стрелять из-за глаз. Второй дед с 1942 по 1944 год отбарабанил на фронте, а в 1944 году погиб под Выборгом. Я был на его могиле, это пограничный район с Финляндией, туда нужен специальный пропуск... почему я его не видел? Кто выпустил пулю? Не тот ли человек, у которого был шеврон РОА? Не исключено. Понимаете? То есть для меня это вопрос. Как хотите к этому относитесь. И вот этот вопрос меня заботит в той же степени, как и

многих других, почему они не видят своих предков. Переходя к данной проблеме, я бы хотел обозначить свое видение проблемы «Русские во Второй мировой войне: мотивы и последствия поведения». Я задаю себе два главных вопроса, а вы можете разделить это мое понимание, а можете рассмотреть творчески какой-то иной аспект. Первый вопрос — это отношение к Отечеству. Какую Россию хотели видеть русские во Второй мировой войне? Вообще, к чему они шли? Или они вообще ни к чему не шли? Или были они, как стадо баранов, и их куда-то гнали: «Давай, arbeiten, в бой идите».

Первое — какое Отечество они хотели видеть? Может, они без Отечества размышляли. Отношение к СССР и России. И сюда примыкает вопрос, кого считать патриотом России, кого изменником, предателем. Это, в первую очередь, важный вопрос, по крайней мере, для меня как историка и русского человека.

Второй вопрос, а может, даже первый, — это отношение к вере, к вере православной. Вторая мировая война как-то поколебала этот вопрос? Она как-то поставила русского человека в какое-то положение близко к Богу или еще как-то?

Вот эти два вопроса. Но сами русские, Кирилл Михайлович об этом сказал немного, ведь они тоже могут быть рассмотрены в разных географических и хронологических ситуациях. Я для себя выписал: русские в Красной армии, русские в составе Вермахта, русские в партизанских советских отрядах, русские в Русском Корпусе, русские в US Armed Forces (американские вооруженные силы, о чем словарь «Русские в Северной Америке» прекрасно свидетельствует), русские в германском плену, русские в оккупации, русские остарбайтеры, русские в эмиграции, которые вообще — «мы ничего не знаем, наша хата с краю, но мы русские и мы где-то там политэмигранты». То есть это такой перечень. Разная хронологическая ориентировка. Советско-финляндская война — русские. Оккупация Восточной Польши в 1939 году — русские. Советско-германская война 1941–1945 годов — тоже русские. Причем здесь два водораздела: поражения, «котлы», отступления и вот эти военные победы огромной человеческой ценой, оккупация стран Восточной Европы, насилие в Германии: «Вы нам делали, и мы вам тоже сделаем, вы над нами издевались, и мы над вами тоже немножко поиздеваемся». Но, может быть, это не произносилось вслух, но все это в крови. А может, и другое было: вот они над нами издевались, а я их все равно пожалую. Понимаете, то есть это настолько большая проблема, и мы как-то, может, должны какие-то подходы обозначить? На этом, наверно, я замолкаю и прошу присутствующих высказать свою точку зрения вот по этой проблеме: «Русские во Второй мировой войне». Пожалуйста, кто бы хотел начать дискуссию.

А. Б. Zubov: Вы знаете, дорогие друзья, работая над известным большинству из Вас двухтомником «История России: XX век», пришлось, естественно, работать и над проблемой самосознания нашего общества во время войны. И, мне кажется, уже в 1941 году очень у многих происходит сдвиг в сознании от советского к русскому. Я не поленился подсчитать, что в известном стихотворении Симонова «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...» Россия и русские упоминаются 12 раз (стихотворение небольшое), при этом ни одного «советского» там нет. Это стихотворение было особо любимо на фронте и в тылу. И вспомним его стихотворение, которое, как ему сказали: «Ты его написал, но мы его публиковать не будем, оно для собрания сочинений (“Опять мы отходим, товарищ, // Опять проиграли мы бой...”»)). Тоже — «советского» нет. Но есть воспоминания осады Перемышля, сибирские полки («сибирские мертвые роты у стен Перемышля встают»). Это творчество поэта, совершенно официально признанного советской властью.

С другой стороны, мне попались замечательные воспоминания, написанные по горячим следам, такого известного филолога, однофамильца известного мыслителя Леонида Андреева, который, будучи интеллигентным смоленским юношей, попадает на фронт, участвует в сражениях в районе Ржева, остается жить, но с обмороженными ногами и руками отправляется в тыл, и вот он пишет свои воспоминания. Интересно тоже, это совершенно нарочито, он их пишет в 1943–1944 годах. Они опубликованы только после его смерти, уже в 2006 году. Интересно, что в этих воспоминаниях после того, как он из госпиталя попадает в Ярославль к родителям, создается ощущение, что советской власти вообще нет. Есть Россия, есть русские женщины, русская медсестра, есть призыв «За Родину», но нет призыва «За Сталина», имя Сталина вообще не упоминается в воспоминаниях. Один раз, по-моему, кто-то призывает его быть комсомольцем на деле, но он игнорирует этот призыв. То есть, вы понимаете, у значительной части русских людей возникает изменение сознания. Я — русский, я буду защищать Россию, я буду защищать русскую землю. Естественно, как помните, думал Солженицын в то время, что мы потом сделаем, как мы потом поступим с тем же Сталиным, с теми же колхозами — это были мечты, это были надежды, но вот это изменение сознания от советского к русскому было глубоким.

Второе, вы спросили о религиозном сознании. Вообще-то Эйзенхауэр, по-моему, сказал, что в окопах неверующих людей не бывает. Действительно, вера, когда ты в любой момент можешь погибнуть, усиливается даже у неверующих людей. Она очень усилилась в России в то время. В том же стихотворении Симонова два или три раза упоминаются религиозные реалии в самом положительном контексте: «Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся // За в Бога не верящих внуков

своих». Явно сказано с горечью о внуках, а не о прадедах, да? Само это неслыханно, это же он пишет в декабре 1941 года, неслыханно для советского поэта написать такие вещи. Меняется все.

И помимо позиции чисто советской, коминтерновской, была еще одна позиция. У меня есть пример замечательного нашего катакомбного христианина Арцыбушева, который всеми правдами и неправдами на фронт не пошел. Не потому, что он боялся, а потому, что он считал, что защищать Сталина отвратительно, переходить на сторону Гитлера не менее отвратительно. Единственный способ — это уйти от войны. Такие случаи были. Он в своих воспоминаниях, которые, по-моему, названы каким-то из эпитетов Богородицы, потому что он очень молитвенный был человек (в итоге он попал в лагерь), пишет, что для него было отвратительно думать и о том, и о другом: и возможности сражаться на стороне Гитлера против России и сражаться на стороне Сталина, защищая этот отвратительный режим, потому что, цитирую точно, «родина для меня не березки и не перелески, а родина для меня — люди, свободные или порабощенные». Вот таково было, по-моему, духовное состояние общества.

И мы знаем, что, когда кончилась война и многие люди возвращались с фронта, это чувство внутренней свободы во многих было велико. Оно потом было раздавлено Сталиным. Сталин боялся новых декабристов. Что же касается тех советских людей, которые приняли решение перейти на сторону врага, здесь заключается тот самый личный выбор. Что было для человека ужасней: защищать Россию и при этом Сталина, потому что любой умный человек понимал, что они защищают и режим тоже — «за Родину», но и «за Сталина»; или сражаться против России, но и против Сталина. И тут уже каждый решал на свой страх и риск. Вот мы с Кириллом Михайловичем знаем несколько старых членов Народно-Трудового Союза (НТС), принявших решение уйти из Красной армии и сражаться на стороне врага. Но некоторые из них, например Соколов, сделали все, чтобы не сражаться вообще. Вот он перешел к немцам, но делал все возможное, чтобы на фронт не идти и русских людей не убивать. Вот его позиция. По-моему, он умер уже, он жил долгие годы в Страсбурге, может, Бог дал, еще жив. Вот тоже вариант выбора.

Так что, мне кажется, что эта война — это, на самом деле, продолжение великой советской трагедии, великой трагедии XX века, в которой оказалась Россия, когда каждый должен был делать свой выбор, и каждый выбор был не абсолютен нравственно. В каждом был нравственный изъян. В любом абсолютно. Вы помните, что в свое время Солженицын сказал о революции: виноваты мы все в том, что установился советский режим, кроме тех, кто погиб, сопротивляясь. Очень узкая осталась возможность. А тут невинных практически не осталось. Понимаете, легко говорить о старом генерале Деникине, который мог себе сидеть на

побережье во Франции, хорошо относиться к русским военнопленным, не принимать участия в войне ни на одной из сторон. А каково было молодому человеку, который должен был идти на фронт? Морально был должен. Или должен был быть, как Арцыбушев, практически дезертиром. Так что, мне кажется, что эта война поставила невероятно сложную проблему: неправильные выборы прошлых десятилетий привели к тому, что правильного, до конца нравственно правильного, выбора у русского человека практически не оставалось. Отсюда все споры до сих пор между многими людьми. Спасибо.

А. А. Корнилов: Позволю себе продолжить рассуждения на тему, о которой сейчас говорил профессор Зубов. Я тоже искал ответ на подобный вопрос. В эмигрантской литературе мне встретились несколько персонажей и образов, которые отвечают на вопрос о том, куда должен был идти русский человек в этих сложных условиях. И вот возникает образ советского партизана. Обычный крестьянин, мужик. Его спрашивают: «Ты почему воюешь за советскую власть? Она у тебя отняла вот это, вот это, вот это». А он говорит: «А я ничего не спрашиваю, мне велят — я воюю». «А почему ты воюешь?» «Да устал уже спрашивать, правды ведь все равно не найдешь. Вот и воюю». «А если бы тебе предложили туда перейти?» «Ну, я бы там воевал». Понимаете, это действительно очень сложная проблема. Это не значит, что русский человек не должен искать, а вот что он должен искать, я, может быть, к этому еще вернусь в ходе дискуссии. Пожалуйста, Вы просили слово.

М. Ю. Наконечный: Хотел бы поговорить вот о каком аспекте и поставить себя на место тех людей, которые подняли свое оружие против собственного народа. О проблеме коллаборационизма. Считаю, что рассмотрение любого исторического явления имеет смысл только в контексте. И вот, если мы посмотрим на прецедент советского коллаборационизма в годы Второй мировой войны, то нас поразит одна простая вещь — он абсолютно беспрецедентен. В российской военной исторической традиции, если мы посмотрим на Первую мировую войну с огромным количеством пленных (и генералов, и нижних чинов), русско-турецкую войну, русско-японскую войну, войну 1812 года, мы не найдем примеров аналогичного коллаборационизма, имевшего место во время Второй мировой войны. Ни в коем случае не хочу никого оправдывать или обвинять, но просто надо задать себе вопрос: почему около миллиона советских граждан встали под знамена Гитлера, подняв руку на свой собственный народ? Мне кажется, ответ в следующем. Дело в том, что 30-е годы XX века, на мой субъективный взгляд, стали самым жутким и отвратительным (наверное, со Смутного времени) десятилетием для

русского народа. Во-первых, это совершенно беспрецедентная смертность от голода. Голода такого масштаба при последних императорах просто не было. Даже смертности в 100 тыс. человек тоже не было. Не говоря уже о расстрелах. «Большой террор» — это абсолютно беспрецедентная акция террора, когда в течение 1937 года в среднем расстреливали по тысяче человек в день по политическим обвинениям. Это абсолютно беспрецедентно. Коллаборационизм имел социальную основу, это было своего рода продолжение гражданской войны. Это огромная трагедия русского народа, потому что 1930-е годы — абсолютно беспрецедентное, негативное десятилетие для Российского государства и российского народа. Полный мрак. Спасибо.

А. А. Корнилов: Позвольте мне снова вклиниться со своими соображениями. Однажды я спросил нескольких своих корреспондентов в эмиграции, как они относятся к празднику 9 мая. Я не провокатор, мне было просто интересно, потому что я сам стал задумываться над этим днем, когда стал изучать Великую Отечественную войну (или советско-германскую — называем ее по-разному). И мне один эмигрант пишет: «А вы сами-то как относитесь?» Я говорю, тяжелая эта победа, кровь одна. Тяжело по-человечески на это смотреть. Ну, победа. Но какой ценой? «Мы за ценой не постоим», но, слушайте, ужасно это. Сколько народу-то полегло. Девки за парнями бегали — парней не хватало. В деревне рассказывают, как все это было. И другой эмигрант пишет: «Я считаю, 9 мая — это победа сталинского режима. И народ здесь сыграл роль механизма, пристоичного ремня, рычага, левера, leverage, который запустили». Третий эмигрант пишет: «Для меня 9 мая — это день скорби, потому что я скрывался в лагерях для перемещенных лиц, за мной охотились смершевцы, и для меня 9 мая — это день личной трагедии. Я Вам больше ничего не могу об этом сказать». Все это — тоже русские во Второй мировой войне.

В. И. Марахонов: Если вы возьмете двухтомник под редакцией Андрея Борисовича Зубова и посмотрите во втором томе главу, посвященную демографии, то вы увидите, что по неким косвенным данным негативное влияние на общество не 1937, а 1933–1934 годов, вот этого периода, абсолютно адекватно влиянию обеих войн: Первой мировой и гражданской. Посмотрите, пожалуйста, на этот график. То есть на самом деле я согласен с предыдущим выступавшим: 1930-е годы — это была война против собственного народа, которая велась властью на полную катушку, и с результатами, которые соответствовали потерям в Первой мировой войне и гражданской вместе взятым. Посмотрите из любопытства. Это первое.

Второе. Что касается позиции людей. Я уже десятый год работаю в немецкой фирме. До этого работал в норвежской. Достаточно хорошо

знаю моих коллег сейчас, со мной в разговорах они уже не стесняются. На самом деле, они совершенно нормальные люди и, в общем, абсолютно не похожи на тот образ, который описывают всякие юмористы про немцев. Но, скажем так, до сих пор, когда я вижу наших эмигрантов в немецкой форме (Русский Корпус)... Вот пока в югославской форме, все нормально. Когда я вижу в форме Вермахта, меня на уровне эмоций охватывает оторопь некоторая. То есть вот, например, себя я в форме Вермахта никак не вижу. Поэтому, конечно, это вопрос, на который сразу не ответишь.

Однако давайте попробуем поставить себя на место тех людей, которые оказались в эмиграции. Во-первых, они не коллаборационисты. Коллаборационисты — это люди, которые живут на территории своей страны и давали присягу. Наши советские воины, пошедшие в РОА, — это коллаборационисты. Люди, ушедшие в эмиграцию, белые воины, абсолютно однозначно видели своим врагом большевизм, видели своим врагом Сталина. В этой войне сторону Сталина приняли западные союзники, Гитлер был противником Сталина. Куда им было деваться, скажите мне, пожалуйста? Вот мы обычно так рассуждаем: такой выбор, такой выбор... А ведь, на самом деле, особенно, когда человек живет в чужой стране, часто бывает так, что выбор достаточно ограничен. Человеку приходится принимать свои решения в условиях совершенно ограниченных возможностей, и часто жизнь не оставляет выбора. Можно, конечно, отойти. Позиция «вот я ни в чем не буду участвовать» — она самая удобная. Да, она и морально наиболее, в общем-то, комфортная, ты ни в чем не участвуешь. Понимаете, конечно, когда у вас в прорези прицела свои же люди, ваши соотечественники на другой стороне, хотя они воюют за Сталина, хотя можно сколько угодно говорить, что это зомби, которых ведут, но представьте и попробуйте нажать курок. Я думаю, что у многих это просто не получится.

А вообще говоря, тяжелый вопрос. Хотя мои коллеги со мной не стесняются. Как-то раз разговаривали, я спросил: а вообще отношение к русским в Европе сейчас отличается от других, есть к русским какое-то особое отношение? Мой собеседник говорит: «Знаешь, вообще говоря, есть, но... Отношение, конечно, настороженное. Совершенно не потому, что вы воевали с кем-то, вот с нами воевали. Этим в Европе никого не удивишь, потому что все друг друга резали, все друг друга убивали, но у вас же в стране свои убивали своих». Почему-то Испанию он не вспомнил, он довольно хорошо знал Россию. Так вот, на самом деле предшествующий войне период: свои убивали своих — это, действительно, был период совершенно безобразный. И вот то, что произошло после этого периода, наверное, надо оценивать, учитывая, что ситуация была абсолютно ненормальной. Собственно, наверно, всё. Извините за сумбурность, но вопрос действительно сложный.

А. А. Корнилов: Последний доклад перед нашей дискуссией, который был у господина Нуждина, затронул очень интересную тему психологии поведения нашего генералитета в плену. Вспоминаю, простите за тавтологию, воспоминания наших русских эмигрантов. Вот я много читал художественной литературы, и там повторяются два вот таких слова, которые лейтмотивом служат всей жизни наших русских во Второй мировой. Первое — это «что-нибудь поесть». Голод, постоянно преследует голод: «Что-нибудь поесть, поесть, поесть». И с другой стороны, это не значит, что они, как животные, но их доводят до этого скотского состояния. Во-вторых, это «Verbote». Запреты, запреты, запрещено это, запрещено то. Вот такие психологические нюансы легли мне сразу на память, когда выступал Владимир Иванович, работающий в германской фирме.

К. П. Обозный: Действительно, то, что произошло в середине XX века с Россией — величайшая трагедия. Когда говорят, вот, коллаборационисты, предатели, в том числе члены Псковской миссии, начинаешь спрашивать: «А большевики-то кто по отношению к России? Откуда корни всей этой трагедии?»

Хотел бы поделиться с Вами некоторыми свидетельствами, которые мне удалось услышать. Когда я начал глубоко заниматься темой Псковской миссии, это был конец 1990-х годов (1997–1998 год), произошел переворот в моем сознании, в моем ощущении. Начал читать союзную литературу, журнал «Посев», у меня появились очень интересные знакомые, такие как Ростислав Владимирович Полчанинов и Кирилл Михайлович Александров, другие замечательные люди, открыл для себя воспоминания тех, кого называют коллаборантами. Занятия по истории миссии помогли мне получить более объемное видение того, что произошло. Хотя я оканчивал университет и там у нас тоже было какое-то образование (довольно неплохое). Но, конечно, все эти вопросы оставались за рамками нашего образования и воспитания.

В Пскове мне удалось познакомиться с живыми и простыми людьми, которые как раз говорили на эту тему выбора. Мой очень хороший знакомый Георгий Алексеевич Бакусов, который в годы оккупации был совсем молодым человеком, жил под Пушкинскими горами в деревне и лично знал некоторых членов Псковской миссии. Говорил, отец Яков Начис ему даже крестик подарил, до сих пор его хранит. А после этого он ушел в партизаны (где-то в конце 1941 года). Фронт. Потом по партийной линии стал идеологом, попал в аппарат Псковской области, но, выйдя на пенсию в 1980-е годы, начал писать воспоминания, в том числе привлекая документы о Псковской миссии. Мы поэтому с ним познакомились. Несколько лет назад я делал доклад о генерале Власове и о РОА в Пскове, на площадке Александро-Невского храма, там проходят

такие Александро-Невские чтения. Конечно, это был замечательный день. Вот Маргарита [жена К. П. Обозного, участница II Головинских чтений. — *Сост.*] присутствовала... Там некоторые кричали: нужно срочно вызвать милицию, прекратить безобразие. Георгий Алексеевич тоже пришел, он очень хорошо и спокойно выступил: «Я, конечно, отношусь, действительно к ним, как к тем, кто изменил присяге. И это невозможно». Но потом он вдруг сказал такие вещи, потрясающие. Он говорил так: «Я был молодым человеком, жил в деревне, видел немцев, и немцы были очень разные. Видел партизан, и партизаны были очень разные. И, вы знаете, вот моя судьба была как ветер — куда подует. И я теперь прекрасно понимаю, что ветер подул, какие-то обстоятельства в жизни сложились — и я оказался в партизанах. Если бы ветер подул в другую сторону, я, может быть, оказался бы в РОА. И неизвестно, как пошла бы дальше моя судьба».

Это одно свидетельство, а другое — тоже ветерана партизанского движения — Михаила Фёдоровича Иванова, который живет в Пскове. Замечательный человек, преподаватель нашего сельхозинститута. Не был никогда коммунистом, яркий такой антикоммунист, но — военный, пишет воспоминания, входит в совет ветеранов Псковской области. И он написал несколько книг, своих партизанских воспоминаний, причем очень честных, открытых. И в том числе книгу «По ком звонит колокол», на страницах которой поднимает очень острую проблему о репрессиях партизан в отношении мирного населения. Репрессий ничем не обоснованных. Причем привел документы, которые ему удалось в ФСБ, когда это было возможно, найти. Когда читаешь эти свидетельства, факты, ну, просто, как говорится, кровь стынет в жилах. И он говорит, что действительно были такие партизанские отряды-оргтроечки, которых местное население боялось больше, чем эстонскую полевую полицию, которая «прославилась» в Псковской области, и тех же самых немцев. Но вот немцев звали, чтобы они пришли. Или создавали свои отряды самообороны. Потому что эти оргтроечки приходили ночью...

Вот такой яркий эпизод, который я часто привожу в разных аудиториях. Оргтроечка постановила, что нужно казнить коллаборанта старосту деревни. Ночью приходят в деревню, знают, где изба. Стучатся.

— Где хозяин?

— Хозяина нет.

— Где?

— Уехал в Псков на совещание со старшим сыном.

Вызвали всех старост. Выводят всю семью, начиная от 80-летних стариков, заканчивая грудными детьми, которым, может, года не исполнилось, и всех расстреливают возле дома. Причем приводимые факты не какие-то исключительные. С другой стороны, тот же рассказ Михаила

Фёдоровича Иванова. У них в части был такой крепкий крестьянин, партизанил, хороший боец. Ему дают задание: нужно там как-то отвлечь внимание немцев — поджечь деревню. И там края домов, чтобы загорелись, немцы отвлекутся, и тогда ударить им в тыл. Вот они ждут, когда наконец огонь займется, дым пойдет. Ждут. Вот все уже, операция срывается. Боец возвращается. Командир говорит: «Ну что же ты?» Он: «Да не могу я». «Как не можешь?» Он говорит: «Там же люди живут. Там же у них корова, как они потом? Они же умрут с голода». Этого партизана расстреляли, потому что он нарушил приказ. И вот Михаил Фёдорович говорит, что мы должны об этом писать. Когда книга вышла, совет партизан или совет ветеранов ему такую обструкцию устроил: «Ты что позоришь партизан?! Ты какой же наш товарищ?!» А он сказал лично мне: «Если мы не будем писать правду об этом, то через несколько лет скажут, что все партизаны были пьяницы, развратники и бандиты».

Среди партизан были люди очень разные. И среди немцев. Не буду сейчас долго говорить, потому что я чувствую, что время кончается. И оказывается, что вот война и всякая экстремальная ситуация выявляет нутро человека. Если у человека есть стержень духовный, то, как бы там плохо ни было, он, в конце концов, выберет... Пожертвует собой, если может поступить не так, как велит инстинкт самосохранения, а поступить как христианин. И это может быть с любым человеком — будет ли он в немецкой форме, или будет советским партизаном, или еще кем-нибудь. Спасибо.

В. С. Правдюк: Друзья, прошу меня извинить, если я буду нетолерантен по отношению к некоторым суждениям, но я всегда очень доброжелателен ко всем людям, ко всем здесь сидящим. Но с некоторыми высказанными мыслями, наверное, стоит поспорить. Вот, вначале я хочу ответить на вопрос Александра Алексеевича об отношении к 9 мая. Вначале просто короткое воспоминание. В Севастополе всегда встречали 9 мая на Сапун-горе. Это зеленая гора, внизу в то время расцветали маки. Бои там были страшные и в оборону, и потом, когда в 1944-м брали Севастополь. Вот выезжали семьи, расстилали белые скатерти, выкладывали какие-то там пироги, яйца... И все плакали, как правило. Потому что, ну, в общем-то, в севастопольских семьях почти все были без отцов, потери братьев, сестер и так далее, и тому подобное.

Вот отношение Молотова и Сталина к 9 мая. Молотов неоднократно заявлял (а он ведь был сталинский, в общем-то, клевет, и все, что он говорил, это напрямую относилось и к Сталину): «Победа в 45-м году для нас не самое главное, самое главное для нас — это коллективизация». Когда они победили и закабалили свой собственный народ. Вот вам отношение, так сказать, тех, кто, как говорят, возглавлял победителей. Я вообще

считаю XX век веком истребления русского народа. Когда-то Государь наш Николай Александрович в одном из выступлений в Государственной думе сказал (это к тому, что русское государство все-таки было): «Господа, я вас прошу запомнить, что Россия является государством русского народа, в котором живут и другие народы». Это из речи Императора.

Теперь мне хочется, в общем, остановиться на проблеме самой войны. Когда уважаемый наш профессор сказал, что Сталин как бы разрешил слово «русский», а за слова «русская армия» — есть целый ряд дел — в 1920-е годы просто расстреливали, я это послабление расцениваю просто как некий прагматизм товарища Сталина. Он действительно выступает 3 июля. Назвал нас братьями и сестрами. В ноябре 1941-го он сказал, что 6 миллионов немцев уже убито, и война вот сейчас, вот-вот закончится. Вот он нас назвал братьями и сестрами, но уже в 45-м году — винтиками. Понимаете?

Потом, само ожесточение войны, ведь это изобретение, в основном, не Гитлера, а товарища Сталина. Это совершенно очевидная вещь. И сожженные деревни в 1941 году, которые горят в хронике, а немцы идут на Восток. Кто их поджигал? Конечно, те кто отступает. Сейчас известны сотни документов, которые показывают, как ожесточалась война с помощью товарища Сталина и руководимых им большевиков. Эти документы время от времени всплывают, и мы выясняем, как Сталин Жданову советует: «А что у вас 55-я армия, наступая на Новгород, не сжигает стоящих впереди деревень? Вы что, их обходите? Зачем вы тратите время? Уничтожайте их артиллерийским огнем и авиационными налетами». А кто в этих домах-то? Старики, женщины и дети, за которых потом судили многих и немцев в форме Вермахта. Кстати, маленькая реплика про форму Вермахта. Ну, может, она действительно неприятна, но мне форма русского человека в форме НКВД еще более неприятна [*Аплудисменты*]. Это я процитировал Игоря Юрьевича Шауба, который вот там со мной сидит. Потому что после прочтения такого романа, как «Прокляты и убиты» Виктора Астафьева, когда читаешь, как расстреляли братьев Снегирёвых, уже большей ненависти в своей жизни... (Хотя это чувство нехорошее, понимаете, оно, когда замещает чувство любви к чему-то и слишком распирает человека, мы, конечно, становимся гораздо хуже.) Но после такого, после такой сцены, блестяще сделанной писателем, никакой любви к советской власти не остается.

Я давно этот роман прочитал, и сейчас я решил, что любая моя работа будет предваряться эпитафией: «Советский Союз — это не Россия. Моя Россия была оккупирована Советским Союзом». И в этом смысле мне кажется, что эта фраза очень важна, потому что мы уступаем в пропаганде, мы говорим о преступлениях, но не называем имен преступников. Это вообще-то удивительная юридическая практика. Обычный

Киевский суд признал Сталина, Молотова, Маленкова, Кагановича, Постышева, Косиора элементарными преступниками, после чего дискуссии о том, великие ли они, хорошие менеджеры или плохие, уже на территории Украины просто невозможны. Поэтому если мы не будем прощаться с подобной советчиной и не будем за преступлениями называть преступников, мы просто никогда никуда не придем. Наше сознание будет постоянно расколото, потому что суть XX века состоит в том, что это непрерывная гражданская война русских с русскими. И все это мы переживали.

Теперь об ожесточении войны. Когда мы с Кириллом Михайловичем были в белорусском городе Поставы, там проходила историческая конференция, правда, по Первой мировой войне. Нам подарили сборники — подробные списки советских военнопленных в немецких лагерях в начале 1941 года. Оказывается, немцы предложили нам, Гитлер предложил нам 22 июня соглашение о том, что мы через швейцарский Красный Крест пересылаем друг другу адреса и фамилии, имена пленных, и правительства сообщают, хотя бы родителям, которые хотя бы могли сухари посылать этим пленным. До сентября 1941 года немцы регулярно нам присылали эти списки. Поэтому опубликованы эти потрясающие сборники, где там Петров, Иванов, Сидоров Иван Прокофьевич, который живет в Костромской области, подробный его адрес, улица Дзержинского, дом 25, квартира 37... Они реально существуют. И когда читаешь этот сборник, то совершенно ясно понимаешь, кто же, собственно говоря, начал кампанию против пленных, закончившуюся тем, что и немецкие пленные, и наши, в общем-то, в одинаковом проценте поумирали в плену.

Здесь еще есть целый ряд вопросов. Суть состоит в том, что мы до сих пор не можем отделить советское от русского... Вот хотя бы на примере восстания в Венгрии в 1956 году. Когда некоторые наши военные, солдаты и офицеры перешли на сторону венгров, которые, в общем-то, боролись за свободу, мы их называем кем? Предателями? Кем? Потом их расстреливали, и в гаражах Андропов их бетоном закатывал. Вот это русские были люди, а не советские. В том-то и разница. Пока мы не будем различать русское и советское и будем это путать, никакого толку в поисках ответов на многие вопросы у нас не будет. Прошу меня извинить.

И. В. Домнин: В сущности я даже немножко забыл, с чего хотел начать. Увлёкся всеми замечательными выступлениями. Сижу и мозг работает, опять переосмысляя все эти болезненные вещи. Знаете, для меня 1937 год... Переворот в сознании начался. Я десять лет провел на Дальнем Востоке на службе. Однажды мои солдаты принесли, страшно сказать, я вообще не поверил глазам, несколько человеческих черепов. Это же не камни. Камней там много — сопки, болота между ними,

каменистый лес. Я обалдел, растерялся и не понял, что это, откуда. Все это быстро распространилось. Особист прибежал, потому что он понял, в чем дело. Тогда я не сразу понял. Смотрю, прострелены эти черепа. В общем, оказалось, что за сопкой, где наша дивизия стояла, в 1937–1938 годах привозили эшелонами осужденных и выводили, как оказалось. Местные жители нам рассказали. Куда-то их там вывозили, а обратно никого не привозили. Там были рвы, людей расстреливали и туда закапывали. И вот раскопали. Это даже еще года за два до Горбачёва было. Меня ужас обуял. Помню, как не спал совершенно ночь. Мы же помнили, по рассказам, про 1937 год. Ну, дальше я опускаю это чувство. Вот так я впервые столкнулся с той ужасной эпохой. Вживую.

Теперь, возвращаясь к теме, вторая часть реплики, с эмиграцией связана вот эта трагедия... Они предчувствовали войну. Все предчувствовали, но на Западе, может, они особо предчувствовали. Вот Деникин, мы его сейчас покритиковали... Наверное, да, уже и старый был, и удобную позицию... Хотя там не совсем так, если начинаешь в архивах разбираться. Никаких артистических, так сказать, поз Антон Иванович перед немцами не занимал. Он не говорил: «Я с вами отказываюсь сотрудничать, вы не годяи и так далее». Этого не было. Было все прозаичнее, не буду сейчас об этом. Еще не все выяснил, но хочу разобраться, поскольку у меня в руках письма Деникина. Я привез 600 писем Деникина в свое время от Николая Николаевича Рутыча. Вот еще, кстати, фигура по обсуждаемой теме. Я с ним почти двадцать лет связан. Он пишет, заканчивает мемуары, даст Бог, сил у него уже нет, он каким-то духом живет, не знаю чем. Но закончит. И у него как раз мемуары завершаются войной, окончанием войны, и как он в Италии оказался в эмиграции. Он расскажет многое о том, о чем мы никогда не читали. Деникин перед войной написал несколько работ, в том числе такая программная была у него статья, большой очерк военнополитического характера «Мировые события и русский вопрос». Он уже тогда сформулировал эту позицию и обосновал: «Мы не должны идти вместе с внешним врагом нашей родины». Вот его позиция, сформулированная заранее. Он не сориентировался в тяжелый момент, когда выбор следовало делать. Он заранее свою позицию predetermined, призывал к этому своих сторонников и всех вообще в эмиграции.

И последнее. У меня сотни знакомых людей в эмиграции, и я в основном связан как раз с теми, по ком прошла вот эта война. Они оказались на изломе личных судеб. Это те, кто прошли через лагеря «ди-пи», их большинство из оставшихся. Дети первой волны тоже оказались там. Кто был в Корпусе, а кадеты, которые тоже у немцев оказались, заправляли самолеты бензином в последние дни войны. Они не любят об этом вспоминать. Но их тоже заставили очищать шасси у самолетов, подносить шланги и так далее уже в апрельские дни 1945 года.

Я с ними вживую общаюсь, у них такая рана, они нам передают свои архивные материалы и своих родителей. А их большинство до сих пор считает врагами. Нас в Доме Русского Зарубежья тоже считают врагами и пособниками коллаборационистов.

Рутыч — это просто «отпетый враг». Вы знаете, фильмы про него уже сняты, он уже все еврейские погромы организовал, Ригу всю расстрелял несколько раз... Скажу, что они с ним пытались сотрудничать. Они его не трогали до тех пор, пока он их просто не отшил. Подослали престарелую мать, которая дважды отсидела: сначала за отца, то есть за мужа, дроздовского офицера, а потом за него. И он не прятался, его все знали, он в 40 лет писал под своей фамилией, публичный человек был. «Грани» возглавлял одно время. Потом он публиковался и в «Гранях», и в «Посеве». И вдруг сегодня его начали «разоблачать». Я лично видел все эти газеты — «Советскую Россию», «Литературную газету» 1970–1980-х годов, когда по нему было уже все опубликовано и ему предъявлено. Сегодня они это как «открытие» представляют.

Итак, это действительно трагедия, которую мы должны изучать и осмысливать. Возвращаясь к тезису Александра Алексеевича, на который мы, может быть, не обратили должного внимания. Ведь это ключевая, как кажется, фраза. Чем больше мы будем изучать эту войну с разных сторон и с разных точек зрения, особенно неизвестные ее стороны, то сущность и значение дня 9 мая для нас будет, наверное, немножко меняться. Но, конечно, это останется победой нашего народа. Виктор Сергеевич, я со всеми Вашими суждениями согласен. То, что вы говорите страстно, я сам такой, но нам очень сложно разделить советское и русское. Мы 80 лет были советскими или русскими? Можно сказать: вот ты в церковь ходишь, причащаешься, значит, ты русский. А если не ходишь, ты не можешь быть русским никак, потому что только в лоне Церкви человек русский. Правильный ли это будет тезис? Наверное, нет. Я сомневаюсь, что это правильно. Пафос Ваш разделяю полностью, но только призываю в данном случае все-таки к учету нюансов и тонкостей в этом отношении. Спасибо.

К. М. Александров: Позвольте мне тоже внести свою небольшую лепту в «разнuzданные настроения», витающие в этом зале. Сначала несколько коротких реплик к предыдущим выступлениям коллег.

Мне кажется, что фраза глубокоуважаемого Владимира Ивановича Марахонова о том, что если бы Вы увидели в прорезь прицела русского человека и задумались о том, смогли бы нажать курок... она совершенно неисторичная. И не имеет права на существование. Потому что никто из сидящих в этом зале не был в той социальной и психологической, политической, моральной ситуации, в которой оказались люди, которые этот

курок все-таки нажимали. Понимаете, это все равно, что сказать: «Я бы посмотрел, как бы вы сейчас повели себя на льду Чудского озера». Да, очень вероятно, убежали бы, когда на тебя движется эта «кабанья голова»... И богатырский меч, наверное, мы бы не подняли. И люди были другие, и подготовка. Поэтому, мне кажется, что Михаил Юрьевич был совершенно прав: любое историческое событие нужно рассматривать исключительно в контексте времени, причем довольно длительном.

Теперь по поводу контекста. Употребляю термин «коллорабационизм» под влиянием и давлением той профессиональной среды, в которой приходится работать. Я-то считаю, что никакого коллорабационизма, в европейском смысле, в период оккупации на самом деле не было. Это некорректный термин. Коллорабационизм существовал в Голландии, во Франции, в Сербии, может быть, хотя в Сербии ситуация выглядела уже сложнее. А в Советском Союзе, мне кажется, не было коллорабационизма. Все, что происходило между 1941 и 1945 годом, нужно рассматривать исключительно в контексте антисталинского протеста периода примерно с конца 1920-х годов, когда имя Сталина появляется в качестве объекта нападков, и вплоть до его смерти. Это антисталинский протест, начавшийся не в 1941 году и не закончившийся в 1945 году. «Русская Народная армия» Бажанова на финском фронте, Власов, еще что-то — это части какого-то одного, гораздо более широкого явления. Вычленять из него фрагменты нельзя.

По поводу формы Вермахта абсолютно согласен с Игорем Юрьевичем Шаубом. Не могу согласиться с уважаемым мною Андреем Борисовичем Зубовым в том, что человек, надевавший эту форму, совершал безнравственный поступок. Безнравственный поступок, как мне кажется, заключался в другом. Вот Константин Петрович сказал очень хорошо: ветер подул так, я оказался в партизанах, а мог оказаться там. Мои оппоненты-профессионалы заявляют, что если бы Власов вышел из окружения, то был бы маршалом и принимал парад. Все правильно, так бы оно и было. Но протопресвитер отец Александр Киселёв написал прекрасные слова, которые, как мне кажется, отчасти подводят черту под нашей дискуссией. Для того чтобы понять духовную сущность человека, очень мало обращать внимание на то, ходил ли он в церковь или не ходил. Это к вопросу о словах Игоря Владимировича. Важно, если ходит человек в церковь, но этим сущность человека не определяется. Духовная сущность человека, как писал Киселёв, определяется тем, как он ведет себя в конкретных обстоятельствах, в которые его ставит Бог. Власова в плену Бог поставил в такие обстоятельства, в которых у него была возможность выбора поведения. Власов и люди, которые за ним пошли, могли вообще ничего не делать. Они могли дальше спокойно существовать в лагере, играть в преферанс, я имею в виду высший

командный состав. Кстати, в 1943 году по сравнению с 1941-м положение в лагерях очень сильно изменилось. И вот здесь, как мне кажется, нужно было куда-то идти.

Теперь о Корпусе. Тезис: руководство НТСНП правильно поступило, запретив своим членам идти в Русский Корпус, а генерал Скородумов, соответственно, совершил неправильный поступок. Мне кажется, это некорректная постановка вопроса. Нужно было делать то, к чему были силы, к чему был призыв. Пускай это даже было, как потом, может быть, история показала, ошибочный выбор, ни в коем случае нельзя было занимать пассивные позиции. Нужно было искать любых условий и возможностей для того, чтобы изменить ситуацию в России. Из прошлогоднего доклада Светланы Всеволодовны я взял эту фразу Ивана Шмелёва. Его звали после войны «вернуться в Россию». Он ответил: «Что толку! Земля-то? Мне важно *кто* на ней, и — *как* на ней». Говорить о том, что сталинский Советский Союз — это Россия, которой можно было изменить, — это глубокое заблуждение, духовное, в первую очередь. Безнравственная позиция для любого человека заключалась именно в пассивности, в ничегонеделании, в попытке уйти от каких-то событий.

И последнее. Имели ли право русские эмигранты надевать форму Вермахта? Имели, как минимум, по одной причине. Потому что такую форму наверняка бы надели, и они об этом заявляли еще до войны, судя по сводкам НКВД, сотни тысяч советских людей. И если бы русские эмигранты отказались в их отчаянном протесте соучаствовать, их поддерживать, они бы их бросили. Они бы их, в общем-то, обрекли на разрыв преемственности сопротивления. Посмотрим на все, что нам сегодня показали и о чем мы слышали. Псковская миссия — проиграла, Русский Корпус — проиграл, Власов, о котором тут не говорили, тоже проиграл. Можно сказать, что все антибольшевистское движение и сопротивление не одержало никакой политической победы.

Но опять-таки Шмелёв пишет: «Или не знаем случаев, когда внешнее поражение обращалось в великую победу?! Мы, христиане, знаем. <...> Пусть смеются. Смеялись и на Голгофе». И вот представьте теперь, что ничего вот этого, о чем мы сегодня говорили, не было. Ни Русского Корпуса, ни Псковской миссии, ни акции Власова — о нем не говорили, но тема скрыто звучала, — ничего бы не было. Если бы все советские люди воевали только за Сталина (и за Родину, соответственно), и все советские военнопленные сохранили бы ему лояльность, и все русские эмигранты устранились бы от событий. Да сидели бы мы разве в этом зале сегодня? И генерал-лейтенант Николай Николаевич Головин, когда в Париж приехал Василий Фёдорович Малышкин, заместитель Власова, сказал ему: «Я предоставляю свои знания и талант вашему движению. Я уже стар, я уже слаб, я уже почти при смерти». Но он успел написать «Положения» для войск, еще какие-то материалы. Это была правильная

позиция. Умиравший русский ученый отдал последние месяцы жизни тому делу, которое он считал правильным. Но представьте себе, если бы все, я еще раз подчеркиваю, все советские или «подсоветские» люди и русские эмигранты либо воевали бы только на одной стороне, либо отказались от участия в каких-то событиях. Это послужило бы нравственным оправданием преступлениям Сталина и означало, что русские христиане отказались бы от сопротивления злу. Благодарю Вас.

А. А. Корнилов: Позвольте поблагодарить всех коллег за участие в этой дискуссии. Я бы хотел только от себя добавить, что мой опыт изучения Второй мировой войны, поведения русских во Второй мировой войне приводит меня к такому выводу, что русские действительно были поставлены перед страшным выбором. Жестокие условия существования обрекли русских, по крайней мере, многих, на просто скотское состояние, но тем не менее русские доказали, что они являются великим народом. Доказали те люди, которые сделали правильный нравственный выбор. Я думаю, что мерилом, критерием, единицей измерения в этом выборе является правда Божия, правда евангельская, и те, кто пытались следовать этой правде, те и победили. Есть у нас такой святитель-исповедник Афанасий Ковровский. Я в Джорданвилле в издании Московской Патриархии предлагал статью о нем. Никто не берет. А владыка Афанасий Ковровский (Сахаров) сказал: «Вы думаете, кто победит в этой войне? Пресвятая Богородица победит». Казалось бы, это абстрактно, это неинституционально, неконкретно. Но он так и сказал. Он и в лагерях, извините, отсидел 32 года.

Или еще один пример: митрополит Иосиф (Чернов), который в Таганроге при немцах служил. Он должен был сказать: «Нет, я при вас не буду служить, потому что вы фашисты проклятые, я лучше пойду в концлагерь». Нет, он начал спасать души людей. После войны он эвакуировался вроде с немцами на Запад. В Молдавии его арестовали, и потом он отсидел 10 лет, и так далее, и так далее... Это люди, которые сделали правильный нравственный выбор, потому что они спасали души других людей. Поэтому, Кирилл Михайлович, я присоединяюсь к Вашему тезису об историческом контексте, о необходимости учитывать этот исторический контекст. Когда мы его будем учитывать, тогда мы приблизимся к тому блаженному состоянию, которое называется «неосуждение». Мне далеко до этого состояния, но это такое блаженство, когда мы не осуждаем и говорим: «Братцы дорогие, мы в разных состояниях — вы в Русском Корпусе, вы в РОА, вы еще где-то. Но мы — русские, потому что мы верим, что восторжествует правда Божия». Вот я на этой позиции стою. Я хочу поблагодарить всех вас и призвать задуматься тоже и над этим аспектом. Спасибо большое.

*Участники II Головинских чтений
перед кафедральным собором св. Саввы в Белграде, 12 сентября 2011 года*

*Участники II Головинских чтений
перед Топчидерскими казармами в Белграде, 12 сентября 2011 года.
В настоящее время здесь размещается воинская часть Сербской армии.*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абатуров В.* 323
Абрамидзе П. И. 316, 322
Абрамов Ф. Ф. 271, 297–298
Аверин М. Д. 312
Аверинцев С. С. 161–162, 166
Аверченко А. Т. 252–259, 261
Адам 365
Адамович Б. В. 274
Аккерман фон, А. Ф. 99, 107
Аккерман И. Д. 355–356
Аксёнов В. П. 207, 211
Аксёнов И. А. 150
Акулинин И. Г. 292–293
Аладьин Н. 274
Алданов М. А. 209, 212
Александр I 27, 168–169, 292, 374, 378
Александр I Карагеоргиевич 72, 90, 117, 119
Александр II 38, 272, 280, 328, 353, 359, 368
Александр III 38, 51, 171, 221
Александр Ярославич (Невский), св. блг. кн. 104, 106, 126–127, 129, 131, 134, 138, 290
Александра Датская, королева Великобритании и Ирландии 50
Александров Г. В. 347
Александров К. М. 34–35, 54, 82, 115–116, 118–119, 121, 147, 260, 289, 312, 317, 357, 366, 371, 375–376, 379–380, 383, 385, 389, 393, 395, 398
Александровский Г. Б. 174–175
Алексеев, полковник 273
Алексеев В. И. 310
Алексеев М. В. 9, 26, 62, 358
Алексеев Н. Н. 10
Алексеев С. А. 186
Алексий, митрополит Московский, свт. 265
Алексей Александрович, Вел. кн. 170
Алексей Николаевич, наследник цесаревич, св. 268
Алтухов С. 274
Алферьев П. Ф. 311
Альтман М. С. 166
Алянский С. М. 157
Амфитеатров А. В. 97, 213, 255
Анастасий (Грибановский), митрополит 88, 124, 130–131, 134, 138, 265–266
Андерс В. В. 44, 51–52
Анджелико Ф. Б. 148
Андреев В. А. 115
Андреев Л. 384
Андреев Л. Н. 213
Андреева Е. Н. 286
Андропов Ю. В. 393
Анисов А. Ф. 315
Анлева Е. 138
Анна, св. прв. 17, 37, 280, 351
Анненков Ю. П. 152, 164–165
Аносов И. А. 266
Антигона 224
Антоний (Медведев), иеромонах 109, 123–125

- Антоний (Храповицкий), митрополит 135, 185, 263–264, 268, 276
Антонов К. Н. 274
Антропов А. Н. 312
Аполлон 156
Апраксин П. Н. 266
Апрелев Б. П. 279, 283–284, 286
Апухтин К. В. 112, 116
Араканцев К. Г. 357
Артеменко М. П. 314
Артеменко П. Д. 314, 319
Архангельский А. П. 99, 115, 121, 263, 288, 300
Арцыбушев А. П. 385–386
Астафьев В. П. 392
Астахов Г. М. 292
Астахов Ф. А. 316
Ататюрк Кемаль М. 257
Афанасий (Могилёв), иеромонах, см. Могилёв Владимир, священник
Афанасий (Сахаров), епископ, св. нвмч. 398
Афанасьев Ю. Н. 186
Ачимович М. 70, 91–92, 99
- Бабель** И. Э. 149
Бадер П. 91, 98–99, 106, 120
Бажанов Б. Г. 396
Байдалаков В. М. 111
Бакке Г. Э. 118
Бакусов Г. А. 389–390
Балабин Е. И. 289, 291, 294–295, 299–300
Балалыкин А. Н. 313
Бальмонт К. Д. 161
Бальцар В. В. 7
Баранников Григорий, священник 124, 126–130, 133, 136
Баранов В. Г. 10
Баратов Н. Н. 10, 277
Барбович И. Г. 6, 112, 263, 270–271
Баринов Д. М. 323
Барыба, литературный персонаж 148
Баскаков В. И. 7
Бассен-Шпиллер П. С. 42–43, 51
Батый, хан 201
- Батюшин Н. С. 263, 277
Баумгартен фон, В. В. 273
Безыменский Л. А. 118
Бейли-Лэнд Р. 207
Белавин Сергей, священник 98
Белич А. И. 85
Белый А. 150–151, 156–158, 162, 165–166
Беннигсен Георгий, протоиерей 303, 309–310
Бенуа А. Н. 151
Бенцлер Ф. 85, 103, 106, 108
Бердников М. П. 313
Бердяев Н. А. 163, 166, 379, 381
Бердяева Л. Ю. 157
Берзинь-Зиемелис Я. А. 275
Бермондт П. Р. (Авалов П. М.) 26, 113
Бернацкий М. В. 10
Бизе Ж. 261
Бирюзов С. С. 323
Бискупский В. В. 290
Блинов К. 186
Блок А. А. 149–157, 161–162, 165, 213
Блюменталь-Тамарин В. А. 256, 260
Блюменталь-Тамарина (Лащилина) И. А. 260
Бобков С. А. 311
Бобринский В. А. 266
Бобров В. М. 323
Богомолов Н. А. 165
Боинг У. 350
Бок, сотрудник СД 97, 100, 108
Болховитинов Л. М. 8–9
Бондовский А. В. 311
Бонч-Бруевич М. Д. 30
Борисов В. Е. 7
Борисов В. П. 356
Бородин, подполковник 275
Бортневский В. Г. 164, 273, 277
Браминово В. И. 256, 261
Бредов Н. Э. 117
Бредов фон, Ф. 32
Брокгауз Ф. А. 344
Бронштэн В. А. 356
Брусилов А. А. 17–18
Брызгалова Е. Н. 252

- Брюсов В. Я. 149–150, 165
 Б...ский А., литератор 261
 Бубнов А. Д. 10, 12, 15
 Бугаев Б., см. Белый А.
 Будберг А. П. 9
Булдаков В. П. 185
 Бунин И. А. 148, 152, 162–164, 218, 372, 378
 Бунина В. Н. 164
 Буныченко С. К. 260
 Бухов А. С. 259
 Бучинская Е. В. 256
 Бучинский Ю. Ф. 12, 15
Быстров В. Н. 165
- Ваганов И. А.** 312
 Вагнер, сотрудник СД 97
 Вальдман Ф. 87–88, 93
 Варшавский С. И. 255
 Василий (Кривошеин), архиепископ 363
 Васильев А. В. 266
 Васич Д. 100
 Вассиан, иеродиакон 124
 Ваттер М. 353–354, 356
 Вдовенко Г. А. 263
 Веверн Б. В. 12, 15
 Вейнбаум М. Е. 140
 Величковский А. Е. 217
 Величковский Е. В. 217
 Венгеров С. А. 148
 Вениамин (Федченков), епископ 263, 267–268
 Вербицкий Г. Г. 124–125, 137–138
 Веригин В. Ф. 289
 Вериго-Васильевский Б. 274
 Верлен П. М. 224
 Вернадский Г. В. 263
Верт Н. 343
 Вертепов Д. П. 120–121, 137
 Веттер-Розенталь фон, Г. Г. 40
 Ветцель Н. Н. 261
 Викторин (Лябах), иеромонах 124–125, 127, 134, 138
 Вилимек Й. 258
 Вилькам К. Ф., см. Вилькман К. К.
 Вилькама К., см. Вилькман К. К.
- Вилькман К. К. 36–47, 52–53
Виноградов В. К. 118
 Виноградский А. Н. 7, 10
 Витковский В. К. 271, 275, 288, 290
Вихавайнен Т. 48
 Владимир, св. равноап. кн. 17, 37, 116, 351
 Владимир Александрович, Вел. кн. 50
 Владимир Кириллович, Вел. кн. 94, 118, 298
 Владимиров, полковник 277
 Владимиров С. Д. 39–40, 42, 44, 50
 Власов А. А. 33, 115–116, 118–119, 147, 260, 286, 289, 312, 323, 389, 396–397
Власов И. И. 248
 Власов И. П. 172–173
 Вознесенский А. А. 214, 225
 Войков П. Л. 234
Волков В. А. 356
 Волков В. И. 222
Волков С. В. 115–116, 198, 244, 249–250
 Волкова М. В. 222, 225
 Волохов Н. Н. 155
 Волошин М. А. 151, 160–161, 165, 213–214, 225
 Волошина М. С. 213
 Вольф-Людингсхаузен Б. С. 367
Воробейчикова Т. У. 327, 342
 Ворошилов К. Е. 249, 282
 Востоков Владимир, протоиерей 266
 Врангель П. Н. 8–10, 26, 50, 62, 164, 180, 185, 207, 221, 270–274, 276–277, 289, 299, 355, 369
 Вранешевич С. 72
 Выгран В. Н. 112
 Вязьмитинов В. Е. 273
- Гавриил Константинович, Вел. кн. 121
 Гандурин Иоанн, протоиерей 109, 123
Ганин А. В. 116
 Гарцев В. Н. 352
Гельмерт Г. 34
 Генрици Э. Э. 40, 51
 Георг I Греческий 50
 Георгий Константинович, Вел. кн. 121
 Георгий Победоносец, св. вмч. 16–17, 21–22, 28, 169, 209, 349, 353

- Герасименко К. В. 312
 Гермоген, Патриарх Московский и
 всея Руси, свт. 265
Гернет М. Н. 326–327, 342
 Геруа А. В. 13, 275
 Гескет Б. С. 110
Гетманенко О. Д. 115
 Гетц В. И. 120
Гёрлиц В. 34
 Гёте фон, И. В. 162
 Гинденбург фон унд, П. Л. 28–29
 Гиппиус З. Н. 150–151, 156, 162,
 213–214
 Гитлер А. 32, 35, 65, 75, 90, 93, 118,
 139–141, 144, 287, 290–292, 296,
 298, 385–386, 388, 392–393
 Глазков В. Г. 296, 298
 Глухарёв М. Е. 347
 Говоров Н. М. 312
 Гогенцоллерны, династия 365
 Гоголь Н. В. 153
Гогун А. 118
 Годунов Б. Ф. 261
Голдин В. И. 112, 115, 121
Голинков Д. Л. 227, 248
 Голицын В. В. 378
 Головин Н. Н. 5–34, 36, 44–46, 53–
 60, 62–64, 103, 109, 121, 273, 288,
 358, 371, 397
 Головина А. С. 222–223, 225
 Голощапов Н. И. 92
Гольдберг Р. 323
Гольц Г. А. 176, 185
 Гольц фон дер, Р. 26, 87
 Гольцев Н. Д. 311
 Гонтарев Б. В. 92, 112–113, 277
Гончаров В. 34
 Гоппер К. И. 181
 Горбачёв М. С. 364
 Горбачёв М. Я. 299
 Гордеев-Зарецкий М. Т. 82, 103, 106, 109
 Гордеева М. А. 390
Городецкая (Лукина) Ю. М. 323
 Городецкий С. М. 148
 Горская Ю. 256, 261
 Горький М. 149–150, 152
 Гофман М. 26
 Гоштовт Г. А. 40, 50
 Граббе Георгий, протоиерей 131–132
 Граббе М. Н. 292–295, 298–300
 Гранитов В. В. 82, 106, 121
 Гранитов В. И. 109
 Гребенщиков С. Я. 273
 Грёнер К. Э. 26–27, 30–31, 35
 Грибов А. З. 36, 38–46, 49
 Григорашвили М. 349, 352, 354
 Гримм Д. Д. 164
 Громославский П. Я. 218
 Гроссбаргс О. Г. 312
 Гроссул-Толстой В. 274
 Грусс К. 254
 Грядинский Ф. П. 235
Гузаиров Д. М. 167
 Гулевич А. А. 10
Гуманюк А. А. 382
 Гумилёв Л. Н. 164
 Гумилёв Н. С. 152, 164, 213
 Гумилёвы, семья 361
 Гусев И. В. 40, 51
Гущин Ф. А. 16, 19, 378–379
 Даватц фон, В. X. 277
Данилов В. П. 371
 Данишевский К. X. 227
 Данкельман Г. 85, 90, 106, 120
 Дараган, полковник 84
 Дворкин Б. М. 312
 Дельмас Л. А. 155
 Деникин А. И. 26, 50, 54–55, 58,
 61–62, 190, 271, 274, 285, 289,
 357–358, 367, 369, 379, 385, 394
Денискин Б. А. 323
Детков М. Г. 327, 343
 Дешарт О. А. 166
 Джюришич П. 70–71
 Дзержинский Ф. Э. 227, 229, 231–
 232, 248–249, 393
 Диогнет 310
 Дионис 166
Дмитриев А. В. 359–360
Дмитриев Н. И. 226, 249–250, 371
 Добророльский М. Н. 112, 273
 Добужинский М. В. 197
Дойч Г. С. 35

- Доманевский В. Н. 7, 10
Домнин И. В. 5, 358–359, 374, 379, 381, 393, 396
 Дон Жуан, оперный персонаж 261
Дорошевич В. М. 327, 343
 Достоевский Ф. М. 162–163, 199, 213, 373, 378
Драбкин Я. С. 34
 Драгомиров А. М. 7, 271, 273
 Драгомиров В. М. 7, 14
 Драгомиров М. И. 34
 Драценко Д. П. 271
Драшковиц В. 100
 Дрейлинг Р. К. 7
 Дрейшток А. 261
 Дрлевич С. 71
Дробязко С. И. 115, 147
 Дроздовский М. Г. 62
 Дубайич С. 73
 Дубинский В. А. 256, 261
Дубровина А. Б. 327, 342
Дугин А. Н. 333, 343
Дурнев Е. 34
 Дурново П. П. 87–88, 93, 102–103, 116
- Ева** 365
 Евгений Савойский 76
Евсеева Е. Н. 115
 Евлогий (Георгиевский), митрополит 264, 267–268
 Евсиков И. М. 296–298, 300
Егоров В. Е. 323
 Екатерина II 159
 Елизавета Николаевна, графиня Тёрринг-Йеттенбах 50
 Елена Владимировна, Вел. кнг. 36, 38–40, 43–47, 50
 Елисеев В. С. 197
 Елисеев Г. Г. 188, 198
 Елисеев-мл. Г. Г. 196
 Елисеев Н. С. 197
 Елисеев П. Г. 196
 Елисеев С. Г. 187–193, 195–198
 Елисеева В. П. 197
 Елисеевы, купеческая династия 187–188
 Ельцин Б. Н. 226
- Епанчин Н. А. 44, 52
Ермакова Л. М. 197
Ермолаева Н. С. 356
 Есенин С. А. 150, 200, 210, 213
 Ефремов М. Г. 316, 323
Ефремова К. Н. 327, 343
 Ефрон И. А. 344
 «Ещенко», агент 118
- Жданов А. А.** 392
Жданов Д. Н. 115
Желтова Н. Ю. 210
Жуков В. Ю. 115
 Жуков Г. К. 323
 Жуковский Н. Е. 346, 351, 353, 355–356
Журавлёв С. И. 286
- Забелин А. Ф. 274
 Завойко-Курбатов В. С. 62
 Зайцов А. А. 10
 Замятин Е. И. 159, 164–165
 Запорожцев Н. С. 289
 Заремба Н. И. 261
 Заусцинский А. П. 95
Захаров В. В. 115, 323
 Захарченко К. Л. 352–353
 Зборовский В. Э. 94, 109, 277
 Звoryкин В. К. 346
Зданович А. А. 228, 248–250
 Здорик Ф. М. 277
 Зелюк О. Г. 256
Земсков В. Н. 147, 228, 248, 333, 343
 Зигерн-Корн фон, полковник 273
 Зинкевич М. М. 290, 294, 300
 Зиновьев Г. Е. 191–192
 Зимин С. 261
Зобнин Ю. В. 164
 Зотов А. С. 313
 Зощенко М. М. 164
Зубов А. Б. 357–370, 373–378, 380, 384, 386–387, 396
 Зуров Л. Ф. 204, 372
 Зяпин Вячеслав, священник 98
- Иаков, патриарх 265
 Иван III Великий 205
 Иванов, красноармеец 393

- Иванов, полковник 98
Иванов А. И. 87–88
Иванов В. И. 151, 158, 161–163,
165–166
Иванов Вс. В. 164
Иванов В. П. 312
Иванов Г. В. 214, 216, 225
Иванов Д. В. 166
Иванов И. Б. 121, 137
Иванов М. Ф. 390–391
Иванов Н. И. 312
Иванов П. С. 311
Иванов-Разумник Р. В. 151, 157, 165
Иванов-Ринов П. П. 229
Иванова Г. М. 228, 248
Иванцов Д. Н. 290
Ивнев Р. 150
Игнатъев В. И. 103, 109
Игоревский Л. А. 211
Иден А. 67
Иезекииль, пророк 301
Изместьев В. 274
Иисус Христос 128–129, 132, 156,
158–159, 305, 307–310, 359, 373
Иконников П. 98
Илич В. 106
Ильин И. А. 206, 358, 368, 379
Илькевич Н. А. 273
Иностранцев М. А. 9
Иоанн Креститель, пророк 129
Иоанн Кронштадтский, св. 358
Иов Многострадальный, св. прв. 50, 56
Иов Почаевский, св. прп. 124
Иовлев А. М. 248
Ионов Алексей, священник 303, 305,
309–310
Иосиф (Чернов), митрополит 398
Иоффе Э. 49
Исаакий Далматский, св. 205, 209, 211
Исаковский М. В. 202, 210
Искольд (Искольдов) Е. 261
Искольд (Раич) Р. П. 261
Искольды, семейная пара 257
Ищенко П. Е. 312
- Й**
Йованович Д. 87, 92
Йовович Б. 73
- Йонич Б. 71
Итиро М. 191
- К**
Кавтарадзе А. Г. 227, 248
Каганович Л. М. 393
Кадашев В. А. 255
Казанович Б. И. 271, 273
Казанский, инженер 98
Кайзер Г. 354
Калафатович Д. 66
Каледин А. М. 60, 62, 160
Каледин М. Т. 98
Калинин, комдив 312
Калугин Н. И. 312
Кальницкий М. Н. 10
Калякин К. А. 289
Каменев Д. Г. 312
Камышанский И. Т. 289
Карамазов И. Ф. 162
Кара-Мурза С. Г. 185
Карасёв В. Г. 119
Карбышев Д. М. 316, 318
Кармен, оперный персонаж 261
Карнеги Д. Б. 13
Карнович, Новороссийский драгун 43
Карпенко С. В. 115
Карпов П. И. 150
Карцев Т. Н. 96
Карцов И. П. 168, 170
Катышев Г. И. 356
Квапил Я. 258
Квартели А. М. 349–351
Кевиш, полковник 100–104, 107–108,
113, 120
Кедров М. А. 288
Кемпбелл, капитан 204
Кеннан Д. 327
Керенский А. Ф. 29, 59–60, 62, 97,
160, 215, 221
Керсновский А. А. 7, 17, 22, 367
Кесерович Д. 78
Кёнен Г. 34
Кириенко И. К. 92, 107, 109, 120, 277
Кирилл Владимирович, Вел. кн. 38,
116, 139, 171
Кирилл (Начис), архимандрит 304, 310
Кириллов Н. К. 314

- Кирпичников В. В. 314, 317
 Киселёв Александр, протопресвитер 396
 Кисилёв, унтер-лейтенант 168
 Клей Л. Д. 143, 147
 Клервилль В. 209–210
 Климанов А. 314
 Климович В. Е. 84, 111
 Клыков В. А. 354–355
 Клюев Н. А. 150
Клюс Э. 149
 Князев В. В. 150
 Ковалевская С. В. 351
 Ковалевский Е. Е. 85
 Коверда Б. С. 234
Кокурин А. И. 344
 Колениченко К. А. 172–173
Колеров М. А. 166
 Коллонтай А. М. 254
 Колосова М. И. 222, 225
Колунтаев С. А. 115
 Колчак А. В. 26, 31, 50, 62, 181, 190–191, 207–209, 211, 222–224, 247, 365
 Комиссаржевская В. Ф. 260
 Кондаков Н. П. 164
 Кондратьев И. М. 110
Кононов А. Н. 198
 Конрад Н. И. 188
 Константин Павлович, Вел. кн. 168–169
 Константин I, король Греции 50
 Константинов М. П. 311
Копелев Л. З. 34
 Коперник Н. 159
 Копцов В. А. 311
 Копылов, литературный персонаж 203
 Копяк И. А. 311
 Корвин-Круковский Б. В. 351–352, 354, 356
Корнилов А. А. 122, 382, 386–387, 389, 391, 395, 398
 Корнилов Л. Г. 26, 59, 61–62, 160, 214, 219, 271, 358
 Короленко В. Г. 150
Корум Дж. 34–35
 Косиор С. В. 393
 Косиковский Д. В. 99
 Костелев А. Ф. 314
Кострюков А. А. 264–266, 269
Котюков К. Л. 115
 Кошель П. П. 130
 Краинский Н. В. 88
 Краснов-мл. Н. Н. 84
 Краснов П. Н. 10, 12, 15, 33, 54, 217, 229, 288, 292, 294–295, 298, 300, 359
 Краснов С. Н. 300
 Краус, СС оберштурмбаннфюрер 107
 Крейтер В. В. 90, 113
 Кремплер фон, К. 74
 Кромби Ф. А. 209–210
 Кропоткин П. А. 328, 343
 Крупенский А. Н. 264
 Крыленко Н. В. 227, 248
 Крюков Ф. Д. 217–218
Кубасов Ф. В. 198
 Кудинов П. 298
 Кузмин М. А. 159–160, 165
Кузнецов А. А. 139
Кузнецов Н. А. 278
 Кулик Г. И. 316, 318
 Куликов И. П. 312
 Куликов К. Е. 316, 318, 322
Куликова М. В. 356
Кульпина Ю. Э. 185
 Кун Б. 368
 Куничев М. И. 172–173
 Куприн А. И. 205, 209, 211–212
Купченко В. П. 165
 Курганов (Кошкин) И. А. 380
 Кускова Е. Д. 63
 Кутейников Н. А. 274
 Кутепов А. П. 10, 62, 117, 380
 Кутлвашр Е. В. 258
 Кутлвашр К. 258, 261
Кьосева Ц. 115
 Кэмпбелл, литературный персонаж 204, 210
 Кюхельбекер В. К. 169

Лавров А. В. 157–158
 Лампе фон, А. А. 273, 287–289
 Ланин А. В. 86–87, 95–97, 104, 106–107
Ланник Л. В. 23

- Лаптев М. 274
Ларионов В. А. 96
Ласкин И. А. 311
Лацис (Лацис) М. Я. 227, 230–231, 248
Леваневский С. А. 347
Левицкий Д. А. 252, 254, 259
Лееб фон, В. Й. 25
Лейхтенбергский Г. Н. 273
Ленин В. И. 37, 59, 145, 160, 228–229, 232, 248–249, 253–254, 257, 261, 369
Леонкавалло Р. 261
Лепеха А. А. 44, 46, 52
Лесков Н. С. 199, 204, 373
Лечицкий П. А. 28
Лёгкий Иоанн, священник 303
Лётич (Льотич) Д. В. 70, 91, 98–99, 119–120
Лётич (Льогич) Я. В. 120
Либкнехт К. 371
Ливен А. П. 273
Линдберг, поручик 40
Линдрижен И. 173
Линицкий А. И. 39, 42, 50
Липпа С. М. 312, 314
Лисенко Александр, священник 270
Лискин Ю. А. 323
Лист, лейтенант 168
Литвин А. Л. 249
Лобачевский Н. И. 122, 382
Логонов В. А. 356
Лопатин А. И. 322
Лоренц К. 376
Лот, племянник Авраама 159
Лукин М. Ф. 318
Лукомский А. С. 61
Луначарский А. В. 150–151, 153, 253, 260
Лундберг Е. Г. 150
Лунц Л. Н. 164
Лурье А. С. 153
Лурье В. М. 286
Лутовинова И. С. 198
Львов Г. Е. 57, 59, 62
Львов Н. Н. 266
Льюис К. 364
Людендорф Э. Ф. 26–29, 35, 37
Люксембург Р. 371
Люттвиц фон, В. 26, 31
Лялин М. М. 174
Маевский В. А. 86, 89–91, 94, 116, 118–119
Макарий (Булгаков), митрополит 263
Макарий (Глухарев), архимандрит, св. прп. 373–374
Макаров М. П. 312
Мак-Донелл Дж. 352
Макензен фон, А. 28–29, 34–35
Максимов В. Е. 207–208, 211
Максимов В. К. 311, 313
Максимов Е. 256
Маленков Г. М. 393
Маликов В. А. 274
Малмстад Д. 165
Мальберг Л. 38
Малышенко Н. И. 292
Малышкин В. Ф. 397
Малюшницкий К. Н. 289
Мамантов К. К. 185
Мамонтов Н. В. 120
Мандельштам Н. Я. 149, 164
Маннергейм К. Г. 26, 37, 45, 47–49, 53
Марадудина М. С. 256, 259
Марахонов В. И. 345, 360, 362, 387, 389, 395
Марахонова С. И. 187
Марина Николаевна, герцогиня Кентская 50
Мария Павловна, Вел. кнг. 50, 117
Мария Фёдоровна, императрица 50, 170
Марк, св. 254
Марков Н. Е. 263–264, 266–268
Марков С. Л. 62
Марков С. Н. 223
Маркс К. 141, 188
Марр Н. Я. 193, 196
Маршев А. 350
Масленников А. М. 264, 266
Маслов С. С. 186
Махароблидзе Е. И. 266
Махин Ф. Е. 111
Махно Н. И. 62

- Мацылев С. А. 121
 Мачек В. 73
 Маяковский В. В. 149–150, 152, 154, 199, 201–202, 210, 213
 Медведев М. А. 292
 Мейер фон, Ю. К. 83, 90, 93–95, 101–102, 104, 107, 110–111, 115, 118–121
 Мейерхольд В. Э. 151
 Мелехов Г. П. 203–204
 Мелехов П. П. 202
 Мелехова Д. 203
 Мельгунов С. П. 15, 227, 248
 Мелькебек Г. П. 189
Мельников В. 323
 Мельников Н. А. 139–140, 146
Мельтюхов М. И. 147
 Менделеев Д. И. 64
 Меньшиков М. О. 176, 358
 Мережковские, семья 221
 Мережковский Д. С. 97, 162, 164, 213–214
Мери В. 49
 Месснер Е. Э. 7, 11, 14, 83–84, 86–89, 91, 94–95, 103–104, 106, 111–113, 115–116, 118, 120–121, 273, 277
 Миклашевский И. Л. 260
 Милан IV 85
 Милашевич, полковник 298
Миленко В. Д. 252
 Миллер Е. К. 51, 62, 117, 363
 Милюков П. Н. 54
 Миндалева Я. Г. 315
 Минин С. Б. 313
Мионов Б. Н. 176, 185
Мирская М. Б. 356
 Митрофан (Зноско-Боровский), епископ 127, 129, 138
 Митрофанов Н. И. 312
 Митчелл У. 349–350
Митюрин В. Д. 34
 Михаил, архистратиг 160
 Михаил Александрович, Вел. кн. 56, 268
 Михаил Павлович, Вел. кн. 169
Михайлов Г. К. 356
 Михайлов Н. Ф. 145, 147
 Михайлович Д. 68–69, 71–72, 77–78, 100–101, 113, 119
Михеев В. Р. 356
Мовчин Н. 186
 Могилёв Владимир, священник (в монастыре Афанасий) 124, 126
Можяева Л. А. 115
 Мокин Н. 98, 109
 Молотов В. М. 235, 391, 393
Молохов А. В. 252
 Молчанов Борис, протоиерей 123–127, 136
 Мольтке-старший фон, Г. К. 24, 32, 34
 Моругий, матрос 172
Моруков Ю. Н. 344
 Москаленко К. С. 316
 Моторный И. Н. 312
 Моцарт В. А. 261
 Мочульский К. В. 155, 165
 Музыченко И. Н. 315, 320–322
Мулукаев Р. С. 327, 342
 Муравьёв-Амурский Н. Н. 274
Муратов В. В. 323
 Мурашко, полковник 296
 Муромец И. И. 345
 Мусин-Пушкин В. В. 263
 Мусоргский М. П. 261
 Муссолини Б. 38
 Муся, литературный персонаж 209
 Мушицки (Мушицкий) К. 70, 119–120
 Мюллер-Гиллебранд Б. 147
- Набоков В. В.** 214, 216, 225
 Навроцкий А. А. 126–127, 129, 132–134, 137–138
Назаров М. В. 269
 Найдёнов Б. Ф. 351
Наконечный М. Ю. 325, 344, 368, 370–371, 386, 396
 Наливайко В. 121
 Наполеон I Бонапарт 42, 168, 292, 360
 Наталия, королева Сербская 271
 Науменко В. Г. 263
 Наумов А. З. 317
Наумов В. П. 118

- Нахимов П. С. 171
Начис Яков, священник 389
Небо М. Б. 42, 51
Небольсин А. К. 279
Невакиви Ю. 49
Невский Н. А. 188
Недич М. 69–70, 99–100, 113, 119
Неелов Н. Л. 88, 91–92, 107, 118
Нежевов Д. Д. 297, 299
Неженцев М. О. 62
Непенин А. И. 348
Несмелов А. И. 206, 211
Нефёдов С. А. 176, 185
Нивьер А. 126, 137–138
Никитин, председатель Союза Казаков в Болгарии, 298
Никитин Н. А. 314
Никитин Н. Н. 164
Никитин Я., диакон 297–298
Никодим (Нагаев), игумен 124
Николаев Д. Д. 252
Николаев И. А. 65
Николаев С. П. 312
Николай I 50, 169, 373
Николай II 8, 47, 55–56, 84, 88, 90, 117, 348, 392
Николай, принц Греческий и Датский 38, 50
Николай Кузанский 157
Николай Мирликийский, св. Чудотворец 129
Николай Николаевич (Младший), Вел. кн. 8–10, 52, 271–272, 275, 299
Никольский А. М. 355
Никольский В. П. 263
Никон, архиепископ, см. Рклицкий Н. П.
Никон (Лысенко), архимандрит 262, 374, 380
Ницше Ф. 149, 165
Нобуюки М. 191
Новгородцев П. И. 263
Новиков И. М. 7
Новосильцов И. Л. 289
Нойбахер Г. 65
Нойхаузен Ф. 102, 106, 108
Нокс А. 207–209
Ноле-Коган Н. А. 156
Нуждин О. И. 311, 389
Обатуров А. А. 91
Обозный К. П. 301, 372, 389–390, 396
Образцов И. В. 6, 14
Окороков А. В. 115, 323
Окунев Я. М. 150
Олег Вещий, кн. 171
Оликов С. 186
Ольга, св. равноап. кнг. 304
Ольга Константиновна, Вел. кнг. 50
Ольга Николаевна, Вел. кнг. 51
Ольга Николаевна, принцесса Югославская 50
Ольденбург С. Ф. 188
Орлов А. А. 199, 210
Осоргин М. А. 154
Остроумов С. С. 327, 342
Отто Г. 34
Охотин Н. Г. 344
Паасикиви Ю. К. 48
Павел, св. ап. 306
Павел I 159, 279–280, 282, 285
Павелич А. 71, 73, 76, 78
Павлович Н. А. 157
Палтов, лейтенант 170
Панарин А. С. 177
Паннвиц фон, Х. 135
Панфильев Е. 216
Панфильевы, казачья семья 225
Патронов И. Ф. 7
Пашков К. 174
Пащина М. В. 249–250
Персиянов Д. А. 83, 85, 115–116
Перхуров А. П. 246
Пельтцер И. Р. 261
Пельтцер Т. И. 261
Петерс Я. Х. 227
Петкевич Г. Д. 224
Петлюра С. В. 289, 296
Петров, красноармеец 393
Петров М. Н. 228, 248
Петров-Водкин К. С. 151
Петрушин А. 323

- Печанац К. М. 69
 Пётр, митрополит Московский, свт. 265
 Пётр I 57, 148, 168, 280, 290, 321, 354, 378
 Пётр II Карагеоргиевич 67, 99–100
 Пётр II Романов 194
 Пильняк Б. А. 164
Писаревская Я. Л. 115
 Пихно, вольноопределяющийся 275
Платт К. 165
Плеханов А. М. 228, 248
 Плетнер О. 188
Плотников Н. С. 166
 Плутарх Херонейский 23
 Погачар Л. 72
Погребысская Е. И. 356
 Подгорный Я. И. 287, 290
 Подлас К. П. 315
 Подраменцев А. Н. 95, 119
 Позднышев С. Д. 292
 Покровская Р. И., см. Колосова М. И.
 Полтавцев В. Н. 273
 Полубинский Б. 274
 Полчанинов Р. В. 134, 138, 389
 Полянский А. Н. 137
 Полянский В. Н. 7, 273
 Понеделин П. Г. 314, 323
 Попов, лейтенант 313
 Попов, фотограф 98
 Попов К. С. 273
 Попов Н. 274
Португальский Р. 323
Поршнева О. С. 185
Посадский А. В. 176, 185
Поспеловский Д. В. 263–264, 269
 Постышев П. П. 393
 Потапов А. И. 292
 Потапов М. И. 318, 320–321
 Потатурчев А. Г. 316, 318–319, 321–322
 Потехин В. 14
Правдюк В. С. 213, 375, 377, 391, 395
 Принцип Г. 51
 Прокофьев де Северский А. Н. 348–352
 Пронин В. М. 7, 95
 Прокопович Ю., см. Горская Ю.
 Протасов Н. А. 373
 Протопопов Н. Н. 121, 124, 126, 137
 Прохоров И. П. 316
 Пуговочников А. Н. 84
 Путинцев, майор 314
 Пуччини Дж. 261
 Радич Р. 72
 Райт, братья 350
 Раскольников (Ильин) Ф. Ф. 278, 281
Рассказов Л. П. 228, 248
 Редер Э. Й. 25
Реент Ю. А. 327, 343
 Рейнхардт В. 26, 31
 Рейснер Л. М. 151
 Рейснер М. А. 151
 Рекалов Л. Т. 274
 Реландер Л. К. 38, 49
 Репин И. Е. 218
 Реут А. 274
Решин Л. Е. 118
 Римский-Корсаков П. В. 279
 Рихтер Б. С. 313, 316
 Рклицкий Н. П. (в сане архиепископ Никон) 7, 124–125, 270–271, 277
Рогинский А. Б. 344
Рогова Е. М. 226, 249–250
 Рогожин А. И. 94, 118, 123, 125–126, 130, 132–133, 135, 137
 Родзянко А. П. 62
 Родзянко М. В. 62
 Розанов, инженер 98
 Розанов В. В. 148, 163–164, 177
 Романов М. Т. 315, 319, 321–322
 Романовский Г. Д. 86, 91, 116
 Романовы, династия 188, 267–268, 280, 365
 Рославлев А. С. 150
 Рубинштейн А. Г. 261
 Руденко К. Г. 312
 Руднев В. Ф. 167
 Рулёв, капитан 98
 Рундштедт фон, Г. Р. 25
Рупасов А. И. 47–48
 Рупник Л. 77
 Рутыч-Рутченко Н. Н. 394–395
 Рыжков А. Н. 312

- Рыков Е. П. 312
Рытиков А. Г. 111
Рычков И. В. 91, 96
Рябов, помощник коменданта 243
- Савва, св. 117
Савин И. И. 216, 218–219, 225
Савин М. И. 218
Савин П. И. 218
Савинков Б. В. 151, 160–161
Салама А. Н. 256, 261
Салихов М. Б. 311, 323
Салтыков-Щедрин М. Е. 90
Самарджич М. 65, 100
Самсонов Т. П. 232
Сахнов С. П. 317
Свердлов Ф. Д. 311, 323
Свечин М. А. 288
Свищов И. С. 7, 113
Свободин В. П. 256
Севастьянов А. Н. 312, 319
Северский де, А. П., см. Прокофьев де Северский А. Н.
Сегал Д. 150, 164
Сект (Зекст) фон, Г. 23–35
Серафим (Глаголевский), митрополит 373
Серафимович А. С. 150
Сергеев Е. Ю. 24, 34
Сергеевский Б. Н. 7, 10
Сергий (Воскресенский), митрополит 303, 305–307, 310
Сергий Радонежский, св., прп. 134, 265
Сергий (Страгородский), митрополит 305
Сигачёв С. П. 344
Сидоров И. П. 393
Сикорский И. И. 346–347, 350–352, 356
Сикорский С. И. 346
Симаков И. 174
Симович Д. 83
Симонов К. М. 384
Сихво А. 38, 49
Скандерберг Г. 75
Скаржинский П. В. 264, 266
Скарпиа, оперный персонаж 261
- Скачков, подполковник 84
Скеттлз, литературный персонаж 205–207
Скляр В. В. 109
Скокан (Скокан де Морайтини) Е. О. 256, 261
Скородумов М. Ф. 84, 86–108, 110, 112–114, 116–120, 139–140, 146–147, 397
Скородумова Е. Д. 118
Скоропадский П. П. 26, 44, 51–52, 62, 229, 296
Скрипин Н. 98
Слатин И. И. 256, 261
Словохотов А. А. 357, 382
Слонимский М. Л. 164
Смердяков П. 162
Смирнов А. А. 112, 121
Смирнов В. А. 312
Смирнов М. Б. 344
Смоленский В. А. 221, 225
Смолин М. М. 173
Смольяков В. Г. 327, 342
Смыкалин А. С. 228, 248, 250
Смысловский Б. А. 96
Снегирёвы, братья, литературные персонажи 392
Соболев А. А. 278–284, 286
Соболев Д. А. 356
Соколов, матрос 172
Соколов А. Д. 312
Соколов В. А. 385
Соколовская З. К. 356
Сокольский К. 40
Соламахин М. К. 95
Солженицын А. И. 5, 358, 380, 384–385
Соловей В. Д. 185
Сологуб Ф. 163
Соломоновский И. К. 84, 260
Солоневич И. Л. 139–142, 144, 146, 215
Сольский Е. Л. 173–174
Сорокин П. А. 176, 185
Сотенский В. Н. 320–321
София, светлейшая герцогиня Гогенберг 51
Софья Алексеевна, царевна 378

- Сперанский Г. Н. 111
Спиридонова Л. А. 252
 Ставицкий И. П. 10
Ставру Ф. 310
 Сталин И. В. 47–48, 79, 84, 88, 95, 115, 144, 147, 179, 234–235, 282–283, 290–291, 306, 319, 333, 345, 370, 384–385, 388, 391–393, 396–397
 Стамболийский А. 117
 Станислав, св. 17, 37, 152, 280, 351
 Старошук, старший политрук 314
Степанов Е. Е. 164
 Степневский В. 355
 Степун Ф. А. 155, 157, 165–166
 Стефан (Севбо), архиепископ 131, 135–136, 138
 Стефан Урош II Милутин 270
 Стольберг К. 48
 Столыпин П. А. 176, 178, 185, 380
Стрелянов (Калабухов) П. Н. 115
 Струве П. Б. 149, 164, 379
Стругар В. 119–120
 Струков М. М. 353–354
 Струкова Л. 354
Сувениров О. Ф. 249
 Суворин А. С. 151, 338
 Суворов А. В. 12
 Сулькевич М. А. 26
Суманосов В. А. 225
 Сургучёв И. Д. 255
Суслов А. Б. 228, 248
- Таганцев В. Н. 164
 Талвела П. 38, 48
 Тангл, капитан 104
 Тарановский Ф. В. 263
 Твардовская Н. М. 256
Телицын В. Л. 356
Тепляков А. Г. 228, 248
 Терпугов Д. В. 314
Тигонен Т. 198
 Тимирёва А. В. 224–225
Тимофеев А. Ю. 83–84, 110, 115–116, 118–119, 121
Тинченко Я. Ю. 249–250
- Тито И. Б. 78–79, 101, 119, 123
 Тихонравов М. И. 109
 Ткаченко, генерал 292
 Ткаченко С. А. 318
 Ткачёв В. М. 99, 106, 111, 271, 273
 Толкачёв Н. И. 312
 Толстой А. Н. 149, 152
 Толстой И. И. 111
 Толстой Л. Н. 159, 202, 206–207
 Томингас, матрос 172
 Тонио, оперный персонаж 261
 Тренев К. А. 255
 Трепов А. Ф. 263–264, 266
 Троцкий Л. Д. 151, 165, 228–229, 236, 249, 253–254, 380
 Троянов, инженер 98
 Трубецкой Николай, священник 303
 Трубецкой С. Е. 182, 186
 Трунов Георгий, протоиерей 126–127, 134–136, 138
 Трушнович А. Р. 111
 Трушнович Я. А. 85–86, 90, 111, 115–116, 118, 121
Туоми М.-Л. 36
 Турнер Г. 91
 Туроверов Н. Н. 216, 219–221, 225
 Тухачевский М. Н. 31, 319–320
 Тхор Г. И. 317
 Тэффи Н. А. 256, 259
Тюрин Д. В. 115
- Удальцов, литературный персонаж 208
 Удорокс В., см. Скородумов М. Ф.
 Уильямсон Х. 204, 210–212
 Улагай С. Г. 271
Ульянкина Т. И. 356
 Ульяновец Владимир, священник 123, 126–127
 Ураков С. 244
 Урвачев С. 274
 Уриу С. 167
 Урицкий М. С. 253
 Ушацкий В. 240
- Фадеев А. А. 202
 Фалькенгайн фон, Э. 28–29, 35

- Фальченко Г. И. 255
Фальченко О. Т. 255
Фатуева Н. В. 186
Федосьев, литературный персонаж 210
Федотов Г. П. 379, 381
Федюкин С. А. 227, 248
Фельштинский Ю. Г. 236, 250
Фенин Л. А. 256, 260
Ферстер Г. 34–35
Фёдор Иоаннович, царь 378
Фёдоров Г. А. 311
Филарет (Дроздов), митрополит, свт. 374
Филатов А. 242–243
Филипп II Македонский 205
Филипповых Д. Н. 115
Фихте И. Г. 87
Флеминг П. 211
Флуг В. Е. 7, 277
Фомин Н. С. 312
Форд Г. 354
Франк С. Л. 149, 164, 379
Франко Баамонде Ф. 367
Франц-Иосиф I 51
Франц-Фердинанд, эрцгерцог 51
Фрейдин Г. 149
Френкель Н. А. 325
Фриза Г. 375
Фудель С. И. 366
Фукс В. К. 273
- Хайрулин М.* 225
Харитонов С. А. 312
Харламов П. К. 297–298
Харченко И. Г. 343
Хацкевич А. Д. 312, 315
Хвощинский В. В. 173
Хентия С. 49
Хитлер, см. Гитлер А.
Хлебина А. Е. 252, 259
Хмелевский К. 198
Ходасевич В. Ф. 214, 216, 225
Ходнев Д. И. 96
Ходотов Н. Н. 256, 260
Холодковский В. М. 48
Хольмсен И. А. 39, 41, 50–51
- Хоменко В. А. 311
Хорти М. 76
Хоффманн И. 318
Хохульников К. Н. 225
Христофоров В. С. 323
Хрущёв Н. С. 145, 147
Хубилай, хан 361
- Цветаева М. И. 158, 214–215, 222, 225
Цветков В. Ж. 186
Цинцар-Маркович А. 66
Цурганов Ю. С. 115, 287, 363–364, 380
Цыгулиев, представитель Войскового атамана, 298
Цыпин Владислав, протоиерей 263
Цыпленков А. С. 211
- Чан** Кай-ши 32, 285
Челидзе А. П. 317
Чемеренко, унтер-офицер 173
Чепурнов, корнет 43
Черепов В. А. 120–121
Чернавин В. В. 9
Чернецов В. М. 219
Черняев В. Ю. 36, 115, 164
Чернявский Г. И. 236, 250
Черчилль У. 345
Черячукин А. В. 292
Чеснова Л. В. 356
Чехов А. П. 199, 327, 343, 379
Чириков Е. Н. 359
Чичерюкин-Мейнгардт В. Г. 270
Чистиков А. Н. 48
Чистов П. В. 312
Чуваков В. Н. 50
Чуковский К. И. 151, 156, 165
Чулков Г. И. 160, 162
Чухнов Н. Н. 86, 91, 104, 111, 116, 118
- Шабельский** К. Н. 98
Шаляпин Ф. И. 260
Шаповалов М. М. 311, 316
Шапошников Б. М. 318
Шатагин Н. И. 248
Шатилов Д. В. 99, 109
Шатилов П. Н. 8, 271

- Шауб И. Ю.* 148, 164, 392, 396
Шахназаров О. Л. 186
Шевцов О. А. 34, 368
 Шелль В. Е. 84
 Шелль Е. Г. 84, 95
 Шемякин А. А. 266
 Шестов Л. И. 150
 Шестопалов Н. М. 311, 313
 Шеффер Б. И. 312
Шеиунова С. В. 199, 364, 366, 376, 397
 Шилеровы, офицеры 274
 Шиллинг Н. Н. 290
 Шимкевич В. М. 194
Шинджихашвили Д. И. 327, 342
 Ширинский-Шихматов А. А. 264
Широкова Е. А. 115
Шкапов Д. В. 344
Шкаренков Л. К. 115
Шкаровский М. В. 115
 Шлиффен фон, А. 34
Шмаков Г. Г. 165
Шмелёв А. В. 34, 139
 Шмелёв И. С. 205–207, 211, 255, 358, 397
 Шмидт К. 157
Шниттер Г. 34
 Шолохов М. А. 202, 210, 218
 Штабельберг, Новороссийский драгун 42
 Штейгер А. С., см. Головина А. С.
 Штейнер Р. 158
 Штейфон Б. А. 7, 13, 78, 92, 103, 105–109, 111–114, 116, 118, 271, 277
 Штрандтман В. Н. 85
 Шуберский А. Н. 5, 7, 14, 103
 Шустин А. М. 312
- Щеглов**, литературный персонаж 204
 Щеголёв П. Е. 156
 Щекотурин А. С. 292
 Щербakov И. И. 312
 Щербачёв Д. Г. 8, 17–21, 28–29
 Щеченко Е. 275
- Эберт Ф. 34
 Эйзенхауэр Д. 147, 384
- Эйхе П. П. 191
 Эйхе Р. И. 235
 Экк Э. В. 7, 270–272, 276
 Энгельс Ф. 188
 Энкель О. К. 38, 48
 Эпозито Дж. 76
Эткинд А. М. 163, 166
 Эфендич Х. 74
- Юденич** Н. Н. 48, 62, 188, 190–191, 196, 209, 380
 Юкшинский В. И. 140, 145, 147
Юссилла О. 49
Юшко А. А. 115
- Яблоновский** А. А. 255
 Якимов П. Н. 312
 Яковлев Вячеслав, священник 98
 Яковлев Я. А. 92
 Яненко Н. Г. 84, 274
 Янкович Р. 66
 Янковский Г. Л. 274
 Янковский Е. Л. 120
 Ясинский И. И. 150
Яшлавский А. Э. 115
- Averčenko A.* 259, 261
Аврамов С. 81
 Adlerdon, полковник, см. Вилькама К.
 Artemenko P. D. 323
 Bakhmeteff B. 260
 Baly W. 343
Baumgart von, W. 35
 Churchill W. 35
Citino R. 34
 Clay L. D. 147
 Cromie F. A. 209
 Elisseeff S. G. 198
Engel E. 343
 Freeze G. 375
Gaertringen von, F. 35
 Golovin N. N. 15, 34, 54
Grezine I. 49
 Groener W. 35
Groß von, G. P. 35
Hino T. 198

- Нойбахер X. 81
Норман А. 35
Higham R. D. S. 34
Kawai T. 198
Kennan G. 343
Кнох А. В. 207
Костух Лазо М. 81
Kotsalo, см. Линдберг
Крећа М. 81
Kulikow К. Е. 323–324
Kutlvařk К. 261
Laanso, поручик, см. Линдберг
Льотић Д. 81
McDonnell J. 352
McKelvey K. 343
Meier Y. 115–116, 118–121
Messner E. 115–116, 118, 120–121
Михайлович Д. 65
Müller K. J. 34
Paasivirta J. 49
Paquet A. 35
Polvinen T. 48
Potapow M. I. 323–324
Rabenau F. 34
Romanoff M. T. 323–324
Seeckt von, H. 34
Seversky de, A. P. 348
Sikorsky I. I. 347
Showalter D. E. 34
Sofsky W. 343
Solomonovsky I. K. 260
Stone N. 35
Stroukoff L. 354
Stroukoff M. 354
Tkatschenko S. A. 323
Toth S. 343
Tuomi M.-L. 36
Waterford V. 343
Wilkaman K. F. 36
Zinoman P. 343

SUMMARY

**Proceedings of the II International historical readings
to the memory of Professor, Lieutenant-General
Nicolay Golovin (1875–1944)
Belgrade, 10–14 September 2011
Readings are dedicated to the 70th anniversary
of the Russian Corps of White emigrants in Belgrade (1941)**

Igor Domnin, a retired colonel, Deputy Director of the House of Russia Abroad named after Alexander Solzhenitsyn (Moscow, Russia).

***Topic:* Lieutenant-General Nicolay Golovin as a major figure of military culture of Russia Abroad.**

The article is devoted to the scientific activities of General N. N. Golovin in exile. On the basis of a wide range of sources the author, a renowned expert on the history of Russian military emigration, considers work of Golovin in the 1920–1930-ies in the context of the military culture phenomenon. The history of specialized scientific courses that were opened in Paris and Belgrade is described. The main idea of the scientist was that the war was to be studied as a social phenomenon, based on three components: military history, military psychology, and statistics.

Fedor Gushchin, Ph. D. in History (Saratov, Russia).

***Topic:* On the history of awarding of Major General N. N. Golovin with the Order of Saint George IV class in 1916 (according to unknown materials of Russian State Military Historical Archive).**

The article is devoted to the history of conferring the most popular and respected military valor decoration in Russia — the Order of St. George — on General Golovin during World War I. On the basis of unknown archive documents, the author describes General Golovin's personal contribution in successful military

operations by the 7th Army in Russian South-Western Front in 1916 using the documents of the 7th Army command. In the opinion of the army commander General Shcherbachev, Golovin had to constantly be in the advanced troops, and also «repeatedly be subjected to real artillery and rifle fire».

Leontij Lannik, Ph. D. in History, Senior Lecturer of Saratov State Law Academy (Saratov, Russia). Report filed by correspondence.

Topic: The place of Professor N. N. Golovin in the Russian military elite: in search of an analogue (using the German military elite as an example).

It is an original comparative analysis of two prominent military intellectuals of World War I: Lieutenant-General Nikolay Golovin and Colonel-General Hans von Seeckt, the creator of the German Reichswehr. The author compares the features of military service, activities, achievements, and differences between the two generals and their importance to their armies and military traditions. The author believes that such comparisons «will allow evaluate the development results of the military elites of Germany and Russia in Imperial and “post-Imperial” ages on the example of their best representatives a little more objectively».

Vladimir Chernyaev, Ph. D. in History, Senior Research Fellow of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (RAN) (St. Petersburg, Russia). Report filed by correspondence.

Topic: The Book of Colonel A. Z. Gribov about the Novorossiysk dragoons: the origins and reviews of generals N. N. Golovin and K. K. Vilkmán.

The article describes the history of writing in the 1930s of a book on the military activities of the 3rd Regiment of Novorossiysk Dragoons by Colonel Alexander Gribov when being in emigration. The author, a renowned expert on the history of Russian emigration in Finland, used unknown archival materials in particular Gribov's correspondence with his colleagues. A special place is conferred to the publication of two positive reviews of the Gribov's book by well-known officers — General of the Infantry (Finnish corps) Karl Vilkmán and Lieutenant-General Nikolay Golovin. The documents are published for the first time.

Miloslav Samardzich, research worker in the history of the Yugoslav army in the homeland — Chetniki of General Dragolyub Mihailović (Kragujevac, Republic of Serbia).

Topic: Who was who in the Kingdom of Yugoslavia in 1941–1945?

The author gives a general description of various armed groups and the warring parties in Yugoslavia in 1941–1945. His fundamental viewpoint is that, after German occupation of Yugoslavia in April 1941, the Kingdom of Yugoslavia continued to exist in a legal sense; King Peter II Karađorđević escaped captivity and remained a carrier of national sovereignty.

Therefore, the only legitimate armed force on the territory of Yugoslavia was the Yugoslav army in the homeland headed by General Mihailović. The author believes that the Western world to the detriment of the Yugoslav army that consisted of the Serbs for the most part, supported arising illegal armed groups, including the Communist Josip Tito, pursuing anti-Serb goals.

Kirill Alexandrov, Ph. D. in History, Senior Scientist (in the «History of Russia» field) of encyclopedic department of the Institute of philological studies, St. Petersburg State University, a doctoral candidate of the St. Petersburg Institute for History of Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

Topic: White military emigration in Serbia: the creation of the Separate Russian Corps on September 12, 1941.

The article is devoted to the background and creation of the Separate Russian Corps from former Russian (White) army soldiers of General Wrangel and their children in September 1941. The author is an expert in the service of Russian immigrants and citizens of the Soviet Union in armed groups involved in combat operations on the side of the opponents of the Soviet Union in the Second World War. On the basis of a wide range of sources, including the unknown materials from the archives of the United States, the author describes a dramatic situation of Russian immigrants in Serbia in the summer of 1941, the position of the occupying powers and motives of the white immigrants, led by Major-General Michael Skorodumov when creating the Corps. Particular attention is paid to «the role of personality» — deeds of different officers that had an impact on the events. It is concluded that in autumn 1941 immigrants in Serbia were psychologically ready for

the formation of the Corps created with the military subculture of the Russian emigration, developed over the past twenty years.

Alexander Kornilov, Ph. D. in History, Professor, head of the Department of Foreign Area Studies at International Relations Faculty of Nizhny Novgorod State University named after Nikolay Lobachevsky; Head of the research laboratory, «Russian Diaspora» (Nizhny Novgorod, Russia).

Topic: The clergy of Russian Corps in the Kellerberg camp of displaced persons (Austria) in 1945–1950.

The article is devoted to the activities of Russian Orthodox priests in the Kellerberg camp of displaced persons where troops of the Russian Corps and other immigrants found themselves after the war ended. The author, a renowned expert on the history of the Russian clergy in post-war emigration on the basis of a wide range of sources, describes the work and the achievement of the clergy inspired by their faith in Christ and evangelical love for people. Particular attention is paid to the spiritual and religious experiences of Russian refugees being in Austria in the late 1940s. The author believes that «works of clergy and laity brought their precious results: by the end of their lives, in even more distant countries they continued to praise the Lord, giving us, the descendants, a joyous and pious example to follow».

Anatoly Shmelev, Ph. D. in History, curator of collections in Russia and CIS at the Hoover Archives of Stanford University (Palo Alto, USA). Report filed by correspondence.

Topic: Two unknown letters of Major-General M. F. Skorodumov.

The author, a renowned expert on the history and bibliography of Russian military emigration, first published two unknown letters of the founder of Russian Corps, Major-General Michael Skorodumov, the hero of World War I. The letters were written after the move of Skorodumov from Europe to the U. S. in 1951 and 1958 and were addressed to popular Russian foreign newspapers. In his letters Skorodumov leads sharp discussions about the following issue: whether Russian immigrants could take part in the war of the West against the Soviet Union that seemed quite probable in the early 1950s. In the first letter General

expressed serious concerns over the possible partition of historical territory of Russia into 50 independent states following a military defeat of the Soviet Union. In the second letter Skorodumov strongly objected to any attempt to find a common language with the «reformers» among the prominent figures of the Communist Party. The publication sufficiently characterizes the personality and views of General Skorodumov.

Igor Schaub, Ph. D. in History, senior researcher at the Institute of History of Material Culture / RAN, Associate Professor of the Department of Russian and West European Culture History of the Faculty of History, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Topic: Russian literature and revolutionary catastrophe in 1917.

The article deals with the influence of the early twentieth century literature on the development of the revolutionary process and the moral responsibility of Russian writers for the national catastrophe in 1917. The author describes the ratio of different poets and prose writers of the revolutionary events, shows differences in personal reactions to the February and October 1917.

A special place is conferred to the investigation of the following issue: which representatives of national literature began to cooperate with the Bolsheviks and on what grounds after the October Revolution in 1917. The fundamental attention is paid to characterization of the views of Ivan Bunin and Nikolay Gumilev who not only did reject the Revolution, but also participated in the resistance to the Bolsheviks. Memoirs and journals of his contemporaries are widely used. The author reminds readers that «the spiritually sighted priests of good» are primarily responsible for the triumph of evil in the world.

Dmitry Guzairov, Captain 2nd rank Ret. (St. Petersburg, Russia).

Topic: On the history of the Guard Navy crew in the days of the February Revolution in 1917.

The article is devoted to the history of the Russian Navy elite — Guard crew. By using the new archival materials, the author tells the story of the creation of the crew participation in hostilities in the XIX century

and features of the service personnel. A special place takes the publication of previously unknown documents from the Russian State Naval Archive (RGA VMF) on the crew of sailors in the days of the February Revolution in 1917 and subsequent revolutionary weeks. As a final conclusion, the author cites one of the naval officers caught up in exile: «Our nature is characterized by bright outbursts, but we do not have enough endurance to stay true to these impulses till the end».

Anton Posadsky, Doctor of Historical Sciences, Associate professor, professor of the Sub-Department of History and Ethno-Confessional Relations of the Volga Region Academy for Civil Service named after P. A. Stolypin (Saratov, Russia).

Topic: Conditions and methods of mass mobilization during the Civil War.

The article is devoted to the challenge of attracting the peasant population by opposing parties during the Civil War. The author, a renowned expert on the history of relations between the government and the peasantry in the first half of the twentieth century, illustrates the impact of the gradual disappearance of the state in the province on the peasant behavior after the February Revolution. The issues of voluntary participation in the civil war, forced mobilization, peasant choice depending on the specifics of the region are discussed. Particular attention is paid to the position of the Old Believers. The success of the Bolsheviks in creating the mobilization system is underlined. The scientist believes that for all its idealism and commitment to safeguard freedom of trade and business, the White could not steadily «seize the masses» paying for their failure by military defeat during the Civil War.

Svetlana Marakhonova, Ph. D. in History, Junior research associate of the Institute of Oriental Manuscripts RAN (St. Petersburg, Russia).

Topic: The Revolution and the Civil War through the eyes of the son of a Russian merchant Sergey G. Eliseev.

The article is devoted to the fate of a prominent Russian Orientalist Sergey Eliseev, who fled from Petrograd to Finland in 1920 and who dedicated his outstanding talent as a scientist to the U. S. and France. Eliseev is rightly called the «father of American Japanese studies». In 1919, in Petrograd, in the midst

of the «red terror», he kept a journal, excerpts of which survived to this day. On the pages of the journal he describes the life of Petrograd, everyday life, the reaction of the Russian intelligentsia to different events. At the end of May 1919 Eliseev was arrested by the Bolsheviks and narrowly escaped execution, thanks to the efforts of his friends and colleagues. The author of the report put in circulation a valuable material that would be a major source on the life history of the Russian intelligentsia in St. Petersburg during the Civil War.

Svetlana Sheshunova, Doctor of philology, Professor of the «Dubna» University (Dubna, Moscow Region, Russia).

Topic: An Englishman on the Russian Front (1918–1920) through the prism of fiction.

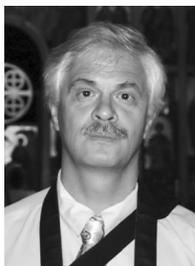
The article is devoted to the image of an Englishman at the theater of war during the Civil War that was created in the fiction. The author, a well-known literary critic, tells how different poets and prose writers described the English caught up in Russia in 1918–1920. In this context, the most entrenched stereotypes created by Vladimir Mayakovsky are ironically examined. Particular attention is paid to the images of British officers with whom the reader got acquainted on the pages of works by Mikhail Sholokhov, Alexander Kuprin, Ivan Shmelev and other writers. The report ends up with the words of one of the British officers who participated in the White movement in Southern Russia: «We have not succeeded in what we intended to do <...> but we have to give back to all officers and civilians, both Russian and British, who gave all the best for the cause, which in any case considered fair».

Victor Pravdyuk, documentary filmmaker, the «Culture» channel (St. Petersburg, Russia).

Topic: White Movement in Russian poetry.

The article is devoted to the poets — the participants of the White movement and their creativity. The author focuses on poetry and feelings of Marina Tsvetaeva, Ivan Savin, Nikolay Turoverov and their contemporaries. Particular attention is given to the poems that belong to Anna Temireva, the beloved of Admiral Alexander Kolchak.

Nikolay Dmitriev, Ph. D. in History, head of the Sub-Department of Russian History of the Institute of Fundamental Education of Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Editor in Chief of the historical anthology «White Army. White cause»;

Yelena Rogova, assistant to the Sub-Department of Russian History of the Institute of Fundamental Education of Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Topic: Repressions against officials of the White Army by the Bolsheviks in 1919 — the early 1930s. The results of new research.

The joint paper of the two Uralic scientists is devoted to the «red terror» in the East of Russia and the Soviet repressive policy against the officers who served in the white troops of the Eastern Front. The authors used new archival documents allowing a broader look at the posed challenge. Issues of specific features of the Civil War in the East of Russia, the causes and mechanism of the «Red Terror», the creation of special camps for captured white officers in the Urals and detention conditions are considered here. Particular attention is paid to the «class-proletarian» motives that the Bolsheviks considered when deciding on the execution of an officer. Studying the investigation cases the authors come to the conclusion that most of repressed white officers were young people aged 20–30, in the vast majority descended from the common people, and had no relationship to the privileged groups of pre-revolutionary Russia.

Nikon (Lysenko), Archimandrite, Ph. D. in Theology, Professor at the Rostov-on-Don Theological Seminary (Taganrog, Rostov region, Russia).

Topic: 1st All-Diaspora Council in Srijemski Karlovci and its historical significance.

The article deals with one of the key events in the history of the Russian Orthodox Church Abroad — the

Council in 1921, held on the territory of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes. The author examines the history of preparation and activities of the Council in the tragic history of the Russian Orthodox Church after the Bolshevik seizure of power in Russia and the defeat of the White Army. It describes the views and perspectives on topical issues of church life of the most prominent members of the Council. The author believes that «the path of the Russian Orthodox Church Abroad opened by the 1st All-Diaspora Council in Srijemski Karlovci, marked the beginning of the religious understanding of the tragic events of the XX century».

Anna Khlebina, Editor in Chief of the «Russian Word» — the journal of Russian diaspora in the Czech Republic (Prague, Czech Republic);

Victoria Milenko, Ph. D. in Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of Sevastopol City University for the Humanities (Sevastopol, Autonomous Republic of Crimea, Ukraine). Report filed by correspondence.

Topic: The events of 1917–1920-ies in the life and work of Arkady Averchenko: new evidence.

The article is devoted to the obscure pages of the biography of a famous Russian satirist and master of the «short prose» Arkady Averchenko. The authors for many years were engaged in studying his life and work. Particular attention is paid to the fate of Averchenko during the Civil War, his creative activity in the South of Russia that was occupied by White armies of Generals Denikin and Wrangel. Excerpts from the memoirs of the writer are used. His life in exile in Istanbul and Prague is described in brief.

Vladimir Chicheryukin-Meyngardt, Ph. D. in History, Senior Lecturer of the Department of Modern Russian History in the Institute of History and Archives of Russian State Humanitarian University (Moscow, Russia).

Topic: Russian military emigration to the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes in the newspaper «Russkiy Voenny Vestnik» (1925–1927 years).

The article describes the life of the Russian military emigration to Serbia in the second half of the 1920s. The primary source materials were the newspaper «Russkiy Voenny Vestnik», one of the principal agencies of the Russian foreign military press. The author tells about the nature of the articles published in the newspaper, analyzes the reports of scientific, cultural and professional activities of the Russian war emigrants, their hopes, intentions and political views. Particular attention of readers was attracted to the evaluation of events that occurred in the USSR.

Nikita Kuznetsov, Senior Researcher at the Department of History of Russia Abroad in the House of Russia Abroad named after Alexander Solzhenitsyn, the applicant, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russia). Report filed by correspondence.

Topic: Senior Navy Lieutenant Alexander A. Sobolev — hard way to the emigration.

The article is devoted to the dramatic fate of the Russian Navy Lieutenant Alexander Sobolev. After 1917 he remained in Soviet army, made a successful career in the Navy of the Soviet Union and served as Naval Attaché in Sweden in 1930. In the spring of 1930 he refused to go back to the Soviet Union, became a «defector» and was declared a «public enemy». The author, an expert on the history of Russian naval emigration, tells about the life of Sobolev using various archival materials. A bibliography of his works is published for the first time. Unfortunately, there is still no record about the fate of Sobolev after 1934.

Yuriy Tsurganov, Ph. D. in History, Associate Professor at Russian State Humanitarian University, editor of political magazine «Possev» («Planting») (Moscow, Russia).

Topic: The history of anti-Bolshevik emigration during the Second World War in the documents of the State Archive of the Russian Federation.

The article is devoted to the history of the Russian military and political emigration during the 1930s — 1940s. The author, an expert on the history of Russian emigration, talks about the important documents and papers on his studies, which are deposited in the State Archive of the Russian Federation (GA RF), Moscow. The changes that occurred in the life and structure of Russian military organizations in the early years of World War II are described. Particular attention is paid to the position of leader of the Cossacks in exile, the Cossack generals and officers in connection with the outbreak of war in Germany against the Soviet Union.

Constantine Obozny, Ph. D. in History (Pskov, Russia).

Topic: Pskov Orthodox Mission: tragedy and heroism. On the 70th anniversary of the establishment of the Mission by Metropolitan Sergius (Voskresensky).

The fall of 2011 marked the 70th anniversary of the beginning of educational activities of the Pskov Orthodox mission. The article is dedicated to the history and activities of the mission in occupied areas in North-West Russia, practical assistance to the population of the missionaries. The author, a renowned expert on the history and mission of the Pskov Orthodox revival in occupied territories, focuses on spiritual and moral aspects. He provides a vivid factual material, indicating the revival of church life, in spite of the conditions of the German occupation. In the author's opinion, during difficult war years «many priests, missionaries and lay-people of the occupied territories saw the light of the coming Kingdom» in this religious renaissance.

Oleg Nuzhdin, Ph. D. in History, Associate Professor at Ural State University named after Maxim Gorky (Ekaterinburg, Russia).

Topic: Soviet generals in captivity: the moral dimension of the issue.

The article is devoted to a virtually unstudied issue in the modern Russian historiography: the behavior of Soviet generals in the German captivity in 1941. The author, a renowned expert on this issue, used an extensive archival material in the first place, the Military Archives in Freiburg, Germany, interrogation records and other similar sources. The author discusses the question about the total number of captured generals and commanders of similar titles seized by the enemy in 1941–1945. Particular attention is paid to political statements, claims and proposals of the Soviet generals, which allow drawing conclusions about the absence of moral-political unity among Soviet POWs of high rank. According to the author, «most of them, even those who thought that the war was lost, didn't believe in the possibility of the Soviet Union conquest. But many people thought that during the war necessary prerequisites or conditions for changing the ruling regime in his homeland» would occur.

Michael Nakonechny, graduate of the Department of History of Pskov State University, laureate of the II Golovinsky readings (Pskov, Russia).

Topic: Death rate of prisoners in the Soviet penal system in 1885–1915 and 1930–1953 respectively: a comparison in the historical context.

The article is devoted to the topic unstudied in the Russian historiography comparison of prisoners' death rate of prerevolutionary Russia within thirty pre-revolutionary years and inmates of Stalinist camps. The author used extensive statistical material, and first coined the information that allow to estimate the level and mortality rates in Russian prisons, concentration camps of Nazi Germany, colonial prisons, prisons in Europe and the United States and in Stalin's camps on the basis of official records. According to the author, «the prison system of the Russian Empire since the early 1880s followed the European progressive tradition of a gradual improvement of prison conditions and prisoners, except for the periods 1892–1893 and epidemiological years of 1909–1912», and the GULAG «took a strong position in one row with the colonial prisons, concentration camps of the Third Reich, and special camps for civilians existed in the Imperial Japan».

Vladimir Marakhonov, General Director of a manufacturing company, a specialist in direct investments (St. Petersburg, Russia). The report was made in Belgrade out of the thematic program of II Golovinsky readings, but it caused a great reaction among the audience, thanks to the content and illustrative material.

Topic: Russian aircraft designers in the U. S.

The author focused on the intellectual losses of Russia after the October Revolution in 1917. As an example the rapporteur chose scientific and industrial activities of Russian aircraft designers who provided their knowledge, expertise and capabilities to the military-industrial complex and U. S. economy. A special place has won the characteristic of technological advances that were reached in the United States by Igor Sikorsky, Alexander P. de Seversky, Alexander Kartveli, Boris Corwin-Krukovsky, Constantine Zakharchenko, Michael Strukov and other aircraft designers. According to the author, even a general acquaintance with the activities of these engineers, «shows the scale of scientific, technical and creative potential in the aviation industry, lost by Russia as a result of the October Revolution in 1917».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. В. Домнин.</i> Генерал-лейтенант Николай Николаевич Головин — крупнейший деятель военной культуры Русского Зарубежья.....	5
<i>Ф. А. Гуцин.</i> К истории награждения Генерального штаба генерал-майора Н. Н. Головина орденом святого Георгия IV степени в 1916 году (по неизвестным материалам Российского государственного военно-исторического архива).....	16
<i>Л. В. Ланник.</i> Место профессора Н. Н. Головина в составе русской военной элиты: в поисках аналога (на примере германской военной элиты).....	23
<i>В. Ю. Черняев.</i> Книга полковника А. З. Грибова о Новороссийских драгунах: история создания и отзывы генералов Н. Н. Головина и К. К. Вилькмана.....	36
<i>П. Н. Краснов.</i> Новый исторический труд профессора генерала Н. Н. Головина.....	54
<i>М. Самарджич.</i> Кто был кто в Королевстве Югославия в 1941–1945 годах?.....	65
<i>К. М. Александров.</i> Белая военная эмиграция в Сербии: к истории создания 12 сентября 1941 года Отдельного Русского Корпуса.....	82

- А. А. Корнилов.* Духовенство Русского Корпуса в лагере «перемещенных лиц» Келлерберг (Австрия), 1945–1950 годы122
- А. В. Шмелёв.* Два неизвестных письма генерал-майора М. Ф. Скородумова.....139
- И. Ю. Шауб.* Русская литература и революционная катастрофа 1917 года.....148
- Д. М. Гузаиров.* К истории Гвардейского флотского экипажа в дни Февральской революции 1917 года.....167
- А. В. Посадский.* Условия и способы мобилизации масс в годы гражданской войны.....176
- С. И. Марахонова.* Революция и гражданская война глазами сына русского купца Сергея Григорьевича Елисеева.....187
- С. В. Шешунова.* Англичанин на русском фронте (1918–1920) сквозь призму художественной литературы.....199
- В. С. Правдюк.* Белое движение в русской поэзии.....213
- Н. И. Дмитриев, Е. М. Рогова.* Репрессии большевиков против чинов Белых армий. 1919 — начало 1930-х годов. Результаты новых исследований.....226
- А. Е. Хлебина, В. Д. Миленко.* События 1917—1920-х годов в судьбе и творчестве Аркадия Аверченко: новые факты.....252
- Архимандрит Никон (Лысенко).* I Всезарубежный Церковный Собор в Сремских Карловцах и его историческое значение.....262
- В. Г. Чичерюкин-Мейнгардт.* Русская военная эмиграция в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев на страницах газеты «Русский военный вестник» (1925–1927 годы).....270

<i>Н. А. Кузнецов.</i> Старший лейтенант Флота А. А. Соболев — нелегкий путь в эмиграцию.....	278
<i>Ю. С. Цурганов.</i> История антибольшевистской эмиграции в годы Второй мировой войны в документах Государственного архива Российской Федерации.....	287
<i>К. П. Обозный.</i> Псковская Православная Миссия: трагедия и подвиг. К 70-летию юбилею создания Миссии митрополитом Сергием (Воскресенским).....	301
<i>О. И. Нурдин.</i> Советские генералы в плену: моральный аспект проблемы.....	311
<i>М. Ю. Наконечный.</i> Смертность заключенных в отечественной пенитенциарной системе в 1885–1915 и 1930–1953 годах: сравнение в историческом контексте.....	325
<i>В. И. Марахонов.</i> Русские авиаконструкторы в Америке.....	345
Русский человек и революционный кризис 1917 года: мотивы и последствия поведения. Общая дискуссия 11 сентября. Ведущий — профессор А. Б. Зубов.....	357
Русский человек и Вторая мировая война: мотивы и последствия поведения. Общая дискуссия 12 сентября. Ведущий — профессор А. А. Корнилов.....	382
Именной указатель.....	400
Summary.....	416

ISBN 978-5-905011-09-2

**Труды II международных исторических чтений,
посвященных памяти профессора,
Генерального штаба генерал-лейтенанта
Николая Николаевича Головина
(1875–1944)**

Сборник научных статей

Составители: К. М. Александров, О. А. Шевцов, А. В. Шмелёв

Научный редактор К. М. Александров

*Директор издательства В. В. Яковлев
Зав. редакцией Т. В. Вольская
Зав. производством С. В. Байкова
Художественный редактор Н. И. Баранов
Верстка А. В. Александрова
Корректор А. Н. Сосновская*

Подписано в печать 20.07.2012 г. Формат 60×90 1/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 25. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 4058

Петербургское лингвистическое общество
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9–11, лит. В

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие “Искусство России”»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38/2.
Тел. 786-87-13, факс: 786-88-74